UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00653924 1

Purchased for the

LIBRARY *of the*

UNIVERSITY OF TORONTO

from the

KATHLEEN MADILL BEQUEST

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/russkisintaksisv00pesh

Peshkovskiĭ, Aleksandr Matveevich
Russkiĭ sintaksis v nauchnom osveshchen

А. М. Пѣшковскій.

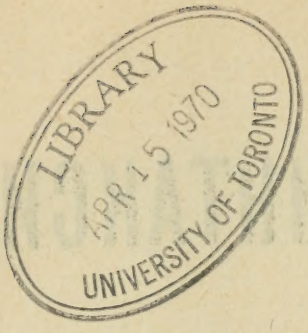
РУССКІЙ СИНТАКСИСЪ

ВЪ НАУЧНОМЪ ОСВѢЩЕНІИ.

Популярный очеркъ.

ПОСОБІЕ ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ И ШКОЛЫ.

МОСКВА.—1914.



PG
2361
P37

Москва. — 1914.
ТИПОГРАФІЯ В. М. САБЛИНА.
Петровка, д. 26. Тел. 131-34.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая вниманію читателя книга возникла изъ педагогической дѣятельности автора. Преподавая русскій языкъ въ одной изъ частныхъ московскихъ гимназій, авторъ натолкнулся въ классѣ, не успѣвшій, по случайнымъ причинамъ, пріобрѣсти въ теченіе первыхъ 3-хъ лѣтъ пребыванія въ школѣ сколько-нибудь прочныхъ свѣдѣній изъ синтаксиса. Обладая нѣкоторымъ научнымъ багажомъ въ этой области, онъ не устоялъ передъ соблазномъ изложить передъ своей сплошь 14-ти—15-тилѣтней аудиторіей основные вопросы синтаксиса въ томъ видѣ, въ какомъ они трактуются современнымъ языкознаніемъ. Образовавшіяся въ результатѣ школьныя записки, расширенныя и дополненныя, и появляются теперь передъ публикой.

Этимъ происхожденіемъ объясняются и особенности книги: съ одной стороны, крайняя популярность изложенія (особенно нѣкоторыхъ, болѣе трудныхъ главъ), обусловленная первоначально возрастомъ слушателей, но не лишняя, думается, и для нашей *большой* публики, для которой преимущественно предназначается книга (просимъ спеціалистовъ имѣть это въ виду), съ другой стороны, строгая систематичность, послѣдовательная терминологія, точная формулировка предпосылокъ и выводовъ, необходимыя въ школѣ, но опять-таки не лишнія и для большой публики, слишкомъ привыкшей просматривать серьезныя книги и забывать просмотрѣнное.

Научнымъ фундаментомъ книги послужили прежде всего университетскіе курсы проф. Ф. Ѳ. Фортунатова и В. К. Поржезинскаго, учителей автора. Изъ другихъ крупныхъ источниковъ должны быть упомянуты А. Потебня, „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“ т т. I, II и III, Paul, „Principien der Sprachgeschichte“, Miklosich, „Vergleichende Syntax der slav. Spr.“, Delbrück, „Vergl. Syntax der indogerm Spr.“ и др.

Отъ почтеннаго однотемнаго труда проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, которому авторъ тоже долженъ признать себя многимъ обязаннымъ, книга эта отличается тѣмъ, что:

1) въ основу изложенія положена *внѣшняя, звуковая* сторона языка, и сдѣлано это не только для облегченія читателя, но и по научно-методологическимъ соображеніямъ;

2) рѣзче отграничена, соотвѣтственно съ этимъ, область грамматики отъ смежныхъ областей психологіи и логики;

3) меньше уступокъ сдѣлано традиціонной школьной грамматикѣ;

4) особое вниманіе удѣлено внѣшнимъ показателямъ нѣкоторыхъ синтаксическихъ оттѣнковъ — интонаціи и ритму рѣчи;

5) изложеніе разсчитано на болѣе широкій кругъ читателей, въ томъ числѣ и на лицъ, не знакомыхъ *ни съ однимъ* иностраннымъ языкомъ;

6) рѣзче проведены границы между отдѣльными грамматическими категоріями съ размѣщеніемъ, по возможности, промежуточныхъ фактовъ въ тѣ или иныя (иногда спеціально для этого устанавливаемыя) рубрики.

Въ послѣднемъ опять-таки сказался педагогъ-авторъ. Онъ глубоко убѣжденъ, что въ младшихъ классахъ, гдѣ занятія грамматикой (разъ ужъ они тамъ ведутся) должны быть преимущественно практическими и сводиться къ такъ называемому „разбору“ текста, не можетъ быть мѣста, по самой психологіи учениковъ, расплывчатымъ опредѣленіямъ или колебаніямъ учителя между той или другой категоріей. Школьникъ-ребенокъ требуетъ ярлыка и, если ему говорятъ о промежуточности явленія, самъ создаетъ для себя спеціальную промежуточную рубрику съ соотвѣтствующимъ ярлыкомъ. Поэтому, какъ бы ни была настойчиво проводима учителемъ эволюціонная точка зрѣнія (а это далеко не такъ невозможно даже и въ младшихъ классахъ, какъ это обычно кажется), ему все-таки не обойтись безъ нѣкоторой насильственности въ классификаціи языковыхъ явленій. Но, разумѣется, насильственность эта должна быть сведена до минимума, и въ отысканіи этого минимума скрыто много педагогической работы. Конечно, и другія области знанія принимаютъ въ школѣ болѣе или менѣе угловатыя, догматическія очертанія. Но мостъ между наукой и школой, давно созданный для другихъ наукъ вѣками практики, для языковѣдѣнія, какъ науки исключительно молодой, *только что началъ строиться*. Вложить свой скромный камень въ эту постройку и было одной изъ цѣлей автора.

Но главныя его цѣли были и остались значительно шире. Дать представленіе возможно болѣе широкимъ слоямъ читающей публики о языковѣдѣніи, какъ особой наукѣ, и, въ частности, о ея вѣтви — грамматикѣ, съ дальнѣйшимъ подраздѣленіемъ на морфологію и синтаксисъ; обнаружить несостоятельность тѣхъ *мнимыхъ* знаній, которыя получены читателемъ въ

школѣ и въ которыя онъ обычно тѣмъ тверже вѣруетъ, чѣмъ менѣе сознательно онъ ихъ въ свое время воспринялъ; отдѣлить грамматическую сущность рѣчи отъ ея логико-психологическаго содержанія, показавъ, что у всѣхъ этихъ скучныхъ падежей, наклоненій, залоговъ и т. д. есть *свое* содержаніе, въ школѣ игнорируемое и замѣщаемое логическимъ; наконецъ, устранить вопіющее смѣшеніе науки о языкѣ съ практическими примѣненіями ея въ области чтенія, письма и изученія чужихъ языковъ—вотъ какъ опредѣляются эти цѣли. Послѣдняя цѣль особенно близка была его сердцу. Всѣ мы смѣемся надъ Простаковой, смѣшивающей географію съ наймомъ извозчика. И всѣ мы находимся въ точно такомъ же положеніи въ отношеніи языковѣдѣнія. Если читатель забудетъ со временемъ все, что онъ извлекъ изъ этой книги, но если онъ сохранитъ навсегда твердое убѣжденіе, что: 1) существуетъ особая наука о языкѣ, изучающая языкъ, какъ естественное явленіе, непрерывно и и закономѣрно развивающееся, 2) что грамматика есть одна изъ вѣтвей этой науки, изучающая жизнь и развитіе тѣхъ явленій языка, которыя называются „формами“, и 3) что какъ вся эта наука въ цѣломъ, такъ и та или иная отрасль ея могутъ имѣть только такое отношеніе къ искусству „правильно читать, писать и говорить“, какое географія имѣетъ къ искусству нанимать извозчиковъ или составлять интересные маршруты—авторъ сочтетъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ.

Для облегченія чтенія книга набрана двумя способами. Все хотя сколько-нибудь трудное, отвлеченное, а также все частное или прикладное выдѣлено въ „мелкій“ (собственно, сжатый) шрифтъ, основному же тексту приданъ, по возможности, самостоятельный характеръ, съ тѣмъ расчетомъ, чтобы при желаніи можно было ограничиться имъ однимъ.

Предполагавшееся ранѣе „Приложеніе“, на которое въ текстѣ сдѣланы ссылки и которое должно было заключать въ себѣ школьно-практическіе выводы, рѣшено, въ виду разросшихся размѣровъ книги и самаго приложенія, выпустить особой книгой, которая выйдетъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

Въ заключеніе считаю долгомъ высказать глубокую благодарность пр.-доценту Московскаго университета Д. Н. Ушакову, немало способствовавшему своими указаніями и моральной поддержкой выходу въ свѣтъ этой книги.

А. Пѣшковскій.

Москва, 14-е апрѣля 1914 г.

Важнѣйшія опечатки.

					Напечатано:	*Надо:*
Стр.	10	строка	7	снизу (въ вын.)	вынесъ	вынэсъ
„	49	„	9	„	темнотѣ	теплотѣ
„	75	„	13	„	„ел“	„ле“
„	77	„	8	сверху	ѣдемъ	идемъ
„	88	„	5	снизу	XXIII	XXVI
„	89	„	4—5	„	При мъ	При этомъ
„	92	„	19	„	числа).	числа),
„	146	„	2	„	„кромка“	„кромка“)
„	182	„	4	„	точь въ точь, съ виду, подъ стать	точь въ точь, подъ стать
„	195	„	12	„	есть	есь
„	307	„	8	„	которомъ въ	въ которомъ
„	313	„	1	„ (въ вын.)	на стр.	на стр. 119
„	343	„	9	сверху	мечта	мета

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе. Стран. I—III

Отдѣлъ первый.

Предварительныя свѣдѣнія изъ общаго языковѣдѣнія и психологіи.

I. Понятіе о формѣ слова 1
II. Объ измѣненіи формъ словъ въ языкахъ 13
III. Формы синтаксическія и несинтаксическія 29
IV. Основные грамматическіе разряды словъ (части рѣчи) 32
V. Части рѣчи, какъ формы 36
VI. Значеніе формъ частей рѣчи 38
VII. Понятіе о формѣ сочетанія словъ. Морфологія и синтаксисъ . . . 69
VIII. Объ измѣненіи формъ сочетаній въ языкахъ 83
IX. Свѣдѣнія изъ психологіи 94
X. Понятіе о предложеніи 111

Отдѣлъ второй.

Нераспространенное предложеніе.

XI. Подлежащее и сказуемое 115
XII. Формы сказуемости 120
XIII. Согласованіе сказуемаго съ подлежащимъ 130
XIV. Отношеніе подлежащаго и сказуемаго къ частямъ рѣчи 139

Отдѣлъ третій.

Распространенное предложеніе.

XV. Дополненіе 141
XVI. Опредѣленіе 169
XVII. Обстоятельство 178
XVIII. Второстепенное сказуемое 183
XIX. Зависимость въ распространенномъ предложеніи 186

Отдѣлъ четвертый.

Нераспространенное и распространенное предложенія въ краткихъ формулахъ.

XX. Члены предложенія въ ихъ отношеніяхъ къ частямъ рѣчи и другъ къ другу 188
XXI. Нераспространенное и распространенное предложенія, какъ формы сочетаній 190
XXII. Нераспространенное и распространенное предложенія, какъ формы языковой мысли 192

Отдѣлъ пятый.

Особые разряды второстепенныхъ членовъ.

XXIII. Глаголы-связки. Сказуемостные второстепенные члены. Сказуемостныя сочетанія 194
XXIV. Безглагольныя предложенія со сказуемостными членами. Отрицательная связка 232
XXV. Сочетанія глагола съ инфинитивомъ. Инфинитивная связка . . . 246
XXVI. Обособленные второстепенные члены 253

Отдѣлъ шестой.

Особые разряды предложеній.

XXVII. Союзы внутри предложеній. Однородные члены. Слитныя предложенія 286
XXVIII. Отрицательныя предложенія 296
XXIX. Вопросительныя, восклицательныя и повелительныя предложенія . 300
XXX. Устраненіе подлежащаго. Безличныя предложенія 303
XXXI. Неопредѣленно-личныя предложенія 330
XXXII. Неполныя предложенія 336

Отдѣлъ седьмой.

Дополненія къ ученію о предложеніи.

XXXIII. Служебные члены предложенія 347
XXXIV. Слова и сочетанія, стоящія внѣ предложенія 351
XXXV. Замѣстительныя слова и сочетанія въ предложеніи 359
XXXVI. Особенности въ употребленіи счетныхъ существительныхъ . . . 368
XXXVII. Члены предложенія и члены мысли 373

Отдѣлъ восьмой.

Сочетаніе предложеній.

XXXVIII. Понятіе о сложномъ предложеніи 386
XXXIX. Понятіе о сочиненіи и подчиненіи предложеній 391
XL. Сочиненіе предложеній 399
XLI. Подчиненіе предложеній 403
Алфавитный указатель 435

РУССКІЙ СИНТАКСИСЪ

ВЪ НАУЧНОМЪ ОСВѢЩЕНІИ.

Совершенствованіе наукъ выражается въ ихъ разграниченіи относительно цѣли и средствъ, а не въ смѣшеніи, въ ихъ взаимодѣйствіи, а не въ рабскомъ служеніи другимъ.

А. Потебня.

Отдѣлъ первый.

Предварительныя свѣдѣнія изъ общаго языковѣдѣнія и психологіи.

I.

Понятіе о формѣ слова.

Распаденіе слова на части вслѣдствіе сравненія съ другими словами.

Огромное большинство словъ русскаго языка распадается въ нашемъ умѣ на части. Возьмемъ, напр., слово „стекло". Оно намъ кажется состоящимъ какъ бы изъ двухъ частей: „стекл" и „о". Происходитъ это отъ того, что мы невольно, сами того не сознавая, какъ бы сравниваемъ слово „стекло" съ другими словами, на него похожими. Такъ, мы сравниваемъ его со словами: стекла, стеклу, стекломъ, стеклянный, стеклышко, стекляшка, застеклить, стеклярусъ и т. д. Отъ этого сравненія у насъ выдѣляется въ сознаніи сходная во всѣхъ этихъ словахъ часть „стекл". Въ то же время мы сравниваемъ слово „стекло" и съ такими словами, какъ: весло, помело, перо, серебро, полотно, сукно, долото, кольцо и т. д. Отъ этого сравненія у насъ выдѣляется сходная часть „о". Такимъ образомъ „стекло" и распадается на „стекл + о".

Сравненіе происходитъ и по звукамъ, и по значенію.

Слова, которыя при такомъ сравненіи приходятъ намъ въ голову, сходны со словомъ „стекло" не только по звукамъ, но и по значенію. Никому не придетъ въ голову сравнивать слово „стекло" съ прошедшимъ временемъ глагола „стекать" (напр.: „вода стекла въ канаву"), а также никто не найдетъ никакого сходства между такими словами, какъ: стекло, весло, долото и т. д., и такими, какъ: легко, смѣшно, хорошо, умно и т. д. Сразу чувствуется, что это „стекл" въ прошедшемъ времени глагола „стекать" совсѣмъ **не то**, что „стекл" въ словѣ „стекло", и это „о" въ словахъ: легко, смѣшно, хорошо, умно и т. д. совсѣмъ **не то**, что „о" въ словѣ „стекло". Значитъ, слово „стекло" первой своей частью

(„стекл“) и по звукамъ, и по значенію сходно со словами: стекла, стеклу, стеклянный и т. д., а второй своей частью („о“) тоже и по звуку, и по значенію сходно со словами: весло, помело, окно, сукно и т. д. А стало быть наше „стекло“ распадается не на 2 безсмысленныя группы звуковъ, а на части, имѣющія значенія. Вотъ этими значеніями-то мы и займемся.

Значеніе обѣихъ частей. Вещественная и формальная часть. Форма слова.

Посмотримъ прежде всего на первую часть: „стекл“. Въ ней, въ сущности, уже названъ тотъ предметъ, о которомъ идетъ рѣчь. Это уже почти слово, и если какой-нибудь иностранецъ скажетъ намъ вмѣсто „стекло“—„стекл“, то мы можемъ даже понять, о чемъ онъ говоритъ. Значитъ, это „стекл“ обозначаетъ главное въ словѣ, обозначаетъ ту вещь, которая въ этомъ словѣ названа. Поэтому мы можемъ сказать, что оно имѣетъ здѣсь основное или вещественное значеніе. Конечно, не всегда это будетъ настоящая вещь, которую можно бы было охватить руками. Въ словахъ, напр., „зло“, „добро“ вещественныя части „зл“ и „добр“ обозначаютъ не вещи, а качества. Но все-таки и тутъ онѣ обозначаютъ главное въ нашей мысли, обозначаютъ то, о чемъ мы думаемъ, и притомъ нѣчто все-таки связанное съ вещами: всякому сразу ясно, отъ какихъ вещей взяты эти „зл“ и „добр“. Совсѣмъ не такое значеніе имѣетъ 2-я часть—„о“. Отдѣльно она ровно ничего не значитъ, и если тотъ же иностранецъ скажетъ намъ только „о“, то мы ужъ рѣшительно не будемъ знать, что онъ хочетъ сказать. Приставленная же къ 1-ой части, она тотчасъ же пріобрѣтаетъ значеніе, но значеніе совсѣмъ особенное: не вещественное, а грамматическое. Она показываетъ, что передъ нами имя существительное средняго рода именительно-винительнаго падежа единственнаго числа. Конечно, такія грамматическія частички настолько же необходимы для нашего языка, какъ и вещественныя, потому что безъ нихъ нельзя было бы ничего понять. Если бы, напр., кто-нибудь сказалъ: „окн стекл“, то нельзя было бы понять, что онъ хотѣлъ сказать: „оконныя стекла“ или „стеклянныя окна“. Если бы мы услышали что-нибудь въ родѣ: „дешев стекл куп“, то мы бы не знали, хочетъ ли человѣкъ этимъ сказать: „дешево стекла купилъ“ или: „дешевыя стекла купилъ“ или: „дешевы стекла! купите!“ или: „дешевыя стекла купца“ и т. д. Но все-таки въ отдѣльномъ словѣ все значеніе сосредоточено въ вещественной, а не въ грамматической части, т.-е., въ данномъ случаѣ, въ „стекл“, а не въ „о“. Это „о“

существуетъ въ сотняхъ другихъ словъ, имѣющихъ всевозможныя значенія, а „стекл“ существуетъ въ сравнительно немногихъ словахъ и всѣмъ имъ придаетъ одно и то же основное значеніе, означая вещество, которое изготовляется изъ сплава песка съ поташомъ и обладаетъ способностью пропускать свѣтъ. Выходитъ, такимъ образомъ, что 1-я часть („стекл“), хотя и заключаетъ въ себѣ почти все значеніе слова, а все-таки еще не слово, а какой-то обрубокъ, что-то безформенное. Вторая же часть („о“) отдѣльно ничего не значитъ, а, прильнувъ къ первой, сразу дѣлаетъ ее настоящимъ словомъ, придаетъ ей видъ слова, форму слова. И изъ одного такого безформеннаго обрубка съ помощью разныхъ такихъ частичекъ можно сдѣлать много разныхъ словъ (стекло, стекла, стеклу, стеклянный и т. д.), все равно какъ изъ одного куска бронзы, имѣя разныя формы, можно отлить много разныхъ статуэтокъ. Вотъ почему всѣ такія частички и называются **формальными частями** словъ, а тѣ части, которымъ онѣ придаютъ форму—**основными** или **вещественными частями**. И самая способность слова распадаться на такія двѣ части называется **формой** слова. Далеко не всѣ слова русскаго языка обладаютъ такой способностью. Въ такихъ словахъ, напр., какъ: вчера, безъ, или, ахъ, вскачь, нѣтъ, неужели, какаду, Марокко, Остенде и т. д., мы не можемъ различить ни основы, ни формальной части. Въ нихъ, стало быть, нѣтъ формы. Слова же: стекло, стекла, стеклянный, стеклушка и т. д. обладаютъ формой.

Переносный смыслъ термина „форма“.

Слово „форма“ употребляется и въ нѣсколько иномъ смыслѣ. Говорятъ, напр.: „назовите форму род. пад. отъ слова „столъ“! или: „стола“, „стула“, „кресла“ и т. д. суть формы род. пад. ед. числа“. Здѣсь, значитъ, сами эти слова „стола“, „стула“, „кресла“ названы „формами“. Это уже переносный смыслъ термина. Какъ мы обладателя баса или тенора называемъ прямо „басомъ“ и „теноромъ“ („нашъ знаменитый басъ уѣхалъ за границу“), какъ обладателя картуза или шляпы можемъ иной разъ прямо назвать „картузомъ“ или „шляпой“ („эй, ты, шляпа! поди сюда!“), такъ и слово, обладающее формой, можно назвать прямо „формой“. Обычно этотъ переносъ значенія идетъ и еще дальше. Какъ статую Венеры называютъ прямо Венерой, а тѣло, имѣющее форму шара, прямо шаромъ, такъ и слово, имѣющее форму родительнаго падежа, называютъ прямо „родительнымъ падежомъ“. Говорятъ, напр., при разборѣ: „стола“ — родительный падежъ отъ слова „столъ“. Практически такія сокращенія, конечно, необходимы, и мы

сами ими будемъ въ дальнѣйшемъ постоянно пользоваться, но все же не слѣдуетъ забывать ихъ истиннаго смысла: не слѣдуетъ забывать, что „стола“ не есть само по себѣ ни родит. падежъ, ни форма, а прежде всего слово, что слово это распадается въ нашемъ сознаніи на „стол+а“, слѣдовательно имѣетъ ту особенность или то свойство, которое называется въ грамматикѣ формой, и что, наконецъ, формальная часть этого слова „а“ имѣетъ значеніе родительнаго падежа. Вотъ что, собственно, означаетъ выраженіе: „стола“ — родительный падежъ“.

Необходимость 2-хъ рядовъ словъ.

Какъ видно на примѣрѣ слова „стекло“, для того, чтобы слово имѣло форму, нужно, чтобы въ языкѣ существовало 2 ряда словъ, похожихъ на данное слово:

стекл о, окн**о**, весл**о**, сукн**о**, долот**о** и т. д.
стекл а
стекл янный
стекл ушка
стекл ышко
и т. д.

Въ одномъ изъ этихъ рядовъ должна являться та же основа съ другими формальными частями (вертикальный рядъ нашей схемы), въ другомъ — та же формальная часть съ другими основами (горизонтальный рядъ схемы). Только вслѣдствіе такого двойного сравненія и происходитъ, какъ мы видѣли, распаденіе слова на части. Понятно, что если для какого-нибудь слова такихъ двухъ рядовъ въ языкѣ не находится, формы въ немъ нѣтъ. Возьмемъ, напр., слово „домой“. Для него въ русскомъ языкѣ имѣется только вертикальный рядъ нашей схемы:

дом ой
дом ъ
дом а
дом у
дом омъ
дом ашній
дом овый
дом овничать
и т. д.,

горизонтальнаго же ряда, который долженъ былъ бы имѣть видъ:

*домой, *городой, *лѣсой, *столой, *стулой и т. д.

въ языкѣ нѣтъ. И въ результатѣ слово „домой“ не распадается на „дом + ой“, а является безформеннымъ. Вотъ почему оно такъ рѣзко отличается въ нашемъ сознаніи отъ косвенныхъ падежей слова „домъ“, вотъ почему и считается такъ назыв. „нарѣчіемъ“. Или возьмемъ, положимъ, слово „вчера“. Для него мы могли бы подобрать горизонтальный рядъ:

вчера, завтра, иногда, всегда, тогда, когда

Однако мы увѣрены, что наше сближеніе покажется всякому читателю довольно неожиданнымъ. И это потому, что въ словѣ „вчера“ для насъ совсѣмъ не выдѣляется ни части „вчер“, ни части „а“, которой оно могло бы быть сходно со словами: завтра, иногда и т. д. А не выдѣляются для насъ эти части потому, что тутъ не хватаетъ вертикальнаго ряда нашей схемы, т.-е. такихъ словъ, какъ: * „вчер“, * „вчеру“, * „вчеромъ“, о * „вчерѣ“ и т. д.

Отрицательная формальная часть.

Нѣкоторыя слова не распадаются на части, а въ то же время имѣютъ форму. Возьмемъ, напр., слово „столъ“. Въ письменномъ языкѣ оно, конечно, распадается на „стол + ъ“, но въ устномъ, гдѣ „ъ“ не произносится, никакого распаденія нѣтъ. Тутъ нѣтъ совсѣмъ формальной части, а между тѣмъ мы сознаемъ наше „стол“ не какъ основу только, не какъ какое-нибудь безформенное „стекл“, а какъ настоящее слово, имѣющее форму именительно-винительнаго падежа единственнаго числа мужескаго рода существительнаго. Какъ же это такъ? Какъ узнаемъ мы въ немъ все это, разъ въ немъ нѣтъ соотвѣтствующаго окончанія? Дѣло въ томъ, что въ языкѣ существуетъ огромное число словъ, у которыхъ тоже нѣтъ никакой формальной части (стулъ, полъ, комодъ, домъ, садъ, судъ и т. д.). Вотъ это-то одинаковое отсутствіе чего-то у цѣлаго ряда словъ и придаетъ этимъ словамъ форму. Представимъ себѣ, что кто-нибудь видѣлъ большую толпу людей и описываетъ разные головные уборы этой толпы. Если въ этой толпѣ у замѣтнаго числа людей не было ничего на головѣ, то онъ, перечисливши всѣ сорта шляпъ, шапокъ, картузовъ, чепцовъ и т. д., обязательно прибавитъ, что „были и простоволосые“, такъ что люди безъ всякаго головного убора составятъ въ его разсказѣ особую группу, на равныхъ правахъ съ другими группами. Подобнымъ же образомъ въ зоологіи безхвостость составляетъ важный признакъ семейства человѣкоподобныхъ обезьянъ только потому, что у всѣхъ другихъ обезьянъ есть хвостъ. Вотъ точно такъ же и слова:

столъ, стулъ, домъ и т. д. сознаются нами, какъ слова, имѣющія форму, только потому, что такихъ словъ безъ окончанія довольно много, а въ то же время всѣ другіе падежи имѣютъ каждый свое окончаніе. Выходитъ, такимъ образомъ, что мы узнаемъ въ нихъ падежъ не по окончанію, а по тому, что въ нихъ нѣтъ окончанія, все равно какъ можемъ легко найти свои калоши безъ буквъ, если всѣ чужія калоши съ буквами. Въ сущности, въ такихъ случаяхъ, какъ: столъ, стулъ и т. д., мы производимъ такое же двойное сравненіе, какъ и со словомъ „стекло“:

стол—, стул—, пол—, дом— и т. д.
стол а
стол у
стол овый
стол ешница
и т. д.

Вотъ почему и тутъ получается форма. Только тутъ слова верхняго ряда не распадаются на 2 части. Можно сказать, что они какъ бы распадаются на „стол + **о**“ (нуль), „дом + **о**“ и т. д., и вотъ по этимъ нулямъ-то мы и узнаемъ форму. Про такія слова такъ и говорятъ, что они имѣютъ отрицательную формальную часть.

Нѣсколько формальныхъ частей въ одномъ словѣ.

Итакъ, **форма слова есть способность его распадаться по звукамъ и по значенію на основу и формальную часть, при чемъ по звукамъ формальная часть можетъ быть и отрицательной.**

Въ одномъ и томъ же словѣ можетъ быть и нѣсколько формальныхъ частей, а стало-быть и нѣсколько формъ. При этомъ формальныя части могутъ стоять и въ концѣ, и въ началѣ слова. Возьмемъ, напр., слово „разговорчивый“. Такъ какъ въ языкѣ существуютъ ряды словъ:

разговорчив ый, внимательн**ый**, добр**ый**, умн**ый** и т. д.
разговорчив ая
разговорчив ое
разговорчив ѣе
разговорчив ость
разговорчив ъ
и т. д.,

то слово распадается на основу „разговорчив—“ (которую, конечно, не надо смѣшивать съ отдѣльнымъ словомъ „разговорчивъ“, заключающимъ въ себѣ, кромѣ основы, еще отрица-

тельную формальную часть) и формальную часть „ый“. Но такъ какъ, далѣе, въ языкѣ существуютъ еще и ряды:

разговор чив ый, обманчивый, вкрадчивый, заносчивый,
разговор иться уступчивый, находчивый,
разговор ный обидчивый и т. д.
разговор юсь
разговор ились
и т. д.,

то основа „разговорчив—“ въ свою очередь распадается на „разговор + чив“. Изъ этихъ двухъ частей основное значеніе заключается, очевидно, въ части „разговор— “(тоже не смѣшивать съ отдѣльнымъ словомъ „разговоръ“), а формальное въ части „чив“. Слѣдовательно, это „разговор—“ будетъ новой основой, а „чив“ новой формальной частью. Далѣе, въ языкѣ существуютъ еще ряды:

раз говорчивый, **раз**борчивый, **раз**машистый, **раз**вѣсистый
с **говор**чивый **раз**вязный и т. д.
у **говор**ъ
за **говор**ъ
при **говор**ъ
у **говор**иться
на **говор**иться и т. д.
и т. д.

и поэтому основа „разговор—“ снова распадается на „раз + + говор —“. Основной смыслъ слова заключается въ части „говор—“,а формальный въ части „раз“. Стало быть, это „говор—“ и будетъ опять основой, а „раз“—формальной частью. Основа же „говор—“ ни на что уже болѣе не распадается. Итакъ, наша первоначальная основа распалась на основу и формальную часть, а эта вторая основа — снова на основу и формальную часть. И въ словѣ оказалось такимъ образомъ 3 формальныхъ части: **раз** + говор + **чив** + **ый**. Такимъ же образомъ въ словѣ „расположиться“ будетъ 5 формальныхъ частей (**рас** + **по** + лож + **и** + **ть** + **ся**), въ словѣ „распространившійся“ 6 формальныхъ частей (**рас** + **про** + стран + **и** + **вш** + **ій** + **ся**) и т. д.

Основы производныя и непроизводныя (корни). Приставки, суффиксы (флексіи).

Такія основы, какъ: „разговорчив—“, „разговор—“, „расположить—“, „расположи—“, „располож—“, „полож—“ и т. д., т.-е. способныя распадаться на новую основу и формальную часть, называются **производными,** такія же, какъ: „стекл—“, „говор —“, „лож —“, „стран —“ и т. д., **непроизводными** основами или **корнями**. Формальныя части, стоящія передъ кор-

немъ, называются **префиксами** или **приставками,** формальныя части, стоящія позади корня — **суффиксами** [1]). Суффиксы, образующіе окончаніе падежа (въ склоненіи) или лица (въ спряженіи) называются нерѣдко флексіями.

Нѣсколько основъ въ одномъ словѣ (основосложеніе).

Въ одномъ и томъ же словѣ бываетъ не только нѣсколько формальныхъ частей, но и нѣсколько основъ, слѣдующихъ одна за другой. Бываетъ это въ такъ назыв. сложныхъ словахъ. Въ словѣ „пароходъ", напр., сознаются 2 основы: „пар—" и „ход—", въ словѣ „конокрадъ"—„кон" и „крад", въ словѣ „овцеводъ" — „овц" и „вод" и т. д. Соединяющіяся такимъ образомъ основы могутъ быть и производными. Въ словѣ „пароходство", напр., вторая основа „ходств" производная, такъ какъ сама распадается на „ход + ств", въ словѣ „желѣзнодорожный" обѣ основы производныя, такъ какъ распадаются на „желѣз + н" и „дорож + н". Какъ видно изъ всѣхъ этихъ примѣровъ, въ русскомъ языкѣ существуютъ и особыя формальныя части, служащія спеціально для соединенія основъ (такъ назыв. „соединительныя гласныя" **о и е**), т.-е. особыя формы основосложенія.

Несоотвѣтствія между внѣшней и внутренней стороной формы слова.

На примѣрѣ отрицательной формы мы уже видѣли, что отношенія между формальными частями и формами словъ не такъ просты, какъ между формами для статуй и отлитыми въ нихъ статуями. Слова „столъ", „полъ", „домъ" и т. д. обладаютъ формой, не имѣя формальной части. Укажемъ еще нанѣсколько случаевъ подобнаго же несоотвѣтствія:

1) Одна и та же формальная часть можетъ имѣть нѣсколько значеній. Такъ, „о" въ словѣ „стекло„ обозначаетъ и падежъ, и число, и родъ, и часть рѣчи, т.-е. имѣетъ 4 значенія. Само собой разумѣется, что здѣсь приходится различать не одну, а 4 формы, такъ какъ значенія такъ же важны, какъ и звуки.

2) Одинаковыя по звукамъ формальныя части могутъ имѣть совершенно различныя значенія, т.-е. тоже создавать разныя формы. Такъ, напр., флексія „а" въ словахъ: стол**а**, бык**а**, куст**а**, стекл**а**, окн**а** и т. д. обозначаетъ родительный пад. ед. ч., въ словахъ: ног**а**, рук**а**, вод**а**, голов**а** и т. д. — имен. пад. ед. ч., въ словахъ: город**а**, лѣс**а**, бок**а**, мѣст**а**, дѣл**а** и т. д. — именительно - вин. пад. множ. ч. Суффиксъ „ец" въ словахъ: хлѣб**ец**, брат**ец**, народ**ец** и т. д. обозначаетъ уменьшительность, а въ словахъ: подл**ец**, нагл**ец**,

---

[1]) Въ точномъ переводѣ префиксъ--„представка", а суффиксъ—„подставка"

храбрец, лѣнивец и т. д., лицо, проявляющее то или другое качество.

Отрицательная формальная часть тоже можетъ имѣть разныя значенія. Въ словахъ: стол, пол, дом и т. д. она обозначаетъ имен. пад. ед. числа муж. р., въ словахъ: рук, ног, голов, мѣст, дѣл, солдат, аршин и т. д. — род. пад. множ. ч. всѣхъ родовъ, въ словахъ: вез, пек, нес, тек, пас, лѣз, рос и т. д.—прошедшее время мужск. рода глагола и т. д. Все зависитъ отъ того, въ какіе ряды формъ вводятся въ нашемъ сознаніи эти обрубки. Но, конечно, все это можетъ совершаться только при большомъ запасѣ настоящихъ, не отрицательныхъ, формальныхъ частей, чѣмъ какъ разъ отличается русскій языкъ.

3) Различныя по звукамъ формальныя части могутъ имѣть совершенно одинаковое значеніе. Такъ, формальная часть „ы“ въ словахъ: столы, полы, возы, носы и т. д. и формальная часть „а“ въ словахъ: города, лѣса, бока, дома и т. д. одинаково обозначаютъ имен. пад. множ. ч. Конечно, мы и здѣсь различимъ разныя формы, такъ какъ звуки такъ же важны, какъ и значенія.

4) Одна и та же формальная часть можетъ въ различныхъ словахъ принимать нѣсколько различный видъ, видоизмѣняться по звукамъ, не измѣняясь нисколько по значенію. Такъ, въ словахъ: **воз**носить, **воз**водить, **воз**двигать, **вос**ходить, **вос**парять и т. д. имѣется одна и та же приставка, но въ двухъ разныхъ видахъ: „**воз**“ и „**вос**“. А въ словахъ: **вз**летать, **вз**дергивать, **вз**бивать, **вс**кипѣть, **вс**тащить, **вс**трепенуться и т. д. та же приставка уже имѣетъ видъ „**вз**“ и „**вс**“, съ пропущеннымъ „о“. Значеніе же ея во всѣхъ этихъ словахъ совершенно одинаковое (она указываетъ направленіе движенія снизу вверхъ). Въ словахъ: бѣл**оват**ый, желт**оват**ый, красн**оват**ый, син**еват**ый, рыж**еват**ый, коричн**еват**ый и т. д. одинъ и тотъ же уменьшительный суффиксъ имѣетъ 2 вида: „**оват**“ и „**еват**“. Въ словахъ: „молод**ец**“, „молод**цоват**ый“, „молод**ечество**“ одинъ и тотъ же суффиксъ имѣетъ 3 вида: **ец**, **ц** и **еч**. Въ словахъ: писать, читать, нести, везти и т. д. одинъ и тотъ же суффиксъ, такъ назыв. „неопредѣленнаго наклоненія“, имѣетъ 2 вида: **ть** и **ти**. То же происходитъ и съ корнями. Въ словахъ: „**сох**нуть“, „**сух**ой“, „**зас**ыхать“, „**сушить**“ одинъ и тотъ же корень съ совершенно одинаковымъ вещественнымъ значеніемъ (потеря влаги) имѣетъ 4 вида: „сох—“, „сух—“, „сых—“ и „суш—“. Въ словахъ: „**мел**етъ“, „**пом**олъ“, “**разм**алывать“ имѣется 3 вида корня: „мел“, „мол“ и „мал“; въ

словахъ: „**ход**итъ“, „**хож**у“, „**хожд**еніе“, „по**хаж**ивать“—4 вида корня: „ход“, „хож“, „хожд“ и „хаж“; въ словахъ: „**нес**у“, „**нош**у“, „**выносъ**“, „**вынашив**аю“—4 вида: „нес“, „нош“, „нос“ и „наш“; въ словахъ „**ух**о“ и „**уш**и“ 2 вида: „ух“ и „уш“; въ словахъ „**нога**“ и „**ножка**“—2 вида: „ног“ и „нож“; и т. д.*). Такое появленіе 2-хъ или нѣсколькихъ разныхъ звуковъ въ одномъ и томъ же корнѣ или въ одной и той же формальной части называется чередованіемъ звуковъ. Говорятъ, напр., что въ русск. яз. чередуются **е**, **о** и **а** (нести—носить—нашивать), **с** и **ш** (носить—нашивать), **ц** и **ч** (купецъ—купечество) и т. д. Чередованія образуются въ языкѣ вслѣдствіе звуковыхъ измѣненій, о чемъ будетъ рѣчь въ слѣдующей главѣ. Покамѣстъ же намъ надо только замѣтить, что чередованія звуковъ могутъ имѣть формальное значеніе. Пояснимъ это примѣромъ. Въ словахъ: нашивать, хаживать, стаивать, размаривать, соскабливать, отпарывать, перемалывать, вымачивать, раскапывать, накалывать и т. д. есть оттѣнокъ особой длительности и даже отчасти повторяемости дѣйствія по сравненію со словами: ходить, носить, скоблить и т. д. Это такъ назыв. форма вида, частью многократнаго, частью длительно-несовершеннаго, образуемая суффиксами **ыв** и **ив**. Но не трудно замѣтить, что для словъ этихъ характерны не одни эти **ыв** и **ив**, а и коренное **а** на мѣстѣ обычнаго **о** (сравни „х**о**дитъ“ и „х**а**живаетъ“, „к**о**летъ“ и „нак**а**лываетъ“, „п**о**ретъ“, „распарываетъ“, „м**о**чить“ и „вым**а**чиваетъ“ и т. д.). И для насъ этотъ оттѣнокъ длительности связанъ не только съ суффиксами **ыв** и **ив**, но и съ этимъ измѣненіемъ **о** въ **а**. Это видно изъ того, что всякій разъ, когда мы хотимъ придать этотъ оттѣнокъ глаголу, котораго мы до сихъ поръ еще никогда не употребляли и ни отъ кого не сышали въ этой формѣ, мы непремѣнно перемѣнимъ его „**о**“ (если только оно есть въ корнѣ) на „**а**“, хотя бы форма и казалась намъ необычной. Мы способны сказать, хотя бы и съ нѣ-

Чередованія звуковъ. Формальное значеніе чередованій.

*) Всѣ примѣры приведены съ чисто-орѳографической точки зрѣнія, какъ и всѣ другіе примѣры этой книги. Въ живомъ, устномъ языкѣ мы имѣемъ не „ходить—**хож**у—**хожд**еніе—**хаж**ивать“, а „ходить—**хаж**у—**хажд**еніе“, не „**нес**у—**нош**у—**выносъ**—**вынашив**аю“, а „**нис**у—**наш**у—**вынесъ** (особый звукъ, средній между **ы** и **а**), не „**нога**—**ножка**“, а „**нага**—**ноги**—**ношка**—**ноженька**“ и т. д. Такъ какъ всякій грамотный русскій гораздо яснѣе и вѣрнѣе представляетъ себѣ буквы своего языка, чѣмъ звуки его, а въ задачу нашу не могло входить ознакомленіе со звуками русскаго языка, то мы и подставили вездѣ вмѣсто звуковъ буквы, тѣмъ болѣе, что грамматической стороны дѣла это не измѣняетъ.

которымъ стѣсненіемъ: „этотъ борецъ всегда побарываетъ противниковъ“, „я частенько браживалъ по этимъ мѣстамъ“, „этотъ быкъ бадывалъ уже кое-кого“, но ужъ ни въ какомъ случаѣ мы не скажемъ „поборываетъ“, „броживалъ“, „бодывалъ“. Чутье языка ни за что не позволитъ намъ такъ сказать. А это значитъ, что оттѣнокъ длительности въ нашемъ сознаніи неразрывно связанъ съ этимъ „а“, что форма вида выражена здѣсь не только суффиксомъ, но и измѣненіемъ коренного „о“ въ „а“, т.-е. чередованіемъ „о“ и „а“. Вотъ въ какомъ смыслѣ и можно сказать, что чередованіе получило здѣсь формальное значеніе. Точно такъ же, напр., появленіе „о“ и „е“ въ словахъ: вилокъ, мисокъ, головокъ, ручекъ, ножекъ и т. д. (а вставку и выпаденіе мы можемъ тоже разсматривать, какъ своего рода чередованіе, гдѣ чередуются звукъ и отсутствіе его въ одномъ и томъ же корнѣ или въ одной и той же формальной части) очень способствуетъ образованію данной формы. Если мы попробуемъ не вставлять этихъ „о“ и „е“, то получимъ не род. пад. множ. числ., а нѣчто безформенное, одну основу („вилк—“, „миск—“, „головк—“ и т. д.). Но, конечно, далеко не всякое чередованіе имѣетъ формальное значеніе. Чередованіе, напр., „з“ и „с“ въ приставкѣ „воз—вос“, чередованіе „о“ и „е“ въ суффиксѣ „оват—еват“ не имѣетъ ровно никакого значенія. Кромѣ того, нужно помнить, что главную роль играютъ въ русскомъ языкѣ все-таки формальныя части, а чередованія имѣютъ лишь вспомогательное значеніе. Вѣдь тотъ самый оттѣнокъ, который мы воспринимаемъ въ словахъ „нашивать“, „хаживать“ и т. д. отчасти при помощи чередованія „о—а“, этотъ самый оттѣнокъ мы сознаемъ въ словахъ: сиживать, видывать, сказывать, постукивать, распутывать и т. д. и безъ всякаго чередованія, съ помощью однихъ только суффиксовъ „ыв“ и „ив“. Точно такъ же въ словахъ: рукъ, ногъ, головъ и т. д. мы съ помощью одной отрицательной формальной части такъ же хорошо сознаемъ род. пад. множ. числа, какъ и въ словахъ: ручекъ, ножекъ, головокъ и т. д., гдѣ этому еще помогаютъ вставныя „о“ и „е“.

Болѣе точное опредѣленіе формы слова.

Въ нѣкоторыхъ языкахъ чередованія звуковъ могутъ пріобрѣтать подчасъ большое значеніе. Въ семитскихъ языкахъ, напр. (арабскомъ, древне-еврейскомъ, ассирійскомъ и др.), большинство формъ образуется совсѣмъ безъ формальныхъ частей, только одними чередованіями. Kataba (катаба), напр., значитъ по-арабски „онъ написалъ“, kutiba (кути-

ба) —„онъ былъ написанъ", katiƀun (катибунъ) — писецъ, пишущій, kitaƀun (китабунъ) — книга (написанное) и т. д. Здѣсь вещественное значеніе, т.-е. самое понятіе письма, изображенія человѣческой рѣчи зрительными знаками, выражается все время звуками k—t—ƀ, а формальныя значенія (части рѣчи, залоги) — чередованіями „a—a—a—", „u—i—a", „a—i—u", „i—a—u" и т. д. Единственный суффиксъ, который мы въ этихъ примѣрахъ видимъ, это **n** (суффиксъ существительнаго), но и онъ не обязателенъ (употребляется только тогда, когда при существительномъ нѣтъ никакого опредѣляющаго слова). Склоненіе производится тоже исключительно перемѣной гласныхъ: katiƀun — им. пад., katiƀin — родит., katiƀan — винит. (другихъ падежей нѣтъ). Точно такъ же понятіе убійства выражается сочетаніемъ согласныхъ: q—t—l (qatala — онъ убилъ, qutila — онъ былъ убитъ, qatlun—убійство), понятіе власти—сочетаніемъ согласныхъ m—l—k (malaka — онъ овладѣлъ, воцарился, malkun — царь, mulkun — царство, milkun — захваченная вещь) и т. д. И вообще согласные въ семитскихъ языкахъ имѣютъ вещественное значеніе, а гласные — формальное. Здѣсь уже трудно говорить о распаденіи слова на части, и, расширяя наше опредѣленіе формы слова примѣнительно ко всѣмъ языкамъ человѣческимъ, намъ придется нѣсколько сложнѣе, но зато точнѣе и научнѣе опредѣлить форму слова, какъ способность его выдѣлять въ сознаніи говорящаго двоякаго рода звуковые элементы: вещественные и формальные.

Руководящія положенія книги.

Заканчивая эту основную главу нашего очерка, мы не можемъ не указать читателю, что для полнаго пониманія всего послѣдующаго ему необходимо насквозь продумать и ни на минуту не терять изъ вида, что:

1) всякая форма въ словѣ создается въ русскомъ языкѣ распаденіемъ въ сознаніи говорящаго даннаго слова на вещественную и формальную части,

2) каждая изъ этихъ частей имѣетъ свое значеніе,

3) такимъ образомъ, въ каждомъ словѣ, имѣющемъ форму, заключено, съ грамматической точки зрѣнія, не одно значеніе, а, по меньшей мѣрѣ, 2: вещественное и формальное; въ огромномъ же большинствѣ такихъ словъ значеній гораздо больше, потому что формальныхъ значеній почти всегда — нѣсколько.

II.

Объ измѣненіи формъ словъ въ языкахъ.

Измѣнчивость языка.

Всѣмъ намъ кажется, что мы всю жизнь свою, съ тѣхъ поръ какъ научились говорить, говоримъ на одномъ и томъ же языкѣ. Наши родители говорятъ и говорили, повидимому, совершенно такъ же, какъ и мы, ихъ родители, по ихъ словамъ, говорили точно такъ же и утверждали то же про своихъ родителей и т. д., и т. д. Поэтому языкъ нашъ представляется намъ обыкновенно чѣмъ-то неизмѣннымъ. На самомъ дѣлѣ, однимъ изъ незыблемѣйшихъ положеній современнаго языковѣдѣнія считается, что всякій языкъ всегда и вездѣ непрерывно измѣняется. Если же мы этого не замѣчаемъ, то только потому, что языкъ измѣняется очень медленно. Какъ мы, смотря на часы, не замѣчаемъ движенія часовой стрѣлки, какъ смотря на растеніе, не замѣчаемъ, какъ оно растетъ, такъ же мы не замѣчаемъ и измѣненій языка. Но на часы мы можемъ взглянуть черезъ часъ, на растеніе можемъ посмотрѣть на другой день, а къ языку, для того чтобы замѣтить рѣзкія измѣненія въ немъ, надо было бы прислушаться черезъ нѣсколько сотъ лѣтъ. Понятно, что никто этого сдѣлать не можетъ, и всякому языкъ кажется неподвижнымъ*).

Звуковыя измѣненія языка.

Прежде всего измѣняются звуки языка. Если сравнить, напр., по звукамъ нашъ теперешній языкъ съ русскимъ языкомъ XI или XII вѣковъ, то получится, пожалуй, не меньшая разница, чѣмъ между нашимъ языкомъ и другими славянскими языками—польскимъ, болгарскимъ и т. д. У насъ, напр., сейчасъ звуки **ш, ж, ц** произвосятся твердо, въ древне-русскомъ же языкѣ они произносились мягко, т.-е. говорилось: жяръ, жяло, лежю, шягъ, шюмъ, пишю, жиръ (произносилось **и**, а не **ы**, какъ сейчасъ), лиця, лицю, отци (собств., отьци, см. дальше) и т. д. Напротивъ, вмѣсто: Кіевъ, руки, ноги, хитрый, гибкій и т. д. говорили: Кыевъ, рукы, ногы, хытрыи, гыбъкыи и т. д., т.-е. произносили **г, к** и **х** въ этихъ слу-

*) Отдѣльныя лица, отличающіяся наблюдательностью и интересомъ къ языку, а также спеціалисты-ученые отмѣчаютъ нерѣдко кое-какія измѣненія и въ теченіе своей короткой жизни. Но такія лица — исключенія. Большинство никогда не обращаетъ вниманія на свою рѣчь и могло бы замѣтить лишь рѣзкое измѣненіе во всемъ языкѣ, а для этого жизнь человѣческая слишкомъ коротка.

чаяхъ твердо и со звукомъ **ы**, а не **и**. Буквы **ъ** и **ь** сейчасъ у насъ не обозначаютъ никакихъ отдѣльныхъ звуковъ, тогда же онѣ обозначали особые, очень краткіе и не совсѣмъ ясные гласные звуки: **ъ** звучалъ, какъ звукъ, средній между **о** и **у**, а **ь**, какъ средній между **е** и **и**. Произносились они не только тамъ, гдѣ мы пишемъ сейчасъ эти буквы, но и во многихъ другихъ случаяхъ. Такъ, слово „отецъ“ писалось и звучало, какъ „отьць“ (съ 3-мя гласными звуками), „день“, какъ „дьнь“, „оселъ“, какъ „осьлъ“, „рожь“, какъ „ръжь“, „топотъ“, какъ „тъпътъ“, „ропотъ“, какъ „ръпътъ“, „темный“, какъ „тьмьныи“ и т. д. Какъ видно изъ приведеныхъ примѣровъ, звуки эти частью перешли впослѣдствіи въ **о** и **е**, частью совсѣмъ исчезли изъ языка. Буква **ѣ** тоже обозначала особый звукъ и только впослѣдствіи стала произноситься, какъ теперешнее **е**. Всѣ такія измѣненія происходили и происходятъ во всѣхъ языкахъ земного шара и не зависятъ совершенно отъ воли людей, говорящихъ на томъ или иномъ языкѣ. Ихъ лучше всего сравнить съ измѣненіемъ самаго типа народнаго, т.-е. цвѣта волосъ, глазъ, формы носа, ушей, роста и другихъ физическихъ признаковъ. Они физіологичны и зависятъ, по всей вѣроятности, больше всего отъ незамѣтныхъ измѣненій органовъ рѣчи (языка, гортани, нёба, губъ и т. д.), которые вѣдь могутъ измѣняться, какъ и всѣ другіе органы человѣческаго тѣла. Конечно, всѣ такія измѣненія совершенно не зависятъ отъ значеній словъ и частей словъ, а стало быть одинаково проходятъ и по корнямъ, и по формальнымъ частямъ. Если, напр., звукъ **ш** въ русскомъ яз. отвердѣлъ, то онъ одинаково отвердѣлъ и въ корняхъ, и въ формальныхъ частяхъ, а стало быть измѣнились и всѣ тѣ формальныя части, гдѣ былъ звукъ **ш**. Такъ, флексія второго лица ед. ч. глаголовъ стала уже не **шь**, а **шъ** (мы произносимъ: „идешъ“, „несешъ“, „кричишъ“ и только на письмѣ сохранилась здѣсь мягкость). Древній суффиксъ **ьц** съ **ц** мягкимъ (купьць, пловьць, старьць, юньць и т. д.) перешелъ въ **ец** съ **ц** твердымъ, потому что **ь** вообще перешло въ такомъ положеніи въ **е**, а **ц** вообще отвердѣло. Такъ, **измѣненія въ звукахъ вызываютъ измѣненія въ формахъ**. Очень часто такія измѣненія звуковъ порождаютъ потерю формъ. У насъ, напр., въ такихъ словахъ, какъ: огонь, уголь, гвоздь, путь, кость, ночь, мѣдь, честь, память и т. д., винительный пад. ед. ч. и именительный сейчасъ совершенно сходны. Въ томъ же языкѣ, изъ котораго произошла бо̀льшая часть европейскихъ языковъ, въ томъ числѣ и рус-

Вліяніе ихъ на формальныя измѣненія.

скій, въ доисторическомъ индо-европейскомъ праязыкѣ, эти падежи въ этихъ словахъ различались. Это мы заключаемъ изъ того, что, напр., въ древне-индійскомъ (санскритскомъ) языкѣ, который какъ разъ наиболѣе приближается къ этому доисторическому пра-языку, именит. пад. отъ слова „огонь“ будетъ—agnis (агнисъ), а винительный—agnim (агнимъ); именит. отъ слова „ночь“—naktis (нактисъ), а винит.—naktim (нактимъ). Окончаніямъ is и im соотвѣтствуетъ по-славянски одно только **ь**. Объясняется это тѣмъ, что еще въ пра-славянскомъ языкѣ (т.-е. въ томъ, который самъ произошелъ изъ пра-индо-европейскаго, а потомъ распался на отдѣльные славянскіе языки) такое **і** вообще перешло въ особый, очень краткій звукъ **ь**, а согласные на концѣ словъ вообще отпали. Такимъ образомъ, всѣ формы, отличавшіяся только послѣдними согласными, оказались въ праславянскомъ языкѣ сходными. Въ частности, здѣсь совпали такимъ образомъ именит. и винит. падежи. Или возьмемъ болѣе близкій къ намъ примѣръ. Многіе путаютъ въ словахъ „фамилія“ и „матерія“ форму рода, говорятъ: „мое фамилье“, „мое матерье“. Какъ объяснить эту путаницу? Дѣло въ томъ, что въ такихъ словахъ, какъ „фамилія“ и „званіе“, „матерія“ и „платье“, окончаніе различается только на письмѣ, въ живомъ же языкѣ они давно совпали по окончанію. Послѣдній гласный здѣсь давно перешелъ въ особый звукъ, изображаемый лингвистами буквой **ə**, такъ какъ одинаково произносится и „фамильə“, и „званьə“, и „матерьə“, и „платьə“. Такъ какъ слова „фамилія“ и „матерія“ иностранныя, то люди, знающіе эти слова только по слуху (или вообще невоспріимчивые къ буквенному виду языка), легко могли принять ихъ за слова средняго рода и начать говорить „мое матерьə“, какъ „мое платьə“. На этой же почвѣ въ нѣкоторыхъ говорахъ южновеликорусскаго нарѣчія русскаго языка (напр., въ Рязанской губерніи) произошло обратное смѣшеніе: тамъ сталъ пропадать въ послѣднее время средній родъ и замѣняться женскимъ, такъ что стали говорить „моя поля“, „моя счастья“, „моя ученья“, какъ „моя Марья“, „моя Анисья“. И въ нѣкоторыхъ говорахъ этотъ процессъ потери средняго рода дошелъ до конца, такъ что даже стали говорить: „моя окно“ или „мой окно“, „моя весло“ или „мой весло“, т. е. даже слова, имѣвшія звуковой признакъ средняго рода (ударяемое **о** на концѣ), уподобились словамъ женскаго или мужескаго рода. Такъ исчезъ въ этихъ говорахъ весь средній родъ безъ остатка.

Этотъ процессъ разрушенія формъ вслѣдствіе звукового совпаденія формальныхъ частей — самый распространенный въ языкахъ. Имъ объясняются почти всѣ совпадающіе падежи въ нашемъ языкѣ (дат. и предл. въ словахъ „вода“, „голова“, „сосна“ и т. д., род. дат. и предл. ед. ч. и имен. множ. въ словахъ „кость“, „моль“, „шаль“ и т. д. и т. п.). Въ индо-европейскомъ пра-языкѣ всѣ эти падежи еще различались. Въ нѣкоторыхъ новыхъ языкахъ дѣло дошло до того, что совпали всѣ падежи, т.-е. пропало совсѣмъ склоненіе (чѣмъ оно было замѣнено, мы увидимъ впослѣдствіи). Звуковыми же измѣненіями вызывается и чередованіе звуковъ. Нашего чередованія, напр., **г, к, х — ж, ч, ш** (**могу — можешь, лягу — ляжешь, пеку — печешь, муха — мушка, ухо — уши**) въ индо-европейскомъ пра-языкѣ еще не было и не могло быть, такъ какъ и самыхъ звуковъ **ж, ч, ш** тамъ еще не было. Явились они только въ пра-славянскомъ языкѣ благодаря тому, что **г, к, х** передъ нѣкоторыми гласными смягчились въ **ж, ч, ш** (а что **ж** и **ш** были первоначально мягкими звуками, мы уже знаемъ). Такъ и образовалось чередованіе, унаслѣдованное отъ пра-славянскаго языка и русскимъ языкомъ. Такъ происходятъ и всѣ чередованія, а чередованія, какъ мы знаемъ, могутъ пріобрѣтать формальное значеніе. Значитъ, опять-таки звуковыя измѣненія вызываютъ формальныя. Кромѣ такихъ чисто-физіологическихъ измѣненій, есть въ языкѣ и такія измѣненія звуковъ, которыя зависятъ ужъ отчасти (хотя и очень слабо) отъ воли говорящаго. Это такъ назыв. подражательныя измѣненія. У насъ, напр., сейчасъ дательно-предложный пад. отъ словъ „рука“ и „нога“ будетъ „рукѣ“ и „ногѣ“, въ древне-русскомъ же языкѣ здѣсь были „руцѣ“ и „нозѣ“ (эти **ц** и **з** сохранились и по сейчасъ въ малорусскомъ языкѣ: „въ руці“, „на нозі“). Такъ какъ во всѣхъ остальныхъ падежахъ были **к** и **г** (рука, рукы, руку и т. д., нога, ногы, ногу и т. д.), то и этотъ падежъ уподобился имъ, т.-е. стали говорить „рукѣ“ и „ногѣ“. Такія измѣненія тоже очень распространены въ формальныхъ частяхъ. Теперь, напр., говорятъ: землёю, ладьёю, свиньёю, семьёю и т. д., раньше же говорили: земл**е**ю, ладь**е**ю, свинь**е**ю, семь**е**ю и т. д., т.-е. произносили обыкновенное **е**, а не **ё**. Послѣднее стали произносить въ подражаніе такимъ формамъ, какъ: „водою“, „ногою“, „грозою“, „скалою“. Раньше предложн. пад. множ. ч. отъ такихъ словъ, какъ: столъ, городъ, рабъ, лѣсъ и т. д., и отъ такихъ, какъ: окно, село, стекло, долото и т. д.,

оканчивался на **ѣхъ**, т.-е. говорили: „на столѣхъ“, „въ городѣхъ“, „о рабѣхъ“, „при селѣхъ“ и т. д. (такъ же и въ церковно-славянскомъ языкѣ, срвн. „сущимъ во гробѣхъ“, „во грѣсѣхъ“ и т. д.), теперь же стали говорить: на столахъ, въ городахъ и т. д. по подражанію словамъ женскаго рода, которыя всегда имѣли „ахъ“: на водахъ, на ногахъ, на рукахъ и т. д. Въ настоящее время многіе, даже образованные люди, начинаютъ говорить: „мѣстовъ“, „дѣловъ“, „разовъ“ вмѣсто: „мѣстъ“, „дѣлъ“, „разъ“. Это тоже подражательное измѣненіе по образцу „столовъ“, „городовъ“, „лѣсовъ“ и т. д.

Измѣненія значеній словъ.

Кромѣ звуковъ въ языкѣ непрерывно измѣняются и значенія словъ. Происходитъ это совершенно независимо отъ измѣненій звуковъ. Слово „отецъ“, напр., испытало, какъ мы видѣли, большія звуковыя измѣненія (изъ „отьць“) и не измѣнилось нисколько по значенію. Напротивъ, слова „ужасно“ и „страшно“ въ самое послѣднее время, когда они уже именно такъ звучали, какъ сейчасъ (въ болѣе древнія времена, конечно, всѣ слова звучали иначе), измѣнили свое значеніе и не обозначаютъ теперь часто ни ужаса, ни страха, а только одно усиленіе, увеличеніе („я ужасно люблю музыку“, „онъ страшно занятъ“, „она страшно кокетничаетъ“). Вездѣ, гдѣ вводится телефонъ, слово „телефонъ“, нисколько не измѣняясь по звукамъ, пріобрѣтаетъ новое значеніе, именно начинаетъ обозначать тотъ ящикъ съ трубкой, передъ которымъ говорятъ („я подошелъ къ телефону“, „она цѣлый день не отходитъ отъ телефона“, сравн. то же слово во фразѣ „между Петербургомъ и Москвой проведенъ телефонъ“). Точно такъ же слово „телеграфъ“, по мѣрѣ введенія телеграфнаго сообщенія, пріобрѣтаетъ, между прочимъ, значеніе помѣщенія, гдѣ подаются телеграммы („пойти на телеграфъ“). Правда, все это измѣненія не очень крупныя, и здѣсь рядомъ съ новымъ значеніемъ сознается еще немного и старое: не совсѣмъ удобно, напр., сказать: „она ужасно красива“ (можно подумать, что это особая, внушающая ужасъ, красота), „онъ постучалъ по телефону“ (неясно будетъ, по ящику или по проводамъ) и т. д. Но часто бываетъ и такъ, что новое значеніе все больше и больше отходитъ отъ стараго и въ концѣ-концовъ совсѣмъ отрывается отъ него, такъ что въ языкѣ создается этимъ путемъ совсѣмъ новое слово, хотя звуки остаются все тѣ же. Такъ образуются однозвучныя слова, которыхъ въ каждомъ языкѣ очень много („мѣсяцъ“ = луна и „мѣсяцъ“ = $^1/_{12}$ года, „коньки“ =

лошадки и „коньки" для катанія по льду, „ручка" = маленькая рука и „ручка" для вставки пера, „бабка" = бабушка, „бабка" = повивальная бабка, „бабка" = пальцевая кость копытнаго животнаго, „бабка" = кушанье, „кисть" малярная, „кисть" руки, „кисть" винограда, „винтъ" для привинчиванія и „винтъ" = карточная игра, „духовный" = изъ духовнаго сословія и „духовный", какъ противоположность тѣлесному, и т. д.). Такія слова обычно даже совершенно не напоминаютъ намъ другъ друга, и мы очень удивляемся, когда замѣчаемъ звуковое совпаденіе въ нихъ. Наоборотъ, очень часто совсѣмъ разно звучащія слова получаютъ въ языкѣ въ концѣ-концовъ одинаковыя или почти одинаковыя значенія („мѣсяцъ" и „луна", „конь" и „лошадь" „песъ", и „собака" и т. д.). Все это показываетъ, что значенія словъ измѣняются въ языкѣ сами по себѣ, а звуки сами по себѣ. Такъ какъ въ значеніи слова, имѣющаго форму, заключается, какъ мы уже знаемъ нѣсколько элементовъ (вещественное значеніе и нѣсколько формальныхъ значеній), то вполнѣ понятно, что, когда измѣняется **все** значеніе такого слова, измѣненіе можетъ захватить и **формальныя значенія** его. А въ такомъ случаѣ измѣняются и самыя **формы** слова, такъ какъ во всякой формѣ важны, какъ мы уже знаемъ, и **звуки**, и **значеніе** данной формальной части. Суффиксъ „к", напр., въ такихъ словахъ, какъ: березка, осинка, травка, ямка, долинка, горка, дырка, книжка, шубка, головка, ручка, ножка и т. д., имѣетъ **уменьшительное** значеніе, и это—исконное значеніе суффикса „к". Но такъ какъ маленькіе предметы могутъ вызывать въ насъ то пренебреженіе, то нѣжность, то такія слова легко получаютъ въ рѣчи то пренебрежительный, то ласкательный оттѣнокъ. И въ результатѣ этотъ уменьшительный суффиксъ сдѣлался въ одномъ рядѣ словъ **чисто-пренебрежительнымъ** суффиксомъ (папка, мамка, бабка, дѣдка, Машка, Ивашка, Абрамка и т. д.), въ другомъ — **чисто-ласкательнымъ** (дѣтка, душка, и такія уменьшительныя, какъ: головка, ручка, ножка, щечка, спинка и т. д., когда они примѣняются къ взрослому человѣку). Можно сказать, что на мѣстѣ одной формы (уменьшительности) явилось 3 (уменьшительность, пренебрежительность, ласкательность). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ измѣненіе значенія пошло еще дальше. Въ словѣ „дѣвка", напр., суффиксъ „к" въ литературномъ языкѣ имѣетъ сейчасъ только **сословное** значеніе, т.-е. показываетъ, что рѣчь идетъ о крестьянкѣ (сравн. „дѣвица"—слово для всѣхъ сосло-

Вліяніе ихъ на формальныя измѣненія.

вій, и „дѣвушка“ — слово по преимуществу городское). Въ крѣпостную эпоху въ словѣ этомъ, въ связи съ общими воззрѣніями эпохи, былъ еще нѣкоторый оттѣнокъ унизительности, и это лучше всего показываетъ, какъ значеніе формальной части можетъ измѣниться вмѣстѣ съ измѣненіемъ значенія всего слова. Въ словѣ „шляпка“ тотъ же суффиксъ указываетъ на женскую шляпу, такъ какъ общимъ названіемъ служитъ „шляпа“ (очевидно, въ эпоху, когда устанавливалось это различеніе, женскія шляпы были меньше мужскихъ). Но чаще всего измѣненіе значенія слова создастъ потерю формы, такъ какъ формальная часть теряетъ свое отдѣльное значеніе и сливается съ корнемъ въ **новый корень**. Такъ, въ словѣ „ручка“ (для писанія) мы не сознаемъ совсѣмъ суффикса „к“, потому что не сближаемъ этого слова ни со словами:

рук а
рук и
без рук ій
Долго рук ій
рук оятка
руч ной
об руч еніе
и т. д.

ни со словами:

ножка, головка, горка, ямка, ложбинка и т. д.

И, конечно, это только потому, что слово это по общему своему значенію совсѣмъ оторвалось отъ „руки“. Точно такъ же въ словѣ „крышка“ корень будетъ сейчасъ не „крыш—“, а „крышк“, потому что никто не думаетъ здѣсь о „маленькой крышѣ“, въ словѣ „вилка“ корень не „вил—“, а „вилк“, потому что никто не думаетъ здѣсь о вилахъ, въ словѣ „водка“ корень не „вод—“, а „водк“, потому что никто не думаетъ о водѣ и т. д. Такъ **производныя основы** („руч+к“, „крыш+к“, „вил+к“ и т. д.) **переходятъ въ непроизводныя или корни** („ручк“, „крышк“, „вилк“ и т. д.). Это одинъ изъ самыхъ распространенныхъ процессовъ въ области измѣненія формъ. Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ. Слово „пиво“ когда-то обозначало все, что пьется (срвн. „варево“—то, что варится, „курево“—то, что курится, „мѣсиво“—то, что смѣшивается, „бросово“—то, что бросается). Но такъ какъ слово это стало обозначать только одинъ опредѣленный напитокъ, то такое пониманіе слова было

забыто, и сейчасъ здѣсь, конечно, нѣтъ ни корня „пи", ни суффикса „в", а только одинъ корень „пив". Правда, суффиксъ „в" вообще сомнителенъ; врядъ ли онъ сознается сейчасъ въ русскомъ языкѣ, такъ какъ большая часть словъ, имѣвшихъ когда-то этотъ суффиксъ, какъ разъ такъ измѣнилась по значенію, что суффиксъ пропалъ (срвн. „зарево", „марево", „кружево", „огниво"). Но все-таки въ словахъ: „варево", „курево", „мѣсиво" сохраняется какъ-ни-какъ хоть нѣкоторый слѣдъ этой формы, въ словахъ же: „пиво", „кружево" и т. д. она исчезла совершенно. Въ словѣ „нѣмецъ" нѣтъ того суффикса „ец", что въ словахъ „лѣнивецъ", „паршивецъ", „простецъ", „хитрецъ", „наглецъ" и т. д., и онъ исчезъ именно потому, что слово слишкомъ удалилось отъ своего первоначальнаго смысла („нѣмецъ"—нѣмой, съ кѣмъ нельзя объясняться). Въ словѣ „чернила" мы уже не сознаемъ корня „черн" и суффикса „ил" (первоначально все, чѣмъ чернятъ, какъ „зубрило"—то, чѣмъ зубрятъ, „точило"—то, чѣмъ точатъ и т. д.), и это лучше всего сказывается въ томъ, что въ словахъ „красныя чернила" мы не замѣчаемъ никакого противорѣчія. Точно такъ же никого не удивляетъ малороссійская „деревня", состоящая не изъ деревянныхъ избъ, а изъ мазанокъ, „обѣдня", теперь уже не совпадающая съ обѣдомъ и т. д.

Измѣненія словаря языка.

Такой же переходъ производныхъ основъ въ непроизводныя можетъ создаваться и измѣненіями словаря языка. Составъ словъ языка тоже все время измѣняется: одни слова постепенно выходятъ изъ употребленія и вымираютъ, другія нарождаются и постепенно все болѣе и болѣе входятъ въ употребленіе. А вѣдь для того, чтобы сознавалась та или иная форма, надо, чтобы въ языкѣ было 2 ряда словъ, сходныхъ съ данными словами. Понятно, что если одинъ изъ этихъ рядовъ или оба они порѣдѣютъ или даже совсѣмъ вымрутъ, форма исчезнетъ. Въ словахъ, напр., „миска", „лавка", „будка", „дудка" и т. д. форма уменьшительности исчезла не потому, что значеніе ихъ измѣнилось, а потому, что основныя слова, необходимыя для сравненія, „миса", „лава", „буда", „дуда" вышли или почти вышли изъ употребленія. Въ словѣ „великій" когда-то сознавался корень „вел" и суффиксъ „ик". Древне-русскому книжному языку еще можно приписать такой составъ этого слова, потому что тамъ существовало прилагательное „велии" (=большой, великій, напр.: „велии еси, Господи, и чудьна дѣла Твоя!", „пророкъ велии въста въ насъ"), междометіе „веле" („о веле великое несъмышленіе!") и цѣлый рядъ

Вліяніе ихъ на формальныя измѣненія.

сложныхъ словъ съ той же основой впереди (веледушіе, велерѣчіе, велехваленіе, велелѣпьныи, велемудрыи, велегласьныии т. д.). Отъ всѣхъ этихъ словъ могла быть отвлечена основа „вел". Съ другой стороны, существовали такія прилагательныя, какъ: коликыи, толикыи, селикыи. Отъ нихъ могъ быть отвлеченъ суффиксъ „ик" со значеніемъ количества. Въ настоящее же время оба эти ряда словъ вымерли до-чиста, и въ словѣ „великіи", понятно, нѣтъ ни корня „вел", ни суффикса „ик", а одинъ только корень „велик—". Слово „отецъ" потому сходно по окончанію со словами: „дѣлецъ", „пловецъ", „простецъ", „братецъ", „хлѣбецъ", „народецъ" и т. д., что здѣсь когда-то былъ дѣйствительно корень **от**+суффиксъ **ец** (тогда еще „ыц") съ уменьшительно-ласкательнымъ значеніемъ, такъ что „отецъ" означало первоначально то же, что нынѣшнее „батюшка" („отецъ" относится къ предполагаемому * „отъ", какъ „братецъ" относится къ „братъ"). Но было это тогда, когда русскаго языка еще на свѣтѣ не было, въ п р а - с л а в я н с к у ю эпоху (если не раньше), такъ какъ ни въ одномъ изъ славянскихъ языковъ нѣтъ слова * „отъ", а вездѣ только уменьшительное отъ этого слова (срвн. остатки корня „от—" въ древне-русскомъ „отьнь" = отцовскій и въ архангельскомъ „безотній" = лишенный отца). Значитъ, здѣсь исчезновеніе слова „отъ" уничтожило форму ласкательности въ словѣ „отецъ" (срвн. повтореніе того же процесса въ болѣе позднюю эпоху въ словахъ „миса — миска", „лава — лавка" и т. д.). Въ словѣ „добрый" скрывается болѣе древній корень „доб" и суффиксъ „р". Собственно, суффиксъ „р" можно приписать съ полной увѣренностью только индо-европейскому пра-языку, но все-таки еще въ древне-русскомъ языкѣ корень „добр—" не былъ такимъ нѣльнымъ, какъ теперь, потому что тамъ существовало слово „доба" (=время, удобное время, хорошій случай, польза), очень употребительное нарѣчіе „надобѣ", которое еще до нѣкоторой степени сознавалось, какъ „на д о б ѣ", т.-е., на хорошей порѣ, въ подходящую минуту, при должномъ случаѣ (отсюда „надобный", „надобно" и сокращенное „надо"), и цѣлый рядъ другихъ словъ съ той же основой: „**безд**о**б**ь", „**безд**о**б**ьный" (=безполезный), „**доб**лии" (=крѣпкій, сильный), „**доб**лѣти" (=грубѣть), „**удоб**ляти" (=побѣждать), „**доб**елыи" (рядомъ съ „дебелыи" и съ тѣмъ же значеніемъ), „**удоб**ие" (умѣренность, довольство), „**удоб**изна" (легкость), „**удоб**ь", „**удоб**ьныи", „**подоб**ьныи" (не только въ смыслѣ „сходный", а и въ смыслѣ „подходящій", „подобающій"), „**подоб**ати", „**подоб**а" (= приличіе,

пристойность и т. д. Съ другой стороны, суффиксъ „р“ могъ отчасти просвѣчивать въ такихъ словахъ, какъ „бъ**др**ый“, которое больше походило на „бъдѣти“, чѣмъ теперешнее „бодрый“ на „бдѣть“, „хыт**р**ый“ при „хытити“ (срвн. теперешнее „похитить“), „мудрый“ при „мудити“ (= медлить), „кып**р**ый“ (= поздреватый) при „кыпѣти“, „пьст**р**ый“ при „пьсати“ (теперешнія „пестрый“ и „писать“, т вставлено въ „пьсрыи“, какъ въ нашихъ народныхъ „страмъ“, „страженье“ и т. д.), „мокрый“ при „мокнути“ (сохранилось до-нынѣ) и т. д. Мы видимъ, какъ исчезновеніе цѣлаго ряда словъ (вмѣстѣ съ измѣненіемъ по значеніямъ и по звукамъ нѣкоторыхъ оставшихся) с л и л о въ концѣ-концовъ суффиксъ „р“ и корень „доб“ въ одинъ **новый корень „добр—“**.

Недостаточныя слова.

Иногда изъ языка изчезаетъ не в с е слово, а только нѣкоторыя его формы, нѣкоторые падежи, нѣкоторыя лица и т. д.*) Такъ, отъ существительнаго „мочь“ употребляются только винительный падежъ („во всю мочь“), родительный („изо всей мочи“, „нѣтъ мочи“) да изрѣдка именительный („гдѣ жъ дѣвалася мочь зеленая?..“ Кольц.); отъ существительнаго „стать“ въ смыслѣ приличія, пристойности употребляется только родительный („съ какой стати?“) да изрѣдка именительный („къ вамъ ѣхать отсюда какая мнѣ стать?“ А. Толстой); отъ глаголовъ „очутишься“. „очутится“, „побѣдишь“, „побѣдитъ“ пропало 1-е лицо единств. числа; отъ глаголовъ „смѣюсь“, „боюсь“, „лѣнюсь“ и т. д. пропала форма безъ „сь“. Если недостающихъ формъ больше, чѣмъ оставшихся, то получаются такъ назыв. н е д о с т а т о ч н ы я слова (какъ: „мочь“, „стать“). Иногда недостача замѣняется формами отъ д р у г и х ъ о с н о в ъ: такъ, недостающая положительная степень прилагательнаго „лучшій“ замѣнена словомъ „хорошій“, недостающій именительный падежъ къ формамъ: „меня“, „мнѣ“, „мною“ замѣненъ словомъ „я“, недостающій именительный падежъ къ формамъ: „его,“ „ему“, „ея“, „ей“, „ихъ“,

*) Собственно говоря, „столъ“, „стола“, „столу“, „столомъ“ и т. д. суть о т д ѣ л ь н ы я с л о в а, потому что въ каждомъ изъ нихъ заключено свое индивидуальное, не повторяющееся въ языкѣ сочетаніе д а н н а г о формальнаго значенія съ д а н н ы м ъ вещественнымъ. Но такъ какъ связь между такими словами очень тѣсна и въ словаряхъ, по понятнымъ причинамъ, вмѣсто группы такихъ словъ приводится только о д н о слово, являющееся ихъ представителемъ (именит. падежъ, 1-е лицо и т. д.), то принято всю группу называть однимъ „словомъ“, а на отдѣльные члены группы смотрѣть, какъ на видоизмѣненія этого единаго „слова“. Практически, въ популярномъ изложеніи, очень удобно именно такое, не совсѣмъ точное, словоупотребленіе.

„имъ" и т. д. замѣнены словами: „онъ", „она", „оно", „они", недостающій несовершенный видъ глагола „скажу" замѣняется глаголомъ „говорю" и т. д. Наиболѣе распространена недостаточность среди существительныхъ; именно, здѣсь теряется часто все единственное число, и благодаря этому образуется обширный классъ исключительно-множественныхъ существительныхъ („дребезги", „квасцы", „вилы", „ворота", „сумерки", „чернила" и т. д.). Иногда изо всѣхъ падежей существительнаго остается только одинъ падежъ одного числа, и тогда ужъ, конечно, ни падежъ, ни число не сознаются, и слово дѣлается безформеннымъ, такъ какъ форма вѣдь можетъ сознаваться только по сравненію со смежными формами. Такія слова, напр., какъ: пѣшкомъ, боскомъ, ничкомъ, нагишомъ и т. д., суть, собственно, бывшіе творительные падежи единств. числа, отъ которыхъ именительные звучали бы сейчасъ, какъ: * „пѣшокъ", * „боскъ", * „ничокъ", * „нагишъ" и т. д. Но такъ какъ здѣсь недостаетъ всѣхъ остальныхъ формъ, то это уже не недостаточныя существительныя, а безформенныя слова. Почти весь обширный классъ такъ назыв. неграмматическихъ нарѣчій произошелъ именно такимъ образомъ.

Происхожденіе безформенныхъ словъ изъ словъ, имѣвшихъ форму.

Образованіе новыхъ словъ меньше вліяетъ на грамматическую сторону языка, чѣмъ потеря старыхъ. Вѣдь всякое новое слово создается по образцу старыхъ (если только не заимствуется изъ чужого языка), и если оно, несмотря на новизну, находитъ хорошій пріемъ и легко распространяется, то, значитъ, оно сразу всѣмъ понятно, а понятнымъ оно можетъ быть только въ томъ случаѣ, если заключаетъ въ себѣ самые распространенные, самые живые суффиксы и приставки, и притомъ именно въ томъ ихъ значеніи, которое наиболѣе употребительно. Значитъ, ни новыхъ формальныхъ частей, ни новыхъ формальныхъ значеній этимъ путемъ возникнуть не можетъ. Но все же образованіе новыхъ словъ имѣетъ нѣкоторое значеніе для грамматики языка въ томъ отношеніи, что пополняетъ тѣ ряды словъ, оскудѣніе которыхъ можетъ, какъ мы видѣли, повести къ потерѣ формы. Оно не создаетъ новыхъ формъ, но поддерживаетъ имѣющіяся. Пояснимъ это примѣромъ. Гончаровъ могъ создать слово „обломовщина" только потому, что суффиксъ „щин" былъ однимъ изъ живѣйшихъ и употребительнѣйшихъ суффиксовъ уже въ его время. Но своей „обломовщиной" онъ еще болѣе укрѣпилъ суффиксъ, еще болѣе содѣйствовалъ

Вліяніе новообразованій.

его процвѣтанію, которое выражается теперь въ цѣломъ рядѣ новообразованій („нелегальщина", „азефщина", „декадентщина" и т. д.). Кромѣ того, образованіе новыхъ словъ можетъ создавать новыя основы и новые корни въ языкѣ: „под—да — кивать", „от—нѣ — киваться", „ты — кать", „вы — кать" (говорить на „ты" и на „вы"), „ох — ать", „ах — ать", „ах — овый", „бац — нуть", „хихи — кать", „тяв — кать", „тогда — шній", „всегда — шній", „вчера — шній", „до завтра — го", „къ завтра — му", „на — те" „отсебя — тина", „их — ній" и т. д. и новые способы основосложенія: „с — ума — сшедшій" (отличать, конечно, отъ „съ ума сшедшій"), „ума — лишенный", „послѣ — обѣденный" и т. д. Наконецъ, если новыя слова берутся изъ чужого языка, съ ними могутъ забрести и чужія формальныя части, которыя могутъ и въ новомъ языкѣ получить формальное значеніе, такъ что образуются новые суффиксы и приставки. Таковъ, напр., греческій суффиксъ „ист", ставшій теперь живымъ русскимъ суффиксомъ (гимназ — истъ, реал — истъ, курс — истъ, гитар — истъ, гусл — — истъ, контробас — истъ, шахмат — истъ, паспорт — истъ, декабр — истъ, октябр — истъ, скандал — истъ, „шаляпин — — истъ", „собин — истъ"), французскій суффиксъ „ёр" („шоферъ", „монтеръ", „суфлеръ", „режиссеръ", и т. д. и по ихъ образцу „шахт — еръ", „винт—еръ)", греческая приставка „анти" („антихристъ", „антиподъ", „антиномія" и по ихъ образцу „анти-нѣмецъ", „анти-нейдгардтовецъ", „анти-стамбуловецъ") и т. д.

Самостоятельныя измѣненія въ области формъ.

Итакъ, формы словъ измѣняются и отъ измѣненія звуковъ языка, и отъ измѣненія значеній, и отъ измѣненія словаря. Но есть и такія измѣненія въ области формъ, которыя не зависятъ ни отъ того, ни отъ другого, ни отъ третьяго, а происходятъ сами по себѣ; и это какъ разъ важнѣйшія измѣненія. Сюда относятся:

Образованіе новыхъ формальныхъ частей изъ отдѣльныхъ словъ.

1) **Образованіе новыхъ формальныхъ частей** и, слѣдовательно, **появленіе новыхъ формъ**. У насъ, напр., существуетъ сейчасъ особый разрядъ глаголовъ, оканчивающихся на „ся" (умываться, одѣваться, бороться, кусаться, покрываться, лѣниться и т. д.), гдѣ „ся" — формальная часть съ залоговыми значеніями (возвратно-средній залогъ). Въ древне-русскомъ же языкѣ этой формальной части еще не было, такъ какъ „ся" было отдѣльнымъ словомъ, которое могло занимать какое угодно мѣсто во фразѣ: „и вълѣзоша деревляне начаша ся мыти", „крестившимъ же ся людемъ, идоша

кождо въ домы своя", „еще бо не бяху ся утвердили вѣрою", „выпусти ты свой мужь, а я свой, да ся борета", „а вѣ (=мы) ся братомъ своимъ и сыномъ Изяславомъ сами вѣдаимы" (=сами сладимся, сговоримся), „и тако ся начаша ладити" (=сговариваться) и т. д. Правда, оно было такъ назыв. частичнымъ словомъ, т.-е. не имѣло самостоятельнаго значенія, а придавало лишь глаголу тѣ самые оттѣнки, которые сейчасъ придаются частицей „ся" (подробнѣе о частичныхъ словахъ будетъ сказано далѣе). Но во всякомъ случаѣ это было отдѣльное слово. Мало-по-малу оно все больше и больше тѣснилось къ глаголу и, наконецъ, слилось съ нимъ въ одно слово. Такъ и возникла въ языкѣ новая формальная часть. Точно такъ же въ малороссійскомъ языкѣ, напр., возникло особое будущее время: „гулятиму", „гулятимешь", „гулятиме", „гулятимемъ", „гулятимете", „гулятимуть", въ которомъ не трудно разглядѣть: „гулять имѣю", „гулять имѣешь" и т. д. (срвн. у насъ: „засѣданіе имѣетъ быть тогда-то", гдѣ это „имѣетъ" уже не то, что въ „онъ имѣетъ большое состояніе", а сдѣлалось частичнымъ словомъ). Эти „му", „мешь", „ме" и т. д. могутъ даже употребляться еще и передъ глаголомъ („му гуляти", „мешь гуляти" и т. д.), такъ что здѣсь мы имѣемъ какъ разъ не законченное образованіе формы, самую середину, такъ сказать, процесса *). Или возьмемъ, напр., все склоненіе нашихъ прилагательныхъ. На мѣстѣ нашихъ „злого", „злому", „злымъ", „о зломъ" и т. д. мы находимъ въ древне-церковно-славянскомъ языкѣ (который въ этомъ случаѣ сохранилъ пра-славянскую древность) формы: **зълаего, зълааго, злаго** (встрѣчаются всѣ 3 разновидности), **зълуему, зълууму, зълуму, зълъимь, зълыимь, о зълѣемь**. Не трудно догадаться, что здѣсь произошло сліяніе словъ „зъла", „зълу", „зълъмь", о „зълѣ" со словами его, ему, имь, (о н) емь. И именительный падежъ **зълыи** (или **зълъи**), **зълая, зълое** произошелъ точно такъ же, такъ какъ къ формамъ „его", „ему", „ея", „ей" и т. д. былъ когда-то именительный падежъ **и, я, е** (срвн. **иже, яже, еже**, образовавшіяся изъ „и+же", „я+же", „е+же"), такъ что „зълъ+и" дало „зълыи", „зъла+я" — „зълая", „зъло+е" — „зълое". А передъ тѣмъ, какъ прильнуть къ краткому прилагательному, эти „и — я — е" потеряли при прилагательныхъ прежнее свое значеніе (онъ — она — оно),

*) Самостоятельно употребляются только „маю", „маешь", „мае" и т. д., такъ что эти „му", „мешь", „ме" и т. д. никогда не могутъ имѣть полнаго самостоятельнаго смысла.

и стали выражать только особый оттѣнокъ рѣчи; именно, они стали указывать, что о данномъ предметѣ уже была рѣчь, что онъ, вообще, извѣстенъ говорящимъ. Этотъ оттѣнокъ сохранялся въ нихъ нѣкоторое время и послѣ сліянія, такъ что, напр., по древне-церковно-славянски „зълъıи чловѣкъ" обозначало такого „злого человѣка", о которомъ уже раньше шла рѣчь (напр., въ серединѣ разсказа), а „зълъ чловѣкъ" обозначало такого „злого человѣка", о которомъ говорится впервые *). Итакъ, любое слово языка можетъ потерять свое самостоятельное значеніе превратиться въ частичное слово и слиться съ цѣлымъ рядомъ другихъ словъ, образовавъ новую форму. Этотъ способъ — самый распространенный въ языкахъ, и такъ могли возникнуть и первыя формы человѣческаго языка (гдѣ бы и когда бы это ни произошло). Хотя въ нашихъ примѣрахъ оба слившіяся слова уже имѣли ранѣе каждое свою форму, но мы легко можемъ себѣ представить, что въ томъ предполагаемомъ первобытномъ языкѣ, въ которомъ еще не было совсѣмъ формъ, нѣкоторыя слова могли потерять самостоятельное значеніе и слиться съ другими словами, превратившись въ формальныя части, а ихъ превративъ въ основы или корни. Такъ именно и представляютъ себѣ ученые происхожденіе формъ въ языкѣ.

Образованіе новыхъ формальныкъ частей изъ старыхъ.

Въ приведенныхъ примѣрахъ новыя формальныя части образовывались изъ отдѣльныхъ словъ. Но и есть другой способъ образованія новыхъ формальныхъ частей: изъ старыхъ формальныхъ частей. Возьмемъ, напр., очень распространенный въ нашемъ языкѣ уменьшительный суффиксъ „чик" (самовар**чик**ъ, графин**чик**ъ, шкаф**чик**ъ, стакан**чик**ъ и т. д.). Въ древне-русскомъ языкѣ его еще не было. Образовался онъ такъ: въ древнемъ языкѣ были слова: пальчикъ, коньчикъ, ларьчикъ, мальчикъ и т. д., образовавшіяся отъ словъ: пальць, коньць, мальць, ларьць и т. д. (современныя „палецъ", „конецъ", „малецъ", „ларецъ") при помощи уменьшительнаго суффикса „**ик**" (того самаго, что имѣется сейчасъ въ словахъ „столи**к**ъ", „рото**к**ъ", „носи**к**ъ", „песи**к**ъ" и т. д.). При этомъ основы: „пальц —", „коньц —", „мальц —", „ларьц —" и т. д. переходили въ: „паль**ч** —", „конь**ч** —", „маль**ч** —", „ларь**ч** —" и т. д., т. е. здѣсь было чердованіе **ц** и **ч** (вообще очень распространен-

*) Почти во всѣхъ новыхъ европейскихъ языкахъ для тѣхъ же оттѣнковъ существуютъ особыя частичныя слова, такъ назыв. члены, опредѣленный и неопредѣленный.

ное въ древне-русскомъ языкѣ). Такимъ образомъ, слова наши расчленялись въ тогдашнемъ сознаніи на „пальч + икъ", „коньч + + икъ" и т. д. Мало-по-малу, однако, народное сознаніе стало расчленять эти слова и н а ч е, именно не на „пальч + икъ", „коньч + икъ" и т. д., а на „паль + **чикъ**", „конь + **чикъ**" и т. д. Это „чик" и стали прибавлять ко всевозможнымъ основамъ и создавать такія слова, какъ „самоварчикъ", „графинчикъ", „фельетончикъ" и т. д. Здѣсь, значитъ, изъ имѣвшагося уже въ языкѣ суффикса путемъ сліянія съ отщепившейся частью основы создался новый суффиксъ. Точно такъ же произошелъ и упоминавшійся уже нами суффиксъ „щин". Въ языкѣ существовало и существуетъ чередованіе **ск—щ : иск**-ать — **ищу**, **таскать** — **тащу**, **пускать** — **пущу**, **воскъ** — **вощить**, **трескъ** — **трещать**, **пискъ** — **пищать**, **доска** — **дощечка**, **тоска** — — **тощища** и т. д. Поэтому рядомъ со словами: „друж-**ин**-а", „судьб-**ин**-а", „вотч-**ин**-а", „напрасл-**ин**-а", „опричн-**ин**-а" и т. д. должны были существовать и такія, какъ „земщ-**ин**-а", „боярщ-**ин**-а", „поганщ-**ин**-а", „идольщ-**ин**-а" и т. д., гдѣ **щ** въ корнѣ чередовалось съ **ск**: зем**ск**-ій, боярс**к**-ій, поганск-ій и т. д. Съ теченіемъ времени они стали разбиваться въ сознаніи не на „земщ-ин-а", а на „зем-**щин**-а", не на „боярщ-ин-а", а на „бояр-**щин**-а" и т. д. Такъ и возникъ суффиксъ „щин". Точно такъ же суффиксъ „щик" (обман-**щик**-ъ, погон-**щик**-ъ, выдум-**щик**-ъ, зелен-**щик**-ъ, постав-**щик**-ъ, барабан-**щик**-ъ, милліон-**щик**-ъ и т. д.) возникъ изъ суффикса „ик" + отщепившееся отъ основы „щ", суффиксъ „чин" (солдат-**чин**-а, приход-**чин**-а, брат-**чин**-а, нѣмет-**чин**-а, склад-**чин**-а), изъ суффикса „ин" + отщепившееся отъ основы „ч" и т. д.

Примѣчаніе 1.—Надѣемся, что читатель на всѣхъ этихъ примѣрахъ достаточно убѣдился, что „корень" не есть древнѣйшая часть слова, какъ это можно было бы думать по названію и какъ это обычно считается въ школѣ. Корень такъ же измѣнчивъ, какъ и формальныя части, и всѣ с о в р е м е н н ы е корни такъ же современны, какъ современные суффиксы и приставки. Въ теченіе своей жизни всякій корень то нарастаетъ въ звукахъ, вбирая въ себя формальныя части (переходъ производныхъ основъ въ непроизводныя), то убываетъ, отдавая свои звуки формальнымъ частямъ (процессъ, описанный только что). Такимъ образомъ, если мы даже возьмемъ возстановленные наукой корни индо-европейскаго пра-языка, т.-е. древнѣйшіе извѣстные намъ индо-европейскіе корни, то и за ними все еще будетъ скрываться безконечный рядъ смѣняющихъ другъ друга нарастаній и убываній въ прош-

ломъ этого языка, недоступныхъ изслѣдованію, но происходившихъ, конечно, и въ этомъ языкѣ, какъ во всякомъ другомъ. Такъ что до тѣхъ первичныхъ „корней", къ которымъ пристали первичныя формальны части и образовали первичныя формы, намъ никогда не добраться. Въ наукѣ, впрочемъ, терминъ „корень" примѣняется теперь только къ древнѣйшимъ извѣстнымъ намъ корнямъ — къ корнямъ индо-европейскаго пра-языка. Но въ школѣ терминъ этотъ врядъ ли выведется, да и врядъ ли есть въ этомъ надобность. Нужно только правильное пониманіе его. См. также Прил.

Примѣчаніе II. — Есть и еще одинъ способъ образованія новыхъ формъ, способъ болѣе рѣдкій, но довольно любопытный. Именно, готовыя формальныя части могутъ приставать къ готовымъ цѣльнымъ словамъ, уже имѣющимъ форму, и превращать ихъ въ основы. Нѣчто подобное мы видѣли при образованіи такихъ словъ, какъ „отсебя — **тина**", „до завтра — **го**", „тогда—**шній**" и т. д. Но все это отдѣльныя слова, а въ русскомъ языкѣ есть и одна категорія формъ, происшедшая именно такимъ образомъ. Это—1-е лицо множ. числа повелительнаго наклоненія: пойдем—**те**, станем—**те**, будем—**те** и т. д. Здѣсь флексія 2-го лица (иди—**те**, стань—**те** и т. д.) перескочила на 1-е, и тѣмъ создалась новая форма.

Вымираніе формъ.

2) **Потеря** формъ. Многія формы гибнутъ и не вслѣдствіе звукового совпаденія съ другими формами, а просто потому, что перестаютъ употребляться, выходятъ изъ обращенія. Мы видѣли, что въ словахъ: огонь, уголь, гвоздь, путь, кость, ночь и т. д. именительный и винительный падежи въ пра-славянскомъ языкѣ совпали по звукамъ. А, напр., въ словахъ твердаго склоненія, какъ: столъ, возъ, городъ, грѣхъ, букъ, носъ и т. д. такого совпаденія, повидимому, не было, такъ какъ здѣсь наиболѣе вѣроятными формами для пра-славянскаго языка считаются: *„столо", *„возо", *„городо", *„грѣхо", *„буко", *„носо" и т. д. для именительнаго падежа и *„столъ", *„возъ", *„городъ", *„грѣхъ" и т. д. для винительнаго. И вотъ эти-то „столо" „возо" и т. д., отличавшіяся прекрасно по звукамъ отъ всѣхъ другихъ падежей того же склоненія, исчезли изъ языка и замѣнились винительнымъ еще въ пра-славянскомъ языкѣ. Тѣ же слова во множественномъ числѣ имѣли еще сравнительно недавно (въ древне-русскомъ языкѣ) для именительнаго падежа окончаніе **и** (столи, вози, городи, грѣси, буци, носи и т. д.), тогда какъ винительный падежъ оканчивался на **ы** (столы, возы, грѣхы, букы, носы и т. д.). И опять-таки именительный падежъ, рѣзко отличавшійся по звукамъ, исчезъ и замѣнился винительнымъ (срвн. остатки стараго именительнаго въ формахъ „сосѣди"

вм. „сосѣды“ и „черти“ вм. „чёрты“). Точно такъ же исчезли и звательныя формы древне-русскаго языка („старьче!“, „отьче!“, „господине!“, „жено!“, „сестро!“, „царю!“ „учителю!“, „врачю!“ и т. д.) и замѣнились именительнымъ падежомъ. Иногда исчезаетъ цѣлая группа тѣсно связанныхъ между собой формъ. Такъ, изъ древне-русскаго языка исчезло цѣлое двойственное число, различавшееся во всѣхъ склоненіяхъ и спряженіяхъ и употреблявшееся всегда, когда рѣчь шла о 2-хъ предметахъ, исчезли 2 прошедшихъ времени (такъ наз. „аористъ“ и „преходящее“, напр.: „придохъ“, „приде“, „придохомъ“, „придосте“, „придоша“, „сѣдяхъ“, „сѣдяше“, „сѣдяхомъ“, „сѣдясте“, „сѣдяху) и т. д. Какъ видно изъ примѣровъ, здѣсь слѣдуетъ различать 2 случая: 1) когда исчезающая форма замѣняется другой формой; въ этомъ случаѣ вымираніе формы объясняется именно тѣмъ, что ее вытѣсняетъ другая форма, а самый процессъ этого вытѣсненія можетъ быть объясненъ только впослѣдствіи, когда мы будемъ разсматривать синтаксическія измѣненія языка; 2) когда исчезающая форма ничѣмъ не замѣняется (напр., двойственное число). Въ этомъ случаѣ вымираетъ и самый оттѣнокъ, выражавшійся данной формой, и такая смерть формы объясняется уже глубокими внутренними причинами, перемѣной въ самомъ мышленіи народномъ, переставшемъ нуждаться въ данной формѣ.

III.

Формы синтаксическія и несинтаксическія.

Разница между формами падежа и числа существительнаго.

Возьмемъ выраженіе „люблю сестру“ и остановимся на словѣ „сестру“. Мы различаемъ въ немъ 3 формы: падежа, числа, рода. Сравнимъ между собой двѣ изъ нихъ, какъ разъ наиболѣе тѣсно между собой связанныя: падежа и числа. Между ними оказывается огромная разница. Падежъ слова „сестру“ зависитъ отъ слова „люблю“, при которомъ никакого другого падежа быть не можетъ: нельзя сказать: „люблю сестры“, „люблю сестрѣ“, „люблю сестрою“, а только „люблю сестру“. Напротивъ, число слова „сестру“ не зависитъ отъ слова „люблю“: можно одинаково сказать и „люблю сестру“ и „люблю сестеръ“. То же будетъ и со всякимъ другимъ существительнымъ, стоящимъ при словѣ

„люблю"; оно всегда должно будетъ стоять въ винит. падежѣ, а число можетъ быть какое угодно. И если нѣкоторыя слова все-таки должны будутъ стоять непремѣнно въ единственномъ числѣ или непремѣнно во множественномъ („люблю родину", а не „родины", „люблю святки"), то это уже будетъ зависѣть отъ самихъ этихъ словъ, отъ того что у нихъ нѣтъ того или другого числа, а слово „люблю" тутъ будетъ не причемъ. Точно такъ же въ выраженіи „любовь брата" падежъ слова „брата" зависитъ отъ слова „любовь" (нельзя сказать „любовь брату", „любовь братомъ" и т. д.), а число не зависитъ (можно сказать и „любовь брата" и „любовь братьевъ"). И вообще, падежъ существительныхъ всегда зависитъ отъ другихъ словъ даннаго сочетанія, а число не зависитъ.

Форма рода тоже, очевидно, не зависитъ отъ другихъ словъ, такъ какъ одинаково можно сказать: „люблю ребенка" и „люблю дитя", „наказываю ученика" и „наказываю ученицу", „приглашаю учителя" и „приглашаю учительницу" и т. д. Точно такъ же и всѣ увеличительныя, уменьшительныя, ласкательныя, пренебрежительныя формы („люблю сестрицу, сестренку, читаю книгу, книжку, книжицу, книжищу") и вообще всѣ формы существительныхъ, образуемыя не флексіями („люблю общеніе, общность, общество, общительность, сообщеніе, разобщеніе, купцовъ, перекупщиковъ, покупки, закупки и т. д.") не зависятъ отъ другихъ словъ въ рѣчи.

Формы синтаксическія и несинтаксическія.

Формы, зависящія, какъ падежъ существительныхъ, отъ другихъ словъ въ рѣчи, называются **синтаксическими** (потому что связная рѣчь изучается въ синтаксисѣ), а формы, не зависящія отъ другихъ словъ въ рѣчи — **несинтаксическими** или **словообразовательными**.

Примѣчаніе. Послѣднее названіе происходитъ отъ того, что очень многія изъ этихъ формъ (но далеко не всѣ) вносятся въ словари въ видѣ отдѣльныхъ словъ (напр., „книга", „книжка", „книжица", „книжища", „книжонка" всѣ будутъ въ словарѣ въ качествѣ отдѣльныхъ словъ), такъ что формы эти большей частью образуютъ, съ словарной точки зрѣнія, новыя слова.

У существительныхъ мы нашли только одну синтаксическую форму — падежъ. У прилагательныхъ найдемъ ихъ цѣлыхъ 3. Въ сочетаніи „покойной ночи" не только падежъ слова „покойной" зависитъ отъ падежа слова „ночи", но и число и родъ слова „покойной" зависитъ отъ числа и рода

слова „ночи": нельзя сказать „покойн**аго** ночи" или „покойн**ыхъ** ночи"; наоборотъ, если мы замѣнимъ слово „ночи" словомъ „сна", то мы уже должны будемъ сказать „пріятн**аго** сна", при словѣ „сновидѣній" мы скажемъ „пріятн**ыхъ** сновидѣній" и т. д. Такимъ образомъ, у прилагательнаго и падежъ, и число, и родъ — формы синтаксическія. Всѣ же другія формы прилагательныхъ — несинтаксическія или словообразовательныя (можно сказать и „покойной" и „покойнѣйшей ночи", „наипокойной", „препокойной", „успокоительной" и т. д.).

Въ сочетаніи „онъ стучитъ" форма лица въ словѣ „стучитъ" зависитъ отъ слова „онъ" (нельзя сказать „онъ стуч**у**" или „онъ стуч**ишь**"), такъ же и форма числа (нельзя сказать „онъ стуч**атъ**"). Точно такъ же въ сочетаніи „онъ стучалъ" форма рода и форма числа слова „стучалъ" тоже зависятъ отъ слова „онъ" (нельзя сказать „онъ стучал**а**" или „онъ стучал**и**"). Все это, значитъ, формы синтаксическія. Напротивъ формы залога и вида — несинтаксическія, такъ какъ одинаково можно сказать и „онъ стучитъ" и „онъ по**стук**ив**аетъ**" и „онъ стучит**ся**". Формы времени и наклоненія, вообще говоря, тоже не зависятъ отъ окружающихъ формъ: одинаково можно сказать и „онъ стуч**итъ**", и „онъ стуч**алъ**", и „онъ стуч**алъ бы**", „стуча**щая** по мостовой телѣга" и „стуча**вшая** по мостовой телѣга", „онъ вошелъ не стуч**ась**" и „онъ вошелъ, не постуча**вшись**". Но формы времени и наклоненія **глагола** считаются синтаксическими, по причинамъ, которыя можно будетъ выяснить лишь впослѣдствіи.

Синтаксическія формы русскаго языка.

Итакъ, синтаксическія формы въ русскомъ языкѣ слѣдующія:

1) форма **падежа въ существительныхъ;**

2) формы **падежа, числа и рода въ прилагательныхъ;**

3) формы **лица, числа, рода, времени и наклоненія въ глаголахъ.**

Внутренняя разница между синтаксическими и несинтаксическими формами.

Между формами синтаксическими и словообразовательными (несинтаксическими) есть и болѣе тонкая, и притомъ болѣе существенная, внутренняя разница. Словообразовательныя формы всегда вносятъ какой-либо новый оттѣнокъ въ вещественное значеніе слова. Въ словѣ „столы" выражается не то же самое, что въ словѣ „столъ", въ словѣ „столикъ" представляемый предметъ тоже измѣняется (уменьшается) и т. д. При словахъ „похаживаетъ", „постукиваетъ" намъ представляется не точно такое же хожденіе и стучаніе, какъ при словахъ „ходитъ" и „стучитъ". Точно такъ

же и „онъ стучится" не то же самое, что „онъ стучитъ", потому что „стучаться" можно только тогда, когда хочешь обратить на себя вниманіе того, кто находится внутри, а „стучать" можно съ разными цѣлями и по разнымъ предметамъ. Иногда этотъ оттѣнокъ, вносимый словообразовательной формой, чрезвычайно тонокъ, иногда онъ даже чисто воображаемый, не существующій въ дѣйствительности. Такъ, формы пренебрежительности („одежонка", „шапчонка", „Петька", „Ванька" и т. д.) могутъ не имѣть реальнаго значенія. Форма рода у огромнаго большинства существительныхъ не имѣетъ совершенно реальнаго значенія, потому что разница между „дубомъ" и „березой", „ворономъ" и „вороной", „псомъ" и „собакой", „столомъ" и „скамьей" вѣдь не имѣетъ ничего общаго съ половыми различіями. Въ представленіи нашемъ, однако, есть все-таки разница (хотя бы и еле уловимая) между дубомъ, какъ чѣмъ-то мужскимъ и березой, какъ чѣмъ-то женскимъ. Точно такъ же форма множественнаго числа въ словахъ „сумерки", „поминки", „квасцы" и т. д. создаетъ еле уловимый оттѣнокъ значенія. Но все-таки въ словообразовательной формѣ оттѣнокъ этотъ, какъ бы онъ ни былъ тонокъ, всегда есть. Напротивъ, синтаксическія формы не измѣняютъ нисколько вещественнаго значенія слова. При словахъ: „стола", „столу", „столомъ" и т. д. мы все время представляемъ себѣ совершенно одинъ и тотъ же предметъ безъ всякихъ измѣненій. Задача этихъ формъ совершенно другая и еще болѣе важная: онѣ создаютъ связную рѣчь. Безъ нихъ рѣчь наша разсыпалась бы на отдѣльныя безсвязныя слова. Безъ словообразовательныхъ формъ еще можно было бы понять другъ друга, потому что языкъ остался бы совершенно связнымъ и правильнымъ, только сталъ бы страшно бѣденъ словами и оттѣнками; безъ синтаксическихъ же формъ невозможно было бы никакое пониманіе.

IV.

Основные грамматическіе разряды словъ (части рѣчи).

О грамматическихъ разрядахъ словъ вообще.

Слова каждаго языка дѣлятся по формамъ своимъ на нѣсколько главныхъ разрядовъ. Разряды эти издавна пріобрѣли названіе (довольно неудачное) „частей рѣчи". До возникновенія научнаго языковѣдѣнія въ установленіи этихъ разрядовъ господствовали большой произволъ и путаница. Поэтому мы, хотя и предполагали въ предыдущемъ у читателя нѣкоторое знакомство съ частями рѣчи, должны тѣмъ не менѣе исправить и упорядочить свѣдѣнія его въ этой области.

Прежде всего спросимъ себя, какіе разряды вообще возможны здѣсь? По какимъ признакамъ будемъ мы устанавливать тѣ или другіе разряды? Такъ какъ рѣчь идетъ о дѣленіи словъ по ихъ формамъ, а формы имѣются далеко не у всѣхъ словъ, то всѣ слова языка, очевидно, должны распасться прежде всего на слова, **имѣющія форму,** или **форменныя**, и слова, **не имѣющія формы**, или **безформенныя**. Далѣе, такъ какъ самыя формы словъ распадаются на 2 основныхъ, существенно различныхъ разряда (формы синтаксическія и несинтаксическія), то очевидно и форменныя слова должны разбиться на тѣ же основные разряды: словъ **съ синтаксическими формами** и словъ **съ несинтаксическими формами**. А такъ какъ въ одномъ и томъ же словѣ однѣ формы могутъ быть синтаксическими, а другія — несинтаксическими, то возможенъ и третій разрядъ словъ, **имѣющихъ и тѣ и другія формы.** Наконецъ, въ каждомъ изъ этихъ основныхъ разрядовъ могутъ быть установлены дальнѣйшія подраздѣленія уже по тѣмъ или инымъ отдѣльнымъ формамъ, характернымъ для той или иной группы словъ, при чемъ въ словахъ съ синтаксическими формами главные разряды должны опредѣлиться, конечно, по ихъ синтаксическимъ формамъ, какъ по важнѣйшимъ.

Грамматическіе разряды русскаго языка.

Теперь попробуемъ примѣнить нашъ планъ дѣленія къ русскому языку и посмотримъ, какіе изъ возможныхъ разрядовъ въ немъ фактически имѣются. Прежде всего, мы уже знаемъ, что у насъ есть и форменныя слова („стекло" „разговорчивый"), и безформенныя („ахъ", „домой", „какаду"). Далѣе, среди форменныхъ у насъ есть такія, въ которыхъ есть и синтаксическія и несинтаксическія формы (напр.: „стекло", гдѣ падежъ—синтаксическая форма, а число—несинтаксическая) и такія, въ которыхъ есть только несинтаксическія формы (напр.: „смѣшно", „смѣшнѣе", гдѣ только одна форма степени сравненія, какъ разъ несинтаксическая). Первыя по ихъ синтаксическимъ формамъ можно раздѣлить на слова спрягаемыя и слова склоняемыя. Слова спрягаемыя, иначе называемыя **глаголами,** характеризуются синтаксическими формами лица, числа, времени и наклоненія, а также несинтаксическими формами залога и вида (**читаю**, **читаешь**, **читаетъ**, **читаемъ**, **читаете**, **читаютъ**, **читалъ**, **читай**, **про**читалъ, **читаюсь**). Въ формахъ прошедшаго времени русскіе глаголы не имѣютъ лица, но зато измѣняются по родамъ (**читалъ**, **читала**, **читало**), и это измѣненіе по ро-

дамъ такъ же входитъ въ систему спряженія, какъ въ настоящемъ и будущемъ времени измѣненіе по лицамъ. Слова склоняемыя, иначе называемыя **именами**, характеризуются синтаксической формой падежа. Въ однихъ изъ нихъ имѣется только эта одна синтаксическая форма, въ другихъ имѣются кромѣ нея еще синтаксическія формы числа и рода. Соотвѣтственно этому всѣ имена дѣлятся на имена существительныя (столъ, стол**а**, столу, столомъ, о столѣ, меня, мнѣ, мною, обо мнѣ, **кого**, **кому**, кѣмъ, о **комъ**, пять, пяти, пятью и т. д.) и имена прилагательныя (добр**ый**, добр**ая**, добр**ое**, добр**аго**, добр**ой**, добр**ому**, добр**ые**, добр**ыхъ** и т. д., так**ой**, так**ая**, так**ое**, так**ого**, так**ой**, так**іе**, так**ихъ** и т. д., втор**ой**, втор**ая**, втор**ое** и т. д.). Среди послѣднихъ опять-таки есть особая группа словъ, отличающихся глагольными формами времени, залога и вида (чита**ющій**, ая, ее, чита**вшій**, ая, ее, чита**емый**, ая, ое, чита**нный**, ая, ое, чита**ющійся**, читавшій**ся**, **про**читавшій, **про**читанный), такъ что всѣ прилагательныя разбиваются на собственно прилагательныя (которыя мы въ дальнѣйшемъ для краткости будемъ называть просто „прилагательными“) и глагольныя прилагательныя или причастія. Слова, имѣющія только несинтаксическія формы, представлены въ русскомъ языкѣ 3-мя совершенно разнородными группами словъ:

1) нарѣчіями, т.-е. словами имѣющими несинтаксическую форму степени сравненія (высок**о**, выш**е**, высо**чайше**, низк**о**, ниж**е**, ниж**айше**, худ**о**, хуж**е**, **наи**хуже, лучше, **наи**лучше, больше, **наи**больше и т. д.; впрочемъ, вмѣсто формы превосходной степени чаще употребляется составная форма: выше всего, ниже всего, хуже всего и т. д.).

2) дѣепричастіями, т.-е. словами, имѣющими несинтаксическія формы времени, залога и вида (чита**я**, чита**вши**, читая**сь**, читавши**сь**, **про**читавъ).

3) инфинитивами, т.-е. словами, имѣющими несинтаксическія формы залога и вида (читать, читать**ся**, **про**читать) и сверхъ того спеціальную форму инфинитива (писа**ть**, нес**ти**).

Всю эту классификацію можно наглядно представить въ слѣдующей схемѣ:

<table>
<tr><td colspan="4">ФОРМЕННЫЯ СЛОВА.</td><td rowspan="3">Безформенныя слова.</td></tr>
<tr><td colspan="3">Форменныя слова съ синтаксическими и несинтаксическими формами.</td><td rowspan="2">Форменныя слова съ однѣми несинтаксическими формами:
1) нарѣчія.
2) дѣепричастія.
3) инфинитивы.</td></tr>
<tr><td colspan="2">Имена.</td><td>Глаголы.</td></tr>
<tr><td>Имена прилагат.</td><td rowspan="2">Имена существ.</td><td rowspan="2"></td><td rowspan="2"></td></tr>
<tr><td>Собственно прилагат.</td><td>Причастія.</td></tr>
</table>

Части рѣчи русскаго языка.

Примѣняя терминъ „часть рѣчи“ къ мельчайшимъ дѣленіямъ нашей схемы и откидывая группу безформенныхъ словъ, какъ чисто-отрицательную, мы получимъ слѣдующія семь частей рѣчи въ русскомъ языкѣ:

1) **глаголъ**
2) **существительное**
3) **прилагательное**
4) **причастіе**
5) **нарѣчіе**
6) **дѣепричастіе**
7) **инфинитивъ.**

Нарѣчіе въ положительной степени совпадаетъ по звукамъ со среднимъ родомъ краткихъ прилагательныхъ („онъ пишетъ красиво“ и „это дитя красиво“, „онъ работаетъ лѣниво“ и „это животное лѣниво“ и т. д.). Но, что здѣсь все-таки сознается особая форма, отличная отъ прилагательнаго, можно заключить изъ нѣкоторыхъ побочныхъ признаковъ, а именно:

1) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ форма эта употребляется только, какъ нарѣчіе: много, рано, поздно, давно и т. д.

2) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣчается стремленіе различать ту или другую форму по ударенію: „онъ ѣстъ мало“ и „это дитя мало“, „это зданіе видно“ („зданіе“ — вин. пад.) и „это зданіе видно“ („зданіе“—именит. пад.), „онъ улыбнулся добро“, „это дитя добро“ и т. д.

3) По образцу нарѣчій образованы соотвѣтствующія формы (правда, безъ степеней сравненія) и отъ такихъ прилагательныхъ, которыя совсѣмъ не имѣютъ краткихъ окончаній: внѣшне, средне, крайне, излишне, искренне и т. д., а также отъ причастій: торжествующе, негодующе, вызывающе, угрожающе, блестяще, надлежаще и т. д.

Глаголы, причастія, дѣепричастія и инфинитивы, такъ какъ они сходны между собой нѣкоторыми глагольными формами (залоги и виды, а у первыхъ 3-хъ и времена) и по нѣкоторымъ другимъ причинамъ, которыя выяснятся впослѣдствіи, объединяются нерѣдко въ менѣе тѣсную группу глагольныхъ словъ.

V.

Части рѣчи, какъ формы.

Формы частей рѣчи. Какъ распознаются онѣ?

То обстоятельство, что слова по формамъ своимъ распадаются на 7 разрядовъ, создаетъ въ языкѣ 7 особыхъ главныхъ формъ: существительнаго, прилагательнаго, глагола, причастія, дѣепричастія, инфинитива и нарѣчія. Собственно, особыхъ формальныхъ частей, которыя бы въ каждомъ словѣ обозначали, какая это часть рѣчи, въ языкѣ нѣтъ. И тѣмъ не менѣе мы въ каждомъ словѣ прекрасно узнаемъ форму части рѣчи. Дѣло въ томъ, что всѣ формы языка сознаются вообще въ связи. Слово „дашь“, напр., неотдѣлимо отъ словъ: дамъ, дастъ, дадимъ, дадите, дадутъ, далъ, далъ бы, дай и т. д., и когда мы говоримъ „дашь“, мы сознаемъ здѣсь не только эту форму, не только 2-е лицо ед. ч. буд. вр. изъяв. накл., но и то, что при ней есть другія лица, другое число, другія времена, другія наклоненія (иначе вѣдь и различить бы нельзя было, напр., 2-го лица, безъ сравненія его съ 1-мъ и 3-мъ лицомъ). А разъ мы сознаемъ, что слово имѣетъ формы лица, числа, времени и наклоненія, мы и сознаемъ его глаголомъ. Такъ и создается форма глагола. Точно такъ же въ каждомъ прилагательномъ мы сознаемъ за разъ и падежъ, и число, и родъ, и все это сознаемъ, какъ измѣненія чего-то одного, что и называемъ прилагательнымъ. Значитъ, формы частей рѣчи создаются всѣми другими формами.

Особенно ясно это видно въ тѣхъ случаяхъ, когда какія-либо части рѣчи сходны другъ съ другомъ своими формальными частями. Напр., флексіи прилагательныхъ съ краткимъ

окончаніемъ (добръ, добра, добро) совпадаютъ съ флексіями многихъ существительныхъ (столъ, вода, окно). Но мы обычно даже и не замѣчаемъ этого сходства, и именно потому, что „добръ, добра, добро" представляются намъ, какъ что-то тѣсно связанное, какъ измѣненія чего-то одного, а „столъ, вода, окно" мы не можемъ такъ себѣ представить. Точно такъ же такія существительныя, какъ „портной", „вселенная", „насѣкомое" совпадаютъ по флексіямъ во всѣхъ падежахъ съ прилагательными (потому что это бывшія прилагательныя). Но то, что нельзя сказать „портной — портная — портное", „вселенный — вселенная — вселенное", „насѣкомый — насѣкомая — — насѣкомое" и дѣлаетъ ихъ настоящими существительными. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда въ такомъ существительномъ отъ мужескаго рода можно образовать женскій („нищій" и „нищая", „сумасшедшій" и „сумасшедшая", „больной" и „больная") этотъ женскій родъ связанъ съ перемѣной вещественнаго значенія и потому сознается, какъ нѣчто отдѣльное, не объединенное съ мужескимъ родомъ, т.-е. опять-таки совсѣмъ не такъ, какъ въ прилагательныхъ: „нищій — нищая — нищее", „сумасшедшій — сумасшедшая — сумасшедшее" и т. д.

Суффиксы частей рѣчи.

Кромѣ того части рѣчи обозначаются еще и суффиксами. Есть много суффиксовъ, служащихъ только для этого. Напр., „бѣлизна" отличается отъ „бѣлый" суффиксомъ „изн", „доброта" — отъ „добрый" суффиксомъ „от", „гибель" — отъ „гибнуть" суффиксомъ „ел(ь)". Все это суффиксы существительныхъ. „Умный" отличается отъ „умъ" суффиксомъ „н", „колкій" отъ „колоть" — суффиксомъ „к". Это суффиксы прилагательныхъ. „Ходить", „возить", „бродить" отличаются отъ „ходъ", „возъ", „бродъ" глагольнымъ суффиксомъ „и". Значитъ, зачастую части рѣчи обозначаются и особыми формальными частями. Особенно это развито въ глаголахъ, которые всѣ, кромѣ глаголовъ „ѣмъ" и „дамъ", имѣютъ въ основѣ настоящаго времени глагольные суффиксы „е" и „и" (основы 1-го и 2-го спр.). Въ инфинитивахъ тоже часть рѣчи обозначается либо спеціальнымъ суффиксомъ (чита—**ть**, нес— — **ти**), либо спеціальнымъ чередованіемъ согласныхъ корня (**могу — мочь**, **пеку — печь**, **стерегу — стеречь**).

VI.

Значеніе формъ частей рѣчи.

Хотя формы частей рѣчи и имѣютъ огромное синтаксическое значеніе и разсматриваются обычно въ синтаксисѣ, но все-таки, по существу, это словообразовательныя формы, вносящія каждая свой особый оттѣнокъ въ вещественное значеніе слова. Такъ какъ это главные оттѣнки рѣчи, то на нихъ мы должны будемъ остановиться подольше. Начнемъ съ важнѣйшей части рѣчи — глагола.

Значеніе глагола.

Всякій, вѣроятно, помнитъ школьный вопросъ, по которому онъ узналъ въ дѣтствѣ глаголъ: „что дѣлаетъ предметъ?“ Этотъ вопросъ вполнѣ вѣрно опредѣляетъ сущность глагольной формы. Въ каждомъ глаголѣ заключенъ оттѣнокъ какого-либо „дѣланья“ или „дѣйствія“. Но, чтобы убѣдиться въ этомъ, надо разсматривать не такіе глаголы, какъ: „ходитъ“, „бѣгаетъ“, „работаетъ“, „читаетъ“, „пишетъ“ и т. д., на которыхъ намъ въ дѣтствѣ объясняли значеніе глагола. Вѣдь мы уже знаемъ, что въ словѣ, имѣющемъ форму, не одно значеніе, а нѣсколько, что у вещественной части — свое значеніе, у формальныхъ — свои. Теперь, если вещественная часть сама по себѣ уже обозначаетъ дѣйствіе (а въ этихъ глаголахъ это именно такъ: основы „ход —“, „бѣг —“, „работ —“ и т. д. обозначаютъ какъ разъ дѣйствіе), то можно ли будетъ различить въ такомъ глаголѣ тотъ, иногда очень тонкій, оттѣнокъ дѣйствія, который вносится самой формой глагола, т.-е. формальными частями его (ходи**тъ**, работа**етъ**, пиш**етъ** и т. д.)? Вѣдь это то же самое, что увидѣть позолоту на золотѣ или звѣзды при яркомъ солнцѣ! Очевидно, именно эти-то глаголы и не годятся для нашей цѣли. Напротивъ, стоитъ взять любой глаголъ, у котораго въ корнѣ выражено не дѣйствіе, и оттѣнокъ дѣйствія, вносимый глагольностью, выступитъ сразу. Въ самомъ дѣлѣ, что, напр., значитъ „мочу?“ Вѣдь это значитъ „дѣлаю мокрымъ“. Точно такъ же:

сушу =	дѣлаю	сухимъ
бѣлю =	„	бѣлымъ
черню =	„	чернымъ
глушу =	„	глухимъ
острю =	„	острымъ

цѣлю = дѣлаю цѣлымъ („цѣлый" прежде обозначало и здоровье)

веселю = „ веселымъ
печалю = „ печальнымъ
грѣшу = „ грѣшное
смѣшу = „ смѣшное
шумлю = „ шумъ
звоню = „ звонъ
удлиняю = „ длиннымъ
укорачиваю = „ короткимъ
утраиваю = „ тройнымъ
усваиваю = „ своимъ

и т. д.

Форма возвратно-средняго залога (на „ся") нисколько не измѣняетъ этого оттѣнка: „сушусь" = дѣлаюсь сухимъ, „удлиняюсь" = дѣлаюсь длиннымъ, „укорачиваюсь" = дѣлаюсь короткимъ, „утраиваюсь" = дѣлаюсь тройнымъ и т. д. Здѣсь, значитъ, къ оттѣнку „дѣланія" присоединился только еще оттѣнокъ, выражаемый частицей „сь". Самъ же оттѣнокъ „дѣланія" отъ этого не исчезъ. Подобное же значеніе имѣетъ и огромный разрядъ глаголовъ на „**ѣю**": молодѣю, старѣю, умнѣю, глупѣю, толстѣю, худѣю, звѣрѣю, совѣю, соловѣю, сиротѣю и т. д. „Молодѣю" значитъ дѣлаюсь молодымъ „умнѣю" — дѣлаюсь умнымъ, „звѣрѣю" — дѣлаюсь звѣремъ, „сиротѣю" — дѣлаюсь сиротой и т. д. Сопоставимъ еще рядъ глаголовъ съ образованными отъ той же основы другими частями рѣчи. Сравнимъ, напр., „лѣнится" и „лѣнивъ". „Лѣнится" это значитъ поступаетъ нехорошо, дурно ведетъ себя, вообще дѣлаетъ что-то нехорошее, недозволенное (хотя въ данномъ случаѣ это „дѣланіе" сводится, въ сущности, къ ничегонедѣланію). Напротивъ, въ словѣ „лѣнивъ" нѣтъ никакого дѣйствія, такъ какъ оно указываетъ только на природное качество. Человѣкъ можетъ быть отъ природы лѣнивъ, но усиліемъ воли или подъ давленіемъ необходимости работать, какъ волъ. Про такого человѣка мы скажемъ, что онъ „лѣнивъ", но что въ данное время онъ „не лѣнится". Наоборотъ, отъ природы трудолюбивый человѣкъ можетъ разлѣниться, и мы скажемъ тогда, что онъ „не лѣнивъ", но въ данную минуту „лѣнится". Ясно, что онъ въ данную минуту что-то дѣлаетъ и при томъ что-то такое, чего онъ обычно не дѣлаетъ. Далѣе, сравнимъ „веселится" и „ве-

селъ". При словѣ „веселится" намъ представляются какія-то дѣйствія веселящагося человѣка. Если намъ скажутъ: „онъ сегодня веселится", мы, смотря по человѣку, предположимъ или попойку, или балъ, или поѣздку за городъ, словомъ, во всякомъ случаѣ какія-либо „веселыя" дѣйствія. Ничего этого нѣтъ въ словѣ „веселъ". Въ словахъ „радуется", „печалится", „груститъ" уже меньше внѣшнихъ проявленій чувства, чѣмъ въ словѣ „веселится", но все-таки они есть. Мы скорѣе скажемъ: „онъ радуется, какъ ребенокъ", чѣмъ: „онъ радъ, какъ ребенокъ", потому что „радуется" указываетъ на какіе-то жесты, выраженіе лица, словомъ на какое-то проявленіе радости, чѣмъ и подходитъ больше къ ребенку, чѣмъ „радъ". Въ словахъ „печалится", „груститъ" намъ тоже сообщается какъ будто бы нѣчто о поведеніи даннаго лица, тогда какъ слова „печаленъ", „грустенъ" рисуютъ только душевное состояніе его и ничего больше. На вопросъ: „что подѣлываетъ такой-то?" больше подходитъ отвѣтъ: „да все печалится, груститъ", чѣмъ „печаленъ, грустенъ". Далѣе, сравнимъ „звучитъ" и „звученъ", „звенитъ" и „звонокъ", „гудитъ" и „гулокъ" и т. д. Здѣсь отношеніе будетъ то же, что между „лѣнится" и „лѣнивъ". У человѣка голосъ можетъ быть самъ по себѣ „звученъ", но въ данную минуту, при данныхъ условіяхъ онъ „плохо звучитъ", т.-е. не проявляетъ своей звучности, плохо работаетъ, такъ сказать. Колоколъ можетъ быть „звонокъ", но въ сырую погоду онъ „плохо звенитъ". Въ выраженіи „печка дымитъ" слово „дымитъ" имѣетъ совершенно такой же грамматическій смыслъ, какъ въ выраженіи „онъ дымитъ сигарой", т.-е. пускаетъ дымъ. Въ возвратной формѣ „дымится" выражено то же пусканіе дыма, но не столько на окружающіе предметы, сколько на себя или вокругъ себя, какъ бы окутываніе себя дымомъ: „пожарище дымилось" = пускало вокругъ себя дымъ. *) Особенно ясно выступаетъ оттѣнокъ дѣйствія, если сравнимъ фразы: „тамъ что-то дымится" и „тамъ какой-то дымъ". Въ первой фразѣ передъ нами рисуется самое движеніе дыма. Точно такъ же „онъ

*) Это „ся" можетъ вообще имѣть значеніе не только „себя", какъ обыкновенно говорится въ школьныхъ грамматикахъ, но и „себѣ", „для себя", „въ своихъ интересахъ", „собою", „о себѣ", „въ себѣ", „при себѣ", „вокругъ себя", „на себя", „самъ собой", „самъ по себѣ" и т. д. Срвн. „стучитъ" и „стучится", „проситъ" и „просится", „роетъ" и „роется", „копаетъ" и „копается", „клюетъ" и „клюется", „плюетъ" и „плюется", „ругаетъ" и „ругается", „ломаетъ" и „ломается", „рветъ" и „рвется", „бьетъ" и „бьется" и т. д.

пылитъ" — пускаетъ пыль, „мебель пылится" — собираетъ пыль, привлекаетъ къ себѣ. Вѣтеръ „волнуетъ" море — производитъ волны; море „волнуется" — само въ себѣ производитъ волны. „Пирую" это значитъ не просто нахожусь на пирѣ, а непремѣнно участвую въ немъ, „чарую" — навожу на другихъ чары, „протестую" — заявляю протестъ, „интригую" — веду интригу, „арестую" — налагаю арестъ, „прессую" — давлю прессомъ, „учительствую" — занимаюсь учительствомъ, „ходатайствую" — предъявляю ходатайство, „столярничаю" — работаю, какъ столяръ, „безобразничаю" — произвожу безобразіе и т. д., и т. д.

Труднѣе всего уловить этотъ оттѣнокъ въ такихъ выраженіяхъ, какъ: „на горахъ бѣлѣютъ снѣга", „тамъ что-то бѣлѣется", „кругомъ зеленѣла трава" и т. д. Вѣдь „снѣга бѣлѣютъ" или „бѣлѣются" означаетъ, по своему реальному смыслу, что снѣга — бѣлы и больше ничего. Сравнимъ однако: „тамъ что-то бѣлѣется" и „тамъ что-то бѣлое". Разница получается почти такая же, какъ между: „тамъ что-то дымится" и „тамъ дымъ". Въ „бѣлѣется" есть какая-то измѣнчивость, подвижность, ускользаніе отъ нашихъ взоровъ, „бѣлое" стоитъ передъ нами ясно и неподвижно. „Бѣлѣется" это какъ бы показываетъ свою бѣлизну, проявляетъ себя бѣлымъ. Или сравнимъ еще у Тютчева:

Смотри, какъ роща зеленѣетъ,
Палящимъ жаромъ облита,
И въ ней какою нѣгой вѣетъ
Отъ каждой вѣтки и листа!

Здѣсь живительная сила зелени среди палящаго жара прекрасно выражена глаголомъ „зеленѣетъ". Это „зеленѣетъ", какъ нельзя больше подходитъ именно къ „вѣющей нѣгой" рощѣ. Если же было бы сказано: „какъ роща зелена", это дало бы впечатлѣніе спокойствія, неподвижности.

На примѣрѣ глагола „лѣнится" мы могли убѣдиться въ томъ, что формальное и вещественное значеніе могутъ нетолько не совпадать другъ съ другомъ, но и прямо противорѣчить другъ другу. Вещественное значеніе глагола „лѣнюсь" — ничего не дѣлаю, формальное — нѣчто дѣлаю. Подобныя противорѣчія будутъ встрѣчаться намъ на протяженіи всей книги, и къ нимъ надо привыкнуть. Именно они-то и дѣлаютъ грамматику, какъ науку, недоступной для дѣтскаго пониманія. По этому поводу полезно будетъ отмѣтить двѣ основныя трудности всякаго грамматическаго изученія:

Особенности грамматическаго изученія языка.

1) Въ жизни мы обыкновенно сливаемъ вещественное и формальное значеніе; всякое слово по своему значенію представляется намъ прежде всего, какъ одно живое цѣлое. Въ грамматикѣ мы начинаемъ съ того, что анатомируемъ это живое цѣлое, чтобы отдѣлить формальное значеніе отъ вещественнаго.

2) Въ жизни наибольшую роль въ значеніи слова играетъ вещественная его часть, вещественное значеніе; формальное же сознается смутно; оно, какъ говорятъ психологи, находится въ подсознательной области (разница между „отецъ" и „сынъ", „добрый" и „злой", „люблю" и „гублю" неизмѣримо важнѣе для насъ, чѣмъ между „отецъ" и „отца", „добрый" и „добрая" и т. д.). Въ грамматикѣ намъ важно только формальное значеніе. Слѣдовательно, въ грамматикѣ все наше вниманіе должно быть устремлено какъ разъ на то, чего мы въ жизни почти не замѣчаемъ. Отъ того же, что для насъ въ жизни главное, отъ вещественныхъ значеній, мы должны постараться отвлечься, не думать о нихъ, забыть о нихъ, потому что они, иной разъ, прямо мѣшаютъ, прямо заслоняютъ отъ насъ форму своимъ жизненнымъ вѣсомъ, своей психологической, такъ сказать, массой. И мы уже имѣли 2 примѣра подобнаго заслоненія вещественнымъ значеніемъ формальнаго: 1) когда вещественное значеніе совпадало съ формальнымъ (какъ въ словахъ „ходитъ", „работаетъ" и т. д.) и 2) когда оно противорѣчило формальному (какъ въ словѣ „лѣнится").

Это можно легко уяснить себѣ съ помощью слѣдующаго сравненія. Представимъ себѣ, что быстрая рѣка увлекла своимъ теченіемъ какой-нибудь инертный предметъ: лодку, корягу и т. д. Первой нашей мыслью будетъ, что лодку влечетъ одна сила — теченіе. Подумавши, мы вспомнимъ, что тутъ есть и еще сила, болѣе слабая, менѣе замѣтная — вѣтеръ. И если вѣтеръ будетъ дуть въ бокъ, то намъ легче будетъ его замѣтить, потому что лодка будетъ итти криво, будетъ отклоняться въ сторону вѣтра. Если же вѣтеръ будетъ дуть прямо по теченію или прямо противъ теченія, то его очень трудно будетъ замѣтить, потому что лодка будетъ итти совершенно прямо, только съ ничтожнымъ ускореніемъ или замедленіемъ. И намъ покажется, что лодку движетъ только теченіе. Вотъ это и происходитъ въ тѣхъ словахъ, въ которыхъ вещественное значеніе прямо совпадаетъ или прямо противорѣчитъ формальному. И насколько направленіе тече-

нія рѣки виднѣе и яснѣе направленія вѣтра, настолько же вещественное значеніе для насъ всегда виднѣе и яснѣе формальнаго.

Волевой оттѣнокъ въ глаголѣ.

Принявъ все это во вниманіе, мы сможемъ уловить и еще одну черту въ значеніи глагола, болѣе тонкую. Мы сказали, что глаголъ обозначаетъ дѣйствіе. Но вѣдь „дѣйствовать" могутъ только живыя существа, всѣ же остальные предметы не „дѣйствуютъ", а только движутся. Живыя же существа „дѣйствуютъ" потому, что они движутся по своей волѣ, произвольно. И значитъ, въ глаголѣ, разъ онъ изображаетъ дѣйствіе, долженъ быть еще оттѣнокъ воли, намѣренія. И дѣйствительно, въ каждомъ глаголѣ есть и этотъ оттѣнокъ, только его еще труднѣе уловить. Въ такихъ глаголахъ, напр., какъ: „умеръ", „родился", „заболѣлъ", „простудился", „упалъ", „ушибся" и т. д., мы едва ли замѣтимъ „намѣренныя" дѣйствія. Намъ смѣшна школьная формула: „что сдѣлалъ? умеръ". На самомъ дѣлѣ эта формула грамматически безупречна. Тутъ все дѣло въ томъ, что въ вещественной части этихъ глаголовъ выражено какъ разъ нѣчто прямо противоположное намѣренности, нѣчто совершенно независящее отъ нашей воли (смерть, болѣзнь и т. д.), а мы уже знаемъ, насколько вещественное значеніе захватываетъ наше сознаніе, какъ трудно намъ отъ него отдѣлаться. Учесть въ такихъ глаголахъ оттѣнокъ намѣренности — это то же самое, что учесть, насколько замедлится отправленіе поѣзда, если кто-нибудь на станціи ухватится за послѣдній вагонъ и будетъ тянуть поѣздъ назадъ. Но что этотъ оттѣнокъ сознательной дѣятельности есть въ каждомъ глаголѣ, это лучше всего видно изъ тѣхъ случаевъ, когда намъ нужно неживые, неодушевленные предметы представить живыми, оживить. Оказывается, что для этого глаголъ всегда болѣе годится, чѣмъ какая-либо другая часть рѣчи. Возьмемъ, напр., слѣдующія строки изъ Пушкина:

...Гдѣ нѣкогда все было пусто, голо,
Теперь младая роща разрослась;
Зеленой семьей кусты тѣснятся
Подъ сѣнью ихъ, какъ дѣти.

Если бы было сказано: „растутъ тѣсно" или „въ тѣснотѣ", то это не подходило бы къ сравненію кустовъ съ дѣтьми, потому что кусты здѣсь именно намѣренно тѣснятся, стремятся расти тѣснѣе, какъ дѣти, сбѣгающіяся подъ защиту матери. Или, напр., въ „Лѣсѣ" Кольцова:

Почернѣлъ ты весь, затуманился...
Одичалъ, замолкъ... Только, въ непогодь,
Воешь жалобу на безвременье...

Если бы вмѣсто „почернѣлъ", „одичалъ" сказано было „сдѣлался черенъ", „сдѣлался дикъ", лѣсъ не показался бы намъ такимъ живымъ, не напомнилъ бы такъ ясно насупившагося, нахмурившагося человѣка. Значитъ, глаголы это какія-то „живыя" слова, оживляющія все, къ чему они приложены.

Древнѣйшій глаголъ.

Можно еще себя спросить, какъ могло произойти такое несоотвѣтствіе вещественнаго и формальнаго значеній? Почему мы при помощи глаголовъ „оживляемъ" все вокругъ насъ находящееся? Вѣдь настоящихъ живыхъ предметовъ въ природѣ не много. Вполнѣ точнаго отвѣта на это пока еще дать нельзя, потому что древнѣйшіе изъ извѣстныхъ намъ языковъ, въ томъ числѣ и всѣ тѣ пра-языки, которые намъ удалось возстановить, сравнивая древнѣйшіе языки между собой, уже владѣли настоящимъ, вполнѣ сложившимся глаголомъ съ тѣмъ именно значеніемъ, которое здѣсь выяснено. Но приблизительно можно предположить слѣдующее. Части рѣчи — древнѣйшее наслѣдіе языковъ. Онѣ идутъ къ намъ изъ глубины десятковъ и сотенъ тысячъ лѣтъ. Значитъ, глаголъ создавали первобытные люди. А первобытный человѣкъ не такъ то ужъ хорошо разбирался въ томъ, что дѣйствуетъ, а что движется только. Когда вѣтеръ движетъ вѣтку дерева, намъ ясно, что она не сама движется, а силой вѣтра. Первобытному человѣку могло это быть и не такъ ясно. Онъ могъ приписывать это движеніе духу, обитающему въ деревѣ. Когда мы говоримъ „солнце свѣтитъ", то для насъ въ словѣ „свѣтитъ" дѣйствіе только воображаемое, грамматическое. Для первобытнаго же человѣка здѣсь могло быть настоящее дѣйствіе: онъ могъ думать, что солнце намѣренно посылаетъ свѣтъ человѣку, потому что оно хочетъ помочь ему, потому что оно — доброе. Вообще вся природа должна была казаться ему живой, и, главнымъ образомъ, потому, что самъ онъ былъ живымъ существомъ. Мы и теперь замѣчаемъ, что чѣмъ меньше развитъ человѣкъ, чѣмъ меньше онъ знаетъ, тѣмъ больше онъ склоненъ судить обо всемъ по себѣ. Первобытный же человѣкъ ужъ, конечно, во всей природѣ долженъ былъ видѣть прежде всего себя, обо всемъ судить по себѣ. Значитъ въ глаголѣ человѣкъ выразилъ, по всей вѣроятности, собственную свою волю и силу собствен-

ныхъ своихъ мускуловъ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ языкѣ люди вообще во всѣ времена все изображаютъ по своему, судятъ обо всемъ по себѣ. Мы, напр., прекрасно знаемъ, что у солнца нѣтъ ногъ, а все-таки оно у насъ „встаетъ", „стоитъ" въ полдень высоко, „садится", облака у насъ „бѣгутъ", дождь „идетъ", градъ „бьетъ" хлѣба, хлѣба „ложатся", „лежатъ", „поднимаются" и т. д.

Въ частности, относительно индо-европейскаго пра-языка есть и прямыя указанія на то, что глаголъ тамъ могъ означать только живое дѣйствіе живого (или представлявшагося живымъ) существа. Во всѣхъ индо-европейскихъ языкахъ во всѣхъ словахъ средняго рода всѣхъ склоненій всѣхъ чиселъ винительный пад. всегда сходенъ съ именительнымъ. Это правило настолько обще и настолько непоколебимо, что приводится обычно на первыхъ страницахъ всѣхъ грамматикъ. Если гдѣ и встрѣчаются исключенія, то они во всякомъ случаѣ новаго происхожденія; въ индо-европейскомъ пра-языкѣ винительный въ среднемъ родѣ всегда былъ сходенъ съ именительнымъ. Спрашивается, чѣмъ объяснить такое постоянство? Въ послѣднее время приходятъ къ убѣжденію, что здѣсь никогда ни винительный падежъ не уподоблялся именительному, ни именительный винительному, а искони былъ одинъ падежъ. А такъ какъ окончаніе этого именительно-винительнаго падежа средняго рода во всѣхъ древнихъ языкахъ совпадаетъ съ окончаніемъ винительнаго падежа словъ мужескаго и женскаго рода, то и предполагаютъ, что этотъ древнѣйшій падежъ былъ винительный. Такимъ образомъ, въ словахъ средняго рода первоначально не было совсѣмъ именительнаго падежа, а былъ одинъ только винительный, который потомъ сталъ употребляться и въ смыслѣ именительнаго. На что это указываетъ? На то, что первоначально слово средняго рода не могло быть подлежащимъ. Такъ какъ словами средняго рода обозначали предметы, представлявшіеся безполыми, а безполымъ могъ представляться только предметъ, казавшійся неживымъ, то ясно, что имена неживыхъ предметовъ не могли быть подлежащими. А отсюда и слѣдуетъ, что подлежащимъ могъ быть только живой или представлявшійся живымъ предметъ и что, слѣдовательно, глаголъ обозначалъ только живое дѣйствіе.

Значеніе прилагательнаго.

Переходимъ къ прилагательному. Школьный вопросъ „какой?", съ помощью котораго мы узнавали на первыхъ порахъ прилагательное, и тутъ вполнѣ вѣренъ. Только въ школѣ, смотря по смыслу, т.-е. вещественному значенію прилагательнаго, принято употреблять и другіе вопросы: „чей?" и „который?". Но мы уже знаемъ, что вещественнымъ значе-

ніямъ, собственно, не мѣсто въ грамматикѣ, что они только сбиваютъ изучающаго. Къ тому же въ жизни намъ случается примѣнять вопросъ „какой?" ко всякому прилагательному. Мы нерѣдко спрашиваемъ: „вы о какой землѣ говорите, о крестьянской, помѣщичьей или государственной?", „какое сегодня число, девятое или десятое?" и т. д. Значитъ, въ вопросѣ „какой?" есть что-то подходящее ко всѣмъ прилагательнымъ, независимо отъ ихъ вещественнаго значенія. Спрашивая же „какой?", мы спрашиваемъ, очевидно, о качествѣ или, говоря общѣе, о признакѣ предмета. Въ этомъ и заключается значеніе формы прилагательнаго.

Различить это значеніе яснѣе всего можно будетъ, конечно, опять-таки на тѣхъ прилагательныхъ, у которыхъ корни выражаютъ не качество. Возьмемъ, напр., прилагательныя: „подвижный", „вертлявый", „разговорчивый", „уживчивый", „догадливый" и т. д. У всѣхъ у нихъ корни выражаютъ дѣйствіе („движ—", „верт—", „говор—" и т. д.). Однако, когда мы говоримъ: „этотъ ребенокъ очень подвиженъ", мы хотимъ выразить, собственно, не то, что онъ много двигается, а то, что ему свойственно много двигаться, что это его свойство, качество. Качество это останется при немъ всегда, даже если онъ почему-либо (напр., по болѣзни) не будетъ двигаться. Оно заложено въ его организмѣ, въ его мускулахъ, нервахъ, во всей природѣ его. Сравнимъ еще такія отглагольныя прилагательныя, какъ: „вялый", „блеклый", „впалый", „талый", „мерзлый", „тухлый", „пухлый", „дохлый", „окоченѣлый", „заржавѣлый" и т. д. Когда мы говоримъ: „мерзлая говядина", мы думаемъ не столько о томъ, что она замерзла, сколько о томъ, какая она: холодная, твердая, невкусная и т. д. При словахъ „заржавѣлый ключъ" намъ прежде всего представляется цвѣтъ ключа, а не то, что онъ когда-то былъ чистъ, а потомъ заржавѣлъ. То же въ словахъ: „стоячій", „висячій", „ходячій", „лежачій", „ползучій", „летучій", „пахучій", „жгучій" и т. д. „Стоячая" или „висячая лампа" — —это прежде всего лампа, приспособленная по самой формѣ своей для стоянія или висѣнія; „стоячая" вода—это прежде всего тинистая, затхлая, поросшая водорослями и т. д.; „летучія" сѣмена, это прежде всего сѣмена съ особыми придатками, благодаря которымъ они летаютъ и т. д.

Нѣсколько труднѣе будетъ уловить оттѣнокъ признака въ такихъ прилагательныхъ, гдѣ въ корнѣ выражены предметы: „каменный", „золотой", „деревянный", „полотняный",

„льняной“ и т. д. Тутъ мы должны вникнуть въ довольно тонкую разницу между выраженіями „золотое кольцо“ и „кольцо изъ золота“, „каменный домъ“ и „домъ изъ камня“ и т. д. При словахъ „кольцо изъ золота“ мы представляемъ себѣ два предмета, совершенно самостоятельные: „кольцо“ и „золото“. Эти два предмета въ данномъ случаѣ случайно слились, совпали въ одномъ пространствѣ, и это-то и хотимъ мы выразить словами „кольцо изъ золота“. Но мы прекрасно сознаемъ при этомъ, что это отдѣльные предметы, что золото можетъ быть и не въ кольцѣ, а кольцо можетъ быть и не изъ золота. При словахъ же „золотое кольцо“ мы представляемъ себѣ только одинъ предметъ: кольцо, а о золотѣ, какъ объ отдѣльномъ предметѣ, не думаемъ. То, что кольцо изъ золота, кажется намъ только признакомъ кольца. Когда мы говоримъ: „кольцо было большое, золотое, старинное“, мы не сознаемъ ни малѣйшей разницы между всѣми 3-мя прилагательными. И вообще любой предметъ, находящійся въ какихъ бы то ни было отношеніяхъ, хотя бы въ самыхъ отдаленныхъ, къ тому предмету, о которомъ мы думаемъ, можетъ представиться намъ съ помощью формы прилагательнаго только какъ признакъ нашего предмета. Въ выраженіяхъ: „отцовскій домъ“, „отцовское наслѣдство“, „братнинъ подарокъ“, „телефонный служащій“, „бумажная фабрика“, „мясной торговецъ“, „сливочное масло“, „сосновая ванна“, „кухонный ножъ“ и т. д. мы совершенно не представляемъ себѣ отца, телефона, бумаги, сливокъ, сосны, кухни и т. д. Это совсѣмъ не то, что „домъ отца“, „наслѣдство отъ отца“, „фабрика для выдѣлки бумаги“, „масло изъ сливокъ“ и т. д.

Надо кромѣ того замѣтить, что почти всѣ такія прилагательныя могутъ употребляться и въ переносномъ, чисто качественномъ смыслѣ. Сравнимъ „отцовскій домъ“ и „отцовское отношеніе“ (т.-е. такое, какъ у отца), „царская награда“ въ смыслѣ „награда царя“ и въ смыслѣ „такая, какъ отъ царя“ (напр., „это, по истинѣ, царская награда“), „кирпичный заводъ“ и „кирпичный чай“ (т.-е. такой, какъ кирпичъ, по формѣ), „воздушное теченіе“ и „воздушный пирогъ“, „стальное перо“ и „стальные мускулы“, „военный портной“ и „военная выправка“, „земной шаръ“ и „земные помыслы“, „волчій мѣхъ“ и „волчій аппетитъ“, „ослиное копыто“ и „ослиное упрямство“, „медвѣжья лапа“ и „медвѣжья услуга“, „строеніе львинаго сердца“ и „Ричардъ I Львиное Сердце“, „змѣиное шипѣніе въ лѣсу“ и „змѣиное шипѣніе враговъ“ и т. д. Тѣ же прилагательныя могутъ обозначать и цвѣта (кирпичный цвѣтъ, молочный, шоколадный, кофейный,

орѣховый, песочный, пепельный, каштановый, розовый, малиновый, сиреневый, небесный, стальной, золотой, серебряный и т. д.) и вкусы (деревянный вкусъ, металлическій, конфетный, хлѣбный, и т. д.) и запахи (розовый, лимонный, сосновый и т. д.). Можно прямо сказать, что всякое прилагательное можетъ при случаѣ быть употреблено въ чисто качественномъ смыслѣ. А это значитъ, что преобладающій оттѣнокъ прилагательнаго въ настоящее время все-таки качественность.

Особенно ясно выступаетъ этотъ оттѣнокъ качества или признака въ такихъ прилагательныхъ, какъ: „какой", „такой", „этакій", „всякій" и т. д. Мы уже знаемъ, что вещественныя значенія отнимаютъ наибольшую долю нашего вниманія и скрадываютъ отъ насъ форму. Въ этихъ же словахъ вещественное значеніе носитъ чрезвычайно общій характеръ *) и потому меньше мѣшаетъ намъ разглядѣть форму, какъ пустой стеклянный сосудъ гораздо лучше обнаруживаетъ свою форму, чѣмъ наполненный. Они, такъ сказать, прозрачнѣе относительно формы. Когда мы говоримъ „какой?", мы и качества-то даже никакого не называемъ и не знаемъ (иначе бы не спрашивали), а только показываемъ, что спрашиваемъ о качествѣ, мыслимъ качество. Потому-то слово это и сдѣлалось въ школѣ мѣркой прилагательности. Это, такъ сказать, идеальное прилагательное.

Значеніе существительнаго.

До сихъ поръ мы говорили о дѣйствіи и признакѣ; но дѣйствовать могутъ только предметы, и признаки могутъ быть тоже только у предметовъ. Значитъ, въ языкѣ должна быть еще часть рѣчи, съ помощью которой мы все могли бы себѣ представить, какъ предметъ. Такая часть рѣчи и есть: это — имя существительное. Чтобы понять, какое значеніе имѣетъ форма существительнаго, нужно сравнить такія слова, какъ „бѣлизна" и „бѣлый", „доброта" и „добрый" и т. д. Вещественное значеніе этихъ словъ одинаковое: и „бѣлый" и „бѣлизна" обозначаютъ признакъ бѣлаго цвѣта, — однако представляемъ мы себѣ этотъ признакъ по разному. Говоря „бѣлый", мы думаемъ, что это кто-то бѣлый или что-то бѣлое, т.-е представляемъ себѣ, что это признакъ, чему то принадлежащій, отдѣльно не существующій. Напротивъ, говоря „бѣлизна", мы не думаемъ совершенно о томъ предметѣ, въ которомъ есть эта бѣлизна, а только о самой бѣлизнѣ, о самомъ бѣ-

*) Значеніе это очень сложно и выяснять его мы не будемъ, такъ какъ это не дѣло грамматики. Вещественныя значенія разсматриваются въ другомъ отдѣлѣ языковѣдѣнія — семасіологіи.

ломъ цвѣтѣ, и намъ кажется въ эту минуту, что онъ существуетъ отдѣльно отъ бѣлыхъ предметовъ. Сравнимъ выраженія: „я люблю бѣлый парусъ въ морѣ“ и „люблю бѣлизну паруса въ морѣ“. Второй фразой мы хотимъ показать, что мы любимъ, собственно, не весь парусъ, а только его бѣлизну; возможно, что мы самого паруса даже совсѣмъ не любимъ; можно сказать: „я люблю въ парусѣ бѣлизну, но не люблю формы, движеній и т. д.“. Значитъ, мы мысленно отдѣляемъ отъ паруса его бѣлый цвѣтъ и представляемъ себѣ, какъ что-то самостоятельное. Точно такъ же, когда мы говоримъ, что предметъ „потерялъ свою бѣлизну“, что „эта мазь даетъ кожѣ бѣлизну“, что „въ этой краскѣ больше бѣлизны, чѣмъ въ той“, мы все время представляемъ себѣ бѣлизну, какъ что-то отдѣльное, точно это какое-то вещество, заключенное во всѣхъ бѣлыхъ предметахъ и сообщающее имъ бѣлый цвѣтъ. Вотъ эта вещественность или предметность и есть основной оттѣнокъ формы существительнаго. Или возьмемъ еще такія слова, какъ: „скаканіе“, „летаніе“, „писаніе“, „скачокъ“, „прыжокъ“, „полетъ“ и т. п., и сравнимъ ихъ съ: „ходитъ“, „скачетъ“, „летитъ“ и т. д. У тѣхъ и другихъ въ корняхъ выражено дѣйствіе, но въ первыхъ дѣйствіе выражено такъ, какъ будто бы оно существуетъ отдѣльно отъ дѣйствующаго предмета, т.-е. оно само представлено, какъ предметъ. Если мы станемъ спорить, напр., о возможной „вышинѣ прыжка“ человѣка, то мы будемъ себѣ представлять не столько прыгающаго человѣка (онъ будетъ рисоваться крайне смутно), сколько именно самъ прыжокъ и его вышину. Эти 2 „предмета“ мы будемъ представлять себѣ совершенно отчетливо, и на нихъ-то и сосредоточится наше вниманіе.

Форма существительности имѣетъ огромное значеніе для нашей мысли. Безъ нея невозможно было бы никакое знаніе, никакая наука. Нельзя было бы, напр., говорить ни о свѣтѣ, ни о темнотѣ, ни объ электричествѣ, ни о жизни, ни о государствѣ, ни о самомъ языкѣ: вѣдь ничего этого отдѣльно не существуетъ. Если бы мы сейчасъ захотѣли отказаться отъ существительныхъ и вмѣсто „свѣта“ стали бы изслѣдовать „свѣтлое“, вмѣсто „теплоты“—„теплое“ и т. д., то отказа бы все-таки не вышло, потому что эти „свѣтлое“ и „теплое“ тоже существительныя особаго рода, какъ увидимъ ниже. Это прилагательныя, превратившіяся по нуждѣ на данный моментъ въ существительныя. Это лучше всего показываетъ,

насколько намъ нужны существительныя. Между прочимъ, безъ существительныхъ невозможна была бы и математика. Въ самомъ дѣлѣ, могли ли бы мы сложить или умножить какія-либо 2 числа, если бы мы стали думать о тѣхъ предметахъ, которые этими числами могутъ быть обозначены? Конечно нѣтъ, потому что намъ всю жизнь пришлось бы объ этомъ продумать: предметовъ вѣдь безконечное множество. Мы можемъ складывать, вычитать, умножать, дѣлить только благодаря тому, что мы не думаемъ о самихъ предметахъ, а только о числахъ, и эти числа въ минуту счета сами представляются намъ *какими-то предметами*. Когда мы говоримъ: „два да два — четыре“ для насъ и первое „два“ и второе „два“ и „четыре“ существуютъ отдѣльно и намъ дѣла нѣтъ до того, что въ природѣ нѣтъ никакихъ „двухъ“ и „четырехъ“ и т. п., а есть только „два дерева“, „два камня“ и т. д. Все это возможно только благодаря тому, что въ языкѣ есть существительныя и что всѣ числа — какъ разъ существительныя.

Древнѣйшее существительное.

Происхожденіе оттѣнка предметности въ языкѣ можно объяснить себѣ приблизительно такъ же, какъ и происхожденіе оттѣнка дѣятельности (глагольности). Какъ многое, что первобытному человѣку казалось настоящимъ дѣйствіемъ, впослѣдствіи было отнесено человѣкомъ не къ дѣйствіямъ (благодаря чему и получился самый *оттѣнокъ* дѣйствія), такъ и многое, что казалось первобытному человѣку предметомъ, для насъ сейчасъ можетъ имѣть только *оттѣнокъ* предметности. Сравнимъ, напр., представленіе, связанное со словомъ „болѣзнь“, у образованнаго человѣка и у простолюдина. Простолюдинъ вѣритъ, что болѣзнь можно „вогнать“ и „выгнать“, что она можетъ выйти изъ тѣла прыщами, а можетъ упорно оставаться въ тѣлѣ, не повиноваться знахарю. Лихіе люди могутъ „напустить“ болѣзнь на цѣлый народъ. Для отдѣльныхъ болѣзней существуютъ особыя заклинанія, въ которыхъ каждая болѣзнь представлена особымъ человѣкоподобнымъ существомъ. Молнія для народа прежде всего — свѣтлая стрѣла. При паденіи она превращается въ каменную стрѣлу (основано на случаяхъ расплавленія и кристаллизаціи песка въ мѣстѣ удара молніи). Радуга представляется народу мостомъ. Да и для образованныхъ людей далеко не всѣ такія слова одинаково отвлеченны. „Молнія“, „искра“, „лучъ“ едва ли не кажутся намъ въ моментъ разговора (когда мы не вдумываемся въ дѣло) *настоящими* предметами. „Тепло“ для насъ гораздо предметнѣе „теплоты“, „добро“ — „доброты“ и

т. д. Вдумаемся также въ буквальный (т.-е. болѣе древній) смыслъ такихъ выраженій, какъ: „закрывай дверь, тепло уходитъ!“ „его лихорадка трясетъ“, „совѣсть заѣла“, „дѣло мастера боится“, „пришла бѣда — растворяй ворота!“ „бѣда не ходитъ одна“, „бѣды вереницами ходятъ“, „грѣхъ да бѣда на кого не живетъ“, „не ищи бѣды: бѣда сама тебя сыщетъ“, „горе горькое по горямъ ходило, горемъ вороты припирало“, „зашивай горе въ тряпочку“, „завей горе веревочкой“ и т. д., и мы допустимъ, что рядомъ съ дѣйствіемъ первоначально всегда долженъ былъ представляться и живой дѣйствующій предметъ, видимый или невидимый (духъ). На мѣстѣ этихъ невидимыхъ предметовъ и сталъ сознаваться мало-по-малу, съ успѣхами знанія, одинъ только оттѣнокъ предметности.

Примѣчаніе. Само собой разумѣется, что не всѣ современныя отвлеченныя существительныя такъ древни и допускаютъ такое объясненіе. Вѣдь въ языкѣ во всякую эпоху образуется множество новыхъ словъ, въ томъ числѣ создаются и новыя существительныя по образцу уже имѣющихся въ языкѣ. Такія слова, напр., какъ: „хожденіе“, „писаніе“, „чтеніе“, „мышленіе“ и т. д., никакъ не могутъ претендовать на такую древность.

Какъ въ словахъ: „какой“, „такой“, „этакій“ яснѣе всего выражена форма прилагательнаго, такъ въ словахъ: „кто“, „что“ по тѣмъ же причинамъ яснѣе всего выражена форма существительнаго. Когда мы спрашиваемъ: „кто?“ или „что?“, мы не называемъ никакого предмета (да и не знаемъ его, иначе не спрашивали бы), а только показываемъ своимъ вопросомъ, что то, о чемъ мы спрашиваемъ, намъ представляется, какъ предметъ, а не какъ качество или дѣйствіе. Значитъ въ этихъ словахъ выступаютъ не сами предметы, а какъ бы одна чистая предметность, чистая „существительность“,— это идеальныя существительныя. Потому-то вопросы: „кто?“, „что?“, „кого?“, „чего?“ и т. д. и служатъ въ школѣ мѣрками существительности.

Итакъ, въ глаголѣ заключенъ оттѣнокъ дѣятельности, въ прилагательномъ — качественности, въ существительномъ — предметности. Однако и эти опредѣленія, какъ мы сейчасъ увидимъ, не достаточно точны.

Взаимоотношенія прилагательнаго и глагола.

Если мы станемъ сравнивать прилагательное и глаголъ съ существительнымъ, то увидимъ, что и въ прилагательномъ и въ глаголѣ по сравненію съ существительнымъ есть что-то общее. При анализѣ выраженій „пріятнаго сна“, „спокойной

ночи" и т. д. мы могли замѣтить, что у прилагательнаго падежъ, число и родъ не только зависятъ отъ падежа, числа и рода существительнаго, но и должны уподобиться имъ, т.-е. всякое прилагательное всегда должно стоять въ тѣхъ же самыхъ падежѣ, числѣ и родѣ, въ какихъ стоитъ то существительное, къ которому оно „приложено". Такія же подражательныя формы есть и у глагола, именно лицо и число и (въ прошедшемъ времени) родъ. Въ разбиравшихся уже выраженіяхъ „онъ стучитъ" и „онъ стучалъ", лицо, число и родъ глагола не только зависѣли отъ лица, числа и рода существительнаго „онъ", но и должны были совпадать съ ними. Такое подражаніе однихъ словъ другимъ называется въ грамматикѣ согласованіемъ, и подробнѣе мы познакомимся съ этимъ впослѣдствіи. Пока же намъ надо замѣтить, что и глаголъ и прилагательное суть слова согласующіяся съ существительнымъ, и въ этомъ ихъ взаимное сходство. Спрашивается, какой же оттѣнокъ придаетъ имъ обоимъ это согласованіе съ существительнымъ? Мы уже видѣли, что въ существительномъ все представляется намъ, какъ нѣчто отдѣльно существующее. Напротивъ, и въ прилагательномъ, и въ глаголѣ намъ все представляется существующимъ не отдѣльно, а въ чемъ-то другомъ, и именно въ чемъ-то такомъ, что само существуетъ отдѣльно и выражается существительнымъ. И „бѣлый", и „бѣлѣетъ", и „подвижный", и „двигается" намъ одинаково непонятны, если не сказано, кто бѣлый, кто бѣлѣетъ, кто подвиженъ, кто двигается. Значитъ, и въ глаголахъ дѣйствія изображаются только, какъ принадлежащія какимъ-то предметамъ, какъ связанныя съ этими предметами, другими словами, какъ признаки этихъ предметовъ. Въ этомъ ихъ сходство съ прилагательными. И въ природѣ дѣйствія, конечно, не существуютъ отдѣльно отъ дѣйствующихъ предметовъ. И по дѣйствіямъ мы такъ же хорошо можемъ узнать предметъ какъ по цвѣту, запаху, вкусу и другимъ признакамъ. Планеты мы отличаемъ, напр., отъ звѣздъ не только по величинѣ, но и по движеніямъ, птицъ не только по окраскѣ и формѣ, но и по полету, человѣка можемъ узнать по походкѣ и т. д. А разъ мы по дѣйствіямъ различаемъ предметы одинъ отъ другого, значитъ, дѣйствія это тоже въ сущности признаки, только признаки какіе-то особенные, подвижные, измѣнчивые. Вотъ именно такими признаками и изображены они въ глаголѣ. А если такъ, то мы, значитъ,

недостаточно разграничили глаголъ и прилагательное, которое, вѣдь, тоже выражаетъ признаки. Значитъ, намъ нужно выяснить, *какіе* признаки выражены въ глаголахъ, а *какіе* въ прилагательныхъ.

Послѣ всего, что было сказано о глаголѣ и о прилагательномъ, это будетъ очень нетрудно сдѣлать. Въ глаголѣ признакъ изображается, какъ *дѣятельность* предмета. Это возможно, очевидно, только при томъ условіи, если будетъ показано, что предметъ *самъ свой признакъ дѣлаетъ*. И, припомнивъ всѣ тѣ глаголы, которые мы разбирали, мы увидимъ, что это такъ и есть. „Лѣнится" значило у насъ „самъ создаетъ свою лѣнь", „веселится" — „проявляетъ свою веселость", „звучитъ" — „проявляетъ звучность", „бѣлѣется" — „показываетъ свою бѣлизну" и т. д. Значитъ, мы можемъ сказать, что въ глаголѣ изображаются признаки, *создаваемые дѣятельностью предмета*. Напротивъ, въ прилагательныхъ признаки изображаются, какъ *качества*. А качества предметовъ не зависятъ отъ нихъ самихъ, а зависятъ только отъ ихъ природы. И дѣйствительно, мы видѣли, что „лѣнивый" означаетъ *природную* лѣнь, „подвижный" — природную подвижность, „летучій" — природную летучесть и т. д. Значитъ, мы можемъ сказать, что въ прилагательныхъ изображаются признаки, *заложенные въ природѣ предмета*.

Формы времени и наклоненія, какъ причина различія между ними.

Основная причина этой коренной разницы между глаголомъ и прилагательнымъ заключается въ формахъ *времени* и *наклоненія*. Прилагательныя потому изображаютъ нѣчто постоянное, нѣчто заложенное навѣки въ предметы природой, что у нихъ нѣтъ формы *времени*. Такъ какъ въ словахъ „лѣнивый", „подвижный", „летучій", „бѣлый" и т. д. не указано совершенно, *когда* наблюдался такой-то признакъ, то намъ и представляется, что онъ имѣется *всегда*. Тутъ и вопроса о времени не можетъ возникнуть (нельзя спросить „когда лѣнивый? когда бѣлый?"), потому и получается нѣчто вѣчное, нѣчто стоящее внѣ времени. Для того, чтобы спросить „когда?" надо непремѣнно прибавить *глаголъ* („когда *былъ* лѣнивъ?" „когда *бываетъ* лѣнивъ?" и т. д.), и тутъ дѣло сразу измѣнится. Вліяніе глагола оказывается настолько сильно, что сочетаніе „былъ лѣнивъ", несмотря на то, что вторая его часть („лѣнивъ") означаетъ природное качество, можетъ приравниваться къ глаголу „лѣнился" (подробнѣе объ этомъ см. гл. XXII). Можно сказать: „въ дѣтствѣ я былъ лѣ-

нивъ, не хотѣлъ учиться", и тутъ „былъ лѣнивъ" означаетъ почти то же, что „лѣнился", т.-е. производилъ свою лѣнь. И создается это именно формой времени въ глаголѣ „былъ". Если я говорю, что я б ы л ъ лѣнивъ, то за этимъ скрывается предположеніе, что сейчасъ я, можетъ быть, и н е лѣнивъ, а это значитъ, что качество это не настолько ужъ природно, не настолько непобѣдимо, т.-е., въ концѣ-концовъ, зависитъ отъ меня самого. И вообще форма времени, показывая, что признакъ наблюдается въ предметѣ только въ опредѣленный моментъ или въ опредѣленный періодъ, тѣмъ самымъ заставляетъ предполагать, что въ другіе моменты, въ другіе періоды этого признака можетъ и не быть. А если такъ, то это признакъ какой-то подвижный, измѣнчивый, то являющійся, то исчезающій, какъ бы по волѣ того предмета, въ которомъ онъ находится. Форма наклоненія показываетъ, что даже и въ данный-то моментъ признакъ можетъ быть въ предметѣ, а можетъ и не быть („бѣлѣетъ", „бѣлѣлъ бы"), что можно даже приказать предмету проявить его, если его нѣтъ („бѣлѣй!"). Это еще больше увеличиваетъ, такъ сказать, „капризность" признака, т.-е. зависимость его отъ капризной воли дѣйствующаго предмета. Такъ и создается представленіе, что предметъ самъ создаетъ свой признакъ.

Взаимоотношенія прилагательнаго и существительнаго. Происхожденіе прилагательнаго.

Указавъ на сходство глаголовъ и прилагательныхъ, мы должны еще упомянуть о сходствѣ прилагательныхъ и существительныхъ. Мы видѣли, что оба эти разряда словъ с к л о н я ю т с я, т.-е. измѣняются по падежамъ. Сходство это объясняется только исторически. Въ настоящее время прилагательное и существительное по значенію совсѣмъ не сходны, но когда-то, въ отдаленнѣйшую эпоху, настолько отдаленную, что ни о какомъ опредѣленномъ языкѣ и опредѣленномъ народѣ не можетъ быть и рѣчи, прилагательное, надо думать, п р о и з о ш л о о т ъ с у щ е с т в и т е л ь н а г о. Это мы заключаемъ изъ того, что чѣмъ древнѣе языкъ, тѣмъ ближе въ немъ прилагательное и существительное другъ къ другу, тѣмъ болѣе похожи они другъ на друга. Въ нашемъ языкѣ, напримѣръ, теперь осталось уже совсѣмъ мало такихъ прилагательныхъ, которыя бы склонялись, хотя бы въ нѣкоторыхъ падежахъ, какъ существительныя (отцовъ, братнинъ, сестринъ и т. д.), да и тѣ мало-по-малу теряютъ такое склоненіе, и нерѣдко приходится уже слышать: „братнин**аго** подарка", вмѣсто: „братнин**а** подарка", „братнин**ому**", вмѣсто „братнин**у**". Въ древне-русскомъ же языкѣ к а ж д о е при-

лагательное могло склоняться по двумъ склоненіямъ: либо такъ, какъ у насъ сейчасъ (добрый, добраго, доброму и т. д.) либо, какъ существительныя (добръ, добра, добру и т. д.). Такое склоненіе живетъ до сихъ поръ въ народныхъ говорахъ, въ народныхъ пѣсняхъ („добра молодца", „добру молодцу", „на чужу дальню сторонушку", „во чисто поле", „на сине море", „въ ретиво сердце"), въ немногихъ выраженіяхъ поговорочнаго характера („отъ мала до велика", „по добру, по здорову", средь бѣла дня"), да употреблялись еще сравнительно недавно въ стихахъ, больше, впрочемъ, подъ вліяніемъ церковно-славянскаго языка, чѣмъ народнаго русскаго (срвн. у Пушкина: „мы всѣ сойдемъ подъ мрачны своды", „забывъ надежды величавы", „тебя я сонну застаю, „съ Жуковскимъ пой кроваву брань, и грозну смерть на ратномъ полѣ..." и т. д.). Въ латинскомъ, греческомъ и другихъ древнихъ языкахъ совсѣмъ нѣтъ особаго склоненія для прилагательныхъ,—всѣ они склоняются, какъ существительныя. Правда, прилагательныя отличаются отъ существительныхъ и у насъ, и въ древнихъ языкахъ еще степенями сравненія. Но въ древне-русскомъ, напримѣръ, и въ нѣкоторыхъ другихъ языкахъ (древнихъ) встрѣчаются степени сравненія и отъ существительныхъ („бережѣе", т.-е. ближе къ берегу, „звѣрѣе", т.-е. болѣе звѣрь, болѣе похожъ на звѣря и т. д.). Все это показываетъ, что прилагательныя и существительныя составляли когда-то одну часть рѣчи. Нѣкоторыя прилагательныя и до сихъ поръ сохранили слѣды древняго родства съ существительными („голубой" и „голубь", „зеленый" и „зелье", „сѣрый" и „сѣра", „желтый" и „желчь" и т. д.). Что именно прилагательныя произошли отъ существительныхъ, а не наоборотъ, мы заключаемъ изъ того, что представлять себѣ предметы первобытному человѣку было легче, чѣмъ представлять себѣ признаки, заключенные въ предметахъ. Для того, чтобы представить себѣ признаки —„бѣлый", „холодный", „мягкій", „рыхлый", „влажный", отдѣльно отъ снѣга и какъ бы въ немъ находящимися, въ него вложенными, требуется огромное развитіе. Вѣдь въ природѣ, на первый взглядъ, есть только снѣгъ, а всѣ эти: „бѣлый", „холодный", „влажный" и т. д. какъ бы оторваны, отдѣлены, отвлечены человѣкомъ отъ снѣга. Конечно, теперь намъ это легко, но первобытный человѣкъ долженъ былъ потратить тысячи и десятки тысячъ лѣтъ, чтобы научиться отвлекать такіе признаки отъ предметовъ, бывшихъ передъ его глазами.

Можно, впрочемъ, утверждать и обратное, именно, что въ предметѣ мы видимъ только признаки, самого же предмета не видимъ; предметъ самъ по себѣ — отвлеченность. Что такое „снѣгъ“? Это нѣчто бѣлое, рыхлое, холодное, влажное и т. д. Только это мы и видимъ и осязаемъ. А „снѣга“ самого, безъ его признаковъ, никакъ нельзя увидѣть. Съ этой точки зрѣнія можно какъ будто бы говорить и о происхожденіи существительнаго отъ прилагательнаго. На самомъ дѣлѣ, какъ мы увидимъ ниже, прилагательныя наши гораздо отвлеченнѣе существительныхъ, почему и надо думать, что они моложе. Но все-таки надо имѣть въ виду и эту сторону дѣла, чтобы не представлять себѣ древнѣйшихъ существительныхъ на манеръ теперешнихъ. Наши теперешнія существительныя тоже въ достаточной мѣрѣ отвлеченны. Въ прилагательномъ признакъ отвлеченъ отъ предмета, а въ существительномъ предметъ отвлеченъ отъ своихъ признаковъ. Въ словѣ „снѣгъ“ выражена опредѣленная сумма признаковъ, изъ которыхъ ни одинъ не названъ. Это тоже требуетъ огромнаго развитія, и такого существительнаго мы не можемъ приписать первобытному человѣку. Въ его существительномъ предметъ и признакъ, по всей вѣроятности, еще сливались, и дѣлалось это такимъ образомъ, что предметъ назывался по имени своего самаго яркаго, наиболѣе поразившаго человѣка, признака, а съ другой стороны——всякій признакъ заключалъ въ себѣ указаніе на отдѣльный предметъ и былъ связанъ съ этимъ отдѣльнымъ предметомъ. Приблизительное представленіе объ этомъ даютъ такія слова, какъ: „бѣлокъ“, „желтокъ“, „рыжикъ“, „синякъ“, „бѣлка“, „синька“, „чернецъ“, „желтуха“ и т. д. Значитъ, вѣрнѣе всего будетъ сказать, что прилагательное и существительное оба произошли отъ одной промежуточной части рѣчи, которая, однако, была ближе къ современному существительному, чѣмъ къ прилагательному.

Прилагательное развилось изъ существительнаго, вѣроятно, слѣдующимъ образомъ. Нѣкоторыя вещи стали представляться человѣку не самостоятельными предметами, а только спутниками другихъ предметовъ, тѣсно съ ними связанными. Произошло это, конечно, потому, что природѣ многіе предметы дѣйствительно являются только спутниками другихъ предметовъ (свѣтъ и солнце, тепло и солнце, дождь и тучи и т. д.). Эти спутники становились все менѣе и менѣе самостоятельными, и, наконецъ, стали казаться какъ бы признаками тѣхъ предметовъ, которые они сопровождали. Кромѣ того многіе предметы напоминали древнему человѣку другіе предметы своимъ сходствомъ съ ними. Отецъ, напр., напоминалъ человѣку мѣсяцъ, а мать солнце (въ пѣсняхъ: „свѣтелъ мѣсяцъ, родимый батюшка, красно солнышко, родимая

матушка"), потому что онъ зависѣлъ отъ родителей, какъ отъ мѣсяца и солнца. Мало-по-малу у человѣка развилась способность каждый предметъ представлять себѣ, смотря по обстоятельствамъ, либо какъ что-то отдѣльное, самостоятельное, либо только какъ признакъ другого предмета. Эта способность сохранилась и до нашего времени. Когда мы говоримъ: „въ Смутное время на Руси не было царя", то намъ царь представляется, какъ отдѣльный предметъ; а когда мы говоримъ: „Иванъ IV былъ царь" или: „царь Иванъ IV учредилъ опричнину", то намъ „царь" кажется только ужъ признакомъ Ивана, мы думаемъ уже не о двухъ совершенно самостоятельныхъ предметахъ: Иванѣ и царѣ, а только объ Иванѣ, который былъ царь, т.-е. о двухъ такихъ предметахъ, изъ которыхъ одинъ является признакомъ другого. Еще болѣе смахиваетъ на прилагательное слово „царь" въ такихъ словахъ, какъ „царь-пушка", „царь-колоколъ" и т. д. Въ древнихъ языкахъ такое употребленіе существительныхъ особенно часто, о чемъ можно судить опять-таки по нашимъ былинамъ, пѣснямъ и сказкамъ („Владиміръ красное солнышко", „олень золоты рога", „рыба золото перо" „чоботъ зеленъ сафьянъ", „мать-земля" „брови-соболь", „лицо-бѣлый снѣгъ", "душа-дѣвица", „злодѣй-тоска", „океанъ-море", „міръ-народъ", „Ѳаворъ-гора", „Іерусалимъ-городъ", „Ердань-рѣка", „Жаръ-птица", „Баба-Яга, костяная нога", „Сивка-Бурка, вѣщная Каурка", „морозъ-трескунъ" и т. д.). Такимъ образомъ, искони всѣ существительныя могли обозначать кромѣ самостоятельныхъ предметовъ еще и несамостоятельные предметы, т.-е. какъ бы признаки предметовъ. Очень многія изъ нихъ такъ и остались съ такой двойной службой: это всѣ нынѣшнія существительныя. Другія же стали употребляться преимущественно въ смыслѣ признаковъ, а въ смыслѣ самостоятельныхъ предметовъ мало-по-малу были забыты. Такъ и образовались въ языкѣ прилагательныя. Впослѣдствіи въ нѣкоторыхъ языкахъ (въ томъ числѣ и въ пра-славянскомъ языкѣ) къ прилагательнымъ прильнули еще нѣкоторыя служебныя словечки („добрый" образовалось изъ „добръ + и", „добраго" изъ „добра + его" и т. д., см. стр. 25), и это уже совершенно измѣнило и внѣшній видъ прилагательныхъ.

Обратный переходъ прилагательныхъ въ существительныя.

Нужно еще упомянуть о томъ, что, какъ только въ языкѣ стали образовываться прилагательныя, начался обратный переходъ прилагательныхъ въ существительныя. Такія слова, какъ: портной, понятой, домовой, мастеровой, посыльный, все-

ленная, закладная, пристяжная, насѣкомое, приданое, жаркое и т. д., — настоящія существительныя потому, что изображаютъ предметы, а не признаки, и тѣмъ не менѣе флексіи ихъ ясно показываютъ, что это бывшія прилагательныя. Какъ это случилось? Чтобы понять это, нужно обратить вниманіе на то, что мы можемъ каждое прилагательное употребить въ смыслѣ существительнаго. Если мы, напримѣръ, говоримъ: „Всесильный да охранитъ тебя", то мы можемъ опустить слово „Богъ" потому, что всесильно только Одно Существо, и Оно всѣмъ извѣстно. Вмѣсто: „Иванъ Грозный учредилъ опричнину" можно сказать: „Грозный учредилъ опричнину", потому что въ русской исторіи былъ только одинъ Грозный. Точно такъ же въ частномъ разговорѣ, случайно, каждое прилагательное можетъ замѣнять существительное. На улицѣ мимоходомъ всегда можно слышать такія фразы: „да ты смотри хорошаго отвѣсь, крупнаго", „свѣженькаго не угодно ли?", „а большой здѣсь?" „нѣтъ, вотъ маленькихъ собралъ, а большого не нашелъ!" и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ существительное опущено, потому что оно было хорошо извѣстно разговаривающимъ, и прохожій, даже и не зная о чемъ идетъ рѣчь, пойметъ все-таки, что говорятъ о предметахъ, а не о признакахъ только. Значитъ, здѣсь прилагательное употреблено въ смыслѣ существительнаго. Въ другихъ случаяхъ мы употребляемъ прилагательныя въ смыслѣ существительныхъ нарочно, чтобы не думать о какомъ-нибудь отдѣльномъ предметѣ, а только о всѣхъ предметахъ, имѣющихъ данный признакъ. Напримѣръ, въ сказкѣ о лисѣ и волкѣ въ словахъ лисы: „битый не битаго везетъ" существительное не названо, чтобы можно было думать не только о лисѣ и волкѣ, но и о людяхъ и о всякомъ живомъ существѣ. Точно такъ же существительное намѣренно не называется въ загадкахъ, напримѣръ: „криво-лукаво, куда побѣжало? — стрижено-брито, тебѣ дѣла нѣту" (рѣка и обкошенный берегъ). То же самое и въ пословицахъ: „богатому житье, а бѣдному вытье", „глупый осудитъ, а умный разсудитъ" и т. д. Вообще, въ прилагательныхъ изображенъ признакъ не самъ по себѣ, а какъ заложенный въ предметѣ, и потому въ немъ заключено смутное указаніе и на самый предметъ, въ которомъ заложенъданный признакъ (недаромъ оно произошло отъ существительнаго). Можно сказать, что въ прилагательномъ есть намекъ на предметъ, и, если предметъ настолько извѣстенъ, что одного намека достаточно, или, если,

напротивъ, онъ неизвѣстенъ, но говорящій и не хочетъ сдѣлать его извѣстнымъ, а хочетъ только намекнуть на него, существительное опускается. Въ древнемъ прилагательномъ намекъ этотъ былъ еще сильнѣе, такъ какъ оно тогда еще ближе стояло къ существительному. Такимъ образомъ, искони всякое прилагательное могло употребляться и въ смыслѣ прилагательнаго, и въ смыслѣ существительнаго. Огромное большинство прилагательныхъ такъ и осталось съ такой двойной службой (всѣ нынѣшнія прилагательныя). Но нѣкоторыя прилагательныя стали употребляться преимущественно въ смыслѣ существительныхъ, а въ смыслѣ прилагательныхъ были забыты. Такъ и образовались такія существительныя, какъ: нищій, хромой, портной и т. д. При этомъ, такъ какъ переходъ прилагательныхъ въ существительныя явленіе сравнительно позднее, отчасти даже и сейчасъ происходящее, то многія слова сейчасъ стоятъ еще на пути отъ прилагательныхъ къ существительнымъ, при чемъ одни сдѣлали уже бо́льшую часть пути, другія еще только вышли въ путь, а нѣкоторыя стоятъ какъ разъ на полдорогѣ. Такія слова, напр., какъ: „околоточный", „становой", „пріѣзжій", „ссыльный", „Страстная", „Святая" прошли уже бо́льшую часть, пути, и очень рѣдко говорятъ: „околоточный надзиратель", „ссыльный поселенецъ", „Святая недѣля" и т. д. Наоборотъ такія слова, какъ „заказное" въ смыслѣ „заказное письмо", „земскій" въ смыслѣ „земскій начальникъ", только еще начали переходить въ существительныя. Наконецъ, такія слова, какъ „холерный", „тифозный" и т. д. стоятъ, кажется, на по́лдорогѣ, и одинаково часто приходится слышать и „холерный", и „холерный больной".

„Подразумѣвается" ли существительное?

Въ школьныхъ грамматикахъ обыкновенно говорится, что при такихъ словахъ, какъ: „холерный", „околоточный", „становой" и т. д., „подразумѣвается" то или иное существительное, но это невѣрно. Каждый можетъ на себѣ провѣрить, что когда онъ говоритъ, напр.: „я сегодня видѣлъ на улицѣ холернаго", онъ не держитъ совсѣмъ въ умѣ ни слова „больной", ни слова „человѣкъ", а представляетъ себѣ только самого больного, имъ видѣннаго. Точно такъ же, говоря объ околоточномъ, никто не подразумѣваетъ слова „надзиратель", и многіе даже не знаютъ, что онъ такъ называется. Если отсутствіе существительнаго случайно и не утвердилось еще въ языкѣ (напр., въ вышеприведенныхъ, подслушанныхъ на улицѣ фразахъ), то это отсутствіе чувствуется, т.-е. мы сознаемъ, что

мы что-то опустили, хотя часто и не держимъ въ умѣ опущеннаго слова. Если же отсутствіе существительнаго общепринято, то мы этого отсутствія даже не замѣчаемъ, хотя бы здѣсь и было когда-то въ языкѣ существительное. Напр., въ словѣ „портной“ несомнѣнно опущены слова „швецъ“ и „мастеръ“, въ словѣ „всенощная“ опущено „служба“, и тѣмъ не менѣе мы никакого опущенія въ этихъ словахъ не замѣчаемъ, потому что опускаемъ-то уже не мы: существительное опущено предшествовавшими поколѣніями. Въ другихъ случаяхъ мы потому не чувствуемъ опущенія, что его никогда и не происходило. Несомнѣнно, что при такихъ словахъ, какъ: родной, больной, хромой, слѣпой, глухой и т. д. слова „человѣкъ“ никогда и не было. Оно и сейчасъ при нихъ кажется излишнимъ, въ древности же, когда прилагательное было гораздо предметнѣе и менѣе нуждалось въ существительномъ, оно было совершенно не нужно. То же самое и въ такихъ поговоркахъ, какъ: „богатому житье, а бѣдному вытье“, „съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись“, „старъ да малъ дважды глупъ“, „пьянъ да уменъ — два угодья въ немъ“, „лежачаго не бьютъ“ и т. д. Про всѣ такіе случаи можно сказать, что тутъ, наоборотъ, въ новое время стали нерѣдко уже прибавлять слово „человѣкъ“ (напр., „съ умнымъ человѣкомъ и поговорить пріятно“), и это только потому, что наши прилагательныя стали менѣе предметны, чѣмъ древнія. Еще менѣе возможно, конечно, говорить объ опущеніи существительнаго въ такихъ словахъ, какъ: мясное, рыбное, заливное, яровое, озимое, былое, прошлое и т. д., и въ такихъ сочетаніяхъ, какъ: „старое старится, а молодое растетъ“, „соединять пріятное съ полезнымъ“ „онъ знаетъ это лучше моего“, „я не могу опомниться послѣ вчерашняго“ и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы не можемъ себѣ даже представить, какое слово тутъ могло бы быть опущено.

Итакъ, отношенія между прилагательнымъ и существительнымъ таковы: въ древнѣйшую эпоху всѣ прилагательныя образовались изъ существительныхъ, въ болѣе новое время многія прилагательныя перешли и переходятъ обратно въ существительныя.

Основная разница между современными прилагательнымъ и существительнымъ.

Мы видѣли, что эти переходы происходили благодаря способности прилагательныхъ и существительныхъ замѣщать другъ друга. Подробнѣе мы съ этимъ познакомимся въ дальнѣйшемъ. Покамѣстъ же мы должны замѣтить только, что въ настоящее время, замѣщая другъ друга, они отнюдь не

уподобляются другъ другу. И волъ, и собака, и лошадь прекрасно плаваютъ, но отъ этого ихъ конечности не уподобляются плавникамъ рыбъ или ластамъ моржей и тюленей, а остаются ходящими конечностями. Точно также и существительное, употребляясь въ смыслѣ признака, все-таки остается существительнымъ. Возьмемъ, напр., фразу изъ Аксакова: „хорошъ и кленъ съ своими лапами-листами" и передѣлаемъ ее въ такую: „хорошъ и кленъ съ своими лапчатыми листами". Въ первой фразѣ „лапы", конечно, представляются намъ не сами по себѣ, не отдѣльно, а какъ признакъ листовъ. Но это тѣмъ не менѣе все-таки „лапы", т.-е. предметъ со всѣми его признаками: очертаніями, выпуклостью, шерстью, когтями и т. д. Все это мелькаетъ у насъ въ умѣ, когда мы говоримъ „лапы-листы". Правда, одинъ изъ этихъ признаковъ, именно очертанія, вырѣзанность по краямъ, чувствуется гораздо сильнѣе всѣхъ другихъ, почему мы и сравниваемъ листы съ лапами. Но онъ все-таки не можетъ совершенно вытѣснить всѣ другіе. Напротивъ, когда мы говоримъ „лапчатые листы", этотъ одинъ признакъ только и остается. Въ „лапчатые" нѣтъ уже ни тѣлесности, ни шерсти, ни когтей, а только фигура, очертанія. Значитъ, въ существительномъ и здѣсь, какъ всегда, изображается предметъ, т.-е. сумма признаковъ, а въ прилагательномъ одинъ признакъ. Точно такъ же и наоборотъ, когда мы употребляемъ прилагательное въ смыслѣ существительнаго, у насъ не получается настоящаго существительнаго, настоящаго предмета. При словѣ „силачъ", напр., намъ рисуется живой человѣкъ со всѣми признаками силача (съ большими мускулами, съ широкой грудью и т. д.), а при словѣ „сильный", употребленномъ въ смыслѣ существительнаго („съ сильнымъ не борись..."), какой-то не живой, отвлеченный человѣкъ, у котораго вмѣсто всѣхъ признаковъ человѣческихъ только одинъ: сила. Точно такъ же „богачъ", „бѣднякъ", „подлецъ", „глупецъ"— —это все живые люди со множествомъ признаковъ, а „богатый" „бѣдный", „подлый", „глупый"—это все какіе-то отвлеченные люди съ однимъ признакомъ, какъ бы заслоняющимъ отъ насъ всѣ другіе.

Переходимъ къ слѣдующей части рѣчи — причастію. Въ немъ мы находимъ прежде всего флексіи прилагательныхъ (гуляющій, гуляющая, гуляющее, гуляющаго, гуляющей и т. д.) съ тѣми же синтаксическими значеніями падежа, числа и рода. Понятно, что и общее значеніе всѣхъ этихъ флексій должно

Значеніе причастія.

быть то же, что и у прилагательныхъ, т.-е. онѣ должны обозначать признаки, заложенные въ природѣ предмета. Но въ то же время у причастій есть суффиксы, обозначающіе время (читающій, читаемый—для настоящаго времени, читавшій, читанный, убитый—для прошедшаго времени) а время, какъ мы уже знаемъ, показываетъ измѣнчивый признакъ, создаваемый дѣятельностью предмета. Такимъ образомъ, въ причастіи должны соединяться два противоположныхъ оттѣнка — постоянства и измѣнчивости, прилагательности и глагольности. Что это такъ и есть, будетъ ясно, если мы сравнимъ его поочередно съ прилагательнымъ и съ глаголомъ. Разница между „стоячей“ и „стоящей“ лампой заключается въ томъ, что „стоячая“ лампа всегда стоитъ, или, по крайней мѣрѣ, должна, по своему устройству, всегда стоять; „стоящая“ же стоитъ только въ данный моментъ. Если стоячую лампу повѣсить, то она останется стоячей, но не будетъ уже „стоящей“. Наоборотъ, если я висячую лампу ухитрюсь поставить, то она будетъ „стоящей“, но не сдѣлается отъ этого стоячей. Значитъ, „стоящая“=та, которая сейчасъ стоитъ; при сравненіи съ прилагательнымъ глагольность выступаетъ очень ясно. Напротивъ, если мы сравнимъ причастіе съ глаголомъ („стоящая“ съ „стоитъ“), то намъ еще больше бросится въ глаза прилагательность причастія. Если намъ говорятъ: „лампа стоитъ“, то тутъ показано ясно, что̀ лампа дѣлаетъ, какой признакъ создаетъ. Если же намъ скажутъ „стоящая лампа“ и ничего больше, то мы такого яснаго дѣйствія не усмотримъ, мы, наоборотъ, будемъ ждать еще дѣйствія лампы и спросимъ: „что же она дѣлаетъ, эта стоящая лампа?“ или: „что съ ней дѣлается?“ Значитъ, дѣйствіе въ словѣ „стоящая“ мы восприняли, какъ что-то побочное, и это потому, что тутъ на первомъ планѣ для насъ было качество лампы; „стоящая“ мы восприняли такъ же, какъ если бы было сказано „большая“ „бронзовая“ и т. д.

Оба эти противоположныя начала ведутъ въ причастіи не къ нулю, какъ въ математикѣ, а къ новому, живому цѣлому, какъ это всегда бываетъ въ живой природѣ. Изъ соединенія двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія на предметъ получается новая точка зрѣнія, изъ соединенія двухъ частей рѣчи — новая часть рѣчи. Въ причастіи мы дѣйствіе предмета представляемъ себѣ, какъ качество его. Вѣдь качества не такъ ужъ оторваны въ жизни отъ дѣйствій, а дѣйствія отъ качествъ. По дѣйствіямъ

человѣка мы судимъ о его качествахъ, по качествамъ ожидаемъ отъ него соотвѣтствующихъ дѣйствій. Если человѣкъ на нашихъ глазахъ веселится, мы предположимъ, что онъ — —человѣкъ веселый. Если мы знаемъ, что онъ веселый, мы предположимъ, что онъ, иной разъ, можетъ повеселиться. Теперь, представимъ себѣ, что мы захотѣли и то, и другое выразить непремѣнно въ одномъ словѣ. Тогда мы и скажемъ, что онъ — человѣкъ **„веселящійся“**. Это сразу укажетъ, и какой онъ, и что онъ дѣлаетъ. Точно такъ же „снѣгъ таетъ“ и „талый снѣгъ“ соединяются въ выраженіи „тающій снѣгъ“, гдѣ показано, и какой снѣгъ, и почему онъ такой, вслѣдствіе какого своего дѣйствія. Если мы хотимъ сказать про бревна, что они обгорѣли, а въ то же время хотимъ выразить, что они черныя, обугленныя, обгорѣлыя, то мы скажемъ: „обгорѣвшія бревна“; если хотимъ сказать про растеніе, что оно вьется, а въ то же время хотимъ показать, что оно извилистое, цѣпкое, то говоримъ, что оно „вьющееся“ и т. д.

Переходъ причастій въ прилагательныя и существительныя.

Впрочемъ, надо замѣтить, что идеальнаго равновѣсія между глаголомъ и прилагательнымъ въ причастіи все-таки нѣтъ. Прилагательное всегда перетягиваетъ. Объясняется это тѣмъ, что причастіе обладаетъ всѣми формами прилагательнаго и далеко не всѣми формами глагола. Кромѣ того формы прилагательнаго выражены въ немъ флексіями, а формы глагола—суффиксами, а флексіи всегда устойчивѣе по значенію, чѣмъ суффиксы. Этимъ и объясняется, что глагольность можетъ въ причастіи исчезнуть, а прилагательность — —никогда. Если суффиксъ причастія потеряетъ почему-либо свое временно̀е значеніе, то причастіе превращается, на данный моментъ или навсегда, въ обыкновенное прилагательное. Срвн. такія выраженія, какъ: „блестящая техника“, „надлежащія мѣры“, „любимое блюдо“, „образованный человѣкъ“, „преданный другъ“, „крытый навѣсъ“, „измятыя черты лица“, „вздернутый носъ“ „забитый мальчикъ“, „сбитыя сливки“, „избитая истина“, „онъ сегодня роскошно одѣтъ“ (не возникаетъ мысль о томъ, кѣмъ одѣтъ), „усадьба была расположена на горѣ“, „онъ предрасположенъ къ чахоткѣ“ и т. д., и такія прилагательныя, какъ: неподражаемый, несгораемый, неуловимый, неистощимый, неисповѣдимый, неумолимый, неодолимый, вареный, жареный, печеный, тушеный, каленый, соленый, витой, литой, развитой, испитой, снятой, отпѣтый, дутый, и т. д.

Такимъ образомъ въ языкѣ создаются нерѣдко цѣлые разряды прилагательныхъ, въ которыхъ только научный анализъ можетъ открыть бывшія причастія. Такъ, всѣ русскія прилагательныя съ суффиксами: „**ач**“, „**яч**“, „**уч**“, „**юч**“ (лежачій, стоячій, висячій, горячій, жгучій, линючій, горючій и т. д.) и всѣ съ суффиксомъ „**л**“ (усталый, прѣлый, мерзлый и т. д.) по происхожденію своему — причастія. *) Съ другой стороны, такъ какъ причастіе есть прежде всего прилагательное, то оно раздѣляетъ всѣ свойства прилагательныхъ, въ томъ числѣ и способность переходить въ существительныя. Этимъ объясняются такія существительныя, какъ: управляющій, завѣдующій, главнокомандующій, ученый, раненый, суженый, понятой, настоящее, прошедшее, минувшее, будущее, приданое, мороженое, жареное и т. д.

Значеніе нарѣчія.

Переходимъ къ нарѣчію.

Если мы вдумаемся въ слова: „хорошо“, „красиво“, „чисто“, „умѣло“, „ловко“, „быстро“ и т. д., то прежде всего замѣтимъ, что и въ нихъ, какъ и въ глаголѣ и въ прилагательномъ, изображены не предметы, а признаки. Признаки эти, понятно, тѣ же самые, что и въ прилагательныхъ; „хорошій“, „красивый“, „чистый“, „умѣлый“ и т. д. Однако въ нарѣчіяхъ они представляются намъ не совсѣмъ такъ, какъ въ прилагательныхъ. Въ прилагательныхъ они принадлежатъ предметамъ (вѣдь „хорошій“ — это кто-то хорошій), въ нарѣчіи же — чему-то такому, что высказано о предметѣ. „Хорошо“ это не значитъ, что кто-то хорошъ, а что кто-то что-то хорошо сдѣлалъ, или что что-нибудь хорошо дѣлается, хорошо устраивается. Если мы слышимъ одобрительныя или порицательныя восклицанія: „хорошо!“, „ловко!“, „блестяще!“, „талантливо!“, „умно, нечего сказать!“, „глупо!“, „низко!“, „подло!“ и т. д., то мы сразу понимаемъ, что это относится къ чьему-то поведенію, къ какимъ-то поступкамъ людей, а не къ самымъ людямъ. Значитъ, мы здѣсь относимъ мысленно нарѣчіе непремѣнно къ глаголу, хотя самого глагола еще и не знаемъ. Въ другихъ случаяхъ мы можемъ подумать и о качествахъ предметовъ. При словахъ: „замѣ-

*) Русскій народный языкъ (т.-е. весь русскій языкъ, кромѣ одного литературнаго нарѣчія) не имѣетъ совсѣмъ причастій: онъ всѣ ихъ перевелъ въ прилагательныя. Литературное же нарѣчіе заимствовало свои причастія изъ церковно-славянскаго языка. Этимъ и объясняются такіе дублеты, какъ „стоячій — стоящій“ (русскому ч соотвѣтствуетъ во многихъ случаяхъ церковно-славянское щ) и „хвалёный — хва̀ленный“.

чательно", „поразительно", „необыкновенно" и т. д. намъ представится, что либо кто-нибудь что-нибудь замѣчательно дѣлаетъ, исполняетъ, либо обладаетъ кикимъ-либо замѣчательнымъ качествомъ („замѣчательно красивъ", „уменъ" и т. д.). Значитъ, вообще, мы нарѣчіе относимъ либо къ глаголу, либо къ прилагательному. Это подтверждается тѣмъ, что въ связной рѣчи нарѣчіе, дѣйствительно, можетъ стоять только при глаголѣ и прилагательномъ, но не при существительномъ. Нельзя сказать: „хорошо писатель", а только „хорошо пишетъ", нельзя сказать „громко пѣвецъ", а только „громко поетъ", нельзя сказать „замѣчательно красота", а только „замѣчательно красивый" и т. д. Значитъ, въ нарѣчіи выражены признаки не предмета, а того, что высказано въ глаголѣ и прилагательномъ. Обѣ же эти части рѣчи сами выражаютъ, какъ мы уже знаемъ, признаки. Стало-быть, нарѣчія выражаютъ признаки не предметовъ, а ихъ признаковъ. Въ нихъ изображаются **признаки признаковъ.** Въ этомъ и состоитъ нхъ значеніе.

Происхожденіе нарѣчія.

Сходство нарѣчія со среднимъ родомъ краткихъ прилагательныхъ указываетъ на происхожденіе его изъ прилагательнаго. Это, повидимому, бывшій винительный падежъ единств. ч. средн. рода краткаго прилагательнаго, употребленнаго въ смыслѣ существительнаго. Нѣсколько сохранившихся случайно словъ этого рода, какъ: „добро", „зло", „благо", „лихо" могутъ дать намъ представленіе обо всей вымершей категоріи. Какъ „добро" обозначаетъ нѣчто доброе, такъ „хорошо" обозначало нѣчто хорошее, „худо" — — нѣчто худое, „красиво" — нѣчто красивое и т. д. (срвн. остатки такихъ словъ въ поговоркахъ: „по добру, по здорову", „не по хорошу милъ, а по милу хорошъ", „нѣтъ худа безъ добра" и т. д.). Такимъ образомъ, „дѣлаетъ худо" обозначало первоначально „дѣлаетъ худое". Но такъ какъ всѣ остальные падежи у этихъ словъ пропали, то и этотъ винительный падежъ пересталъ сознаваться, какъ падежъ. Такъ и возникло теперешнее пониманіе этихъ словъ, т.-е. форма нарѣчія.

Значеніе дѣепричастія.

Значеніе дѣепричастія состоитъ въ соединеніи значеній глагола и нарѣчія. Въ такихъ словахъ, какъ: „читая", „лежа", „сидя", „пишучи", „пріѣдя", „пришедши" и т. д., съ одной стороны, выражается несомнѣнное дѣйствіе, т.-е. признакъ, создаваемый дѣятельностью предмета; съ другой стороны, мы относимъ его мысленно не къ предмету, а къ другому дѣйствію. При словѣ „читая" намъ обязательно представится, что данное лицо дѣлало въ то время что-то

другое, болѣе важное, и это болѣе важное дѣйствіе только сопровождалось чтеніемъ. Такимъ образомъ, дѣепричастіе, какъ и нарѣчіе, относится всегда къ признаку предмета. Но, въ отличіе отъ нарѣчія, оно можетъ относиться только къ дѣятельному признаку, т.-е. къ признаку, выраженному глаголомъ, причастіемъ, другимъ дѣепричастіемъ, инфинитивомъ, вообще глагольнымъ словомъ, а не къ качественному признаку, т.-е. прилагательному. Можно сказать „запнулся, читая...“, „человѣкъ, запнувшійся, читая“, „запнувшись, читая...“, „запнуться, читая“, но нельзя сказать „робкій читая“. Поэтому и значеніе дѣепричастія уже, чѣмъ нарѣчія. Нарѣчіе обозначаетъ признакъ признака, а дѣепричастіе только глагольный признакъ глагольнаго признака.

Происхожденіе дѣепричастія.

По происхожденію дѣепричастіе есть глагольное нарѣчіе, такъ какъ оно образовалось изъ глагольнаго прилагательнаго (причастія), какъ обыкновенное нарѣчіе изъ обыкновеннаго прилагательнаго. Произошло это сравнительно недавно, уже въ самомъ русскомъ языкѣ и въ историческую пору, такъ что процессъ этотъ можетъ быть прослѣженъ даже по памятникамъ. Такимъ образомъ, дѣепричастіе есть самая молодая часть рѣчи. Чтобы понять его происхожденіе, надо познакомиться съ формами древне-русскихъ причастій. Причастія эти имѣли именительный падежъ мужескаго и средняго рода въ сокращенномъ видѣ; именно, въ то время, какъ всѣ остальные падежи имѣли основу на **уч**, **юч**, **яч** (напр., род. „ведуча“ = нашему „ведущаго“, дат. „ведучу“ = нашему „ведущему“, тв. „ведучемь“, им. множ. „ведуче“ или „ведучи“, род. множ. „ведучь“, дат. множ. „ведучемъ“ и т. д., точно такъ же „знаюча“, „знаючу“, „знаючемь“ и т. д., „просяча“, „просячу“, „просячемь“ и т. д.), именит. ед. былъ „веда“, „неса“, „мога“ (сравн. исчезнувшую форму въ поговоркѣ: „кто кого смога, тотъ того и въ рога“) или, отъ другихъ глаголовъ, „зная“, „веля“, „прося“ и т. д. Такимъ образомъ, это было склоненіе того типа, который называется въ школьныхъ грамматикахъ склоненіемъ съ наращеніемъ, какъ „время—времени“, „мать—матери“, „дитя—дитяти“ (съ исторической точки зрѣнія здѣсь не косвенные падежи нарасли, а именительный сократился). Точно такъ же въ причастіяхъ прошедшаго времени именит. пад. былъ: „несъ“, „шедъ“, „велѣвъ“, „хваливъ“, „просивъ“ и т. д., а родительный: „несъша“, „шедъша“, „велѣвъша“, „хваливъша“, „просивъша“ и т. д., дательный — „несъшу“, „шедъшу“, „велѣвъшу“, хваливъшу“, „просивъшу“ и т. д. Всѣ эти формы постепенно исчезли изъ языка, и отъ нихъ уцѣлѣли только: 1) именит. единств., изъ котораго возникли такія дѣепричастія, какъ: „прося“, „веля“, „зная“, „ведя“, „неся“ (гдѣ „я“ распространилось на счетъ „а“), „при-

шедъ", „велѣвъ", „хваливъ" и т. д. и 2) имен. множеств., изъ котораго возникли такія дѣепричастія, какъ: „идучи", „ѣдучи", „пишучи", „крадучись", „пришедши", „велѣвши", „хваливши" и т. д. Потеря всѣхъ остальныхъ падежей и здѣсь уничтожила значеніе падежа. Тѣ же причастія употреблялись по древне-русски и въ полной формѣ, т.-е. съ прибавленіемъ словечка „и", „я", „е" (ведаи, ведучия, ведучее, просяи, просячия, просячее, ведучего, ведучему, просячего, просячему и т. д.), и изъ нихъ въ концѣ-концовъ образовались такія прилагательныя, какъ: линючій, горючій, жгучій, стоячій, висячій и т. д. Что же касается нашихъ литературныхъ причастій, то они, какъ уже упоминалось,—иностраннаго происхожденія (изъ древне-церковно-славянскаго языка).

Значеніе инфинитива.

Инфинитивъ, или неопредѣленный глаголъ, помѣщается, какъ извѣстно, въ словаряхъ въ качествѣ представителя всѣхъ формъ даннаго глагола. Уже это одно указываетъ на большую глагольность его значенія. И дѣйствительно, въ словахъ: „писать", „читать", „сушить", „мочить", „бѣлѣть", „чернѣть" и т. д. намъ несомнѣнно представляются дѣйствія, и притомъ дѣйствія живыя, производимыя на нашихъ глазахъ. Это лучше всего видно изъ сравненія инфинитивовъ съ отглагольными существительными. „Я люблю читать" указываетъ на то, что я самъ читаю или, по краней мѣрѣ, стремлюсь къ этому; „я люблю чтеніе" можетъ означать, что я люблю слушать, какъ другіе читаютъ, или даже просто только покровительствую чтенію, люблю, чтобы вокругъ меня читали. Вѣдь „чтеніе" это предметъ въ нашей грамматической мысли; понятно, что онъ и отдѣленъ отъ меня, какъ всякій другой предметъ (люблю чтеніе свое или чужое, какъ люблю книгу свою или чужую). Сравнимъ еще: „люблю просвѣщать" и „люблю просвѣщеніе", „хочу воевать" и „хочу войны" (можетъ быть, для другихъ, а не для себя), „надѣюсь выѣхать" и „надѣюсь на выѣздъ" (неизвѣстно чей), „разсчитываю охотиться" и „разсчитываю на охоту" (неизвѣстно чью) и т. д. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ существительное обозначаетъ предметъ, а инфинитивъ — дѣйствіе. Но есть у него и важное отличіе отъ глагола, которое состоитъ въ томъ, что онъ совершенно безличенъ. Въ самомъ дѣлѣ:

Хочу читать (1-ое лицо)
хочешь читать (2-ое лицо)
хочетъ читать (3-ье лицо)

Всѣ три лица выражены однимъ суффиксомъ „ть“. Точно такъ же:

заставляю себя читать (1-ое лицо)
прошу тебя читать (2-ое лицо)
велю ему читать (3-ье лицо)

Здѣсь лицо инфинитива все время узнается по другимъ словамъ („себя“, „тебя“, „ему“), въ самомъ же словѣ „читать“ оно не указано. Не указано въ инфинитивѣ и числа дѣйствующихъ предметовъ („я хочу читать“, „мы хотимъ читать“). Это и создаетъ его неопредѣленность. Когда мы говоримъ „читать“, мы представляемъ себѣ дѣйствіе, но совершенно не представляемъ себѣ, кто дѣйствуетъ. Это дѣйствіе, какъ бы оторванное отъ своего дѣятеля, дѣйствіе **безъ всякаго намека на дѣятеля**. Можно сказать, что въ инфинитивѣ изображается признакъ, создаваемый дѣятельностью предмета, но безъ отношенія къ самому предмету, проявляющему эту дѣятельность.

Можетъ возникнуть вопросъ, какимъ образомъ инфинитивъ, не имѣя ни одной синтаксической глагольной формы, такъ близокъ по значенію къ глаголу. Объясняется это тѣмъ, что онъ и другихъ никакихъ формъ не имѣетъ, и, стало-быть, не можетъ выражать ни предмета, ни признака, заложеннаго въ предметѣ, ни признака признака. А въ то же время съ глаголами онъ тѣсно связанъ тѣмъ, что отъ каждаго глагола можно его образовать, что суффиксы у него тѣ же, что и у глаголовъ (читаю, читалъ, читать, ударяю, ударялъ, ударять и т. д.), а отчасти и тѣмъ, что имѣетъ залоги и виды. Вотъ эта-то связь съ глаголомъ при отсутствіи связей съ другими частями рѣчи и дѣлаетъ его глагольнымъ словомъ, подобно тому, какъ эта же связь можетъ даже отглагольному междометію въ связной рѣчи придать глагольный смыслъ („тихохонько медвѣдя толкъ ногой“, „хватъ друга камнемъ въ лобъ“ и т. д.).

Происхожденіе инфинитива. По происхожденію инфинитивъ есть застывшій падежъ отглагольныхъ существительныхъ женскаго рода на **ть, чь**, потерявшихъ всѣ остальные падежи свои. Мы можемъ о нихъ судить по нѣсколькимъ уцѣлѣвшимъ существительнымъ этого рода, какъ: „знать“ (теперь уже только въ смыслѣ: тѣ, кого „знаютъ“, „знатные“), „быть“ („всякая быть создана Богомъ“, „бытописаніе должно основываться на бытяхъ достовѣрныхъ“, изъ словаря Даля), „чуть“ („дай мнѣ самую

чуть, чуточку!", также въ словахъ „чуть-чуть" и „чуть только", срвн. малорусское „чути" = чуять), „жуть", „сыть" (въ сказкахъ: „что ты, конская сыть, спотыкаешься?"), „стать" („съ какой стати", „подъ стать", „кстати"), „мочь" („изо всей мочи", „что было мочи") и т. д. Исчезновеніе всѣхъ остальныхъ падежей при сохраненіи глагольныхъ суффиксовъ и приставокъ создало здѣсь то своеобразное значеніе, которое выше разобрано.

Итоги главы.

Итакъ, подведемъ итогъ значенію всѣхъ формъ частей рѣчи:

1) форма **глагола** выражаетъ **признакъ, создаваемый дѣятельностью предмета**;

2) форма **прилагательнаго** выражаетъ **признакъ, заложенный въ природѣ предмета**;

3) форма **существительнаго** выражаетъ **предметъ**;

4) форма **причастія** выражаетъ признакъ, **создаваемый дѣятельностью предмета, но въ то же время заложенный въ природѣ его**;

5) форма **нарѣчія** выражаетъ **признакъ признака предмета**;

6) форма **дѣепричастія** выражаетъ **признакъ, создаваемый дѣятельностью предмета, но приписанный не предмету, а его глагольному признаку**;

7) форма **инфинитива** выражаетъ **признакъ, создаваемый дѣятельностью предмета, но безъ отношенія къ самому предмету**.

VII.

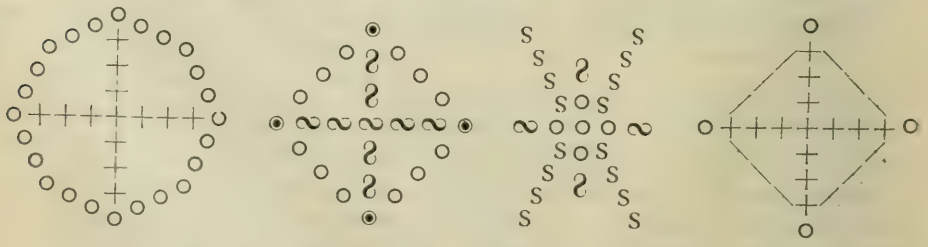
Понятіе о формѣ сочетанія словъ. Морфологія и синтаксисъ.

Форма слова и форма сочетанія словъ.

Возьмемъ нѣсколько отдѣльныхъ словъ, имѣющихъ форму: „хочу", „читаю", „сестра", „книга". Несмотря на свои формы, слова эти не даютъ въ такомъ сочетаніи никакого опредѣленнаго смысла. Если кто-нибудь скажетъ: „хочу читаю сестра книга", мы извлечемъ изъ его словъ такъ же мало, какъ если бы онъ сказалъ: „хоч— чит— сестр—книг—", т.-е. совсѣмъ отказался бы отъ формъ, говорилъ одними корнями. Точно такъ же мы не поймемъ, если намъ скажутъ: „хотимъ читаю сестры книгѣ", „хотящій читаешь сестру книгой", „хотѣть читаемъ сестрой книгой", „хочешь читая сестра книги" и т. д. и т. д. Можно было бы придумать изъ этихъ 4 словъ

нѣсколько сотъ такихъ комбинацій, и всѣ онѣ будутъ совершенно безсмысленны. Напротивъ, если намъ скажутъ: „хочу читать сестрѣ книгу“, или „хочу читать книгу сестры“, или „сестра хочетъ читать книгу“, все будетъ понятно. Значитъ, для того, чтобы какая-нибудь группа словъ, или, какъ говорятъ въ грамматикѣ, сочетаніе словъ имѣло опредѣленный смыслъ, недостаточно, чтобы каждое слово, входящее въ это сочетаніе, имѣло свою форму, а нужно еще, чтобы все сочетаніе тоже имѣло опредѣленный видъ, опредѣленное **строеніе**; и вотъ это-то строеніе того или иного сочетанія мы будемъ также называть формой, но уже, конечно, не формой слова, а **формой сочетанія словъ**. И эту общую, окончательную форму надо отличать отъ тѣхъ отдѣльныхъ формъ, которыя ее создаютъ. Про сочетанія: „хочу читать сестрѣ книгу“, „хочешь читать книгу сестры“, „сестра хочетъ читать книгу“ и т. д. можно сказать, что каждое изъ нихъ имѣетъ свою особую форму. Про сочетанія, какъ: „читать сестрѣ книгу“, „писать матери письмо“, „платить лакею жалованье“, „объяснять ученику урокъ“, „давать нищему милостыню“ и т. д. можно сказать, что всѣ они имѣютъ одинаковую форму. Наконецъ, про сочетанія: „хочу читаю сестра книгу“, „хотимъ читаю сестру книгѣ“ и т. д. можно сказать, что ни одно изъ нихъ не имѣетъ такой формы, которая была бы свойственна русскому языку (хотя отдѣльныя формы, ихъ составляющія, всѣ свойственны ему). Этимъ и объясняется ихъ непонятность.

Пояснимъ еще наше новое понятіе наглядно. Положимъ, намъ даны разныя фигурки: ○, +, ∾, ◉, S, ⁄ и т. д. Каждая изъ нихъ имѣетъ, какъ мы видимъ, опредѣленную форму. Тѣтъ не менѣе изъ сочетанія ихъ мы можемъ построить безконечное число новыхъ, болѣе сложныхъ формъ:



И если бы кому-нибудь вздумалось изучать эти рисунки, ему пришлось бы, конечно, различать формы маленькихъ фигурокъ и формы большихъ фигуръ, составленныхъ изъ ма-

ленькихъ. То же дѣлается и въ грамматикѣ, гдѣ различаютъ формы отдѣльныхъ словъ и формы сочетаній словъ. Потому что говоримъ мы именно такими словесными фигурами, усвоенными нами съ дѣтства, при чемъ каждому языку свойственно сравнительно небольшое число фигуръ, часто не употребительныхъ ни въ какихъ другихъ языкахъ.

Подобнымъ же образомъ въ человѣческомъ тѣлѣ мельчайшія части, имѣющія форму,—клѣточки, складываются въ болѣе крупныя части, органы, при чемъ одинаковыя клѣточки встрѣчаются въ разныхъ органахъ, такъ что органы отличаются другъ отъ друга, главнымъ образомъ, различнымъ расположеніемъ однихъ и тѣхъ же элементовъ. И формы клѣточекъ изучаются въ одной наукѣ (гистологіи), а формы органовъ въ другой (анатоміи).

Переносный смыслъ слова „форма“ въ языковѣдѣніи.

Сравненія наши неудовлетворительны только въ одномъ отношеніи: въ обоихъ приведенныхъ случаяхъ слово „форма“ имѣетъ буквальный смыслъ, потому что рѣчь идетъ о чемъ-то пространственномъ (фигурки, клѣточки, органы), къ грамматикѣ же слово „форма“ примѣнимо только въ переносномъ смыслѣ, такъ какъ тутъ приходится имѣть дѣло съ элементами, протекающими во времени. Вѣдь и слово, и сочетаніе словъ безтѣлесны, они живутъ, текутъ, произносятся, это явленія, а не предметы. Правда, мы можемъ зафиксировать ихъ на письмѣ, и тутъ получаются нѣкоторые матеріальные слѣды этихъ явленій (буквы); но само собой разумѣется, что не формы этихъ слѣдовъ изучаются въ языковѣдѣніи, а формы самихъ явленій, какъ въ теоріи музыки изучаются не формы нотныхъ значковъ и не формы вырѣзокъ на граммофонныхъ пластинкахъ, а формы самой музыки, формы мелодіи и гармоніи. И именно съ музыкой лучше всего сравнить въ этомъ отношеніи языковѣдѣніе, потому что и тамъ, и тутъ изучаемое звучитъ. И какъ въ музыкѣ говорится о формѣ отдѣльнаго такта и о формѣ всей мелодіи, такъ и въ грамматикѣ говорятъ о формѣ слова и о формѣ сочетанія словъ. Впрочемъ, и въ другихъ областяхъ знанія переносный смыслъ слова „форма“ давно получилъ права гражданства: историки литературы говорятъ о литературныхъ формахъ, соціологи — о формахъ развитія народовъ, юристы — о формахъ правовой жизни, формахъ политическихъ, формахъ правленія, медики—о формахъ болѣзни и т. д.

Морфологія и синтаксисъ.

Тотъ отдѣлъ грамматики, въ которомъ изучаются формы отдѣльныхъ словъ, называется морфологіей *).

---

*) Отъ греческаго слова μορφος (морфосъ), что значитъ „форма“. Школьное названіе „этимологія“ примѣняется въ наукѣ только въ смыслѣ исторіи

Тотъ отдѣлъ грамматики, въ которомъ изучаются формы сочетаній словъ, называется синтаксисомъ.

Сама же грамматика опредѣлится такимъ образомъ, какъ **тотъ отдѣлъ языковѣдѣнія, въ которомъ изучаются формы языка.**

Другіе отдѣлы языковѣдѣнія.

Другими отдѣлами языковѣдѣнія являются: фонетика — ученіе о звукахъ, семасіологія — ученіе о значеніяхъ словъ, лексикологія — ученіе о словахъ (т.-е. о словарномъ составѣ языка). Впрочемъ, въ виду невозможности изучать звуки языка отдѣльно отъ грамматическаго состава словъ (напр., въ чередованіяхъ), а формы — отдѣльно отъ звуковъ, ихъ составляющихъ, фонетика и грамматика обычно объединяются подъ общимъ именемъ грамматики. Такъ какъ языковѣдѣніе — наука историческая, то понятно, что во всѣхъ этихъ отдѣлахъ явленія языка изучаются исторически, т.-е. грамматика есть исторія формъ, фонетика — исторія звуковъ, семасіологія — исторія значеній, лексикологія — исторія словаря. Но какъ въ исторіи возможно собираніе статистическаго матеріала для той или иной эпохи, такъ въ каждомъ изъ отдѣловъ языковѣдѣнія возможны и чисто-описательные труды, фиксирующіе языкъ въ тотъ или иной моментъ его развитія (напр., настоящая книга, описывающая преимущественно современныя формы русскаго языка). Кромѣ того, какъ въ исторіи существуетъ общая теорія развитія человѣческихъ обществъ—соціологія, такъ и въ языковѣдѣніи существуетъ общая теорія языка или общее языковѣдѣніе, изучающее законы развитія человѣческаго языка вообще на основаніи фактовъ, доставляемыхъ исторіей отдѣльныхъ языковъ. Все наше введеніе вплоть до того момента, когда мы перейдемъ спеціально къ русскому языку, представляетъ не что иное, какъ грамматическую часть этого „общаго языковѣдѣнія".

Отличія синтаксическаго изученія языка отъ морфологическаго.

На первый взглядъ можно подумать, что въ синтаксисѣ изучается то же самое, что въ морфологіи, только въ другомъ порядкѣ; вѣдь всякое сочетаніе состоитъ изъ отдѣльныхъ формъ, такъ что то, что изучено уже въ морфологіи порознь, то самое, какъ будто бы, изучается въ синтаксисѣ въ связи. На самомъ дѣлѣ, въ связной рѣчи есть кое-что, чего совсѣмъ не касается морфологія. Дѣло въ томъ, что форма сочетанія словъ зависитъ не только отъ той или иной комбинаціи отдѣльныхъ формъ, но и:

1) отъ словъ, не имѣющихъ формы, но входящихъ въ то же сочетаніе,

---

грамматическаго состава того или иного слова. Говорятъ, напр.: „этимологія слова „столъ" вполнѣ выяснена", „этимологія этого слова очень интересна" или „очень запутана" и т. д.

2) отъ порядка словъ,

3) отъ интонаціи и ритма.

Остановимся на каждомъ изъ этихъ пунктовъ подробнѣе.

Вліяніе безформенныхъ словъ на форму сочетанія.

1) Слова, не имѣющія формы, не живутъ въ языкѣ отдѣльной жизнью, а тѣсно переплетаются со словами, имѣющими форму. При этомъ они вступаютъ въ постоянную связь съ опредѣленными категоріями словъ, имѣющихъ форму. Такъ, напр., слово „очень" соединимо только съ прилагательнымъ и глагольнымъ словомъ, но не съ существительнымъ: можно сказать: „очень полный", „очень полнѣетъ", „очень полнѣвшій", „очень полнѣя", „очень полнѣть", но не „очень полнота". Слово „вчера" соединимо только съ глагольнымъ словомъ: можно сказать: „вчера умеръ", „вчера умершій", но не „вчера мертвый", „вчера смерть". Такимъ образомъ, слова, не имѣющія формы, не внѣшне только пристегнуты въ сочетаніяхъ къ словамъ, имѣющимъ форму, а срастаются съ ними въ одно неразрывное цѣлое, почему и вліяютъ на форму этого цѣлаго. Продолжая наше сравненіе словъ съ клѣточками, а сочетаній словъ съ органами, мы можемъ вспомнить, что въ строеніи органовъ огромное значеніе имѣютъ и безформенные элементы человѣческаго тѣла (кровяная жидкость, межклѣточное вещество хряща, кости и т. д.). Особенное значеніе пріобѣтаютъ при этомъ такъ назыв. частичныя слова. Такъ называются слова, не имѣющія самостоятельнаго значенія, а только вносящія какой-либо оттѣнокъ въ значенія другихъ словъ и сочетаній. Если мы сравнимъ такія слова, какъ „бѣлый", „красиво", „писать", „вчера", „надежда", „вскачь", и т. д., съ такими словами, какъ: „для", „безъ", „кромѣ", „конечно", „вѣдь", „чтобы", „въ", „даже", „не", и т. д., то замѣтимъ между этими рядами словъ огромную разницу. Первыя слова имѣютъ свой отдѣльный, самостоятельный смыслъ. При каждомъ изъ нихъ намъ представляется что-нибудь отдѣльное. Напротивъ, при каждомъ изъ словъ второго ряда намъ сейчасъ же представляется, что тутъ опущены какія-то другія слова, какъ разъ самыя главныя, безъ которыхъ наше слово и смысла не имѣетъ. При словѣ „для" намъ сейчасъ же представится, что недостаетъ какого-то существительнаго (для кого? для чего?), при словѣ „конечно" намъ сейчасъ же представится цѣлая фраза, которую говорящій подтверждалъ этимъ „конечно", при словѣ „даже" представится, что говорящій что-то усиливалъ, на что-то хотѣлъ обратить особенное вниманіе слушателей, при словѣ „не", что онъ что-то отрицалъ

Дѣленіе словъ на полныя и частичныя.

и т. д. Разумѣется, и при словѣ „бѣлый“ намъ могутъ представиться другія слова („снѣгъ“, „заяцъ“, „сѣрый“, „свѣтлый“). Но тамъ это не обязательно; слово „бѣлый“ понятно и само по себѣ, значеніе его можно представить себѣ и безъ помощи другихъ словъ. Напротивъ, вся суть значенія такихъ словъ, какъ „для“, „конечно“, „даже“ и т. д., въ томъ и состоитъ, что они вносятъ тотъ или другой оттѣнокъ въ другія слова. Слова перваго рода всѣмъ кажутся сразу словами, и ребенку не приходится объяснять, что „бѣлый“ или „вскачь“ отдѣльныя слова. Напротивъ, къ различенію словъ второго рода насъ пріучаетъ главнымъ образомъ грамотность и занятія языкомъ въ школѣ. И это потому, что отдѣльность ихъ, въ сущности, очень ограниченная. Они отдѣльны только потому, что ни съ чѣмъ не сцѣплены, что появляются между отдѣльными словами, словомъ, они отдѣльны преимущественно физически (хотя и то очень ограниченно, напр., они почти никогда не имѣютъ своего собственнаго ударенія, а примыкаютъ по ударенію къ ближайшему слову). По смыслу же они далеко не отдѣльны. Можно сказать, что слова перваго рода имѣютъ полный смыслъ въ языкѣ. Поэтому они называются обыкновенно полными словами. Слова же второго рода имѣютъ частичный смыслъ и потому называются частичными словами. Этого дѣленія словъ на полныя и частичныя отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ дѣленіемъ на форменныя и безформенныя. Такія слова, какъ: „вчера“, „вскачь“, „Марокко“, конечно, полныя слова, хотя и не имѣютъ формы. И, наоборотъ, существуютъ частичныя слова (правда, въ небольшомъ количествѣ), имѣющія форму (наша связка въ сочетаніяхъ „былъ уменъ“, „былъ добръ“ и т. д., всѣ вспомогательные глаголы въ зап.-европейскихъ языкахъ, оба члена зап. европейскихъ языковъ и т. д.). Такъ вотъ на частичныхъ-то словахъ и надо намъ остановиться, чтобы выяснить синтаксическое значеніе словъ, не имѣющихъ формы. Дѣло въ томъ, что огромное большинство частичныхъ словъ какъ разъ не имѣетъ формы. По значенію же они очень близки къ формальнымъ частямъ словъ, имѣющихъ форму. Предлоги, напр., соотвѣтствуютъ, въ общемъ, по значенію флексіямъ существительныхъ. Предлогъ „для“ обозначаетъ сейчасъ почти то же, что флексія дательнаго падежа (срвн. „сдѣлай мнѣ это!“ и „сдѣлай для меня это!“), предлогъ „отъ“ очень близокъ по значенію къ родительному падежу (сравн. „избѣгнуть чего“ и „избавиться отъ чего“) и

Значеніе частичныхъ словъ. Вліяніе безформенныхъ частичныхъ словъ на форму сочетанія.

т. д. Часто то, что въ однихъ языкахъ выражается падежомъ, то въ другихъ языкахъ — предлогомъ съ зависящимъ отъ него падежомъ. Мы говоримъ: „Римъ былъ основанъ Ромуломъ и Ремомъ", „галлы были побѣждены Цезаремъ", а римлянинъ и нѣмецъ сказали бы: „былъ основанъ отъ Ромула и Рема", „побѣждены отъ Цезаря". Мы говоримъ: „это бѣлѣе снѣга", „темнѣе ночи", а римлянинъ, полякъ, сербъ, малороссъ сказали бы: „бѣлѣе отъ снѣга", „темнѣе отъ ночи" („більший від мене", „гірчиший від перцю"). Мы говоримъ: „копать заступомъ", „бить молотомъ", „грызть зубами", а нѣмецъ говоритъ: „копать съ заступомъ", „бить съ молотомъ", и т. д. Наоборотъ, мы говоримъ: „итти съ товарищемъ, съ братомъ, съ женой", а по древне-индійски говорилось: „итти товарищемъ, братомъ, женой". Мы говоримъ: „въ столѣ", „въ городѣ", а по древне-русски и по древне-индійски говорилось прямо: „столѣ", „городѣ" („къто Кыевѣ поча пьрвѣе княжити...", „Святополкъ же сѣде Кыевѣ..." и т. д., такъ наз. мѣстный падежъ). Подробнѣе значеніемъ частичныхъ словъ мы займемся впослѣдствіи, равно какъ и дѣленіемъ ихъ на разряды. Покамѣстъ же обратимъ вниманіе только на слѣдующее. Разъ въ языкахъ существуютъ слова со значеніемъ, близкимъ къ значенію формальныхъ частей, то они при случаѣ могли бы и замѣнять формальныя части. Это и происходитъ въ языкахъ, растерявшихъ свои формальныя части. По-французски, напр., „отца" будетъ du père (дю пэръ), „отцу" — au père (о пэръ), „отцомъ" — par le père (паръ ле пэръ), гдѣ par — предлогъ, а le еще другое частичное слово, такъ наз. „членъ". А такъ какъ и въ именительномъ падежѣ нельзя сказать просто „пэръ", а надо прибавить непремѣнно то же слово „ель" (или другое частичное слово „эн"), то французскаго „пэръ„, собственно, и перевести невозможно на русскій языкъ. Это никакъ не „отецъ", потому что въ „отецъ" есть форма именительнаго падежа, а въ „пэръ" ея нѣтъ. Это скорѣе соотвѣтствуетъ одной только нашей основѣ „отц—". И только прибавленіемъ къ этому „отц" того или другого предлога или члена получается по-французски тотъ или иной падежъ. Такъ безформенныя частичныя слова замѣняютъ формы.

Составныя формы.

Въ русскомъ языкѣ частичныя слова, понятно, не могутъ имѣть такого значенія, потому что русскій языкъ сохранилъ достаточное количество формъ. Но и русскій языкъ не имѣетъ уже многихъ необходимыхъ формъ, и тутъ частич-

ныя слова тоже приходятъ на подмогу, образуя такъ назыв. составныя формы. Такъ называются формы, образуемыя 2-мя форменными словами, изъ которыхъ одно — полное, а другое — частичное. Таковы наши формы будущаго времени („буду писать", „буду читать" и т. д., гдѣ „буду" — частичное слово), превосходной степени прилагательныхъ („самый чистый", „самый умный", хотя имѣется и несоставная форма „чистѣйшій" „умнѣйшій"), превосходной степени нарѣчія („чище всего", „умнѣе всего" и т. д.), 1-го лица множ. ч. повелительнаго наклоненія („давай играть!", „давайте заниматься!" и т. д.), составная форма возвратнаго залога („идетъ себѣ", „читаетъ себѣ", „пишетъ себѣ" и т. д., гдѣ „себѣ", конечно, не имѣетъ самостоятельнаго значенія), составная форма совершеннаго вида съ особымъ оттѣнкомъ неудачности, безрезультатности дѣйствія („взялъ было", „купилъ было", „сказалъ было"), составная форма многократнаго вида („бывало приду", „бывало иду"), зарождающіяся нынѣ формы будущаго времени съ глаголомъ „имѣю" („засѣданіе имѣетъ быть", „имѣющее быть") и т. д. Такимъ образомъ, въ русскомъ языкѣ синтаксическое значеніе имѣютъ какъ разъ не безформенныя частичныя слова, а форменныя.

Вліяніе порядка словъ.

2) Порядокъ словъ. Собственно говоря, всякая перестановка создаетъ новый оттѣнокъ рѣчи. Между „дай мнѣ книгу!" и „дай книгу мнѣ", „говоря откровенно" и „откровенно говоря", „только одинъ" и „одинъ только" чувствуется внутренняя разница, какъ бы ни была она тонка и мало уловима. Но порядокъ словъ можетъ пріобрѣтать и болѣе рѣзкое формальное значеніе. Такъ, напр., онъ можетъ обозначать падежъ существительнаго. Сравнимъ сочетанія: „мать любитъ дочь" и „дочь любитъ мать", „платье задѣло весло" и „весло задѣло платье". Мы здѣсь различаемъ именит. и винит. падежи только при помощи порядка словъ. У насъ это бываетъ въ очень немногихъ сочетаніяхъ, по-французски же, напр., гдѣ нѣтъ совсѣмъ формъ падежей, это общее правило. Оттѣнокъ вопросительности тоже можетъ выражаться либо особымъ частичнымъ словомъ („ли", напр., „писалъ ли ты?") либо перестановкой („писалъ ты?"). При счетѣ перестановка даетъ оттѣнокъ приблизительности (срвн. „два дня" и „дня два") и т. д.

Вліяніе интонаціи и ритма.

3) Интонація и ритмъ также могутъ пріобрѣтать формальное значеніе. Сравнимъ 2 сочетанія: 1) „пріѣдешь домой, переодѣнешься...", сказанное тономъ перечисленія дѣйствій, которыя предстоитъ человѣку выполнить, и 2) „пріѣдешь домой — переодѣнешься", сказанное условнымъ тономъ, въ смыслѣ: „если пріѣдешь домой..." или „когда пріѣдешь домой..."

Конечно, это не одно сочетаніе, а два, совершенно различныя по своему строенію, т.-е. по своей общей формѣ, несмотря на то, что и по отдѣльнымъ формамъ, и по порядку ихъ расположенія въ точности совпадаютъ другъ съ другомъ. Здѣсь важный оттѣнокъ придаточности, т.-е. подчиненности одного предложенія другому, выраженъ интонаціей, тогда какъ обычно онъ выражается особыми частичными словами (союзы). Въ сочетаніяхъ: „пойдемъ гулять!", „ѣдемъ обѣдать!", при помощи особой „пригласительной" интонаціи выражается, въ сущности, 1-е лицо множ. ч. повелительнаго наклоненія (срвн. тѣ же сочетанія съ повѣствовательной интонаціей: „пойдемъ гулять" въ смыслѣ „мы пойдемъ гулять", „идемъ обѣдать" въ смыслѣ „мы идемъ обѣдать"). Въ сочетаніи „давайте обѣдать!" можно съ помощью интонаціи выразить то 1-е лицо повелительнаго наклоненія, то 2-е (въ смыслѣ „подавайте обѣдъ!"). Въ сочетаніяхъ: „поэтъ-художникъ", „женщина-врачъ", „механикъ-самоучка" и т. д. мы выражаемъ особую грамматическую связь между 2-мя словами тѣмъ, что произносимъ ихъ въ одинъ пріемъ, т.-е. при помощи ритма рѣчи (срвн. сочетанія „поэтъ-художникъ" и „поэтъ — художникъ" въ смыслѣ „поэтъ есть художникъ").

Синтетическіе и аналитическіе языки.

Итакъ, мы видимъ, что то самое, что мы привыкли выражать формами словъ, т.-е. формальными частями, можетъ выразиться иной разъ и другими способами: безформенными частичными словами, порядкомъ словъ, интонаціей и ритмомъ; въ каждомъ изъ этихъ 3-хъ случаевъ получается особая форма сочетанія словъ. Такъ, сочетанія: le père, du père, au père, par le père (ле пэръ, дю пэръ, о пэръ, паръ ле пэръ) имѣютъ каждое свою особую форму, хотя и состоятъ сплошь изъ безформенныхъ словъ, сочетанія „мать любитъ дочь" имѣетъ не ту общую форму, что сочетаніе „дочь любитъ мать", сочетанія „поэтъ-художникъ" и „поэтъ — художникъ" имѣютъ тоже каждое свою форму. Значитъ, мы можемъ сказать, что здѣсь то, что обычно выражается формами словъ, выражено формой всего сочетанія. И понятно, что тѣ изъ языковъ, которые утеряли формы словъ (а процессъ потери формъ словъ неизбѣженъ, какъ мы видѣли, потому что зависитъ, между прочимъ, и отъ чисто физіологическихъ причинъ), хватаются именно за эти чисто-синтаксическіе способы, за формы сочетаній. Въ этомъ отношеніи языки дѣлятся на два основные типа: синтетическіе и аналитическіе. Въ первыхъ преобладающее значеніе имѣютъ формы

словъ, во вторыхъ — формы сочетаній. Русскій языкъ, наравнѣ съ древними языками индо-европейской семьи (латинскимъ, древне-греческимъ, древне-церковно-славянскимъ и др.) принадлежитъ къ 1-й группѣ, большинство новыхъ западно-европейскихъ языковъ — ко 2-ой.

Корневые языки.

Существуютъ даже такіе языки, въ которыхъ совсѣмъ нѣтъ формъ словъ, а только формы сочетаній. Это такъ наз. корневые языки (китайскій, корейскій, бирнамскій, аннамскій и др.). Въ китайскомъ языкѣ, напр., основнымъ элементомъ рѣчи является слогъ. Весь языкъ состоитъ, приблизительно, изъ 460 слоговъ, названныхъ европейскими учеными, по аналогіи съ ихъ собственными языками, „корнями". Въ звуковомъ отношеніи всѣ слоги чрезвычайно однообразны, такъ какъ не допускаютъ двухъ согласныхъ рядомъ (такіе слоги, какъ наши: „**хлѣбъ**", „**три**", „**бле—стѣть**" и т. д., невозможны) и оканчиваются только на **н, й** и **у** краткое. Вотъ для примѣра рядъ этихъ слоговъ: пу, фу, му, жу, ши, ни, ти, во, ко, мо, ша, та, пен, мен, син, жин, сан, кан, лай, най, тау, кау и т. д. Каждый слогъ, въ сочетаніи съ опредѣленной интонаціей (а имѣется цѣлыхъ 5 различныхъ интонацій), имѣетъ опредѣленное самостоятельное значеніе, является своего рода „словомъ". Но насколько далеки эти слова отъ европейскихъ, ясно уже изъ того, что, не имѣя никакихъ формъ, китайскій языкъ не имѣетъ и формъ частей рѣчи. Слогъ „та", напр., можетъ значить и „величина", и „большой", и „увеличиваю", и „увеличивающій", и "очень". Вѣрнѣе, онъ ничего этого не значитъ, а выражаетъ только идею величины, не отлитую ни въ какую форму. Слогъ „шан" (съ особымъ „н", которое по-русски пишется обыкновенно черезъ „нг"—„шанг") можетъ обозначать и „вверху", и „подыматься", и „вершина", слогъ „тши" означаетъ и „палецъ", и „показывать" и т. д. Вотъ изъ этихъ-то совершенно непереводимыхъ на европейскіе языки слоговъ и строится весь языкъ, какъ изъ основныхъ единицъ. Приблизительное представленіе о такомъ языкѣ мы можемъ получить, если будемъ говорить одними корнями („сестр— хоч— чит— книг—", „дешев— стекл— куп—", „отц— люб— дѣт—"), но все же только приблизительное, потому что: 1) внутри нашихъ корней скрыты формальные элементы (благодаря чередованію звуковъ), которыхъ никакъ невозможно высвободить изъ нихъ; такъ, корень „сестр" уже указываетъ своимъ „е" на единственное число, потому что множественное было бы „сёстр" (сестра—сёстры), корень „дѣт" — на множеств. число, потому что въ единственномъ было бы „дит" (дитя—дѣти), корень „чит"—на глагольное слово, потому что въ существительномъ было бы „чт" (чтеніе), а въ прилагательномъ „чёт" (четкій); ничего подобнаго въ китайскихъ корняхъ нѣтъ; 2) наши корни (и это самое главное) мы сознаемъ, какъ нѣчто такое, чему недостаетъ формы, какъ обрубки, полученные усѣченіемъ привычныхъ намъ формальныхъ

частей, для китайца же, который о формальныхъ частяхъ не имѣетъ представленія, его „корни" — цѣльные элементы, а не обрубки. Такимъ образомъ, эти китайскіе „корни" еще болѣе общи, еще болѣе неопредѣленны по значенію, чѣмъ наши; а между тѣмъ вѣдь уже и изъ нашего ряда корней ничего нельзя понять; вѣдь „отц — люб — дѣт —" можетъ обозначать и „отецъ любитъ дѣтей" и „отца любятъ дѣти" и „отцы, любите дѣтей"! и т. д. и т. п. Спрашивается, какъ же китайцы мыслятъ и выражаютъ свои мысли? Исключительно съ помощью разныхъ сочетаній своихъ слоговъ. Читатель уже по географическимъ именамъ можетъ замѣтить, что слоги эти всегда являются въ сочетаніяхъ (Пе — кинъ, Нан — кинъ, Ян — цзы — кянгъ, Цзы — кянгъ). Вотъ эти-то сочетанія и имѣютъ уже болѣе опредѣленный смыслъ и приравниваются при переводѣ обычно къ нашимъ словамъ, хотя понятно, они такъ же мало похожи на наши слова, какъ и слоги, ихъ составляющіе: вѣдь въ нашихъ словахъ есть главная часть и второстепенныя части (вещественная и формальныя), въ этихъ же сочетаніяхъ всѣ части равноправны и всѣ вещественны. Пояснимъ это примѣромъ. Слогъ „тши" можетъ означать и „палецъ", и „показывать", но „тши-тау" уже непремѣнно обозначаетъ „палецъ". Само же „тау" не есть суффиксъ существительнаго, а обозначаетъ голову. Эта „голова" приставляется къ цѣлому ряду слоговъ, могущихъ обозначать округлые предметы („син" — сердце, чувство, помыслы и т. д., но „син-тау" — сердце, какъ круглый органъ, „жи" — „солнце" и „день", но „жи-тау" — само солнце, какъ нѣчто круглое и т. д.). Но это не есть и суффиксъ „округлости", потому что оно можетъ подчасъ имѣть и свое основное значеніе, обозначать „голову", только для этого къ нему долженъ присоединиться еще какой-нибудь слогъ („голова-вещь" или „голова-мѣсто", или просто съ удвоеніемъ „голова-голова"), такъ какъ отдѣльный слогъ самъ по себѣ почти никогда не можетъ имѣть опредѣленнаго предметнаго значенія. Точно такъ же „фу" можетъ означать и „отецъ", и „отцовскій", и „по-отцовски", и, въ исключительныхъ случаяхъ, даже „быть отцомъ", „му" означаетъ и „мать" и „материнскій" и т. д.; но „фу-тшинъ" обозначаетъ только „отецъ", „му-тшинъ" — только „мать" (собственно „отецъ-родственникъ" и „мать-родственникъ"), „фу-му" только „родители" (собственно „отецъ-мать") и т. д. Далѣе, существуютъ опредѣленные, очень строгіе законы разстановки слоговъ и ихъ сочетаній, сводящіеся къ тому, что все опредѣляющее (слогъ ли, или группа слоговъ, или нѣсколько такихъ группъ) ставится передъ опредѣляемымъ, все дополняющее — послѣ дополняемаго, все дѣйствующее — передъ дѣйствіемъ (подлежащее передъ сказуемымъ). Наконецъ, существуетъ и два-три частичныхъ слога, не имѣющихъ самостоятельнаго значенія. Такъ, слогъ „ти", напр., обозначаетъ приблизительно наше отношеніе опредѣ-

ленія къ опредѣляемому и ничего другого означать не можетъ. Чтобы дать сколько-нибудь живое представленіе о томъ, какіе результаты могутъ достигаться этими средствами, мы приведемъ одну китайскую фразу въ „дословномъ“ и литературномъ переводѣ (подъ „дословностью“ здѣсь надо разумѣть подстановку именительнаго падежа подъ каждый преимущественно-предметный или качественный корень и подстановку инфинитива подъ каждый преимущественно-глагольный корень; примѣръ взятъ изъ Steinthal'a „Charakteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaues“ s. 143):

жу	—	кин	тсйе	па	фу	—	му	тунг — нгай
какъ	—	теперь	далѣе	брать	отецъ	—	мать	больной — любить

ни	—	мен	ти	син	—	тшанг	све	и	све.	
ты	—	группа	относительно	сердце	—	внутренности	сказать	одинъ	сказать.	

Разберемъ это по частямъ. Начнемъ съ сочетанія „отецъ—мать“. Какъ уже сказано было, это можетъ обозначать только предметъ, т.-е. „родители“. Дальше—„больной-любить“. Такъ какъ „больной“ стоитъ передъ „любить“, то оно должно опредѣлять это „любить“; слѣдовательно это значитъ „до боли любить“=„горячо любить“. Такъ какъ это „горячо любить“ стоитъ послѣ „родители“, то оно никакъ не можетъ значить „горячая любовь“, а только „горячо любятъ“ (сказуемое послѣ подлежащаго, „родители горячо любятъ“). Далѣе, „ты—группа“ означаетъ „вы“. Такъ какъ оно стоитъ послѣ „любить“, то это будетъ дополненіе. Значитъ—„родители горячо любятъ васъ“. Далѣе (пропуская пока слогъ „ти“), „сердце-внутренности“ обозначаетъ просто „сердце“, такъ какъ одинъ слогъ „син“ могъ бы означать и чувство, и помыслы и т. д. Но, теперь, слогъ „ти“ показываетъ, что все, что стоитъ передъ этимъ „ти“ (т. е. все сочетаніе „родители горячо любятъ васъ“) относится къ тому, что стоитъ послѣ этого „ти“ (т.-е. къ „сердцу“), какъ опредѣленіе къ опредѣляемому. Какъ же превратить сочетаніе „родители горячо любятъ васъ“ въ опредѣленіе къ слову „сердце“? По-русски это можно выразить такъ: „сердце горячо любящихъ васъ родителей“ или (менѣе точно): „горячо любящее васъ сердце родительское“. Теперь вернемся нѣсколько назадъ. Передъ „родители“ было „брать“. Дополненіе къ этому „брать“ можетъ быть только послѣ него. Такъ какъ ближайшіе слоги всѣ отнесены, при помощи слога „ти“, къ „сердцу“, то, очевидно, дополненіемъ можетъ быть только само это „сердце“. Слѣдовательно: „теперь далѣе брать горячо любящее васъ сердце родительское“. Оставимъ пока все это сочетаніе, и обратимся ко второй части—„сказать одинъ сказать“. Такъ какъ дополненіе должно стоять послѣ сказуемаго, то первое „сказать“ будетъ глаголъ, а второе „сказать“—существительное, т.-е. „слово“. На это же указы-

ваетъ и счетный слогъ „одинъ". Слѣдовательно, „сказать одинъ сказать"=„говорю одно слово" или: „скажу одно слово" или: „скажемъ одно слово". Такъ какъ это отрывокъ изъ поученія, обращеннаго къ народу, то время и лицо глагола даны сами собой, и ихъ выражать не нужно было (если бы нужно было, то были бы особые корни для этого, напр. „проходить" для прошедшаго времени: „читать — проходить" значитъ „прочиталъ"). Наконецъ, вся первая часть (т.-е. все сочетаніе „теперь далѣе брать горячо любящее васъ сердце родительское") стоя передъ второй частью („скажемъ одно слово") должно опредѣлять эту вторую часть. Слѣдовательно: „теперь далѣе беря гор. люб. васъ сер. род., скажемъ одно слово". Окончательный литературный переводъ — „теперь далѣе, переходя къ горячо любящему васъ сердцу родительскому, скажемъ пару словъ объ этомъ предметѣ". Все это можетъ дать читателю наглядное представленіе, какъ можно однѣми формами сочетаній выразить такъ же полно и такъ же совершенно все, что мы выражаемъ формами словъ. Спрашивается, какъ могли возникнуть такіе языки, какъ китайскій? Прежде думали, что корневые языки — это языки первобытнаго типа, что въ нихъ еще не возникало формъ словъ. Въ послѣднее же время, по крайней мѣрѣ, относительно китайскаго языка, склоняются къ тому, что онъ имѣлъ когда-то формы словъ, но всѣ ихъ растерялъ, т.-е. пошелъ въ этомъ отношеніи еще дальше, чѣмъ самый аналитическій языкъ Европы — англійскій (гдѣ формъ словъ уже почти нѣтъ). Съ этимъ связана интересная гипотеза о круговомъ процессѣ въ грамматическомъ развитіи языковъ. Такъ какъ въ языкѣ наблюдаются одновременно процессы созиданія и разрушенія формъ (см. стр. 14—16, 24—26), то мы можемъ предположить, что если въ корневомъ языкѣ начнется образованіе формъ и если процессъ этотъ будетъ обгонять процессъ разрушенія ихъ, то корневой языкъ можетъ постепенно обратиться въ синтетическій, т.-е. выражающій все формами отдѣльныхъ словъ (напр., индо-европейскій праязыкъ). Въ этомъ синтетическомъ языкѣ, какъ насыщенномъ уже формами, процессъ образованія новыхъ формъ долженъ ослабѣть и процессъ разрушенія долженъ получить преобладаніе Тогда языкъ начнетъ терять свои формы (какъ, въ большей или меньшей степени, всѣ индо-европейскіе языки) и постепенно можетъ прійти въ прежнее корневое состояніе. Въ этомъ корневомъ состояніи въ языкѣ могутъ снова появиться формы словъ и т. д. и т. д. Схема эта можетъ быть дополнена и еще однимъ промежуточнымъ звеномъ. Существуютъ языки, въ которыхъ корни и формальныя части не такъ тѣсно связаны между собой, какъ въ индо-европейскихъ языкахъ. Чередованіе звуковъ въ нихъ не можетъ имѣть формальнаго значенія (такого корня, какъ „сёстр —" съ „множественнымъ" ё въ серединѣ или „чит —" съ глагольнымъ **и** тамъ быть не можетъ), и поэтому вещественную и формаль-

Развитіе корневого типа изъ аналитическаго. Гипотеза кругообразной эволюціи языковъ.

Агглютинирующіе языки.

ныя части легко отдѣлить другъ отъ друга. Съ другой стороны, и каждая формальная часть большею частью имѣетъ тамъ только о д н о значеніе (не такъ, какъ у насъ, гдѣ „о" въ словѣ „стекло" означаетъ и падежъ, и число, и родъ, и часть рѣчи) и проводится послѣдовательно по всему составу языка, такъ что и любую формальную часть легко выдѣлить изъ слова. Въ турецкомъ языкѣ, напр., суффиксъ „лар", или „лер" (въ зависимости отъ особаго закона гармоніи звуковъ и совершенно независимо отъ содержанія) означаетъ множественное число, и насколько послѣдовательно проводится это значеніе, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ: „эв" — домъ, „эв - лер" — дома, „эв - ин" — дома (род. п.), „эв - **лер** - ин" — домовъ, „эв - э" — дому, „эв - **лер** - э" — домамъ, „о" — онъ, „он - **лар**" или „о - **лар**" — они, „сэвийор" — любитъ, „сэвийор - **лар**" — любятъ, „сэвди" — любилъ, „сэвди - **лер**" — любили, и т. д. Точно такъ же суффиксъ „м" означаетъ всегда 1-ое лицо единственнаго числа, поэтому: „баба" — отецъ, „баба - **м**" — м о й отецъ, „сэвийор" — любитъ, „сэвийор - **ум**" — люблю, „сэвди" — любилъ (онъ), „сэвди - **м**" — я любилъ, и т. д. Въ результатѣ получается необыкновенная грамматическая п р о з р а ч н о с т ь языка и гораздо большая о т д ѣ л ь н о с т ь каждой формальной части, чѣмъ у насъ. Если сравнить этотъ типъ съ корневымъ типомъ, то можно сказать, что здѣсь отдѣльные корни, хотя и пріобрѣли уже чисто-грамматическое значеніе, превратившись изъ корней въ формальныя части и образовавши съ другими корнями с л о в а, но еще с в о б о д н о держатся въ этихъ словахъ, еще не скрѣплены со своими вещественными частями тѣми неразрушимыми спайками, какія создались въ нашихъ языкахъ. Если у насъ вещественная и формальная части входятъ другъ въ друга какъ крючокъ въ петлю или какъ винтъ въ нарѣзку, то въ этихъ языкахъ они только с к л е е н ы другъ съ другомъ. Они такъ и называются „склеивающими" языками или а г г л ю т и н и р у ю щ и м и („глютенъ" по-латыни = клей). Сюда принадлежатъ, напр., турецкій, татарскій, якутскій, финскій, зырянскій и т. д. языки, вообще языки такъ назыв. у р а л о - а л т а й с к о й семьи и нѣк. др. Съ точки зрѣнія „круговой" гипотезы, это — промежуточная стадія между корневымъ и синтетическимъ типомъ. Здѣсь синтезъ корней, ведущій къ образованію с л о в а, только что начался. Весь кругъ можетъ быть опредѣленъ, слѣдовательно, такъ: корневое состояніе языка — — агглютинирующее — синтетическое — болѣе или менѣе аналитическое — опять корневое. Конечно, этого полнаго круга никто никогда не наблюдалъ, но это легко объяснить продолжительностью процесса. Возможно, что за весь культурный періодъ своей исторіи человѣчество успѣло замѣтить только отдѣльныя части круга, но не весь кругъ въ его цѣломъ.

VIII.

Объ измѣненіи формъ сочетаній въ языкахъ.

Измѣнчивость синтаксической стороны языка.

Всякій, наблюдавшій хоть сколько-нибудь свою рѣчь, замѣчалъ, вѣроятно, что самое измѣнчивое въ ней — это синтаксическая сторона. Звуки мы, какъ будто, произносимъ всегда одни и тѣ же, слова употребляемъ тѣ же, значенія имъ придаемъ тѣ же, формы отдѣльныхъ словъ у насъ всегда тѣ же (все это, конечно, иллюзія, происходящая отъ того, что все это измѣняется очень медленно), но сочетаемъ мы наши формы и слова далеко не всегда одинаково. Всякому изъ насъ случается, по небрежности, употреблять такія выраженія, какъ: „городская управа должна отвѣчать за нанятыми ею служащими" (вмѣсто: „за нанятыхъ ею служащихъ", „Утро Россіи" 1913, № 67, „Судеб. Вѣсти"), „авторы письма сознаются **о** совершеніи греками убійствъ и поджоговъ" (вмѣсто: „сознаются въ совершеніи...", „Русск. Вѣд." 1913, № 179, телегр.), „...которую можно достигнуть..." (вмѣсто: „которой можно достигнуть", „Русск. Мысль" 1911, II, статья Маклакова), „попросилъ убраться несогласныхъ подписывать договора" (вмѣсто: „подписывать договоръ", „Столичн. Молва" 1913, № 30, передов.), „Чхеидзе забылъ и пренебрегъ огненное гнѣвное предписаніе Евангелія" (вмѣсто: „пренебрегъ огненнымъ гнѣвнымъ предписаніемъ", тамъ же, статья Жилкина), „и такимъ образомъ Петровъ добился узнать..." (вмѣсто: „добился того, что узналъ", Чириковъ, „Ранніе Всходы"), „увѣренность въ самого себя" (вмѣсто: „въ самомъ себѣ", письма Чехова, т. I), „избѣгнувъ обычные комплименты" (вмѣсто: „избѣгнувъ обычныхъ комплиментовъ", тамъ же), и т. д. Стоитъ только сравнить газетную рѣчь или нашу обыденную рѣчь съ языкомъ художественной литературы, чтобы убѣдиться, что газеты, а тѣмъ болѣе повседневная рѣчь прямо наводнены подобными неправильностями. Но что такое эти „неправильности"? Это все **новыя формы сочетаній.** Мы ихъ, конечно, бракуемъ и должны браковать (хотя желательно, чтобы это дѣлалось болѣе сознательно и съ менѣе рабскимъ подчиненіемъ учебнику грамматики). Но это могутъ дѣлать только люди, получившіе образованіе, слѣдящіе за своей рѣчью, вообще, имѣющіе понятіе о правильномъ и неправильномъ въ языкѣ. Народныя же массы

(а всякій языкъ, даже и литературный, создается, въ основѣ своей, народными массами) этого понятія до самаго послѣдняго времени не имѣли, да и сейчасъ рѣдко гдѣ имѣютъ или, по крайней мѣрѣ, рѣдко гдѣ считаются съ нимъ. Въ естественномъ состояніи языкъ контролируется не „учебниками грамматики, а понятностью и непонятностью всякаго даннаго выраженія для слушателя. Все, что понятно безъ труда, тѣмъ самымъ уже пробиваетъ себѣ дорогу въ языкѣ. Изъ этого ясно, насколько измѣнчивы должны быть формы сочетаній въ языкахъ. И дѣйствительно, многія формы сочетаній, напр., древне-русскаго языка намъ сейчасъ уже кажутся необыкновенно странными. По древне-русски, напр., говорилось (въ дословномъ переводѣ): „однажды, мнѣ бранившему его, а ему мнущему кожи, разсердившійся на меня разорвалъ кожу руками", „идущему же ему назадъ, пришелъ къ Дунаю", „Борису же возвратившемуся съ воинами, не нашедшему печенѣговъ, вѣсть пришла къ нему..." „и пришедшему ему къ Кіеву, и прожилъ 4 года" (такъ наз. „дательный самостоятельный"), „ибо самъ онъ зналъ, что хотящій сдѣлать" (=что хочетъ сдѣлать), „а если не будетъ, кто за него мстящій, то платить за голову 80 гривенъ", „и такъ отступили они отъ того, что сказавшіе", „ибо не любящій брата своего, котораго видящій, какъ можетъ любить Бога, котораго не видѣлъ?" (вездѣ причастіе на мѣстѣ современнаго глагола), „дьяволъ, искони не хотящій добра роду человѣческому и завидовавшій ему и воздвигнулъ на Арсенія великую крамолу", „Изяславъ и Ростиславъ, угадавшіе, и разъѣхались", „лежавшій 6 недѣль, и преставился" (теперь „и" невозможно), „и это все сдѣлавшій я, не подобало мнѣ жить", „и пришедшій Изяславъ Мстиславичъ къ Кіеву, и Игорь разболѣлся въ тюрьмѣ" („именительный самостоятельный"), „выскочивши же всѣ прочіе изъ ладьи и сказалъ Олегъ", „мѣсяца мая въ 21-й день нашедши туча, и шелъ дождь всю ночь", „а пріѣзжаючи бояръ и ближнихъ людей жены и дочери, и случится у царицы обѣдать, и они обѣдаютъ (самостоятельное дѣепричастіе съ собственнымъ подлежащимъ) и т. д. Съ другой стороны многихъ обычнѣйшихъ нашихъ оборотовъ тогда еще не существовало.

Уподобленіе однѣхъ формъ сочетаній другимъ.

Какъ происходятъ подобныя измѣненія въ языкѣ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо присмотрѣться къ зарождающимся измѣненіямъ этого рода, т.-е. къ нашимъ „неправиль-

ностямъ" синтаксическимъ. Почему человѣкъ можетъ сказать: „городская управа должна отвѣчать за нанятыми ею служащими" (см. стр. 83)? Потому, что въ языкѣ существуютъ сочетанія: „наблюдать за нанятыми служащими", „слѣдить за нанятыми служащими", „присматривать за нанятыми служащими" и т. д. Рядомъ съ этимъ существуетъ и другая форма сочетаній съ предлогомъ „за": „отвѣчать за нанятыхъ служащихъ", „платить долги за брата", „молиться за друга", „умереть за царя и родину" и т. д. И вотъ одна форма сочетаній вліяетъ на другую такъ, что **части одного сочетанія переносятся въ другое.** Это самый обычный способъ измѣненія формъ сочетаній. Подобнымъ же образомъ неправильность: „авторы письма сознаются **о** совершеніи греками убійствъ и поджоговъ" (см. тамъ же) объясняется вліяніемъ сочетаній: „сообщаютъ о совершеніи греками убійствъ и поджоговъ", „повѣствуютъ о...", „разсказываютъ о..." и т. д., такъ что предлогъ „о" былъ перенесенъ изъ этихъ сочетаній и въ сочетаніе съ глаголомъ „сознаются", гдѣ онъ, собственно, неумѣстенъ (сознаваться въ чемъ, а не „о чемъ"). Точно такъ же „попросилъ убраться несогласныхъ подписывать договора" возникло подъ вліяніемъ: „не хочу подписывать договора", „не стану подписывать договора" и т. д., „увѣренность въ самого себя" подъ вліяніемъ „вѣра въ самого себя", и т. д. Иногда при этомъ получается смѣшанная форма сочетанія, т.-е. данное сочетаніе не вполнѣ уподобляется тому сочетанію, которое на него вліяетъ, а только отчасти, сохраняя и свои собственныя характерныя черты. Такъ, напримѣръ, въ письмѣ Чехова къ поэту Бѣлоусову, переводчику Шевченка, читаемъ: „...изъ вашего сборника трудно составить себѣ понятіе ни о вашей, ни о шевченковской физіономіи". Здѣсь въ умѣ пишущаго мелькали одновременно двѣ формы сочетаній русскаго языка: 1) „изъ вашего сборника **трудно** составить себѣ понятіе **и** о вашей **и** о шевченковской физіономіи" и 2) „изъ вашего сборника **нельзя** составить себѣ понятіе **ни** о вашей, **ни** о шевченковской физіономіи". Такъ какъ ни одна изъ этихъ формъ не выдѣлилась въ сознаніи настолько, чтобы побѣдить другую, то въ результатѣ получилась смѣшанная форма, какъ бы склеенная изъ 2-хъ не подходящихъ другъ къ другу половинъ (первая половина изъ утвердительнаго оборота: „трудно составить себѣ...", а вторая изъ отрицательнаго: „ни о вашей ни о шевченковской..."). Чтобы убѣдить читателя, что подобныя „не-

Смѣшеніе формъ сочетаній.

правильности", къ которымъ онъ привыкъ относиться только брезгливо, могутъ получить право гражданства въ языкѣ и что большая часть тѣхъ сочетаній, которыя онъ признаетъ безупречно-правильными, произошли именно такимъ образомъ, приведемъ рядъ примѣровъ уже утвердившихся синтаксическихъ измѣненій. Мы видѣли, что при глаголахъ „избѣгаю" и „достигаю" вмѣсто правильнаго родительнаго падежа оказывается иногда ошибочный винительный (см. выше: „которую можно достигнуть", „избѣгнуть обычные комплементы"). А въ древне-русскомъ языкѣ такихъ сочетаній съ родительнымъ падежомъ было гораздо больше, и во многихъ изъ нихъ родительный падежъ теперь уже окончательно замѣнился винительнымъ. Въ „Словѣ о полку Игоревѣ", напримѣръ, читаемъ: „поостри сердца своего мужествомъ", теперь же можно было бы сказать только: „поострилъ сердце свое" (=изощрилъ, закалилъ) или: „а въсядемъ, братіе, на своя борзыя комони, да позьримъ синяго Дону" (род. на „у", какъ въ „изъ лѣсу", „изъ дому"), теперь же можно только сказать: „посмотримъ синій Донъ", или: „не мыслію ти прилетѣти издалеча, отьня злата стола поблюсти", теперь же: „отцовъ золотой престолъ постеречь" и т. д. Съ этимъ родительнымъ былъ связанъ и особый оттѣнокъ неполнаго воспріятія или неполнаго воздѣйствія на предметъ. Можно было сказать и: „смотрѣть синяго Дона", и: „смотрѣть синій Донъ", и: „слышать звона", и: „слышать звонъ", и: „читать книгъ", и: „читать книги" и т. д., и разница была очень тонкая: „смотрѣть Дона" обозначало: смотрѣть не весь Донъ, а отдѣльныя части его, не все время, а иногда, не напряженно осматривать, а легко, для удовольствія и т. д. Этотъ родительный почти совсѣмъ уже исчезъ изъ языка подъ напоромъ винительнаго. А такъ какъ благодаря этому глагольныхъ сочетаній съ родительнымъ въ языкѣ оказалось очень мало, а съ винительнымъ очень много, то послѣднія стали еще больше вліять на первыя и вытѣснять родительный даже изъ тѣхъ сочетаній, гдѣ винительный никогда не употреблялся (какъ при „достигать" и „избѣгать"). Значитъ, ошибка въ родѣ: „избѣгнуть комплименты" есть только продолженіе того общаго процесса вытѣсненія приглагольнаго родительнаго винительнымъ, который развивается на протяженіи всей исторіи русскаго языка. Именно такимъ-то образомъ и происходитъ то вытѣсненіе однѣхъ формъ другими, о которомъ мы говорили на стр. 29 и которое можетъ повести

Историческіе примѣры на тѣ же процессы.

даже къ полному исчезновенію вытѣсняемой формы. Еще примѣры. Мы сейчасъ говоримъ: „дойти до луга", „добраться до лѣса" и т. д., по древне-русски же говорилось безъ предлога: „дойти луга", „добраться лѣса" (напр., въ „Хожденіи игумена Даніила въ святую землю": „...доходихъ святаго града Іерусалима" „мнози же и доходивше святыхъ сихъмѣстъ..."); предлогъ первоначально здѣсь былъ не нуженъ, такъ какъ онъ уже есть въ глаголѣ въ видѣ приставки (дойти луга), и онъ, очевидно, забрелъ сюда изъ такихъ сочетаній, какъ: „итти до луга", „бѣжать до лѣса" и т. д.; тѣ же глаголы съ приставкой „до" въ нѣкоторыхъ случаяхъ стали сочетаться съ предлогомъ „о" („догадаться о чемъ" вмѣсто болѣе древняго „догадаться чего" или „до чего", „допытаться о чемъ", „дознаться о чемъ") подъ вліяніемъ такихъ сочетаній, какъ: „знать о чемъ", „спросить о чемъ" и т. д.; сочетаніе „отчаяваюсь чего" („своихъ надеждъ отчаяшася", „людемъ всѣмъ отчаявшимъся своего житья", „не отчаемся твоея милости" и т. д., изъ „Матеріаловъ для словаря древне-русск. яз." И. И. Срезневскаго) замѣнилось сочетаніемъ „отчаяваюсь въ чемъ", подъ вліяніемъ такихъ сочетаній, какъ: „сомнѣваюсь въ чемъ", „разувѣряюсь въ чемъ", „убѣждаюсь въ чемъ" и т. д. Примѣромъ на сліяніе 2-хъ формъ сочетаній въ одну смѣшанную могутъ служить нѣкоторые наши отрицательные обороты. Мы, напр., говоримъ: „боюсь, чтобы онъ этого не сдѣлалъ", „опасаюсь, чтобы онъ не нагрянулъ внезапно" и т. д. Если мы вдумаемся хорошенько въ эти сочетанія, то замѣтимъ, что отрицаніе въ нихъ, какъ будто бы, не на мѣстѣ. Вѣдь „боюсь, чтобы онъ этого не сдѣлалъ" обозначаетъ: „боюсь, что онъ это сдѣлаетъ", а не „не сдѣлаетъ", боюсь его „дѣланія", а не „недѣланія". Точно такъ же „боюсь, чтобы онъ не пріѣхалъ" обозначаетъ боязнь его пріѣзда, а не „непріѣзда". Какой же смыслъ имѣетъ здѣсь это „не"? Понять его можно только, уяснивъ себѣ происхожденіе этихъ сочетаній. Здѣсь утвердительныя сочетанія: „думаю, что онъ бы это сдѣлалъ", „надѣюсь, что онъ бы это сдѣлалъ", „хочу, чтобы онъ это сдѣлалъ" (со сліяніемъ „что" и „бы" въ союзъ „чтобы") смѣшались съ отрицательными: „хочу, чтобы онъ этого не дѣлалъ", „какъ бы онъ этого не сдѣлалъ!", „не сдѣлалъ бы онъ этого!" (въ смыслѣ опасенія) и т. д. Поводомъ къ такому смѣшенію послужило отрицательное значеніе глагола „боюсь": первоначальное „боюсь, чтобы онъ это сдѣлалъ" равнялось по смыслу „хочу, чтобы онъ этого **не** дѣлалъ", и вотъ почему утвердительный оборотъ

здѣсь смѣшался съ отрицательнымъ. Случай этотъ совершенно аналогиченъ той неправильности, которую мы привели изъ письма Чехова („трудно составить себѣ понятіе ни о вашей, ни о шевченковской физіономіи") съ той только разницей, что здѣсь, послѣ глаголовъ боязни, смѣшеніе общепринято и потому правильно, въ сочетаніи же съ нарѣчіемъ „трудно" оно не принято и потому неправильно. Еще болѣе характерный примѣръ такого смѣшенія представляютъ наши обороты: „мы съ Иваномъ Ивановичемъ ловили рыбу", „мы съ ней друзья" и т. д. въ смыслѣ: я и Иванъ Ивановичъ, я и она. Понять это неумѣстное „мы" можно опять-таки только, какъ результатъ смѣшенія 2-хъ формъ сочетаній: „я съ Иваномъ Ивановичемъ ловилъ рыбу" и „мы ловили рыбу", „я съ ней друженъ" и „мы — друзья". Множественное число зашло изъ одной формы сочетанія, а предлогъ „съ" съ творительнымъ падежомъ существительнаго—изъ другой формы.

Уподобленіе и смѣшеніе въ порядкѣ словъ, ритмѣ и интонаціи.

Такое же уподобленіе однихъ сочетаній другимъ и такое же сліяніе разнородныхъ сочетаній въ смѣшанныя можетъ происходить и въ отношеніи порядка словъ, интонаціи и ритма сочетаній. Въ древне-русскомъ языкѣ, напр., была очень распространена форма сочетанія: „жилъ-былъ царь", „поѣхалъ царь", „видитъ Иванъ-царевичъ", „беретъ онъ свой мечъ", „говоритъ ему птица", „отвѣчаетъ онъ ей" и т. д. со сказуемымъ впереди подлежащаго (срвн. языкъ сказокъ и былинъ). Рядомъ съ ней существовала и форма: „царь поѣхалъ", „Иванъ-царевичъ видитъ", „онъ беретъ свой мечъ" и т. д.; и мало-по-малу вторая форма вытѣснила первую, такъ что въ настоящее время въ литературномъ языкѣ первая употребляется только въ началѣ повѣствованія (см. начальныя предложенія пушкинскихъ: „Метели", „Барышни-крестьянки", „Рославлева", „Дубровскаго", „Арапа Петра Великаго"), да и то не всегда, въ серединѣ же встрѣчается почти исключительно вторая. Примѣромъ на уподобленіе въ интонаціи и ритмѣ могутъ служить всѣ такъ назыв. „сокращенныя придаточныя предложенія", являющіяся, какъ впослѣдствіи убѣдится читатель, не цѣлыми предложеніями, а частями предложеній, уподобившимися по интонаціи и ритму отдѣльнымъ предложеніямъ (см. гл. XXIII).

Примѣчаніе. Тѣ же процессы уподобленія и смѣшенія происходятъ и въ другихъ областяхъ языка. Уподобленіемъ, напр., объясняются подражательныя звуковыя измѣненія: „рукѣ", „ногѣ" вм. „руцѣ", „нозѣ", „мѣстовъ" вм. „мѣстъ" (см. стр.

16 и 17), смѣшеніемъ — образованіе такихъ формъ, какъ „пойдемте", „будемте" (см. стр. 28).

Кромѣ этихъ основныхъ синтаксическихъ процессовъ не мѣшаетъ замѣтить еще слѣдующіе:

Образованіе новыхъ формъ сочетаній путемъ опущенія.

а) **Опущеніе**. Прислушиваясь къ разговорному языку, мы замѣчаемъ въ немъ постоянное недоговариваніе. Хозяйка, напр., за столомъ никогда или почти никогда не спрашиваетъ: „вамъ какого чаю налить, крѣпкаго или слабаго?", а всегда: „вамъ какого, крѣпкаго или слабаго?" Если на столѣ есть и чай, и кофе, то она спрашиваетъ: „вы чай будете, или кофе?" или еще короче: „вы чай или кофе?" Если она видитъ, что гость чѣмъ-нибудь увлекся, она спроситъ: „вы сейчасъ или потомъ?" Совѣтуя ѣсть такъ или иначе, она скажетъ: „а вы ее съ хрѣномъ!", „а вы потихоньку, глотками!", „почему же вы безъ сахару?", „или вы всегда безъ сахару?" и т. д. Встрѣчаясь съ человѣкомъ, мы никогда не спрашиваемъ: „куда ты идешь?" или „зачѣмъ ты ѣдешь?", а просто: „ты куда?", „зачѣмъ?", „а зачѣмъ тебѣ туда?" и т. д. Таковы же бываютъ и отвѣты: „мнѣ крѣпкаго, пожалуйста!", „мнѣ въ смятку!", „онъ чай, а я кофе", „я потомъ", „благодарю васъ, я безъ перца", „а я къ тебѣ", „я въ аптеку", „я сейчасъ", „я только на минутку" и т. д. Конечно, вырванныя изъ связи, сочетанія эти производятъ странное, порой даже комическое впечатлѣніе. Но въ связи, напротивъ, только они и кажутся нормальными, а человѣкъ, всегда говорящій полными фразами („я прошу васъ налить мнѣ не очень крѣпкаго чаю", „я совѣтую вамъ ѣсть эту осетрину съ этимъ хрѣномъ", „я ѣду на этомъ извозчикѣ въ ближайшую аптеку за лѣкарствомъ для моего больного брата") производилъ бы самое комическое впечатлѣніе. Дѣло въ томъ, что въ языкѣ всегда и вездѣ дѣйствуетъ законъ экономіи силъ, въ силу котораго опускается все, что понятно и безъ словъ. А понятнымъ безъ словъ можетъ быть или то, что стоитъ передъ глазами, т.-е. дано въ обстановкѣ рѣчи (напр., чай на столѣ, извозчикъ, на которомъ я ѣду и т. д.) или то, что извѣстно изъ предыдущаго опыта, въ частности, изъ предыдущей рѣчи (напр., болѣзнь брата, о которой встрѣтившій меня знакомый зналъ еще наканунѣ). При томъ не слѣдуетъ думать, что опущенныя слова всегда присутствуютъ въ мысли и только не произносятся, умалчиваются, такъ сказать („подразумѣваются" по школьной терминологіи). Часто мы при этомъ не мыслимъ никакихъ словъ,

такъ что часть нашей мысли выражается въ словахъ, а часть состоитъ изъ безсловесныхъ образовъ (срвн. сказанное на стр. 59 и слѣд. объ опущеніи существительнаго при прилагательномъ). Вполнѣ выяснить это можно будетъ только въ слѣдующей главѣ, гдѣ будутъ даны необходимыя свѣдѣнія изъ психологіи, пока же намъ надо замѣтить, что любое случайное опущеніе, умѣстное первоначально только при данной обстановкѣ и между данными людьми, можетъ, при благопріятныхъ условіяхъ, сдѣлаться обычнымъ, общепринятымъ въ языкѣ, и тѣмъ создать новую форму сочетаній. Таковы, напр., сочетанія: „я ему кричу, а онъ—бѣжать", „а! ты не слушаться, ты драться!", „Татьяна—ахъ! а онъ—ревѣть" (Пушк., „Евг. Он.") и т. д.; таковы многія восклицательныя сочетанія, напр., съ угрожающей интонаціей: „я васъ!", „смотри жъ, ужъ я тебя, вооруху!" (Крыл. „Пустынн. и медв."). Чѣмъ обычнѣе, чѣмъ распространеннѣе дѣлается такое сочетаніе, тѣмъ меньше въ немъ сознается опущеніе, и въ концѣ-концовъ такія сочетанія могутъ даже казаться намъ полными. Такъ, фраза хозяйки, приведенная въ самомъ началѣ, какъ примѣръ особенной полноты рѣчи („вамъ какого чаю налить?") есть на самомъ дѣлѣ сокращенный оборотъ, такъ какъ здѣсь опущенъ древній глаголъ „есть", употреблявшійся въ такихъ сочетаніяхъ въ смыслѣ „предстоитъ", „суждено", „надлежитъ", „слѣдуетъ", „можно" и т. д. (срвн. въ лѣтописи вопросъ Олега кудеснику: „отъ чего ми есть умрети?", или въ описаніи баснословныхъ народовъ, закованныхъ на краю свѣта въ горѣ: „въ горѣ той просѣчено оконце мало, и тудѣ молвять, и есть неразумѣти языку ихъ" и т. д.).

Вымираніе формъ сочетаній.

b) **Потеря** формъ сочетаній. Какъ формы словъ, такъ и формы сочетаній могутъ съ теченіемъ времени совсѣмъ исчезать изъ языка, какъ подъ напоромъ другихъ формъ сочетаній, замѣщающихъ ихъ, такъ и безъ какихъ-либо видимыхъ причинъ просто въ силу прекращенія потребности въ нихъ (такъ вымеръ, напр., ничѣмъ не замѣнившись, „дательный самостоятельный", см. стр. 84).

Измѣненіе значеній формъ сочетаній.

c) Измѣненіе **внутренней** стороны сочетаній, т.-е. **значенія** ихъ, безъ какихъ-либо внѣшнихъ грамматическихъ измѣненій. Въ этомъ случаѣ дѣло сводится къ измѣненію въ значеніи синтаксическихъ формъ, образующихъ данное сочетаніе. Лучше всего это можно выяснить на падежахъ существительнаго. Каждый падежъ существительнаго (кромѣ имени-

тельнаго) имѣетъ въ настоящее время по нѣскольку значеній, и не всѣ эти значенія одинаково древни. Возьмемъ, для примѣра, творительный падежъ. Основными, древнѣйшими значеніями его признаются: 1) значеніе орудія или средства дѣйствія, какъ въ сочетаніяхъ: „рубить топоромъ", „бить молотомъ", „грызть зубами", „добиваться чего-нибудь просьбами, мольбами", дѣйствовать подкупомъ, угрозами" и т. д., и 2) значеніе предмета, сопровождающаго дѣйствіе, какъ въ древне-индійскихъ сочетаніяхъ: „итти товарищемъ", „говорить женой", „солнце звѣздами свѣтитъ" и т. д. (въ славянскихъ языкахъ здѣсь вставился еще предлогъ „съ"). Изъ этихъ 2-хъ значеній, „оруднаго" и „сопроводительнаго", мало по малу выработался, еще въ индо-европейскомъ пра-языкѣ, цѣлый рядъ другихъ значеній, на первый взглядъ не имѣющихъ съ ними ничего общаго. Изъ оруднаго значенія выработались: 1) причинное значеніе: „Ростиславъ же не хотяше пустити его отъ себе любовью" (т.-е. вслѣдствіе любви, потому что любилъ), „не бѣ льзѣ (нельзя было) озеромъ Печенѣгомъ помагати" (т.-е. изъ-за озера, озеро мѣшало), „есть же путь до горъ тѣхъ непроходимъ пропастьми, снѣгомъ и лѣсомъ (изъ-за пропастей, снѣга и лѣса) и т. д.;*) 2) значеніе дѣйствующаго предмета при страдательномъ залогѣ: „домъ строится плотникомъ", „лицо, всѣми уважаемое", „дорога покрылась листьями" и т. д., весьма близко примыкающее къ орудному значенію (срвн. „этотъ рисунокъ сдѣланъ карандашомъ", „что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ); 3) значеніе способа дѣйствія: „ставить рядами", „писать каракулями", „летѣть стаей", „бѣжать толпой", „ломить стѣной" и т. д., (срвн. сочетанія: „ѣхать пароходомъ, лошадьми, желѣзной дорогой", составляющія переходъ отъ орудія къ способу, и образованное по этому образцу: „ѣхать 3-мъ классомъ", гдѣ уже значеніе орудія исчезло, а остался только способъ); 4) значеніе мѣры при сравнительной степени: „этотъ стулъ рублемъ дороже того", „эта матерія многимъ лучше", „тамъ муки 2-мя пудами больше", „онъ головой выше меня", „чѣмъ онъ лучше меня?", „онъ тѣмъ лучше, что..." (срвн. тотъ же творительный при глаголахъ, гдѣ еще проглядываетъ прежнее орудное значе-

*) Въ настоящее время опять вышло изъ употребленія.

ніе: „этотъ мѣшокъ перевѣшиваетъ тотъ двумя пудами", „онъ превзошелъ его хитростью, умѣніемъ" и т. д.); 5) значеніе ограничительное по отношенію къ какому-либо качеству: „великъ ростомъ", „великъ духомъ", „великъ добротой сердца". „хорошъ лицомъ", „хорошъ своимъ умѣньемъ ладить со всѣми", „пополнѣть лицомъ", „пополнѣть всѣмъ тѣломъ", „онъ — ребенокъ умомъ", „ребенокъ сердцемъ". Изъ „сопроводительнаго" значенія развились: 1) значеніе пути: „итти путемъ-дорогой". „ѣхать моремъ, лѣсомъ, пашней, лугами" и т. д. (первоначально какъ бы: вмѣстѣ съ дорогой, съ моремъ и т. д.); 2) значеніе времени: „выѣхать раннимъ утромъ", „вернуться поздней ночью", „годами не знать отдыха", „вечерами скучать" и т. д. (первоначально какъ бы: вмѣстѣ съ утромъ, съ ночью и т. д., срвн.: „онъ выѣхалъ съ разсвѣтомъ", „съ этими словами онъ бросился на него", гдѣ самъ предлогъ „съ" получилъ временное значеніе); 3) значеніе признака: „Касандра низка, кругловатымъ лицомъ, чиста зѣло, мужескимъ творомъ (т.-е. съ мужскимъ видомъ, наружностью, изъ „Повѣсти о взятіи Трои"), „бѣ же Мстиславъ дебелъ тѣломъ, черменъ лицемъ, великыма очима" (творит. двойственнаго числа). „Борисъ тѣломъ бяше красенъ, высокъ, лицемъ круглымъ" и т. д.*). Сами же основныя значенія, орудное и сопроводительное, тоже, по всей вѣроятности, произошли когда-то изъ одного общаго значенія, такъ какъ очень близки другъ къ другу (вѣдь орудіе всегда сопровождаетъ того, кто имъ дѣйствуетъ). Само собой разумѣется, что мы коснулись здѣсь лишь главныхъ оттѣнковъ значенія творительнаго падежа и не исчерпали всѣхъ относящихся сюда случаевъ. Намъ важно было только показать, что эти оттѣнки могутъ развиваться одинъ изъ другого. Такъ же разнообразны значенія и всѣхъ другихъ падежей, и въ каждомъ изъ нихъ мы можемъ вскрыть одно или нѣсколько древнѣйшихъ значеній, изъ которыхъ произошли всѣ остальныя. И хотя измѣненію здѣсь подвергается, собственно, форма отдѣльнаго слова (падежъ существительнаго), но такъ какъ это форма синтаксическая, получающая свое значеніе только изъ связи, то понятно, что суть дѣла тутъ въ значеніи всего сочетанія, почему мы и разсматриваемъ эти измѣненія здѣсь, а

*) Въ настоящее время вышло изъ употребленія.

не въ главѣ объ измѣненіи формъ словъ. Спрашивается, какъ же происходятъ всѣ подобныя измѣненія? Съ одной стороны, тутъ дѣйствуетъ все тотъ же процессъ уподобленія однихъ сочетаній другимъ, который уже описанъ выше (см. нач. главы). Если, напр., орудное значеніе творительнаго падежа въ сочетаніяхъ типа: „не хотяше пустити его отъ себе любовью" превращается въ причинное, то это объясняется прежде всего тѣмъ, что творительный падежъ забрелъ здѣсь въ такія сочетанія, гдѣ орудное значеніе не подходитъ; а случилось это съ нимъ потому, что его эти сочетанія перехватили изъ настоящихъ „орудныхъ" сочетаній, т.-е. уподобились въ отношеніи этой формы „орудымъ" сочетаніямъ. Точно такъ же образованіе, напр., оттѣнка способа въ сочетаніи „ѣхать третьимъ классомъ" обусловлено тѣмъ, что по образцу сочетанія „ѣхать лошадьми, моремъ, желѣзной дорогой и т. д." составлено сочетаніе, къ которому орудное значеніе не подходитъ. Въ этомъ отношеніи, слѣдовательно, измѣненіе значенія сочетанія есть только слѣдствіе тѣхъ процессовъ, которые уже описаны. Но, съ другой стороны, нельзя отрицать и самостоятельныхъ измѣненій въ значеніяхъ сочетаній, не зависящихъ отъ этихъ подражательныхъ процессовъ. Вѣдь и сейчасъ не каждый одинаково воспримetъ сочетанія: „ѣхать пароходомъ", „ѣхать лошадьми" и т. д., и даже одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ въ однихъ случаяхъ сознавать здѣсь преимущественно орудіе, а въ другихъ преимущественно способъ (смотря по связи и условіямъ рѣчи). А все, что можетъ измѣняться въ языкѣ отдѣльнаго человѣка, можетъ измѣняться и въ языкѣ народа. Весьма вѣроятно, что такія, напр., сочетанія, какъ: „ѣхать лѣсомъ, моремъ", „ѣхать днемъ, вечеромъ", распространились въ индо-европейскомъ пра-языкѣ еще въ ту эпоху, когда каждый предметъ представлялся живымъ существомъ (см. стр. 51) и когда, слѣдовательно, „сопроводительное" значеніе вполнѣ подходило (ѣхать „съ лѣсомъ", какъ „съ товарищемъ"). И, значитъ, исчезновеніе этого сопроводительнаго значенія и появленіе на его мѣстѣ значеній мѣста и времени объяснялось бы въ этомъ случаѣ уже не образованіемъ новыхъ сочетаній, а измѣненіемъ міросозерцанія народа.

Измѣненіе формъ сочетаній въ зависимости отъ морфологическихъ измѣненій.

Всѣ указанные процессы являются чисто-синтаксическими, т.-е. не зависятъ отъ измѣненій другихъ сторонъ языка. Но само собою разумѣется, что и всѣ другія измѣненія языка, описанныя въ гл. II, могутъ отзываться, въ конечномъ счетѣ,

на синтаксической сторонѣ его. Особенно это касается измѣненій въ отдѣльныхъ формахъ, такъ какъ вѣдь формы сочетаній слагаются, прежде всего, изъ формъ отдѣльныхъ словъ, ихъ составляющихъ. И, напр., такіе процессы, какъ образованіе новой формы изъ сліянія частичнаго слова съ полнымъ, вымираніе той или другой грамматической категоріи, переходъ форменныхъ словъ въ безформенныя и т. д., конечно, непосредственно отражаются на формѣ тѣхъ сочетаній, въ которыхъ эти слова и формы употреблялись.

Основная задача книги.

Познакомившись съ измѣнчивостью формъ сочетаній въ жизни языковъ, мы можемъ точно опредѣлить и задачу всякаго описательнаго (не историческаго) синтаксиса: описать, **какія формы сочетаній употребляются въ данномъ языкѣ въ данную эпоху**. Но для нашей книги и эта задача слишкомъ широка. Намъ надо выдвинуть только основныя, важнѣйшія формы современныхъ литературныхъ русскихъ сочетаній. Важнѣйшими же мы, конечно, должны признать тѣ, которыя являются главнымъ орудіемъ нашей мысли. Здѣсь мы подходимъ къ тому, на что опирается всякій синтаксисъ, къ понятію о мысли человѣческой. Вѣдь сочетаемъ слова мы для того, чтобы говорить, а говоримъ для того, чтобы выражать наши мысли. И, значитъ, чтобы понять, почему наши сочетанія принимаютъ ту или иную форму, нужно знать, для чего они ее принимаютъ, какая задача стоитъ передъ ними. А для этого нужно знать кое-что о природѣ мысли человѣческой, т.-е. кое-что изъ науки о душѣ, психологіи.

IX.

Свѣдѣнія изъ психологіи.

Представленіе.

Представьте себѣ, что вы наблюдаете прекрасный закатъ солнца. Когда солнце зайдетъ, вы, конечно, долгое время будете находиться подъ впечатлѣніемъ видѣнной вами величественной картины; несмотря на окружающую васъ тьму, вы все еще будете видѣть передъ собой этотъ закатъ, видѣть мысленно, какъ говорятъ въ такихъ случаяхъ, или представлять себѣ его. На утро вы, конечно, забудете о немъ, но если онъ былъ ужъ очень хорошъ, то вы впослѣдствіи, быть можетъ, черезъ много лѣтъ, опять вспомните о

немъ и опять увидите его мысленно, т.-е. представите его себѣ. Значитъ, этотъ закатъ какъ будто оставилъ въ вашей душѣ какой-то слѣдъ, что-то такое, что по временамъ всплываетъ въ ней. Вотъ это „что-то“ называется въ психологіи представленіемъ о закатѣ. Точно такъ же, если вы слышали какую-нибудь мелодію и она вамъ очень понравилась, то она нѣтъ-нѣтъ, да и зазвучитъ у васъ въ ушахъ, и вы будете ее мысленно слышать, будете представлять ее себѣ. Это будетъ, значитъ, представленіе о мелодіи. Если при васъ назовутъ фамилію знакомаго вашего, то у васъ встанетъ въ умѣ сразу вся его фигура: и одежда, и борода, и лицо, и выраженіе лица, и голосъ, и походка, и манеры и т. д.: у васъ возникнетъ представленіе о вашемъ знакомомъ. Если при васъ произнесутъ слово „столъ“, то вы представите себѣ доску и подъ ней четыре ножки, при чемъ тотъ, кто чаще видѣлъ круглые столы, вѣроятно, представитъ себѣ круглую доску, а кто чаще видѣлъ четырехугольные столы, представитъ себѣ четырехугольную доску; нѣкоторые представятъ себѣ даже и не четыре ножки, а одну (какъ въ гостиныхъ столахъ), смотря по тому, кто какой столъ чаще видѣлъ, какъ давно онъ его видѣлъ и т. д.; но, во всякомъ случаѣ, у каждаго человѣка, понимающаго русскій языкъ, возникнетъ въ умѣ представленіе о столѣ. Представлять себѣ мы можемъ не только то, что мы видѣли, слышали или осязали въ природѣ, но и то, что намъ приходилось наблюдать въ себѣ самихъ. Всякій, напр., кто когда-либо съ закрытыми глазами крѣпко ударился лбомъ обо что-нибудь и ощутилъ у себя въ глазахъ искры, можетъ всегда вспоминать эти искры и представлять ихъ себѣ. Всякій можетъ вспомнить, какъ у него иногда „въ ухѣ звенитъ“, хотя это звонъ чисто внутренній, объясняющійся приливомъ крови къ уху. Даже боль, испытанную нами когда-либо, мы можемъ себѣ представить, хотя и гораздо менѣе ясно, чѣмъ то, что мы наблюдаемъ въ природѣ. Обо всемъ этомъ у насъ, значитъ, могутъ являться представленія.

Больше всего слѣдуетъ опасаться понимать представленія, какъ что-то тѣлесное, какъ что-то похожее на тѣ предметы, которые ихъ вызвали, т.-е. думать, напр., что предметы оставляютъ въ мозгу какія-то изображенія, накладываютъ какіе-то штемпеля, которые и превращаются въ представленія. Прежде всего, мы видѣли уже, что мы можемъ имѣть представленія не только о предметахъ, но и о томъ, что внутри насъ, объ

ощущеніи боли, напр. Далѣе, каждому ясно, что столъ и представленіе о столѣ, появляющееся у меня въ умѣ, двѣ совсѣмъ разныя вещи. Столъ есть вещь, которую я могу видѣть, щупать, толкать, а представленіе о столѣ— это что-то такое, чего я не могу ни въ руки взять, ни увидѣть, ни услышать, а только сознавать въ себѣ. Значитъ, представленіе это то, что происходитъ въ нашей душѣ, когда мы что-нибудь себѣ представляемъ. Кромѣ того, многимъ представленіямъ нашимъ не соотвѣтствуетъ ничего въ природѣ, именно такъ называемымъ фантастическимъ представленіямъ. Напр., представленіямъ грековъ о кентаврахъ, нимфахъ, представленіямъ нашихъ крестьянъ о русалкахъ, вѣдьмахъ не соотвѣтствуютъ никакіе предметы въ природѣ, представленія же сами, конечно, существовали и существуютъ. Точно такъ же при галлюцинаціяхъ, когда человѣку являются привидѣнія и призраки, у него въ умѣ являются представленія, которымъ въ природѣ ничто не соотвѣтствуетъ.

Не слѣдуетъ смѣшивать также представленій со словами. Наше представленіе о столѣ мы, конечно, выражаемъ всегда словомъ „столъ“ и иначе почти и не можемъ выразить (развѣ что вздумаемъ вмѣсто произнесенія этого слова нарисовать столъ и показать рисунокъ собесѣднику, но вѣдь сколько времени заняло бы это!) Поэтому можетъ показаться, что представленіе о столѣ и слово „столъ“—одно и то же, т.-е. что когда мы говоримъ „столъ“, у насъ въ душѣ есть только слово „столъ“ и ничего больше. Но что это не такъ, ясно уже изъ того, что люди часто въ разговорѣ забываютъ, какъ называется тотъ или иной предметъ, хотя прекрасно представляютъ себѣ самый предметъ. Старики, больные или просто разсѣянные люди часто забываютъ названія самыхъ обыкновенныхъ предметовъ и, говоря о столѣ, о домѣ, о лошади и т. д., иной разъ останавливаются и напряженно припоминаютъ, какъ эти предметы называются. Что же, спрашивается, они въ эту минуту не представляютъ себѣ ни стола, ни дома, ни лошади? Нѣтъ, они только забыли слова: „столъ“, „домъ“, „лошадь“. Вотъ то, что встаетъ въ нашемъ умѣ въ ту минуту, когда мы забудемъ какое-нибудь слово, и есть чистое представленіе, отдѣльное отъ слова, и по нему лучше всего можно понять, что такое представленіе. Впрочемъ, многія представленія и никогда не соединяются со словами, напр., представленія о мотивахъ симфоніи, представленіе о картинѣ, поразившей насъ сочетаніемъ красокъ и т. д.; вспоминаются

только звуки или цвѣта безъ всякихъ словъ. Точно такъ же и картина заката, о которой мы говорили въ самомъ началѣ, встанетъ у всякаго, кто искренно и глубоко былъ затронутъ ею, безъ всякихъ такихъ словъ, какъ: „великолѣпно", „прекрасно", „замѣчательно", „багровый", „оранжевый" и т. д.; припомнится только самъ закатъ, сама картина заката, даже и безъ слова „закатъ", которое, если и придетъ, то послѣ, когда картина будетъ уже въ головѣ.

У животныхъ только такія представленія и могутъ быть, такъ какъ у нихъ нѣтъ языка, и это является лучшимъ доказательствомъ того, что представленіе можетъ быть и безъ слова. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, нельзя же думать, что собака не вспоминаетъ, напр., о своемъ хозяинѣ въ его отсутствіе, что она не представляетъ себѣ своей конуры въ ту минуту, какъ отвернется отъ нея и т. д. Во снѣ собаки часто визжатъ, рычатъ и т. д., и мы можемъ даже предположить, что имъ снится, т.-е., что имъ представляется, или другими словами, какія представленія проходятъ въ ихъ умѣ.

Воспріятіе.

До сихъ поръ мы говорили только о томъ, что происходитъ въ нашей душѣ, когда мы вспоминаемъ что-нибудь уже ранѣе наблюденное. Спрашивается, что же происходитъ въ ней въ тотъ самый моментъ, когда мы наблюдаемъ что-нибудь, напр., когда смотримъ на какой-нибудь предметъ? Вѣдь предметъ самъ не входитъ въ насъ, онъ остается на своемъ мѣстѣ, а мы видимъ его, т.-е. у насъ въ душѣ возникаетъ образъ, соотвѣтствующій предмету. Этотъ образъ и то, что происходитъ у насъ въ душѣ, когда онъ возникаетъ у насъ, называется обыкновенно въ психологіи воспріятіемъ. Смотря на предметъ, мы воспринимаемъ его, слушая музыку, мы воспринимаемъ ее и т. д. Нѣкоторые же ученые и этотъ образъ называютъ представленіемъ. Для простоты и мы также будемъ называть оба эти образа представленіями, и только замѣтимъ, что между представленіями этого рода и представленіями, о которыхъ мы раньше говорили, т.-е. напр., между представленіемъ моимъ о столѣ въ ту минуту, какъ я смотрю на него, и представленіемъ моимъ въ ту минуту, какъ я отвернусь отъ него, — огромная разница. Первое представленіе гораздо ярче второго. Никто, уйдя съ концерта или выставки, не можетъ себѣ представить картины или музыки такъ ярко, какъ въ тѣ минуты, какъ онъ ихъ слышалъ или видѣлъ. Всякое мое воспоминаніе всегда неизмѣ-

римо блѣднѣе того, что я переживаю сейчасъ, непосредственно.

Простыя и сложныя представленія.

Представленія могутъ быть простыми и сложными, т.-е. состоящими въ свою очередь изъ представленій. Напр., когда я слышу аккордъ, я слышу каждую ноту аккорда и слышу весь аккордъ, какъ нѣчто цѣльное. Конечно, я могу и не различать въ аккордѣ отдѣльныхъ нотъ, если я не музыкаленъ, но я во всякомъ случаѣ отличу всегда аккордъ отъ отдѣльной ноты, аккордъ буду слышать, какъ что-то сложное (хотя и не буду знать, изъ чего онъ состоитъ), а ноту, какъ что-то простое. Представленіе объ аккордѣ можно назвать сложнымъ представленіемъ, состоящимъ изъ представленій объ отдѣльныхъ нотахъ. Точно такъ же представленіе о тактѣ въ музыкѣ складывается изъ представленій объ отдѣльныхъ нотахъ, представленіе о какой-нибудь фигурѣ въ танцахъ — изъ представленій объ отдѣльныхъ движеніяхъ, представленіе о столѣ изъ представленій о ножкахъ, доскѣ, представленіе о домѣ изъ представленій о крышѣ, кирпичахъ, окнахъ, дверяхъ и т. д. Даже представленіе о мельчайшей части дома, напр., о кирпичѣ, складывается въ свою очередь изъ представленій о цвѣтѣ его, о твердости, о формѣ, о тѣхъ движеніяхъ, которыя мы должны сдѣлать, чтобы его достать и т. д. Представленіе о кускѣ сахара складывается изъ представленія бѣлаго цвѣта, представленія сладкаго вкуса, представленія твердости и т. д. Значитъ, представленіе о кускѣ сахара есть представленіе сложное, а представленіе о вкусѣ или о цвѣтѣ его — простыя.

Ассоціація представленій, сходство и смежность.

У представленій есть одна особенность: они могутъ вызывать другъ друга. Если я посмотрю на луну, то я могу вспомнить другую накую-нибудь круглую поверхность, напр., разрѣзанный арбузъ или сыръ. Значитъ, здѣсь представленіе луны какъ-бы потянуло за собой представленіе о сырѣ. Или я могу вспомнить, посмотрѣвъ на луну, о подзорной трубѣ, которую я видѣлъ въ магазинѣ и собирался купить, чтобы лучше разсмотрѣть луну. Здѣсь представленіе о лунѣ потянуло за собой представленіе о подзорной трубѣ. Уже изъ двухъ приведенныхъ примѣровъ видно, что представленія соединяются не какъ попало, а въ опредѣленномъ порядкѣ. Обыкновенно одно представленіе притягиваетъ къ себѣ другое такое, которое либо сходно съ первымъ (луна и сыръ), либо соприкасается съ нимъ потому, что ранѣе переживалось одновременно съ нимъ (луна и подзорная труба). Очень

часто и то и другое соединеніе являются другъ за другомъ, въ перемежку, такъ что, напр., посмотрѣвъ на луну, я могу вспомнить тотъ кругъ, который я чертилъ на доскѣ, доказывая теорему изъ геометріи, а тутъ же могу вспомнить и о своемъ учителѣ геометріи, который стоялъ передо мной, когда я чертилъ кругъ. Между кругомъ и учителемъ уже нѣтъ никакого сходства, и вспомнилъ я о немъ только потому, что представленія о кругѣ и объ учителѣ уже раньше столкнулись въ моей душѣ, когда я одновременно смотрѣлъ и на кругъ и на учителя. Вспомнивъ объ учителѣ, я могу вспомнить о книгѣ, которая во время объясненія была у него въ рукахъ, опять-таки не потому, чтобы книга была похожа на учителя, а потому что я видѣлъ и учителя, и книгу одновременно. А вспомнивъ объ этой книгѣ, я могу вспомнить и о другой какой-нибудь книгѣ, напр., о той, которая у меня сейчасъ въ рукахъ и которую я чуть было не выронилъ, увлеченный своими воспоминаніями. Это уже будетъ соединеніе по сходству. Обыкновенно одно представленіе притягиваетъ другое, это другое притягиваетъ третье и т. д. и т. д. Такимъ образомъ, представленія являются обыкновенно рядами и проходятъ у насъ въ душѣ такъ же непрерывно другъ за другомъ, какъ течетъ вода въ рѣкѣ. Проходя, положимъ, мимо обрушившейся стѣны и услышавъ слово „обвалъ", я могу вспомнить о Кавказѣ, гдѣ я передъ этимъ былъ и гдѣ бываютъ, какъ я слышалъ, горные обвалы. Вспомнивъ о Кавказѣ, я могу вспомнить о любимой мною поэмѣ Лермонтова „Мцыри", въ которой дѣйствіе происходитъ на Кавказѣ. Отъ „Мцыри" могу перейти къ монастырямъ, отъ монастырей къ монахамъ, отъ монаховъ къ своему новому черному костюму, отъ костюма къ портному, отъ портного къ счету, который онъ мнѣ подалъ, отъ счета къ безденежью своему и т. д. Какъ ни странны скачки между нѣкоторыми изъ приведенныхъ здѣсь представленій, однако кто не ловилъ себя на подобныхъ скачкахъ, кто не погружался въ такой потокъ представленій? Или возьмемъ еще примѣръ. Вспоминая что-нибудь пережитое когда-либо, мы обычно припоминаемъ все въ томъ именно порядкѣ, какъ оно происходило. Передъ нами проходитъ послѣдовательно все, что мы переживали: приходятъ и уходятъ люди, говорятъ, дѣйствуютъ, мы сами разговариваемъ съ ними, дѣлаемъ что-нибудь, работаемъ, ѣдемъ куда-нибудь, словомъ, переживаемъ вторично все, что уже однажды пережили. Нѣкоторыя событія, особенно важныя для

насъ, мы переживаемъ такимъ образомъ по многу разъ, и мы говоримъ тогда, что воспоминанія объ этихъ событіяхъ преслѣдуютъ насъ, что мы не можемъ отъ нихъ отдѣлаться. И въ этомъ случаѣ, очевидно, представленія наши соединяются въ длиннѣйшіе ряды. Этотъ случай отличается отъ предыдущаго только тѣмъ, что тутъ совсѣмъ нѣтъ соединенія по сходству, а соединяются только такія представленія, которыя переживались одновременно или одно за другимъ, и соединяются въ томъ именно порядкѣ, въ какомъ раньше переживались. Поэтому и получается какъ бы повтореніе пережитого, вторичное переживаніе.

Всякое такое соединеніе представленій, какъ описанныя выше, называется въ психологіи **ассоціаціей** представленій; про представленія же говорятъ, что они имѣютъ способность **ассоціироваться** другъ съ другомъ. Ассоціація двухъ сходныхъ представленій называется ассоціаціей **по сходству**, а ассоціація двухъ такихъ представленій, которыя раньше переживались одновременно другъ съ другомъ или одно за другимъ, ассоціаціей **по смежности**.

Прочныя и непрочныя ассоціаціи.

Ассоціаціи могутъ быть прочными, а могутъ быть и непрочными, случайными. Если какое-нибудь представленіе всегда и вездѣ, во всѣхъ случаяхъ жизни, соединяется у человѣка съ однимъ и тѣмъ же другимъ представленіемъ, то такая ассоціація будетъ прочной. Если, напр., кто-нибудь, выучившій наизусть „Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ“ Пушкина, услышитъ гдѣ-нибудь слова: „какъ нынѣ сбирается“, то у него обязательно встанутъ въ умѣ слова: „вѣщій Олегъ“; если кто пережилъ желѣзнодорожную катастрофу и сильно пострадалъ при этомъ, тотъ, при видѣ вагоновъ, или, услышавъ слова „желѣзная дорога“, обязательно будетъ вспоминать о своемъ несчастіи. Это будутъ, значитъ, прочныя ассоціаціи. Напротивъ, такія ассоціаціи, какъ между представленіемъ о начерченномъ кругѣ и представленіемъ объ учителѣ геометріи, будутъ непрочными, такъ какъ за представленіемъ о кругѣ не должно непремѣнно слѣдовать представленіе объ учителѣ геометріи, а можетъ послѣдовать и какое-либо другое, напр., представленіе о циркѣ, о круговомъ танцѣ, о колесѣ и т. д. И все это будутъ непрочныя, случайныя ассоціаціи.

Ассоціаціи языка.

Къ числу самыхъ прочныхъ ассоціацій принадлежатъ ассоціаціи, связанныя съ языкомъ, со способностью человѣка говорить. Ассоціація, напр., между представленіемъ предмета,

состоящаго изъ доски и ножекъ, и представленіемъ звуковъ: **с-т-о-л** у всякаго русскаго человѣка чрезвычайно прочна: гдѣ бы онъ ни увидѣлъ такой предметъ, ему сейчасъ же придутъ въ голову звуки **с-т-о-л**, и наоборотъ, гдѣ бы и когда бы онъ ни услышалъ эти звуки, онъ обязательно представитъ себѣ доску съ ножками. Мы уже говорили о томъ, что эти два представленія настолько тѣсно связаны, что обычно даже принимаются за одно представленіе, и нужно вдуматься, чтобы понять, что здѣсь два представленія. Но сдѣлать это не такъ трудно, стоитъ только припомнить, что такое же или почти такое представленіе о доскѣ съ ножками у нѣмца ассоціируется не со звуками: **с-т-о-л**, а со звуками: **т-и-ш** (тишъ), у француза со звуками: **т-а-б-л** (табль), и сколько бы мы ни произносили нѣмцу или французу звуковъ: **с-т-о-л**, представленія о доскѣ съ ножками у нихъ не возникнетъ, разъ они русскаго языка не знаютъ. Это показываетъ, что представленіе о звукахъ слова и представленіе о томъ, что обозначено этими звуками — два разныхъ представленія, и вотъ эти-то два представленія и ассоціируются другъ съ другомъ тѣснѣйшимъ образомъ всякій разъ, какъ мы произносимъ какое-либо слово. Настолько же прочны и другого рода ассоціаціи въ языкѣ, ассоціаціи формы, т.-е. одинаковыхъ основъ и одинаковыхъ формальныхъ частей. Въ самомъ началѣ книги было сказано, что мы безсознательно сравниваемъ слово „стекло" съ двумя рядами словъ: со словами „стекла", „стеклянный" и т. д. и со словами: „весло", „окно" и т. д. Теперь мы можемъ сказать болѣе научно, что слово „стѐкло" у насъ ассоціируется съ двумя рядами словъ: часть „стекл" ассоціируется съ такою же частью словъ: „стекла", „стеклу", „стеклянный" и т. д., а часть „о" съ такой же частью словъ: „весло", „окно" и т. д. И прочность этихъ ассоціацій зависитъ именно отъ того, что здѣсь ассоціируются одновременно **и звуки и значенія** (см. стр. 1 и 2). На ряду съ такими ассоціаціями существуютъ въ языкѣ и ассоціаціи менѣе прочныя, когда слова ассоціируются между собой **только по значеніямъ**. Слово „стекло", напр., по вещественному своему значенію можетъ ассоціироваться со словами: „посуда", „окно", „зеркало", „бинокль", „микроскопъ", „прозрачный", „хрупкій", „вдребезги", „осторожно" и т. д. (потому что тѣ реальныя представленія, которыя обозначены этими словами, ассоціируются между собой); по формальнымъ значеніямъ своимъ то же слово, какъ имя существительное именительнаго

падежа единственнаго числа средняго рода, можетъ ассоціироваться со всѣми именами (т.-е и существительными и прилагательными), со всѣми существительными, со всѣми именительными падежами (хотя бы и разныхъ чиселъ), со всѣми формами единственнаго числа (хотя бы и разныхъ падежей), со всѣми формами средняго рода (разныхъ чиселъ, разныхъ падежей и разныхъ частей рѣчи). Такимъ образомъ, одно и то же слово можетъ вступать одновременно въ различныя, перекрещивающіяся между собой ассоціаціи: слово „стекло“ можетъ ассоціироваться и со словами: „столъ“, „стола“, „столу“ и т. д. (потому что единственное число), и со словами „столы“, „стулья“, „дѣти“, „времена“ и т. д. (потому что именительный падежъ), и со словами: „читало“, „говорило“ и т. д. (потому что средній родъ), и со словами „добрыхъ“, „добрымъ“, „добрыми“ и т. д. (потому что имя) и т. д. При этомъ: 1) чѣмъ больше сходныхъ формъ у двухъ словъ, тѣмъ прочнѣе ассоціація между ними: слова „стекло“ и „столъ“, напр., прочнѣе ассоціированы между собой, чѣмъ „стекло“ и „столы“, потому что тамъ сходны и падежъ и число, а здѣсь только падежъ; слова „стекло“ и „время“ неизмѣримо прочнѣе ассоціированы между собой, чѣмъ „стекло“ и „говорило“, потому что тамъ сходны и **часть рѣчи**, и падежъ, и число, и родъ, а здѣсь только число и родъ; 2) чѣмъ больше формъ въ словѣ, тѣмъ сложнѣе и многочисленнѣе ассоціаціи его: слово „стеклышко“, напр., ассоціируется со всѣми тѣми же формами, что и слово „стекло“, и сверхъ того еще со всѣми уменьшительными и ласкательными формами. Далѣе, слова могутъ ассоціироваться другъ съ другомъ и какъ части привычныхъ намъ сочетаній. Слово „стекло“, напр., можетъ ассоціироваться со словами: „посуда“, „окно“, „зеркало“, „прозрачный“ и т. д. не только вслѣдствіе ассоціацій между соотвѣтствующими реальными представленіями, но еще и потому, что въ нашей памяти живутъ такія сочетанія, какъ: „стеклянная посуда“, „зеркальныя окна“, „прозрачный, какъ стекло“ и т. д. По формамъ своимъ, то же слово можетъ ассоціироваться даже съ совершенно несходными формами, если оно съ ними сталкивается въ сочетаніяхъ; напр., оно можетъ, какъ винительный падежъ, ассоціироваться съ переходными глаголами какого-угодно числа и лица („разбили стекло“, „вставляютъ стекло“); и, наоборотъ, каждый переходный глаголъ

ассоціируется съ опредѣленнымъ падежомъ существительнаго (напр., „люблю“ — съ винительнымъ, „боюсь“ — съ родительн., „даю“ — съ дательн. и т. д.), хотя между его формами и формой падежа существительнаго нѣтъ ничего общаго. Наконецъ, есть въ языкѣ и еще менѣе прочныя ассоціаціи — **только по звукамъ**. Слово „стекло“ можетъ ассоціироваться со словами: „влекло“, „текло“, „пекло“ (ассоціація р и ѳ м ы) и даже со словами: „давно“, „смѣшно“, „хорошо“ („бѣдная“ рѳма); то же слово можетъ напомнить прошедшее время глагола „стеку“: „стекъ“, „с т е к л а“, „с т е к л о“ (ассоціація к а л а м б у р о в ъ, напр., „вода стекла со стекла“). И какъ ни слаба, какъ ни случайна кажется всякая такая ассоціація сама по себѣ, безъ поддержки со стороны значеній, не надо забывать, что и ассоціація значеній не можетъ достигнуть полной прочности безъ поддержки звуковой ассоціаціи: мы видѣли, что только с о е д и н е н і е т о й и д р у г о й создаетъ формы словъ. Все это ассоціаціи между отдѣльными с л о в а м и. Но и цѣлыя с о ч е т а н і я словъ вступаютъ въ ассоціаціи между собой. Если, напр., въ сочетаніяхъ: „писать матери письмо“, „платить лакею жалованье“, „объяснять ученику урокъ“, „сдѣлать знакомому одолженіе“ и т. д. сознается одна и та же форма сочетанія (см. стр. 70), то это не только вслѣдствіе ассоціаціи порознь всѣхъ инфинитивовъ между собой, всѣхъ дательныхъ падежей между собой и всѣхъ винительныхъ падежей между собой, и не только вслѣдствіе ассоціаціи извѣстнаго разряда инфинитивовъ съ дательнымъ и винительнымъ падежами, а еще и вслѣдствіе ассоціаціи всякаго такого сочетанія, какъ ц ѣ л а г о, съ другими однородными съ нимъ ц ѣ л ы м и. Это ясно уже изъ того, что тѣ же 3 формы могутъ создавать и д р у г і я формы сочетаній. Сочетанія, напр.: „найти объясненіе поступку“, „видѣть упрекъ себѣ“, „замышлять измѣну отечеству“, „изыскивать оправданіе системѣ“ и т. д. построены совсѣмъ не такъ, какъ сочетанія: „писать письмо матери“, „платить жалованіе лакею“ и т. д. (з а в и с и м о с т ь словъ не та, тамъ дательный зависитъ отъ винительнаго, а здѣсь отъ глагола); точно такъ же сочетаніе „писать письмо матери“, произнесенное тономъ п р и к а з а н і я („сейчасъ же писать письмо матери! слышишь?“), отличается отъ того же сочетанія, какъ части повѣствовательнаго предложенія („хочу писать письмо матери“) и отъ сочетанія, выражающаго н е и з б ѣ ж н о с т ь („видно ужъ писать письмо матери!“ въ смыслѣ: придется писать). Очевидно, всѣ сочетанія типа: „найти объясненіе по-

ступку" ассоціированы между собой, а всѣ типа: „писать письмо матери" — между собой, всѣ повѣствовательныя сочетанія между собой, всѣ повелительныя — между собой и т. д. Кромѣ того, каждое сочетаніе можетъ ассоціироваться не только съ точно такими же сочетаніями, какъ оно само, но и съ менѣе сходными, если только въ чемъ-нибудь сознается сходство, такъ что сочетанія словъ могутъ вступать между собой въ такую же сложную сѣть взаимно перекрещивающихся ассоціацій, какъ и отдѣльныя слова. Да и весь языкъ, съ внутренней стороны своей, есть не что иное, какъ сложнѣйшая сѣть взаимно перекрещивающихся и переплетающихся ассоціацій между отдѣльными языковыми представленіями и группами представленій. Соотвѣтственно этому и всѣ измѣненія языка, если только они не чисто-физіологичны, сводятся къ измѣненію тѣхъ или иныхъ ассоціацій даннаго языка. Образованіе, напр., формъ „мѣстовъ", „дѣловъ" и т. д. есть слѣдствіе усиленія ассоціаціи словъ „мѣстъ", „дѣлъ" и т. д. со словами „столовъ", „домовъ", „городовъ" и т. д., образованіе формы сочетанія „отвѣчать за служащими" (см. стр. 83) объясняется появленіемъ ассоціацій этого сочетанія съ сочетаніями: „наблюдать за служащими", „слѣдить за служащими" и т. д.

Однѣ изъ нихъ происходятъ по смежности

Основныя ассоціаціи языка между **звуками** и **значеніями** всегда бываютъ ассоціаціями по **смежности**. Такъ, напр., между представленіемъ о веществѣ, приготовляемомъ изъ сплава песку съ поташомъ и пропускающемъ свѣтъ, и представленіемъ о звукахъ **с-т-е-к-л** нѣтъ ничего общаго, и ассоціація между этими двумя представленіями установилась у насъ только въ силу привычки: съ дѣтства мы привыкли всякій разъ при видѣ этого вещества слышать эти звуки, а слыша эти звуки, видѣть это вещество, такъ что въ концѣ концовъ оба представленія слились въ нашемъ умѣ, какъ смежныя. Значитъ, это такая же ассоціація, какъ между учителемъ геометріи и треугольникомъ или луной и телескопомъ, только болѣе прочная. Если намъ и кажется иногда, что между звуками слова и его значеніемъ есть какое-то тайное, съ трудомъ уловимое сходство, то это только потому, что намъ хочется найти сходство между столь тѣсно связанными для насъ вещами, подобно тому какъ ученикамъ хочется иной разъ найти сходство между наружностью учителя и предметомъ, имъ преподаваемымъ. И какъ, въ исключительныхъ случаяхъ, у учителя геометріи можетъ быть въ фигурѣ что-то

угловатое, геометрическое, такъ и въ звукахъ нѣкоторыхъ словъ есть дѣйствительно что-то похожее на то, что изображается этими звуками (такъ наз. „звукоподражательныя" слова, напр., „мяукать", „каркать"). Но такихъ словъ въ каждомъ языкѣ ничтожная горсточка. А что во всѣхъ остальныхъ словахъ нѣтъ сходства между звуками и значеніями, ясно уже изъ того, что одно и то же представленіе о веществѣ, пропускающемъ свѣтъ, у русскаго ассоціируется со звуками „с-т-е-к-л", у нѣмца — со звуками „г-л-я-с", у француза — со звуками „в-э-р", у японца — со звуками „г-а-р-а-с-у", у турка — со звуками „д-ш-а-м" и т. д. и т. п.; и русскому, въ силу привычки, кажется, что его звуки подходятъ къ этому предмету, нѣмцу, что его, французу, что его и т. д. Очевидно, ничьи звуки не подходятъ, да и не могутъ подходить, потому что звуками вообще нельзя изобразить стекла со всѣми его признаками, какъ нельзя выразить длину предмета въ пудахъ или вѣсъ въ аршинахъ; звуки и значенія, по существу, разнородны, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ случаевъ, когда все значеніе слова сводится къ звукоподражанію (см. выше). Точно такъ же и представленіе объ именительномъ падежѣ единственнаго числа средняго рода существительнаго, конечно, не можетъ имѣть ничего общаго съ представленіемъ о звукѣ „о" (стекл**о**); и представленіе о различныхъ синтаксическихъ оттѣнкахъ, выражающихся интонаціей и ритмомъ (приказаніе, вопросъ и т. д.), не могутъ имѣть ничего общаго съ представленіями о повышеніи и пониженіи голоса, слабости или силѣ ударенія и т. д. (кромѣ извѣстнаго физіологическаго соотвѣтствія). Все это, значитъ, ассоціаціи по смежности. Напротивъ, ассоціаціи ряда: стекло, стекла, стеклу, стеклянный, стеклярусъ и т. д. и ряда: стекло, весло, сукно, долото, помело и т. д. суть ассоціаціи по **сходству**. Таковы же ассоціаціи и всѣхъ сколько-нибудь сходныхъ (хотя бы и неоднозвучныхъ) формъ (одинаковыхъ падежей, одинаковыхъ чиселъ и т. д.) и всѣхъ сходныхъ формъ сочетаній. Ассоціаціи словъ, какъ частей сочетаній (напр., ассоціація глагола „люблю" съ винительнымъ падежомъ существительнаго, глагола „завидую" съ дательнымъ, глагола „владѣю" съ творительнымъ) происходятъ опять-таки по смежности, потому что основаны только на томъ, что эти формы всегда сталкиваются въ рѣчи. Наконецъ, ассоціаціи словъ по вещественнымъ значеніямъ (какъ: „стекло" — „зеркало" — „прозрачный" и т. д.) могутъ быть и по сходству, и

другія по сходству.

по смежности, смотря по тому, какъ связаны тѣ реальныя представленія, которыя этими словами обозначаются.

Отличія процесса мысли отъ процесса обычной ассоціаціи.

Мы видимъ, что многихъ ассоціацій нашихъ мы совсѣмъ даже не замѣчаемъ, т.-е. онѣ происходятъ, какъ говорятъ, безсознательно. Другія ассоціаціи, какъ напр, тѣ, о которыхъ мы говорили на стр. 99, замѣчаются человѣкомъ, но, вообще, нужно запомнить, что ассоціаціи представленій человѣкъ сознаетъ очень слабо и сплошь и рядомъ совсѣмъ не замѣчаетъ ихъ. Человѣкъ, напр., перешедшій отъ слова „обвалъ", въ нашемъ примѣрѣ, въ концѣ концовъ къ портному и безденежью, конечно, совсѣмъ не будетъ знать, почему ему представился портной и съ чего онъ началъ. Точно такъ же человѣкъ, посмотрѣвъ на луну, можетъ вспомнить о томъ, что ему поручено купить сыру, и при этомъ не будетъ знать, почему онъ объ этомъ вспомнилъ. Теперь представимъ себѣ, что, посмотрѣвъ на луну, онъ не просто вспомнилъ о сырѣ, а сказалъ мысленно такъ: „луна сегодня похожа на сыръ". Мы видимъ, что и здѣсь соединены два представленія, но соединены они какъ-то особенно, не такъ, какъ во всѣхъ предыдущихъ примѣрахъ. Здѣсь уже въ самомъ соединеніи указана причина соединенія, т.-е. сходство. Значитъ, здѣсь мы сознаемъ не только два эти представленія и не только то, что они идутъ въ нашемъ умѣ другъ за другомъ, но сознаемъ и почему они очутились въ такомъ сосѣдствѣ и какое **отношеніе** они имѣютъ другъ къ другу. Или, если я, посмотрѣвъ на кругъ, не просто вспомню объ учителѣ геометріи, а вспомню, что онъ мнѣ велѣлъ упражняться въ черченіи круговъ, или что онъ хорошо чертитъ круги и т. п., то тутъ я опять буду сознавать **соотношеніе** между этими двумя представленіями. Вотъ **такое соединеніе представленій, при которомъ мы сознаемъ соотношеніе между ними, называется въ психологіи психологическимъ сужденіемъ,** а мы попросту будемъ называть **мыслью**, такъ какъ всѣ наши мысли и есть такія психологическія сужденія.

Единство процесса мысли.

Есть и еще нѣсколько признаковъ, которыми то соединеніе представленій, которое называется мыслью, отличается отъ простой ассоціаціи. Отмѣтимъ изъ нихъ нѣкоторые. Прежде всего, при обычной ассоціаціи каждое представленіе совершенно одинаково связано и съ предыдущимъ, и съ послѣдующимъ, такъ что всѣ они составляютъ одну непрерывную цѣпь изъ колецъ, гдѣ всѣ кольца прицѣпляются другъ къ другу совершенно одинаково. Совсѣмъ иначе въ мысли. Въ ней два представленія рѣзко

выдѣляются изъ ряда и соединяются столь прочно, что получается что-то одно, что мы и сознаемъ, какъ мысль. Значитъ, если мы ассоціацію представленій сравнили съ цѣпью, то мысль лучше всего сравнить съ гимнастическими гирями, гдѣ два шара спаяны перекладиной. Далѣе, другой важный признакъ мысли тотъ, что въ ней всегда участвуетъ наша воля. Ассоціація представленій возникаетъ у насъ всегда невольно, часто даже противъ нашей воли, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда мы намѣренно припоминаемъ что-нибудь. Часто намъ нужно сосредоточиться на чемъ-нибудь одномъ, а вмѣсто этого представленія такъ и текутъ въ нашемъ умѣ, точно кто-нибудь продергиваетъ передъ нами ленту кинематографа. Въ эти минуты про насъ говорятъ, что мы разсѣяны, что мы не умѣемъ сосредоточиться и т. д., и, дѣйствительно, если мы сдѣлаемъ усиліе, то мы можемъ отогнать всѣ эти образы, т.-е., другими словами, разорвать цѣпь ассоціацій и начать думать. Значитъ „думаніе" связано у насъ съ усиліемъ воли. Когда мы „думаемъ", мы сами соединяемъ представленія, а не они въ насъ соединяются, сами устанавливаемъ извѣстное соотношеніе между ними, и для этого-то и должны всякій разъ сдѣлать усиліе, напрячь свою волю, хотя, конечно, во многихъ случаяхъ это усиліе и это напряженіе такъ ничтожны, что мы ихъ не замѣчаемъ. Особенно оно незамѣтно въ старыхъ мысляхъ, привычныхъ, уже много разъ продуманныхъ нами (напр., въ мысли о томъ, что снѣгъ бѣлъ, что земля—шаръ, что дважды два—четыре и т. д.), и это потому, что мы уже забыли о томъ усиліи, которое мы дѣлали, когда впервые въ своей жизни производили эти соединенія представленій. Напротивъ, всякая новая мысль, всякое новое намѣренное соединеніе представленій, есть работа, и всякій изъ насъ знаетъ, что это даже самая тяжелая работа, болѣе тяжелая, чѣмъ физическая, и что именно для этой работы многіе оказываются очень лѣнивыми.

Волевой характеръ процесса.

Мы уже говорили о томъ, что представленія нужно отдѣлять отъ словъ, что представленія могутъ быть и безъ словъ, что у животныхъ онѣ всегда безъ словъ. Если мы два такихъ представленія безъ словъ соединимъ такъ, что установимъ связь между ними, то получится мысль безъ словъ. Такія мысли сплошь и рядомъ проносятся у насъ въ умѣ, прежде чѣмъ мы подберемъ подходящія для нихъ слова. Далеко не всегда мы думаемъ словами. У животныхъ только такія мысли и могутъ быть, а

Мысли безъ словъ.

что животныя мыслятъ, въ этомъ, конечно, невозможно сомнѣваться. Если собака узнаетъ хозяина и радостно лаетъ, такъ это потому, что у нея представленіе хозяина, котораго она сейчасъ видитъ, соединилось со всѣми тѣми представленіями о хозяинѣ, которыя она получала раньше и которыя сохранились въ ея памяти, и она сознаетъ связь между этимъ новымъ представленіемъ и тѣми старыми, сознаетъ, что что они одинаковы, что они относятся къ чему-то одному. Значитъ, это—мысль, хотя бы и въ простѣйшей формѣ. Если собака визжитъ при видѣ палки, которою ее раньше били, такъ это опять-таки потому, что у нея представленіе о палкѣ соединяется съ представленіемъ о боли, которую она раньше испытывала и которая сохранилась въ ея памяти, и она сознаетъ причинное соотношеніе между этими двумя представленіями, сознаетъ, что отъ палки ей бываетъ больно, значитъ, это опять-таки мысль. Если дрессированное животное дѣлаетъ какой-нибудь фокусъ, то у него представленіе о движеніяхъ, нужныхъ для фокуса, соединяется съ представленіемъ о подачкѣ, которую оно за него получитъ, и оно сознаетъ, что одно необходимо слѣдуетъ за другимъ, т.-е. сознаетъ связь между представленіями, мыслитъ.

Члены мысли.

Два представленія, соединяющіяся въ мысли, конечно, никогда не могутъ явиться одновременно, хотя намъ и кажется, что оба являются сразу. Конечно, сперва должно явиться одно какое-нибудь представленіе, а затѣмъ къ нему присоединится другое. **То представленіе, которое является въ мысли первымъ, называется психологическимъ подлежащимъ, а то представленіе, которое соединяется съ психологическимъ подлежащимъ — психологическимъ сказуемымъ.** Значитъ, въ нашихъ примѣрахъ представленіе о хозяинѣ, стоящемъ передъ собакой, будетъ у нея психологическимъ подлежащимъ, а представленіе о хозяинѣ, сохранившееся въ памяти, — психологическимъ сказуемымъ, представленіе о палкѣ — психологическимъ подлежащимъ, а представленіе о боли — психологическимъ сказуемымъ, представленіе о фокусѣ — психологическимъ подлежащимъ, а представленіе о подачкѣ — психологическимъ сказуемымъ. Нужно твердо помнить, что и у человѣка, какъ у животныхъ, психологическое подлежащее и психологическое сказуемое это не слова, а представленія, которыя могутъ выразиться, а могутъ и не выразиться словами.

Важнѣйшій членъ — соотношеніе ме-

Итакъ, мы видимъ, что мысль и у человѣка, и у животныхъ одинаково состоитъ всегда изъ 3-хъ частей или чле-

новъ: 1) **психологическаго подлежащаго**, 2) **психологическаго сказуемаго** и 3) сознанія **соотношенія** между тѣмъ и другимъ. Который изъ этихъ членовъ важнѣйшій? Очевидно тотъ, который существененъ для мысли, который отличаетъ ее отъ всѣхъ другихъ видовъ асоціацій. А это, конечно, **третій** членъ. Вѣдь безъ сознанія соотношенія между психол. подлежащимъ и психол. сказуемымъ не было бы и самыхъ психол. подлежащаго и психол. сказуемаго, а были бы просто два ассоціирующихся между собой представленія. Именно сознаніе соотношенія и превращаетъ ихъ изъ членовъ простой ассоціаціи въ члены мысли, потому что создаетъ самую мысль. Значитъ, это сознаніе и есть **важнѣйшій элементъ мысли**.

жду психол. подл. и психол. сказ.

До сихъ поръ мы намѣренно останавливались болѣе на представленіяхъ безъ словъ и на мысляхъ безъ словъ, т.-е. на такихъ представленіяхъ и мысляхъ, какія есть и у животныхъ, и у человѣка. Теперь мы перейдемъ къ представленіямъ и мыслямъ, выраженнымъ словами, т.-е. къ такимъ, какія есть только у человѣка.

Представленія и мысли, связанныя со словами.

Представленія человѣка, именно благодаря тому, что обычно связаны съ представленіями словъ, рѣзко отличаются отъ представленій животныхъ. Разница эта такъ велика и сложна, что мы не можемъ на ней подробно останавливаться. Достаточно сказать, что вполнѣ она выясняется только изъ 3-хъ наукъ, вмѣстѣ взятыхъ: изъ психологіи, изъ логики (науки о правильномъ мышленіи) и изъ грамматики. Мы коснемся только тѣхъ отличій представленій человѣка отъ представленій животныхъ, которыя разсматриваются въ грамматикѣ. Дѣло въ томъ, что представленія человѣческія связаны со словами, а слова имѣютъ форму. Вслѣдствіе этого и представленія человѣческія имѣютъ форму. Что это значитъ? Это значитъ, что что бы человѣкъ ни представлялъ себѣ, онъ обязательно представляетъ себѣ это „что-то“ либо въ видѣ предмета, либо въ видѣ признака предмета, а среди признаковъ опять-таки различаетъ признаки постоянные, признаки временные и т. д. (смотря по тому, сколько частей рѣчи въ каждомъ отдѣльномъ языкѣ *). Значитъ, человѣкъ не просто представляетъ себѣ что-либо, а какъ бы всегда сортируетъ всѣ свои представленія: одни откладываетъ къ „предметамъ“, другія — къ „признакамъ постояннымъ“,

*) Въ языкахъ, бѣдныхъ формами словъ или совсѣмъ лишенныхъ ихъ, то же самое достигается формами сочетаній.

третьи — къ „признакамъ временнымъ", четвертыя — къ „признакамъ признаковъ" и т. д. Сортировка эта въ языкѣ очень груба, какъ мы видѣли, и построена больше на воображеніи, чѣмъ на знаніи (настоящую, точную сортировку производитъ только наука), однако безъ такой сортировки человѣкъ ничего себѣ не можетъ представить, онъ какъ бы лѣпитъ для себя изо всего, что передъ нимъ находится, предметы и признаки, лѣпитъ подчасъ такъ же произвольно, какъ скульпторъ, т.-е. изъ одного и того же „куска" вылѣпляетъ то предметъ, то признакъ постоянный, то признакъ подвижной и т. д., но безъ такой лѣпки человѣкъ въ тѣ минуты, когда онъ думаетъ словами, ни воспринять, ни представить себѣ ничего не можетъ. Вотъ въ этомъ-то смыслѣ и можно сказать, что представленія его имѣютъ форму. Бѣлую линію, напр., появляющуюся во время грозы въ воздухѣ, онъ представляетъ себѣ либо какъ предметъ („молнія"), либо какъ признакъ, создаваемый дѣятельностью предмета („сверкаетъ"), звуки, раздающіеся при этомъ, опять-таки либо какъ предметъ („громъ"), либо какъ признакъ, производимый предметомъ („гремитъ") и т. д. Напротивъ, собака, видя молнію или слыша громъ, или вспоминая то или другое, конечно, не отнесетъ ихъ ни къ предметамъ, ни къ признакамъ, а просто вспомнитъ самый свѣтъ или самые звуки. Значитъ, ея представленія безформенны. Теперь мы лучше можемъ понять и то, почему тѣ части слова, которыя создаютъ различія въ частяхъ рѣчи (и всѣ другія грамматическія различія) называются „формальными", а самое распаденіе слова на такія части и на основу — „формой": это распаденіе придаетъ опредѣленный видъ, опредѣленную форму не только словамъ, но и представленіямъ нашимъ.

Мысль человѣческая, если она выражается словами, состоитъ изъ представленій, имѣющихъ форму, а поэтому и сама она отливается въ опредѣленныя формы, — человѣкъ мыслитъ грамматическими формами. Какъ это происходитъ и что это значитъ, мы поймемъ, когда ознакомимся съ предложеніемъ и его частями.

X.

Понятіе о предложеніи.

Мысль и предложеніе.

Если представленія, соединяющіяся въ мысли, т. е. психологическое подлежащее и психологическое сказуемое, выразятся словами (все равно, громко высказанными, или только продуманными), то получается то, что называется предложеніемъ. Если, напр., посмотрѣвъ на луну, я подумалъ или сказалъ: „луна красива", то, очевидно, въ моей мысли соединились два представленія: одно о лунѣ, другое о красивости или красотѣ, при чемъ соединились такъ, что мнѣ стало ясно соотношеніе между ними. Первымъ явилось, конечно, представленіе о лунѣ, и оно было психологическимъ подлежащимъ; къ нему присоединилось представленіе о красотѣ и составило психологическое сказуемое. А такъ какъ при этомъ у меня въ умѣ промелькнули и соотвѣтствующія слова, то возникло предложеніе. Не всегда психологическое подлежащее и психологическое сказуемое выражаются каждое однимъ словомъ, какъ въ приведенномъ примѣрѣ. Бываетъ, что одно изъ нихъ, а иногда и оба выражаются нѣсколькими словами. Это бываетъ тогда, когда психологическимъ подлежащимъ или психологическимъ сказуемымъ является представленіе сложное. Въ этомъ случаѣ тѣ представленія, которыя входятъ въ составъ сложнаго представленія, также могутъ выразиться отдѣльными словами, почему и получается нѣсколько словъ для выраженія одного представленія. Представленіе о домѣ, напр., можетъ выразиться однимъ словомъ „домъ", а можетъ выразиться и словами: „большой каменный домъ съ зеленой крышей и желѣзными рѣшетками въ окнахъ" или: „домъ, купленный недавно городскимъ управленіемъ у такого-то" и т. д. Тутъ представленія о крышѣ, о рѣшеткѣ, объ окнахъ, о городскомъ управленіи и т. д. были частями представленія о домѣ, и всѣ они выразились отдѣльными словами. Если я про такой домъ что-нибудь подумаю, т.-е. приведу въ связь съ этимъ представленіемъ какое-нибудь другое, положимъ о продажѣ, и выражу свою мысль словами, то у меня получится предложеніе: большой каменный домъ съ зеленой крышей и желѣзными рѣшетками въ окнахъ продается", и въ немъ психологическое подлежащее, очевидно, будетъ выражено уже не однимъ словомъ, а всѣми выдѣленными. Если

же я подумаю не просто о продажѣ, а о продажѣ при особыхъ условіяхъ, то мое психологическое сказуемое можетъ выразиться такими словами, какъ: „продается за недорогую плату", „продается съ разсрочкой платежа", „продается съ торговъ" и т. д. Въ этомъ случаѣ, значитъ, и психологическое сказуемое выразится нѣсколькими словами. Иногда, напротивъ, въ предложеніи бываетъ даже меньше двухъ словъ,—только одно слово. Дѣло въ томъ, что зачастую только одно изъ представленій, соединившихся въ мысли, выражается словомъ, другое же остается невыраженнымъ. Такія предложенія называются неполными. Если группа людей ждетъ поѣзда на платформѣ, то завидѣвшій его обыкновенно говоритъ: „идетъ!" Здѣсь представленіе о поѣздѣ, бывшее психологич. подлежащимъ, не выразилось ни однимъ словомъ. Если кто уронилъ что-нибудь, а окружающіе заинтересованы судьбой упавшаго предмета, то уронившій, поднимая предметъ, скажетъ: „разбилось!" „треснуло!", „лопнуло!" или: „цѣло!", „цѣлехонько!" и т. д. При этомъ характерно, что часто въ такихъ случаяхъ употребляется форма средняго рода единственнаго числа, хотя бы названіе упавшаго предмета было другого рода и другого числа (графинъ, ваза, очки, часы и т. д.) Это лучше всего показываетъ, что здѣсь нѣтъ никакого умолчанія, никакого намѣреннаго пропуска словъ, потому что если бы у насъ въ умѣ было слово „графинъ", то мы бы непремѣнно сказали „треснулъ!", если бы были „очки", непремѣнно сказали бы „треснули!" и т. д. Здѣсь просто въ умѣ говорящаго нѣтъ никакого слова для выраженія психол. подлежащаго. Точно такъ же входящій въ воду всегда скажетъ окружающимъ: „горячо!", „холодно!" и т. д., поднимающій бревно скажетъ: „тяжело!", вдѣвающій нитку въ иглу— „не лѣзетъ!", „не вдѣвается!" и т. д. Во всѣхъ такихъ случаяхъ говорящій не представляетъ себѣ опущенныхъ словъ, не вспоминаетъ ихъ, потому что они ему не нужны: онъ хорошо знаетъ, что психологическое подлежащее уже достаточно возбуждено въ умѣ слушателя либо непосредственнымъ видомъ предмета, либо предварительными разговорами о немъ (см. стр. 89). Такими предложеніями, въ которыхъ не выражено психологическое подлежащее, полна наша обиходная рѣчь („виноватъ!", „молчать!", „пошелъ!", „дуракъ!", „молодецъ!", „до свиданія!", „горитъ!", „пожаръ!", „воры!", „скорѣе!", „тише!", „куда?", „назадъ!", „прочь!", „направо!", „налѣво!", „шагомъ!", „потихоньку!" и т. д.). Гораздо рѣже остается

Неполныя предложенія.

невыраженнымъ психологическое сказуемое, но и это бываетъ. Если мы, напр., увидимъ на полотнѣ дороги ребенка въ тотъ моментъ, когда поѣздъ уже совсѣмъ близко, то мы можемъ въ ужасѣ закричать: „ребенокъ!“ Ясно, что мысль наша состояла изъ представленія о ребенкѣ, котораго мы увидѣли, и представленія объ опасности для этого ребенка, но второе представленіе, т.-е. психологическое сказуемое здѣсь осталось невыраженнымъ; отъ волненія для него не нашлось словъ; выразилось только психологическое подлежащее. Итакъ:

Предложеніе есть слово или сочетаніе словъ, выражающее мысль.

Предложеніе, въ которомъ выражены словами и психологическое подлежащее, и психологическое сказуемое, называется полнымъ.

Предложеніе, въ которомъ выражено только психологическое подлежащее или только психологическое сказуемое, или только часть того или другого, называется неполнымъ.

Полное и неполное предложеніе съ грамматической точки зрѣнія.

Все, сказанное до сихъ поръ о предложеніи, подходитъ одинаково ко всѣмъ предложеніямъ всѣхъ языковъ земного шара. Это, такъ сказать, обще-психологическое или обще-логическое опредѣленіе предложенія. Разсматривая же предложенія какого-либо отдѣльнаго языка, мы находимъ, что въ каждомъ языкѣ въ каждую эпоху предложенія отличаются опредѣленными грамматическими признаками. Въ частности, полныя предложенія всегда представляютъ изъ себя вполнѣ опредѣленный типъ сочетаній. И разница между языками и эпохами въ этомъ отношеніи можетъ быть очень велика. Не говоря уже о полныхъ предложеніяхъ такихъ языковъ, какъ китайскій или англійскій, даже полныя предложенія древнерусскаго языка не совпадаютъ съ нашими. Такъ, придаточныя предложенія типа: „а если не будетъ, кто за него мстящій...“ (см. стр. 84) приходится признать полными предложеніями, потому что никакого опущенія здѣсь никогда не было, а причастіе искони играло роль сказуемаго. Въ настоящее время такихъ полныхъ предложеній уже нѣтъ, потому что причастіе у насъ не можетъ уже быть сказуемымъ. Значитъ, въ одной и той же фразѣ съ современной точки зрѣнія оказывается одно полное предложеніе, а съ древней два. Ясно, что границы между предложеніями съ теченіемъ времени измѣняются, передвигаются, что предложеніе мѣняетъ все время свой грамматическій обликъ и что, слѣдовательно, съ грамматической точки зрѣнія, полное

предложеніе есть не что иное, какъ **опредѣленная форма сочетанія**. А такъ какъ русскій языкъ — синтетическій и въ немъ наибольшее значеніе имѣютъ отдѣльныя формы, то наше полное предложеніе сведется, въ концѣ концовъ, къ опредѣленной комбинаціи отдѣльныхъ формъ. Соотвѣтственно опредѣлится и неполное предложеніе, какъ недостаточный типъ сочетанія, какъ та же комбинація, что установлена для полнаго предложенія, но усѣченная, лишенная тѣхъ или другихъ формъ. И такъ какъ въ дальнѣйшемъ мы будемъ заниматься почти исключительно полными предложеніями, то основной вопросъ книги представится, слѣдовательно, въ слѣдующемъ видѣ: **изъ какихъ формъ слагается въ настоящее время въ русскомъ языкѣ полное предложеніе?** Вопросъ этотъ можно формулировать и такъ: **какими формами выражаются въ русскомъ языкѣ психол. подлежащее, психол. сказуемое и соотношеніе между ними?**

Отдѣлъ второй.

Нераспространенное предложеніе.

XI.

Подлежащее и сказуемое.

Члены мысли и члены нераспространеннаго предложенія.

Если психол. подлежащее и психол. сказуемое выражены каждое однимъ словомъ, то получается такъ назыв. нераспространенное предложеніе. Съ этого случая, какъ простѣйшаго, мы и начнемъ.

Съ внѣшней стороны, сочетанія этого рода опредѣлятся, какъ именительный падежъ существительнаго и согласованный съ нимъ глаголъ. Таковы всѣ слѣдующія сочетанія:

Нужда пляшетъ, нужда скачетъ... (посл.)
Богъ далъ, Богъ и взялъ. (посл.)
Собака лаетъ, вѣтеръ носитъ. (посл.)
Конь бѣжитъ, земля дрожитъ... (изъ нар. сказ.)
Вьюга злится, вьюга плачетъ... (Пушк.)
. . . . . Пора миновалась,
Земля освѣжилась, и буря промчалась... (Пушк.)
. . Ручей нѣмѣетъ, все цѣпенѣетъ. (Барат.)
Грачи улетѣли,
Лѣсъ обнажился, поля опустѣли... (Некрас.)
Травка зеленѣетъ, солнышко блеститъ... (Плещ.)
Востокъ бѣлѣетъ... Ладья катилась... (Тютч.)
Я помню... Ночь кончалась... (Бальм.)

Остановимся на первомъ предложеніи перваго примѣра („нужда скачетъ"). Психологическимъ подлежащимъ у народа, создавшаго эту пословицу, было, конечно, представленіе о „нуждѣ", т.е. о нуждающемся человѣкѣ. Это представленіе выразилось именительнымъ падежомъ существительнаго. Форма эта носитъ названіе грамматическаго подлежащаго или, въ грамматикѣ, всегда просто **подле-**

жащаго. Психологическимъ сказуемымъ было представленіе объ извѣстныхъ движеніяхъ нуждающагося человѣка. Ему соотвѣтствуетъ форма „скачетъ“. Это — грамматическое сказуемое или, короче, просто **сказуемое**. Спрашивается, чѣмъ же выразился здѣсь важнѣйшій членъ мысли, соотношеніе между психол. подлежащимъ и психол. сказуемымъ? На первый взглядъ можно подумать, что онъ совсѣмъ не выражается въ языкѣ. Впослѣдствіи мы увидимъ, что онъ дѣйствительно не всегда и не во всѣхъ языкахъ выражается, но въ нашемъ примѣрѣ онъ выраженъ. Дѣло въ томъ, что данное психологическое сказуемое (представленіе о скаканіи) могло бы само по себѣ отлиться въ форму какой-угодно части рѣчи („скаканіе“, „скаковой“, „скачущій“, „скача“, „скакать“). Но ни одна изъ этихъ частей рѣчи не создала бы полнаго предложенія, не выразила бы всей данной мысли, и именно потому, что не выразила бы съ достаточной ясностью и полнотой соотношенія между данными представленіями. Если бы мы, напр., сказали: „нужда скаканіе“, то намъ совсѣмъ было бы не понятно, какое отношеніе имѣетъ это „скаканіе“ къ „нуждѣ“. Если бы сказали „нужда скачущая“, то отношеніе было бы выражено, но предложеніе было бы уже неполное: психологическимъ сказуемымъ было бы не представленіе о скаканіи, а какое то другое, здѣсь не выраженное; то же самое было бы въ сочетаніяхъ „нужда скача“, „нужда скаковая“, „нужда скакать“ и т. д.; всѣмъ этимъ сочетаніямъ уже чего-то нехватало бы. Значитъ, соотношеніе между представленіемъ о скаканіи, какъ психологическимъ сказуемымъ данной мысли, и представленіемъ о нуждѣ, какъ психол. подлежащимъ ея, можетъ быть выражено только **глаголомъ**. А это значитъ, что оно заключено въ **глагольности** слова „скачетъ“, въ его **глагольной формѣ**. Въ частности, тутъ важна не только форма глагола вообще, но и форма согласованія этого глагола съ подлежащимъ: если бы было сказано „нужда скачете“ или „нужда скачемъ“, то намъ, несмотря на глагольность, все-таки осталось бы непонятно, какое отношеніе имѣетъ скаканіе къ нуждѣ. Такъ какъ форма согласованія заключена во флексіи — **ть**, а форма глагольности въ той же флексіи + глагольный суффиксъ **е**, то можно сказать, что соотношеніе между психол. сказуемымъ и психол. подлежащимъ выражено глагольнымъ окончаніемъ **етъ** (скачетъ), самому же психол. сказуемому соотвѣтствуетъ одна только основа „скач-“. Такимъ образомъ, грамматическіе члены въ нашемъ примѣрѣ не совпадаютъ съ психоло-

гическими. Грамматическое подлежащее, правда, соотвѣтствуетъ психологическому, но грамматическое сказуемое не соотвѣтствуетъ: оно соотвѣтствуетъ заразъ двумъ членамъ мысли: психологическому сказуемому и соотношенію его съ подлежащимъ. Если мы вспомнимъ, что важнѣйшимъ членомъ мысли мы признали именно послѣднее, то поймемъ, что въ сказуемомъ заключена самая сущность нашей мысли. А если припомнимъ, что соотношеніе это сознается нами всегда активно, т.-е. намъ представляется, что мы сами это соотношеніе устанавливаемъ (см. стр. 107), то намъ будетъ ясно, что въ сказуемомъ выражается именно активное начало нашей мысли, самый процессъ мышленія. Это вполнѣ соотвѣтствуетъ той активности значенія, которую мы открыли въ глаголѣ, какъ въ отдѣльной формѣ. Понятно, что сказуемое-глаголъ, по отношенію къ процессу мысли, есть **важнѣйшій членъ предложенія** и **важнѣйшій членъ нашей рѣчи вообще.** Это отразилось и въ названіи его, такъ какъ „сказуемое" въ переводѣ съ церк.-славянскаго на русскій = „говоримое", „сказываемое", а „глаголъ" = „слово". Термины эти представляютъ переводъ съ древне-греческаго и латинскаго. Такимъ образомъ, уже на зарѣ европейской культуры, задолго до возникновенія научнаго языковѣдѣнія, сказуемое-глаголъ сознавалось грамматистами, какъ сущность нашей рѣчи, какъ рѣчь по преимуществу.

Психологическое значеніе сказуемаго.

Можно спросить себя, неужели наша мысль способна открывать между предметами и явленіями только одно это соотношеніе активности или дѣятельности? На самомъ дѣлѣ, логика, наука о правильномъ, т.-е. достигающемъ истины, мышленіи человѣческомъ, учитъ насъ, что мы можемъ устанавливать въ мысли различныя отношенія между нашими понятіями. Такъ, прежде всего, самое отношеніе дѣятельности есть лишь частный случай болѣе широкаго отношенія причинности. Думая, что я двигаю предметъ, я, въ сущности, устанавливаю, что между движеніемъ моей руки и движеніемъ предмета есть причинная связь, такая же, какъ между искрой и взрывомъ пороха, теплотой и поднятіемъ ртути въ термометрѣ и т. д. Рядомъ съ этимъ отношеніемъ причинности мы открываемъ на каждомъ шагу и отношеніе простой послѣдовательности. День, напр., слѣдуетъ за ночью, а ночь за днемъ, но никто изъ насъ не думаетъ, чтобы день былъ причиной ночи или ночь причиной дня. Напротивъ, мы знаемъ, что оба они происходятъ отъ общей причины — движенія земли вокругъ оси. Далѣе, рядомъ съ послѣдовательностью мы открываемъ еще отношеніе сосуществованія. Столъ и стулъ, напр., стоящіе передо мной, находятся въ отношеніи сосуществова-

Отличія языкового мышленія отъ сверхъ-языкового.

нія между собой, я сосуществую съ каждымъ изъ нихъ, земля, солнце, Юпитеръ, Марсъ сосуществуютъ между собою и т. д. Спрашивается, какъ же примирить все это съ нашимъ утвержденіемъ, что въ сказуемомъ, выражающемъ только отношеніе дѣятельности, заключена вся работа нашей мысли? Тутъ надо имѣть въ виду, что всѣ эти (и другія) соотношенія мы устанавливаемъ не въ самой рѣчи нашей, а, наоборотъ, отвлекаясь отъ рѣчи. Скажу-ли я: „отъ теплоты тѣла расширяются", или „теплота расширяетъ тѣла", или „объемъ нагрѣтыхъ тѣлъ увеличивается", или „теплыя тѣла занимаютъ большее пространство, чѣмъ холодныя" и т. д. и т. п., переведу ли какое-угодно изъ этихъ совершенно различныхъ сочетаній на какой-угодно изъ языковъ человѣческихъ съ какимъ-угодно грамматическимъ строемъ, во всѣхъ языкахъ всѣ эти и имъ подобныя сочетанія будутъ имѣть одинъ смыслъ: повышеніе температуры тѣла и увеличеніе объема его находятся между собой въ отношеніи причины и слѣдствія. Точно такъ же, скажу ли я: „день слѣдуетъ за ночью, а ночь за днемъ", „день и ночь смѣняютъ другъ друга", „будетъ день, будетъ и ночь", „день да ночь, и сутки прочь" и т. д. и т. п., смылъ всего этого будетъ одинъ: день и ночь находятся въ отношеніи взаимной послѣдовательности. Ясно, что этотъ единый общечеловѣческій смыслъ мы открываемъ не въ нашей рѣчи, а помимо нея. Дѣло въ томъ, что какъ существуетъ въ насъ доязыковое мышленіе безъ словъ, общее намъ съ животными и изучаемое въ психологіи (см. стр. 107), какъ существуетъ языковое мышленіе словами, изучаемое въ языковѣдѣніи, такъ существуетъ и сверхъязыковое или надъязыковое мышленіе поверхъ словъ, изучаемое въ логикѣ. Каждому, вѣроятно, случалось замѣчать, что въ минуту опасности или вообще волненія, когда человѣку не до словъ, у него проносятся мысли безъ словъ, мысли, состоящія изъ однихъ образовъ — это доязыковое мышленіе; каждому случалось, конечно, ловить себя на мысленномъ разговорѣ съ самимъ собой, на думаньѣ словами — это самое обычное, наиболѣе намъ свойственное языковое мышленіе; наконецъ, каждому случалось вдумываться въ смыслъ прочитанной статьи или задачи, составлять конспекъ, объяснять кому-либо что-либо на тысячу ладовъ, вообще пытаться вырвать мысль изъ ея словесной оболочки, раскрыть ее самое по себѣ, внѣ зависимости отъ языка — это мышленіе сверхъязыковое, логическое. Конечно, всѣ эти 3 способа мышленія существуютъ въ насъ не изолированно, а всегда сопровождаютъ другъ друга; это, въ сущности, 3 стороны всякой нашей мысли: всегда передъ тѣмъ, какъ мы скажемъ что-нибудь, или подумаемъ словами, у насъ проносятся безсловесные образы; всегда за ними слѣдуютъ, по крайней мѣрѣ въ зачаточномъ видѣ, словесныя представленія; всегда, наконецъ, мы сознаемъ, что сущность нашей мысли могла бы быть выражена и другими словами и формами, т.-е. сознаемъ чисто-логическія отношенія

между понятіями. Если мы въ вышеприведенныхъ примѣрахъ и выдѣлили каждую изъ этихъ сторонъ, какъ что-то отдѣльно существующее, то только пользуясь тѣмъ, что въ извѣстные моменты одна изъ нихъ можетъ преобладать надъ остальными. Но, во всякомъ случаѣ, эти три стороны нашего мышленія пришлось раздѣлить между собой тремъ наукамъ, и на долю языковѣдѣнія выпала только языковая сторона. А съ точки зрѣнія языкового мышленія между основными членами нашей мысли возможно только одно соотношеніе — дѣятельности. Въ предложеніи: „день и ночь слѣдуютъ другъ за другомъ" съ логической точки зрѣнія выражено соотношеніе послѣдовательности между днемъ и ночью, съ языковой же точки зрѣнія здѣсь дѣятельность: день и ночь „слѣдуютъ", т.-е. оба вмѣстѣ создаютъ свой признакъ слѣдованія, сами производятъ свою взаимную послѣдовательность, какъ часовые, смѣняющіе другъ друга. Въ предложеніи: „тамъ были столъ и стулъ" съ логической точки зрѣнія выражено отношеніе сосуществованія; съ языковой точки зрѣнія здѣсь опять дѣятельность: столъ и стулъ были, т.-е. оба вмѣстѣ производили признакъ бытія, создавали свое собственное бытіе; и такъ далѣе. Вообще, можно сказать, что глагольность есть основная форма нашего языкового мышленія. Исключеніе составляютъ только сказуемостные второстепенные члены, съ которыми мы познакомимся впослѣдствіи. Въ появленіи этихъ членовъ можно видѣть зачатки грамматическаго выраженія въ языкѣ и другихъ отношеній между психол. подлежащимъ и психол. сказуемымъ, помимо отношенія дѣятельности.

Грамматическое значеніе сказуемаго и подлежащаго.

Такъ какъ сказуемое и глаголъ тождественны, то, понятно, грамматическое значеніе сказуемаго то же, что и значеніе глагола: сказуемое выражаетъ **признакъ, создаваемый дѣятельностью предмета**. А изъ значенія сказуемаго вытекаетъ и значеніе подлежащаго, такъ какъ въ подлежащемъ всегда изображается тотъ самый **предметъ, который своею дѣятельностью создаетъ признакъ, выраженный въ сказуемомъ.** Короче подлежащее можетъ быть опредѣлено, какъ **производитель признака, выраженнаго въ сказуемомъ**, еще короче, какъ грамматическій **дѣятель** или **дѣйствующій предметъ**. Такъ, въ сочетаніи „нужда скачетъ" производитель „скаканія" есть „нужда", въ сочетаніи „столъ стоитъ" производителемъ „стоянія" является „столъ", въ сочетаніяхъ „домъ строится", „дверь отворяется", „воръ разыскивается" и т. д. дѣятелями являются, съ грамматической точки зрѣнія, домъ, дверь, воръ и т. д.*). Значеніе

*) Напоминаемъ читателю, что „строится" грамматически=строитъ внутри себя или самъ собою, вообще производитъ внутренно признакъ „строенія", творительный же падежъ существительнаго, появляющійся при такихъ глаголахъ, есть, собственно, творительный орудія. Выраженіе: „домъ строит-

это создается, собственно, не формой подлежащаго, т.-е. не формой именительнаго падежа, а тѣмъ, что къ этой формѣ, и только къ ней одной, можетъ относиться форма сказуемаго. Самъ по себѣ именительный падежъ не имѣетъ никакого синтаксическаго значенія. Это видно изъ того, что этотъ падежъ мы употребляемъ, когда называемъ предметы, т.-е. когда представляемъ ихъ себѣ изолированно, внѣ мысли, внѣ отношеній къ чему бы то ни было. Въ словахъ „столъ", „человѣкъ", „звѣрь", взятыхъ отдѣльно (какъ они, напр., даются въ словаряхъ), совсѣмъ не изображены дѣйствующіе предметы, а просто предметы. Дѣйствующими они дѣлаются только если приставить къ нимъ сказуемыя: „столъ стоитъ", „человѣкъ живетъ" и т. д. Значитъ, въ формѣ именительнаго падежа, собственно, нѣтъ никакого особаго оттѣнка, по сравненію съ общимъ значеніемъ существительнаго, какъ формы, изображающей предметы. Именительный „падежъ" — это, въ сущности, безпадежная форма, это существительное, какъ оно есть, не осложненное оттѣнкомъ падежности. Но такъ какъ этотъ „падежъ" можетъ относиться только къ сказуемому, а сказуемое только къ этому „падежу", то косвенно, благодаря сказуемому и по сравненію со всѣми другими падежами, онъ тоже дѣлается падежомъ. Такъ какъ нельзя сказать „нужды скачетъ", „нуждѣ скачетъ", „нужду скачетъ", „нуждой скачетъ", „по нуждѣ скачетъ", не перенося дѣйствія съ „нужды" на кого-то другого и не переводя „нужду" въ разрядъ предметовъ не дѣйствующихъ, то за формой „нужда", по сравненію со всѣми этими формами, и закрѣпилось значеніе предмета дѣйствующаго.

XII.

Формы сказуемости.

Такъ какъ глаголъ является въ предложеніи сказуемымъ, то всѣ синтаксическія формы глагола, вмѣстѣ взятыя (время, наклоненіе, лицо, число и родъ), носятъ обыкновенно названіе

ся плотникомъ" гораздо ближе по своему грамматическому смыслу къ выраженію: „домъ строится посредствомъ плотника", чѣмъ къ выраженію: „плотникъ строитъ домъ". Тождество выраженій: „домъ строится плотникомъ" и „плотникъ строитъ домъ"—чисто-логическое, грамматики не касающееся.

формъ сказуемости. Въ виду важности для языка этихъ формъ, мы должны остановиться на значеніи каждой изъ нихъ въ отдѣльности.

Значеніе формъ времени.

Форма **времени** означаетъ, на первый взглядъ, согласно названію, время проявленія того или иного признака, или, короче, время дѣятельности подлежащаго. Но не слѣдуетъ думать, что прошедшее время всегда обозначаетъ то, что прошло, настоящее — то, что сейчасъ совершается, а будущее — то, что будетъ совершаться. Вѣдь въ словахъ, напр., Александра I: „я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ" будущее время обозначаетъ прошлое, въ словахъ Ѳеофана Прокоповича, сказанныхъ надъ гробомъ Петра: „Что видимъ? Что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ"! настоящее время тоже обозначаетъ прошлыя событія, въ сочетаніи: „если я поступлю такъ, то завтра же буду говорить себѣ „я согрѣшилъ!" прошедшее время указываетъ на мой будущій поступокъ. Дѣло въ томъ, что времена соотносительны: то, что для насъ прошедшее, то для нашихъ предковъ (да и для меня минуту тому назадъ) было настоящимъ, а еще ранѣе — будущимъ. Значитъ, все зависитъ отъ того, **когда сказана** та или другая фраза. Для Александра I изгнаніе Наполеона было будущимъ событіемъ потому, что въ то время, когда онъ говорилъ о немъ, Наполеонъ еще не былъ изгнанъ. Для Прокоповича погребеніе Петра было настоящимъ потому, что происходило въ то самое время, когда онъ говорилъ о немъ. Наконецъ, замышляемый мной поступокъ будетъ мнѣ представляться въ моментъ раскаянія, какъ прошедшее, потому, что въ ту минуту, когда я буду говорить о немъ, онъ уже будетъ совершенъ. Изъ этихъ 3-хъ случаевъ мы и можемъ вывести вполнѣ точно значеніе каждаго времени. Форма будущаго времени обозначаетъ, очевидно, не просто будущую дѣятельность подлежащаго, а дѣятельность, которая наступаетъ послѣ того, какъ о ней говорятъ. Форма настоящаго времени обозначаетъ дѣятельность, совершающуюся въ то самое время, когда о ней говорятъ. Форма прошедшаго времени обозначаетъ дѣятельность, которая совершается прежде, чѣмъ о ней станутъ говорить. И, значитъ, форма времени вообще обозначаетъ не просто время дѣятельности подлежащаго, а **отношеніе времени дѣятельности его ко времени рѣчи. Прошедшее** время

обозначаетъ, что время дѣятельности **предшествуетъ** времени рѣчи, **настоящее** — что оно **совпадаетъ** со временемъ рѣчи, **будущее** — что оно **слѣдуетъ** за временемъ рѣчи.

Двойственность въ значеніи временъ.

Въ каждомъ изъ 3-хъ временъ можно, въ свою очередь, различать по 2 второстепенныхъ оттѣнка, смотря по тому, пріурочивается ли дѣятельность подлежащаго къ опредѣленному моменту, или къ цѣлому періоду времени. Сравнимъ попарно сочетанія:

„вчера онъ пѣлъ въ концертѣ" и „онъ въ молодости пѣлъ"

„она поетъ, и звуки таютъ..." и „она недурно поетъ, рисуетъ..."

„сегодня онъ будетъ пѣть" и „черезъ годъ онъ будетъ пѣть хорошо..."

Въ лѣвыхъ глаголахъ изображенъ отдѣльный моментъ въ дѣятельности подлежащаго, предшествующій, совпадающій или послѣдующій по отношенію къ моменту рѣчи; въ правыхъ изображенъ цѣлый періодъ дѣятельности, тоже предшествующій, совпадающій или послѣдующій по отношенію къ моменту рѣчи. Можно сказать, что въ правыхъ примѣрахъ значеніе формы времени расширено по сравненію съ лѣвыми, что тутъ мы имѣемъ особаго рода расширенное прошедшее, расширенное настоящее, расширенное будущее. Собственно, въ русскомъ языкѣ оттѣнки эти не различаются, такъ какъ для обоихъ оттѣнковъ служатъ однѣ и тѣ же формы (есть языки, гдѣ имѣются параллельныя формы для того и другого оттѣнка). Но мы тѣмъ не менѣе сочли нужнымъ указать на эту двойственность въ значеніи каждаго времени потому, что изъ нея легко объясняется очень распространенное и въ русскомъ языкѣ употребленіе настоящаго времени для обозначенія дѣятельности, совершающейся всегда, во всѣ времена. Мы имѣемъ въ виду такіе случаи, какъ: „человѣкъ дышитъ легкими, а рыба — жабрами", „земля вращается вокругъ своей оси", „водородъ легко соединяется съ кислородомъ", „сказуемое согласуется съ подлежащимъ", „человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ", „нужда скачетъ, нужда пляшетъ, нужда пѣсенки поетъ", „науки юношей питаютъ", „охотно мы даримъ, что намъ не надобно самимъ" и т. д. Можно думать, что мы сознаемъ здѣсь все-таки настоящее время, но расширенное до крайнихъ предѣловъ. Какъ въ сочетаніяхъ: „я пою", „я танцую", „онъ заикается", „она куритъ", „онъ играетъ на биржѣ" и т. д. настоящее время расширено, иной разъ, до предѣловъ цѣлой жизни человѣка и тѣмъ не менѣе несомнѣнно сознается, какъ настоящее (потому что разница между „онъ заикается", „онъ въ дѣтствѣ заикался" и „этотъ ребенокъ будетъ заикаться" все-таки остается), такъ въ сочетаніяхъ типа: „водородъ сое-

Расширенное настоящее.

диняется съ кислородомъ" настоящее время расширено до предѣловъ жизни и опыта всего человѣчества. Въ сущности, и другія времена могутъ употребляться въ такомъ же смыслѣ, какъ показываютъ такія пословицы, какъ: „нашъ пострѣлъ вездѣ поспѣлъ", „поспѣшишь — людей насмѣшишь" и т. д. И на пословицахъ какъ разъ лучше всего видно, что каждое время сохраняетъ при этомъ свое основное значеніе: вѣдь не все равно, сказать: „поспѣшилъ — людей насмѣшилъ", „спѣшишь — людей смѣшишь" или „поспѣшишь — людей насмѣшишь", хотя съ логической стороны всѣ три такія поговорки выражали бы совершенно одно и то же. Именно логическая сторона такихъ выраженій и заслоняетъ отъ насъ, повидимому, форму настоящаго времени. Въ такихъ же выраженіяхъ, какъ: „водородъ легко соединяется съ кислородомъ" сюда присоединяется еще и научное содержаніе ихъ (понятіе закономѣрности явленій природы, вѣчности матеріи и т. д.), совершенно несовмѣстимое со значеніемъ настоящаго времени, но, конечно, ужъ совершенно не касающееся грамматики.

Значеніе формъ наклоненій.

Чтобы уяснить себѣ значеніе формы **наклоненія** надо припомнить, что въ сказуемомъ устанавливается извѣстное соотношеніе или связь между 2-мя основными членами нашей мысли (психол. подлежащимъ и психол. сказуемымъ). Эту связь говорящій можетъ представлять себѣ по разному. Прежде всего, онъ можетъ представлять себѣ ее, какъ нѣчто реальное, т.-е. думать, что наблюдаемые имъ предметы и явленія фактически связаны въ природѣ тѣми самыми отношеніями, которыя онъ открываетъ въ своей мысли. Говоря, напр.: „нужда скачетъ", я убѣжденъ, что связь между „скаканіемъ" и „нуждой" существуетъ не только въ моей мысли, въ моемъ мозгу, но и въ дѣйствительности, что я высказалъ только то, что фактически людьми наблюдалось. Это, конечно, самый привычный для насъ способъ представленія. Но рядомъ съ нимъ существуетъ и другой, когда я эту связь представляю себѣ только, какъ нѣчто воображаемое, т.-е. сознаю, что на самомъ дѣлѣ этой связи между предметами и явленіями нѣтъ, а я только представляю ее себѣ, только мыслю ее. Это бываетъ тогда, когда я говорю: „нужда скакала бы" или обращаясь къ „нуждѣ", говорю: „скачи!" Въ обоихъ этихъ случаяхъ я убѣжденъ, что „нужда" фактически не скачетъ (потому что иначе незачѣмъ мнѣ было предполагать ея скаканія или приказывать ей скакать) и что, значитъ, я соединяю въ своей мысли то, что на самомъ дѣлѣ не соединено. Въ этомъ и состоитъ значеніе 2-хъ главныхъ разрядовъ наклоненій: прямого (или такъ назыв. изъявительнаго) и

косвенныхъ наклоненій. Въ косвенныхъ наклоненіяхъ могутъ въ свою очередь различаться другіе оттѣнки. Если я представляю себѣ то, чего нѣтъ, то я могу дѣлать это или потому, что мнѣ представляется, что такъ могло бы быть, или потому, что мнѣ хочется, чтобы такъ было (независимо отъ того, возможно это или нѣтъ), или потому, что по моимъ представленіямъ это должно бы быть, т.-е. имѣется и желаніе съ моей стороны, и возможность. Первому случаю соотвѣтствуетъ форма сослагательнаго наклоненія, второму — желательнаго (существовало въ древне-греческомъ, древне-индійскомъ, нынѣ существуетъ въ литовскомъ и др. языкахъ), третьему — повелительнаго наклоненія. Въ русскомъ языкѣ имѣются только 2 изъ этихъ формъ, сослагательная (состоящая изъ формы прошедшаго времени и передвижной формальной части „бы"—„читалъ бы") и повелительная. Первая, смотря по связи, можетъ выражать оттѣнки:

1) простой возможности независимо отъ тѣхъ или иныхъ условій, напр.:

Кто бы намъ сказалъ про старое,
Про старое, про бывалое...? (былина объ Ильѣ Мур.)

Да развѣ найдутся на свѣтѣ такіе огни и муки и сила такая, которая бы пересилила русскую силу?! (Гог.)

Дѣйствительно, Кити таила отъ матери свои новые взгляды и чувства... Она всякому открыла бы ихъ скорѣе, чѣмъ матери. (Л. Толст.)

Онъ чувствовалъ, что это независимое положеніе человѣка, который все бы могъ, но ничего не хочетъ, уже начинаетъ сглаживаться, что многіе начинаютъ думать, что онъ ничего бы и не могъ... (Л. Толст.)

„Тѣмъ хуже для тебя", говорилъ онъ мысленно, какъ человѣкъ, который бы тщетно попытался потушить пожаръ, разсердился бы на свои тщетныя усилія и сказалъ бы: „такъ на же тебѣ, такъ сгоришь за это!" (Л. Толст.)

... не знаю никого, кто такъ любилъ бы мгновенія, какъ я. (Бальм.)

2) возможности условной, т.-е. зависящей отъ условія, выражаемаго обычно условнымъ придаточнымъ предложеніемъ съ союзами „если бы", „когда бы" и т. д.:

Словомъ, если бы Чичиковъ встрѣтилъ его такъ принаряженнаго гдѣ-нибудь у церковныхъ дверей, то далъ бы ему мѣдный грошъ... (Гог.)

„Когда бы вверхъ могла поднять ты рыло,
Тебѣ бы видно было,
Что эти жолуди на мнѣ растутъ". (Крыл.)
(другіе примѣры см. при условн. союзахъ)

3) самаго условія, что бываетъ сравнительно рѣдко, такъ какъ условіе, какъ только что сказано, обычно выражается условными союзами:

„Убилъ бы онъ меня, убилъ бы его, — я все бы перенесла, я все бы простила...“ (Л. Толст.)

Былъ бы снѣгъ — онъ давно бъ растаялъ,
Были бъ лебеди — они бъ улетѣли... (Пушк., Пѣсн. зап. слав.)

4) желанія, которое иногда, по отношенію ко 2-му или 3-му лицу, пріобрѣтаетъ характеръ совѣта:

„Но какъ же она прошла черезъ это? Какъ бы я желала знать весь ея романъ!“ (Л. Толст.)

„Ахъ, не слушалъ бы!“ мрачно проговорилъ князь, вставая съ кресла и какъ бы желая уйти... (Л. Толст.)

„Какъ я люблю ваше Покровское“, сказалъ онъ, прерывая разговоръ:„ такъ бы всю жизнь и сидѣлъ тутъ на террасѣ“. (Л. Толст.)

Что рубль, что пятакъ — для него теперь все равно, были бы только сѣдоки... (Чеховъ, „Тоска“.)

Иногда Антипка что-то сомнителенъ покажется: пьянъ не пьянъ, а какъ-то дико смотритъ: бѣды бы не было... (Гонч.)

„Если лѣнь колокольчикъ поправить, такъ, по крайней мѣрѣ, въ прихожей бы сидѣлъ, когда стучатся...“ (Дост.)

„...только напрасно они этакъ на юру стоятъ—сошли бы въ лощину“. (Тург.)

„Вы бы чего-нибудь покушали, Пульхерія Ивановна!“ (Гог.)

„Вы бы написали, сударь, къ хозяину“, сказалъ Захаръ; „такъ, можетъ, быть, онъ бы васъ не тронулъ... (Гонч.)

5) цѣли (очень рѣдко, потому что всегда употребляется спеціальный союзъ цѣли: „чтобы“):

.... приказалъ собрать совѣтъ,
Въ которомъ всякій бы, хоть слогомъ не кудрявымъ,
Но съ толкомъ лишь согласно здравымъ,
Свое представилъ „да“ иль „нѣтъ“... (Крыл.)

Повелительная форма можетъ выражать простое побужденіе:

„Ну, что? Ну, разсказывайте: что и какъ тамъ?“ (Гог.)

просьбу:

„... если случится муки брать ржаной или гречневой, или крупъ, или скотины битой, такъ ужъ, пожалуйста, не обидь меня“. (Гог.)

мольбу:

„Спасите меня! Возьмите меня! Дайте мнѣ тройку быстрыхъ, какъ вихрь коней!.. Матушка, спаси твоего бѣднаго сына!“ (Гог.)

позволеніе:

„. . . По шкуркѣ, такъ и быть, возьмите;
А больше ихъ не троньте волоскомъ“. (Крыл.)

увѣщаніе:

„Не плачь, дитя, не плачь напрасно...“ (Лерм.)

приказаніе:

„Ну, ребята“, сказалъ комендантъ: „теперь отворяй ворота, бей въ барабанъ...“ (Пушк.)

и т. д.

Итакъ: **форма наклоненія выражаетъ отношеніе говорящаго къ той связи, которую онъ устанавливаетъ между подлежащимъ и сказуемымъ**. Форма **изъявительнаго** наклоненія показываетъ, что онъ считаетъ эту связь **существующей на самомъ дѣлѣ;** форма **сослагательнаго**—что онъ считаетъ ее **не существующей на самомъ дѣлѣ, но могущей существовать;** форма **повелительнаго**—что онъ считаетъ ее **не существующей на самомъ дѣлѣ, но долженствующей существовать**.

Изъявительное наклоненіе, какъ отрицательное.

Въ сущности, особые оттѣнки наклоненій заключены только въ косвенныхъ наклоненіяхъ. Вѣдь изъявит. наклоненіе выражаетъ только реальность, а человѣку, по самой его природѣ, свойственно вѣрить въ реальность своихъ сужденій. Поэтому въ языкахъ никогда не могла бы выработаться сама по себѣ особая форма для выраженія реальности. Она сознается только по сравненію съ формами нереальности, т.-е. съ формами косвенныхъ наклоненій. Форма „скачетъ“ не выражаетъ сама по себѣ никакой особой „всамдѣлишности“ или доподлинности. „Скачетъ“ — это дѣйствіе просто, дѣйствіе, не осложненное никакимъ особымъ оттѣнкомъ наклоненія, подобно тому какъ именительный падежъ обозначаетъ предметъ просто, безъ оттѣнка падежности. Напротивъ, въ формахъ: „скакалъ бы“ и „скачи!“ явно выступаютъ особые оттѣнки (возможности, просьбы, приказанія и т. д.). И такъ какъ всѣ эти оттѣнки, вмѣстѣ взятые, обозначаютъ нереальность дѣйствія, то, по сравненію съ ними, въ формѣ „скачетъ“ создается особый оттѣнокъ реальности, т.-е. изъявительнаго наклоненія. Нужно вообще помнить, что въ языкѣ все сознается сравнительно, и потому въ немъ чрезвычайно много отрицательныхъ категорій. Именительный падежъ есть, въ сущности, отрицательный падежъ, изъявительное наклоненіе — отрицательное наклоненіе. Подобнымъ же образомъ и средній родъ, напр., обозначаетъ, конечно, не нѣчто среднее между мужскимъ и женскимъ, а нѣчто отрицательное, ни мужское, ни женское, что не помѣшало ему составить особую и очень характерную грамматическую категорію.

Неопредѣленное „наклоненіе".

Послѣ всего сказаннаго о наклоненіи читателю должно быть ясно, почему такъ назыв. „неопредѣленное наклоненіе" никакъ не можетъ быть отнесено къ наклоненіямъ. Вѣдь въ немъ не только не выражено никакого особаго оттѣнка въ той связи, которая устанавливается между подлежащимъ и сказуемымъ, но и сама связь-то даже не выражена: оно, какъ мы уже знаемъ, обозначаетъ дѣйствіе, о т о р в а н н о е отъ своего дѣятеля.

Формы времени и наклоненія имѣютъ нѣкоторыя особенности по сравненію съ другими синтаксическими формами. Прежде всего, какъ мы уже видѣли, онѣ не связаны синтаксически съ другими формами и словами (см. стр. 31), а употребляются, подобно словообразовательнымъ формамъ, болѣе или менѣе самостоятельно. Единственная синтаксическая зависимость, какую онѣ знаютъ,—это зависимость времени придаточнаго предложенія отъ времени главнаго (такъ наз. „послѣдовательность временъ") и зависимость наклоненія придаточнаго предложенія отъ союза (оба явленія не развиты въ русскомъ языкѣ). Но, съ другой стороны, они н е в н о с я т ъ н и к а к о г о о т т ѣ н к а в ъ в е щ е с т в е н н о е з н а ч е н і е слова, какъ это свойственно словообразовательнымъ формамъ. Въ формахъ: „стучитъ", „стучалъ", „будетъ стучать", „стучалъ бы" и „стучи" изображенъ, несомнѣнно, с о в е р ш е н н о о д и н а к о в ы й с т у к ъ, что особенно ясно, если сопоставить ихъ со словообразовательными формами вида („стучитъ" — —„постукиваетъ"—„стукнетъ"—„постучитъ") и залога („стучитъ" — „стучится"), гдѣ стукъ въ каждой формѣ разный. Такимъ образомъ, время и наклоненіе не имѣютъ, въ сущности, ни характерныхъ синтаксическихъ, ни характерныхъ словообразовательныхъ признаковъ, это формы, стоящія какъ бы в н ѣ обѣихъ этихъ категорій. Тѣмъ не менѣе въ г л а г о л ѣ время и наклоненіе должны быть признаны все-таки г л а в н ы м и с и н т а к с и ч е с к и м и ф о р м а м и, потому что онѣ создаютъ **глагольность** (см. стр. 53) и тѣмъ создаютъ главнѣйшій членъ предложенія — **сказуемое**. Въ этомъ и заключается ихъ синтаксическое значеніе. И если ихъ сравнить съ остальными синтаксическими формами глагола (лицомъ, числомъ и родомъ), то имъ придется приписать даже основную, творческую роль въ процессѣ грамматическаго мышленія, а остальнымъ лишь служебную. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время какъ время и наклоненіе, создавая д ѣ й с т в і е, создаютъ тѣмъ самымъ самую в о з м о ж н о с т ь грамматическаго выраженія мысли человѣческой (потому что мысль наша грамматически

Формы времени и наклоненія, какъ синтаксическія.

выражается, какъ мы видѣли, только, какъ дѣйствіе), формы лица, числа и рода прикрѣпляютъ только данное дѣйствіе (уже созданное формами времени и наклоненія), къ данному дѣйствующему предмету; онѣ распредѣляютъ, такъ сказать, силы по мѣстамъ, заботятся, чтобы каждая была приложена въ той точкѣ, въ какой нужно, но не создаютъ самыхъ силъ.

Послѣдовательность временъ.

Синтаксическая зависимость формы времени отъ сосѣднихъ формъ наблюдается въ русскомъ языкѣ только въ одномъ случаѣ: въ сочетаніяхъ типа: „онъ говорилъ, что уѣзжаетъ безъ копейки", „онъ думалъ, что знаетъ наизусть", „онъ будетъ отговариваться тѣмъ, что не знаетъ дороги" и т. д. Здѣсь настоящее время употреблено не самостоятельно, а только для выраженія одновременности дѣйствія придаточнаго предложенія съ дѣйствіемъ главнаго. Въ тѣхъ же сочетаніяхъ возможно и прошедшее время („онъ говорилъ, что уѣзжалъ безъ копейки", „онъ будетъ отговариваться тѣмъ, что не зналъ дороги") и будущее („онъ говорилъ, что будетъ уѣзжать безъ копейки"), и въ этихъ случаяхъ тоже форма времени не будетъ имѣть самостоятельнаго значенія, а будетъ обозначать только отношеніе времени дѣйствія придаточнаго предложенія ко времени дѣйствія главнаго. Яснѣе всего это будетъ, если сопоставимъ одну и ту же фразу поочередно въ трехъ видахъ, съ каждымъ изъ 3-хъ временъ. „Онъ говорилъ, что уѣзжалъ безъ копейки" можетъ обозначать только прежнія его поѣздки, бывшія до разговора, т.-е. прошедшее время указываетъ здѣсь на то, что дѣйствіе придаточнаго („уѣзжалъ") предшествуетъ дѣйствію главнаго („говорилъ"). Если мы хотимъ выразить, что онъ въ моментъ самаго отъѣзда говорилъ намъ о своемъ безденежьи, то мы непремѣнно должны сказать: „онъ говорилъ, что уѣзжаетъ безъ копейки", хотя настоящее время здѣсь само по себѣ безсмысленно (вѣдь онъ уже уѣхалъ). Это настоящее время обозначаетъ только одновременность дѣйствія придаточнаго съ дѣйствіемъ главнаго. Наконецъ, „онъ говорилъ, что будетъ уѣзжать безъ копейки", обозначаетъ только то, что отъѣздъ будетъ послѣ разговора, т.-е. дѣйствіе придаточнаго послѣ дѣйствія главнаго; для данной же рѣчи это будущее можетъ быть уже не будущимъ, а прошедшимъ („онъ говорилъ, что будетъ уѣзжать безъ копейки, а уѣхалъ съ кутежомъ на вокзалѣ"). Это наша русская послѣдовательность временъ. Подробнѣе о томъ же см. въ „косв. рѣчи"

Реальная сторона въ формахъ времени и наклоненія.

Близость формъ времени и наклоненія къ слообразовательнымъ формамъ сказывается въ томъ, что онѣ имѣютъ болѣе реальный смыслъ, чѣмъ обычныя синтаксическія формы. Синтаксическія формы, вообще, обозначаютъ чисто внутреннія различія, различія въ самой нашей мысли, а не во внѣшней обстановкѣ. Разница между „столъ" и „стола" не дана во

внѣшнемъ опытѣ, ее нельзя извлечь изъ наблюденія надъ столомъ. Напротивъ, разница между „столъ“ и „столы“ дана во внѣшнемъ опытѣ, это результатъ наблюденія, это имѣетъ реальную основу. Формы времени и наклоненія стоятъ въ этомъ отношеніи по серединѣ между тѣмъ и другимъ. Онѣ не имѣютъ прямого реальнаго смысла, какъ словообразовательныя формы, но онѣ ближе соприкасаются съ обстановкой рѣчи, чѣмъ синтаксическія формы. Если человѣкъ говоритъ „пишу“, то мы знаемъ, что онъ дѣлаетъ въ моментъ рѣчи, если же онъ говоритъ „писалъ“ или „буду писать“, то мы знаемъ, что въ моментъ рѣчи онъ этого не дѣлаетъ. Точно такъ же формы „писалъ бы“ и „пиши“ показываютъ, что дѣйствіе не совершается на самомъ дѣлѣ, а форма „пишешь“—что оно совершается. Форма „пиши!“ кромѣ того указываетъ обычно на присутствіе того лица, къ которому обращаются съ рѣчью. Такимъ образомъ, въ формахъ времени и наклоненія всегда есть указаніе на дѣйствительность или, по крайней мѣрѣ, тѣсное соприкосновеніе съ ней. Этимъ объясняется важный фактъ въ употребленіи временъ и наклоненій—такъ называемая замѣна ихъ, невозможная для другихъ синтаксическихъ формъ. Вездѣ, гдѣ формальное значеніе входитъ въ непосредственную связь съ дѣйствительностью, возможно противорѣчіе между тѣмъ и другой. Какъ въ словахъ: „лежитъ“, „лѣнится“, „бѣлѣется“ нѣчто бездѣятельное изображено, какъ дѣйствіе, какъ въ вѣжливомъ обращеніи на „вы“ нѣчто единичное изображено, какъ множественное, а въ словахъ: „соснякъ“, „березнякъ“ и т. д., наоборотъ, множественное, какъ единичное, какъ въ словахъ: „воевода“, „судья“ и т. д. мужское изображено, какъ женское, такъ и въ формахъ времени прошлое можетъ быть изображено, какъ настоящее (иду я вчера по Невскому и вижу...), будущее, какъ настоящее (завтра я рѣшительно уѣзжаю), въ формахъ наклоненія предположеніе, какъ приказаніе: „скажи онъ прямо, я бы согласился“, и т. д. Въ этихъ-то случаяхъ и говорятъ о „замѣнѣ“ прошедшаго времени настоящимъ, сослагательнаго наклоненія повелительнымъ и т. д. Подробному разсмотрѣнію этого рода фактовъ не мѣсто въ настоящемъ очеркѣ. Но мы должны указать, что сущность явленія и тутъ заключается въ противорѣчіи между формой и содержаніемъ: то или другое время или наклоненіе переносятся въ неподходящую для него обстановку, не теряя отъ этого своего основного значенія или, по крайней мѣрѣ, того или другого оттѣнка этого значенія.

Значеніе формы лица.

Для пониманія формы лица надо, прежде всего, имѣть въ виду, что рѣчь есть по существу и происхожденію своему процессъ взаимный, что рѣчь есть разговоръ. А во всякомъ разговорѣ мы можемъ различать всегда: лицо говорящее въ данный моментъ (первое лицо рѣчи), лицо слуша-

ющее (второе лицо рѣчи) и лицо или предметъ, о которомъ говорятъ (третье лицо рѣчи). Понятно, что и психологическое подлежащее у говорящаго можетъ быть троякое онъ можетъ исходить въ мысли отъ представленія о себѣ самомъ, отъ представленія о своемъ слушателѣ и, наконецъ, отъ представленія о томъ предметѣ, о которомъ онъ говоритъ. А соотвѣтственно этому и грамматическое подлежащее бываетъ 3-хъ лицъ: 1-го, 2-го и 3-го. Разница между этими 3-мя видами подлежащаго не грамматическая, а чисто-словарная. Въ русскомъ языкѣ, напр., существуетъ одно существительное для обозначенія подлежащаго 1-го лица („я"), одно для 2-го лица („ты"), всѣ же остальныя существительныя русскаго языка являются подлежащими 3-го лица. Форма лица въ глаголѣ и указываетъ на отношеніе сказуемаго къ одному изъ этихъ 3-хъ видовъ подлежащаго.

числа и рода.

Подобнымъ же образомъ форма числа въ глаголѣ обозначаетъ отношеніе сказуемаго къ подлежащему того или другого числа, а форма рода (въ прошедшемъ времени и сослагат. наклоненіи) — къ подлежащему того или другого рода.

XIII.

Согласованіе сказуемаго съ подлежащимъ.

Понятіе о согласованіи вообще.

Формы лица, числа и рода глагола называются формами согласованія сказуемаго съ подлежащимъ, такъ какъ при помощи ихъ, сказуемое, какъ мы только что видѣли, уподобляется въ этихъ своихъ синтаксическихъ формахъ подлежащему. А **всякое уподобленіе одного слова другому, создаваемое синтаксическими формами,** называется въ синтаксисѣ **согласованіемъ**.

Съ согласованіемъ не слѣдуетъ смѣшивать случайнаго, съ синтаксической точки зрѣнія, уподобленія одного слова другому, т.-е. уподобленія, создаваемаго не синтаксическимъ строемъ фразы, а вещественнымъ ея содержаніемъ. Если я, напр., говорю: „быку отрубили голову", но: „быкамъ отрубили головы", то здѣсь сходство въ числѣ между выдѣленными словами объясняется не синтаксическими причинами, а только тѣмъ, что по природѣ у одного быка — одна голова, а у нѣсколькихъ — нѣсколько. Что синтаксисъ тутъ не

при чемъ, ясно видно, напр., изъ фразы: „Геркулесъ отрубилъ Лернейской гидрѣ всѣ ея головы". Точно такъ же въ сочетаніи „онъ былъ офицеромъ" мы находимъ, на первый взглядъ, обязательное сходство въ числѣ и родѣ между словами „онъ" и „офицеромъ": вѣдь нельзя сказать: „онъ былъ офицерами" или „офицершей". Этотъ случай во всѣхъ школьныхъ грамматикахъ и толкуется, какъ случай согласованія въ числѣ и родѣ. На самомъ дѣлѣ, и здѣсь все зависитъ только отъ того реальнаго смысла, который мы вкладываемъ въ слова „офицеръ" и „офицерша". Подставляя другія слова, съ другимъ реальнымъ смысломъ, мы получаемъ вполнѣ употребительныя сочетанія: „онъ былъ стѣнами, защитившими насъ отъ врага", „на судѣ онъ оказался всѣми тѣми подставными лицами, которыми пользовалась компанія", „они были намъ помѣхой", „она была врачомъ, инженеромъ", „онъ былъ ей матерью" и т. д. Даже и въ словѣ „офицеръ" можетъ не быть согласованія, если мы вложимъ во фразу другой реальный смыслъ. Если кто-нибудь игралъ въ одной и той же пьесѣ поперемѣнно двѣ роли и въ обѣихъ изображалъ офицеровъ, то можно сказать, что „онъ былъ въ этой пьесѣ обоими офицерами", а если онъ игралъ офицершу, — что „онъ былъ офицершей". Ясно, что синтаксисъ русскаго языка допускаетъ здѣсь сочетаніе разныхъ чиселъ и родовъ; значитъ, сходство этихъ формъ въ сочетаніи: „онъ былъ офицеромъ" случайное, не синтаксическое, т.-е не есть согласованіе. Нетрудно замѣтить, что синтаксическое сходство создается только синтаксическими формами, и въ словѣ „офицеръ" согласованія въ числѣ и родѣ потому и не можетъ быть, что формы числа и рода у существительныхъ — несинтаксическія.

Особенности согласованія сказуемаго съ подлежащимъ.

Всякое уподобленіе предполагаетъ извѣстную подчиненность уподобляющагося слова тому, которому оно уподобляется. Впослѣдствіи мы увидимъ, что эта подчиненность въ нѣкоторыхъ случаяхъ согласованія (напр., въ прилагательныхъ) выступаетъ очень рѣзко. Въ согласованіи же сказуемаго съ подлежащимъ она, соотвѣтственно вѣсу и значенію сказуемаго, едва замѣтна. Нѣкоторые даже называютъ ее мнимой, а само согласованіе сказуемаго съ подлежащимъ — согласованіемъ на равныхъ правахъ. Психологически это, несомнѣнно, такъ. Въ сочетаніи: „онъ идетъ" оба слова кажутся намъ одинаково подходящими другъ къ другу, какъ бы согласующимися другъ съ другомъ, и въ школѣ, напр., по нашему

личному опыту, представленія учениковъ о связи между этими словами всегда различны: въ то время, какъ одна часть класса высказывается за то, что „идетъ“ зависитъ отъ „онъ“, другая заявляетъ, что „онъ“ зависитъ отъ „идетъ“. Съ другой стороны, внѣшняя зависимость слова „идетъ“ отъ слова „онъ“ несомнѣнна: глаголъ измѣняется по лицамъ и числамъ, а существительное по лицамъ совсѣмъ не измѣняется, а по числамъ тоже далеко не всегда (несинтаксическая форма). А понятно, что только измѣнчивая форма можетъ уподобляться неизмѣнчивой, а не наоборотъ. Однако и съ чисто-внѣшней стороны въ согласованіи сказуемаго съ подлежащимъ есть признаки особой самостоятельности сказуемаго, и на нихъ-то намъ и надо остановиться.

Самостоятельность формы лица.

Наиболѣе самостоятельна форма лица въ глаголѣ и особенно 1-го и 2-го лица. Это видно изъ того, что формы эти нерѣдко употребляются и безъ подлежащаго (т.-е. безъ словъ: „я“, „ты“, „мы“, „вы“), напр.:

Люблю тебя, Петра творенье;
Люблю твой строгій стройный видъ... (Пушк.)

Люблю тебя, законченность сонета... (Бальм.)

Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ... (Пушк.)

Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой. (Пушк.)

Хочу быть гордымъ, хочу быть смѣлымъ... (Бальм.)

Пусть будетъ завтра и мракъ и холодъ,
Сегодня сердце отдамъ лучу! (Бальм.)

Пріемлю боль—какъ благостыню,
Благословляю бытіе... (Бальм.)

Ты ждешь меня у двери, посохъ!
Иду! иду! со мной— никто! (Брюс.)

„Повѣришь ли? ну, право, былъ онъ съ гору“. (Крыл.)

„Вонъ, видишь ли черезъ рѣку тотъ мостъ,
Куда намъ путь лежитъ?..“ (Крыл.)

„Зимой, бывало, въ ночь глухую
Заложимъ тройку удалую,
Поемъ и свищемъ и стрѣлой
Летимъ надъ снѣжной глубиной“. (Пушк.)

„Шумимъ, братецъ, шумимъ“. (Грибоѣд.)

„Избаловали мошенниковъ! Увидите, они еще съ васъ возьмутъ на водку“. (Лермон.)

„Преглупый народъ!“ отвѣчалъ онъ. „Повѣрите ли? Ничего не умѣютъ...“ (Лерм.)

Всѣ эти предложенія не производятъ впечатлѣнія обычныхъ неполныхъ предложеній. Во многихъ изъ приведенныхъ при-

мѣровъ читатель, знавшій ихъ раньше, вѣроятно, впервые замѣтитъ, что не хватаетъ словъ „я", „ты" и т. д. Самое большее, если мы замѣтимъ здѣсь нѣкоторую энергичность, быстроту или взволнованность рѣчи, но именно съ этой-то точки зрѣнія слова: „я", „ты", „мы" и „вы" оказываются прямо неумѣстными: вставляя ихъ, мы получимъ рѣчь болѣе вялую, разжиженную, но никакъ не болѣе ясную. Еще чаще отсутствуетъ подлежащее при повелительномъ наклоненіи, и здѣсь это уже составляетъ правило. Мы не говоримъ: „ты уйди!", „ты отстань!", „вы садитесь!" и т. д., а всегда: „уйди!", „отстань!", „садитесь!" и т. д. Если здѣсь и встрѣчаются личныя слова, то только въ двухъ случаяхъ: 1) когда подлежащія разныхъ лицъ противополагаются другъ другу (и въ этомъ случаѣ они небходимы, конечно, и при всякомъ наклоненіи, не только повелительномъ), напр.:

„**Ты** съ басомъ, Мишенька, садись противъ альта,
Я, прима, сяду противъ вторы..." (Крыл.)

и 2) когда говорящій желаетъ придать смягчающій оттѣнокъ своему приказанію, приблизить его къ увѣщанію, напр.:

„**Ты** постой, постой", сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, улыбаясь и трогая его руку...

„**Ты** мнѣ скажи откровенно", продолжалъ онъ, доставъ сигару и держась одной рукой за бокалъ, „**ты** мнѣ дай совѣтъ"...

...„Да, но безъ шутокъ", продолжалъ Облонскій, „**ты** пойми"... (Л. Толстой).

„Да **вы** попробуйте, да потомъ, скажите... **Вы** только попробуйте: этотъ кусокъ—тотъ же городничій". (Гог.)

Все это касается лишь первыхъ 2-хъ лицъ. Въ отличіе отъ нихъ, пропускъ подлежащаго въ 3-мъ лицѣ создаетъ явно неполное предложеніе, напр.:

Идетъ... ему коня подводятъ. (Пушк.)
Глядитъ, ужъ въ комнатѣ свѣтло... (Пушк.)

...Быстро съ ней
Вертится около гостей,
Потомъ на стулъ ее сажаетъ,
Заводитъ рѣчь о томъ, о семъ... (Пушк.)

Проказы женскія кляня,
Выходитъ, требуетъ коня
И скачетъ... (Пушк.)

Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы ясно сознаемъ, что подлежащее опущено, и передъ человѣкомъ, не знающимъ предыдущаго, ясно встаетъ вопросъ „кто?" Въ третьемъ лицѣ множе-

ственнаго числа связь съ предыдущей рѣчью еще болѣе тѣсна, потому что, лишенная подлежащаго и оторванная отъ предыдущаго, форма эта можетъ быть понята безлично. Такъ, предложенія:

Что такъ жалобно поютъ?
Домового ли хоронятъ?
Вѣдьму ль замужъ выдаютъ? (Пушк.)

„Куда глядятъ? Чего хотятъ?“ (Майк.)

„...придерутся
Къ тому, къ сему, а чаще ни къ чему,
Поспорятъ, пошумятъ и... разойдутся“. (Гриб.)

могутъ быть приняты только или за неполныя, или за особаго рода безличныя (съ неопредѣленнымъ множественнымъ подлежащимъ), и человѣкомъ, не знающимъ предыдущаго, скорѣе всего будутъ приняты именно за послѣднія.

Разница эта между первыми 2-мя лицами и 3-мъ лицомъ объясняется тѣмъ, что при первыхъ двухъ лицахъ въ качествѣ подлежащаго возможны только слова „я“, „ты“, „мы“ и „вы“. Особенность же этихъ словъ заключается въ томъ, что все ихъ вещественное значеніе *) сводится къ понятію лица рѣчи, почему ихъ и называютъ личными словами. Если отбросить, напр., въ словѣ „я“ то, что это предметъ (потому что предметность создается вѣдь не вещественнымъ значеніемъ, а формальнымъ, именно тѣмъ, что это имя существительное), то останется въ качествѣ вещественнаго значенія только одно указаніе на 1-е лицо рѣчи, т.-е. на лицо говорящее. Но вѣдь такое же указаніе, только несамостоятельное, имѣется, въ сущности, и въ глагольной формѣ 1-го лица (иду). Такимъ образомъ, вещественное значеніе этихъ словъ совпадаетъ съ формальнымъ значеніемъ глаголовъ въ формахъ лица. Понятно, что одно можетъ замѣнять другое. Если въ сочетаніи „**я иду**“ дважды выражено одно и то же, то понятно, что одинъ изъ этихъ личныхъ элементовъ можетъ отпасть, не оставивъ на своемъ мѣстѣ существеннаго пробѣла. Напротивъ, въ 3-мъ лицѣ подлежащимъ можетъ быть не только личное слово „онъ“, но и тысячи другихъ словъ со всевозможными значеніями. Понятно, что ощущеніе такого слова сознается, какъ пропускъ чего-то важнаго.

Неударяемыя личныя слова въ русскомъ языкѣ.

Впрочемъ, и въ первыхъ 2-хъ лицахъ подлежащее все же большею частью употребляется, несмотря на свою не-

*) Собственно, „я“ — слово безформенное. Но, такъ какъ оно соотносительно съ „меня“, „мнѣ“, „мною“, то и въ немъ тоже сознается распаденіе значенія на вещественное и формальное. Тоже относится и къ „ты“ и „мы“.

нужность. Это бываетъ не только при спокойномъ тонѣ рѣчи, когда въ наличности подлежащаго можно было бы усмотрѣть именно оттѣнокъ спокойствія, но и въ случаяхъ противоположнаго характера, напр.:

Я умру! На позоръ палачамъ
Беззащитное тѣло отдамъ! (Полеж.)

Я живу слишкомъ быстрой жизнью и не знаю никого, кто такъ любилъ бы мгновенія, какъ я. Я иду, я иду, я ухожу, я мѣняю, и измѣняюсь самъ. (Бальм.)

Я хочу порвать лазурь
Успокоенныхъ мечтаній.
Я хочу горящихъ зданій,
Я хочу кричащихъ бурь! (Бальм.)

Я буду счастливъ, я буду молодъ,
Я буду дерзокъ, я такъ хочу! (Бальм.)

„Ты хочешь знать, что видѣлъ я
На волѣ?“ (Лерм.)

„Ужъ мы пойдемъ ломить стѣною,
Ужъ постоимъ мы головою
За родину свою!“ (Лерм.)

О чемъ шумите вы, народные витіи?
Зачѣмъ анаѳемой грозите вы Россіи? (Пушк.)

Вообще, присутствіе личныхъ словъ можно разсматривать въ русскомъ языкѣ, какъ норму, а отсутствіе ихъ, какъ отступленіе отъ нормы, имѣющее всякій разъ свои причины и свой смыслъ. Съ этой точки зрѣнія, предложенія типа: „люблю тебя, Петра творенье“ приходится, очевидно, признать все-таки неполными. Въ другихъ языкахъ, имѣющихъ глагольныя формы лица (лат., древне-греч. и др.), личныя слова употребляются только при особомъ ударе́ніи на нихъ (т.-е. въ случаяхъ, какъ: „ты съ басомъ, Мишенька, садись противъ альта, я, прима, сяду противъ вторы“). Такимъ образомъ, употребленіе неударяемыхъ личныхъ словъ составляетъ важную особенность русскаго языка. Явленіе это, по всей вѣроятности, стоитъ въ связи съ отсутствіемъ глагола въ такихъ сочетаніяхъ, какъ: „я дома“, „я добръ“, „ты здѣсь“, „ты богатъ“, „ты не въ духѣ“ и т. д. (см. гл. XXIV), а также съ отсутствіемъ формы лица въ нашемъ прошедшемъ времени (я читалъ — ты читалъ — онъ читалъ). Во всѣхъ этихъ сочетаніяхъ личныя слова необходимы, потому что иначе нельзя узнать лица. А изъ нихъ они могли перебраться и въ такія сочетанія, гдѣ они не нужны.

Самостоятельность формы числа въ глаголѣ.

Самостоятельность формы числа въ глаголѣ проявляется въ томъ, что глаголъ иногда не согласуется въ числѣ съ подлежащимъ. Именно, если подлежащее стоитъ въ единственномъ числѣ, а вещественное значеніе его рѣзко множественно, то сказуемое можетъ стоять во множественномъ числѣ. Такъ, мы говоримъ: „пять человѣкъ идутъ сюда“,

„шесть человѣкъ пришли“ и т. д., хотя слова „пять“, „шесть“ и т. д. по формѣ своей, собственно, существительныя единственнаго числа, какъ „кость“, „мякоть“, „пыль“ и т. д., и въ древне-русскомъ языкѣ еще сохраняли даже свой женскій родъ („о чомъ жо ты не искалъ... въ ту шесть лѣтъ“, „хлѣбъ дорогъ бысть... всю десять лѣтъ“, изъ „Матеріаловъ для словаря древне-русск. яз.“ И. И. Срезневскаго). Точно такъ же и „тысяча человѣкъ идутъ“, хотя „тысяча“ уже совершенно правильное существительное, имѣющее и родъ, и оба числа („тысяча“ и „тысячи“). Это такъ-наз. „согласованіе по смыслу“. Изрѣдка оно встрѣчается и при другихъ, не численныхъ подлежащихъ, напр.:

Вокругъ стоитъ стража, на плечахъ топорики держатъ. (Пушк.)

Большая часть въ немъ, правда, были волки. (Крыл.)

Большая часть встрѣчныхъ людей были слабы и вялы. (Дельв.)

Я совершенно не понимаю тѣхъ, кто, пострадавъ ночью въ лѣсу, начинаютъ вопить... („Русск. Сл.“ 1912 г. № 199, Яблоновскій.)

... подъ угрозами тѣхъ, кто еще недавно говорили со славянами тономъ небрежнаго приказанія... („Русск. Вѣдом.“ 1913 г. № 269, М. А. Осоргинъ.)

Въ древне-русскомъ яз. явленіе это было гораздо болѣе распространено. Такъ, въ лѣтописяхъ такія слова, какъ: „дружина“, „братія“, „народъ“, „множьство“, а также названія отдѣльныхъ народовъ („русь“, „чудь“, „меря“, „мурома“ и т. д.) почти всегда сочетаются со множественнымъ числомъ глагола (кѣдѣ суть дружина наша“, „дружина смѣятися начнуть“, „идуть русь“, „народъ двигнушася“=двинулись, „останокъ людей идоша“=шли и т. д.). То же и въ былинахъ (напр., въ былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ: „пришли къ нему нища братія“, „нища братія у Ильи спрашивали“ и т. д.), а отчасти и въ современномъ народномъ языкѣ. Сюда же относится и то множественное, которое ставится при нѣсколькихъ подлежащихъ, имѣющихъ каждое форму единственнаго числа („князь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ“, „однажды лебедь, ракъ да щука везти съ поклажей возъ взялись“) или даже при одномъ подлежащемъ, если дѣйствующихъ лицъ по смыслу все-таки нѣсколько („на солнышкѣ Полканъ съ Барбосомъ лежа грѣлись“, „повѣсть о томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“).

Иногда, наоборотъ, при множественномъ числѣ подлежащаго является единственное число сказуемаго. Это бываетъ при повелительномъ наклоненіи, напр.:

„Я затяну,—а вы не отставай!“ (Крыл.)

„Хорошо, углядѣли во-время—догнали, а не угляди мы?“ (Гл. Усп., тутъ же и несогласованіе въ лицѣ.)

Самостоятельность формы рода въ глаголѣ.

Наименьшей самостоятельностью изо всѣхъ 3-хъ формъ согласованія сказуемаго обладаетъ форма согласованія въ родѣ (въ прошедшемъ времени и сослаг. накл.). Нужно замѣтить, что форма согласованія въ родѣ для глагола вообще большая рѣдкость. Въ другихъ языкахъ такого согласованія почти не встрѣчается. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь измѣненіе въ родѣ это главный отличительный признакъ прилагательныхъ, настолько же важный для нихъ, какъ измѣненіе въ лицѣ для глаголовъ. И вотъ наше прошедшее время какъ разъ не имѣетъ лица (**я** читалъ, **ты** читалъ, **онъ** читалъ) и имѣетъ родъ (я читалъ, я читала, я читало). Объясняется это тѣмъ, что наше прошедшее время есть бывшее прилагательное. Въ древне-русскомъ языкѣ формы на **лъ, ла, ло** были особыми причастіями, употреблявшимися въ сочетаніи съ вспомогательнымъ глаголомъ „есмь“, такъ что получались составныя формы: „(язъ) есмь дѣлалъ“, „(ты) еси дѣлалъ“, „(онъ) есть дѣлалъ“, „(мы) есмъ дѣлали“, „(вы) есте дѣлали“, „(они) суть дѣлали“. Употреблялись и другія формы глагола „есмь“: „(язъ) быхъ дѣлалъ“, „бѣахъ дѣлалъ“, „буду дѣлалъ“. Несторова лѣтопись, напр., озаглавлена такъ: „Се повѣсти временьныхъ лѣтъ, откуду есть пошьла русьская земля, къто Кыевѣ поча пьрвѣе къняжити, и откуду русьская земля стала есть“. Владимиръ Мономахъ такъ разсказываетъ въ своемъ поученіи дѣтямъ о своей охотѣ на дикихъ лошадей: „А се въ Черниговѣ дѣялъ есмь: конь дикихъ своима рукама связалъ есмь въ пущахъ 10 и 20... а кромѣ того же по Роси ѣздяималъ есмь“. Смыслъ всѣхъ этихъ формъ, по крайней мѣрѣ въ древнѣйшую эпоху, былъ приблизительно таковъ, какъ если бы мы теперь сказали: „я—дѣлавшій“, „я былъ дѣлавшій“, „я былъ бы дѣлавшій“, „я буду дѣлавшій“. Само собой разумѣется, что вторая часть этихъ сочетаній должна была измѣняться по родамъ. Какъ теперь мужчина сказалъ бы о себѣ: „я—дѣлавшій“, а женщина: „я—дѣлавшая“, такъ и тогда мужчина говорилъ: „есмь дѣлалъ“, а женщина—„есмь дѣлала“. Мало-по-малу глаголъ „есмь“ утратился въ этихъ сочетаніяхъ (да и вообще исчезъ изъ русскаго языка), и такимъ образомъ получились современныя формы: „дѣлалъ“, „дѣлала“, „дѣлало“. При этомъ, ко-

нечно, и пониманіе этихъ формъ стало совсѣмъ другое. Для насъ теперь уже въ словѣ „дѣлалъ" нѣтъ почти ничего общаго съ прилагательнымъ или причастіемъ; мы сознаемъ здѣсь просто прошедшее время глагола, параллельное съ другими временами („дѣлалъ", „дѣлаю", „буду дѣлать"). Форма же рода пріобрѣла здѣсь для насъ совсѣмъ не то значеніе, что въ прилагательныхъ: изъ нея образовалась новая форма сказуемости. Объясняется это тѣмъ, что это наше единственное прошедшее время. Если бы сохранились наши другія прошедшія времена (см. стр. 29), то эта форма, измѣняясь по родамъ, рѣзко выдѣлялась бы среди нихъ, и напоминала бы, вѣроятно, прилагательное. Теперь же она совершенно порвала съ прилагательнымъ и оглаголилась. Но, конечно, отсутствіе формы лица все же остается и сказывается въ меньшей самостоятельности прошедшаго времени по сравненію съ настоящимъ и будущимъ, въ бо́льшей зависимости его отъ подлежащаго. Въ то время какъ настоящее и будущее времена въ формахъ 1-го и 2-го лица не нуждаются, какъ мы видѣли, въ подлежащемъ, форма прошедшаго времени, не имѣя лица, всегда нуждается въ немъ. Слова: „я" и „ты" здѣсь уже необходимы, и безъ нихъ предложеніе явно не полно. При словѣ „ушелъ" обязательно является вопросъ: „кто?", тогда какъ при словахъ: „уйду" или „уйдешь" этого вопроса не является. Но и въ этой формѣ согласованія можно усмотрѣть нѣкоторые признаки самостоятельности, именно въ случаяхъ все того же „согласованія по смыслу". При такихъ словахъ, какъ: „пьяница", „лакомка", „каналья", „проныра", „неряха" и т. д., сказуемое всегда согласуется въ родѣ „по смыслу", т.-е., въ сущности, не согласуется совсѣмъ, а стоитъ вполнѣ самостоятельно: про мужчину мы скажемъ: „пьяница пришелъ", а про женщину: „пьяница пришла", и перепутать родъ намъ здѣсь совершенно немыслимо. Не то въ прилагательномъ, гдѣ встрѣчаются такія выраженія, какъ: „онъ такая пьяница", „такая неряха", „большая лакомка", „большая каналья" и т. д. Въ народномъ и старинномъ языкѣ такое согласованіе прилагательнаго встрѣчается еще чаще, и тамъ даже такія слова, какъ: „дѣтина", „судья", „калика", обозначающія только мужчинъ, могутъ сочетаться съ женскимъ родомъ прилагательныхъ („дѣтинушка пріѣзжая", „калика перехожая", „судья праведная"). Во всѣхъ такихъ случаяхъ прилагательное, очевидно, вопреки смыслу,

рабски слѣдуетъ за формой существительнаго. Въ прошедшемъ же времени глагола такого согласованія даже въ былинахъ почти не встрѣчается, и это показываетъ, что здѣсь форма рода обладаетъ нѣкоторой самостоятельностью.

XIV.

Отношеніе подлежащаго и сказуемаго къ частямъ рѣчи.

Подлежащее-существительное.

Подлежащее, какъ мы видѣли, есть именительный падежъ существительнаго. Но такъ какъ всякое прилагательное можетъ быть употреблено въ смыслѣ существительнаго (см. стр. 58), то подлежащее можетъ быть выражено и именительнымъ падежомъ прилагательнаго, напр.:

Подлежащее-прилагательное.

„Не смѣйся, не смѣйся, батьку!“ сказалъ, наконецъ, старшій изъ нихъ. (Гог.)

„Вишь какой батько!“ подумалъ про себя... Остапъ: „все старый, собака, знаетъ, а еще притворяется“. (Гог.)

„Вишь ты“, сказалъ одинъ другому: „вонъ какое колесо! Что ты думаешь: доѣдетъ то колесо... въ Москву, или не доѣдетъ?“—„Доѣдетъ“, отвѣчалъ другой. (Гог.)

И молодые и старые какъ бы на перегонку косили... передніе захватили кафтаны на плечи и пошли... (Л. Толст.)

Подлежащее-причастіе.

А такъ какъ причастіе раздѣляетъ всѣ синтаксическія свойства прилагательнаго, то возможенъ и именительный падежъ причастія, напр.:

При мнѣ одинъ умирающій все жаловался на то, что не хотятъ дать ему погрызть каленыхъ орѣшковъ... (Тург.)

Но все-таки онъ и его окружающіе соблюдали свои давнишнія привычки. (Л. Толст.)

Форма средняго рода получаетъ въ этомъ случаѣ особый оттѣнокъ расширенія понятія (если только не опущено опредѣленное существительное средняго рода, взятое изъ предыдущей рѣчи):

Старое старится, молодое растетъ. (Посл.)

Божье крѣпко, а вражье лѣпко. (Посл.)

Прекрасное должно быть величаво. (Пушк.)

... И, дрогнувъ радостно отъ счастья возрожденья,
Тебя нежданное такъ ярко ослѣпитъ. (Бальм.)

Какое странное и манящее и несущее и чудесное въ словѣ: дорога! (Гог.)

Самое тяжелое и дурное въ его характерѣ... было позабыто Константиномъ Левинымъ... (Л. Толст.)

Здѣсь средній родъ сознается не на ряду съ мужскимъ и женскимъ, какъ ихъ отрицаніе, а какъ бы внѣ самой идеи пола: „старое", напр. не обозначаетъ: „ни старики, ни старухи", а обозначаетъ и стариковъ, и старухъ, и всю природу, все, что можетъ вообще стариться, независимо отъ пола.

Что касается сказуемаго, то оно, по понятнымъ причинамъ, можетъ выражаться только глаголомъ.

Отдѣлъ третій.

Распространенное предложеніе.

XV.

Дополненіе.

Распространенное предложеніе. Второстепенные члены.

Если психологическое подлежащее и психологическое сказуемое являются представленіями сложными, то каждое изъ нихъ можетъ, какъ мы уже знаемъ, выразиться нѣсколькими словами. Въ этомъ случаѣ въ предложеніи окажется, очевидно, уже болѣе двухъ формъ. Благодаря этому получится новая форма сочетанія, такъ наз. распространенное предложеніе, „Распространенность" его состоитъ въ томъ, что кромѣ уже извѣстныхъ намъ формъ подлежащаго и сказуемаго оно можетъ заключать въ себѣ еще слѣдующія четыре формы: дополненіе, опредѣленіе, обстоятельство и второстепенное сказуемое. Всѣ эти формы называются обычно второстепенными членами предложенія и противополагаются подлежащему и сказуемому, какъ главнымъ членамъ. На каждомъ изъ этихъ второстепенныхъ членовъ намъ надо будетъ подробнѣе остановиться. Начнемъ съ дополненія.

... Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ. (Лерм.)

„Открой мнѣ всю правду, не бойся меня!
Въ награду любого возьмешь ты коня". (Пушк.)

Я далъ ему злата и проклялъ его. (Пушк.)

Мы проводили мрачную и грустную зиму въ нашемъ старомъ, покровскомъ домѣ... почти цѣлую зиму мы никуда не ходили и не ѣздили. (Л. Толст.)

Значеніе дополненія.

Въ приведенныхъ примѣрахъ мы вездѣ находимъ кромѣ именительнаго еще и другіе падежи существительныхъ. Именительный падежъ обычно называется въ грамматикѣ прямымъ падежомъ, а всѣ другіе — косвенными. Всѣ же

косвенные падежи, взятые вмѣстѣ, образуютъ въ синтаксисѣ обширную группу дополненій. Общее значеніе всей этой группы лучше всего выясняется при сравненіи ея съ именительнымъ падежомъ. Именительный падежъ обозначаетъ, какъ мы уже видѣли, нѣчто отдѣльное, нѣчто самостоятельное, предметъ, какъ онъ существуетъ самъ по себѣ. Напротивъ, въ косвенныхъ падежахъ намъ прежде всего бросается въ глаза ихъ несамостоятельность. Слова: „отецъ", „мать", „городъ", „рѣка" понятны и сами по себѣ, даже вырванныя изъ связи. Ихъ мы и употребляемъ нерѣдко въ такомъ изолированномъ видѣ (напр., когда припоминаемъ предметы или перечисляемъ ихъ). Напротивъ, слова: „отца", „матери", „города", „рѣки", „отцу", „городу" и т. д. въ отдѣльности не употребляются. Если сказать простому, неученому человѣку одно только „отца", то это повергнетъ его въ полнѣйшее недоумѣніе. Насколько понятенъ или, по крайней мѣрѣ, обыченъ покажется ему „отецъ", настолько же странно и безсмысленно будетъ для него это „отца". И причина тутъ та, что это „отца" дѣйствительно теряетъ весь свой смыслъ, если его вырвать изъ связи, что оно имѣетъ смыслъ только при другихъ словахъ. Значитъ, сущность значенія всѣхъ косвенныхъ падежей, вмѣстѣ взятыхъ, сводится именно къ ихъ несамостоятельности. Въ то время, какъ именительный падежъ изображаетъ предметъ самъ по себѣ, ни съ чѣмъ не связанный и ни отъ чего не зависящій, косвенные падежи изображаютъ предметъ только въ **его отношеніяхъ къ чему-то другому**. Это другое можетъ быть или тоже предметомъ (напр., домъ отца), или дѣйствіемъ (боюсь отца), или признакомъ (достойный отца). Такъ какъ дѣйствіе есть тоже признакъ, то 2 послѣднихъ случая можно слить въ одинъ и сказать, что косвенный падежъ можетъ относиться или къ предмету или къ признаку. Такимъ образомъ, **дополненіе, или косвенный падежъ существительнаго, есть форма, изображающая предметъ въ его отношеніяхъ къ другому предмету или къ признаку предмета.**

Отношеніе дополненія къ частямъ рѣчи.

Такъ какъ всякое прилагательное можетъ быть употреблено въ смыслѣ существительнаго, то дополненіе можетъ выражаться и косвеннымъ падежомъ прилагательнаго, напр.:

Съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись. (Посл.)
Свой своему поневолѣ братъ. (Посл.)

Пожелаемъ тому доброй ночи,
Кто все терпитъ во имя Христа! (Некр.)

Не бездарна та природа,
Не погибъ еще тотъ край,
Что выводитъ изъ народа
Столько славныхъ то-и-знай,
Столько добрыхъ, благородныхъ,
Сильныхъ любящей душой,
Посреди тупыхъ, холодныхъ,
И напыщенныхъ собой! (Некр.)

А на мѣстѣ прилагательнаго, понятно, всегда можетъ быть причастіе:

Дѣйствія русскаго и французскаго войскъ... подобны игрѣ въ жмурки, когда двумъ играющимъ завязываютъ глаза, и одинъ изрѣдка звонитъ колокольчикомъ, чтобъ увѣдомить о себѣ ловящаго. (Л. Толст.)

Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ,
Обагряющихъ руки въ крови
Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви! (Некр.)

Кого-то раздробивъ тяжелымъ томогавкомъ,
Я мной убитаго отчаянно зову. (Бальм.)

При этомъ прилагательное или причастіе и тутъ употребляется часто въ среднемъ родѣ единственнаго числа съ тѣмъ же оттѣнкомъ расширенія понятія, что и въ подлежащемъ (см. стр. 140), и хотя форма средняго рода въ косвенныхъ падежахъ прилагательнаго (кромѣ винительно-именительнаго падежа) совпадаетъ съ формой мужескаго рода („добраго“, „доброму“, „добрымъ“, „о добромъ“ для обоихъ родовъ), однако, благодаря этому оттѣнку, формы эти въ такихъ сочетаніяхъ сознаются, какъ соотносительныя съ именительнымъ средняго рода, а не мужескаго:

Левинъ терпѣть ее не могъ за ея утонченное презрѣніе ко всему грубому и житейскому. (Л. Толст., именительнымъ сознается „все грубое и житейское“, а не „весь грубый и житейскій“)

Просительница, штабсъ-капитанша Калинкина, просила о невозможномъ и безтолковомъ. (Л. Толст.)

Все, что было высшаго и благовоспитаннаго, ринулось къ нему въ тюрьму. (Дост.)

Кто они, скажи мнѣ, птица,
Тѣ двѣнадцать вкругъ стола?
Какъ на ихъ земныя лица
Тѣнь иного налегла? (Брюс.)

Она все ниже и ниже склоняла голову, не зная сама, что будетъ отвѣчать на приближавшееся. (Л. Толст.)

Зачѣмъ же ты взметаешь пыльное,
Мутишь свою же глубину,
Зачѣмъ ты любишь все могильное
И всюду сѣешь смерть одну? (Бальм.)

Вообще, дополненіе по отношенію къ частямъ рѣчи, совпадаетъ съ подлежащимъ: однѣ и тѣ же части рѣчи въ именительномъ падежѣ являются подлежащимъ, а въ косвенныхъ——дополненіями.

По своей роли въ предложеніи и по связи съ другими членами предложенія всѣ дополненія дѣлятся на нѣсколько основныхъ разрядовъ, съ которыми намъ надо будетъ познакомиться.

Простыя и составныя дополненія. Связки дополненій (предлоги).

Прежде всего, всѣ дополненія дѣлятся на **составныя** и **простыя,** смотря по тому, имѣется ли при дополненіи особое частичное слово, связывающее дополненіе съ тѣмъ словомъ, къ которому оно относится, или не имѣется. Въ предложеніяхъ, напр.:

Съ дружиной своей, въ цареградской бронѣ
Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ. (Пушк.)

Я вошелъ въ лачужку. Печь была жарко натоплена, и въ ней варился обѣдъ, довольно роскошный для бѣдняковъ. Старуха на всѣ мои вопросы, отвѣчала, что она глуха, не слышитъ. Что было съ ней дѣлать? Я обратился къ слѣпому, который сидѣлъ передъ печью... (Лерм.)

всѣ дополненія — составныя, потому что при всѣхъ нихъ имѣются частичныя слова (**съ, въ, по, на, для, къ, передъ**). Относительно частичныхъ словъ этого рода надо замѣтить, что они употребляются только при дополненіяхъ, и потому лучше всего ихъ называть **связками дополненій**, хотя болѣе употребительно другое названіе — предлоги. Главная синтаксическая особенность этихъ связокъ дополненій, или предлоговъ, заключается въ томъ, что каждая связка сочетается только съ однимъ опредѣленнымъ падежомъ дополненія. Связка „изъ“, напр., можетъ сочетаться только съ родительнымъ падежомъ (изъ кого? изъ чего?), связка „къ“ только съ дательнымъ (къ кому? къ чему?), связка „черезъ“ только съ винительнымъ (черезъ кого? черезъ что?) и т. д. Есть, впрочемъ, въ русскомъ языкѣ нѣсколько связокъ, сочетающихся съ двумя падежами (**въ** доскѣ и **въ** доску, **на** доскѣ и **на** доску, **о** доскѣ и **о** доску, **за** доской и **за** доску, **подъ** доской и **подъ** доску) и двѣ связки даже съ тремя падежами („итти **съ** товарищемъ“, „итти **съ** горы“, „величиною **съ** гору“, „тосковать **по** отцѣ“, „итти **по** песку“, „итти

по воду"). На значеніяхъ связокъ дополненій мы не можемъ подробно останавливаться, укажемъ только, что общее значеніе ихъ то же, что и общее значеніе косвенныхъ падежей существительнаго: онѣ опредѣляютъ то или иное **отношеніе предмета къ другому предмету или признаку** (см. стр. 142). Между отдѣльными связками и отдѣльными падежами есть даже прямое соотвѣтствіе въ значеніяхъ (см. стр. 74). При этомъ каждая связка, какъ и каждый падежъ, имѣютъ обычно по нѣсколько значеній, развивающихся исторически другъ изъ друга и восходящихъ къ одному древнѣйшему значенію. Такъ, напр., связка „за" съ творительнымъ падежомъ можетъ обозначать и пространственное отношеніе („лугъ за домомъ"), и временное („годъ за годомъ", „это случилось за обѣдомъ"), и причинное („за отсутствіемъ отвѣтчика", „за недосугомъ"), и отношеніе цѣли („послать за докторомъ"), и отношеніе владѣнія („квартира остается за мной", „имѣніе числится за банкомъ"), и еще болѣе спеціальныя отношенія, связанныя со спеціальными выраженіями („за вами два рубля", „она замужемъ за Ивановымъ", „ухаживать за больнымъ", „все дѣло за деньгами" и т. д.). Сравнимъ еще значенія связки „отъ" въ сочетаніяхъ: „въ трехъ верстахъ отъ города", „ручка отъ саквояжа", „происхожденіе отъ бѣдныхъ родителей", „генералъ отъ кавалеріи", „хромой отъ природы", „внѣ себя отъ злости", „средство отъ лихорадки" и т. д. Древнѣйшимъ является почти всегда пространственное значеніе и тѣсно связанное съ нимъ временное. Такъ, напр., древнѣйшее значеніе связки „за" съ творит. пад. проявляется въ сочетаніяхъ: „жить за горой", „поле за избой", „волна за волной" и т. д. Изъ послѣдняго сочетанія легко видѣть, какъ пространственная связь прямо переходитъ во временную: „волна за волной" можно понимать и пространственно (напр., въ сочет.: „волна за волной по пятамъ"), и временно („волна за волной непрерывно"). А отсюда и чисто-временныя сочетанія: „годъ за годомъ", „минута за минутой" и т. д. Далѣе, такъ какъ предметъ, за которымъ стоишь, часто мѣшаетъ видѣть и слышать, то такія сочетанія, какъ: „за стѣной не видно", „за деревьями не слышно", могли пониматься въ смыслѣ препятствія (не видно изъ-за того, что стѣна), и отсюда возникли сочетанія, какъ: „за шумомъ колесъ не слышно", „за дальностью разстоянія не видно" и т. д.; а препятствіе есть частный случай причинности (не

слышно потому, что колеса шумятъ), и отсюда чисто-причинныя сочетанія: „выбросить за ненадобностью", „распродавать за отъѣздомъ" и т. д. Такъ какъ предметъ, позади котораго идешь, часто бываетъ желаннымъ („бѣжать за оленемъ", „гнаться за врагомъ"), то отсюда возникъ оттѣнокъ цѣли (бѣжать съ тѣмъ, чтобы настигнуть), а отсюда уже такія сочетанія, какъ „послать за докторомъ", гдѣ преслѣдованія уже нѣтъ, а одна цѣль. Такъ какъ предметъ, за которымъ стоишь, часто доставляетъ защиту („прятаться за стѣной, за валомъ"), то отсюда могло возникнуть выраженіе „быть замужемъ" (первоначально = за мужемъ, срвн. выраженіе „будетъ за нимъ, какъ за каменной стѣной"), а такъ какъ защищающій почти всегда владѣетъ защищаемымъ, то отсюда и значеніе владѣнія: „эти крестьяне за графомъ Б.", „эта квартира за мной" и т. д. Въ сочетаніи „ходить за скотомъ" (въ смыслѣ „ухаживать") ясно проглядываетъ еще прежнее пространственное значеніе, потому что, ухаживая за скотомъ, необходимо за нимъ ходить; а въ совершенно сходномъ сочетаніи „ходить за больнымъ" пространственнаго значенія уже нѣтъ, потому что больной лежитъ. Все это можетъ дать читателю представленіе, какъ легко и нечувствительно изъ пространственнаго значенія вырабатывается въ языкѣ любое отвлеченное. Иногда пространственное значеніе связки совсѣмъ исчезаетъ изъ языка, а остаются только отвлеченныя. Такъ, связка „о" или „объ" съ предложнымъ пад. („говорить **о** братѣ, **объ** отцѣ"), связка „про" („слышать **про** войну") не имѣютъ сейчасъ совсѣмъ пространственнаго значенія. Въ этихъ случаяхъ первоначальное значеніе открывается изъ сравненія съ родственными языками, особенно древними (срвн., напр., въ др. церк.-слав.: „сущимъ въ Іудеи **о** Христѣ Іисусѣ", т.-е. бывшимъ вокругъ Христа, окружавшимъ Христа, „и сѣдѣаше **о** Немь народъ", т.-е. вокругъ Него). На ту же первичность пространственнаго значенія указываетъ и происхожденіе связокъ дополненія: тѣ изъ нихъ, происхожденіе которыхъ удалось прослѣдить, оказываются косвенными падежами существительныхъ, потерявшими свою существительность и свою падежность вслѣдствіе потери всѣхъ остальныхъ падежей (см. стр. 23) и имѣвшими пространственное вещественное значеніе. Такъ, напр., связка „кромѣ" есть не что иное, какъ предложный падежъ отъ существительнаго „крома" (= край, срв. уменьшительное „кромка" съ первоначальнымъ мѣстнымъ значеніемъ (= на краю, въ

Происхожденіе связокъ дополненій.

сторонѣ); еще въ древне-русскомъ языкѣ слово это могло употребляться самостоятельно (напр., въ лѣтописи про Ольгу: „яко ушишася Деревляне, повелѣ..... поити на ня, а сама отъиде кромѣ", т.-е. въ сторону), и только недавно сдѣлалось настоящей связкой. При этомъ изъ первоначальнаго пространственнаго значенія связки (= внѣ, въ сторонѣ отъ чего, напр., „лежать кромѣ ограды монастырской", т.-е. за оградой) при посредствѣ такихъ случаевъ, гдѣ нахожденіе въ сторонѣ отъ предмета связано съ отрываніемъ или отдѣленіемъ отъ него (напр., изъ „Сл. о Полку Игор." въ дослови. пер.: „тяжко головѣ кромѣ плечъ, худо тѣлу кромѣ головы") развилось современное отдѣлительное значеніе. Точно такъ же связки „между" и „межъ" — застывшіе падежи отъ существительнаго „межа" (по др. церк.-слав. „межда"), связка „среди" родственна съ существительнымъ „среда" (первоначально = „середина") и т. д.

Значеніе составныхъ дополненій.

Значеніе составного дополненія слагается изъ значенія связки и значенія падежа существительнаго. Обычно связка точнѣе обрисовываетъ данное отношеніе, такъ сказать, спеціализируетъ его. Такъ, въ сочетаніяхъ: „выйти **изъ** воды", „уйти **отъ** воды", „остаться **безъ** воды" родительный падежъ вездѣ одинаково обозначаетъ отдѣленіе отъ предмета, связки же показываютъ, какъ именно и почему происходитъ это отдѣленіе, дорисовываютъ подробности этого отдѣленія. Точно такъ же въ сочетаніяхъ: „**въ** водѣ", „**на** водѣ", „**при** водѣ" предложный падежъ вездѣ указываетъ на близость воды, связки же точнѣе опредѣляютъ эту близость. Но, съ другой стороны, и падежъ отчасти ограничиваетъ значеніе связки. Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда одна и та же связка требуетъ нѣсколькихъ падежей. Связка „въ", напр., имѣетъ совершенно одинаковое значеніе, употребляется ли она съ винительнымъ или съ предложнымъ („**въ** воду" и „**въ** водѣ"): въ обоихъ случаяхъ она указываетъ на одно и то же пространственное отношеніе (одинъ предметъ внутри другого); падежи же спеціализируютъ это значеніе, прибавляютъ къ нему нѣчто: винительный падежъ указываетъ на движеніе одного предмета къ другому (въ воду), предложный на положеніе одного предмета вблизи другого (въ водѣ). Вмѣстѣ и получается окончательное значеніе дополненій: движеніе къ предмету + значеніе связки „въ" даетъ движеніе **внутрь** предмета, а положеніе вблизи предмета + значеніе связки „въ" даетъ положеніе **внутри** его.

Управляемыя и примыкающія дополненія.

Далѣе, обратимся къ другому дѣленію дополненій на **управляемыя** и **примыкающія**.

Дополненіе, какъ мы уже видѣли, по самой сущности

своей всегда несамостоятельно, всегда зависитъ отъ другихъ членовъ предложенія. Эту зависимость дополненія называютъ обычно **управленіемъ**. Такъ, въ сочетаніи „чтеніе книги“ слово „чтеніе“ **управляетъ** дополненіемъ „книги“, въ сочетаніи „читать книгу“ слово „читать“ **управляетъ** дополненіемъ „книгу“ и т. д. Слово, отъ котораго зависитъ дополненіе, является, очевидно, всегда управляющимъ словомъ, а само дополненіе управляемымъ словомъ. Такъ какъ дополненіе есть косвенный падежъ существительнаго, то управленіе тѣмъ или другимъ дополненіемъ сводится къ **требованію того или другого косвеннаго падежа**. Слово „чтеніе“ требуетъ послѣ себя непремѣнно родительнаго падежа, слово „читать“ — непремѣнно винительнаго и т. д. Отъ согласованія въ падежѣ этотъ видъ зависимости отличается тѣмъ, что здѣсь то слово, которое требуетъ отъ другого опредѣленнаго падежа, само не имѣетъ его. Такъ, въ сочетаніи „чтеніе книги“, слово „чтеніе“ требуетъ послѣ себя родительнаго падежа, а само стоитъ въ именительномъ (или въ винительномъ); въ сочетаніи „читать книгу“ слово „читать“ требуетъ винительнаго падежа, а само никакого падежа не имѣетъ. При согласованіи же, если слово требуетъ падежа, то только такого, въ которомъ само стоитъ: въ сочетаніи „покойной ночи“ слово „ночи“ требуетъ отъ слова „покойной“ родительнаго падежа только потому, что само стоитъ въ этомъ падежѣ. Значитъ, согласуемый падежъ есть падежъ зависимый и уподобленный тому, отъ чего онъ зависитъ, а управляемый падежъ — только зависимый, безъ уподобленія *). Если здѣсь и бываетъ иногда сходство падежей, то это сходство не сознается, какъ уподобленіе, а кажется случайнымъ. Такъ, въ сочетаніи: „онъ не сознаетъ пустоты своей жизни“ слова: „пустоты“ и „жизни“ сходны въ падежахъ (оба въ родительномъ), но мы обычно даже не замѣчаемъ этого сходства, потому что сочетаніе это ассоціируется у насъ съ сочетаніями: „онъ сознаетъ пустоту своей жизни“, „онъ тяготится пустотой своей жизни“, „онъ признается въ пустотѣ своей жизни“ и т. д. А въ этихъ всѣхъ сочетаніяхъ слово „пустота“ требуетъ родительнаго независимо отъ того, въ какомъ падежѣ само стоитъ, т.-е.

Управленіе.

Отличія его отъ согласованія.

*) Самый терминъ „управленіе“ указываетъ на отсутствіе уподобленія, такъ какъ правитель вѣдь никогда не требуетъ отъ подчиненнаго тѣхъ же дѣйствій, которыя самъ выполняетъ, а, напротивъ, всегда другихъ.

управляетъ родительнымъ. Это пониманіе и переносится нами на сочетаніе „онъ не сознаетъ пустоты своей жизни". Въ нѣкоторыхъ случаяхъ тутъ возможна даже двусмысленность. Такъ, въ сочетаніяхъ: „любимца брата", „сестры друга" и т. д. мы можемъ сознавать то управленіе (чьего любимца? брата; чьей сестры? друга), то согласованіе, обозначаемое въ этихъ случаяхъ на письмѣ черточкой („я лишился любимца-брата", „сестры-друга" и т. д.). И хотя главнымъ средствомъ распознаванія является въ этихъ случаяхъ неграмматическая сторона рѣчи (т.-е. то, о сколькихъ реальныхъ предметахъ идетъ рѣчь, объ одномъ или двухъ), но полезно замѣтить и синтаксическую разницу этихъ двухъ пониманій. А она сводится именно къ разницѣ между управленіемъ и согласованіемъ. Только здѣсь, вслѣдствіе совпаденія формъ, разница эта проявляется, главнымъ образомъ, внутренне, въ тѣхъ ассоціаціяхъ, которыя возникаютъ въ моментъ рѣчи. Если мы ассоціируемъ „любимца брата" съ „любимецъ брата", „любимцу брата", „любимцемъ брата" и т. д., то сознаемъ управленіе, а если ассоціируемъ съ „любимецъ-братъ", „любимцу-брату", „любимцемъ-братомъ" и т. д., то—согласованіе.

Прим. Есть, конечно, и внѣшняя разница между этими сочетаніями, но она сводится, какъ это всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, только къ различіямъ въ ритмѣ и интонаціи рѣчи. Укажемъ, для примѣра, на обязательную равносильность ударенiй въ сочетаніяхъ: „любимца-брата", „сестры-друга" и т. д.,—признакъ, отсутствующій въ сочетаніяхъ: „любимца брата", „сестры друга" и т. д. На подробностяхъ останавливаться не будемъ, ибо разница эта, во всякомъ случаѣ, такъ тонка, что здѣсь не мѣсто ея касаться.

Посредственное и непосредственное управленіе.

Такъ какъ связки дополненій тоже всегда требуютъ опредѣленнаго падежа и тоже сами не имѣютъ его, то понятіе управленія какъ будто бы подходитъ и къ нимъ, и мы могли бы сказать, что связка „изъ" управляетъ родительнымъ падежомъ, связка „къ"—дательнымъ и т. д. Такъ это обычно и говорится, но здѣсь дѣло, въ сущности, нѣсколько сложнѣе. Въ сочетаніи, напр., „надѣяться на прогулку" прежде всего слово „надѣяться" требуетъ непремѣнно связки „на", а эта связка уже требуетъ винительнаго падежа отъ слова „прогулка". Такимъ образомъ, косвенно, черезъ связку „на", слово „надѣяться" вліяетъ и на падежъ слова „прогулка"

При томъ же сама по себѣ связка „на“ какъ разъ не требуетъ непремѣнно винительнаго падежа, а можетъ сочетаться и съ предложнымъ (на комъ, на чемъ). И въ данномъ случаѣ винительный падежъ зависитъ именно отъ слова „надѣяться“: „надѣяться на прогулку“, а „настаивать на прогулкѣ“. Точно такъ же глаголъ „вѣрю“ можетъ имѣть при себѣ связку „въ“ только съ винительнымъ падежомъ („вѣрю во что“), а „увѣряю“ — только съ предложнымъ („увѣряю въ чемъ“). Все это показываетъ, что тутъ важна не столько связка, сколько то слово, отъ котораго зависитъ связка. Оно и считается при составномъ дополненіи главнымъ управляющимъ словомъ и про него говорятъ, что оно управляетъ такимъ-то падежомъ посредствомъ такой-то связки. Такое управленіе такъ и называется **посредственнымъ**, а обычное, въ отличіе отъ него—**непосредственнымъ**. Такимъ образомъ, всѣ составныя дополненія управляются посредственно, а всѣ простыя—непосредственно.

Управленіе и примыканіе.

Не всегда такъ легко бываетъ рѣшить, какимъ именно словомъ управляется данное дополненіе. Возьмемъ простой примѣръ:

...На солнышкѣ Полканъ съ Барбосомъ лежа грѣлись... (Крыл.)

и остановимся въ немъ на дополненіи „съ Барбосомъ“. Чѣмъ оно управляется? Другими словами, по требованію какого слова стоитъ здѣсь связка „съ“ съ творительнымъ падежомъ? Глаголъ „грѣлись“, конечно, можетъ имѣть при себѣ такую связку съ такимъ падежомъ (грѣлись съ кѣмъ? съ Барбосомъ), но онъ не требуетъ ея. Связка эта, вообще, возможна при всѣхъ рѣшительно глаголахъ русскаго языка (потому что всякое дѣло можно дѣлать съ кѣмъ-нибудь), но самъ по себѣ глаголъ „грѣюсь“ такъ же мало возбуждаетъ представленіе о совмѣстности, какъ и любой другой глаголъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить его съ такими глаголами, какъ: соглашаюсь, сговариваюсь, соединяюсь, ссорюсь, мирюсь, борюсь и т. д. (такъ назыв. „взаимные“ глаголы), которые дѣйствительно требуютъ связки „съ“ съ творительнымъ падежомъ, и мы увидимъ, что глаголъ „грѣюсь“ не принадлежитъ къ этой категоріи. Съ другой стороны, дополненіе наше можно бы было отнести къ подлежащему „Полканъ“ (Полканъ съ кѣмъ? съ Барбосомъ). На это даже какъ бы указываетъ множественное число сказуемаго (кто грѣлись? Полканъ съ Барбосомъ). Но тутъ опять

то же затрудненіе. Слово „Полканъ" совсѣмъ не требуетъ непремѣнно связки „съ" съ творительнымъ падежомъ. Полканъ могъ бы грѣться и одинъ, и грамматика ничего не имѣла бы противъ этого. Такимъ образомъ, въ нашемъ предложеніи нѣтъ того слова, которое бы требовало такого именно дополненія, съ такой именно связкой и въ такомъ именно падежѣ. А въ такомъ случаѣ про наше дополненіе нельзя, собственно, сказать, что оно „управляется" тѣмъ или инымъ словомъ, такъ какъ управленіе, какъ мы видѣли, есть именно требованіе опредѣленнаго падежа или связки съ падежомъ. Вотъ такія-то дополненія и называются „примыкающими". Про дополненіе „съ Барбосомъ" мы скажемъ, что оно примыкаетъ къ слову „грѣлись", или къ слову „Полканъ" (смотря по тому, куда мы мысленно отнесемъ его въ моментъ рѣчи). Таково же и второе дополненіе нашего примѣра: „на солнышкѣ". Тутъ, правда, уже сразу видно, къ чему оно примыкаетъ („грѣлись на солнышкѣ", а не „Полканъ на солнышкѣ"), но и здѣсь нельзя говорить объ управленіи въ строгомъ смыслѣ слова, потому что никакъ нельзя утверждать, чтобы глаголъ „грѣюсь" требовалъ непремѣнно связки „на", съ предложнымъ падежомъ. Напротивъ, вопросъ „на чемъ грѣешься?" звучитъ даже прямо странно. Въ нашемъ примѣрѣ оба дополненія — составныя, такъ что въ обоихъ случаяхъ примыканіе происходитъ посредственно (посредствомъ связокъ), а вотъ примѣры на непосредственное примыканіе:

Пушкинъ умеръ 1837 года, января 29 дня. (Жук.)

Пусть намъ звѣздою путеводной
Святая истина горитъ... (Плещ.)

...цѣлую зиму мы никуда не ходили и не ѣздили. (Л. Толст.)

Ребенкомъ онъ упрямъ былъ и рѣзовъ. (Огар.)

„Не тотъ ли, вы къ кому меня еще съ пеленъ,
Для замысловъ какихъ-то непонятныхъ,
Дитей возили на поклонъ?" (Гриб.)

Всѣ выдѣленныя дополненія примыкаютъ, а не управляются, потому что вѣдь нельзя утверждать, что „умеръ" требуетъ непремѣнно родительнаго падежа (умеръ кого, чего?), „горитъ"—непремѣнно дательнаго (кому горитъ?) или творительнаго (чѣмъ горитъ?) и т. д.

Особенности примыкающихъ дополн.

Примыкающія дополненія имѣютъ нѣкоторыя особенности по сравненію съ управляемыми, а именно:

1) Отнесеніе ихъ къ тому или иному слову часто зависитъ отъ порядка словъ. Въ сочетаніи: „человѣкъ въ бѣлой шляпѣ пошелъ съ нами“ мы отнесемъ дополненіе „въ шляпѣ“ къ слову „человѣкъ“ (какой человѣкъ? въ бѣлой шляпѣ), въ сочетаніи же: „человѣкъ пошелъ съ нами въ бѣлой шляпѣ“ мы отнесемъ его уже къ слову „пошелъ“ (пошелъ какъ или въ чемъ? въ бѣлой шляпѣ). Въ сочетаніи: „жаркое изъ кролика уже приготовлено“ мы объединимъ мысленно слова: „жаркое изъ кролика“, а въ сочетаніи: „жаркое уже приготовлено изъ кролика“ слова: „приготовлено изъ кролика“. Такъ какъ примыкающее дополненіе не связано прочно ни съ какимъ опредѣленнымъ словомъ, то оно и тяготѣетъ всегда къ ближайшему слову. Напротивъ, управляемое дополненіе никогда не теряетъ связи съ тѣмъ словомъ, которымъ оно управляется, какъ бы далеко оно ни было отодвинуто отъ него. Въ сочетаніяхъ: „пишу записку“ и: „пишу тебѣ на ужасной бумагѣ, ужаснымъ перомъ, которое мнѣ едва удалось достать у твоего вѣчно заспаннаго, долго ничего не понимавшаго лакея, при полной почти темнотѣ, потому что некогда дожидаться, пока онъ соблаговолитъ зажечь лампу, записку“ зависимость слова „записку“ отъ слова „пишу“ одинаково ясна въ обоихъ случаяхъ.

2) Тамъ, гдѣ порядокъ словъ не даетъ прямыхъ указаній, огромное значеніе пріобрѣтаютъ вещественныя значенія словъ и обстановка рѣчи, вообще неграмматическія причины, которыя не имѣютъ никакого значенія при управляемыхъ дополненіяхъ. Такъ, въ предложеніи: „ѣшь пирогъ съ грибами“ мы отнесемъ дополненіе „съ грибами“ къ слову „пирогъ“ (какой пирогъ? съ грибами), а въ предложеніи: „ѣшь блины съ икрой“ отнесемъ такое же дополненіе „съ икрой“ къ сказуемому „ѣшь“ (ѣшь съ чѣмъ? съ икрой). И это, конечно, не по грамматическимъ причинамъ, а только потому, что грибы—въ пирогѣ, а икра—на поверхности блина.

3) Примыкающія дополненія, вслѣдствіе все той же слабости сцѣпленія своего съ другими словами, легко отрываются отъ другихъ словъ и переходятъ въ разрядъ обособленныхъ членовъ предложенія (см. далѣе гл. XXVI), чего съ управляемыми дополненіями никогда не бываетъ.

Отсутствіе границъ между примыканіемъ и управленіемъ.

Психологически разница между управленіемъ и примыканіемъ сводится къ большей или меньшей прочности той ассоціаціи, которая существуетъ между управляющимъ словомъ и падежомъ, которымъ оно управляетъ (см. стр. 103).

Если мы, напр., говоримъ, что „грѣюсь“ само по себѣ не „требуетъ“ связки „съ“ съ творительнымъ падежомъ, а „соглашаюсь“ ея „требуетъ“, то это значитъ только, что „грѣюсь“ не вызываетъ въ насъ непремѣнно представленія объ этой связкѣ съ этимъ падежомъ (хотя, при случаѣ, и можетъ вызвать), а „соглашаюсь“ обязательно, всегда вызываетъ это представленіе. Другими словами, ассоціація глагола съ этой связкой и съ этимъ падежомъ въ первомъ случаѣ непрочная, случайная, а во второмъ прочная. Такъ какъ ассоціаціи эти происходятъ по смежности (см. стр. 105) и прочность ихъ зависитъ только отъ того, насколько часто сталкивается въ рѣчи данное управляющее слово съ даннымъ падежомъ, то понятно, что никакой грани между управляемыми и примыкающими дополненіями провести нельзя. Отъ самаго слабаго примыканія до самаго сильнаго управленія возможно безчисленное количество переходовъ. Такъ, напр., въ сочетаніяхъ: „проѣзжаю полемъ, лѣсомъ, пашней“, „иду этой дорогой“, „ѣду моремъ“ и т. д. имѣется спеціальный творительный „пути“, который возможенъ только при глаголахъ движенія. Такимъ образомъ, здѣсь есть несомнѣнная связь между даннымъ глаголомъ, какъ глаголомъ движенія, и творительнымъ падежомъ. Но, съ другой стороны, всѣ эти глаголы очень часто употребляются и безъ творительнаго падежа и потому не вызываютъ въ насъ сами по себѣ представленія о творительномъ падежѣ (мы рѣдко и только въ соотвѣтственной обстановкѣ зададимъ вопросъ: „чѣмъ идешь?“ „чѣмъ ѣдешь?“). Ясно, что это промежуточный случай, гдѣ связь не такъ сильна, какъ въ словахъ „пишу записку“, и не такъ слаба, какъ въ словахъ „умеръ 1837 года“.

Падежъ управляемаго слова зависитъ частью отъ вещественной, частью отъ формальныхъ частей управляющаго.

Управленіе слова зависитъ чаще всего отъ его вещественнаго значенія. Если, напр., глаголъ „вижу“ управляетъ винительнымъ падежомъ, то это потому, что по своему вещественному значенію онъ обозначаетъ внѣшнее чувство человѣка, обращенное всегда на какой-нибудь внѣшній предметъ, а винительный падежъ какъ разъ и обозначаетъ тотъ предметъ, на который направлено дѣйствіе; если глаголъ „грожу“ управляетъ дательнымъ падежомъ, то опять-таки въ силу связи своего вещественнаго значенія со значеніемъ дательнаго падежа, который какъ разъ обозначаетъ тотъ предметъ, въ пользу или во вредъ котораго совершается дѣйствіе; если „лежу“ не управляетъ никакимъ падежомъ, то потому, что здѣсь вещественная часть слова обозначаетъ не дѣйствіе, а состояніе, и т. д. Съ другой стороны, и вещественное значеніе слова зависитъ отъ его управленія. Разница, напр.,

между словами „смотрю“ и „вижу“ сводится къ тому, что „смотрю“ обозначаетъ самый процессъ зрительный, безъ отношенія къ его результатамъ, а въ „вижу“ заключено указаніе на результаты процесса. Но ясно, что разница эта обусловлена только тѣмъ, что „вижу“ управляетъ винительнымъ падежомъ (вижу что), а „смотрю“ почти не употребляется съ этимъ падежомъ. Такимъ образомъ, здѣсь тѣснѣйшимъ образомъ переплетаются два отдѣла языковѣдѣнія: отдѣлъ о формахъ сочетаній словъ, т.-е. синтаксисъ, и отдѣлъ о вещественныхъ значеніяхъ словъ (семасіологія). Но во многихъ случаяхъ управленіе зависитъ и отъ формальныхъ частей слова. Въ такихъ сочетаніяхъ, какъ: „**на**дѣюсь **на** что“, „**от**казываюсь **отъ** чего“, „**с**ползаю **съ** чего“, **со**единяюсь **съ** чѣмъ“, „**при**соединяюсь **къ** чему“, „**пере**хожу **черезъ** что“ и т. д., управленіе той или иной связкой зависитъ всецѣло отъ приставки глагола. Или сравнимъ еще 2 ряда инфинитивовъ: „итти, бѣжать, ѣхать, плакать, льстить и т. д. и **обой**ти, **об**ѣжать. **объ**ѣхать, **о**плакать, **обо**льстить и т. д. Первыя слова не требуютъ винительнаго падежа (а нѣкоторыя даже никакого падежа не требуютъ), вторыя же всѣ требуютъ винительнаго падежа. И здѣсь винительный падежъ зависитъ только отъ приставки **о, об** (срвн. ту же приставку въ качествѣ связки дополненія съ винительнымъ падежомъ: „биться объ закладъ“, „итти рука объ руку“ и т. д.). Такое же вліяніе оказываютъ и многія другія приставки, даже не управляющія въ отдѣльности винительнымъ падежомъ: „**про**сидѣть стулъ“, „**от**сидѣть ногу“, „**вы**сидѣть цыпленка“, „**за**сидѣть картину“ (про мухъ), „**под**сидѣть кого-нибудь“, „**пере**сидѣть всѣхъ“ (т.-е. просидѣть дольше, чѣмъ всѣ) и т. д., тогда какъ простое „сидѣть“ не управляетъ никакимъ падежомъ. И, наоборотъ, потеря управленія тоже часто бываетъ связана съ формальными частями: „учительствую“, мучительствую“, „просительствую“, „любительствую“ и т. д. не управляютъ винительнымъ падежомъ, а соотвѣтствующіе глаголы безъ суффиксовъ „тель“ и „ств“ („учу“, „мучу“, „прошу“, „люблю“ и т. д.) управляютъ имъ. Вообще, можно сказать, что управленіе въ производныхъ глаголахъ (т.-е. имѣющихъ производную основу) зависитъ отъ формальной стороны глагола, а въ непроизводныхъ, или коренныхъ, отъ вещественной стороны его.

Приглагольныя и пріименныя дополненія.

Наконецъ, послѣднее дѣленіе дополненій, едва ли не наиболѣе важное, его дѣленіе на **приглагольныя** дополненія и **пріименныя**, смотря по тому, относится дополненіе къ глаголу (или глагольному слову), или къ имени (существительному или прилагательному). Въ сочетаніи, напр.: „и ядрамъ пролетать мѣшала гора кровавыхъ тѣлъ“ дополненіе „ядрамъ“ будетъ приглагольное, потому что зависитъ отъ „мѣшала“ и отъ „пролетать“, а дополненіе „тѣлъ“ — пріименное, потому что зависитъ отъ „гора“; въ сочетаніи: „ѣшь пирогъ съ грибами,

да держи языкъ за зубами" дополненіе „съ грибами" будетъ пріименное, потому что зависитъ отъ слова „пирогъ", а дополненіе „за зубами" — приглагольное, потому что зависитъ отъ слова „держи"; и т. д. На обоихъ этихъ разрядахъ мы должны остановиться и разсмотрѣть ихъ сравнительно.

Исконная связь дополненія съ глаголомъ.

Приглагольныя дополненія гораздо многочисленнѣе и древнѣе пріименныхъ. Есть основаніе полагать, что первоначально дополненіе возникло при глаголѣ и только потомъ, вслѣдствіе подражанія однихъ сочетаній другимъ, пристало и къ имени. На это указываютъ прежде всего многіе факты изъ исторіи языковъ. Во многихъ случаяхъ мы наблюдаемъ въ прошломъ языка именно такой переносъ дополненій изъ глагольныхъ сочетаній въ именныя (см. стр. 167), тогда какъ обратнаго переноса изъ именныхъ сочетаній въ глагольныя почти не наблюдается. Далѣе, къ этому же приводитъ и анализъ современныхъ дополненій. И сейчасъ дополненіе тѣснѣе связано съ глаголомъ, чѣмъ съ именемъ. Прежде всего, управляемыя дополненія (если понимать управленіе въ строгомъ смыслѣ слова) возможны, въ сущности, только при глаголѣ. Мы можемъ сказать, что „люблю" требуетъ винительнаго падежа, „даю" — дательнаго, „наслаждаюсь" — творительнаго и т. д., но мы не можемъ сказать, что, напр., „домъ" требуетъ родительнаго падежа. Такимъ образомъ, въ сочетаніи „домъ отца" полнаго управленія все-таки нѣтъ, дополненіе „отца" все-таки сбивается на примыкающее, а между тѣмъ это случай какъ разъ тѣснѣйшаго сліянія дополненія съ именемъ (см. далѣе стр. 163). Если и встрѣчается управляемое дополненіе при имени, то только при отглагольномъ имени. Слово „наслажденіе", напр., самымъ настоящимъ образомъ требуетъ творительнаго падежа (наслажденіе чѣмъ-либо), но это только потому, что глаголъ „наслаждаюсь", отъ котораго оно образовано, требуетъ творительнаго падежа. Слово „соглашеніе" требуетъ связки „съ" съ творительнымъ падежомъ (соглашеніе съ кѣмъ-либо), но опять-таки потому, что глаголъ „соглашаюсь" требуетъ того же. Слово „подарокъ" можетъ вызвать въ насъ представленіе о дательномъ падежѣ, но только потому, что „дарю" требуетъ этого падежа. Прилагательныя еще рѣже могутъ управлять дополненіемъ, и тамъ, гдѣ это встрѣчается, мы всегда найдемъ исконную связь съ глаголомъ. „Довольный" управляетъ творительнымъ падежомъ (довольный чѣмъ-либо) вслѣдствіе своей связи съ вымершимъ глаголомъ „доволити" (снабжать, удовлетворять), „извѣстный"

управляетъ дательнымъ падежомъ по связи съ глаголомъ „извѣстить“ (а этотъ глаголъ сочетался раньше съ дательнымъ падежомъ: извѣстить кому что), „пріятный“ — потому что это отъ глагола „пріяти“=принять и т. д. Въ отличіе отъ собственно-прилагательныхъ, причастія управляютъ дополненіемъ наравнѣ съ глаголами, и всякое причастіе управляетъ тѣмъ самымъ падежомъ, какимъ управляетъ соотвѣтствующій глаголъ (любящій сестру, боящійся сестры, дающій сестрѣ и т. д.); но это именно потому, что всякое причастіе образовано отъ глагола. То же приходится сказать и о дѣепричастіяхъ и объ инфинитивахъ: и тѣ и другіе всегда управляютъ тѣмъ самымъ падежомъ, какимъ управляетъ соотвѣтствующій глаголъ. Вотъ изъ этой-то связи всѣхъ косвенныхъ падежей съ глагольными корнями и можно заключить, что первоначально дополненіе создалось при глаголѣ. Далѣе, и примыкающія дополненія, хотя они и не связаны ни съ чѣмъ особенно тѣсно, все-таки болѣе тяготѣютъ къ глаголу, чѣмъ къ имени. Выше мы сказали, что въ сочетаніи: „человѣкъ въ бѣлой шляпѣ пошелъ съ нами“ мы отнесемъ примыкающее дополненіе „въ шляпѣ“ къ слову „человѣкъ“. Въ сущности, не всегда это будетъ такъ. Мы можемъ произнести эту фразу такъ, что дополненіе это оторвется отъ слова „человѣкъ“ и пристанетъ къ глаголу (напр.: „человѣкъ въ бѣлой шляпѣ пошелъ съ нами, а вы пылите!“). Напротивъ, въ сочетаніи „человѣкъ пошелъ съ нами въ бѣлой шляпѣ“ никакая интонація не оторветъ дополненія отъ глагола. Часто мы относимъ дополненіе къ глаголу, даже если оно удалено отъ него. Напр., въ сочетаніи: „я видѣлъ вчера дѣтей на лугу“ мы отнесемъ дополненіе „на лугу“ къ глаголу „видѣлъ“, а не къ имени „дѣтей“, хотя послѣднее ближе; въ сочетаніи: „послышался топотъ лошадей за пригоркомъ“ мы отнесемъ дополненіе „за пригоркомъ“ къ глаголу „послышался“, а не къ слову „лошадей“ и т. д. И вообще можно сказать, что если только какія-нибудь особыя обстоятельства не вынуждаютъ насъ отнести примыкающее дополненіе къ имени, то мы относимъ его къ глаголу. Первое представляется, какъ отступленіе отъ нормы, второе какъ норма.

Приглагольныя управляемыя дополненія.

Особенно важны приглагольныя управляемыя дополненія. Эти дополненія, дѣйствительно, дополняютъ вещественное значеніе глагола настолько, что оказываются зачастую логически и психологически важнѣе самого глагола. Такіе глаголы, какъ: „даю“, „беру“, „несу“, „продаю“, „поку-

наю" и т. д., не имѣютъ для насъ безъ дополненій никакого реальнаго значенія, и въ томъ сложномъ представленіи, которое они образуютъ вмѣстѣ съ дополненіемъ и которое является сложнымъ психологическимъ сказуемымъ, наибольшій вѣсъ принадлежитъ обычно какъ разъ дополненію, а не сказуемому. Это можно замѣтить уже по тому, что ударе́ніе обычно падаетъ на дополненіе, а не на сказуемое. Въ предложеніяхъ: „онъ взялъ книгу", „онъ потушилъ свѣчу", „онъ бросилъ камень", „онъ боится отца", „онъ лишился крова", если мы вырвемъ ихъ изъ связи и будемъ произносить ровнымъ, спокойнымъ голосомъ, сильнѣйшее удареніе фразы (какъ бы оно ни было само по себѣ слабо) неизбѣжно упадетъ на дополненіе. Именно эти-то дополненія, давшія имя всему разряду, и выдѣляютъ нѣкоторые авторы изъ второстепенныхъ членовъ, приравнивая ихъ къ главнымъ членамъ, подлежащему и сказуемому. Психологически и логически это, конечно, такъ, но грамматически это все же ко́свенные падежи существительныхъ, т.-е. формы несамостоятельныя по сравненію съ именительнымъ падежомъ, какъ формой самостоятельной (см. стр. 142). Грамматически эти дополненія важны только тѣмъ, что управля́ются, а не примыкаютъ, и при этомъ управляются ска́зуемымъ, т.-е. стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ важнѣйшимъ членомъ предложенія. И по отношенію къ такимъ дополненіямъ всѣ глаголы дѣлятся на 2 основные разряда: **переходныхъ** и **непереходныхъ**, смотря по тому, могутъ они имѣть такое дополненіе при себѣ или нѣтъ. Примѣры на первый разрядъ уже даны выше, а примѣрами на второй разрядъ могутъ служить такіе глаголы, какъ: лежу, сплю, падаю, иду, бѣгу, ѣду, бѣлѣю, чернѣю, звучу, звеню, купаюсь, хохочу, плачу и т. д. При глаголѣ „сплю", напримѣръ, возможны лишь примыкающія дополненія: сплю на чемъ, подъ чѣмъ, надъ чѣмъ, за чѣмъ, съ чѣмъ, для чего, безъ чего, около чего, у чего, при чемъ, сплю зиму, весну, зимой, весной, сплю крѣпкимъ сномъ, сплю баринома и т. д., и всѣ они для этого глагола не необходимы: предложеніе „онъ спитъ" кажется намъ вполнѣ законченнымъ и не вызываетъ представленія ни о какомъ недостающемъ падежѣ. Переходные же глаголы могутъ сочетаться со всѣми подобными дополненіями, а сверхъ того каждый изъ нихъ долженъ сочетаться съ какимъ-либо однимъ видомъ дополненія, свойственнымъ именно ему: люблю кого, читаю что, интересуюсь чѣмъ, надѣюсь на что и т. д. Самаго дополненія въ отдѣль-

Переходные и непереходные глаголы.

ныхъ случаяхъ можетъ и не быть, потому что: 1) оно можетъ быть замѣнено чѣмъ-либо, равносильнымъ по смыслу, напримѣръ, цѣлымъ отдѣльнымъ предложеніемъ („люблю, когда ты занимаешься", „прочиталъ, что на Балканахъ война") 2) оно можетъ быть взято изъ предыдущей рѣчи или изъ обстановки рѣчи („пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ", „пріѣзди и возьми", „любитъ не любитъ" при гаданьи, „говорятъ, что онъ беретъ" про взяточника, „онъ больше въ ротъ не беретъ" про бывшаго пьяницу) 3) почти каждый переходный глаголъ можетъ уподобляться непереходнымъ и мыслиться безъ отношенія къ какому-либо предмету („онъ цѣлый день говорилъ", „онъ много читалъ", „онъ плохо видитъ", „онъ любилъ, какъ въ наши лѣта уже не любятъ", „что говоритъ, и говоритъ, какъ пишетъ!"). Нѣкоторые изъ этихъ глаголовъ даже чаще употребляются въ подобныхъ сочетаніяхъ, чѣмъ съ управляемыми дополненіями (напримѣръ, „свистать", „курить", „танцовать", „плясать" чаще встрѣчаются безъ дополненій, чѣмъ съ дополненіями: „свистать арію", „курить табакъ", „танцовать польку" и т. д.), и это уже составляетъ явленіе промежуточное между переходностью и непереходностью глагола. Переходные глаголы можно, въ свою очередь, подраздѣлить на 2 разряда: непосредственно-переходные, какъ: люблю что, грожу чему, владѣю чѣмъ, избѣгаю чего, и посредственно-переходные, какъ: надѣюсь на что, отказываюсь отъ чего, сомнѣваюсь въ чемъ, женюсь на комъ и т. д. Первые управляютъ простымъ дополненіемъ, вторые — составнымъ. Непосредственно-переходные глаголы могутъ, далѣе, дѣлиться на болѣе мелкіе разряды, въ зависимости отъ того, какимъ именно падежомъ они управляютъ. Одни управляютъ родительнымъ падежомъ (боюсь, опасаюсь, пугаюсь, слушаюсь, стыжусь, избѣгаю, сторонюсь, лишаю,—сь, хочу, жалѣю, жажду, жду, ожидаю, ищу, прошу, домогаюсь, добиваюсь, требую, достигаю, касаюсь и др.), другіе — дательнымъ (даю, дарю, угождаю, нравлюсь, вѣрю, довѣряю, врежу, грожу, завидую, подражаю, уподобляюсь, позволяю, прощаю, уступаю, предоставляю, поручаю, помогаю, покровительствую, потворствую, препятствую, запрещаю, возвѣщаю, сообщаю, мщу, льщу и др.), третьи — — винительнымъ (огромное большинство всѣхъ переходныхъ глаголовъ русскаго языка), четвертые — творительнымъ (увлекаюсь, наслаждаюсь, интересуюсь, хвастаюсь, занимаюсь, распоряжаюсь, управляю, завѣдую, владѣю, пренебрегаю, покры-

ваюсь, обливаюсь, обтираюсь, наполняюсь и др.). Многіе глаголы принадлежатъ одновременно къ двумъ изъ этихъ разрядовъ, такъ какъ управляютъ заразъ двумя падежами (двойное управленіе): даю кому что, запрещаю кому что, предпочитаю чему что, желаю кому чего, лишаю что чего, угождаю кому чѣмъ и т. д. Нѣкоторые глаголы соединяютъ при этомъ непосредственное управленіе съ посредственнымъ: завидую кому въ чемъ, мщу кому за что, разочаровываю кого въ чемъ и т. д. Наконецъ, нѣкоторые глаголы управляютъ въ разныхъ случаяхъ разными падежами (двоякое управленіе) съ соотвѣтствующимъ измѣненіемъ падежнаго значенія: „ищу мѣст**о**" (опредѣленное, заранѣе намѣченное) и „ищу мѣст**а**" (какого-нибудь), „прошу деньг**и**" (ранѣе данныя взаймы или вообще, о которыхъ раньше условились) и „прошу ден**егъ**" (съ оттѣнкомъ неопредѣленности, безъ предварительнаго уговора), „дай хлѣб**ъ**" (цѣлый хлѣбъ, или, если кусками, то тотъ, который на глазахъ у говорящихъ или составлялъ раньше предметъ разговора) и „дай хлѣб**а**" (сколько-нибудь, какого-нибудь) и т. д. (срвн. то же явленіе, но болѣе развитое, въ древности, см. стр. 86). Такое же двоякое управленіе создается въ русскомъ языкѣ и отрицаніемъ, стоящимъ при глаголѣ, если данный глаголъ безъ отрицанія требуетъ винительнаго падежа: „чищу башмак**и**", но при „**не** чищу" возможны и „башмак**и**", и „башмак**овъ**", „пишу письм**о**", но „**не** пишу письм**о**" и „письм**а**" и т. д. Первоначально и тутъ различались 2 значенія: „не пишу письм**о**" указывало на извѣстное письмо, о которомъ раньше говорилось, а „не пишу письм**а**" на письмо вообще, безъ этого оттѣнка извѣстности. Но впослѣдствіи оба сочетанія смѣшались, и теперь винительный и родительный употребляются здѣсь безразлично. Школьными грамматиками узаконенъ, правда, только родительный, но безъ малѣйшаго основанія.

Собственно-переходные глаголы и прямое дополненіе.

Глаголы, управляющіе винительнымъ падежомъ, тѣснѣе связаны со своимъ дополненіемъ, чѣмъ всѣ другіе глаголы, потому что этотъ падежъ возможенъ только при глаголѣ и глагольномъ словѣ, а всѣ другіе падежи возможны и при глаголѣ, и при имени. Въ то время, какъ всѣ другіе падежи при замѣнѣ глагола отглагольнымъ существительнымъ или прилагательнымъ остаются безъ измѣненія („достигаю берега" и „достиженіе берега", „боюсь матери" и „боязнь матери", „угождаю отцу" и „угожденіе отцу", „угодный отцу",

„помогаю другу" и „помощь другу", „шью иглой" и „шитье иглой", „рублю топоромъ" и „рубка топоромъ" и т. д.), винительный падежъ переходитъ при этомъ обязательно въ родительный („запрещаю прогулку" и „запрещеніе прогулки", „шью шубу" и „шитье шубы, „рублю лѣсъ" и „рубка лѣса"), почему и получается, что при существительномъ и прилагательномъ винительный абсолютно невозможенъ. Этимъ создается болѣе тѣсная связь между винительнымъ и управляющими имъ глаголами. Въ предыдущемъ, когда намъ надо было выдѣлить силу синтаксическаго сцѣпленія при управленіи или когда надо было показать психологическое единство управляемаго дополненія съ глаголомъ, мы пользовались именно этими глаголами, какъ наиболѣе показательными (см. примѣры на стр. 152 и 157). Такъ какъ подъ „переходностью" мы условились понимать именно эту способность глагола вступать въ тѣсную связь со своимъ дополненіемъ, то, очевидно, эти глаголы являются „переходными" по преимуществу, почему ихъ и слѣдуетъ выдѣлить въ особый разрядъ **собственно-переходныхъ** глаголовъ. Равнымъ образомъ и дополненія, управляемыя этими глаголами (т.-е. управляемый винительный падежъ безъ предлога) не безъ основанія принято издавна выдѣлять въ особый разрядъ **„прямыхъ** дополненій" и противополагать имъ всѣ остальныя дополненія, какъ „косвенныя" (термины, конечно, условны). Съ этими прямыми дополненіями не слѣдуетъ смѣшивать примыкающихъ винительныхъ падежей, т.-е. такихъ дополненій, какъ: „онъ говорилъ весь день", „лѣто цѣлое все пѣла", „онъ шелъ версту", „книга стоитъ рубль" и т. д. Въ однихъ изъ этихъ сочетаній самый глаголъ является непереходнымъ („книга стоитъ рубль"), а въ другихъ глаголъ хотя и переходный и даже собственно-переходный (напр., „онъ говорилъ весь день"), но управляетъ-то онъ не тѣмъ винительнымъ, который при немъ здѣсь стоитъ. Такъ, глаголъ „говорилъ" ассоціируется у насъ съ особымъ винительнымъ, такъ назыв. „внутренняго объекта" (говорилъ рѣчь, говорилъ слова), а никакъ не съ винительнымъ времени. Поэтому всѣ такого рода дополненія и будутъ, несмотря на свой винительный падежъ, косвенными.

Для наглядности приведемъ еще всю эту классификацію въ слѣдующей таблицѣ:

ПЕРЕХОДНЫЕ ГЛАГОЛЫ.					Непереходные глаголы.
Непосредственно-переходные.				Посредственно-переходные.	
Глаголы съ род. пад.	Глаголы съ дат. пад.	Глаголы съ вин. пад., или собственно-переходн.	Глаголы съ твор. пад.		

Всѣ эти разряды глаголовъ смѣшиваются всегда въ школьныхъ грамматикахъ съ з а л о г а м и. Но мы уже видѣли, что залогъ—это особая словообразовательная ф о р м а (стучитъ — стучится, строитъ — строится), и такихъ формъ въ русскомъ языкѣ всего 2: возвратная и невозвратная. Глаголы же вышеуказанныхъ разрядовъ совсѣмъ не различаются другъ отъ друга по формѣ, а только по своему у п р а в л е н і ю, т.-е. по формѣ тѣхъ с о ч е т а н і й, въ которыя они вступаютъ въ рѣчи. Другими словами, это ч и с т о - с и н т а к с и ч е с к і е разряды. Правда, нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ извѣстное отношеніе къ залоговой формѣ. Такъ, собственно-переходные глаголы могутъ имѣть только невозвратную форму, т.-е. не могутъ оканчиваться на „ся" (потому что это „ся" само есть бывшій винительный падежъ, и другому винительному здѣсь нѣтъ мѣста); глаголы, управляющіе творительнымъ падежомъ часто имѣютъ возвратную форму, потому что форма эта получила въ русскомъ языкѣ и с т р а д а т е л ь н о е значеніе, такъ что при ней необходимъ въ этомъ случаѣ творительный дѣйствующаго предмета („домъ строится плотникомъ"). Но въ общемъ все же каждая изъ указанныхъ группъ (кромѣ собственно-переходныхъ) можетъ включать въ себѣ и в о з в р а т н ы е, и н е в о з в р а т н ы е глаголы, такъ что между тѣмъ и другимъ дѣленіемъ нѣтъ никакого соотношенія. Такъ, напр., и „лежу", и „грѣюсь" являются одинаково непереходными, и „настаиваю", и „надѣюсь"—одинаково посредственно-переходными, и „хочу" и „боюсь" одинаково требуютъ родительнаго, и „завидую", и „уподобляюсь" — одинаково дательнаго и т. д.

Отношеніе этихъ разрядовъ къ залоговымъ формамъ.

Къ сказанному о винительномъ падежѣ надо, добавить, что, независимо отъ того, служитъ онъ прямымъ дополненіемъ, или

Морфологическія особенно-

сти винительнаго падежа.

нѣтъ, онъ замѣчателенъ въ русскомъ языкѣ еще и съ морфологической стороны. Самая форма винительнаго падежа существуетъ только въ единственномъ числѣ словъ женскаго рода на **а** и **я** (голова—голов**у**, семь**я**—семь**ю**). Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ форма винительнаго падежа замѣняется формами именительнаго и родительнаго падежа. Вслѣдствіе этого винительный падежъ въ русскомъ языкѣ сознается въ огромномъ большинствѣ случаевъ только синтаксически, т.-е. не при помощи отдѣльной формы, а при помощи формы всего сочетанія. Такъ, въ сочетаніяхъ „я вижу столъ", „я вспомнилъ про брата" мы сознаемъ винительный падежъ, а не именительный и не родительный только по ассоціаціи съ такими сочетаніями, какъ: „я вижу скамью", „я вижу лавку", „я вспомнилъ про сестру", „про дядю" и т. д. Такимъ образомъ, особое пониманіе цѣлаго ряда формъ (вижу столъ, стол**ы**, брат**а**, братьев**ъ**, окн**о**, окн**а**, сест**еръ**, метл**ы**, кровать, кроват**и**, сѣм**я**, сѣмен**а**) поддерживается только **одной** формой (сестру). Это-то и дѣлаетъ винительный падежъ столь труднымъ для школьниковъ. Съ другой стороны, это же показываетъ, что тѣ школьники, которые пользуются для опредѣленія винительнаго падежа подстановкой во всякое данное сочетаніе такихъ словъ, какъ „сестра" (а дѣти сами часто изобрѣтаютъ этотъ способъ), стоятъ на вѣрномъ и естественномъ пути, такъ какъ они здѣсь продѣлываютъ сознательно то самое, что мы всегда производимъ безсознательно. А вѣдь къ переводу грамматическихъ ощущеній изъ безсознательныхъ въ сознательныя и сводится всякое грамматическое обученіе. Кромѣ того, сознаніе винительнаго падежа поддерживается въ насъ еще и двойственностью его замѣны, т.-е. тѣмъ, что въ однихъ и тѣхъ же сочетаніяхъ типа: „я вижу сестру" встрѣчается на мѣстѣ винительнаго падежа то именительный, то родительный падежъ. Это постоянное колебаніе между двумя замѣнительными формами какъ бы подчеркиваетъ для насъ ихъ замѣнительность, напоминаетъ, что обѣ онѣ здѣсь не на своемъ мѣстѣ. Такимъ образомъ, сознаніе винительнаго падежа основано у насъ, въ сущности, на тройной ассоціаціи: „я вижу столъ", „я вижу брата", „я вижу сестру". На этой послѣдней сторонѣ дѣла основанъ и школьный вопросъ „кого, что?", гдѣ именно соединеніе въ одномъ вопросѣ родительнаго падежа („кого?") съ именительнымъ („что?") вызываетъ у школьника представленіе о винительномъ падежѣ (о неудобствахъ этого способа различенія см. въ „Приложеніи"). Самый выборъ замѣнительныхъ падежей здѣсь тоже въ высшей степени интересенъ и своеобразенъ: онъ стоитъ въ связи съ такъ наз. „одушевленностью" или „неодушевленностью" предмета, т.-е. съ тѣмъ, свойственно предмету произвольное движеніе, или несвойственно; въ первомъ случаѣ замѣнительнымъ падежомъ служитъ родительный, во второмъ — именительный („я вижу брата"

и „я вижу столъ", „братьевъ" и „столы", „сестеръ" и „метлы", „матерей" и „кости"). Исключеніе составляетъ только единственное число словъ женскаго рода на ь, гдѣ замѣнительный падежъ всегда именительный (я вижу мать, дочь, свекровь, лошадь, лань, рысь, выпь и т. д.). Но такъ какъ такихъ словъ со значеніемъ одушевленныхъ предметовъ крайне мало, то это не можетъ измѣнить того замѣчательнаго факта, что въ русскомъ языкѣ (а въ той или иной степени и во всѣхъ славянскихъ языкахъ) существуютъ особыя категоріи одушевленности и неодушевленности и что русскій человѣкъ въ своемъ грамматическомъ мышленіи всѣ предметы міра дѣлитъ на эти два разряда. Этимъ и объясняется, что русскую школьную грамматику приходится начинать съ чисто-біологическаго понятія произвольнаго движенія. Небезынтересно отмѣтить и тутъ разницу между грамматическимъ и логическимъ мышленіемъ. Дѣля всю природу на одушевленную и неодушевленную, мы на каждомъ шагу грамматически относимъ къ неодушевленному міру то, что логически отнесли бы къ одушевленному, и наоборотъ. Мы говоримъ, напр., съ одной стороны: „смотрѣть на Марса", „на Юпитера", „свергнуть идоловъ", „загнать шара въ лузу", „найти гриба", „опираться на бронзоваго льва", „вылѣпить двуглаваго орла", а съ другой стороны: „увидѣть народъ", „разбить войско", „смотрѣть полки", „вѣрить въ Божество", „превратиться въ чудовище", „нанять подмастерье", „выйти въ люди", „поступить въ офицеры" и т. д. Одни изъ этихъ „исключеній" объясняются исторически, какъ архаизмы, такъ какъ здѣсь родительный падежъ, сравнительно недавно взявшій на себя въ славянскихъ языкахъ эту замѣнительную роль, еще не успѣлъ по тѣмъ или инымъ причинамъ вытѣснить именительно-винительный („увидѣть народъ", „вѣрить въ Божество", „поступить въ офицеры"), другіе—психологически, какъ намѣренное оживленіе предмета („загнать шара", „найти гриба"), или какъ колебаніе въ пониманіи слова вслѣдствіе двойственности его значенія („смотрѣть на Марса", „вылѣпить орла"). Вообще, вопросъ о категоріяхъ одушевленности и неодушевленности, объ ихъ происхожденіи и о происхожденіи всѣхъ относящихся сюда исключеній составляетъ очень интересную, но едва ли не самую сложную главу русскаго синтаксиса.

Родительный пріименный.

Переходя къ пріименнымъ дополненіямъ, мы должны остановиться прежде всего на родительномъ падежѣ. Этотъ падежъ гораздо чаще употребляется при именахъ, чѣмъ при глаголахъ и прямо, можно сказать, спеціализировался въ своей пріименной роли. Дѣло въ томъ, что только онъ одинъ можетъ употребляться при всякомъ существительномъ. Дательный падежъ, напр., возможенъ только при такихъ существительныхъ, какъ: подарокъ, долгъ, вредъ, угроза, по-

клонъ и т. д., т.-е. связанныхъ по корню съ глаголами, управляющими дат. падежомъ. Правда, внѣшнимъ образомъ, мы можемъ приставить дат. падежъ къ любому существительному („вотъ тебѣ деньги!“, „это ему наука!“, „она тебѣ не нянька“, „тутъ ему письмо“, „хлѣбца бы мнѣ!“, „доктора мнѣ скорѣй!“, „карету мнѣ, карету!“ и т. д.), но всякій сейчасъ же замѣтитъ разницу между сочетаніями, напр., „его письмо“ и „ему письмо“. Въ сочетаніи „его письмо“ дополненіе „его“ мы отнесемъ прежде всего къ слову „письмо“ (чье письмо? его). Въ сочетаніи же „**ему** письмо“ дополненіе относится, собственно, не къ слову „письмо“, а къ какому-то опущенному здѣсь слову, какъ если бы было сказано „ему пришло письмо“, „ему лежитъ письмо“, „ему принесено письмо“, „ему есть письмо“ или что-нибудь въ этомъ родѣ. Точно такъ же въ сочетаніи „карету мнѣ, карету!“ дательный падежъ, конечно, относится не къ „каретѣ“, а къ какому-то опущенному глаголу („подайте“, „приведите“ и т. д.). Такимъ образомъ, дательный падежъ явно тяготѣетъ къ глаголу, даже въ томъ случаѣ, когда самый глаголъ опущенъ. Творительный падежъ отличается въ этомъ отношеніи отъ дательнаго только тѣмъ, что онъ уже и внѣшне не можетъ быть приставленъ къ любому существительному, а только къ такому, которое происходитъ отъ глагола, управляющаго творительнымъ падежомъ (занятія науками, управленіе имѣніемъ, поѣздка лошадьми и т. д.). Винительный падежъ совершенно невозможенъ, какъ мы видѣли, при имени. Предложный падежъ, какъ и всѣ другіе падежи со связками, опять-таки не связанъ ничѣмъ съ именемъ. Такимъ образомъ только одинъ родительный падежъ сочетается со всякимъ именемъ существительнымъ, но съ весьма немногими глаголами. Вотъ это-то и связываетъ его съ именемъ, дѣлаетъ его пріименнымъ по преимуществу. Онъ почти настолько же пріименъ въ настоящее время, насколько винительный падежъ приглаголенъ.

На ту же пріименную природу родительнаго падежа указываетъ и слѣдующее своеобразное явленіе русской рѣчи: родительные падежи могутъ нанизываться рядами на одно и то же имя (домъ доктора, домъ брата доктора, домъ кучера брата доктора, домъ жены кучера брата доктора и т. д.). Правда, въ послѣднее время злоупотребляютъ подобнымъ нанизываніемъ и доводятъ рѣчь до невѣроятной сложности и порой даже неясности („сущность до-

клада предсѣдателя технической комиссіи учебнаго отдѣла общества распространенія техническихъ знаній", „значеніе признанія необходимости введенія новыхъ способовъ земельнаго обезпеченія крестьянъ земледѣльческаго района"). Но во всякомъ случаѣ самая возможность подобныхъ цѣпочекъ изъ родительныхъ падежей указываетъ на огромное распространеніе такихъ дополненій въ современномъ русскомъ языкѣ и на тѣсную связь ихъ съ именемъ. Вѣдь синтаксически всякая такая цѣпочка есть то же, что магнитъ, къ которому подвѣшенъ столбикъ изъ перьевъ, потому что здѣсь первое слово требуетъ родительнаго падежа, этотъ родительный въ свою очередь требуетъ родительнаго, тотъ въ свою очередь, и т. д., и т. д. И по длинѣ цѣпочки мы можемъ судить о силѣ сцѣпленія *перваго* родительнаго съ *первымъ* управляющимъ словомъ-магнитомъ.

Наконецъ, на ту же пріименность указываетъ и анализъ *значенія* такого родительнаго падежа. Что, собственно, значитъ „домъ отца?". Конечно, это чаще всего означаетъ домъ, принадлежащій отцу, но при случаѣ это можетъ обозначать и домъ, въ которомъ *жилъ* отецъ, и домъ, который *любилъ* отецъ, и домъ, о которомъ онъ *говорилъ* намъ, и домъ, построенный отцомъ или по идеѣ отца, и домъ, который онъ описалъ въ романѣ, который онъ видѣлъ во снѣ, на которомъ прибито его изображеніе, въ которомъ собраны предметы воспоминанія о немъ, и т. д., и т. п. (срвн. „комната *Чехова* въ Историч. музеѣ въ Москвѣ", „лицей *Цесаревича Николая*", „Храмъ *Христа Спасителя*"). Ясно, что этотъ родительный не имѣетъ, въ сущности, *никакого* опредѣленнаго значенія: онъ охватываетъ всевозможнѣйшія отношенія, даже, можно прямо сказать, *всѣ* отношенія, какія только можно себѣ представить между 2-мя предметами. Но зато, какъ бы въ противовѣсъ этой неопредѣленности, онъ ограниченъ съ другой стороны: отношенія, имъ изображенныя, могутъ существовать именно только *между предметами*, а не между предметомъ и признакомъ. Если мы сравнимъ этотъ родительный съ приглагольнымъ родительнымъ, то увидимъ, что тотъ далеко не такъ неопредѣленъ по значенію: родительный, напр., при глаголахъ „избѣгаю", „чуждаюсь", „сторонюсь" и т. д. обозначаетъ отдѣленіе, при глаголахъ „даю", „беру", „покупаю", „достаю" и т. д. обозначаетъ, что дѣйствіе направлено на *часть* предмета, а не на весь предметъ и т. д. Такимъ образомъ, эта неопредѣленность зна-

ченія родительнаго пріименнаго связана именно съ его пріименностью, какъ и обратно пріименность съ неопредѣленностью: родительный падежъ существуетъ въ нашемъ языкѣ для обозначенія какихъ бы то ни было отношеній предмета къ предмету.

Всему сказанному о родительномъ пріименномъ можно подвести слѣдующій итогъ: хотя въ сочетаніи типа: „домъ отца" и нѣтъ связи между родительнымъ падежомъ слова „отца" и словомъ „домъ" (нельзя сказать, что именно „домъ", въ отличіе отъ другихъ существительныхъ, требуетъ родительнаго падежа, какъ, напр., „наслажденіе" — творительнаго или „подражаніе" — дательнаго), но зато есть прочная связь между родительнымъ падежомъ и самой существительностью слова „домъ": слово „домъ", какъ существительное, требуетъ именно родительнаго падежа, а не какого-либо другого. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что слово „домъ" все-таки управляетъ родительнымъ падежомъ.

Само собой понятно, что всѣ другія пріименныя дополненія являются сплошь примыкающими, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда они стоятъ при отглагольномъ имени.

Прочія пріименныя дополненія.

Въ заключеніе приведемъ еще рядъ примѣровъ на пріименныя дополненія **не** въ родительномъ падежѣ (для ясности обозначаемъ дополненіе жирнымъ шрифтомъ, а то имя, отъ котораго оно зависитъ—разрядкой):

1) при существительныхъ:

... мысли его перешли, при видѣ луговъ, на вопросъ **о покосѣ**. („Анна Кар". Л. Толст.)

Когда они проѣхали лѣсъ, все вниманіе его поглотилось видомъ парового поля **на бугрѣ**. (тамъ же)

При этомъ извѣстіи онъ... почувствовалъ припадокъ этого страннаго, находившаго на него чувства омерзѣнія **къ кому-то**... (тамъ же)

Во время нападенія матери **на отца** она пыталась удерживать мать... чувствовала стыдъ **за мать** и нѣжность **къ отцу** за его... **доброту**... (тамъ же)

... стыдливость **въ дѣвушкѣ** онъ считалъ не только остаткомъ варварства, но и оскорбленіемъ **себѣ**... (тамъ же)

Это была книга Тиндаля **о теплотѣ**. Онъ вспоминалъ свои осужденія **Тиндалю за** его **самодовольство въ ловкости** производства опытовъ... (тамъ же)

... случилось... событіе, разрушившее вдругъ все ея сегодняшнее счастье и гордость **дѣтьми**. (тамъ же)

Запахъ брильянтина **отъ** его **усовъ** казался ему особенно пріятнымъ... (тамъ же)

У всякаго было самое вѣрное извѣстіе, всякій имѣлъ списокъ **убитымъ и раненымъ**... (Пушк.)

И всѣ въ домѣ были проникнуты убѣжденіемъ... что праздникъ **въ четвергъ** — непоборимая преграда **къ ученію** на всю недѣлю. (Гонч.)

... и вотъ на четвертый или на пятый день гощенія **на станціи** состоялось между глупой молодежью одно преневозможное пари **въ два** рубля... (Дост.)

Послѣ случая **на желѣзной дорогѣ**, у Коли въ отношеніяхъ **къ матери** произошла нѣкоторая перемѣна. (Дост.)

Въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ примѣровъ употребленіе дательнаго пріименнаго выходитъ изъ тѣхъ предѣловъ, которые очерчены предыдущимъ изложеніемъ. Такъ, мы встрѣчаемъ сочетанія: „стыдливость въ дѣвушкѣ онъ считалъ... оскорбленіемъ **себѣ**", несмотря на то, что „оскорбляю" требуетъ винительнаго падежа, а не дательнаго (оскорбляю сестру, а не сестрѣ), „онъ вспоминалъ свои осужденія **Тиндалю**", хотя: „осуждаю Тиндаля, а не Тиндалю", „всякій имѣлъ списокъ **убитымъ и раненымъ**", хотя: „списываю **убитыхъ** и раненыхъ". Здѣсь дательный падежъ перебрался въ именныя сочетанія изъ глагольныхъ, т.-е. изъ такихъ, напр., какъ: „онъ нанесъ оскорбленіе ему" („ему" зависитъ отъ „нанесъ", а не отъ „оскорбленіе"), „онъ высказалъ осужденіе ему" и т. д. Такъ какъ дательный падежъ по большей части примыкаетъ къ глаголу, а не управляется имъ (управляется онъ только такими глаголами, какъ: „даю", „помогаю", „врежу", „грожу" и т. д.), то отнесеніе его къ тому или иному слову зависитъ часто отъ порядка словъ и отъ вещественныхъ условій рѣчи (см. стр. 152). Въ сочетаніи, напр., „онъ высказалъ ему осужденіе", дательный можетъ быть отнесенъ только къ глаголу, потому что стоитъ рядомъ съ нимъ. Въ сочетаніи же: „онъ высказалъ осужденіе ему" возможно уже двоякое пониманіе, въ зависимости отъ обстановки рѣчи: если осуждаемый тутъ, налицо, то дательный будетъ сознаваться, какъ приглагольный, если же осуждаемый далеко и осужденіе не могло быть ему въ лицо высказано, то мы скорѣе поймемъ этотъ дательный, какъ пріименный (осужденіе кому? ему). А изъ этого пониманія могли возникнуть и такія сочетанія, какъ: „онъ вспоминалъ свое осужденіе ему", „онъ скрылъ свое осужденіе ему", гдѣ глаголъ уже не терпитъ при себѣ дательнаго и гдѣ поэтому дательный уже можетъ быть только пріименнымъ. Такія же сочетанія встрѣчаются и въ другихъ славянскихъ языкахъ (напр., въ древн.-церк.-слав., въ дословн. перев.: „увидѣлъ другихъ двухъ братьевъ, Іакова Зеведеева и Іоанна, брата ему", „не онъ ли плотникъ, сынъ Маріинъ, братъ Іакову, Іосіи, Іудѣ и Симону?"). Они поучительны тѣмъ, что даютъ представленіе, какъ могло вообще

возникнуть пріименное дополненіе. Здѣсь дательный падежъ дѣлаетъ первые робкіе шаги по тому пути, который родительнымъ падежомъ былъ пройденъ еще въ индо-европейскомъ пра-языкѣ до конца.

2) при прилагательныхъ:

„... для нея вы будете случаемъ позлословить, а здѣсь вы только возбудите другія, самыя хорошія и противоположныя **злословію** чувства"... (Л. Толст.)

... Коля, почти **изо всѣхъ** младшій... предложилъ, что онъ, ночью,... ляжетъ между рельсами ничкомъ... (Дост.)

Изъ темнаго лѣса, навстрѣчу ему,
Идетъ вдохновенный кудесникъ,
Покорный **Перуну** старикъ одному... (Пушк.)

Тутъ былъ **на эпиграммы** падкій,
На все сердитый господинъ:
На чай хозяйскій, слишкомъ сладкій,
На плоскость дамъ, **на тонъ** мужчинъ.
На толки про романъ туманный,
На вензель, двумъ сестрицамъ данный,
На ложь журналовъ, **на войну**,
На снѣгъ и **на** свою **жену**... (Пушк.)

И синяго моря обманчивый валъ
Въ часы роковой непогоды,
И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ
Щадятъ побѣдителя годы... (Пушк.)

... онѣ все тѣ же;
Все тотъ же **ихъ** знакомый **слуху** шорохъ...

(Пушк., „Опять на родинѣ").

Мы намѣренно удлинили рядъ примѣровъ на пріименныя дополненія, въ виду того, что школьныя грамматики не признаютъ ихъ вовсе. Онѣ упорно утверждаютъ, что дополненіе можетъ зависѣть только отъ глагола. Если даже принять гипотезу о приглагольномъ происхожденіи дополненія (см. стр. 155), то и то для настоящаго времени такое утвержденіе представляетъ анахронизмъ, можетъ быть, въ сотни тысячъ лѣтъ, потому что уже въ индо-европейскомъ пра-языкѣ пріименный типъ дополненія былъ вполнѣ выработанъ. Небезынтересно отмѣтить, что, втискивая дополненіе въ приглагольныя рамки и тѣмъ насилуя языкъ, школа насилуетъ и логическую сторону рѣчи, которая у нея обычно пользуется предпочтеніемъ передъ грамматической. Такъ, чтобы въ сочетаніи „гордость дѣтьми" найти опредѣленіе, а не дополненіе, приходится спрашивать: „какая гордость?" и отвѣчать: „дѣтьми"; въ сочетаніи „запахъ отъ усовъ", приходится спрашивать: „какой запахъ?" и отвѣчать: „отъ усовъ". Ясно, что здѣсь отвѣтъ не только грамматически но и логически не соотвѣтствуетъ вопросу.

Кромѣ пріименныхъ и приглагольныхъ дополненій существуютъ еще и **принарѣчныя дополненія**, какъ, напр., **родительный сравненія** при сравнительной степени нарѣчія (свѣтлѣе **огня**, бѣлѣе **снѣга**, тише **воды**, ниже **травы**), **творительный мѣры**, тоже при сравнит. степени нарѣчія (**днемъ** позже, **годомъ** раньше, **рублемъ** дороже). Кромѣ того дополненіе можетъ зависѣть и отъ инфинитива (примѣры см. выше), и отъ дѣепричастія (читая **книгу**, отказавшись **отъ завтрака**), и даже отъ слова, не имѣющаго формы (направо **отъ церкви**, заодно **съ нимъ**, втайнѣ **отъ него**), такъ что можно сказать, что оно можетъ зависѣть **отъ всякаго полнаго слова** предложенія.

Принарѣчныя дополненія. Дополненіе можетъ зависѣть отъ любого члена предложенія.

На ряду съ изученными нами основными разрядами, въ дополненіи возможны и другія, болѣе мелкія подраздѣленія. Такъ какъ дополненіе выражается всѣми косвенными падежами, то, очевидно, каждый падежъ составитъ особую синтаксическую группу. Въ этой группѣ можно, въ свою очередь, установить группы по **значеніямъ** падежа (напр., въ творительномъ можно различать дополненіе **орудія**, дополненіе **причины**, дополненіе **ограниченія**, дополненіе **способа** и т. д., см. стр. 91). Точно такъ же и въ составныхъ дополненіяхъ можно различать группы по связкамъ, по значеніямъ связокъ. Но всѣ эти разряды могутъ быть разсмотрѣны уже только въ подробномъ синтаксисѣ.

Дальнѣйшая классификація дополненій.

XVI.

Опредѣленіе.

Бѣлѣетъ парусъ **одинокій**
Въ туманѣ моря **голубомъ**...
Что ищетъ онъ въ странѣ **далекой**?
Что кинулъ онъ въ краю **родномъ**? (Лерм.)
Мнѣ хочется сказать **великому** народу:
Ты **жалкій** и **пустой** народъ. (Лерм.)

Какъ видно изъ этихъ примѣровъ, подъ опредѣленіемъ понимаютъ въ синтаксисѣ прежде всего **прилагательное**, стоящее при какомъ-либо **существительномъ** и согласующееся съ этимъ существительнымъ. Другими словами, опредѣленіе есть прилагательное въ его **истинной** роли, а

Опредѣленіе-прилагательное.

не въ той роли замѣстителя существительнаго, съ какой мы познакомились въ отдѣлахъ о подлежащемъ и дополненіи.

Опредѣленіе-причастіе.

Наравнѣ съ собственно-прилагательными могутъ употребляться, конечно, и причастія:

Безумныхъ лѣтъ у г а с ш е е веселье
Мнѣ тяжело, какъ смутное похмелье...
Мой путь унылъ. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго в о л н у е м о е море. (Пушк.)

Что ты значишь, скучный шопотъ?
Укоризну или ропотъ
Мной у т р а ч е н н а г о дня? (Пушк.)

Мы блаженные сонмы свободно к о ч у ю щ и х ъ скиѳовъ... (Бальм.)

Нависши уродливымъ тѣломъ надъ быстро с в е р к н у в ш е й волной,
Она увлекаетъ добычу съ б л е с т я щ е й ея чешуей. (Бальм.)

Приложеніе.

Далѣе, такъ какъ каждое существительное можетъ быть употреблено и не въ смыслѣ отдѣльнаго предмета, а въ смыслѣ предмета-спутника, или предмета-признака (см. стр. 57), то опредѣленіемъ можетъ быть и с у щ е с т в и т е л ь н о е:

К р а с а в и ц а зорька въ небѣ загорѣлась... (Кольц.)
Хорошъ и кленъ съ своими л а п а м и-листами. (Акс.)
Николаша, кажется, былъ будущій человѣкъ-д р я н ц о. (Гог.)

С в а х а тетка узнала и передала взаимно произведенное впечатлѣніе... (Л. Толст.)

Зачѣмъ онъ шапкой дорожитъ?
Затѣмъ, что въ ней доносъ зашитъ,
Доносъ на гетмана з л о д ѣ я
Ц а р ю Петру отъ Кочубея. (Пушк.)

К н я з ь Игорь и Ольга на холмѣ сидятъ... (Пушк.)

Опредѣленія послѣдняго рода выдѣляются обыкновенно въ особую подгруппу подъ именемъ п р и л о ж е н і й.

Главный синтаксическій признакъ опредѣленія есть с о г л а с о в а н і е его съ тѣмъ существительнымъ, къ которому оно относится (съ такъ наз. о п р е д ѣ л я е м ы м ъ словомъ). Согласованіе это, въ отличіе отъ согласованія сказуемаго съ подлежащимъ, сопровождается ощущеніемъ сильной з а в и с и м о с т и согласующагося слова отъ того, съ которымъ оно согласуется. Въ сочетаніи, напр., „покойной ночи“ мы сознаемъ окончаніе „ой“ въ прилагательномъ, т.-е. форму падежа, числа и рода его, всецѣло зависящей отъ падежа, числа и рода слова „ночи“, и намъ не можетъ ни на минуту представиться, чтобы, наоборотъ, слово „ночи“ подражало въ этихъ своихъ формахъ

слову „покойной". Такимъ образомъ, слово „ночи" представляется, какъ что-то самостоятельное (какъ дополненіе, оно, конечно, въ свою очередь несамостоятельно по отношенію къ опущенному здѣсь глаголу), а слово „покойной" — какъ что-то несамостоятельное. И такое согласованіе, въ отличіе отъ согласованія сказуемаго съ подлежащимъ, можно назвать подчинительнымъ согласованіемъ. Но не всегда это подчиненіе опредѣленія опредѣляемому одинаково сильно. Приложеніе, напр., гораздо слабѣе подчиняется своему опредѣляемому, чѣмъ опредѣленіе-прилагательное. Сравнивая два параллельныхъ выраженія:

Особенности приложеній.

Хорошъ и кленъ съ своими лапами-листами
Хорошъ и кленъ съ своими лапчатыми листами

мы видимъ, что „лапами" кажется гораздо болѣе самостоятельнымъ по отношенію къ своему опредѣляемому, чѣмъ „лапчатыми" (срвн. стр. 61) И, въ сущности, въ томъ, что мы сознаемъ „листами, какъ нѣчто самостоятельное, а „лапами", какъ нѣчто подчиненное и согласующееся, не малую роль играетъ вещественная сторона рѣчи, т.-е. то, что у клена на самомъ дѣлѣ не лапы, а листы. Ту же самую фразу мы могли бы примѣнить къ какому-нибудь животному, у котораго лапы нашли бы похожими на листы (напр.: „интересна также и древесная лягушка со своими лапами-листами"), и отношеніе измѣнилось бы въ обратную сторону: „лапами" стало бы самостоятельнымъ словомъ, опредѣляемымъ, а „листами" — согласующимся словомъ, опредѣленіемъ. Очевидно, въ существительномъ признакъ согласованія далеко не такъ ясенъ, какъ въ прилагательномъ. Объясняется это тѣмъ, что у прилагательнаго три синтаксическихъ формы (падежъ, число и родъ), а у существительнаго только одна (падежъ). Такъ какъ согласоваться могутъ только синтаксическія формы, то, очевидно, существительное можетъ согласоваться только въ падежѣ. И, дѣйствительно, изъ такихъ сочетаній, какъ: „человѣкъ-дрянцо", „рѣка Уралъ", „городъ Москва", убѣждаемся, что приложеніе не согласуется въ родѣ, а изъ такихъ, какъ: „городъ Великія Луки", „дрянь-людишки", „женихи-мелкота", „дни-роскошество" и т. д., видимъ, что нѣтъ согласованія и въ числѣ. Если въ нѣкоторыхъ сочетаніяхъ и есть сходство въ этихъ формахъ („красавица-зорька", „царю Петру"), то это случайное сходство, создаваемое несинтаксическими причинами, совпаденіе, а не согласованіе.

Такимъ образомъ, у опредѣленія-прилагательнаго имѣются 3 согласующихся, т.-е. несамостоятельныхъ формы, а у опредѣленія-существительнаго (приложенія) всего одна такая форма. Немудрено, что приложеніе кажется самостоятельнѣе. Далѣе, и эта единственная несамостоятельная форма существуетъ въ языкѣ, собственно, совсѣмъ для другой цѣли: вѣдь она служитъ обычно для управленія, а не для согласованія. Это тоже уменьшаетъ ея согласовательную силу. Въ сочетаніи „съ своими лапами-листами" приложеніе „лапами" еще и потому мало сливается со своимъ опредѣляемымъ, что мы не можемъ не связывать этого творительнаго падежа со связкой „съ" (**съ** лап**ами**) и благодаря этому сознаемъ одновременно и согласованіе, и управленіе: „лапами" согласуется съ „листами" и въ то же время управляется связкой „съ". А такое подчиненіе, такъ сказать, на двѣ стороны, не можетъ не ослаблять связей этого слова на обѣ стороны. Другими словами, приложеніе вмѣстѣ со своимъ опредѣляемымъ, если они стоятъ въ косвенномъ падежѣ („лапами-листами", „гетмана-злодѣя", „царю-Петру") сбиваются на 2 параллельныхъ дополненія. Иногда этотъ параллелизмъ такъ великъ, что даже трудно говорить о приложеніи, потому что невозможно рѣшить, что къ чему „приложено". Какъ, напр., отличить опредѣленіе отъ опредѣляемаго въ сочетаніи:

Ты стоишь-поникъ и не ратуешь
Съ мимолетною тучей-бурею. (Кольц.)

или въ сочетаніи:

Въ этой нѣжности мгновенной
Можетъ, тайно, разлита
Ласка матери-вселенной. (Брюс.)

Вѣдь если отвлечься отъ вещественной стороны рѣчи (а для грамматиста это необходимо), то останется только одинъ синтаксическій критерій: ассоціація со смежными сочетаніями. Если, напр., сочетаніе „лапами-листами" ассоціируется у насъ съ „лапчатыми листами", „вырѣзанными листами", „большими листами" и т. д., то мы въ правѣ и съ языковой точки зрѣнія говорить, что здѣсь существительное замѣщаетъ прилагательное, что „лапами" — приложеніе. Точно такъ же, если то же сочетаніе ясно ассоціируется съ сочетаніями: „листовыми лапами", „листообразными лапами", „зелеными лапами" и т. д., то мы можемъ „листами" считать замѣстителемъ прилагательнаго, приложеніемъ. Теперь спрашивается, съ чѣмъ могла ассоціироваться у поэта во второмъ примѣрѣ „мать-

-вселенная"? Со „вселенской матерью" или съ „матерней вселенной"? Отвѣтить на этотъ вопросъ невозможно, и правильнѣе говорить здѣсь о 2-хъ параллельныхъ дополненіяхъ, чѣмъ объ опредѣленіи и опредѣляемомъ. Точно такъ же и въ именительномъ падежѣ („красавица-зорька", „князь Игорь") приложеніе со своимъ опредѣляемымъ сбиваются на 2 параллельныхъ подлежащихъ. То, что они оба относятся къ одному и тому же предмету, составляетъ логическій, а не грамматическій признакъ. Вѣдь признаемъ же мы 2 равноправныхъ подлежащихъ въ такихъ сочетаніяхъ, какъ: „мой дядя и опекунъ, братъ моего покойнаго отца, далъ мнѣ образованіе", хотя здѣсь тоже говорится объ одномъ лицѣ, а не о двухъ. Впрочемъ, до полнаго параллелизма въ этихъ случаяхъ дѣло никогда не доходитъ, такъ какъ здѣсь есть еще одинъ синтаксическій признакъ — связь со сказуемымъ. Въ сочетаніи, напр., „городъ Великія Луки увеличивается" мы узнаемъ сразу подлежащее по тому, что съ нимъ согласуется въ числѣ сказуемое. Если бы подлежащимъ сознавалось здѣсь „Великія Луки", то мы бы сказали: „городъ Великія Луки увеличиваются". Точно такъ же въ сочетаніяхъ: „гора Казбекъ показалась вдали", „пришелъ пароходъ „Императрица", „прибѣжала собака Шарикъ", „понаѣхали женихи-мелкота" и т. д. форма сказуемаго ясно указываетъ, какое изъ двухъ существительныхъ сознается, какъ дѣйствующій предметъ и какое, какъ признакъ его. Тамъ же, гдѣ такого указанія не можетъ быть (напр., „идетъ пароходъ „Императрица") остается, какъ критерій, ассоціація съ показательными сочетаніями: въ сочетаніи: „идетъ пароходъ „Императрица" мы можемъ считать „пароходъ" подлежащимъ, а „Императрица" приложеніемъ по связи съ сочетаніемъ: „пришелъ пароходъ „Императрица".

Къ этому признаку можетъ иногда присоединяться и другой, однородный съ нимъ признакъ: согласованіе прилагательнаго, если при данной парѣ существительныхъ имѣется какъ разъ относящееся къ нимъ обоимъ прилагательное. Такъ, въ сочетаніи: „Николаша былъ будущій человѣкъ-дрянцо" прилагательное „будущій" своей формой согласованія въ родѣ ясно показываетъ, что подчиняющимъ членомъ сознавалось „человѣкъ", а подчиненнымъ — „дрянцо"; въ противномъ случаѣ было бы сказано: „будущее человѣкъ-дрянцо". Подобнымъ же образомъ, въ сочетаніи: „онъ отправился къ ближайшему женщинѣ-врачу" опредѣляемымъ будетъ „врачу", а опредѣленіемъ,—„женщинѣ", въ сочетаніи же: „къ ближайшей женщинѣ-врачу" отношеніе будетъ обратное.

Значеніе опредѣленія.

Итакъ, существительное, въ сущности, довольно плохо выполняетъ функцію опредѣленія. Оно является имъ только постольку, поскольку оно способно, такъ сказать, поддѣлаться подъ прилагательное и поскольку въ немъ его единственная синтаксическая форма, падежъ, служащая обычно для управленія, можетъ получить значеніе характернаго для прилагательныхъ согласованія. А въ такомъ случаѣ къ прилагательности и къ согласованію сведется, очевидно, вся сущность опредѣленія, которую можно формулировать такъ: **опредѣленіе есть имя, согласующееся съ другимъ именемъ предложенія и выражающее при помощи этого согласованія признакъ, заложенный въ природѣ предмета.**

Отношеніе опредѣленія къ другимъ членамъ предложенія.

Такъ какъ то имя, съ которымъ согласуется опредѣленіе, очевидно, уже должно обозначать предметъ, а не признакъ, то ясно, что опредѣленіе можетъ относиться не ко всякому члену предложенія, какъ дополненіе, а только къ члену, выраженному именемъ существительнымъ, т.-е. къ подлежащему, дополненію и приложенію.

Двойные падежи. Двойной винительный.

Параллельная зависимость опредѣленія и опредѣляемаго отъ одного и того же третьяго члена наблюдается не только при приложеніи, но и при опредѣленіи-прилагательномъ въ такъ назыв. двойныхъ падежахъ: двойномъ винительномъ, двойномъ дательномъ, двойномъ творительномъ и т. д. Всмотримся въ слѣдующіе примѣры:

Мужъ жену любитъ здоровую, а братъ сестру богатую. (Посл.)

Разумѣется, съ точки зрѣнія Прокофія, видѣвшаго его въ оборванной шубѣ и пьянаго, онъ презрѣнный человѣкъ. (Л. Толст.)

Константинъ съ помощью Маши уговорилъ его никуда не ѣздить и уложилъ спать совершенно пьянаго. (Л. Толст.)

Онъ думалъ объ одномъ, что сейчасъ увидитъ ее не въ одномъ воображеніи, но живую, всю, какая она есть въ дѣйствительности... (Л. Толст.)

Если бы Чичиковъ встрѣтилъ его такъ принаряженнаго гдѣ-нибудь у церковныхъ дверей, то далъ бы ему мѣдный грошъ... (Гог.)

„Выгналъ сотникъ свою дочку босую изъ дому“... (Гог.)

„Признаюсь, я очень удивился, услышавъ ее (собачку) говорящую по-человѣчески“. (Гог.)

Это еще милость, когда сварятъ его живого въ котлѣ... (Гог.)
Я нашелъ его у воротъ сидящаго на скамейкѣ. (Лерм.)

Мы пошли къ Сильвіо и нашли его на дворѣ сажающаго пулю на пулю... (Пушк.)

Я нашелъ его окруженнаго нашими офицерами... (Пушк.)

Бѣсовъ вообще рисуютъ безобразныхъ... (Лерм.)

...И ласточку свою, предтечу теплыхъ дней,
Онъ видитъ на снѣгу замерзшую. (Крыл.)

„А это ничего, что ты свой долгій носъ
И съ глупой головой изъ горла цѣлъ унесъ“? (Крыл.)

Во всѣхъ этихъ примѣрахъ мы находимъ оборотъ съ такъ наз. двойнымъ винительнымъ, характеризующійся тѣмъ, что оба винительныхъ зависятъ отъ одного и того же глагола. Такъ, въ сочетаніи: „мужъ жену любитъ здоровую" не только дополненіе „жену" зависитъ отъ глагола „любитъ", но и опредѣленіе „здоровую" тоже до нѣкоторой степени отъ него зависитъ (любитъ какую? здоровую). Такимъ образомъ, здѣсь въ словѣ „здоровую" соединяются, какъ въ приложеніи, согласованіе съ управленіемъ. Внѣшнимъ образомъ это выражается въ томъ, что на прилагательномъ дѣлается чрезвычайно сильное ударенiе, что и дѣлаетъ его болѣе самостоятельнымъ, приравниваетъ къ существительному и потому подчиняетъ непосредственно глаголу. Чуть только мы лишимъ слово „здоровую" этого исключительнаго ударенія, а произнесемъ фразу съ обычнымъ легкимъ ударенiемъ на дополненіи, — двойной винительный исчезнетъ, и получится самая обыкновенная конструкція: „мужъ любитъ здоровую жену", какъ: „онъ любитъ свою жену" или даже съ перестановкой, но съ ударенiемъ на существительномъ, а не на прилагательномъ: „мужъ любитъ жену здоровую", какъ: „онъ любитъ жену свою". Оборотъ съ двойнымъ винительнымъ — очень древній и въ древне-русскомъ языкѣ употреблялся не только съ прилагательнымъ, но и съ существительнымъ - приложенiемъ (въ дословн. перев.: „кого, отче, благословишь на свое мѣсто пастуха намъ и учителя?", „Кого ты намъ прикажешь на свое мѣсто игумена?", „Олегъ причину представилъ материну болѣзнь", „кланяемся тебѣ и хотимъ тебя имѣть себѣ отца и игумена", „имѣя ее утѣху и заступницу"), при чемъ второй винительный отличался отъ обычнаго приложенія еще большей самостоятельностью, полной равноправностью съ первымъ винительнымъ. Этотъ оборотъ существовалъ еще въ индо-европейскомъ пра-языкѣ. Въ новыхъ славянскихъ языкахъ онъ рѣзко пошелъ на убыль, такъ какъ второй винительный замѣнился здѣсь въ огромномъ большинствѣ случаевъ **творительнымъ** („кого благословишь на свое мѣсто пастухомъ намъ и учителемъ?", „хотимъ тебя имѣть себѣ отцомъ и игуменомъ", „мужъ жену любитъ здоровою, а братъ сестру богатою" и т. д.). Въ результатѣ въ русскомъ языкѣ получилось своеобразное дополненіе-прилагательное съ управляемымъ падежомъ, но съ согласующимися числомъ и родомъ. Такъ, въ выраженіи: „вижу брата здоровымъ" творительный падежъ прилагательнаго зависитъ отъ глагола „вижу" (вижу кого кѣмъ или какимъ), а мужескій родъ и единственное число того же прилагательнаго зависитъ отъ рода и числа слова „брата" („вижу братьевъ здоровыми", „сестру здоровою", родъ и число мѣняются, а падежъ остается тотъ же). Такимъ образомъ, здѣсь управленіе и согласованіе прямо перемѣшиваются между собой, и мы имѣемъ не то дополненіе, не то опредѣленіе (сравн. то же явленіе при сказуемости, дополне-

нiи, гл. XXIII, отд. II). Скорѣе всего его можно было бы назвать согласующимся дополненіемъ. Въ литературномъ языкѣ этотъ оборотъ рѣшительно возобладалъ надъ двойнымъ винительнымъ, и здѣсь въ немъ уже начинаетъ даже забываться согласованіе, такъ что прилагательное превращается въ самое обыкновенное дополненіе. Такъ, въ послѣднее время въ газетахъ начали появляться такія сочетанія, какъ:

> Кадетская декларація считаетъ необходим**ымъ** заботу о развитіи производительныхъ силъ страны.... („Утро Росс.“ 1912 г. № 199, „Декларація нуждъ и необходимостей“)
>
> А. А. Мотовиловъ признаетъ грустнымъ необходимость возврата къ екатерининскимъ способамъ пополненія кадра русскихъ ученыхъ... („У. Р. “ 1013 г. № 129, думск. отч.)

со среднимъ родомъ прилагательнаго вмѣсто женскаго, и нельзя сказать, чтобы это плохо звучало. Напротивъ, педантизмомъ было бы, кажется, требовать, чтобы сказано было: „считаетъ необходим**ою** заботу о развитіи...“, „признаетъ грустн**ой** необходимость возврата...“ и т. д. Все это показываетъ, что исконное согласованіе здѣсь все меньше и меньше сознается, а это вызвано побѣдой творительнаго надъ винительнымъ. Только при прилагательныхъ: „одинъ“ „самъ“ и „весь“ необходимъ, наоборотъ, древній двойной винительный: „я видѣлъ его одного“, а не „видѣлъ его однимъ“, „его самого“, а не „его самимъ“, „его всего“, а не „его всѣмъ“.

Другіе двойные падежи встрѣчаются еще рѣже. Вотъ нѣсколько примѣровъ на нихъ:

> „Я, говоритъ, то самое дѣло сдѣлалъ и ножъ тебѣ подъ голову сонному подложилъ“. (Л. Толст., двойной дательный)
>
> Она должна была опуститься до дѣйствительности, чтобы наслаждаться имъ такимъ, каковъ онъ былъ. (Л. Толст., двойной творительный)
>
> „Коль до когтей у нихъ дойдетъ,
> То, вѣрно, льву не быть живому...“ (Крыл., двойной дат. при инфинитивѣ, гдѣ тоже уже чаще находимъ творит.: „льву не быть живымъ“)
>
> И нищему не то, чтобъ пить иль наѣдаться —
> Дай Богъ здоровому съ двора убраться. (Крыл.)
>
> Вронскій уже не могъ чувствовать... досады на него за то, что онъ пріѣхавъ въ полкъ пришелъ не къ нему первому. (Л. Толст.)
>
> Въ живомъ въ немъ не было здѣсь проку никакого... (Крыл., двойной предложный)
>
> Вѣдь не разъ я думала, что тоскую о немъ о живомъ больше, чѣмъ о мертвомъ... („Русск. Мысль“ 11913 г. II., „Лунный свѣтъ“ Руновой.)

Напротивъ, прилагательныя: „одинъ“, „самъ“ и „весь“ и здѣсь всегда употребляются въ двойныхъ конструкціяхъ: „ему одному“, „ему самому“, „ему всему“ и т. д.

„Неграмматическія“ приложенія.

Относительно приложенія нужно еще добавить, что оно нерѣдко сливается со своимъ опредѣляемымъ по смыслу и по ритму рѣчи въ нѣчто цѣльное, въ знакъ чего и ставится въ такихъ случаяхъ соединительная черточка: Бова-силачъ,

тучей-бурею, поэтъ-художникъ, механикъ-самоучка, женщина-врачъ и т. д. Это слияніе идетъ иногда такъ далеко, что одно изъ этихъ словъ, именно то, которое служило раньше приложеніемъ, перестаетъ согласоваться съ другимъ словомъ: царь-пушка, царь-пушки (а не царя-пушки), царь-пушкѣ (а не царю-пушкѣ) и т. д., бой-баба, бой-бабѣ, бой-бабы и т. д., козырь-дѣвка, горе-охотникъ, плакунъ-трава, иванъ-чай, Москва-рѣка, „въ Дунай-рѣкѣ", „Іисусъ-Христа", „на Ѳаворъ-горѣ" (въ былинахъ и духовныхъ стихахъ) и т. д. О приложеніи въ грамматическомъ смыслѣ слова въ этихъ случаяхъ говорить, конечно, уже не приходится, такъ какъ здѣсь нѣтъ согласованія, и всего вѣрнѣе разсматривать такія сочетанія какъ сложныя слова, такъ какъ приложеніе здѣсь, съ утратой склоненія, потеряло полностью всю свою самостоятельность. Но есть случаи, гдѣ приложеніе, несмотря на отсутствіе согласованія, все же не можетъ быть принято за часть другого слова. Таковы старинныя сочетанія: „къ оленю золоты рога", „около чобота зеленъ сафьянъ" и т. д. Здѣсь несогласуемое существительное (рога, сафьянъ) потому должно быть принято за отдѣльное слово, что имѣетъ при себѣ свое собственное опредѣленіе (золоты, зеленъ). Такія сочетанія употребляются въ современномъ языкѣ только при названіяхъ и прозвищахъ: „власть перешла къ Всеволоду Большое Гнѣздо", „участіе въ походѣ Ричарда Львиное Сердце", „я пріѣхалъ на пароходѣ „Великая княгиня Ольга", „я говорю о романѣ „Евгеній Онѣгинъ" и т. д. Съ грамматической точки зрѣнія мы здѣсь имѣемъ слово, стоящее внѣ даннаго предложенія, слово, лишь механически приставленное къ предложенію. Понятно, что членомъ этого предложенія, какимъ бы то ни было, хотя бы и столь слабо соединеннымъ съ другими, какъ приложеніе, оно быть не можетъ. А такъ какъ при немъ самомъ есть опредѣленіе, т.-е. слово, грамматически съ нимъ связанное, то, очевидно, оба эти слова вмѣстѣ составляютъ отдѣльное грамматическое сочетаніе, но не цѣлое предложеніе, конечно, а часть возможнаго предложенія. Другими словами, это есть отдѣльное неполное предложеніе. Если въ школѣ эти сочетанія и должны, по практическимъ соображеніямъ, быть объединены съ приложеніями, то во всякомъ случаѣ они должны называться тамъ „**не**грамматическими приложеніями", въ отличіе отъ настоящихъ, согласующихся и потому грамматическихъ приложеній. Изрѣдка въ этомъ же смыслѣ употребляются и полныя предложенія: „я былъ въ общинѣ „Утоли моя печали", „давали комедію: „Не въ свои сани не садись", „онъ любилъ пословицу: „По одежкѣ протягивай ножки" и т. д.

XVII.

Обстоятельство.

Сюда принадлежатъ:

Обстоятельство-нарѣчіе.

1) Нарѣчія, напр.:

Князь тихо на черепъ коня наступилъ... (Пушк.)

На берегъ большими шагами
Онъ смѣло и прямо идетъ,
Соратниковъ громко онъ кличетъ
И маршаловъ грозно зоветъ. (Лерм.)

Мы блаженные сонмы свободно кочующихъ скиѳовъ... (Бальм.)

Безформенныя слова въ смыслѣ нарѣчій.

2) Слова, не имѣющія формы, но по значенію своему совершенно совпадающія съ нарѣчіями, т.-е. обозначающія признаки признаковъ, напр.:

„Что долго въ себѣ я таю и ношу,
То все я пространно къ царю напишу,
Скажу напрямикъ безъ изгиба
За всѣ его ласки спасибо!“ (А. Толст.)

„Читайте мнѣ вслухъ
Посланье отъ слова до слова!“ (А. Толст.)

Вотъ первая себѣ безъ шуму и шажкомъ плетется;
Другая вскачь несется. (Крыл.)

„Обстоятельства“ въ тѣсномъ смыслѣ слова.

3) Слова, не имѣющія формы и обозначающія различныя обстоятельства, при которыхъ происходитъ дѣйствіе: время, мѣсто, поводы и т. д., напр.:

„Зачѣмъ ты здѣсь, во тьмѣ полночной?“ (Лерм.)

Изъ гостей домой пришла свинья свиньей. (Крыл.)

Ты куда, удалая ты башка?
Уходи-ка къ лѣсу темному пока! (Полон.)

Мнѣ тайный голосъ говорилъ,
Что нѣкогда и я тамъ жилъ... (Лерм.)

Эти слова тоже могутъ относиться только къ признакамъ предметовъ, а не къ самимъ предметамъ (они всегда относятся къ глаголу), и это сближаетъ ихъ съ нарѣчіями. Но они менѣе похожи на нарѣчія, чѣмъ слова предыдущаго разряда. Въ самомъ дѣлѣ, такія слова, какъ: „напрямикъ“, „вслухъ“, „вскачь“, „сразу“, „вполнѣ“ и т. д., какъ и нарѣчія, непосредственно относятся къ дѣйствію, прямо обрисовываютъ его. Напротивъ, такія слова, какъ: „здѣсь“, „тамъ“, „вчера“

и т. д. только косвенно относятся къ дѣйствію, указываютъ на нѣчто побочное, нѣчто такое, что въ самомъ дѣйствіи не заключено. Въ сочетаніи, напр., „онъ читалъ вслухъ“, безформенное слово обрисовываетъ самый процессъ чтенія, указываетъ на одинъ изъ признаковъ этого чтенія, все равно какъ если бы сказано было: „онъ читалъ громко“. Въ сочетаніи же: „онъ читалъ вчера“ безформенное слово указываетъ на нѣчто такое, что въ самомъ чтеніи не заключено, а обозначаетъ только внѣшнія условія чтенія. Слово „признакъ“ примѣнимо здѣсь, очевидно, только въ расширенномъ смыслѣ. Тѣмъ не менѣе именно эти-то слова и дали имя всей группѣ („обстоятельство“), а насильственное примѣненіе этого термина къ словамъ 1-го и 2-го разрядовъ и создали столь безсмысленные и абсолютно непонятные термины, какъ „обстоятельство образа дѣйствія“, „обстоятельство количества“ и даже, у особенно усердныхъ школьныхъ грамматистовъ, „обстоятельство образа выраженія“. Съ другой стороны, и слова 1-го разряда издавна смѣшивались со словами 2-го и 3-го разрядовъ подъ общимъ именемъ „нарѣчій“. И словоупотребленіе это такъ укрѣпилось и настолько вошло въ грамматическій обиходъ, что измѣнить его уже невозможно, и единственнымъ выходомъ представляется предложеніе нѣкоторыхъ ученыхъ (которому въ дальнѣйшемъ будемъ слѣдовать и мы) называть слова 1-го разряда „**грамматическими** нарѣчіями“, а слова 2-го и 3-го разрядовъ — „**неграмматическими** нарѣчіями“. Конечно, терминологія эта, собственно, довольно непослѣдовательна. Вѣдь, въ сущности, мы должны бы были въ такомъ случаѣ всякое существительное называть „грамматическимъ существительнымъ“, въ отличіе отъ такихъ словъ, какъ: „какаду“, „антраша“, „Остенде“, которыя, не имѣя формы, по значенію вполнѣ соотвѣтствуютъ существительнымъ и, слѣдовательно, являются своего рода „неграмматическими существительными“; всякій глаголъ у насъ долженъ бы быть „грамматическимъ глаголомъ“, въ отличіе отъ такихъ словъ, какъ: „есть“, „нѣтъ“, являющихся „неграмматическими глаголами“ (см. гл. XXXV), и т. д. Но въ защиту этой непослѣдовательности можно привести то, что такихъ словъ, какъ „какаду“ или „есть“ въ языкѣ ничтожная горсточка, а такихъ, какъ „напрямикъ“ или „вчера“—огромное количество. Такимъ образомъ, практически нелѣпо было бы каждое существительное называть всегда „грамматическимъ существительнымъ“, каждое прилагательное — „грамма-

Грамматическія и неграмматическія нарѣчія.

тическимъ прилагательнымъ" и т. д., и, напротивъ, вполнѣ цѣлесообразно каждое нарѣчіе, въ отличіе отъ его многочисленныхъ безформенныхъ подражателей, называть „грамматическимъ нарѣчіемъ".

Обстоятельство-дѣепричастіе.

4) Дѣепричастія, какъ слова, выражающія своимъ формальнымъ значеніемъ тоже признаки признаковъ (см. стр. 66), напр.:

Она послала человѣка и дѣвушку искать его и сидѣла о ж и д а я. (Л. Толст.)

...онъ имѣлъ еще два обыкновенія, составлявшія двѣ другія его характеристическія черты: спать н е р а з д ѣ в а я с ь, такъ какъ есть... и носить всегда съ собою какой-то свой особенный воздухъ... (Гог.)

„Вы и въ залу входите т а н ц у я", прибавила она. (Л. Толст.)

Ходила въ баню по субботамъ,
Служанокъ била о с е р д я с ь —
Все это мужа не с п р о с я с ь. (Пушк.)

...никто не докучалъ. Нѣжно и л ю б у я с ь жалѣли. (Ѳ. Солог.)

Переходъ дѣепричастій въ неграмм. нарѣчія.

Иногда дѣепричастіе можетъ терять въ большей или меньшей степени свое временно́е значеніе (срвн. параллельное явленіе въ причастіи, стр. 63) и приближаться къ н е г р а м м а т и ч е с к о м у н а р ѣ ч і ю типа: „напрямикъ", „вслухъ" и т. д. (нашъ 2-й разрядъ). Таковы, напр., о д и н о ч н ы я: ш у т я („чтобъ не измучилось дитя, всему училъ его ш у т я...", Пушк.), гдѣ связь съ глаголомъ „шучу" уже почти не сознается, с и д я, с т о я, л е ж а (срвн. „вися", „торча", „держа" и т. д., отличающіяся и по ударенію, и по степени глагольности). И этотъ процессъ можетъ дойти до полной потери в с е г о дѣепричастнаго значенія, послѣ чего дѣепричастіе окончательно дѣлается неграмматическимъ нарѣчіемъ. Таково, напр., нарѣчіе „мо́лча", потерявшее уже свое дѣепричастное управленіе (нельзя сказать: „мо́лча про это" или „мо́лча объ этомъ") и вызвавшее даже образованіе новаго дѣепричастія въ замѣнъ прежняго, съ новымъ удареніемъ („молча́ объ этомъ"). Таково же и нарѣчіе „зря", порвавшее и по значенію съ глаголомъ „зрю".

Значеніе обстоятельства.

Обобщая наши 4 разряда, мы можемъ вывести, что **обстоятельство есть слово, обозначающее признакъ признака въ предложеніи**, независимо отъ того, создается такое значеніе спеціальными формами (нарѣчіе, дѣепричастіе) или безформенными словами съ соотвѣтствующимъ значеніемъ (неграмматическія нарѣчія).

Какъ признакъ признака обстоятельство можетъ относиться только къ такимъ членамъ предложенія, которые сами обозначаютъ несомнѣнные признаки, т.-е. къ сказуемому („хорошо пишетъ", „вчера пріѣхалъ"), къ второстепенному сказуемому (см. слѣд. гл.), къ опредѣленію-прилагательному (очень хорошій человѣкъ) и къ другому обстоятельству (вполнѣ хорошо пишетъ). Напротивъ, оно совершенно несоединимо съ подлежащимъ, дополненіемъ и приложеніемъ, т.-е., вообще, съ существительнымъ (см. стр. 65 и 73). При этомъ, такъ какъ синтаксическихъ формъ у обстоятельства нѣтъ, то отношеніе его къ другимъ членамъ можетъ быть опредѣлено только, какъ „примыканіе". **Отношеніе обстоятельства къ другимъ членамъ предложенія.**

Неграмматическія нарѣчія произошли такъ же, какъ и грамматическія (см. стр. 65), изъ косвенныхъ падежей именъ существительныхъ (или прилагательныхъ, употреблявшихся въ смыслѣ существительныхъ) съ предлогами и безъ нихъ. Въ большинствѣ изъ нихъ и сейчасъ можно различить безъ особаго труда тотъ падежъ, изъ котораго они образовались, и тотъ предлогъ, съ которымъ этотъ падежъ слился. Ясно, напр., что нарѣчія: „ничкомъ", „нагишомъ", „пѣшкомъ" суть бывшіе творительные падежи (см. стр. 23), что въ нарѣчіяхъ: „справа", „слѣва", „снова", „свысока", „сгоряча" и т. д. предлогъ „съ" слился съ родительнымъ падежомъ краткаго прилагательнаго (а въ огромномъ большинствѣ нарѣчій прилагательныя являются именно въ краткой формѣ, такъ какъ образованіе ихъ относится къ той порѣ, когда полной формы еще не было или она была мало распространена, см. стр. 55), что въ нарѣчіяхъ: „сбоку", „сроду", „снизу", „сверху" тотъ же предлогъ слился съ родительнымъ падежомъ существительнаго, что „кстати" равняется по происхожденію „къ + стати", „наединѣ" = „на + единѣ", „вплотную" = „въ + плотную", „впотьмахъ" = „въ + потьмахъ" и т. д. Такимъ образомъ, разница въ этомъ отношеніи между неграмматическими нарѣчіями и грамматическими заключается лишь въ томъ, что всѣ грамматическія нарѣчія произошли изъ одного и того же падежа, чѣмъ и объясняется ихъ однообразіе и самая ихъ форма (окончаніе **о**), а неграмматическія — изъ разныхъ падежей съ разными предлогами, чѣмъ и объясняется ихъ разнообразіе, т.-е. безформенность. Такъ какъ косвенный падежъ существительнаго съ предлогомъ или безъ него есть дополненіе, то можно сказать, что всѣ обстоятельства (кромѣ дѣепричастныхъ) произошли изъ дополненій. Этотъ процессъ образованія обстоятельствъ изъ дополненій продолжается и въ настоящее время, и этимъ объясняется, что мы въ нашемъ языкѣ на каждомъ шагу находимъ факты, промежуточные между дополненіемъ и обстоятельствомъ. Прежде всего, часто слово, у котораго ка- **Происхожденіе неграмматич. нарѣчій. Переходы между дополненіями и обстоятельствами.**

кой-нибудь падежъ сдѣлался нарѣчіемъ, не успѣло еще исчезнуть изъ языка, и тогда этотъ обособившійся, какъ нарѣчіе, падежъ отличается отъ настоящаго падежа-дополненія или удареніемъ (напр.: „бѣгóмъ“ и „бѣгомъ“, „верхóмъ“ и „вéрхомъ“, „впервы́е“ и „въ пéрвые“, „сегóдня“ и „сегó дня“), или по значенію, вытекающему изъ связи („рано утромъ я вышелъ изъ дому“ и „я доволенъ своимъ утромъ“, „я капельку соснулъ“ и „онъ капельку пролилъ“, „ты тянешь за два кольца, а я за одно“ и „онъ съ нимъ заодно“, „указывать на вѣкъ Людовика XIV“ и „утратить навѣкъ“, „сдунуть пухъ съ плеча“ и „ударить съ плеча“, „попасть въ заключеніе“ и „сказать въ заключеніе...“, „вѣрить въ волю народную“ и „натѣшиться въ волю“, „всматриваться въ летъ птицъ“ и „бить птицу въ летъ“ и т. д. *). Въ послѣднемъ случаѣ данный падежъ отрывается по значенію отъ всѣхъ остальныхъ падежей, нисколько не измѣняясь по звукамъ. При этомъ не всегда такъ легко рѣшить, какъ въ только что приведенныхъ примѣрахъ, имѣемъ ли мы передъ собой дополненіе или обстоятельство. Сравнивая, напр., 2 ряда сочетаній:

Онъ говорилъ шопотомъ.	Онъ говорилъ еле слышнымъ шопотомъ.
Лошадь бѣжала рысью.	Лошадь бѣжала мелкой рысью.
Я пріѣхалъ утромъ.	Я пріѣхалъ раннимъ утромъ.
Лѣтомъ я буду отдыхать.	Этимъ лѣтомъ я буду отдыхать.

мы можемъ сказать, что въ правыхъ примѣрахъ мы имѣемъ несомнѣнныя дополненія, такъ какъ здѣсь сознаніе творительнаго падежа поддерживается прилагательными, стоящими тоже въ творительномъ падежѣ, про лѣвые же примѣры трудно рѣшить, сознаются здѣсь творительные падежи, или нѣтъ: здѣсь мы имѣемъ еле зарождающіяся неграмматическія нарѣчія. Степень этого приближенія къ нарѣчію въ каждомъ словѣ — своя, индивидуальная. Тутъ многое зависитъ отъ того, насколько употребительны другіе падежи того же слова. Въ словѣ „шагомъ“, напр., творительный падежъ, вѣроятно, сильнѣе сознается, чѣмъ въ словѣ „рысью“, потому что „шагъ“, „шага“, „шагу“, „шаги“, „шаговъ“, „шагамъ“ и т. д. чаще употребляются, чѣмъ „рысь“,

*) Орѳографія рѣдко даетъ въ этихъ случаяхъ правильныя указанія, потому что очень отстаетъ отъ языка. Мы во многихъ случаяхъ пишемъ раздѣльно несомнѣнныя нарѣчія и даже такія, которыя только какъ нарѣчія и могутъ употребляться: по дѣломъ, какъ разъ, точь въ точь, съ виду, подъ стать, на чеку, не прочь, до тла, въ сердцахъ, то и дѣло, въ духѣ, про себя (читать про себя), мало по малу, подъ рядъ, въ разбивку, во-первыхъ, во-вторыхъ во́-время, врядъ ли, едва ли, съ виду, на видъ и т. д.

„рыси", „рысей", „рысямъ" и т. д. Кромѣ того, многое зависитъ и отъ того, кто, когда и гдѣ произнесъ эту фразу и какъ онъ ее подумалъ. Спортсменъ, напр., или человѣкъ, только что бывшій на бѣгахъ, будетъ сознавать въ словѣ „рысью" дополненіе, потому что будетъ думать о „рысяхъ", лингвистъ будетъ сознавать въ словѣ „шопотомъ" дополненіе, потому что будетъ представлять себѣ шопотъ, какъ намѣренно производимое треніе выдыхаемаго воздуха о края голосовой щели, другіе же тутъ, навѣрное, будутъ сознавать обстоятельства. Сюда же относятся и такіе творительные, какъ: „вихремъ ворваться", „столбомъ стоять", „волкомъ смотрѣть" (такъ наз. творительный уподобленія). Въ стихахъ, напр.:

...Поемъ и свищемъ и стрѣлой
Летимъ надъ снѣжной глубиной. (Пушк.)

для того, кто воспринимаетъ это сравненіе и представляетъ себѣ хоть на мигъ стрѣлу, слово „стрѣлой" будетъ дополненіемъ, для того же, кто уловилъ изъ этой фразы только то, что они ѣхали быстро, это — обстоятельство.

XVIII.

Второстепенное сказуемое.

Но не хочу, о, други, умирать!
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать! (Пушк.)

„Я надѣюсь, что ты позволишь мнѣ устроить и обдумать нашу жизнь". (Л. Толст.)

Дарьѣ Александровнѣ дѣйствительно не нравилась эта манера Степана Аркадьевича навязывать свои дѣла чужимъ. (Л. Толст.)

Куда дѣвалось чувство состраданія, заставлявшее меня, бывало, плакать навзрыдъ... (Л. Толст.)

Инфинитивъ, какъ второстепенное сказуемое.

Во всѣхъ этихъ предложеніяхъ мы находимъ форму инфинитива. Форма эта не подходитъ ни подъ одну изъ синтаксическихъ рубрикъ, нами до сихъ поръ установленныхъ. Правда, въ школьныхъ грамматикахъ ее считаютъ, большею частью, дополненіемъ, но это только потому, что „дополненіе отвѣчаетъ на вопросы: кого-чего?, кому-чему?, кого-что?, кѣмъ-чѣмъ?, о комъ-о чемъ? и что дѣлать?" Сразу ясно, что это „что дѣлать?" совершенно не вяжется ни грамматически, ни даже логически съ остальными вопросами дополненія, и что оно только для того и приткнуто сюда, чтобы потомъ имѣть право инфинитивъ называть дополненіемъ. Въ

другихъ учебникахъ инфинитивъ разсматривается и какъ дополненіе, и какъ опредѣленіе, и какъ обстоятельство единовременно, въ зависимости отъ того, „на какой вопросъ отвѣчаетъ“. Такъ, въ сочетаніяхъ: „хочу учиться“, „люблю читать“ инфинитивы будутъ дополненіями (хочу чего? люблю что?), въ сочетаніяхъ: „тѣла имѣютъ свойство сжиматься“, „у него есть обыкновеніе опаздывать“ — опредѣленіями (какое свойство? какое обыкновеніе?), въ сочетаніяхъ: „пошелъ напиться“, „пошелъ справиться“ — обстоятельствами (зачѣмъ пошелъ?). Наконецъ, во всѣхъ учебникахъ инфинитивъ разбирается и какъ подлежащее, напр.: „гулять полезно“ (что полезно?), „ошибаться свойственно человѣку“ (что свойственно?), и какъ вторая часть составного сказуемаго, напр.: „долгъ мой былъ — повиноваться“ (каковъ былъ долгъ?). Этотъ разборъ одной и той же формы „на тысячу ладовъ“ характеренъ не только для школьныхъ грамматикъ, но, въ данномъ случаѣ, и для самого инфинитива. Если его такъ легко приравнять къ любому члену предложенія, то ясно, что онъ ни съ однимъ изъ нихъ не связанъ тѣснѣе, чѣмъ съ другими, что онъ одинаково непохожъ ни на одинъ изъ нихъ. Правда, на сторонѣ дополненія — исторія. Мы уже знаемъ, что инфинитивъ произошелъ изъ существительнаго, что это бывшій косвенный падежъ отглагольнаго существительнаго. Такъ какъ косвенный падежъ существительнаго есть дополненіе, то можно сказать, что инфинитивъ когда-то (напр., въ пра-славянскомъ языкѣ, во всякомъ случаѣ тогда, когда русскаго языка еще не существовало) былъ дополненіемъ. Но въ томъ-то и дѣло, что это было когда-то, и что тогда онъ еще не былъ инфинитивомъ. Съ того же момента, когда онъ сталъ инфинитивомъ, т.-е. когда въ немъ пересталъ сознаваться косвенный падежъ существительнаго, онъ, очевидно, пересталъ быть дополненіемъ, и въ этомъ-то и состояло то огромное превращеніе, которое дало ему мѣсто въ тѣхъ же школьныхъ грамматикахъ рядомъ съ глаголомъ и даже въ числѣ формъ самого глагола. Спрашивается, чѣмъ же онъ сейчасъ является въ русскомъ предложеніи? Какова его роль тутъ, каково отношеніе къ другимъ членамъ? Прежде всего, припомнимъ, что инфинитивъ по значенію очень близокъ къ глаголу, что онъ обозначаетъ такъ же, какъ и глаголъ, признакъ, создаваемый дѣятельностью предмета. Разница между нимъ и глаголомъ только въ томъ, что въ инфинитивѣ дѣятельность

эта никому не приписывается, виситъ какъ бы въ воздухѣ, оторванная отъ своего дѣятеля, въ то время какъ въ глаголѣ она, при помощи формъ согласованія сказуемаго съ подлежащимъ, ясно приписывается подлежащему. Въ свое время мы объясняли, какимъ образомъ инфинитивъ, почти безъ всякихъ глагольныхъ формъ, могъ пріобрѣсти такое значеніе (см. стр. 68). Теперь прибавимъ еще къ указаннымъ тамъ причинамъ и глагольное управленіе. Инфинитивъ, какъ и причастіе и дѣепричастіе, управляетъ всегда тѣмъ же падежомъ, какимъ управляетъ соотвѣтствующій глаголъ (бояться чего, покровительствовать чему, любить что, любоваться чѣмъ, настаивать на чемъ) и въ отношеніи способности подчинять себѣ синтаксическія группы и даже цѣлыя предложенія совершенно параллеленъ глаголу. При этомъ способность эта не можетъ никогда ослабляться въ немъ, какъ въ причастіи (при переходѣ въ прилагательное) и дѣепричастіи (при переходѣ въ неграмм. нарѣчіе). Такимъ образомъ, инфинитивъ есть самое глагольное, послѣ сказуемаго, слово предложенія. Такъ какъ глаголъ является въ предложеніи всегда сказуемымъ, то, очевидно, и инфинитивъ, какъ самый глагольный членъ предложенія, наиболѣе приближается къ сказуемому. Но при этомъ настоящимъ сказуемымъ онъ никогда не можетъ быть, потому что ничѣмъ не связанъ съ подлежащимъ, а сказуемое, понятно, всегда должно быть соотносительно съ подлежащимъ. Такимъ образомъ, при инфинитивѣ въ предложеніи все-таки должно быть всегда и настоящее сказуемое, а самъ онъ при этомъ настоящемъ сказуемомъ является, очевидно, своего рода второстепеннымъ сказуемымъ. На этомъ толкованіи мы и рѣшили остановиться.

Примѣчаніе. Какъ терминъ, „второстепенное сказуемое“ является здѣсь впервые. Но, по существу дѣла, наше толкованіе инфинитива цѣликомъ заимствовано у А. Потебни, у котораго встрѣчается, между прочимъ, и самое выраженіе „второстепенное сказуемое“ („Изъ зап.“ т. II, стрр. 321, 335 и др.). Какъ терминъ, оно, собственно, далеко не безупречно. И тѣмъ не менѣе, мы, за неимѣніемъ лучшаго, рѣшили остановиться хотя бы на немъ, такъ какъ считаемъ, что какой-нибудь синтаксическій терминъ здѣсь насущно необходимъ. Для науки, конечно, достаточно одного термина („инфинитивъ“), потому что синтаксическія функціи всякой формы можно изучить и безъ соотвѣтствующаго синтаксическаго термина. Но для школы и популяризаціи повтореніе морфологическихъ терминовъ въ синтаксисѣ было бы крайне нежелательно, разъ

ужъ вообще существуетъ двоякая терминологія. Это повело бы къ смѣшенію понятій.

Отношеніе второстепенн. сказуемаго къ другимъ членамъ предложенія.

Второстепенное сказуемое можетъ относиться ко всѣмъ разрядамъ глагольныхъ словъ („желаю писать", „желающій писать", „желая писать", „желать писать"), къ существительнымъ („привычка властвовать", „способность краснѣть", „необходимость дѣйствовать", „желаніе учиться", „согласіе работать" и т. д.) и прилагательнымъ („готовый услужить", „способный навредить", „согласный работать" и т. д.). Поэтому оно, какъ и дополненіе, можетъ зависѣть отъ любого члена предложенія. Зависимость эту, за отсутствіемъ синтаксическихъ формъ, можно опредѣлить опять-таки только, какъ „примыканіе".

XIX.

Зависимость въ распространенномъ предложеніи.

Второстепенные члены 1-ой, 2-ой, и т. д. степени.

Мы разсмотрѣли всѣ 4 формы второстепенныхъ членовъ. Въ каждомъ изъ нихъ намъ пришлось отмѣтить особую несамостоятельность, выражающуюся то спеціальными синтаксическими формами (управленіе, подчинительное согласованіе), то самымъ отсутствіемъ синтаксическихъ формъ или ослабленіемъ значенія ихъ (примыканіе). Именно эта несамостоятельность и дѣлаетъ эти члены второстепенными. Понятно отсюда, что во всякомъ распространенномъ предложеніи второстепенные члены зависятъ прежде всего отъ главныхъ членовъ (подлежащаго и сказуемаго). Но въ то же время мы видѣли, что второстепенные члены могутъ подчиняться и другъ другу, напр., при дополненіи можетъ быть опредѣленіе, при опредѣленіи — обстоятельство и т. д. Благодаря этому зависимость второстепеннаго члена отъ главнаго можетъ быть прямая или непосредственная, а можетъ быть и посредственная, когда второстепенный членъ подчиненъ другому второстепенному, а уже этотъ второстепенный — главному. Цѣпь эта можетъ быть продолжена и далѣе. Второстепенные члены, зависящіе прямо отъ главныхъ, называются членами **первой степени**, зависящіе отъ членовъ 1-ой степени — членами **второй степени** и т. д. Въ сочетаніи, напр., „я, право, не пойму охоты трудиться цѣлый день и что жъ имѣть въ виду?" (Крыл.) дополненіе „охоты" будетъ

членомъ 1-ой степени, потому что зависитъ прямо отъ сказуемаго („не пойму охоты"), второстепенное сказуемое „трудиться" будетъ членомъ 2-ой степени („охоты трудиться"), дополненіе „день" — членомъ 3-ей степени („трудиться день"), опредѣленіе „цѣлый" — членомъ 4-ой степени („цѣлый день").

Въ самомъ порядкѣ подчиненія различаютъ 2 случая:

Включеніе и соподчиненіе второстеп. членовъ.

1) Одинъ членъ подчиняетъ себѣ другой, этотъ другой — третій, третій — четвертый и т. д.; такой порядокъ называютъ **включеніемъ**, потому что здѣсь каждый членъ включаетъ въ себѣ всю послѣдующую цѣпь, наподобіе пасхальныхъ яицъ, вкладывающихся послѣдовательно другъ въ друга.

2) Одинъ членъ подчиняетъ себѣ заразъ два или нѣсколько другихъ; такой порядокъ называется **соподчиненіемъ**.

Въ только что разсматривавшемся сочетаніи члены „охоты трудиться цѣлый день" включены другъ въ друга, потому что послѣдовательно зависятъ другъ отъ друга (см. выше); а, напр., члены „трудиться" и „имѣть" оба соподчинены члену „охоты" („охоты трудиться... и имѣть..."). Точно такъ же члены „что жъ" и „въ виду" оба соподчинены члену „имѣть" („что жъ имѣть въ виду?"). Такимъ образомъ, включеніе и соподчиненіе могутъ встрѣчаться въ одномъ и томъ же сочетаніи и переплетаться другъ съ другомъ всевозможными способами.

Отдѣлъ четвертый.

Нераспространенное и распространенное предложенія въ краткихъ формулахъ.

XX.

Члены предложенія въ ихъ отношеніяхъ къ частямъ рѣчи и другъ къ другу.

Все, сказанное до сихъ поръ о членахъ предложенія, въ цѣляхъ повторенія и обобщенія, полезно сопоставить въ слѣдующихъ 4-хъ таблицахъ:

Табл. I.

Какими частями рѣчи выражаются члены предложенія?

Члены предложенія и части рѣчи.

Сказуемое	—	глаголомъ
Подлежащее	—	1) существительнымъ въ имен. пад. 2) прилагательнымъ въ имен. пад., замѣняющимъ существит.
Дополненіе	—	1) существительнымъ въ косвенн. пп. 2) прилагательнымъ въ косвенн. пп., замѣняющимъ существ.
Опредѣленіе	—	1) прилагательнымъ 2) существительнымъ, замѣняющимъ прилагат. (приложеніе)
Обстоятельство	—	1) нарѣчіемъ 2) безформеннымъ словомъ (неграммат. нар.) 3) дѣепричастіемъ
Второстеп. сказ.	—	инфинитивомъ.

Прим.—Для удобства подъ прилагательнымъ мы будемъ здѣсь вездѣ разумѣть прилагательное въ широкомъ смыслѣ слова, т.-е. со включеніемъ причастій (см. табл. на стр. 35).

Табл. II.

Какими членами предложенія бываютъ части рѣчи?

Глаголъ	—	сказуемымъ
Существительное	—	1) подлежащимъ (въ имен. пад.)
		2) дополненіемъ (въ косвенн. пп.)
		3) опредѣленіемъ (приложеніе)
Прилагательное	—	1) опредѣленіемъ
		2) дополненіемъ (замѣна сущ.)
		3) подлежащимъ (замѣна сущ.)
Нарѣчіе	—	обстоятельствомъ
Дѣепричастіе	—	обстоятельствомъ
Инфинитивъ	—	второстепеннымъ сказуемымъ.

Табл. III.

Какъ относятся члены предложенія другъ къ другу?

Взаимоотношенія членовъ предложенія.

Сказуемое	— согласуется съ подлежащимъ.
Подлежащее	— ни съ чѣмъ не согласуется, ничѣмъ не управляется и ни къ чему не примыкаетъ.
Дополненіе	— управляется какимъ угодно членомъ предложенія или примыкаетъ къ нему.
Опредѣленіе	— согласуется съ членомъ, выраженнымъ существительнымъ.
Обстоятельство	— примыкаетъ къ члену, выраженному какой-угодно частью рѣчи, кромѣ существительнаго.
Второстеп. сказуемое	— примыкаетъ къ какому угодно члену предложенія.

Соединяя табл. III съ табл. I и объединяя существительныя и прилагательныя въ одинъ общій классъ „именъ“ (см. стр. 35), а нарѣчія грамматическія и неграмматическія вмѣстѣ съ дѣепричастіями въ одну условную группу „нарѣчій“, получаемъ:

Табл. IV.

Окончательные выводы.

Сказуемое	— **согласуемый глаголъ.**
Подлежащее	— **несогласуемое, неуправляемое и непримыкающее имя.**

Дополненіе — **управляемое или примыкающее имя.**
Опредѣленіе — **согласуемое имя.**
Обстоятельство — **нарѣчіе.**
Второстеп. сказ. — **инфинитивъ.**

Въ этой таблицѣ заключено въ сжатомъ видѣ все, что мы до сихъ поръ узнали о членахъ предложенія.

XXI.

Нераспространенное и распространенное предложенія, какъ формы сочетаній.

Изученныя формы сочетаній.

Мы уже знаемъ, что задача всякаго описательнаго синтаксиса — описать, какія формы сочетаній употребительны въ данномъ языкѣ въ данную эпоху (см. стр. 94). Познакомившись съ нераспространеннымъ и распространеннымъ предложеніями и ихъ составомъ, мы тѣмъ самымъ познакомились съ двумя распространеннѣйшими формами сочетаній современнаго русскаго языка. Если отвлечься пока отъ частичныхъ словъ предложенія (предлоги, союзы и т. д.), какъ не вполнѣ еще нами изученныхъ, то формы эти можно коротко опредѣлить такъ:

Нераспространенное предложеніе:

Именит. пад. имени + согласуемый съ нимъ глаголъ.

Распространенное предложеніе:

[Именит. пад. имени + согласуемыя съ нимъ имена + управляемыя имъ имена + согласуемыя съ этими послѣдними имена и т. д. и т. д. + нарѣчія + инфинитивы] + [согласуемый глаголъ + управляемыя имъ имена + согласуемыя съ этими послѣдними имена и т. д. и т. д. + нарѣчія + инфинитивы].

Это и есть грамматическіе трафареты нашей рѣчи, образцы, которые каждый безсознательно держитъ въ умѣ, чтобы по нимъ составлять всѣ свои фразы. Синтаксическіе термины позволяютъ выразить наши трафареты короче. Нераспространенное предложеніе можно опредѣлить, какъ: „подлежащее + + сказуемое“, распространенное, какъ: „подлежащее съ зависящими отъ него дополненіями, опредѣленіями, обстоятельствами и второстепенными сказуемыми + сказуемое съ зависящими отъ него дополненіями, опредѣленіями, обстоятель-

ствами и второстепенными сказуемыми". При этомъ не слѣдуетъ думать, что синтаксическіе термины служатъ или должны служить истолкованіемъ морфологическихъ, что они указываютъ на внутреннюю сторону формъ, внѣшне обозначенныхъ морфологическими терминами. Правда, возникли они именно съ этой цѣлью и въ школѣ до сихъ поръ понимаются въ этомъ смыслѣ. Но такъ какъ возникновеніе ихъ относится къ эпохѣ смѣшенія грамматики съ логикой, то они отразили на себѣ не грамматическую, а логико-психологическую сторону рѣчи и для истолкованія грамматическихъ фактовъ не годятся. За терминами главныхъ членовъ („подлежащее" и „сказуемое") еще можно признать извѣстную внутреннюю цѣнность, конечно, не въ смыслѣ истолкованія грамматическаго значенія самыхъ формъ, а въ смыслѣ установленія опредѣленнаго соотношенія между грамматической и логико-психологической стороной мысли (см. гл. XI и XXXVII). Термины же второстепенныхъ членовъ въ своемъ прямомъ смыслѣ совершенно непримѣнимы: „дополненіе" на каждомъ шагу опредѣляетъ или выражаетъ обстоятельства, „опредѣленіе" дополняетъ, „обстоятельство" выражаетъ не обстоятельство, а признакъ, т. е. опредѣляетъ и т. д. Такъ же случайны для грамматики и латинскіе термины, соотвѣтствующіе нашимъ „подлежащему" и „дополненію": „субъектъ" и „объектъ": грамматическій „субъектъ" можетъ быть на самомъ дѣлѣ объектомъ („домъ строится плотникомъ"), а грамматическій „объектъ"—субъектомъ („домъ строится плотникомъ", „ни одного человѣка не приходило"). Всѣ эти термины въ настоящее время можно и должно понимать только условно, только какъ удобныя сокращенія морфологическихъ терминовъ. Внутренняя же сторона всѣхъ этихъ формъ раскрывается только въ значеніяхъ частей рѣчи и въ значеніи согласованія и управленія, что уже было достаточно развито въ предыдущемъ и сейчасъ будетъ кратко формулировано.

Отношеніе синтаксическихъ терминовъ къ морфологическимъ.

XXII.

Нераспространенное и распространенное предложенія, какъ формы языковой мысли.

Значеніе изученныхъ формъ сочетаній.

Такъ какъ мы разсмотрѣли не только самыя формы, изъ которыхъ складывается предложеніе, но и ихъ внутреннюю сторону, ихъ значенія, то наши словесные трафареты раскрылись намъ и какъ трафареты нашей мысли, какъ тотъ шаблонъ, на который обречены всѣ, даже геніальнѣйшіе и оригинальнѣйшіе мыслители, поскольку орудіемъ ихъ мысли является языкъ. Шаблонъ этотъ для нераспространеннаго предложенія, таковъ: **такой-то предметъ создаетъ своей дѣятельностью такой-то свой признакъ**. Онъ представляетъ шагъ впередъ по отношенію къ до-языковому мышленію, гдѣ два ассоціируемыхъ представленія еще не различаются между собой (или, вѣрнѣе, различаются только по времени возникновенія), но, съ другой стороны, онъ чрезвычайно убогъ по сравненію съ сверхъязыковымъ мышленіемъ (см. стр. 117). Въ этомъ послѣднемъ мы можемъ связывать между собой самыя разнообразныя понятія и устанавливать между ними различныя отношенія—въ языкѣ, о чемъ бы мы ни думали, мы должны думать непремѣнно о предметѣ и о признакѣ, и непремѣнно начать съ предмета и перейти къ признаку, и непремѣнно связать ихъ въ мысли такъ, чтобы предметъ создавалъ свой признакъ. Все это путы, которыми оковываетъ насъ языкъ, все это формы нашего языкового мышленія. Въ распространенномъ предложеніи этотъ видъ мысли остается въ сущности тѣмъ же (потому что подлежащее и сказуемое остаются тѣми же), но въ мысли выступаютъ кромѣ того второстепенные предметы (дополненія), второстепенные признаки (опредѣленія, второстепенныя сказуемыя) и признаки признаковъ (обстоятельства). Вмѣстѣ съ этимъ первоначальные предметъ и признакъ становятся главными. Такимъ образомъ, мыслимъ мы тутъ уже приблизительно такъ: **такой-то главный предметъ, стоящій въ связи съ такими-то второстепенными предметами, признаками и признаками признаковъ, создаетъ своей дѣятельностью такой-то свой главный признакъ, стоящій въ связи съ такими-то второстепенными предметами, признаками и при-**

знаками признаковъ. Нетрудно видѣть, что эта вторая форма мысли есть какъ бы повтореніе первой формы, только въ болѣе сложномъ и отчасти удвоенномъ видѣ. Параллельно съ главными предметомъ и признакомъ выдѣляются второстепенные предметъ и признакъ, и сверхъ того второстепенный признакъ осложняется еще одной степенью (признакъ признака). Такимъ образомъ, основные элементы мысли и основное отношеніе между ними (глагольность) остаются тѣ же.

Отдѣлъ пятый.

Особые разряды второстепенныхъ членовъ.

XXIII.

Глаголы-связки. Сказуемостные второстепенные члены. Сказуемостныя сочетанія.

Разсмотрѣвъ основныя формы, изъ которыхъ слагаются предложенія, мы должны указать на нѣкоторыя особенности въ значеніи этихъ формъ, связанныя съ чисто психологическими условіями рѣчи и потому проявляющіяся не въ особыхъ формахъ, а преимущественно въ особомъ порядкѣ словъ и интонаціи. Самая главная особенность этого рода — это возможность для всякаго второстепеннаго члена быть **сказуемостнымъ**. Сейчасъ пояснимъ, что это значитъ.

Первое время деревенской жизни было для Долли очень трудное. (Л. Толст.)

Опредѣленіе, связанное съ глаголомъ.

Въ этой фразѣ мы находимъ два опредѣленія къ слову „время“—„первое“ и „трудное“. Сами по себѣ они какъ двѣ капли воды похожи другъ на друга и являются самыми нормальными опредѣленіями-прилагательными, согласованными въ падежѣ, числѣ и родѣ со своимъ опредѣляемымъ. Но если ихъ разсматривать въ связи съ другими словами даннаго сочетанія, то второе опредѣленіе, „трудное“, кое-чѣмъ отличается отъ перваго. Именно, оно насъ удивляетъ прежде всего своимъ мѣстомъ въ предложеніи. Вмѣсто того, чтобы стоять по близости къ своему опредѣляемому (какъ это свойственно вообще опредѣленію), оно отодвинулось отъ него какъ можно дальше, на самый конецъ фразы. Спрашивается, чѣмъ объяснить это странное передвиженіе? Нѣтъ ли здѣсь, въ концѣ фразы какого-нибудь притягательнаго пункта, какого-нибудь такого слова, которое бы оттягивало это опредѣленіе отъ его опредѣ-

ляемаго и притягивало къ себѣ? Такое слово есть, и это слово — **„было“**. Хотя по формѣ своей слово „трудное“ связано только со словомъ „время“ и больше ни съ чѣмъ, но внутренно, по значенію оно связано еще и со словомъ „было“, съ которымъ оно норовитъ стать рядомъ („было трудное“) и отъ котораго очень далеко отойти не можетъ (нельзя сказать: „первое было время деревенской жизни для Долли очень трудное“, „очень трудное первое время деревенской жизни было для Долли“ и т. д.). Такимъ образомъ, опредѣленіе „трудное“ тяготѣетъ здѣсь не только къ своему опредѣляемому, но и къ **глаголу**. Такое тяготѣніе представляется, на первый взглядъ, совершенно непонятнымъ. Вѣдь опредѣленіе можетъ относиться только къ опредѣляемому, прилагательное — только къ существительному, съ которымъ оно согласуется. Какое же отношеніе можетъ имѣть прилагательное къ глаголу? Какъ можно „бѣлый“ отнести къ „работаетъ“, „добрый“ къ „бѣжитъ“? Для того, чтобы понять это явленіе, надо присмотрѣться къ самому глаголу, притянувшему здѣсь къ себѣ опредѣленіе, т.-е. къ слову „было“. Сравнимъ два сочетанія:

Первое время было трудное. У него было время, чтобы зайти ко мнѣ.

Двоякое значеніе глагола „былъ—буду“.

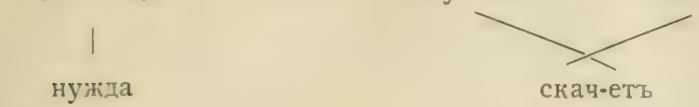
Мы замѣчаемъ большую разницу въ значеніи слова „было“ между лѣвой и правой фразой. Въ правой фразѣ слово „было“ имѣетъ приблизительно такой же смыслъ, какъ если бы мы сказали: „у него нашлось время“, „у него имѣлось время“, „у него существовало время“ и т. д. Такой же смыслъ этого глагола мы можемъ очень ясно наблюдать въ стихѣ Державина, обращенномъ къ Богу:

Ты былъ. Ты есть, Ты будешь ввѣкъ!

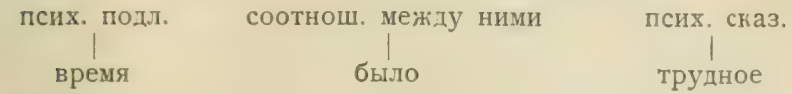
а также въ такихъ фразахъ, какъ: „онъ былъ въ это время въ деревнѣ“, „она будетъ сегодня въ театрѣ“, „были да сплыли“, „гдѣ былъ, тамъ нѣту“, „былъ бы купецъ, а товаръ есть“, „что будетъ, то будетъ!“ и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ „былъ“ = присутствовалъ, наличествовалъ, существовалъ, имѣлся и т. д. Въ этомъ и состоитъ настоящее, первоначальное значеніе этого глагола. Къ лѣвому же примѣру это значеніе совершенно не подходитъ: „первое время было трудное“ отнюдь не значитъ: „первое время существовало трудное“, „присутствовало трудное“ и т. д. Можно сказать, что отъ этого значенія глагола здѣсь не

осталось ничего, ни одной іоты. Но что же онъ здѣсь значитъ въ такомъ случаѣ? Чтобы понять это значеніе, намъ надо вникнуть въ психологію фразы, представить себѣ ту мысль, которая здѣсь облеклась въ слова. Исходнымъ представленіемъ у Толстого здѣсь было, конечно, представленіе о первомъ времени деревенской жизни Долли, и это и составляло его психологическое подлежащее. Съ этимъ представленіемъ у него соединилось представленіе о трудности этого времени для Долли, что и составило психологическое сказуемое. Первое представленіе вполнѣ выразилось словами: „первое время деревенской жизни", второе — словами: „для Долли очень трудное", слово же „было" ни тамъ, ни тутъ ничего не значитъ. Въ немъ нѣтъ никакого реальнаго смысла, ни одной черты изъ тѣхъ образовъ, которые составили психол. подлежащее и психол. сказуемое. Но зато оно выразило соединеніе того и другого въ мысли автора. Мысль вѣдь состояла тутъ именно въ томъ, что представленіе о трудности относилось къ представленію о первомъ времени, что первое время было трудное. Вотъ это-то соотношеніе между обоими представленіями и выразилось словомъ „было". Если мы припомнимъ, что обычно соотношеніе между психологическимъ сказуемымъ и психологическимъ подлежащимъ выражается глагольной формой, что въ сочетаніи „нужда скачетъ" оно у насъ выражалось окончаніемъ „-етъ", то найдемъ, что наше „было" уподобилось по значенію такому „-етъ" или, вѣрнѣе, такому „-ло" въ прошедшемъ времени (скака-**ло**), т.-е. уподобилось глагольному окончанію. Другими словами, корень „бы—", обозначающій бытіе, существованіе, потерялъ здѣсь все свое значеніе, и „было" обозначаетъ здѣсь не „бытіе + средній родъ единственнаго числа прошедшаго времени глагола", а только одинъ средній родъ единственнаго числа прошедшаго времени глаГлаголъ-связка. гола. Это одна чистая форма, безъ реальнаго содержанія, глаголъ, какъ таковой, глаголъ, состоящій изъ одной глагольности. Какъ тѣнь, падающая отъ предмета, неосязаема и въ то же время передаетъ формы предмета, такъ и отъ глагола здѣсь осталась какъ бы одна тѣнь глагола, сохранившая форму его. И такъ какъ форма эта обозначаетъ то, что должна обозначать всякая глагольная форма, именно соединеніе психологическаго подлежащаго съ психологическимъ сказуемымъ, или связь между тѣмъ и другимъ, то такіе глаголы такъ и называются **глаголами-связками**.

Сравнимъ еще разъ наши 2 основные примѣра: „нужда скачетъ“ и „время было трудное“. Въ первомъ примѣрѣ члены мысли выразились такъ: Сказуемостныя сочетанія. Сказуемостые второстеп. члены.



Во второмъ такъ:



Въ первомъ примѣрѣ у насъ былъ такой членъ, который выражалъ заразъ и психологическое сказуемое, и соотношеніе между нимъ и подлежащимъ. Такой именно членъ мы и назвали грамматическимъ сказуемымъ (см. стр. 117). Во второмъ примѣрѣ такого члена нѣтъ. Значитъ, во второмъ примѣрѣ нѣтъ сказуемаго. Но зато здѣсь есть: 1) чистая сказуемость, т.-е. особое слово для обозначенія соотношенія психол. подл. и психол. сказ., не могущее быть самостоятельнымъ членомъ предложенія, такъ какъ не имѣетъ отдѣльнаго самостоятельнаго смысла (частичное слово); 2) особое слово для обозначенія психологич. сказуемаго, которое тоже не можетъ быть сказуемымъ, потому что имѣетъ форму второстепеннаго члена (опредѣленія). Оба же слова вмѣстѣ соотвѣтствуютъ обычному сказуемому, потому что одно изъ нихъ выражаетъ вещественную сторону сказуемаго (второстепенный членъ), а другое — грамматическую (глаголъ-связка). Такимъ образомъ, сочетаніе „было трудное“ мы можемъ до нѣкоторой степени приравнять къ сказуемому „утруждало“ или „затрудняло“, сочетаніе „былъ бѣлый“ — къ сказуемому „бѣлѣлъ“, сочетаніе „былъ лѣнивъ“ къ сказуемому „лѣнился“ и т. д. Вотъ такія-то сочетанія и можно назвать **сказуемостными** сочетаніями, а такіе второстепенные члены — **сказуемостными** второстепенными членами. Итакъ:

глаголъ, не имѣющій вещественнаго значенія, называется глаголомъ-связкой;

второстепенный членъ, относящійся къ глаголу-связкѣ, называется сказуемостнымъ второстепеннымъ членомъ;

сочетаніе глагола-связки со сказуемостнымъ второстепеннымъ членомъ называется сказуемостнымъ сочетаніемъ.

Въ нашемъ примѣрѣ сказуемостнымъ членомъ было опредѣленіе. Но въ той же роли возможно и дополненіе:

> Сосновка и Вавиловка были наслѣдственной отчиной рода Обломовыхъ... (Гонч.)
>
> ...онъ набожныхъ былъ правилъ
> И въ этотъ день по кумѣ тризну правилъ. (Крыл.)

и обстоятельство:

> „Онѣгинъ, я тогда моложе,
> Я лучше, кажется, была"... (Пушк.)

и даже, изрѣдка, второстепенное сказуемое:

> Грушницкаго страсть была — декламировать. (Лерм.)

Такъ какъ во всѣхъ этихъ случаяхъ глаголъ „былъ" не означаетъ бытія, а является только связкой, то всѣ эти второстепенные члены, несомнѣнно, сказуемостные. И, сопоставляя всѣ эти случаи другъ съ другомъ, мы получаемъ наиболѣе ясное представленіе о сказуемостномъ сочетаніи въ его отличіи отъ обычнаго сказуемаго. Въ самомъ дѣлѣ, тутъ дѣло не только въ томъ, что тамъ одно слово, а здѣсь два, но и въ извѣстной внутренней разницѣ, не позволяющей вполнѣ приравнивать сочетанія: „было трудное", „былъ бѣлый", „былъ столяромъ" и т. д. къ глаголамъ: „утруждало", „бѣлѣлъ", „столярничалъ" и т. д. Дѣло въ томъ, что въ глаголѣ изображается только признакъ, создаваемый дѣятельностью предмета, а то, что представляется такимъ признакомъ, — безформенно, потому что выражено основой слова. Въ сказуемостномъ же сочетаніи связка выражаетъ тоже признакъ, создаваемый дѣятельностью предмета, но то, что она изображаетъ, какъ такой признакъ, само имѣетъ свою отдѣльную форму и выражаетъ то признакъ, заложенный въ природѣ предмета („первое время было трудное"), то отдѣльный предметъ въ его отношеніяхъ къ другимъ предметамъ и признакамъ („Сосновка и Вавиловка были наслѣдственной отчиной"), то признакъ признака („я тогда моложе, я лучше, кажется, была..."), то признакъ дѣятельный, но второстепенный („Грушницкаго страсть была — — декламировать"). Значитъ, сказуемостное сочетаніе не только внѣшне, но и внутренне сложнѣе обычнаго сказуемаго. Въ немъ есть все то, что въ сказуемомъ + еще то, что даетъ данный второстепенный членъ. И въ самомъ началѣ книги, поясняя разницу между прилагательнымъ и глаголомъ,

Отличіе сказуемостнаго сочетанія отъ обычнаго сказуемаго.

мы какъ разъ исходили изъ сопоставленія рѣзко различныхъ выраженій: „былъ лѣнивъ" — „лѣнился", „былъ бѣлый" — „бѣлѣлъ" и т. д. Правда, мы тогда намѣренно сосредоточивались на прилагательномъ и отвлекались отъ связки, т.-е. не охватывали всего сочетанія въ его цѣломъ. Но то, что намъ это такъ легко было сдѣлать, показываетъ, что цѣлое это не настолько уже цѣльно и неразложимо, что прилагательность слова „лѣнивъ" все-таки мощно даетъ знать о себѣ и что глагольность слова „былъ" нисколько не подавляетъ ея. Какъ человѣкъ, летящій на аэропланѣ съ помощью посторонней силы, вложенной въ его машину, не превращается въ птицу, а остается все тѣмъ же тяжелымъ, неспособнымъ къ полету человѣкомъ, такъ и прилагательное, подкрѣпленное глагольной силой слова „былъ", остается все тѣмъ же прилагательнымъ, съ тѣмъ же значеніемъ постоянства и неподвижности. Правда, человѣкъ вмѣстѣ съ аэропланомъ летитъ, подобно птицѣ; правда, прилагательное вмѣстѣ съ глаголомъ-связкой играетъ въ предложеніи роль сказуемаго, подобно настоящему глаголу. Но какъ полетъ человѣка съ аэропланомъ во многомъ отличается и всегда будетъ отличаться отъ полета птицы, такъ и сказуемостная функція прилагательнаго съ глаголомъ-связкой отличается отъ функціи настоящаго глагола. То же, и въ еще большей степени относится и къ сочетаніямъ: „существительное со связкой", „нарѣчіе со связкой", „инфинитивъ со связкой". Въ каждомъ изъ этихъ сочетаній мы имѣемъ соединеніе грамматической природы даннаго сказуемостнаго члена съ грамматической природой глагола.

Другіе глаголы-связки.

Относительно глагола-связки надо еще прибавить, что кромѣ глагола „былъ—буду" (настоящаго времени нѣтъ) и его многократной формы „бываю" есть и еще нѣсколько глаголовъ, способныхъ на такую же потерю веществennаго значенія. Таковы глаголы: кажусь, оказываюсь, показываюсь, представляюсь, являюсь, дѣлаюсь, становлюсь, стану, остаюсь, считаюсь, называюсь и нѣк. др. Сравнимъ, напр., попарно сочетанія:

Онъ остался дома.	Онъ остался такой же, какъ былъ.
Онъ показался на минуту.	Онъ показался мнѣ старикомъ.
Онъ оказался дома.	Онъ оказался плутомъ.

Онъ является всегда первымъ. Онъ является представителемъ идеализма.

Полотно дѣлается изо льна. Онъ дѣлается невыносимъ.

Фабрика стала. Она стала странная.

и т. д.

Правда, эти глаголы-связки не такъ отвлеченны, не такъ грамматичны, какъ глаголъ „былъ—буду“. Въ нихъ кромѣ глагольности сознаются еще кой-какіе остатки вещественнаго значенія. Такъ, въ сочетаніи: „онъ оставался богатымъ“ глаголъ „оставался“ выражаетъ не только то, что человѣкъ создавалъ данный признакъ (богатство), но и то, что онъ продолжалъ создавать его, въ сочетаніи: „онъ сталъ уменъ“ глаголъ обозначаетъ, что человѣкъ началъ создавать данный признакъ и т. д. Въ каждомъ такомъ глаголѣ мы имѣемъ нѣкоторый привѣсокъ къ глагольному значенію (по большей части тоже формальнаго характера, именно, напоминающій глагольную форму вида), въ глаголѣ же „былъ—буду“ мы такого привѣска не наблюдаемъ. Но это зависитъ только отъ большей отвлеченности самаго вещественнаго значенія глагола „былъ—буду“. Что можетъ быть общѣе и отвлеченнѣе „бытія“? Вѣдь всѣ признаки всѣхъ вещей въ мірѣ покрываются этимъ признакомъ. Понятно, что, улетучиваясь въ глаголѣ-связкѣ, онъ оставляетъ по себѣ меньшіе или, вѣрнѣе, менѣе ощутимые слѣды, чѣмъ болѣе индивидуальное содержаніе такихъ глаголовъ, какъ: „кажусь“, „остаюсь“ и т. д. По существу же разница между „онъ былъ дома“ и „онъ былъ капитаномъ“ совершенно та же, что и между „онъ остался дома“ и „онъ остался капитаномъ“. Поэтому мы и въ этихъ случаяхъ будемъ признавать сказуемостныя сочетанія съ глаголомъ-связкой и тѣмъ или инымъ сказуемостнымъ второстепеннымъ членомъ.

Познакомившись, такимъ образомъ, въ общихъ чертахъ съ явленіемъ сказуемостности, мы должны перейти къ спеціальному разсмотрѣнію каждаго сказуемостнаго второстепеннаго члена въ отдѣльности.

Сочетанія со сказуемостнымъ опредѣленіемъ. Сочетанія съ полнымъ прилагательнымъ.

I.—**Сказуемостное опредѣленіе.** Здѣсь возможны 4 случая:

1) Сказуемостное опредѣленіе, выраженное прилагательнымъ съ полнымъ окончаніемъ („былъ бѣлый“). Прежде всего слѣдуетъ снять съ этого опредѣленія

то обвиненіе въ нелитературности, которое взведено на него школьными грамматиками. Не говоря уже о тѣхъ случаяхъ, гдѣ полная форма прилагательнаго о б я з а т е л ь н а, потому что соотвѣтствующей краткой нѣтъ („домъ былъ к а м е н н ы й", „публика была д е р е в е н с к а я", „книга была м о я", и т. д.), опредѣленіе это вполнѣ обычно и для всѣхъ остальныхъ прилагательныхъ, какъ показываютъ слѣдующіе, наудачу выхваченные примѣры:

Сваха тетка узнала и передала взаимно произведенное впечатлѣніе; впечатлѣніе было х о р о ш е е. (Л. Н. Толстой, „Анна Карен.")

Она перебрала всѣ свои московскія воспоминанія. Всѣ были х о р о ш і я, п р і я т н ы я. (тамъ же)

Третій кругъ, наконецъ, гдѣ Анна имѣла связи, былъ собственно свѣтъ,... свѣтъ,... съ которымъ вкусы у него были не только с х о д н ы е, но одни и тѣ же. (тамъ же)

...цѣль его энергіи была самая н е д о с т о й н а я. (тамъ же)

Запряженныя въ сохи и бороны лошади были с ы т ы я и к р у п н ы я. Работники очевидно были с е м е й н ы е: двое были м о л о д ы е, въ ситцевыхъ рубахахъ и картузахъ; другіе двое были н а е м н ы е... (тамъ же)

Усы его и брови были ч е р н ы е... (Лерм.)

Утверждали тоже, что Версиловъ не только самъ желалъ, но даже настаивалъ на бракѣ съ дѣвушкой и что соглашеніе этихъ двухъ неоднородныхъ существъ, стараго съ малымъ, было о б о ю д н о е. (Дост.)

...улыбка была до того д о б р а я, что видимо была п р е д н а м ѣ р е н н а я. (Дост.)

Лицо ея было у с т а л о е, о з а б о ч е н н о е... (Дост.)

Удивлялся я тоже не разъ и его лицу: онъ было на видъ чрезвычайно с е р ь е з н о е (и почти к р а с и в о е), с у х о е... (Дост.)

Письма присылались въ годъ по два раза, не болѣе и не менѣе, и были чрезвычайно одно на другое п о х о ж і я. (Дост.)

...а у него болятъ уже пальчики и на ножкахъ, а на рукахъ стали совсѣмъ к р а с н ы е... (Дост.)

Но смириться нельзя, и она не сдается,
Изъ цвѣтистой становится т у с к л а я, б л ѣ д н а я.
(Бальм., „Бабочка".)

Будь — е д и н ы й, н е п о х о ж і й,
Нашей силы не желай. (Брюс. „К. Д. Бальмонту".)

Я былъ с м у щ е н н ы й и в е с е л ы й. (А. Блокъ.)

Голосокъ у Танечки былъ з в о н к і й, р о в н ы й, с л а д к і й в к р а д ч и в ы й... (Ѳ. Солог.)

...глазки у нея были такіе я с н ы е... (Ѳ. Солог.)

Двойственный характеръ ихъ.

Далѣе, нужно еще указать на то, что далеко не всегда и не во всѣхъ такихъ случаяхъ опредѣленіе сознается, какъ сказуемостное. Мы видѣли, что главнымъ внѣшнимъ признакомъ этой сказуемостности является особый порядокъ словъ, именно, удаленность опредѣленія отъ опредѣляемаго и близость его къ глаголу. Но признакъ этотъ далеко не рѣшаетъ дѣла, потому что опредѣленіе вообще можетъ въ русскомъ языкѣ отдѣляться отъ своего опредѣляемаго и передвигаться на самый конецъ фразы, если только на немъ лежитъ особое удареніе. Сравнимъ такія сочетанія, какъ: „городокъ онъ себѣ выбралъ для житья небольшой“, „платья она носитъ всегда самыя дорогія“, „развлеченій онъ не имѣлъ тамъ никакихъ“, „гребенкой я всегда чешусь своей, а не твоей“ и т. д. Такая же перестановка возможна, понятно, и въ именительномъ падежѣ: „помѣстье ему досталось огромное“, „война предстояла жестокая, кровопролитная“, „лѣсъ горѣлъ казенный, а не частный“, „дерево тамъ стояло высокое, удобное“ и т. д. Теперь представимъ себѣ такую же перестановку при глаголѣ „былъ——буду“. Вмѣсто: „у меня было большое, хорошее имѣніе“, мы, говоря въ томъ же тонѣ, очевидно, скажемъ: „имѣніе у меня было большое, хорошее“, вмѣсто: „тамъ была невообразимая давка“, скажемъ: „давка тамъ была невообразимая!“, вмѣсто: „въ тотъ день была какая-то странная погода“, скажемъ: „погода была въ тотъ день какая-то странная“ и т. д. Читатель, вѣрно взявшій тонъ, замѣтитъ, что тутъ только перестановка, что глаголъ „былъ“ тутъ не превращается въ связку, а остается полновѣснымъ глаголомъ-сказуемымъ со значеніемъ бытія, существованія. А между тѣмъ по формамъ своимъ и по разстановкѣ ихъ эти сочетанія въ точности совпадаютъ со сказуемостными. Ясно, что сочетанія эти вообще допускаютъ двоякое пониманіе: „погода была прекрасная“ мы можемъ понимать то, какъ: „погода + была прекрасная“, то, какъ: „погода была + + прекрасная“. Все зависитъ отъ того, съ какими сочетаніями мы ассоціируемъ въ данный моментъ наше сочетаніе. Если мы его ассоціируемъ съ другими сказуемостными сочетаніями („была прекрасна“, „была прекрасной“, „была прекраснѣе“), то мы ощутимъ „была“, какъ связку, и будемъ сознавать здѣсь сказуемостное сочетаніе. Если же мы его ассоціируемъ съ обычными глагольными сочетаніями („была прекрасная погода“, „стояла прекрасная погода“), то будемъ сознавать „была“, какъ сказуемое, и все сочетаніе, только, какъ перестановочное.

Такъ какъ разница тутъ, по существу, психологическая, то никакое объясненіе, понятно, не можетъ представить дѣла вполнѣ наглядно; читатель самъ долженъ вызвать у себя въ сознаніи послѣдовательно то и другое пониманіе и путемъ особой внутренней передвижки убѣдиться, что здѣсь не одна форма сочетанія, а двѣ рѣзко различныхъ.

Внѣшніе признаки той и другой формы сочетанія.

Что касается внѣшнихъ признаковъ той и другой формы, то они, несомнѣнно, есть и въ большинствѣ случаевъ (а можетъ быть и всегда) ясно диктуютъ слушателю то или другое пониманіе; но они очень сложны и еще не изучены. Кромѣ уже упомянутаго признака—порядка словъ, который хотя и не рѣшаетъ дѣла, но все же имѣетъ свое значеніе (сравн., напр., „погода въ тотъ день была прекрасная“ и „погода была въ тотъ день прекрасная“, въ первомъ случаѣ мы больше склоняемся къ „сказуемостному“ пониманію, потому что „была“ и „прекрасная“ стоятъ рядомъ, а во второмъ случаѣ—къ „перестановочному“, потому что „погода“ и „была“ рядомъ), здѣсь можно указать еще на слѣдующіе:

1) Наличность дополненія или обстоятельства при глаголѣ, дѣлающая его болѣе тяжеловѣснымъ и мѣшающая ему превратиться въ связку. Сравнимъ сочетанія: „усы его были черные“ и „усы у него были черные“. Въ первомъ случаѣ передъ нами несомнѣнное сказуемостное сочетаніе, во второмъ же мы можемъ сознавать и простую перестановку сочетанія: „у него были черные усы“. И это только потому, что во второмъ случаѣ при глаголѣ есть дополненіе, отягощающее его („у него были“, какъ „у него имѣлись“, „у него существовали“), а въ первомъ такого дополненія нѣтъ. Точно такъ же въ сочет.: „погода была тогда прекрасная“ глаголъ можетъ скорѣе быть принятъ за полновѣсное сказуемое, чѣмъ въ сочет.: „погода была прекрасная“, потому что это „тогда“ опять-таки придаетъ большій вѣсъ глаголу и мѣшаетъ сознавать его, какъ связку.

2) Наличность другого опредѣленія при подлежащемъ, какъ въ нашемъ основномъ примѣрѣ („первое время деревенской жизни было для Долли очень трудное“). Здѣсь возможно только „сказуемостное“ пониманіе, потому что при подлежащемъ уже есть нормальное и на нормальномъ мѣстѣ стоящее опредѣленіе и перестановка сознаваться не можетъ.

3) Присутствіе личнаго существительнаго („я“, „ты“, „онъ“) въ качествѣ подлежащаго. Такъ какъ эти существительныя почти никогда не имѣютъ при себѣ обычныхъ опредѣленій (сочетанія: „бѣдный я“, „хорошій ты“, „славному ему“ и т. д. почти не употребляются, см. гл. XXVI), то сочетаніе, напр., „я былъ смущенный и веселый“ ужъ никакъ не можетъ сознаваться, какъ перестановка сочетанія: „былъ (т.-е. существовалъ) смущенный и веселый я“, а только, какъ сочетаніе со сказуемостнымъ опредѣленіемъ.

4) Ритмъ и интонація сочетанія. Это наиболѣе общій, наиболѣе важный и въ то же время наиболѣе трудный для изученія признакъ. Надо думать, что ритмическое расчлененіе такихъ сочетаній слѣдуетъ за психологическимъ, т.-е. что, напр., въ сочетаніи: "погода была прекрасная" слово „была" ритмически примыкаетъ то къ слову „прекрасная" („была прекрасная"), то къ слову „погода" („погода была"), въ зависимости отъ того, сознается ли сказуемостное сочетаніе, или перестановка. Соотвѣтственно измѣняется и интонація.

Грамматическія сказуемостныя сочетанія.

2) Сказуемостное опредѣленіе, выраженное прилагательнымъ съ краткимъ окончаніемъ (былъ бѣлъ). Прежде всего приведемъ нѣсколько литературныхъ примѣровъ на эти сочетанія:

И равенъ былъ неравный споръ... (Пушк.)

... Но тяжко будетъ имъ похмелье,
Но дологъ будетъ сонъ гостей... (Пушк.)

Два дня ему казались новы
Уединенныя поля... (Пушк.)

Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной,
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ. (Пушк.)

Поклажа бы для нихъ казалась и легка... (Крыл.)

Какъ за минуту тому назадъ она была близка ему, какъ важна для его жизни! И какъ теперь она стала чужда и далека ему! (Л. Толст.)

„Онъ очень нервный человѣкъ и бываетъ непріятенъ, правда, но зато иногда онъ бываетъ очень милъ". (Л. Толст.)

Былъ берегъ таинственно пустъ и неслышенъ. (Брюс.)

Человѣкъ здѣсь сталъ прекрасенъ и какъ солнце горделивъ. (Брюс. „Венеція")

Будь покоренъ, будь безпеченъ,
Будь подобенъ облакамъ. (Брюсовъ „К. Д. Бальмонту")

Форма эта занимаетъ совершенно особое положеніе въ русскомъ языкѣ. Прежде всего она замѣчательна тѣмъ, что она несклоняемая: косвенные падежи здѣсь въ настоящее время уже совершенно исчезли (см. стр. 55). А такъ какъ всякая форма сознается только по сравненію со смежными формами, то и именительный падежъ здѣсь очень потускнѣлъ. Онъ можетъ просвѣчивать въ этихъ словахъ только по сравненію съ такими прилагательными, какъ: „отцовъ", „братнинъ", „сестринъ", „тотъ", „этотъ" и т. д., гдѣ нѣтъ совсѣмъ полной формы. Но такъ какъ эти послѣднія частью составляютъ особую категорію по значенію (такъ наз. „притяжательныя"), такъ что для насъ краткость окончанія ихъ ассоціирована съ этимъ особымъ ихъ значеніемъ, частью

же склоняются совсѣмъ неправильно („тотъ", „этотъ"), то въ сущности слова „равенъ", „добръ" и т. д. съ такими прилагательными не ассоціируются, почему и являются почти безпадежными. Недаромъ школьники затрудняются находить здѣсь именительный падежъ, и если находятъ, то скорѣе по заранѣе выученной формулѣ: „добрый, ая, ое, добръ, а, о", чѣмъ на почвѣ самонаблюденія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ (гдѣ, правда, дѣйствуютъ еще особыя условія) эта безпадежность сказывается особенно ярко. Возьмемъ, напр., прилагательныя: „радъ", „долженъ", „намѣренъ": „я вамъ очень радъ", „онъ долженъ мнѣ 2 рубля", „онъ намѣренъ завтра пріѣхать". Кто даже изъ взрослыхъ образованныхъ людей различитъ здѣсь именительный падежъ прилагательнаго? Не сочтетъ ли ихъ всякій скорѣе за какіе-то глаголы (хотя и это будетъ достаточно нелѣпо, такъ какъ у нихъ нѣтъ ни времени, ни наклоненія, ни лица)? Безпадежность выступаетъ здѣсь воочію. Въ связи съ этимъ стоитъ и другая, еще болѣе важная особенность краткихъ прилагательныхъ: они могутъ быть только сказуемостными опредѣленіями, а обычными быть не могутъ. Нельзя сказать: „добръ человѣкъ пришелъ", „важна новость распространилась" и т. д. Это налагаетъ на нихъ особый отпечатокъ. Если мы станемъ сравнивать „добрый", „милый" и т. д. съ „добръ", „милъ" и т. д., то первыя покажутся намъ словами, а вторыя—цѣлыми предложеніями. „Добръ" это не просто слово, вырванное изъ связи, а цѣлая мысль, только недосказанная (потому что не сказано, кто добръ), это утвержденіе о комъ-то, что онъ добръ. Понять его только, какъ слово, мы совершенно не можемъ. И объясняется это именно тѣмъ, что оно употребляется только при связкѣ и потому неизбѣжно вызываетъ въ насъ представленіе о связкѣ, т.-е. о сочетаніяхъ: „былъ добръ", „будь добръ", „сталъ добръ", „казался добръ" и т. д. „Добрый" же такихъ ассоціацій не вызываетъ. Такимъ образомъ, „добръ" уже самой **краткостью** своего окончанія возбуждаетъ въ насъ представленіе о сказуемости. А это значитъ, что въ самой этой **краткости** заключенъ элементъ **сказуемости**. Опредѣленіе сказуемостно здѣсь не только потому, что стоитъ при связкѣ и выражаетъ психологическое сказуемое (какъ въ „былъ добрый"), но и само по себѣ, по самой формѣ своей, т.-е. сказуемостно **грамматически**. И ни порядокъ словъ, ни ритмъ, ни интонація, на какіе-либо другіе вспомогательные признаки не играютъ здѣсь уже ровно никакой роли, потому что форма

сама по себѣ сказуемостна и другого смысла имѣть не можетъ: въ сочетаніи, напр., „и равенъ былъ неравный споръ“ полная форма создала бы безсмыслицу („и равный былъ неравный споръ“), краткая же прекрасно выражаетъ антитезу; въ сочет.: „но тяжко будетъ имъ похмѣлье“ полная форма, въ связи съ даннымъ порядкомъ словъ и наличностью приглагольнаго дополненія „имъ“, могла бы пониматься и не сказуемостно („тяжкое будетъ имъ похмѣлье“ въ смыслѣ: „имъ будетъ тяжкое похмѣлье“), краткая же форма можетъ быть понята только сказуемостно; и т. д. Вотъ почему опредѣленія эти и слѣдуетъ выдѣлить въ особую рубрику **собственно-сказуемостныхъ** или **грамматическихъ сказуемостныхъ опредѣленій** и самыя сочетанія называть **грамматическими сказуемостными сочетаніями**. А всѣ другіе сказуемостные члены и сочетанія (кромѣ ближайшаго разряда), какъ не имѣющіе такого признака, можно противопоставить имъ, какъ **неграмматическіе**. Къ послѣднимъ же надо отнести и сочетанія съ краткими прилагательными, не имѣющими сказуемостнаго значенія. Мы имѣемъ въ виду такія прилагательныя, какъ: „братнинъ“, „сестринъ“, „отцовъ“, „тотъ“, этотъ“, „весь“ и т. д. Хотя они и кратки, но кратки, такъ сказать, только поневолѣ, только потому, что у нихъ нѣтъ полной формы, и съ этой своей краткостью они могутъ выступать и въ роли самыхъ обыкновенныхъ опредѣленій („братнинъ подарокъ“, „тотъ человѣкъ“). Понятно, что въ нихъ краткость не могла пріобрѣсти того особаго сказуемостнаго смысла, какой выработался въ прилагательныхъ типа „добръ“.

Такимъ образомъ:

„Грамматическимъ сказуемостнымъ опредѣленіемъ называется опредѣленіе, выраженное прилагательнымъ съ краткимъ окончаніемъ и заключающее въ себѣ, благодаря этой краткости окончанія, особый элементъ сказуемости. Грамматическимъ сказуемостнымъ сочетаніемъ называется сочетаніе такого опредѣленія со связкой“.

Еще отличія полной формы отъ краткой.

Полезно остановиться еще на нѣкоторыхъ пунктахъ различія между формами „добрый“ и „добръ“, еще рѣзче оттѣняющихъ значеніе краткой формы по сравненію съ полной. Пунктовъ этихъ мы намѣтимъ три: 1) говорится: „какой онъ былъ добрый!“, но: „какъ онъ былъ добръ!“, „онъ былъ такой добрый“, но: „онъ былъ такъ добръ“ и т. д.; это значитъ, что полное прилагательное, несмотря на свое сказуе-

мостное положеніе здѣсь, настолько сознается отдѣльнымъ именемъ, что можетъ, какъ и всякое имя, имѣть при себѣ другое имя въ качествѣ опредѣленія („такой добрый"); напротивъ, краткое прилагательное уже не терпитъ при себѣ опредѣленія, а сочетается, подобно сказуемому, только съ обстоятельствомъ („такъ добръ", какъ „такъ любитъ"); 2) можно сказать: „онъ былъ готовъ на все", „онъ былъ способенъ на обманъ", „онъ былъ склоненъ къ пьянству" и т. д., но нельзя сказать: „онъ былъ готовый на все", „былъ способный на обманъ", „былъ склонный къ пьянству" и т. д.; значитъ, краткая форма, подобно сказуемому, обладаетъ управленіемъ (и при томъ даже въ строгомъ смыслѣ этого слова, такъ какъ сочетанія: „онъ былъ способенъ", „былъ склоненъ" и т. д. безъ дополненія кажутся неполными), а полная въ этомъ положеніи совершенно лишена управленія; 3) въ сочетаніяхъ: „онъ былъ способный", „онъ былъ больной" и т. д. форма времени въ связкѣ указываетъ на цѣлый періодъ дѣятельности подлежащаго, а отдѣльнаго момента этой дѣятельности обозначать не можетъ (нельзя сказать: „онъ былъ въ тотъ моментъ больной"); сочетанія же: „былъ боленъ", „былъ способенъ" и т. д. одинаково подходятъ и для того и для другого: можно сказать и: „онъ былъ всегда боленъ" и: „онъ былъ въ тотъ моментъ боленъ"; значитъ, полное прилагательное своей прилагательностью, своей пассивностью уменьшаетъ активность формы времени въ связкѣ; краткое же прилагательное такого вліянія не оказываетъ.

Новая сказуемость въ краткой формѣ.

Все это показываетъ, что краткое прилагательное за самое послѣднее время рѣзко измѣнило свою синтаксическую физіономію. Вслѣдствіе своего обязательнаго сосѣдства со связкой, т.-е. сказуемостью, и полнаго разрыва со всѣми другими членами предложенія, оно само, такъ сказать, „осказуемилось", набралось сказуемости. Но при этомъ оно отнюдь не оглаголилось. Въ самомъ началѣ книги, при сопоставленіи „лѣнивъ" и „лѣнится", мы видѣли, что и въ краткомъ прилагательномъ нѣтъ никакой активности, что оно обозначаетъ только природныя свойства предмета. Это дѣлаетъ эту форму еще интереснѣе. Здѣсь въ первый (и въ послѣдній) разъ въ нашей книгѣ сказуемость и глагольность не совпадаютъ. Что это значитъ? Это значитъ, что въ краткомъ прилагательномъ мы имѣемъ сейчасъ не только особо выраженную сказуемость, но и совершенно новую сказуемость, совершенно новый способъ представлять себѣ соотношеніе между психологическимъ сказуемымъ и психологическимъ подлежащимъ, новую форму языковой мысли. Здѣсь языкъ начинаетъ выходить за предѣлы глагольности и начинаетъ выражать отношеніе сосуществованія между психол. сказуемымъ и психолог. подлежащимъ, обычно открываемое только надъ-языковымъ мышленіемъ. Правда, то же соотношеніе выра-

жается и въ другихъ сказуемостныхъ сочетаніяхъ („былъ добрый", „былъ добрякъ", „былъ добрѣе" и т. д.), а въ сказуемостномъ дополненіи языкъ даже выходитъ на просторъ почти всѣхъ тѣхъ отношеній между психол. сказуемымъ и психол. подлежащ., какія вообще способно выразить дополненіе („книга была **его**", „это письмо было **ему**", „нашъ разговоръ былъ о **немъ**" и т. д.); но тамъ все это достигается неграмматическими средствами (измѣненіе значенія глагола, порядокъ словъ, интонація и ритмъ), здѣсь же выражается особой формой, т.-е. грамматически. Любопытно, что этотъ огромный результатъ былъ полученъ не творческимъ усиліемъ языка, а только утратой склоненія краткихъ прилагательныхъ, т.-е. совершенно пассивно.

Причастныя сказуемостныя сочетанія.

3) Сказуемостное опредѣленіе, выраженное страдательнымъ причастіемъ (на „-мый", „-нный" и „-тый"):

Всѣ сказки, которыя только могла запомнить ключница Кириловна, были мнѣ пересказаны. (Пушк.)

По смерти ея... они (дѣти) были совершенно забыты и заброшены отцомъ... (Дост.)

Кто видѣлъ Лондонъ и Парижъ,
Венецію и Римъ,
Того ты сердца не плѣнишь,
Но былъ ты мной любимъ. (Некр. „Русск. Женщ.", о Петербургѣ)

„Здѣсь будетъ городъ заложенъ,
На зло надменному сосѣду"... (Пушк.)

Сочетанія эти, конечно, тоже являются грамматическими сказуемостными сочетаніями, такъ какъ причастіе въ нихъ имѣетъ краткое окончаніе. Краткость эта здѣсь еще важнѣе, чѣмъ въ предыдущемъ случаѣ, такъ какъ она связана съ самой причастностью опредѣленія: при переходѣ краткой формы въ полную („былъ забытый", „былъ заброшенный", „былъ любимый" и т. д.) причастіе здѣсь обязательно переходитъ въ прилагательное. Но такъ какъ причастная форма дѣлаетъ здѣсь прилагательное глагольнымъ и потому еще болѣе сказуемостнымъ, такъ какъ, далѣе, сочетанія эти, хотя и не всегда, но въ цѣломъ рядѣ случаевъ синтаксически параллельны возвратно-страдательному залогу глагола („былъ пересказываемъ"="пересказывался", „былъ забытъ"="забылся", „былъ открытъ"="открылся" и т. д.), то мы и выдѣляемъ эти сочетанія изъ общаго разряда грамматическихъ сказуемостныхъ сочетаній въ спеціальную группу причастныхъ грамматическихъ сказуемостныхъ сочетаній

или, короче, **причастныхъ сказуемостныхъ сочетаній**, а самыя опредѣленія—въ группу **причастныхъ сказуемостныхъ опредѣленій**. Слово „грамматическій" здѣсь уже можетъ быть оставлено, такъ какъ самая причастность, какъ мы только что видѣли, связана въ нихъ съ краткостью окончанія, т.-е. съ грамматичностью. Сочетанія эти въ школьныхъ грамматикахъ считаются обыкновенно составными формами страдательнаго залога. Но составная форма есть нѣчто застывшее; въ ней обѣ образующія ее формы ни внѣшне, ни по значенію не способны къ разъединенію и какимъ-либо измѣненіямъ. Здѣсь же причастіе можетъ измѣнять форму времени независимо отъ времени связки („былъ уважаемъ" и „былъ уваженъ", „будетъ уважаемъ" и „будетъ уваженъ", то же и при пропускѣ связки: „онъ уважаемъ" и „онъ уваженъ"), можетъ терять причастное значеніе и переходить въ краткое прилагательное („усадьба была расположена на горѣ", „онъ былъ очень ученъ", „онъ былъ красиво причесанъ, завитъ, расфранченъ", „былъ весь разбитъ, истерзанъ"), можетъ переходить въ полное прилагательное (примѣры см. выше), можетъ стоять и не при глаголѣ, а при дѣепричастіи („будучи уважаемъ", „бывъ уважаемъ"), и т. д. Все это показываетъ, что передъ нами не отдѣльная форма (хотя бы и составная), а скорѣе форма сочетанія.

Причастія дѣйствительныя (на „-щій" и „-вшій") въ сказуемостныхъ сочетаніяхъ въ настоящее время не употребляются. Если и говорятъ: „онъ былъ знающій", „былъ сознающій", „круглое лицо его было иззябшее и помятое..." (гр. Ал. Н. Толстой) и т. д., то здѣсь причастіе сбивается на обыкновенное прилагательное. Сказать же: „онъ былъ знающій это", гдѣ управленіе дополненіемъ гарантировало бы причастность прилагательнаго—нельзя. Выраженія въ родѣ: „когда расходились, Наташа была усталая, разбитая и жаждущая сна..." (Потапенко) представляются исключительными. Въ древне-русскомъ языкѣ это были, напротивъ, самыя употребительныя сочетанія. Въ лѣтописяхъ, напр., читаемъ (въ дословномъ переводѣ): „если будете въ любви между собой, Богъ будетъ съ вами и покоритъ вамъ противниковъ вашихъ, и будете мирно живущіе; если же будете ненавистно живущіе въ войнахъ, и ссорящіеся, то погибнете сами и погубите землю отцовъ своихъ", „и былъ владѣющій Олегъ полянами...", „Болеславъ же былъ сидящій въ Кіевѣ...", „въ то время Андрей Юрьевичъ былъ въ Суздали княжащій, и онъ былъ неимѣющій любви къ Мстиславу", „суть же кости его и

доселѣ тамъ лежащія", „и есть церковь та стоящая въ Корсунѣ городѣ" и т. д. Обороты эти совершенно вымерли, оставивъ слѣдъ, кажется, только въ такихъ полу-литературныхъ сочетаніяхъ, какъ: „онъ былъ выпивши", „былъ не выспавшись", „былъ не ѣвши цѣлый день" и т. д., гдѣ причастіе уже перешло въ дѣепричастіе.

Вещественныя сказуемостныя сочетанія.

Сказуемостныя опредѣленія всѣхъ трехъ разсмотрѣнныхъ до сихъ поръ разрядовъ замѣчательны еще тѣмъ, что могутъ употребляться и не при глаголахъ-связкахъ, а при обычныхъ глаголахъ. Таковы повседневныя сочетанія: „онъ спитъ одѣтый", „онъ ходитъ сонный", „лежитъ больной", „выросъ большой" и т. д. и литературныя:

... И свѣтелъ ты сошелъ съ таинственныхъ вершинъ... (Пушк.)

Грустенъ и веселъ вхожу, ваятель, въ твою мастерскую...
... Весело мнѣ! Но межъ тѣмъ въ толпѣ молчаливыхъ кумировъ
Грустенъ гуляю: со мной добраго Дельвига нѣтъ... (Пушк.)

Дѣва, надъ вѣчной струей, вѣчно печальна сидитъ. (Пушк.)
Но онъ къ заботамъ жизни бѣдной
Привыкнуть никогда не могъ;
Скитался онъ изсохшій, блѣдный... (Пушк.)

... Досада его изливалась въ самыхъ оскорбительныхъ выраженіяхъ, которыя... доходили до Дубровскаго исправленныя и дополненныя. (Пушк.)

... Изъ городовъ бѣжалъ я нищій... (Лерм.)

Безмолвное море, лазурное море!
Стою очарованъ надъ бездной твоей. (Жук.)

„И чего вы такъ безпокоитесь? Неужто изъ самолюбія, что васъ женщина первая бросила, а не вы ее?" (Дост.)

Сюда народъ, тобой любимый,
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносилъ —
И облегченный уходилъ! (Некр.)

Ѳедоръ Павловичъ узналъ о смерти своей супруги пьяный... (Дост.)

Ѳедоръ Павловичъ... вышелъ къ ней пьяненькій... (Дост.)

„Да чего ты грустенъ сидишь?..." (Дост.)

Онъ увидѣлъ свою бричку, которая стояла совсѣмъ готовая... (Гог.)

А иногда онъ проснется такой бодрый, свѣжій, веселый... (Гонч.)

Всю ты жизнь прожила нелюбимая... (Некр.)

Баринъ пришелъ—поздравляетъ съ покупкою,
Барыня бродитъ такая унылая... (Некр.)

Кити возвращалась домой, въ Россію, излѣченная. (Л. Толст.)

И вотъ стою ослѣпшій я... (Брюс.)

Я стою оцѣпенѣлый... (Городецкій)

Я вскочилъ съ постели бодрый, выспавшійся... (Вересаевъ)

Я могу пробродить здѣсь до самаго утра и все-таки ворочусь домой недовольный и печальный. (Верес.)

Всѣ съ ней здоровались первые. (Б. Лазаревскій)

Въ убѣжище онъ вернулся совершенно пьяный. (Купринъ)

Домъ стоялъ необитаемый. (Мережк.)

Александра Ивановна сидѣла багровая отъ ярости... (Ѳ. Солог.)

... Досадно было, зачѣмъ оставила башмаки и идетъ босая. (Ѳ. Солог.)

Мы намѣренно удлинили рядъ примѣровъ и цитировали возможно большее число авторовъ, чтобы показать, что сочетанія эти, кажущіяся многимъ вульгарными, вполнѣ обычны и въ литературномъ языкѣ. И даже можно сказать, что они здѣсь гораздо обычнѣе сочетаній съ творительнымъ падежомъ, считающихся болѣе „правильными": нельзя было бы, напр., сказать: „идетъ босою", „сидѣла багровою отъ ярости", „стою ослѣпшимъ", хуже было бы у Некрасова: „и облегченнымъ уходилъ", у Гоголя: „бричка стояла готовою" и т. д., такъ что именительный здѣсь во многихъ случаяхъ даже „правильнѣе" творительнаго. Въ общемъ, сочетанія эти построены совершенно такъ же, какъ сочетанія: „былъ бѣлый" или „былъ бѣлъ", такъ какъ опредѣленіе въ нихъ тоже относится не только къ своему опредѣляемому, но и къ глаголу И даже та двойственность, которую мы отмѣтили въ сочетаніяхъ типа: „погода была прекрасная" сохраняется и здѣсь. Въ сочет., напр., „въ чистомъ полѣ подъ ракитой богатырь лежитъ убитый" (Пушк.) опредѣленіе „убитый" можно относить либо всецѣло къ опредѣляемому „богатырь", сознавая здѣсь только перестановку сочетанія: „убитый богатырь лежитъ" (что здѣсь, въ стихахъ, особенно умѣстно), либо и къ глаголу „лежитъ", понимая все сочетаніе, какъ: „богатырь лежитъ убитый". Ясно, что опредѣленіе здѣсь можетъ сливаться съ глаголомъ въ нѣчто цѣльное, т.-е. образовывать съ нимъ сказуемостное сочетаніе. Но въ то же время глаголъ здѣсь не связочный, а самый обыкновенный. Совершенно нельзя опредѣлить, какіе именно глаголы способны вступать въ такія сочетанія, а какіе неспособны. Правда, чаще всего въ нихъ вступаютъ непереходные глаголы, какъ: „сижу", „бѣгу", „лежу", „сплю" и т. д., потому что непереходный глаголъ, какъ ни съ чѣмъ, кромѣ подлежащаго, въ предложеніи не связанный, легче можетъ вступить въ связь съ прилагательнымъ, чѣмъ переходный, для котораго эта связь явится уже доба-

вочной и второстепенной (главная связь у него—съ его дополненіемъ). Но такіе примѣры, какъ: „Ѳедоръ Павловичъ узналъ о смерти своей супруги пьяный“ (см. выше), показываютъ, что такая двойная связь для переходнаго глагола возможна, и въ отдѣльныхъ случаяхъ здѣсь возможенъ даже и собственно-переходный глаголъ („онъ убилъ его пьяный“, „онъ встрѣтилъ его первый“). Такимъ образомъ, при случаѣ, всѣ глаголы способны образовывать такія сочетанія, и наше опредѣленіе сказуемостнаго сочетанія, какъ сочетанія съ глаголомъ-связкой, къ этимъ случаямъ какъ будто бы не подходитъ. Но дѣло все въ томъ, что, вступая въ связь съ прилагательнымъ, всякій глаголъ, именно въ силу этой связи, пріобрѣтаетъ до нѣкоторой степени характеръ связки. Правда, о переходѣ вещественнаго значенія глагола въ рѣзко отличное отъ него отвлеченное, какъ это бываетъ съ настоящими связками (см. примѣры на стр. 199), здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Въ сочетаніяхъ: „онъ ходитъ сонный“ и „онъ много ходитъ“ глаголъ одинаково обозначаетъ хожденіе и при томъ хожденіе, по существу, совершенно одинаковое. Но все-таки хожденіе это въ первомъ сочетаніи рисуется намъ неизмѣримо блѣднѣе, чѣмъ во второмъ. Какой бы глаголъ мы ни вставили въ наше первое сочетаніе („онъ ходитъ сонный“, „онъ сидитъ сонный“, „онъ работаетъ сонный“, „онъ танцуетъ сонный“, „онъ пишетъ записку сонный“ и т. д.), онъ обязательно блѣднѣетъ. И блѣднѣетъ онъ именно постольку, поскольку вступаетъ въ связь съ прилагательнымъ „сонный“, отдавая какъ бы часть своихъ силъ и своей яркости этому прилагательному. Вотъ почему мы и здѣсь можемъ говорить о связочномъ характерѣ глагола и сказуемостности сочетанія. Только мы должны, конечно, отдѣлить эти случаи отъ настоящихъ связочныхъ случаевъ и назвать глаголъ, въ этой его функціи, **вещественной связкой**, а самыя сочетанія—**вещественными сказуемостными сочетаніями**. Вещественность глагола сказывается здѣсь еще и въ томъ, что со всѣми другими второстепенными членами, кромѣ опредѣленія-прилагательнаго, такой глаголъ не можетъ образовать сказуемостнаго сочетанія. Перемѣняя, напр., именительный падежъ прилагательнаго на творительный, т.-е. опредѣленіе на дополненіе („я вскочилъ съ постели бодрымъ, выспавшимся“, „я вернулся домой усталымъ“), мы не замѣчаемъ уже никакой особой связи между глаголомъ и дополненіемъ, которая бы отличала эти сочетанія отъ обычныхъ

сочетаній глагола съ этого рода творительнымъ („онъ жилъ труженикомъ", „умеръ героемъ", „разсѣлся бариномъ", „служилъ дворникомъ" и т. д., см. стр. 218). Точно такъ же подставляя сравнительную степень нарѣчія („онъ ходитъ бодрѣе", „спитъ крѣпче") мы не получимъ здѣсь такихъ сказуемостныхъ сочетаній, какъ: „онъ былъ бодрѣе", „казался крѣпче". При неграмматическомъ нарѣчіи, правда, возможно нѣкоторое поблѣднѣніе значенія („онъ сидитъ дома", „сидитъ въ гостяхъ", гдѣ „сидитъ" не имѣетъ буквальнаго смысла), но это поблѣднѣніе, какъ не связанное ни съ какими другими синтаксическими измѣненіями, не даетъ намъ права причислить такія сочетанія къ разряду сказуемостныхъ. Оно является только однимъ изъ весьма частыхъ случаевъ противорѣчія между психологической и грамматической стороной рѣчи, чѣмъ мы подробно займемся впослѣдствіи.

Происхожденіе глаголовъ-связокъ.

Вещественныя сказуемостныя сочетанія были чрезвычайно распространены въ древне-русскомъ и другихъ древнихъ языкахъ и тамъ въ нихъ употреблялись не только прилагательныя и страдательныя причастія, но и дѣйствительныя причастія, и существительныя. Вотъ нѣсколько примѣровъ этого рода (въ дословномъ переводѣ): „дьяволъ, который не перестаетъ воюющій противъ рода христіанскаго...", „онъ кончилъ строящій церковь" (=кончилъ строить), „Олегъ побѣжалъ испугавшійся" (соотвѣтствуетъ синтаксически нашему „побѣжалъ испуганный", а ни въ коемъ случаѣ не „побѣжалъ испугавшись", или „испугавшійся Олегъ побѣжалъ"), „она сказывалась пришедшая изъ другого города" (= сказывалась пришедшей), „Святославъ сидитъ княжащій", „половцы возьмутъ пришедшіе землю русскую", „они не испугались имѣющіе двухъ князей", „княгиня сидѣла вдова", „знаю, что ты отъ Бога пришелъ учитель" и т. д. Нѣкоторые даже считаютъ вещественныя сказуемостныя сочетанія исконными и предполагаютъ, что глаголъ вообще появлялся впервые въ языкахъ въ качествѣ вещественной связки, изъ которой впослѣдствіи развивались, съ одной стороны, настоящіе глаголы-связки, а съ другой—настоящіе глаголы-сказуемыя. Съ этой точки зрѣнія, теперешняя способность любого глагола пріобрѣтать, при случаѣ, характеръ связки и вступать въ сказуемостныя сочетанія есть лишь остатокъ основной, исконной функціи глагола. Но есть и другая гипотеза, выводящая, наоборотъ, вещественную связку изъ нормальнаго глагола-сказуемаго. Согласно этой гипотезѣ въ индо-европейскомъ пра-языкѣ существовало два типа полныхъ предложеній: 1) глагольныя, какъ: „нужда скачетъ", „травка зеленѣетъ" и т. д. и 2) безглагольныя, какъ: „сколько головъ, столько умовъ", „одинъ умъ хорошо, а два лучше",

„съ міру по ниткѣ, голому рубашка", „кума съ возу, куму легче", „богатый въ пиръ, убогій въ міръ" (=по міру), „утромъ на четырехъ, въ полдень на двухъ, вечеромъ на трехъ" (загадка о возрастахъ жизни), „много — сытно, мало — честно", „дорого да мило, дешево да гнило" и т. д. Среди послѣднихъ были и сочетанія, состоящія изъ двухъ именительныхъ, т.-е. типа: „онъ — добрый", „собака — животное", „бѣдность — не порокъ", „старость — не радость" и т. д. Въ сочетаніяхъ этихъ тогда еще не сознавалось никакого опущенія, какъ сейчасъ (см. слѣд. гл.), потому что это былъ просто элементарный типъ предложенія, въ которомъ соотношеніе между подлежащимъ и сказуемымъ выражалось не грамматически, а только порядкомъ словъ, типъ, существовавшій до появленія глагольнаго типа и оставшійся и при немъ. Съ теченіемъ времени оба типа начали смѣшиваться: во второй типъ стали вставляться глаголы, такъ что рядомъ съ типомъ „онъ есть" (=существуетъ) и „онъ человѣкъ" появился смѣшанный типъ „онъ есть человѣкъ". Вотъ въ этихъ-то смѣшанныхъ сочетаніяхъ глаголы и получили значеніе связокъ, и тѣ изъ нихъ, которые чаще всего употреблялись въ такихъ сочетаніяхъ, сдѣлались настоящими связками. Съ точки зрѣнія этой гипотезы, вещественныя сказуемостныя сочетанія уже не исконны, а вторичны: они характерны для эпохи наибольшаго смѣшенія глагольнаго и безглагольнаго типовъ.

Сочетанія со сказуемостнымъ приложеніемъ.

4) Сказуемостное опредѣленіе, выраженное существительнымъ (**сказуемостное приложеніе**):

„Ты будешь царь земли родной!" (Пушк.)

„Не видишь развѣ ты? Покойникъ былъ дуракъ!" (Крыл.)

И сдѣлалась моя Матрена
Ни пава, ни ворона. (Крыл.)

... дамы требуютъ, чтобы герой былъ рѣшительное совершенство. (Гог.)

Ребенокъ этотъ со своимъ наивнымъ взглядомъ на жизнь былъ компасъ, который показывалъ имъ степень ихъ отклоненія... (Л. Толст.)

Онъ былъ царевичъ и мужчина... (Брюс.)

... Но мгновенье было—трепетъ, взоры были—страхъ! (Брюс.)

... Чувство непріятное, но знакомое, пробѣжало слегка въ это мгновеніе по моему сердцу; это чувство было—зависть... (Лерм.)

Такъ какъ сказуемостное приложеніе совпадаетъ по формѣ съ подлежащимъ (имен. п. существительнаго), то не лишнее будетъ выдѣлить тѣ синтаксическіе признаки, которые отличаютъ его отъ подлежащаго. Основной признакъ подлежащаго здѣсь тотъ же, что былъ отмѣченъ уже при обычномъ приложеніи, когда оно относится къ подлежащему (см. стр. 173): согласованіе глагола. Тотъ именительный, съ которымъ

согласуется глаголъ, есть производитель признака, выраженаго въ глаголѣ, т.-е. подлежащее. Такъ, въ предложеніи: „ты будешь царь земли родной" подлежащимъ сознается „ты" (потому что „будешь"), а приложеніемъ „царь", въ предлож.: „мгновеніе было трепетъ" подлежащее—„мгновеніе" (потому что „было"), а приложеніе—„трепетъ", въ предлож.: „взоры были страхъ" подлежащее—„взоры" (потому что „были"), а приложеніе—„страхъ", и т. д. Но признакъ этотъ можетъ и отсутствовать: если оба именительныхъ какъ разъ совпадаютъ въ лицѣ, числѣ и родѣ („ребенокъ... былъ компасъ..."), то, очевидно, ни въ данномъ предложеніи, ни въ ассоціированныхъ съ нимъ смежныхъ оборотахъ („ребенокъ будетъ компасъ", „былъ бы компасъ") нѣтъ такихъ грамматическихъ признаковъ, которые бы отличали приложеніе отъ подлежащаго. Въ этихъ случаяхъ, какъ всегда при отсутствіи чисто-грамматическаго различенія, синтаксическое значеніе получаютъ вспомогательные признаки: порядокъ словъ, ритмъ, интонація. Сопоставляя сочетанія:

Ребенокъ былъ ихъ компасъ.	Ихъ компасъ былъ ребенокъ.
Офицеръ былъ мой спутникъ.	Мой спутникъ былъ офицеръ.
Процессъ Дрейфуса былъ его конекъ.	Его конекъ былъ процессъ Дрейфуса.
Москва была тогда столица.	Столица была тогда Москва.

и т. д.

замѣчаемъ, что психолог. подлежащему вездѣ соотвѣтствуетъ первый именительный, а психолог. сказуемому — второй. Въ стихѣ Пушкина: „воителю слава — отрада" (объ отсутствіи связки см. слѣд. гл.) подлежащимъ сознается, насколько намъ извѣстно, всегда первый именительный, хотя логически вполнѣ возможно было бы и обратное пониманіе. Причина—опять-таки порядокъ словъ. Въ стихахъ Некрасова:

„Законъ — мое желаніе,
Кулакъ — моя полиція".
(слова помѣщика изъ „Кому на Руси жить хорошо")

чувствуется какая-то неловкость выраженія, порождающая даже затрудненіе въ чтеніи. И объясняется она только тѣмъ, что порядокъ словъ одного предложенія не соотвѣтствуетъ здѣсь

порядку словъ другого. Такъ какъ логически „законъ" и „полиція" относятся къ одному ряду представленій, а „желаніе" и „кулакъ" къ другому, то психол. и логич. подлежащими здѣсь можетъ сознаваться только одна изъ этихъ паръ представленій, при чемъ психол. сказуемыми будетъ другая пара. Другими словами, обычное выраженіе мыслей здѣсь было бы такое: „законъ — мое желаніе, полиція — мой кулакъ" или наоборотъ: „мое желаніе — законъ, мой кулакъ — полиція". Но одно изъ предложеній, въ угоду стиху, переверну то, и въ результатѣ мы, несмотря на логическую прозрачность стиховъ, затрудняемся понять ихъ. Все это показываетъ, что опредѣленный порядокъ словъ, хотя онъ и не обязателенъ (см. далѣе), составляетъ здѣсь особый синтаксическій моментъ мысли, отдѣльный отъ логико-психологической стороны ея. Подобное же вспомогательное значеніе можетъ имѣть и главное удареніе фразы, которое обычно приходится на сказуемостномъ приложеніи: „ты будешь царь", „мгновеніе было трепетъ", „ребенокъ былъ ихъ компасъ", „ихъ компасъ былъ ребенокъ" и т. д. Впрочемъ, эти признаки могутъ и противорѣчить другъ другу, такъ какъ главное удареніе можетъ падать и на первый именительный, напр.:

Друзья они смолоду были... (Огар.)
Странная дѣвушка была эта Варвара! (Тург.)

Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ такъ наз. „обратный" порядокъ словъ. И такъ какъ онъ сознается именно, какъ обратный, какъ перестановка нормальнаго, привычнаго намъ типа сочетаній („они были смолоду друзья", „Варвара была странная дѣвушка" и т. д.), то здѣсь все же можно различать подлежащее и приложеніе по ассоціаціи съ этимъ нормальнымъ типомъ, т.-е. видѣть въ первомъ, ударенномъ существительномъ приложеніе, а во второмъ, неударенномъ,— подлежащее.

Совсѣмъ особое положеніе занимаютъ такія сочетанія, какъ: „это былъ онъ", „это былъ одинъ изъ тѣхъ характеровъ, которые..." (Гог.), „это была не она, не та, которую онъ зналъ прежде..." (Гог.), „въ глазахъ воина сверкали слезы: то были слезы глубокаго, возвышеннаго чувства..." (Жук.) и т. д. Здѣсь психологическая и грамматическая сторона рѣчи діаметрально противоположны другъ другу. Психологическимъ подлежащимъ здѣсь является, конечно, всегда непосредственное воспріятіе предмета или тотъ образъ, который данъ предыдущей рѣчью. И выражается оно словами „это" или „то", т.-е. первымъ именительнымъ. Психологиче-

скимъ сказуемымъ является то слово, которымъ мы называемъ наблюдаемое или наблюденное, т.-е. второй именительный, на которомъ и дѣлается всегда сказуемостное удареніе: „это былъ онъ", „то была сестра моя" и т. д. Грамматически же дѣло обстоитъ какъ разъ наоборотъ: сказуемое согласуется здѣсь всегда со вторымъ именительнымъ, а не съ первымъ; мы никогда не говоримъ: „это было онъ", „то было она" и т. д., а всегда: „это былъ онъ", „то была она" и т. д. Слѣдовательно, грамматическимъ дѣятелемъ, т.-е. подлежащимъ, является здѣсь „онъ" (потому что онъ „былъ"), „она" (потому что „была") и т. д. Слова же „это" или „то", выражающія психол. подлежащее, грамматически можно толковать двояко, смотря по тому, придавать имъ самостоятельный смыслъ или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ это будетъ, очевидно, сказуемостное приложеніе (какъ если бы сказано было „онъ былъ это", „она была то"), во второмъ — особое частичное слово, служащее для указанія и усиленія, какъ въ предложеніяхъ: „это почтальонъ пришелъ", „это ворона летитъ", „это дверь скрипнула" и т. д. Въ этомъ случаѣ глаголъ будетъ уже не связкой, а полновѣснымъ сказуемымъ. Впослѣдствіи мы подробно остановимся на противорѣчіяхъ между логико-психологической и грамматической стороной рѣчи. На данный же случай мы сочли нужнымъ указать теперь же потому, что въ школѣ сочетанія эти (какъ, впрочемъ, и многое другое) принято разбирать чисто-психологически, а не грамматически, т.-е. считать „это" или „то" подлежащимъ, а второй именительный — сказуемостнымъ именемъ (второй частью такъ наз. „составного сказуемаго"). Противорѣчіе же такого разбора грамматическому строенію фразы принято обходить при помощи утвержденія, что здѣсь-де связка, по исключенію, согласована не съ подлежащимъ, а со второй частью составного сказуемаго. Насколько возможны такія „исключенія", читатель сможетъ судить, если припомнитъ, что самое понятіе грамматическаго подлежащаго включаетъ въ себѣ признакъ согласованія съ нимъ сказуемаго. Вѣдь форма именительнаго падежа, какъ мы видѣли, сама по себѣ не обозначаетъ дѣятеля (см. стр. 120), а получаетъ такое значеніе только по связи со сказуемымъ. Значитъ, только тотъ именительный и есть подлежащее, къ которому относится или, точнѣе, съ которымъ согласуется сказуемое.

Сочетанія со сказуемостнымъ дополненіемъ. Творительный сказуемостный.

III. **Сказуемостное дополненіе**. Здѣсь надо на первомъ мѣстѣ поставить творительный падежъ дополненія, специализировавшійся, такъ сказать, въ сказуемостной роли и такъ и называемый „творительнымъ сказуемостнымъ". Примѣры:

„Добро, будетъ старуха царицей". (Пушк.)

Покупка Чичикова сдѣлалась предметомъ разговоровъ. (Гог.)

Быть можетъ, предокъ мой былъ честнымъ палачомъ... (Бальм.)

Я рабъ и былъ рабомъ покорнымъ
Прекраснѣйшей изъ всѣхъ царицъ... (Брюс.)

„Мнѣ первымъ мужемъ былъ купецъ богатый,
Вторымъ — поэтъ, а третьимъ — жалкій мимъ". (Брюс.)

Положеніе Оренбурга становилось ужаснымъ. (Пушк.)

... жизнь моя въ Бѣлогорской крѣпости сдѣлалась для меня не только сносною, но даже и пріятною. (Пушк.)

Происхожденіе творительнаго сказуемостнаго.

Творительный сказуемостный — одна изъ важнѣйшихъ синтаксическихъ особенностей балтійско-славянскихъ языковъ *). Ни по-французски, ни по-нѣмецки, ни по-англійски, ни на какомъ другомъ языкѣ, кромѣ славянскихъ и балтійскихъ, нельзя сказать: „онъ былъ рабомъ", а только: „онъ былъ рабъ". Особенность эта возникла на почвѣ такихъ сочетаній, какъ:

Я жилъ недорослемъ, гоняя голубей и играя въ чехарду. (Пушк.)

... Она Ленорой, при лунѣ,
Со мной скакала на конѣ! (Пушк.)

Тамъ верстою небывалой
Онъ торчалъ передо мной;
Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой
И пропалъ во тьмѣ пустой. (Пушк.)

„Въ Камчатку сосланъ былъ, вернулся алеутомъ"... (Гриб.)

Она вошла стопой неспѣшной,
Какъ только жрицы входятъ въ храмъ,
Такой прекрасной и безгрѣшной,
Что было тягостно очамъ. (Брюс.)

Отчего мой духъ вампиромъ
Сатану поетъ и славитъ? (Бальм.)

Я гибну скорпіономъ — гордымъ, вольнымъ. (Бальм.)

„А помните, я вчера, входя, мертвецомъ отрекомендовалась?"
(Дост. „Бѣсы")

„Третьяго дня, когда я васъ всенародно обидѣла, а вы мнѣ отвѣтили такимъ рыцаремъ, я пріѣхала домой и тотчасъ догадалась..."
(тамъ же)

„Конечно, не догадается", рѣшительнымъ дурачкомъ подхватилъ Петръ Степановичъ... (тамъ же)

Въ дверяхъ другой диктаторъ бальный
Стоялъ картинкою журнальной... (Пушк.)

Стояли стогны озерами,
И въ нихъ широкими рѣками
Вливались улицы... (Пушк.)

*) Ближайшими родичами славянскихъ языковъ являются такъ наз. „балтійскіе" языки, т.-е. языки литовскій, латышскій и вымершій прусскій.

Ядъ каплетъ сквозь его кору...
И застываетъ ввечеру
Густой прозрачною смолою. (Пушк.)

Платону Каратаеву должно было быть за 50 лѣтъ, судя по его разсказамъ о походахъ, въ которыхъ онъ участвовалъ давнишнимъ солдатомъ. (Л. Толст.)

Такъ все опостыло въ этой мастерской, гдѣ Александра Ивановна... ужъ столько лѣтъ работала закройщицею. (Ѳ. Солог.)

Смотрѣла такою тихонькою, одѣта была, какъ дѣвочка... (Ѳ. Солог.)

Во всѣхъ этихъ сочетаніяхъ глаголъ является полновѣснымъ глаголомъ-сказуемымъ, а творительный—особымъ творительнымъ, тоже характернымъ для славянскихъ языковъ и ближе всего стоящимъ къ творительному способа (см. стр. 91). Въ отдѣльныхъ случаяхъ онъ обозначаетъ то должность, чинъ, занятіе и т. д. („участвовалъ солдатомъ", „работала закройщицею"), то сравненіе („она Ленорой при лунѣ со мной скакала на конѣ"), то превращеніе („тамъ верстою небывалой онъ торчалъ передо мной", „... и застываетъ ввечеру густой, прозрачною смолою"). Но оттѣнки эти больше зависятъ отъ вещественной стороны рѣчи, чѣмъ отъ синтаксической: если мы, напр., въ сочетаніи: „онъ служилъ капитаномъ" сознаемъ въ творительномъ значеніе должности, а въ сочетаніи: „онъ служилъ козломъ отпущенія" — сравненіе, то это только потому, что должность капитана существуетъ, а должности козла отпущенія нѣтъ; если мы въ сочет.: „отчего мой духъ вампиромъ сатану поетъ и славитъ?" сознаемъ сравненіе, а не превращеніе, то только потому, что не вѣримъ въ оборотничество, и т. д. Всѣ эти случаи составляютъ, въ сущности, одну синтаксическую категорію. Сюда же непосредственно примыкаютъ и такіе случаи употребленія творительнаго, какъ:

„Суконцо-то вѣдь аглицкое!.. купилъ я его еще мичманомъ и сшилъ изъ него мундиръ..." (Гог.)

„Я помню, ты дитей съ нимъ часто танцовала..." (Грибоѣд.)

Ребенкомъ онъ упрямъ былъ и рѣзовъ... (Огар.)

Преображенскимъ офицеромъ, стоя на караулѣ въ Зимнемъ дворцѣ, князь Валерьянъ увидѣлъ однажды... (Мережковск.)

хотя здѣсь рѣзче выдѣляется особый временной оттѣнокъ (напр., у Грибоѣдова „дитей" = только „въ дѣтствѣ", „во времена дѣтства", и никакого ребячества обозначать не можетъ). Во всѣхъ этихъ сочетаніяхъ творительный отличается отъ

обычнаго творительнаго способа тѣмъ, что по смыслу относится не только къ сказуемому, но и къ подлежащему. Въ то время какъ въ сочетаніи, напр., „онъ пошелъ войной", творительный изображаетъ отдѣльный предметъ, нисколько не сливающійся въ мысли съ „нимъ", въ сочетаніи: „онъ пошелъ воеводой" творительный сливается въ мысли съ подлежащимъ вслѣдствіе того, что вещественно совпадаетъ съ нимъ („онъ" и „воевода" — одно и то же лицо).

Точно такъ же въ стихахъ Брюсова:

Дворцами и храмами, легокъ и пышенъ,
Весь городъ вставалъ изъ прибоевъ и пѣнъ

творительные держатся въ мысли отдѣльно отъ подлежащаго, потому что каждый изъ нихъ въ отдѣльности не равняется вещественно подлежащему, въ стихахъ же Пушкина:

Стояли стогны озерами,
И въ нихъ широкими рѣками
Вливались улицы

творительные полностью совпадаютъ съ подлежащими. Вотъ это-то вещественное совпаденіе съ подлежащимъ и оказало огромное вліяніе на судьбу этого творительнаго. Вслѣдствіе этого совпаденія онъ могъ въ извѣстныхъ случаяхъ терять свое первоначальное значеніе способа дѣйствія и пріобрѣтать значеніе признака того предмета, который выраженъ подлежащимъ, или состоянія, въ которомъ оказывается этотъ предметъ, т.-е. значеніе, близкое къ сказуемостному. Такъ, въ сочетаніи: „онъ пошелъ въ походъ воеводой" творительный обозначаетъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ не способъ хожденія (т.-е не то, что онъ выступалъ воеводой, держался, какъ воевода), а должность, т.-е. извѣстную сумму признаковъ, присущую скорѣе „ему", чѣмъ его „хожденію". Точно такъ же въ сочетаніи: „ядъ... застываетъ ввечеру густой, прозрачною смолою" творительный обозначаетъ не столько способъ застыванія, сколько результатъ его, т.-е. опять-таки сумму признаковъ, оказавшихся у предмета въ результатѣ его дѣятельности. Въ связи съ этимъ и глаголъ теряетъ въ такихъ случаяхъ ту или иную долю своего вещественнаго значенія (срвн.: „онъ поѣхалъ туда по желѣзной дорогѣ" и „онъ поѣхалъ туда управляющимъ", „онъ глядѣлъ въ сторону" и „онъ глядѣлъ молодцомъ", „онъ стоялъ въ дверяхъ" и „онъ стоялъ болваномъ"). Вотъ этотъ-то

творительный, во многихъ сочетаніяхъ по значенію своему уже на половину сказуемостный, и могъ легко переноситься въ настоящія сказуемостныя сочетанія съ глаголами-связками, такъ что вмѣсто: „онъ былъ воевода" или „онъ сталъ воевода" стали говорить: „онъ былъ воевод**ой**", „сталъ воевод**ой**" по образцу: „пошелъ воеводой". Такъ и произошелъ творительный сказуемостный. При этомъ, такъ какъ первоначальный творительный должности, сравненія, превращенія и т. д. не исчезъ изъ языка и продолжаетъ существовать на ряду съ этимъ новымъ, порожденнымъ имъ творительнымъ, то во многихъ случаяхъ возможна двойственность пониманія, всегда ярко иллюстрирующая синтаксическія различія. Въ сочет., напр., „всѣ уѣхали въ Москву, а онъ остался въ деревнѣ, въ глуши, управляющимъ захудалаго имѣнія..." глаголъ сознается, какъ полновѣсное, самостоятельное сказуемое, а творительный,—какъ отдѣльный, самостоятельный творительный должности (остался въ деревнѣ въ качествѣ управляющаго). Въ сочетаніи же: „несмотря на открытыя упущенія онъ остался попрежнему управляющимъ" глаголъ и творительный теряютъ свою отдѣльность („остался управляющимъ" не равняется здѣсь „остался+управляющимъ"), и первый дѣлается связкой, а второй—творительнымъ сказуемостнымъ. Точно такъ же въ стихахъ Пушкина:

„Скажите, чѣмъ онъ возвратился?
Что намъ представитъ онъ пока?
Чѣмъ нынѣ **явится**? Мельмотомъ,
Космополитомъ, патріотомъ,
Гарольдомъ, квакеромъ, ханжой,
Иль маской щегольнетъ иной?"

глаголъ „явится" долженъ быть, скорѣе всего, понятъ въ своемъ буквальномъ значеніи, потому что рѣчь идетъ о пріѣздѣ Онѣгина, такъ что творительный будетъ здѣсь описаннымъ выше творительнымъ, а глаголъ—самостоятельнымъ сказуемымъ. Въ сочетаніяхъ же, взятыхъ изъ какой-нибудь критической статьи („Онѣгинъ является космополитомъ, Мельмотомъ и т. д."), глаголъ будетъ связкой, а творительный—творительнымъ сказуемостнымъ.

Вытѣсненіе именительнаго сказуемостнаго творительнымъ.

Творительный сказуемостный принадлежитъ къ числу явленій, прогрессивно развивающихся въ славянскихъ языкахъ. При этомъ, такъ какъ онъ по значенію почти совпадаетъ со сказуемостнымъ приложеніемъ, т.-е. именительнымъ сказуемостнымъ (выраженія: „онъ былъ

капитанъ" и „онъ былъ капитаномъ" сознаются, какъ параллельныя), то, распространяясь, онъ нерѣдко вытѣсняетъ этотъ именительный. Это вытѣсненіе проходитъ красной нитью черезъ всю исторію русскаго литературнаго языка. При многихъ связкахъ именительный теперь уже совершенно невозможенъ (нельзя сказать, напр.: „онъ явился обманщикъ", „дѣло это представляется спорное", а только: „явился обманщикомъ", „представляется спорнымъ"), первоначальнымъ же падежомъ былъ здѣсь именительный. При связкѣ „кажусь" Пушкинъ и Грибоѣдовъ употребляли еще иногда именительный („хозяинъ, родомъ Яицкій казакъ, казался мужикъ лѣтъ шестидесяти", „она казалась хладный идеалъ тщеславія", „она казалась вѣрный снимокъ du comme il faut", „...чтобъ кромѣ васъ ему міръ цѣлый казался прахъ и суета"), для насъ же сейчасъ здѣсь именительный уже страненъ. При связкахъ: „стану", „становлюсь", „дѣлаюсь" намъ тоже уже больше нравится творительный, чѣмъ именительный, и восклицаніе, напр., Сквозника-Дмухановскаго: „такой дуракъ теперь сдѣлался, какихъ свѣтъ не производилъ!" для насъ уже, въ сущности, устарѣло: мы бы сказали, вѣроятно: „такимъ дуракомъ теперь сдѣлался". При этомъ есть разница въ темпѣ процесса между существительными и прилагательными. Именительный прилагательнаго (особенно въ краткой формѣ) дольше противустоитъ натиску творительнаго, чѣмъ именительный существительнаго. При многихъ связкахъ именительный существительнаго уже невозможенъ, а именительный прилагательнаго еще возможенъ. Такъ, напр., можно сказать: „онъ остался такой же, какъ былъ", но нельзя или почти нельзя сказать: „онъ остался офицеръ", можно сказать: „онъ казался добръ", но нельзя сказать: „казался добрякъ" и т. д. Въ нѣкоторыхъ славянскихъ языкахъ процессъ распространенія творительнаго пошелъ еще дальше, чѣмъ въ русскомъ. Въ польскомъ, напр., можно даже при отсутствіи связки, т.-е. въ сочетаніяхъ типа: „онъ офицеръ", „собака животное" и т. д. употреблять творительный и говорить: „онъ офицеромъ", „собака животнымъ" и т. д. (сравн., впрочемъ, и въ русскомъ все болѣе и болѣе распространяющіяся разговорныя сочетанія: „онъ сегодня молодцомъ", „какимъ онъ франтомъ сегодня", „она тамъ зубнымъ врачомъ", „онъ у насъ управляющимъ" и т. д., а также обще-литературныя: „онъ этому виной", „онъ причиной этого").

Причины вытѣсненія.

Описанное вытѣсненіе сказуемостнаго именительнаго творительнымъ, такъ же какъ и параллельное вытѣсненіе второго винительнаго творительнымъ (см. стр. 175) можно разсматривать, какъ частный случай общаго стремленія индо-европейскихъ языковъ замѣнять **параллелизмъ подчиненіемъ**, въ частности согласованіе—управленіемъ. Этимъ создается болѣе сложная и болѣе многостепенная зависимость членовъ другъ отъ друга, или такъ назыв. „синтаксическая перспектива", въ силу которой слова располагаются какъ бы на разныхъ планахъ грамматическаго сознанія. Въ результатѣ рѣчь выливается въ болѣе сложныя синтаксическія формы, синтаксически дифференцируется. Сюда можно отнести уже доисторическій (гипотетическій) процессъ образованія прилагательнаго изъ существительнаго (см. стр. 57), такъ какъ этимъ путемъ согласованіе существительнаго-приложенія, носящее въ себѣ всѣ признаки параллелизма, замѣнилось согласованіемъ прилагательнаго, ярко подчинительнымъ. Далѣе, сюда относятся и такія явленія, какъ замѣна прилагательныхъ-опредѣленій дополненіями (сравн. древне-русскія: „чтеніе книжное", „слухъ Христовъ", „страхъ іудейскій", „ограбленіе монастырское", „взятіе псковское" и современныя: „чтеніе книгъ", „слухъ о Христѣ", „страхъ передъ іудеями", „ограбленіе монастыря", „взятіе Пскова" и т. д.), и такія, какъ замѣна двухъ параллельныхъ дополненій дополненіями, подчиненными другъ другу (сравн. у Котошихина: „о гонцахъ о приниманьи", „о такихъ судьяхъ о наказаніи"= теперешнимъ: „о приниманіи гонцовъ", „о наказаніи судей", сравн. также у античныхъ писателей: „пою подвиги и мужа", „силой и оружіемъ", „съ надеждой и съ наградой"=современнымъ: „подвиги мужа", „силой оружія", „съ надеждой на награду"). Но, въ частности, описанная выше замѣна именительнаго и винительнаго творительнымъ могла вызываться и другими, побочными причинами, напр., свободнымъ порядкомъ словъ славянскихъ языковъ. Хотя мы и стремимся въ сочетаніяхъ типа: „онъ былъ офицеръ" подлежащее ставить на первомъ мѣстѣ, а сказуемостное имя на второмъ (см. стр. 215), но до обязательной разстановки словъ у насъ дѣло не дошло. А вслѣдствіе этого многія сочетанія могли казаться двусмысленными (сравн. упоминавшіяся уже: „воителю слава отрада", „законъ—мое желаніе"). Творительный же являлся въ иныхъ случаяхъ прекраснымъ средствомъ избѣгнуть этой двусмысленности (срвн.: „да будутъ камни хлѣбы" и: „да будутъ камни хлѣбами" или „хлѣбы камнями", „мужикъ работникъ былъ прямой" Крыл. и: „мужикъ работникомъ былъ прямымъ" или „работникъ мужикомъ былъ прямымъ", „царь долженъ быть человѣкъ" и: „царь долженъ быть человѣкомъ" или „человѣкъ царемъ" и т. д.). То же и при двойномъ винительномъ: такъ какъ опредѣленіе у насъ не связано мѣстомъ по отношенію къ опредѣляемому, то въ сочетаніи: „мужъ любитъ жену здоровую" можно было сознавать то двойной ви-

нительный, то простую перестановку. Творительный и здѣсь являлся грамматическимъ истолкователемъ мысли, способствовалъ болѣе точному выраженію ея. Это, надо думать, и вызвало столь пышный расцвѣтъ его въ нашемъ и другихъ славянскихъ языкахъ.

Разница между сказуемостными творительнымъ и именительнымъ въ настоящее время.

Выше мы сказали, что сочетанія: „онъ былъ офицеръ“ и „онъ былъ офицеромъ“ въ настоящее время почти сравнялись по значенію. Теперь мы должны подчеркнуть это „почти“. Какъ ни поблѣднѣлъ здѣсь творительный падежъ, какъ ни притянулся онъ къ подлежащему изъ-за того, что глаголъ, къ которому онъ долженъ былъ бы всецѣло относиться, не имѣетъ вещественнаго значенія, но все же это—творительный и совпасть съ именительнымъ онъ не могъ и никогда не сможетъ. Разница между ними обусловливается, прежде всего, тѣмъ, что именительный есть здѣсь падежъ согласуемый, и, слѣдовательно, выражаетъ признаки (одинъ или сумму, въ зависимости отъ того, прилагательное передъ нами, или существительное), заложенные въ природѣ предмета (см. стр. 174), т.-е. постоянные, вѣчные, внѣвременные. Творительный же, какъ падежъ несогласуемый, такого значенія имѣть не можетъ. Напротивъ, въ немъ, какъ ни поблѣднѣлъ онъ, должны оставаться слѣды его исконнаго значенія способа дѣйствія, т. е. признаковъ временныхъ, длящихся только въ теченіе того времени, когда совершается дѣйствіе. Эти два оттѣнка, постоянства и временности, и отличаютъ эти сочетанія, и ихъ мы можемъ уловить, если будемъ попеременно сосредоточиваться на сочетаніяхъ: „онъ былъ офицеръ“ и „онъ былъ офицеромъ“, анализируя свои грамматическія ощущенія отъ этихъ примѣровъ. Въ первомъ случаѣ „офицерство“ представляется намъ чѣмъ-то совпадающимъ съ „нимъ“, адэкватнымъ „ему“ (ощущеніе согласованія), такъ что представленіе наше о „немъ“ какъ будто бы исчерпывается представленіемъ объ его офицерствѣ (онъ = офицеръ). Во второмъ случаѣ мы сознаемъ офицерство, какъ нѣчто внѣшнее, случайное, временное. Отъ этого случая неотдѣлимо сознаніе, что онъ могъ бы быть и чѣмъ-нибудь другимъ, помимо офицерства. Въ тѣхъ же оттѣнкахъ мы можемъ убѣдиться, подставляя въ различныя сочетанія на мѣсто именительнаго творительный. Оказывается, что не всегда и не вездѣ можно произвести подобную подстановку. Можно, напр., сказать: „его любимое развлеченіе было—игра въ шахматы“, но нельзя сказать: „его люб. развл. было игрой въ шахматы“,

можно сказать: „его страсть была декламація“, но нельзя (безъ рѣзкаго измѣненія смысла): „его страсть была декламаціей“, можно: „вся надежда была — словно вылитый въ мать темнорусый красавецъ-сынишка“ (Никит.), но нельзя: „вся надежда была сынишкой“; точно такъ же нельзя сказать: „отрада была славой“, „законъ былъ желаніемъ“, „столица была тогда Москвой“, „этотъ человѣкъ былъ имъ“ и т. д. Всматриваясь во всѣ эти сочетанія, мы замѣчаемъ, что въ нихъ сказуемостное имя связано постоянными узами съ подлежащимъ, составляя часть содержанія его (его развлеченіе состояло въ игрѣ въ шахматы, для него „законъ“ состоялъ въ желаніи, „Москва“, какъ названіе, есть постоянный отличительный признакъ одной изъ столицъ и т. д.), почему здѣсь и невозможенъ творительный *). Стоитъ же намъ измѣнить содержаніе понятій или вещественныя условія рѣчи такъ, чтобы сказуемостное имя могло стать во временныя отношенія къ подлежащему, — и творительный станетъ возможенъ: если мы подъ „декламаціей“ будемъ понимать все неискреннее, фальшивое, то мы можемъ сказать: „его страсть была декламаціей“, если предположимъ переименованіе Москвы, то можемъ сказать: „столица была тогда Москвой“, если допустимъ переселеніе душъ, то можемъ сказать: „этотъ человѣкъ былъ имъ“, и т. д. Ясно, что именительный обозначаетъ внѣвременные признаки, а творительный — временные. Но, конечно, и тутъ читатель не долженъ забывать, что рѣчь идетъ о формахъ, объ оттѣнкахъ, т.-е. о томъ, какъ что-либо представляется, а не что представляется. Противорѣчія между формой и содержаніемъ и тутъ на каждомъ шагу. Вѣдь, напр., „офицерство“ есть безусловно временный признакъ человѣка, а не постоянный, и, слѣдовательно, въ сочетаніи: „онъ былъ офицеръ“ нѣчто временное изображено, какъ постоянное. Съ другой стороны, въ сочетаніяхъ: „онъ былъ почтительнымъ сыномъ“, „оселъ останется осломъ, хотя осыпь его звѣздами“, „религія является основой нашего духовнаго бытія“ нѣчто постоянное изображено, какъ временное. Такія противорѣчія, конечно, неизбѣжны, разъ одну и ту же мысль можно выразить двумя способами и разъ выборъ того или иного способа производится, какъ всякій грамматическій выборъ, полусознательно.

*) Для читателя, знакомаго съ логикой, можемъ добавить, что сочетанія съ именительнымъ въ общемъ соотвѣтствуютъ аналитическимъ сужденіямъ, а сочетанія съ творительнымъ—синтетическимъ.

Можно еще отмѣтить и нѣсколько бо́льшую отдѣльность творительнаго по сравненію съ именительнымъ въ томъ цѣломъ, которое мы назвали „сказуемостнымъ сочетаніемъ“. Сочетаніе: „былъ офицеръ“, повидимому, цѣльнѣе психологически (а можетъ быть и ритмически?), чѣмъ сочетаніе: „былъ офицеромъ“. Заключить это можно изъ того, что оно болѣе сопротивляется разрыву, труднѣе переноситъ различныя вставки между своими членами. Можно, напр., сказать: „онъ былъ въ такомъ-то году въ такомъ-то полку, расквартированномъ тогда въ одной изъ южныхъ губерній, офицеромъ“, но неловко сказать: „онъ былъ въ так.-то г. въ так.-то п., раскв. т. въ одн. изъ южн. губ., офицеръ“. И вообще, чѣмъ больше словъ вставимъ мы между именемъ и связкой, тѣмъ умѣстнѣе будетъ творительный и тѣмъ неумѣстнѣе именительный. Различіе это есть слѣдствіе той основной разницы, которая только что разобрана. Именительный падежъ, какъ падежъ, согласуемый съ подлежащимъ, тяготѣетъ къ подлежащему, а черезъ это и къ связкѣ, которая сама согласована съ подлежащимъ и тянетъ къ нему все отъ нея зависящее. Творительный же, какъ падежъ не согласуемый, да вдобавокъ и не управляемый, а только примыкающій („былъ“ само по себѣ не требуетъ творительнаго падежа), настолько изолированъ синтаксически, что можетъ отодвинуться на какое-угодно разстояніе и отъ подлежащаго, и отъ связки.

Другіе сказуемостные падежи.

Кромѣ творительнаго сказуемостнаго слѣдуетъ упомянуть еще о родительномъ сказуемостномъ въ такихъ сочетаніяхъ, какъ:

Онъ казался нрава тихаго и скромнаго... (Пушк.)

Онъ набожныхъ былъ правилъ... (Крыл.)

Какой-то муравей былъ силы непомѣрной... (Крыл.)

Небо и горизонтъ были одного и того же цвѣта мутной воды. (Л. Толстой)

а также о всевозможныхъ составныхъ сказуемостныхъ дополненіяхъ, какъ, напр.:

Окна въ избенкахъ были безъ стеколъ. (Гог.)

Дома были въ одинъ, два и полтора этажа, съ вѣчнымъ мезониномъ... (Гог.)

Съ Анной Ѳедоровной батюшка былъ въ ссорѣ. (Дост.)

Наташа была въ восторгѣ отъ пѣнія дядюшки. (Л. Толст.)

Весь домъ былъ въ движеніи: слуги бѣгали, дѣвки суетились... (Пушк.)

Горничная отвѣчала ей изъ-за двери, что Кирила Петровичъ не приказалъ ее выпускать. Она была подъ арестомъ. (Пушк.)

Съ утра онъ съ своей партіей былъ на ходу. (Л. Толст.)

И сердце стало изъ стекла,
И въ немъ такъ тонко пѣла рана... (М. Волош.)

Сказуемостная роль послѣдняго рода дополненій обусловливается исключительно значеніемъ предлога, именно тѣмъ, что онъ не имѣетъ здѣсь исконнаго пространственно-временнаго значенія, а всегда болѣе отвлеченное (срвн. „въ восторгѣ“ и „въ оврагѣ“, „на ходу“ и „на крышѣ“, „изъ стекла“ и „изъ лѣсу“ и т. д.). Вслѣдствіе этого и глаголъ „былъ—буду“ не можетъ имѣть значенія нахожденія, пребыванія гдѣ-либо, а это и дѣлаетъ дополненіе сказуемостнымъ. Многія изъ такихъ дополненій есть зарождающіяся неграмматическія нарѣчія („на ходу“, „на ногахъ“, „въ духѣ“, „въ ударѣ“, „безъ памяти“, „въ правѣ“), такъ какъ необычное значеніе предлога вообще располагаетъ къ сліянію его съ именемъ (срвн. настоящія неграмматич. нарѣчія, какъ: „свысока“, „сгоряча“, „втихомолку“, „наудалую“ и т. д., гдѣ предлогъ почти всегда отвлеченъ). Но это уже составляетъ переходъ къ слѣдующему разряду.

III. **Сказуемостное обстоятельство**. Сюда относятся:

Сочетанія со сказуемостнымъ обстоятельствомъ.

1) Грамматическія нарѣчія въ сравнительной и превосходной степеняхъ:

„Онѣгинъ, я тогда моложе,
Я лучше, кажется, была“... (Пушк.)

Его слово, его обѣщаніе было крѣпче и святѣе всякихъ духовныхъ и гражданскихъ актовъ. (С. Аксак.)

Лисица стала и сытѣй,
Лисица стала и жирнѣй,
Но все не сдѣлалась честнѣй... (Крыл.)

„Можетъ быть есть рента въ Европѣ, гдѣ земля стала лучше отъ положеннаго на нее труда, но у насъ вся земля становится хуже отъ положеннаго труда...“ (Л. Толст.)

Всего же непріятнѣе тутъ было то, что этимъ подмѣшивался денежный интересъ... (Л. Толст.)

Обычная синтаксическая роль нарѣчія рѣзко измѣнена въ этихъ сочетаніяхъ. Превращеніе глагола въ связку притягиваетъ нарѣчіе къ подлежащему (срв. то же явленіе при сказуемости. дополненіи), такъ что нарѣчіе изображаетъ здѣсь уже не признакъ дѣйствія (которое здѣсь не можетъ имѣть никакихъ признаковъ, потому что не вещественно), а признакъ

дѣйствующаго предмета („я была моложе“, „земля становится хуже“). Такъ какъ нарѣчіе, какъ таковое, должно обозначать признакъ признака, а не предмета, то ясно, что нарѣчіе употребляется здѣсь не въ своемъ собственномъ смыслѣ, а въ смыслѣ прилагательнаго, замѣщаетъ прилагательное. Съ этимъ вполнѣ согласуется тотъ фактъ, что положительная степень нарѣчія въ такихъ сочетаніяхъ невозможна. Нельзя сказать: „я была молодо“, „земля становится худо“ и т. д. И это потому, что въ положительной степени возможно само прилагательное („я была молода“, „земля становится худа“), и, слѣдовательно, ни въ какомъ замѣстительствѣ нѣтъ нужды. Сравнительной же степени наши прилагательныя не имѣютъ, почему и приходится замѣщать ее сравнительной степенью нарѣчія. Превосходная степень, правда, есть у прилагательныхъ и даже иногда встрѣчается въ сказуемостныхъ сочетаніяхъ („онъ былъ умнѣйшій изо всѣхъ“, „онъ былъ самый младшій“) но и она не вполнѣ годится для этихъ сочетаній, такъ какъ не имѣетъ краткой формы, которая все-таки наиболѣе приспособлена къ сказуемостной роли. Поэтому мы и тутъ охотно замѣщаемъ прилагательное нарѣчіемъ сравнительной или превосходной степени („онъ былъ умнѣе всѣхъ“, „младше всѣхъ“, „это было лучше всего“, „вѣрнѣе всего“ и т. д.). Такимъ образомъ, разсматриваемыя сочетанія стоятъ въ прямомъ соотвѣтствіи и въ тѣснѣйшей связи съ сочетаніями отдѣла I пп. 1 и 2 (см. стр. 204), т.-е. съ собственно-сказумостными сочетаніями. Этимъ объясняется высшая степень отвлеченности связки въ нихъ. Въ то время какъ сочетанія нѣкоторыхъ связокъ со сказуемостн. дополненіемъ могутъ при особой синтаксической обстановкѣ распадаться на свои составные элементы („былъ + капитаномъ“, „остался + капитаномъ“ въ смыслѣ: „присутствовалъ въ качествѣ капитана“, „остался въ кач. кап.“), сочетанія тѣхъ же связокъ съ нарѣчіемъ такого распаденія претерпѣвать не могутъ: „былъ богаче“ никогда и ни при какихъ условіяхъ не можетъ выразить признаковъ „бытія“ предмета (т. е. равняться сочетаніямъ: „существовалъ богаче“, „жилъ богаче“), а только признаки самого предмета („былъ болѣе богатъ“).

2) Неграмматическія нарѣчія:

Кирила Петровичъ былъ великій хлѣбосолъ и... каждый вечеръ былъ навеселѣ. (Пушк.)

... оглушенная залпомъ, она казалась безъ памяти. (Пушк.)

Я невольно вспомнилъ объ одной московской барынѣ, которая утверждала, что Байронъ былъ больше ничего, какъ пьяница. (Лерм.)

При этомъ сказуемостными могутъ быть только тѣ неграмм. нарѣчія, которыя непосредственно примыкаютъ по значенію къ грамматическимъ, а не тѣ, которыя являются „обстоятельствами“ въ буквальномъ смыслѣ слова (см. стр. 178). Вѣдь если нарѣчіе обозначаетъ время, мѣсто, поводы и т. д., то глаголъ „былъ—буду“ уже не можетъ имѣть значенія связки, а долженъ обозначать пребываніе, присутствіе (былъ вчера, былъ тамъ, былъ зачѣмъ-то). Кромѣ того, нарѣчіе, какъ мы только что видѣли, является въ этихъ сочетаніяхъ замѣстителемъ прилагательнаго. А нарѣчія - „обстоятельства“, какъ не обозначающія „признаковъ“ въ собственномъ смыслѣ слова, наименѣе пригодны для такого замѣстительства.

Сказуемостные члены при глагольныхъ словахъ.

Ко всему сказанному о сказуемостныхъ членахъ надо еще добавить, что всѣ разсмотрѣнные виды ихъ встрѣчаются не только при самыхъ глаголахъ-связкахъ, но и при глагольныхъ словахъ, образованныхъ отъ этихъ глаголовъ, а именно:

1) при дѣепричастіяхъ:

Марья Ивановна мучилась болѣе всѣхъ. Будучи увѣрена, что я могъ бы оправдаться... она догадывалась... (Пушк.)

Будучи молодъ и вспыльчивъ, я негодовалъ на низость и малодушіе смотрителя... (Пушк.)

...будучи въ душѣ игрокъ, никогда не бралъ онъ карты въ руки... (Пушк.)

Бывъ пріятель покойному родителю Ивана Петровича, я почиталъ долгомъ... (Пушк.)

Иные увѣряли, что люди Дубровскаго, напившись пьяны на похоронахъ, зажгли домъ... (Пушк.)

„Какъ! бывъ честнымъ котомъ до этихъ поръ,
Бывало, за примѣръ тебя смиренства кажутъ...“ (Крыл.)

Наконецъ, не будучи болѣе въ состояніи противиться влеченію природы, я сшилъ себѣ толстую тетрадь... (Пушк.)

Срвн. также: „будучи высокаго роста“, „будучи въ правѣ“, „будучи старше, умнѣе“, „будучи насторожѣ“ и т. д.

2) При инфинитивахъ:

„Она привыкла быть окружена людьми, которые ее понимаютъ...“ (Пушк.)

... она попробовала было пройти по двору босая, но дернъ кололъ ея нѣжныя ноги... (Пушк.)

Царь долженъ быть судья, министръ и воинъ. (Крыл.)

Быть судьею, наблюдателемъ и пророкомъ вѣковъ и народовъ казалось мнѣ высшей степенью, доступной для писателя. (Пушк.)

Быть сильнымъ—хорошо, быть умнымъ—лучше вдвое... (Крыл.)

... Это, щука,
Тебѣ наука:
Впередъ умнѣе быть
И за мышами не ходить. (Крыл.)

3) при причастіяхъ (кромѣ сказуемостныхъ опредѣленій):

... чувствуя, что въ сердцѣ его поднимается и шевелится казавшаяся ему похороненною надежда. (Л. Толст.)

Онъ не могъ теперь раскаиваться въ томъ, что онъ, тридцатичетырехлѣтній, красивый, влюбленный человѣкъ, не былъ влюбленъ въ жену, ... бывшую только годомъ моложе его... (Л. Толст.)

И хотя названіе „сказуемостный" здѣсь уже, собственно, не подходитъ, такъ какъ сочетанія эти никоимъ образомъ не могутъ быть приравнены къ сказуемому, тѣмъ болѣе что въ тѣхъ же предложеніяхъ имѣется и настоящее сказуемое, однако условно можно и за такими членами сохранить тотъ же терминъ, имѣя въ виду связь этихъ сочетаній съ выше разобранными. Психологически это, во всякомъ случаѣ, и тутъ будетъ вѣрно, такъ какъ всякій такой членъ, какъ мы убѣдимся впослѣдствіи, выражаетъ всегда особое психологическое сказуемое.

Термины „сказуемостное сочетаніе" и „составное сказуемое".

То, что здѣсь названо „сказуемостнымъ сочетаніемъ" издавна принято называть „составнымъ сказуемымъ". Но терминъ этотъ примѣняется грамматистами очень различно. Въ прежнее время (а въ школѣ и теперь) подъ „составнымъ сказуемымъ" понимали всѣ выше разсмотрѣнныя сочетанія. Потебня первый выяснилъ, что по самому содержанію понятій „подлежащее" и „сказуемое" въ ихъ грамматическомъ смыслѣ, нельзя относить къ составу сказуемаго формъ, не согласующихся съ подлежащимъ. Въ силу этого онъ включилъ въ „составное сказуемое" только сочетанія съ согласуемымъ именемъ типовъ: „былъ добръ", „былъ добрый" и „былъ добрякъ". Но онъ упустилъ изъ виду, что самъ по себѣ фактъ согласованія съ подлежащимъ еще не гарантируетъ грамматической сказуемости, такъ какъ при подлежащемъ вѣдь можетъ быть и обычное опредѣленіе или приложеніе, согласующееся съ нимъ.

Если мы и должны принять его отрицательный тезисъ, что все, что *не* согласуется съ подлежащимъ *не* можетъ быть сказуемымъ, то отсюда никакъ не слѣдуетъ положительный выводъ, что все, что согласуется съ подлежащимъ, есть тѣмъ самымъ сказуемое. Для того чтобы быть имъ, слово должно имѣть спеціальныя *формы сказуемости*. А изъ всѣхъ трехъ указанныхъ согласуемыхъ именъ („добръ", „добрый" и „добрякъ") только *первое* имѣетъ такую форму (краткость окончанія). Поэтому только сочетанія съ *краткимъ* прилагательнымъ могли бы претендовать на титулъ „составного сказуемаго" въ буквальномъ его смыслѣ, такъ какъ здѣсь сказуемость дѣйствительно „составляется" изъ формъ глагола и изъ формы прилагательнаго. Вотъ почему мы и выдѣлили эти сочетанія въ особую рубрику „собственно-сказуемостныхъ" или „грамматическихъ сказуемостныхъ" сочетаній, противопоставивъ имъ всѣ остальныя, какъ „неграмматическія". Но въ то же время, оторвать эти сочетанія отъ тѣснѣйшимъ образомъ ассоціированныхъ съ ними другихъ сказуемостныхъ сочетаній, назвавъ одинъ этотъ разрядъ „составнымъ сказуемымъ", а всѣ прочіе „сказуемостнымъ сочетаніемъ", мы не рѣшились. Можетъ быть для школы, не стѣсняющейся вообще рѣзкими разграниченіями и даже нуждающейся въ нихъ, такая классификація и была бы умѣстна (тѣмъ болѣе, что терминъ „грамматическое сказуемостное сочетаніе" безусловно длиненъ для школы). Но, по существу дѣла, она была бы, пожалуй, насильственна. Вѣдь съ чисто-синтаксической точки зрѣнія, *всѣ* эти сочетанія построены совершенно одинаково: во всѣхъ нихъ нѣтъ настоящаго глагола-сказуемаго, и во всѣхъ нихъ онъ замѣщенъ въ грамматической своей части связкой, а въ вещественной — второстепеннымъ членомъ. Примкнуть въ этомъ пунктѣ къ А. Потебнѣ и Д. Н. Овсянико-Куликовскому, утверждающимъ, что въ сочетаніяхъ съ несогласуемой второй частью („былъ добрѣе", „былъ добрякомъ", „былъ въ ударѣ" и т. д.) глаголъ есть полновѣсное сказуемое, мы никакъ не можемъ. Разница въ значеніи глагола между „былъ добрякъ" и „былъ дома", разумѣется, та же, что и между „былъ добрякомъ" и „былъ дома". Если во второмъ случаѣ, при творительномъ, и есть ничтожная доля самостоятельности въ связкѣ (см. стр. 226), то во всякомъ случаѣ она, въ настоящее время, такъ ничтожна, что на ней нельзя обосновать никакого разграниченія. Повидимому, Потебня, разъяснившій происхожденіе и первоначальное значеніе творительнаго сказуемостнаго, просто *перенесъ* это первоначальное значеніе на позднѣйшія сочетанія, погрѣшивъ въ этомъ случаѣ противъ своего общаго принципа — толковать грамматическіе факты по ихъ современному значенію, а не по происхожденію. Вѣдь если бы первоначальное значеніе способа дѣйствія сознавалось въ „былъ добрякомъ" такъ же ясно, какъ въ „пошелъ воеводой", то Потебнѣ и разъяснять и открывать было бы нечего. На са-

момъ дѣлѣ, врядъ ли даже когда-либо здѣсь сознавался творительный способа, потому что творительный при глаголахъ-связкахъ появился сравнительно поздно („Изъ зап." стр. 500 и слѣдд.), когда связочная ихъ функція была уже вполнѣ развита и когда онъ могъ примкнуть къ нимъ только, какъ замѣститель именительнаго, а не въ своемъ исконномъ значеніи. Такимъ образомъ синтаксическая категорія „составного сказуемаго" въ томъ объемѣ, въ какомъ этотъ терминъ сейчасъ примѣняется въ школѣ, имѣетъ, по нашему мнѣнію, полное право на существованіе. Но самый терминъ „составное сказуемое" къ ней явно не подходитъ, такъ какъ подъ него можно подвести, какъ выше выяснено, только сочетанія типа: „былъ добръ". Вотъ почему мы и рѣшились избрать болѣе общій терминъ: „сказуемостное сочетаніе". Въ немъ, казалось намъ, съ достаточной ясностью выражаются 2 основные признака предложеній этого рода: 1) отсутствіе обычнаго сказуемаго и 2) наличность особаго сочетанія словъ, функціонирующаго, какъ сказуемое. Къ тому же онъ не затушевываетъ, какъ терминъ „составное сказуемое", вопроса о самыхъ формахъ, образующихъ данное сочетаніе, а напротивъ, возбуждаетъ этотъ вопросъ: безъ дополнительнаго разбора этихъ формъ онъ кажется слишкомъ общимъ, слишкомъ малозначащимъ. Вотъ почему онъ былъ бы полезенъ, думается, и въ школѣ. Если онъ и звучитъ тяжеловато, то стоитъ только вспомнить о такихъ легко перевариваемыхъ дѣтьми въ первые же годы ученія терминахъ, какъ: „обстоятельство образа дѣйствія", „сокращенное придаточное опредѣлительное предложеніе", „относительное мѣстоименіе", „имя числительное количественное" и т. д. (которые, вдобавокъ, при всей своей трудности, еще и не нужны), чтобы отнестись къ нему снисходительнѣе. Вѣдь всѣ термины мудрены, и если и кажутся намъ простыми, то только въ силу привычки.

XXIV.

Безглагольныя предложенія со сказуемостными членами. Отрицательная связка.

Отсутствіе глагола-связки.

Теперь мы обратимся къ особому разряду предложеній, построенныхъ по тому же плану, какъ только что разсмотрѣнныя, но не имѣющихъ глагола-связки. Мы имѣемъ въ виду такія предложенія, какъ:

„Все мое", сказало злато... (Пушк.)

„Какая ты нынче странная!" сказала ей Долли. „Я?.. Ты находишь? Я не странная, но я дурная". (Л. Толст.)

Отъ колыбели до сѣдинъ
Ты каждый день — другой, невѣрный! (Бальм.)

И вы дрогнули всѣ предо мной
Увидавъ, что межъ васъ я — иной. (Бальм.)

Хмѣльна для нихъ славяновъ кровь... (Пушк.)

„Конечно, я теперь сѣда,
Немножко, можетъ быть, горбата...
Не такъ жива, не такъ мила"... (Пушк.)

Я счастливъ и силенъ, свободенъ и молодъ... (Брюс.)

Мы — пророки... Ты — поэтъ! (Брюс. „К. Д. Бальмонту")

„Я — твой господинъ, а ты — мой слуга. Деньги — мои". (Пушк.)

„Ты — рабъ, ты — трусъ, ты — армянинъ!" (Пушк.)

„Въ ней каждой капли слезъ и крови ты — виной". (Крыл.)

„Ахъ, этотъ человѣкъ всегда причиной мнѣ ужаснаго разстройства"! (Гриб.)

„Мой дядя самыхъ честныхъ правилъ". (Пушк.)

„Квартальный поручикъ, онъ высокаго роста, такъ пусть стоитъ для благоустройства на мосту!" (Гог.)

„Нѣтъ, онъ съ нимъ не въладахъ" подумалъ про себя Чичиковъ. (Гог.)

У Астарты ты во власти... (Брюс.)

„... грамотный мужикъ-работникъ тебѣ же нужнѣе и дороже".—„Нѣтъ, у кого хочешь спроси... грамотный, какъ работникъ, гораздо хуже". (Л. Толст.)

Все каменнѣй ступени,
Все круче, круче всходъ. (Брюс.)

Одни почитаютъ меня хуже, другіе лучше, чѣмъ я въ самомъ дѣлѣ... (Лерм.)

Читатель, внимательно перечитавшій примѣры, замѣтитъ, что всѣ разобранные виды сказуемостныхъ членовъ встрѣчаются и тутъ, въ полномъ соотвѣтствіи съ настоящими сказуемостными сочетаніями (примѣры расположены въ порядкѣ предыдущей главы). Даже отдѣльные падежи сказуемостныхъ дополненій въ точности повторяются и тамъ и тутъ. Но въ то же время здѣсь нѣтъ того, что дѣлаетъ ихъ сказуемостными, нѣтъ глагола-связки, къ которому они могли бы примкнуть. И возникаетъ вопросъ, какъ квалифицировать эти предложенія, къ какому разряду формъ сочетаній отнести ихъ? Прежде всего вопросъ этотъ надо тщательно отдѣлить отъ вопроса о происхожденіи здѣсь безглагольности. Послѣднее не можетъ еще считаться вполнѣ выясненнымъ. Конечно, ближайшей причиной безглагольности являет-

ся полная утрата формъ настоящаго времени глагола „былъ—буду". Въ древне-русскомъ языкѣ всѣ эти формы имѣлись и употреблялись („есмь" или „есми", „еси", „есть" „есмъ" или „есмы", „есмо", „есме", „есмя", „есте", „суть"), но въ настоящее время отъ нихъ осталось въ живомъ употребленіи только одно „есть", которое, оказавшись въ одиночествѣ и имѣя къ тому же необычное для 3-го лица окончаніе („ть" вмѣсто „тъ"), перешло по общему закону въ разрядъ безформенныхъ словъ и совершенно напрасно считается въ школьныхъ грамматикахъ глаголомъ *). Такимъ образомъ, все настоящее время здѣсь пропало, и естественно, что тамъ, гдѣ должно быть настоящее время отъ этого глагола, мы его не находимъ. Но, съ другой стороны, отсутствіе связки въ третьемъ лицѣ обоихъ чиселъ (т.-е. формъ „есть" и „суть", какъ разъ наидольше сохранившихся въ качествѣ безформенныхъ словъ) довольно обычно для этихъ сочетаній уже въ древнѣйшихъ памятникахъ русской письменности (примѣры см. въ „Лекціяхъ по ист. русск. яз." А. И. Соболевскаго, стр. 259), и не исключена возможность, что эта древнѣйшая наша безглагольность восходитъ къ пра-индо-европейской безглагольности (см. стр. 213). Но, повторяемъ, вопросъ о томъ, былъ ли здѣсь когда-нибудь глаголъ или нѣтъ, никоимъ образомъ не предрѣшаетъ вопроса, какъ здѣсь сейчасъ сознается отсутствіе глагола, какое мѣсто въ современномъ синтаксическомъ сознаніи занимаютъ эти предложенія. Этотъ послѣдній вопросъ наталкивается на большія затрудненія. Прежде всего, психологически это безусловно полныя предложенія. Отъ такихъ предложеній, какъ: „пожаръ"!, „горитъ!", „звонокъ"!, „тише!", „ты куда?", „я сейчасъ!" и т. д. (см. стр. 89 и 112) ихъ надо отдѣлить самымъ рѣшительнымъ образомъ. Тамъ извѣстные элементы

Полнота такихъ предложеній.

*) Въ данномъ случаѣ грѣхъ школьной грамматики прекрасно вскрывается ея же оружіемъ: вопросами. Въ то время, какъ всякій глаголъ, каково бы ни было его вещественное значеніе, отвѣчаетъ на вопросъ „что дѣлаетъ?" (что дѣлаетъ? лѣнится, лежитъ, спитъ, умираетъ, существуетъ, пребываетъ и т. д.), слово „есть" на него не отвѣчаетъ. Срвн. также неумѣстное „есть" въ былинахъ и позднѣйшихъ памятникахъ („есть я старъ казакъ", „я неженатый есть", „хто естъ ты", „я ест Бово", „велми ест раненъ есми", „пушекъ много есть лежить", изъ „Лекцій по ист. русск. яз." А. И. Соболевскаго, стр. 260), а также современное „есть" = „существуетъ" при какомъ-угодно лицѣ и числѣ („у насъ есть книги", „есть знакомые", „у меня есть ты, моя опора" и т. д.). Все это было бы невозможно, если бы въ словѣ этомъ сознавались формы глагола, въ частности лицо и число.

мысли не находятъ себѣ словеснаго выраженія. Здѣсь *все* облекается въ слова, подчасъ съ особой, исчерпывающей полнотой (напр.: „я — твой господинъ, а ты — мой слуга“). Тамъ необходимымъ дополненіемъ является обстановка рѣчи или предыдущій опытъ говорящихъ. Здѣсь ни то, ни другое не при чемъ. Да иначе и быть не можетъ: тамъ недостаетъ *полныхъ* словъ, а здѣсь — *частичнаго* слова, *связки*, не имѣющей какъ мы видѣли, никакого реальнаго значенія (см. стр. 196). Ни о какомъ „подразумѣваніи“, ни о какомъ „опущеніи“ даже, въ томъ, напр., смыслѣ, въ какомъ мы говорили о нѣкоторыхъ случаяхъ опущенія существительнаго при прилагательномъ, здѣсь въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи (хотя бы исторически это и было такъ). Школьная вставка въ эти предложенія словечка „есть“ (при чемъ оно попадаетъ и въ 1-е и во второе лицо, такъ какъ даже школа затрудняется „подразумѣвать“ здѣсь „есмь“ и „еси“) настолько искусственна, что не заслуживаетъ серьезнаго возраженія. Обычай ставить здѣсь черту тоже условенъ и большей частью не отражаетъ живого произношенія (да къ тому же все больше и больше выводится). Если бы на мѣстѣ связки дѣйствительно производилась пауза или какой бы то ни было ритмическій раздѣлъ (въ видѣ, напр., слабѣйшаго въ ритмическомъ отношеніи пункта фразы съ одинаково сильными ударѐніями по обѣимъ сторонамъ), то это можно бы было, пожалуй, счесть за симптомъ того, что какой-то дефектъ рѣчи сознается. Но на самомъ дѣлѣ такая пауза или такой раздѣлъ для этихъ сочетаній не характерны. Такія предложенія, какъ: „какая ты нынче странная!“, „хмельна для нихъ славяновъ кровь“, „ты — рабъ, ты — трусъ, ты — армянинъ“, „я — царь, я — рабъ, я — червь, я — Богъ!“, „мой дядя самыхъ честныхъ правилъ“ и т. д., произносятся самымъ обычнымъ образомъ, съ однимъ сильнѣйшимъ удареніемъ на сказуемостномъ членѣ и безо всякой паузы. Если здѣсь и встрѣчается пауза или раздѣлъ, то по совершенно другимъ причинамъ: то, какъ остановка передъ *важнѣйшимъ* словомъ рѣчи („увидавъ, что межъ васъ я — иной“), что бываетъ и при глаголѣ („но мгновенье было — трепетъ, взоры были — страхъ“, „это чувство было — завистъ“), то какъ выраженіе *противоположенія* мыслей („я — твой господинъ, а ты — мой слуга“, „мы — пророки... ты — поэтъ!“), что тоже возможно и при глаголѣ („я работаю, а ты бездѣльничаешь“). Такимъ образомъ, ни внѣшне, ни внутренне сочетанія эти не обнаруживаютъ какъ

будто бы никакихъ дефектовъ. А между тѣмъ, съ чисто-грамматической точки зрѣнія, это — недифференцированная рѣчь это — нанизываніе формъ другъ на друга безъ всякой связи это — элементарный, первобытный, до-грамматическій типъ предложенія. Вѣдь здѣсь нѣтъ того, что составляетъ грамматическую душу нашей рѣчи, что лежитъ въ основѣ нашего грамматическаго мышленія, что превращаетъ мысль въ грамматическую мысль, а рѣчь — въ грамматическую рѣчь — нѣтъ **глагола**! Спрашивается, какимъ же образомъ, при той степени грамматической и синтаксической дифференціаціи, какой вообще достигла наша рѣчь и, въ частности, при той степени развитія глагольности, которая ее отличаетъ, возможны и даже очень распространены безглагольныя и большей частью даже совсѣмъ не дифференцированныя грамматически предложенія? И, что еще страннѣе, какимъ образомъ предложенія эти на общемъ глагольномъ фонѣ современной рѣчи могутъ сознаваться полными, обычными, не имѣющими никакихъ грамматическихъ дефектовъ? Разгадка лежитъ, по нашему мнѣнію, все въ той же способности языка создавать отрицательныя категоріи, о чемъ мы немало уже говорили въ предыдущемъ. Вглядываясь въ безглагольное сочетаніе: „онъ офицеръ“, мы замѣчаемъ, что несмотря на отсутствіе глагола, здѣсь сознаются всѣ тѣ же категоріи времени и наклоненія, которыя составляютъ сущность глагольности. „Онъ офицеръ“ это значитъ, что „офицерство“ его имѣетъ мѣсто сейчасъ, въ настоящее время, и что это не предположеніе, и не желаніе мое, а фактъ (изъяв. накл.). Обѣ формы мы сознаемъ здѣсь такъ же ясно, какъ если бы глаголъ былъ налицо. И даже та замѣна другихъ временъ настоящимъ временемъ, о которой мы говорили на стр. 129, возможна и здѣсь. Въ сочетаніи: „еще одинъ экзаменъ, и онъ — офицеръ“ безглагольность замѣняетъ будущее, какъ въ сочет.: „завтра я уѣзжаю“, въ сочет.: „передъ нимъ встали картины прошлаго: вотъ онъ офицеръ...“ безглагольность замѣняетъ прошедшее, какъ въ сочет.: „иду я вчера по Невскому и вижу...“ Точно такъ же и то расширеніе значенія, которое способно претерпѣвать настоящее время, возможно и здѣсь: въ сочет.: „прапорщикъ не офицеръ“ безглагольность имѣетъ то же значеніе, что настоящее время въ сочет.: „водородъ соединяется съ кислодомъ“. Мы видимъ, что это пустое мѣсто, это отсутствіе глагола функціонируетъ въ языкѣ, какъ форма насто-

Отрицательная связка.

ящаго времени изъявительнаго наклоненія глагола. И объ- Аналогія съ отрицательной формой слова.
яснить это можно только тѣмъ же, чѣмъ мы объяснили тотъ фактъ, что слово „столъ“ функціонируетъ и сознается, какъ именительный падежъ ед. числа муж. рода существительнаго, несмотря на отсутствіе окончанія. И тутъ, и тамъ мы имѣемъ отрицательный признакъ, отрицательную категорію. Разница только въ томъ, что тамъ въ основѣ лежали ассоціаціи между словами, а здѣсь — между предложеніями, тамъ была отрицательная форма слова, а здѣсь отрицательная форма сочетанія словъ. Тамъ была схема:

стол	пол	дом	
стола	пола	дома	и т. д.
столу	полу	дому	
столомъ	поломъ	домомъ	
	и т. д.		

а здѣсь, для формы времени:

онъ — офицеръ	ты — солдатъ	она — врачъ
онъ **былъ** офицеръ	ты **былъ** солдатъ	она **была** врачъ
онъ **будетъ** офицеръ	ты **будешь** солдатъ	она **будетъ** врачъ

а для формы наклоненія:

онъ — офицеръ	ты — солдатъ	она — врачъ
онъ **былъ бы** офицеръ	ты **былъ бы** солдатъ	она **была бы** врачъ
будь офицеръ	**будь** солдатъ	**будь** врачъ

При этомъ важно также и то, что всякій видъ сказуе- Полное соотвѣтствіе безглагольныхъ сказуемостныхъ сочетаній глагольнымъ.
мостнаго сочетанія (кромѣ отчасти сочетаній съ творительнымъ сказуемостнымъ) имѣетъ въ языкѣ точно совпадающій по формамъ безглагольный варіантъ, такъ что, напр., сочетаніямъ: „онъ былъ добрѣе“ и „онъ будетъ добрѣе“ соотвѣтствуетъ: „онъ добрѣе“, сочетаніямъ: „онъ былъ навеселѣ“ и „онъ будетъ навеселѣ“ соотвѣтствуетъ: „онъ навеселѣ“, сочетаніямъ: „онъ былъ высокаго роста“ и „онъ будетъ высокаго роста“ соотвѣтствуетъ: „онъ высокаго роста“, сочетаніямъ: „онъ былъ противъ этого“ и „онъ будетъ противъ этого“ соотвѣтствуетъ: „онъ противъ этого“ и т. д. Такимъ образомъ, хотя число членовъ въ вертикальномъ ряду схемы здѣсь и меньше гораздо, чѣмъ въ ряду: „столъ“, „стола“, „столу“ и т. д., но, въ силу ассоціаціи отдѣльныхъ рядовъ между собой, т.-е. въ силу общей ассоціаціи всѣхъ сказуемостныхъ сочетаній, получается очень сложная и стройная система, въ которой безгла-

гольныя сочетанія неминуемо должны сознаваться, какъ особое видоизмѣненіе глагольныхъ, а сама безглагольность—какъ глаголъ въ настоящемъ времени изъявительнаго наклоненія. Этимъ и объясняется, что сочетанія эти кажутся намъ грамматически-нормальными. Этимъ также объясняется и то, что школьная подстановка въ эти сочетанія словечка „есть“ (хотя и безформеннаго, но имѣющаго несомнѣнный глагольный смыслъ) такъ легко усваивается дѣтьми и такъ осмысленно примѣняется: она соотвѣтствуетъ опредѣленному факту ихъ грамматическаго сознанія и хотя выражаетъ этотъ фактъ грубо и изломанно (потому что нельзя же вѣдь было бы, напр., сказать, что въ словѣ „столъ“ „подразумѣвается“ окончаніе, да еще какое-нибудь опредѣленное окончаніе, напр., бывшее здѣсь въ индо-европейскомъ пра-языкѣ), но все же покоится на прочномъ психологическомъ основаніи.

Такимъ образомъ, какъ въ словахъ: столъ, полъ, домъ и т. д. мы говорили объ отрицательной формальной части слова, такъ здѣсь мы будемъ говорить объ отрицательномъ формальномъ элементѣ предложенія, именно объ **отрицательной связкѣ**.

Значеніе порядка словъ, ритма и интонаціи для неграмматическихъ сказуемостныхъ членовъ при отрицательной связкѣ.

Само собой разумѣется, что основная разница между грамматическимъ видомъ сказуемостныхъ членовъ и неграмматическими ихъ видами (см. стр. 206) остается при этомъ все та же и даже пріобрѣтаетъ здѣсь еще большее значеніе. Если мы въ сочет.: „погода была прекрасная“ не могли безъ помощи извѣстной разстановки словъ, ритма и интонаціи отличить сказуемостное опредѣленіе отъ несказуемостнаго, если мы въ сочет.: „слава была отрада“ не могли безъ тѣхъ же вспомогательныхъ средствъ отличить подлежащаго отъ сказуемостнаго члена, то здѣсь мы безъ помощи этихъ средствъ не можемъ даже различить самой с к а з у е м о с т и, такъ что сочетанія эти въ зависимости отъ того или иного произношенія могутъ быть и н е п р е д л о ж е н і я м и, а частями предложеній. Такъ, въ сочетаніи: „поэтъ художникъ“ только ритмъ и интонація позволяютъ различить, есть ли это цѣлое предложеніе съ отрицательной связкой („п о э т ъ — х у д о ж н и к ъ“, параллельно съ: „поэтъ былъ художникъ“ и „поэтъ будетъ художникъ“), или только подлежащее какого-нибудь предложенія съ приложеніемъ къ нему („п о э т ъ - х у д о ж н и к ъ преображаетъ наблюдаемое по законамъ художественной правды“), или только сказуемостный членъ какого-нибудь предложенія съ приложеніемъ къ нему („Пушкинъ—п о э т ъ - х у д о ж н и к ъ“),

ила 2 параллельныхъ подлежащихъ какого-нибудь предложенія („поэтъ, художникъ, музыкантъ — всѣ они должны..."), или, наконецъ, такъ наз. „обращеніе" къ поэту-художнику („поэтъ-художникъ! ты долженъ..."), или къ одному поэту („поэтъ! художникъ не умретъ въ тебѣ..."), или къ одному художнику („поэтъ, художникъ, можетъ давать тебѣ образы..."). Точно такъ же сочетанія: „онъ красивѣе", „онъ при смерти" могутъ быть то отдѣльными предложеніями (въ смыслѣ: „онъ болѣе красивъ", „онъ находится при смерти"), то частями другихъ предложеній („онъ красивѣе пишетъ, чѣмъ я", „онъ при смерти говорилъ мнѣ..."). Такимъ образомъ, во всѣхъ этихъ сочетаніяхъ сказуемостный смыслъ неразрывно связанъ съ опредѣленными условіями произношенія, заключающимися, коротко говоря, въ томъ, что ритмъ и интонація сочетаній этихъ должны соотвѣтствовать ритму и интонаціи цѣлыхъ предложеній, а не частей предложеній. Только такое произношеніе и можетъ ихъ сдѣлать отдѣльными предложеніями, только оно и можетъ возбудить въ слушателѣ тѣ ассоціаціи, которыя создаютъ отрицательную сказуемость. Совсѣмъ не то при грамматическомъ сказуемостномъ членѣ, т.-е. при краткомъ прилагательномъ. Сочетаніе: „онъ боленъ", такъ же какъ и „боленъ онъ", при какомъ угодно произношеніи и даже совсѣмъ не произнесенное, а только написанное на клочкѣ бумаги внѣ всякой связи и безъ всякихъ знаковъ препинанія, воспринимается только какъ отдѣльное предложеніе, и быть несамостоятельной частью другого предложенія не можетъ. И это потому, что въ немъ есть своя сказуемость (боленъ), хотя и не глагольная и не полная (безъ связки), но все же настоящая грамматическая сказуемость. На этихъ сочетаніяхъ яснѣе всего можно наблюдать разницу между формальнымъ и неформальнымъ выраженіемъ мысли, а также значеніе для этого формальнаго выраженія формъ сказуемости: мы видимъ, что гдѣ есть отдѣльная сказуемость, тамъ есть и отдѣльное предложеніе, отдѣльная грамматическая мысль, никоимъ образомъ не смѣшиваемая съ другими.

Значеніе вещественной стороны рѣчи для тѣхъ жечленовъ.

Помимо вспомогательныхъ синтаксическихъ признаковъ (порядокъ словъ, ритмъ, интонація) огромное значеніе пріобрѣтаетъ въ тѣхъ же сочетаніяхъ и вещественная сторона рѣчи, т.-е. вещественныя значенія словъ, обстановка рѣчи, предыдущій опытъ говорящихъ. Если, напр., глаголъ

берется изъ обстановки рѣчи или изъ предыдущей рѣчи („Кто лучше играетъ, онъ или она?“—„Онъ лучше“—„Нѣтъ, она лучше“), то и при полной ритмической отдѣльности такого сочетанія оно все же не возбудитъ ассоціаціи съ сочетаніями: „онъ былъ лучше“ и „онъ будетъ лучше“ и не будетъ заключать въ себѣ отрицательной связки: это будетъ просто неполное предложеніе съ заимствуемымъ изъ предыдущаго сказуемымъ. Сочетаніе: „любовь счастье“ гораздо меньше способно возбудить представленіе о полномъ предложеніи съ отрицательной связкой (и соотвѣтственно требуетъ гораздо бо́льшихъ ритмическихъ и мелодическихъ средствъ для этого), чѣмъ сочетаніе: „онъ офицеръ“. Причина — исключительно вещественныя значенія словъ, которыя во второмъ случаѣ у́же, конкретнѣе и потому болѣе способны ассоціироваться съ категоріей глагольности (самой живой и конкретной изъ всѣхъ грамматическихъ категорій), чѣмъ въ первомъ. Понятно, что сочетанія типа: „онъ боленъ“ и тутъ выдѣляются своей грамматичностью, своей полной независимостью отъ вещественной стороны рѣчи.

Различные взгляды на безглагольныя предложенія.

Грамматическая природа разсмотрѣнныхъ въ этой главѣ предложеній не можетъ еще считаться вполнѣ выясненной. Ф. Ѳ. Фортунатовъ въ своей рѣчи: „О преподаваніи грамматики русскаго языка въ средней школѣ“ (въ „Трудахъ перваго съѣзда преподавателей русскаго языка военно-учебныхъ заведеній“) не отличаетъ ихъ отъ прочихъ безглагольныхъ предложеній, какъ: „пожаръ!“, „морозъ!“, „воры!“, „ты куда?“, „я сейчасъ!“ и т. д., относя всѣ вообще безглагольныя предложенія къ разряду „неграмматическихъ предложеній“, т.-е. такихъ, которыя, хотя и выражаютъ отдѣльныя мысли (почему и являются, въ широкомъ смыслѣ слова, „предложеніями“), но не выражаютъ ихъ грамматическими средствами языка (формами словъ). Вѣдь единственнымъ грамматическимъ выразителемъ мысли, какъ таковой (т.-е. самаго процесса мышленія), является въ языкѣ глаголъ-сказуемое, и только благодаря этому глаголу-сказуемому и соотносительно съ нимъ сознаются въ языковой мысли подлежащее и второстепенные члены; здѣсь же какъ разъ этого глагола-сказуемаго нѣтъ. Понятно, что и подлежащаго, и второстепенныхъ членовъ здѣсь нѣтъ, и ни о какомъ синтаксическомъ анализѣ этихъ сочетаній, какъ предложеній, съ этой точки зрѣнія, не можетъ быть рѣчи. Мы можемъ анализировать отдѣльныя синтаксическія формы, встрѣчающіяся здѣсь (напр., форму родительнаго падежа существительнаго въ сочет.: „онъ высокаго роста“, формы согласованія прилагательнаго въ сочет.: „я странная“), но ни о какихъ „членахъ предложенія“ говорить не можемъ. Въ нѣкоторыхъ же изъ этихъ случаевъ, какъ: „онъ

офицеръ", „онъ навеселѣ", даже и о такомъ анализѣ не можетъ быть рѣчи, такъ какъ здѣсь нѣтъ совсѣмъ синтаксическихъ формъ (форма именит. падежа получаетъ синтаксическое значеніе только при глаголѣ, см. стр. 120). Сочетанія эти такъ же невозможно, съ этой точки зрѣнія, разбирать синтаксически, какъ невозможно какое-нибудь „ахъ" разбирать морфологически. Это совершенно безформенныя сочетанія. На діаметрально противоположной точкѣ зрѣнія стоитъ въ своемъ „Синтаксисѣ" Д. Н. Овсянико-Куликовскій, считающій, что во всѣхъ вообще безглагольныхъ предложеніяхъ сознается въ настоящее время глагольность, какъ извѣстное „движеніе мысли", какъ „грамматическая идея", какъ „отрицательный способъ выраженія" (стр. 51—54). Наконецъ, В. К. Поржезинскій въ „Элементахъ языковѣдѣнія" и Д. Н. Ушаковъ въ „Краткомъ введеніи въ науку о языкѣ", примыкая въ общемъ къ Ф. Ѳ. Фортунатову, выдѣляютъ предложенія типа: „онъ боленъ" въ разрядъ „грамматическихъ", такъ какъ въ нихъ есть особая грамматическая сказуемость („боленъ"); при этомъ оба автора допускаютъ, что въ этихъ предложеніяхъ „самое отсутствіе обозначенія формы времени понимается нами, какъ обозначеніе настоящаго времени..." („Элем.", стр. 154) и что „здѣсь также есть форма времени, именно отрицательная форма..." („Кратк. введ.", стр. 78). Въ предыдущемъ изложеніи это послѣднее толкованіе было расширено до предѣловъ „безглагольныхъ предложеній со сказуемостными членами", а толкованіе Д. Н. Овсянико-Куликовскаго было сужено до тѣхъ же предѣловъ. Намъ казалось, что такія сочетанія, какъ: „онъ добрѣе", „онъ высокаго роста", „онъ противъ этого", „онъ за насъ" и т. д., синтаксически, какъ формы сочетаній, въ связи съ опредѣленными, свойственными всякому отдѣльному предложенію, интонаціей и ритмомъ, неотдѣлимы отъ соотвѣтствующихъ глагольныхъ типовъ: „онъ былъ добрѣе", онъ былъ высокаго роста" и т. д. Фактически, описывая тотъ или иной видъ сказуемостныхъ второстепенныхъ членовъ, русскій синтактикъ не можетъ не включать въ изучаемый матеріалъ и соотвѣтствующихъ безглагольныхъ предложеній. И если даже онъ отмѣчаетъ какъ разъ разницу между тѣми и другими (напр., указывая, что при „онъ былъ офицеромъ" и „онъ будетъ офицеромъ" невозможно „онъ офицеромъ"), то даже и такое указаніе предполагаетъ параллелизмъ тѣхъ и другихъ сочетаній. Внѣ параллелизма эти группы не поддаются изученію. Такимъ образомъ, волей-неволей мы принуждены признавать въ нихъ опредѣленные виды сказуемостныхъ второстепенныхъ членовъ. А это приводитъ къ признанію въ нихъ отрицательной связки. Это уступка не логикѣ и психологіи со стороны грамматики, а синтаксису со стороны морфологіи. Сама же сказуемостность второстепенныхъ членовъ опять-таки не можетъ не входить въ кругъ синтаксическаго вѣдѣнія даже и тогда, когда она не выражена осо-

быми формами, потому что далеко не всякій второстепенный членъ и не всякая разновидность его и не при всякихъ синтаксическихъ условіяхъ можетъ примыкать къ связкѣ, т.-е. быть сказуемостной. Можно сказать: „онъ былъ моложе“, но нельзя: „онъ былъ молодо“; можно сказать: „онъ былъ чернаго цвѣта“, но нельзя: „онъ былъ цвѣта“ (въ смыслѣ: „имѣлъ цвѣтъ“, „не былъ безцвѣтенъ“); можно сказать: „это была комната отца“, но неудобно: „эта комната была отца“; можно сказать: „человѣкъ долга“, но нельзя: „онъ былъ долга“; и т. д. То же и при всѣхъ другихъ связкахъ, не говоря уже объ особенностяхъ отдѣльныхъ связокъ. Очевидно, связочныя предложенія (а слѣдовательно и безглагольная разновидность ихъ, поскольку она сознается именно, какъ разновидность) образуютъ въ каждомъ языкѣ особые типы сочетаній, подлежащіе синтаксическому изученію и анализу.

Другіе типы безглагольныхъ предложеній.

Что же касается до несвязочныхъ безглагольныхъ предложеній, т.-е. такихъ, гдѣ не хватаетъ не связки, а полновѣснаго глагола-сказуемаго, то всѣ они, по значенію въ нихъ безглагольности, представляются намъ распадающимися на 3 рѣзко различныя группы:

Собственно-безглагольныя предложенія, или „неграмматическія“.

1) Предложенія, въ которыхъ синтаксически важнѣйшимъ членомъ является именительный падежъ существительнаго, а всѣ остальные члены, если они есть, тяготѣютъ къ этому именительному. Мы имѣемъ въ виду такія повседневныя предложенія, какъ: „пожаръ!“, „морозъ!“, „ужасный морозъ!“, „хорошая погода!“, „звонокъ!“, „воры!“ и т. д., и такія литературныя, какъ:

Шопотъ, робкое дыханье, трели соловья... (Фетъ)

Глухая степь. Дорога далека! (Полонск.)

Это означало съ его стороны,.... что ему жаль меня, что онъ.. хочетъ... ободрить меня и увѣрить въ своемъ покровительствѣ. Добрый и наивный Нурра! (Дост.)

Чрезвычайно неровный слогъ! Тотчасъ видно, что не человѣкъ писалъ... (Гог.)

Ненастный день. Дорога прихотливо
Уходитъ въ даль. Кругомъ все степь да степь. (Бун.)

Вечернія сумерки. Крупный мокрый снѣгъ лѣниво кружится около только что зажженныхъ фонарей... (Чех.)

Земская больница. За отсутствіемъ доктора, уѣхавшаго жениться, больныхъ принимаетъ фельдшеръ Курятинъ... (Чех.)

„Кто сильнѣе, тотъ и правъ“, продолжалъ отецъ наставительно. „Борьба за существованіе“. (Ѳ. Солог.)

Правда: комнатка твоя выходила въ садъ; черемухи, яблони, липы,—сыпали тебѣ на столъ,... свои легкіе цвѣтки;... иногда заѣзжалъ къ тебѣ старый другъ изъ Москвы... но одиночество, но невыносимое рабство учительскаго званія, невозможность освобожденія, но безконечныя осени и зимы, но болѣзнь неотступная... (Тург.)

Предложенія эти явно неполны. Психол. подлежащимъ здѣсь является представленіе или группа представленій (большей частью послѣднее), непосредственно переживаемыя или пережитыя говорящимъ (картина пожара, грабежа, степи и

т. д.) Психол. сказуемымъ являются тѣ слова, которыми онъ кратко обозначаетъ эту картину, т.-е. именит. падежъ существительнаго со всѣми отъ него зависящими словами. Слѣдовательно, психол. подлежащее здѣсь не выражено, и совершенно невозможно предположить, въ форму какой части рѣчи отлилось бы оно, если бы было выражено. Само по себѣ выраженіе психол. подлежащаго глаголомъ, т.-е. грамматическимъ сказуемымъ, а психол. сказуемаго именительнымъ падежомъ, т.-е. грамматическимъ подлежащимъ, какъ мы впослѣдствіи увидимъ, вполнѣ возможно и даже обычно. Но предполагать здѣсь такой случай нѣтъ ни малѣйшаго основанія, такъ какъ всякая попытка приставить здѣсь какой бы то ни было глаголъ или словечко „есть" („пожаръ происходитъ", „морозъ есть", „звонокъ раздается", „воры ворвались", „степь окружаетъ насъ, раскрывается" и т. д.) явно противорѣчитъ самому духу этихъ предложеній. Здѣсь вся суть именно въ одинокости этого именительнаго падежа, въ изолированности его отъ какого бы то ни было глагола. Объ ассоціаціяхъ съ „былъ пожаръ" и „будетъ пожаръ" здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Правда, извѣстное вѣяніе глагольности, въ видѣ все того же незримаго присутствія формъ времени и наклоненія, можно уловить и тутъ. Въ стихотвореніи, напр.: „шопотъ, робкое дыханье, трели соловья..." мы переживаемъ все изображаемое, какъ происходящее въ моментъ чтенія, т.-е. воспринимаемъ все стихотвореніе какъ бы въ формѣ настоящаго времени, хотя во всемъ стихотвореніи нѣтъ ни одного глагола. Но объясняется это тѣмъ, что глагольность есть вѣдь вообще основная форма нашего грамматическаго мышленія и понятно, что эта наша грамматическая стихія просачивается, такъ сказать, сквозь все, что мы думаемъ и говоримъ. Можно сказать, что мы все воспринимаемъ въ языкѣ на фонѣ глагольности или на все смотримъ сквозь призму ея. Въ этомъ смыслѣ всякое предложеніе неизбѣжно „оглаголено" въ современномъ сознаніи, и въ этомъ мы вполнѣ примыкаемъ къ Д. Н. Овсянико-Куликовскому. Приравнивать нашу безглагольность къ безглагольности первичной, существовавшей до возникновенія глагола или въ первую пору его развитія, нѣтъ ни малѣйшей возможности. Но въ предложеніяхъ разсматриваемаго типа эта глагольность, поскольку она здѣсь мыслится, мыслится не гдѣ-нибудь подлѣ именительнаго, а скорѣе въ самомъ именительномъ, который и Д. Н. Овсянико-Куликовскій называетъ „оглаголеннымъ" („Синт." стр. 51). Если „пожаръ!", „морозъ!" и т. д. и ассоціируются съ глагольными предложеніями, то во всякомъ случаѣ скорѣе съ такими, какъ: „горитъ!", „морозитъ!" и т. д., чѣмъ съ такими, какъ: „пожаръ происходитъ", „морозъ есть" и т. д. А это значитъ, что именительный здѣсь мыслится отнюдь не въ соотношеніи съ опущеннымъ глаголомъ-сказуемымъ, и, слѣдовательно, отнюдь не какъ подлежащее. Скорѣе ужъ онъ напоминаетъ

сказуемостное имя, если понимать эти предложенія, какъ: „картина, которая развертывается передъ моими глазами, есть пожаръ", „звуки, которые сейчасъ раздались, есть звонокъ", „все, что я передъ собой вижу — степь" и т. д. Но и такое толкованіе довольно натянуто. Поэтому лучше всего считать эти предложенія, дѣйствительно, „неграмматическими". Ихъ можно разбирать, какъ сочетанія, если въ нихъ есть формы согласованія и управленія, но не какъ предложенія. Сюда же можно отнести и сочетанія такого именительнаго со словомъ „это": „это пожаръ", „это воры", „это онъ", „это она", и т. д., если не ставить ихъ въ параллель съ „это былъ пожаръ" и „это будетъ пожаръ", что было бы довольно рискованно, такъ какъ и сами то послѣднія предложенія отступаютъ отъ нормы (см. стр. 217).

Предложенія съ опущеннымъ глаголомъ.

2) Предложенія, въ которыхъ важнѣйшимъ членомъ является какое-либо приглагольное, съ синтаксической точки зрѣнія, слово, какъ: „сейчасъ!", „тише!", „направо!", „я сейчасъ!", „ты куда?", „я къ доктору", „карету мнѣ!", „стаканъ воды, ради Бога!", „а онъ его — по шеѣ" или, переходя къ литературнымъ примѣрамъ:

Татьяна: ахъ! а онъ ревѣть...
Татьяна въ лѣсъ; медвѣдь за нею... (Пушк.)

„Молчалинъ на лошадь садился: ногу въ стремя,
А лошадь на дыбы —
Онъ объ землю — и прямо въ темя." (Гриб.)

„Да смотри ты, ты не входи, братъ, въ кладовую; не то я тебя, знаешь? березовымъ-то вѣникомъ, чтобы для вкуса-то!" (Гог.)

„Это все дрянь, чѣмъ набиваютъ головы ваши: и академіи, и всѣ тѣ книжки, букварп и философія... я плевать на все это! (Гог.)

Пошелъ Балда въ ближайшій лѣсокъ,
Поймалъ двухъ зайковъ — да въ мѣшокъ. (Пушк.)

Въ этихъ предложеніяхъ извѣстныя представленія тоже не выразились словами, потому что и безъ того достаточно ясно возбуждались въ умѣ слушателя обстановкой рѣчи, предшествующимъ опытомъ говорящихъ или другими словами того же предложенія. Поэтому эти предложенія тоже неполныя. Но въ нихъ, въ отличіе отъ предыдущаго разряда, все тяготѣетъ не къ именительному, а къ чему-то опущенному, и это опущенное при попыткѣ восполнить его неизбѣжно принимаетъ очертанія глагола. Правда, подстановка опредѣленнаго глагола и здѣсь всегда неумѣстна, часто непріятна и иногда даже невозможна. Говорить, что въ предложеніи: „онъ его по шеѣ" подразумѣвается „ударилъ" или въ предложеніи: „медвѣдь за ней" подразумѣвается „побѣжалъ", значитъ искажать психологію этихъ сочетаній, такъ какъ и тутъ вся суть именно въ опущеніи глагола, въ невыраженности его средствами языка. Но, въ отличіе отъ предыдущаго разряда, здѣсь имѣются болѣе или менѣе ясные синтаксическіе признаки того, что опущенъ именно глаголъ, а не другая какая-либо часть рѣчи. Такими признаками являются, напр., нарѣчія, которыя ни къ чему кромѣ глагола

не могли бы относиться („тише!“, „направо!“ и т. д.), приглагольныя дополненія, которыя несмотря на присутствіе именительнаго падежа и отсутствіе глагола сознаются, именно, какъ приглагольныя, а не пріименныя (срвн. стр. 164) и нерѣдко своей падежной формой даже намекаютъ на опредѣленный глаголъ (срвн.: „онъ его по шеѣ“ и „онъ ему по шеѣ“). Соотвѣтственно съ этимъ и тотъ именительный, который здѣсь встрѣчается, даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда онъ несетъ на себѣ удареніе (напр.: „я васъ!“, „смотри жъ, ужъ я тебя, воструху!“), совсѣмъ не похожъ на именительный предшествующаго разряда. Это явный именительный подлежащаго при опущенномъ сказуемомъ. Соотвѣтственно опредѣлятся и второстепенные члены, какъ зависящіе частью отъ этого опущеннаго сказуемаго, частью отъ подлежащаго. Синтаксически, какъ формы сочетаній, намъ и эти предложенія представляются параллельными съ соотвѣтствующими глагольными.

Предложенія съ отрицательнымъ глаголомъ.

3) Предложенія, по общей своей формѣ соотвѣтствующія предыдущему разряду, но съ безглагольностью, вызванною не опущеніемъ того или другого глагола, а отсутствіемъ настоящаго времени у глагола „былъ — буду“. Таковы предложенія: „сегодня у насъ балъ“, „сегодня праздникъ“, „у меня насморкъ“, „для васъ я всегда дома“ или:

Гдѣ-жъ онъ? Онъ тамъ. Гдѣ тамъ? Не знаемъ. (Держ.)
„Зачѣмъ ты здѣсь во тьмѣ полночной?“ (Лерм.)
„У васъ въ лицѣ, въ движеньяхъ суета!“ (Жук.)

Какъ полны ихъ звуки
Безумствомъ желанья!
Въ нихъ слезы разлуки,
Въ нихъ трепетъ свиданья! (Лерм.)

Отъ предложеній предыдущаго разряда сочетанія эти отличаются тѣмъ, что здѣсь нѣтъ тѣхъ оттѣнковъ, которые создаются тамъ опущеніемъ глагола (оттѣнки быстроты, энергичности, указанія на обстановку рѣчи и т. д.). Въ связи съ этимъ не сознается здѣсь и какой-либо неполноты, потому что невыраженнымъ остается представленіе „бытія“, самое общее и отвлеченное. Отсутствіе глагола вызвано здѣсь не опущеніемъ, а, какъ въ сказуемостныхъсочетаніяхъ, чисто-грамматическими причинами, грамматическимъ составомъ языка (недостаточностью глагола „былъ—буду“), и потому эти сочетанія, наравнѣ со сказуемостными безглагольными сочетаніями, могутъ быть поставлены въ параллель съ отрицательной формой отдѣльныхъ словъ, а сказуемое въ нихъ можетъ назваться отрицательнымъ. Отличіе ихъ отъ безглагольныхъ сказуемостныхъ сочетаній только въ томъ, что тамъ мы признаемъ отрицательную связку, а здѣсь — отрицательное сказуемое, такъ какъ глаголъ „былъ — буду“ имѣетъ здѣсь смыслъ существованія, присутствія.

XXV.

Сочетанія глагола съ инфинитивомъ. Инфинитивная связка.

Инфинитивъ въ сказуемостныхъ сочетаніяхъ.

Инфинитивъ при связкѣ, въ качествѣ сказуемостнаго члена, употребляется крайне рѣдко, почему мы и не разсматривали отдѣльно этого случая и не были обезпокоены получающейся у насъ терминологической нелѣпостью („сказуемостное второстепенное сказуемое"). Такія предложенія, какъ: „Грушницкаго страсть была декламировать" или: „по пріѣздѣ на станцію первая забота была поскорѣе переодѣться..." (Пушк.), представляются исключительными, такъ какъ обычно говорятъ: „его страстью было декламировать", „первой моей заботой было переодѣться" (оборотъ, на которомъ мы остановимся впослѣдствіи). Сравнительно чаще встрѣчаются соотвѣтствующія безглагольныя предложенія, какъ: „долгъ нашъ защищать крѣпость до послѣдняго нашего издыханія..." (Пушк.), „его цѣль — сдѣлаться героемъ романа" (Лерм.), но тутъ, вслѣдствіе особыхъ ритмическихъ условій (два одинаково сильныхъ ударенія и ритмическій раздѣлъ между ними), а также вслѣдствіе указанной рѣдкости соотвѣтствующихъ связочныхъ сочетаній, врядъ ли можно говорить объ отрицательной связкѣ и сказуемостномъ инфинитивѣ. Скорѣе это два отдѣльныхъ предложенія (оба неполныхъ, конечно). Такимъ образомъ, сказуемостный инфинитивъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы до сихъ поръ говорили о сказуемостныхъ членахъ, — явленіе исключительное. Но, съ другой стороны, всякій приглагольный инфинитивъ вліяетъ на вещественное значеніе того глагола, къ которому онъ примыкаетъ въ томъ же направленіи, въ какомъ вліяютъ сказуемостные члены, т.-е. отнимаетъ у него яркость, заставляетъ его поблѣднѣть. Чтобы убѣдиться въ этомъ, сравнимъ попарно слѣдующія сочетанія:

Вліяніе приглагольнаго инфинитива на глаголъ.

Онъ собирается на охоту.	Онъ собирается охотиться.
Онъ думаетъ о поѣздкѣ.	Онъ думаетъ поѣхать.
Онъ далъ денегъ.	Онъ далъ знать о себѣ.
Онъ пошелъ въ лѣсъ.	Тутъ онъ пошелъ расписывать свои приключенія.

Онъ сѣлъ въ кресло.	Онъ сѣлъ заниматься.
Онъ рѣшилъ вопросъ.	Онъ рѣшилъ поѣхать.
Онъ принимается за работу.	Онъ принимается работать.
Онъ бросилъ работу.	Онъ бросилъ работать.

и т. д.

Мы видимъ, что въ правыхъ примѣрахъ глаголъ легковѣснѣе, отвлеченнѣе, чѣмъ въ лѣвыхъ, и что онъ пріобрѣтаетъ тутъ тѣ же, напоминающіе глагольную форму вида, оттѣнки, что и въ сказуемостныхъ сочетаніяхъ (см. стр. 200). Такъ, въ сочет.: „онъ собирается охотиться“ глаголъ обозначаетъ не столько самые сборы, сколько намѣреніе, готовность, вообще предвареніе дѣйствія (срав. видовой оттѣнокъ въ словахъ: „**за**продажа“, „**за**продать“, „**за**просить“, „**за**гадать“), и тотъ же оттѣнокъ выступаетъ въ сочетаніяхъ: „думаетъ охотиться“, „рѣшаетъ охотиться“; въ сочетаніяхъ: „пошелъ расписывать“, „сѣлъ заниматься“, „принялся работать“ ясенъ оттѣнокъ начала дѣйствія, въ сочетаніи: „бросилъ работать“ — конца дѣйствія, и т. д. Иногда это измѣненіе значенія глагола при инфинитивѣ приводитъ къ точно такимъ же результатамъ, какъ и измѣненіе значенія при сказуемостныхъ членахъ. Такъ, напр., глаголъ „стану“ и тамъ, и тутъ утратилъ полностью все свое значеніе „стоянія“ и въ обоихъ случаяхъ имѣетъ чисто видовое, начинательное значеніе („сталъ офицеромъ“, „сталъ писать“). Въ связи съ этимъ возникаетъ и тутъ особая синтаксическая цѣльность. Какъ „сталъ офицеромъ“ не равняется: „сталъ+офицеромъ“ (т.-е. сталъ въ позу офицера, остановился по-офицерски), такъ и „сталъ писать“ не равняется: „сталъ+писать“ (т.-е. остановился, чтобы писать). Въ обоихъ случаяхъ потеря вещественности въ глаголѣ влечетъ за собой психологическій (и ритмическій) сдвигъ въ сторону второстепеннаго члена и объединеніе съ нимъ глагола на правахъ частичнаго слова-связки. И здѣсь, при инфинитивѣ, этотъ сдвигъ и это объединеніе могутъ быть настолько сильны, что обѣ формы могутъ терять въ извѣстныхъ случаяхъ всю свою отдѣльность и сливаться въ одну составную форму. Таковы, напр., древне-русскія: „иму дѣлати“, „хочю дѣлати“, „начьну дѣлати“, имѣвшія смыслъ обычнаго будущаго времени, таково малорус-

ское „му робити", уже начавшее переходить даже въ простую форму: „робитиму" (см. стр. 25), таково же и наше будущее сложное: „буду дѣлать" (срвн. также: „засѣданіе имѣетъ быть"... „погода хочетъ разгуляться"). Конечно, степень этого сліянія глагола съ инфинитивомъ въ отдѣльныхъ случаяхъ очень различна. Если на одной сторонѣ стоятъ такія сочетанія, какъ: „му робити" или „буду писать", гдѣ сліяніе дошло до своего предѣльнаго пункта, то на другой сторонѣ мы видимъ такія сочетанія, какъ: „позаботился приготовить", „приказалъ запрячь", „распорядился убрать", гдѣ сліяніе совершенно незамѣтно. Но есть основаніе полагать, что въ большей или меньшей степени (можетъ быть, иногда въ чисто-потенціальномъ видѣ) оттѣнокъ этотъ присущъ всякому сочетанію глагола съ инфинитивомъ. Именно, вдумываясь въ причину тѣхъ превращеній, которыя претерпѣваетъ здѣсь глаголъ, мы найдемъ, что тутъ все дѣло въ инфинитивѣ, и притомъ не въ глагольности его значенія самой по себѣ, какъ это можно было бы предположить, а только въ томъ, что инфинитивъ уже не дополненіе. Вещественное значеніе глагола вообще связано тѣснѣйшимъ образомъ съ его дополненіемъ (см. стр. 157). Въ сочет.: „пошелъ въ лѣсъ", „сѣлъ въ кресло" дополненія своими вещественными и своими падежными значеніями (винительный направленія движенія) поддерживаютъ въ глаголахъ ихъ исконныя вещественныя значенія. То же, и въ еще большей степени, при управляемыхъ дополненіяхъ: въ сочет.: „даетъ деньги", „даетъ награду" (и даже при переносномъ значеніи глагола: „даетъ пощечину", „даетъ балъ") дополненія „дополняютъ" вещественное значеніе глагола и тѣмъ подкрѣпляютъ его. Вотъ этого подкрѣпленія-то инфинитивъ и не можетъ дать глаголу, такъ какъ онъ пересталъ быть дополненіемъ, пересталъ быть тѣмъ предметомъ, съ которымъ связано дѣйствіе, а получилъ совершенно особое и въ высшей степени отвлеченное значеніе. Понятно, что и дѣйствіе, лишенное объекта, становится отвлеченнѣе. Конкретное „даванье", хотя бы и не руками („даетъ балъ"), переходитъ въ отвлеченное понятіе причиненія („даетъ знать", „даетъ почувствовать"), потому что нѣтъ предмета, который бы можно было „дать", хотя бы и отвлеченнаго. А разъ такъ, разъ все дѣло въ отсутствіи дополненія и въ „обезсиливающемъ", такъ сказать, вліяніи инфинитива, то ясно, что въ большей или меньшей степени оттѣнокъ этотъ долженъ

Причины вліянія.

сопровождать всякое столкновеніе глагола съ инфинитивомъ, почему мы и выдѣляемъ эти сочетанія въ особую группу. Въ наиболѣе же рѣзкихъ случаяхъ, какъ: „стану писать“, „пошелъ расписывать“ и т. д., мы находимъ нужнымъ отмѣчать и несамостоятельность глагола, надѣляя его именемъ инфинитивной связки.

Отношеніе такихъ сочетаній къ сказуемостнымъ сочетаніямъ.

Можетъ возникнуть вопросъ объ отношеніи разсматриваемыхъ сочетаній къ сказуемостнымъ. Вѣдь въ тѣхъ и другихъ глаголъ превращается въ связку (или приближается къ ней), въ тѣхъ и другихъ психол. сказуемое выражается второстепеннымъ членомъ, примыкающимъ къ этой связкѣ и несущимъ на себѣ сказуемостное удареніе, въ тѣхъ и другихъ этотъ второстепенный членъ сливается съ глаголомъ-связкой въ нѣчто цѣльное. Казалось бы, нѣтъ основанія раздѣлять эти сочетанія и выдѣлять типъ: „глаголъ + инфинитивъ“ въ особую группу. На самомъ дѣлѣ, типъ этотъ, по общему своему характеру, глубоко отличенъ отъ сказуемостнаго. Въ сказуемостныхъ сочетаніяхъ глаголъ-связка является посредникомъ между сказуемостнымъ второстепеннымъ членомъ и подлежащимъ. Онъ либо оттягиваетъ второстепенный членъ отъ подлежащаго въ тѣхъ случаяхъ, когда тотъ способенъ, по природѣ своей, вступить въ непосредственныя сношенія съ подлежащимъ (сказуемостное опредѣленіе), либо притягиваетъ его къ подлежащему, когда онъ, по природѣ своей, не имѣетъ къ подлежащему никакого отношенія (сказуемостное дополненіе и обстоятельство). Въ обоихъ случаяхъ результатъ получается одинъ и тотъ же: второстепенный членъ посредствомъ связки относится мыслью къ подлежащему. Вотъ этого-то посредствующаго, „связывающаго“ и привязывающаго къ подлежащему начала и нѣтъ въ инфинитивной связкѣ. Въ сочет., напр.: „онъ далъ ему почувствовать“ глаголъ „далъ“ теряетъ свое вещественное значеніе, но не притягиваетъ нисколько инфинитива къ подлежащему, а относитъ дѣйствіе „чувствованія“ къ дополненію („ему“). То же и во всѣхъ другихъ случаяхъ столкновенія дополненія съ инфинитивомъ при глаголѣ („велю ему уйти“, „прошу его уйти“ и т. д., такъ называемые „дательный съ неопредѣленнымъ“ и „винительный съ неопредѣленнымъ“) [1]. Если же въ

[1]) Этихъ оборотовъ не надо смѣшивать съ такими, какъ: „могу ему помочь“, „хочу его взять“, гдѣ дополненіе зависитъ не отъ глагола, а отъ инфинитива.

другой группѣ случаевъ инфинитивъ относится къ подлежащему („собирается охотиться", „сѣлъ заниматься" и т. д.), то причина этого не въ посредствующемъ вліяніи инфинитивной связки, какъ таковой, а въ вещественномъ значеніи ея, какъ отдѣльнаго глагола. Понятно, напр., что при глаголахъ со значеніемъ намѣренія („намѣреваюсь", „собираюсь", „предполагаю", „затѣваю" и т. д.), дѣйствіе, выраженное въ инфинитивѣ, должно возвращаться къ тому, кто намѣренъ, къ подлежащему, а при глаголахъ со значеніемъ побужденія („побуждаю", „заставляю", „приказываю", „прошу" и т. д.) должно переходить на предметъ, который къ чему-либо побуждается. Связочная же роль глагола здѣсь не при чемъ. Съ этимъ связаны и другіе пункты различія. Въ сказуемостныхъ сочетаніяхъ связка есть единственный пунктъ скопленія глагольной энергіи; по обѣимъ сторонамъ отъ нея лежатъ совершенно инертныя массы (подлежащее и сказуемостный второстеп. членъ), и вся энергія связки уходитъ именно на соединеніе этихъ инертныхъ массъ въ процессѣ мысли. Въ разсматриваемыхъ же сочетаніяхъ одинъ изъ соединяемыхъ элементовъ — инфинитивъ — самъ обладаетъ огромнымъ запасомъ глагольной энергіи. Энергія эта, правда, чисто-потенціальная, потому что у него нѣтъ синтаксическихъ формъ для проявленія ея. Но, сливаясь съ сосѣднимъ глаголомъ, онъ какъ бы заимствуетъ у него его синтаксическія формы и переводитъ, при ихъ помощи, свою потенціальную энергію въ кинетическую. Въ результатѣ, инфинитивъ дѣлается средоточіемъ глагольности въ предложеніи, а глаголъ получаетъ служебную функцію снабженія инфинитива недостающими ему синтаксическими средствами. Если въ сказуемостныхъ сочетаніяхъ связка одинаково обслуживаетъ и подлежащее, и второстепенный членъ, какъ посредникъ между ними, то здѣсь она скорѣе состоитъ при второстепенномъ членѣ, при инфинитивѣ, какъ его синтаксическій помощникъ. Соотвѣтственно съ этимъ и тѣ видовые оттѣнки, которые появляются въ связкѣ, тамъ относятся къ самой связкѣ, какъ къ единственному глагольному пункту, на который они могутъ наслоиться, а здѣсь—къ второстепенному члену (инфинитиву). „Сталъ богачомъ" = началъ **быть** богачомъ, а „сталъ пѣть" = началъ **пѣть**. Въ первомъ случаѣ начинательный оттѣнокъ заключенъ въ самой связкѣ, во второмъ онъ переносится на инфинитивъ. Все это обусловливается, конечно, исключительно природой самого инфинитива,

который слишкомъ активенъ, чтобы участвовать въ обычныхъ сказуемостныхъ сочетаніяхъ (почему онъ тамъ такъ рѣдко и встрѣчается) и достаточно активенъ, чтобы создавать, съ помощью инфинитивной связки, ту двойную глагольность, которая здѣсь описана.

Сказанное можно иллюстрировать съ помощью одного, правда нѣсколько искусственнаго, но зато очень яркаго примѣра. Возьмемъ сказуемостное сочетаніе: „страсть его была декламировать", передѣлаемъ въ немъ прошедшее на будущее („страсть его будетъ — декламировать") и сравнимъ съ нашимъ будущимъ временемъ („страсть его будетъ декламировать"). Въ данномъ случаѣ инфинитивъ какъ разъ одинаково относится къ подлежащему и въ томъ, и въ другомъ изъ однозвучныхъ сочетаній. И тѣмъ не менѣе разница огромна. Въ первомъ сочетаніи сказано, чѣмъ будетъ страсть, а во второмъ, что она будетъ дѣлать. Глагольный смыслъ инфинитива выступаетъ вполнѣ ясно. Правда, здѣсь взято уже не обычное сочетаніе глагола съ инфинитивомъ, а составная форма будущаго времени. Но вѣдь это только предѣлъ того оттѣнка, который въ большей или меньшей степени заложенъ въ каждомъ такомъ сочетаніи.

Инфинитивъ при глагольныхъ словахъ.

Въ заключеніе нѣсколько добавочныхъ замѣчаній. Какъ въ сказуемостныхъ сочетаніяхъ, такъ и здѣсь на мѣстѣ глагола-связки можетъ быть причастіе, дѣепричастіе и инфинитивъ отъ этого глагола („собиравшійся охотиться", „собираясь охотиться", „собираться охотиться"), при чемъ вещественное значеніе глагольнаго слова подвергается тому же вліянію инфинитива, что и самъ глаголъ, такъ что мы въ правѣ говорить объ „инфинитивно-связочномъ" причастіи, дѣепричастіи, инфинитивѣ. Въ послѣднемъ случаѣ въ сочетаніи получается нѣсколько инфинитивовъ („хотѣлъ дать почувствовать", „хотѣлъ пойти заставить ихъ прибрать все"), изъ которыхъ послѣдній является пунктомъ наибольшей глагольности, а всѣ предыдущіе сами принимаютъ болѣе или менѣе связочный характеръ. Далѣе, сочетанія глагола съ инфинитивомъ могутъ комбинироваться и со сказуемостными сочетаніями, потому что на мѣстѣ глагола въ нихъ можетъ быть сказуемостное сочетаніе, напр.:

Инфинитивъ при сказуемостныхъ сочетаніяхъ

Она должна была опуститься до дѣйствительности, чтобы наслаждаться имъ такимъ, каковъ онъ былъ. (Л. Толст.)

... онъ очень, очень не прочь былъ пошалить при всякомъ удобномъ случаѣ... (Дост.)

и со сказуемостными членами.

Сопоставляя „долженъ два рубля“ съ „долженъ итти“, видимъ, что сказуемостный членъ такъ же блѣднѣетъ отъ сосѣдства инфинитива, какъ и глаголъ. Далѣе, такъ какъ самъ инфинитивъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ образованъ отъ глагола-связки („быть“, „казаться“, „дѣлаться“ и т. д.), можетъ имѣть при себѣ сказуемостные члены (см. стр. 230), то возможны сочетанія: „глаголъ + инфинитивъ + сказуемостный членъ“, напр.:

„Если бы я хоть немножко могла быть похожа на васъ!“ (Л. Толст.)

Онъ, ...какъ свѣтскій и умный человѣкъ, постарался быть съ нею, съ женой своего врага, особенно любезнымъ. (Л. Толст.)

Для человѣка со 100.000 руб. дохода... такіе долги, казалось бы, не могли быть затруднительны... (Л. Толст.)

Всѣ эти правила могли быть неразумны, нехороши. (Л. Толст.)

Наконецъ, возможна и комбинація изъ этихъ комбинацій, т.-е. „сказуемостное сочетаніе + инфинитивъ + сказуемостный членъ“, напр.:

„Какъ ничтожно должно было показаться наше большое общество этой необыкновенной женщинѣ!“ (Пушк.)

Она чувствовала, что нынѣшній вечеръ... долженъ быть рѣшительный въ ея судьбѣ. (Л. Толст.)

Такъ какъ во всѣхъ этихъ случаяхъ на мѣстѣ сказуемостнаго члена можетъ быть и грамматическій сказуемостный членъ (добръ), то всѣ эти сочетанія, даже съ чисто внѣшней стороны, заслуживаютъ особаго упоминанія.

О терминѣ для разсмотрѣнныхъ сочетаній.

Мы не нашли нужнымъ снабжать разсмотрѣнныя въ этой главѣ сочетанія какимъ-либо ярлыкомъ, такъ какъ выраженіе: „сочетаніе глагола съ инфинитивомъ“ исчерпываетъ ихъ внѣшнюю сторону, внутренняя же едва ли можетъ быть втиснута въ рамки термина. Но для школы, здѣсь, какъ и вездѣ, терминъ необходимъ. Правда, въ огромномъ большинствѣ случаевъ можно было бы не выдѣлять совсѣмъ этихъ сочетаній, какъ сочетаній, такъ какъ цѣльность ихъ почти всегда такъ слаба, что можно смѣло говорить объ обычномъ сказуемомъ и о примыкающемъ къ нему второстепенномъ сказуемомъ. Но въ такихъ случаяхъ, какъ: „сталъ пѣть“, „далъ знать“ и т. д., цѣльность должна быть отмѣчена, а такъ какъ случаи одного рода непосредственно переходятъ въ случаи другого рода и отдѣлять одни отъ другихъ для школьника было бы слишкомъ трудно (если не невозможно), то необходимъ одинъ общій терминъ. Отсюда вытекаютъ и требованія, которыя должны быть предъявлены къ этому термину:

онъ долженъ быть самымъ общимъ, не долженъ излишне подчеркивать цѣльности сочетанія и не долженъ замаскировывать тѣхъ формъ, изъ которыхъ оно состоитъ. Кромѣ того онъ долженъ рѣзко отдѣлять эти сочетанія отъ сказуемостныхъ сочетаній. Наконецъ, онъ долженъ быть, какъ всякій терминъ, кратокъ, а какъ всякій новый терминъ—легокъ. Признаемся, что всѣмъ этимъ требованіямъ мы не сумѣли удовлетворить. Конечно, если для сказуемостныхъ сочетаній удержать нынѣ принятый терминъ: „составное сказуемое“, то для этихъ самъ собою напрашивается терминъ: „двойное сказуемое“. Но отвергнувъ первый, мы должны отвергнуть и второй. Оба эти термина одинаково просты, одинаково выразительны и ясны, но оба одинаково замаскировываютъ тѣ формы, изъ которыхъ состоитъ сочетаніе и одинаково вносятъ путаницу въ понятіе грамматическаго сказуемаго, отдѣляя его отъ глагола. А разъ такъ, то остаются только такіе тяжеловѣсно-длинные термины, какъ: „глагольно-инфинитивныя сочетанія“, „инфинитивно-сказуемостныя сочетанія“, „сочетанія съ двоякой глагольностью“, „двояко-глагольныя сочетанія“, „слитно-инфинитивныя сочетанія“ и т. д. Предоставляемъ преподавателю въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ выбрать наименѣе плохой изъ этихъ терминовъ или изобрѣсти лучшій.

XXVI.

Обособленные второстепенные члены.

Сравнимъ два сочетанія:

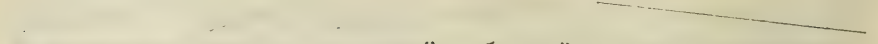
Я удивляюсь, что вы, съ вашей добротой, не чувствуете этого.

Я удивляюсь, что вы съ вашей супругой не чувствуете этого.

Различія въ числѣ повышеній голоса и основныхъ удареній между грамматически-тождественными сочетаніями.

Оба сочетанія на первый взглядъ синтаксически совершенно совпадаютъ другъ съ другомъ. Но если вслушаться внимательно въ произношеніе, то обнаружится большая разница въ интонаціи и ритмѣ. Въ лѣвомъ сочетаніи голосъ прежде всего повышается до первой запятой, затѣмъ переходитъ на низкую ноту и рѣзко повышается къ слову „вы“ („что“ звучитъ гораздо ниже, чѣмъ „вы“), затѣмъ снова переходитъ на низкія ноты и въ третій разъ повышается вплоть до „добротой“, съ этого же мѣста понижается равномѣрно до конца. Если изобразить повышеніе голоса съ помощью поднимающейся линіи ( ), а пониженіе съ помощью опускаю-

щейся ( ), то интонація фразы выразится приблизительно такъ:



я удивляюсь, что вы, съ вашей добротой, не чувствуете этого.

Мы не касаемся здѣсь того, при какомъ изъ трехъ повышеній голосъ достигнетъ наибольшей высоты (а такой моментъ непремѣнно долженъ быть, чтобы фраза была нормальна, т.-е. объединена въ мелодическомъ отношеніи); мы намѣренно изобразили всѣ три одинаковой высоты; намъ вообще важенъ въ данномъ случаѣ не детальный анализъ интонаціи, а грубый, суммарный, показывающій только, что послѣ первой запятой голосъ непремѣнно долженъ дважды повыситься. Сравнивая съ такой интонаціей интонацію праваго сочетанія, замѣчаемъ, что тамъ этихъ добавочныхъ повышеній нѣтъ. Тамъ послѣ перваго повышенія начинается равномѣрное пониженіе до самаго конца. Значками это можно изобразить такъ:

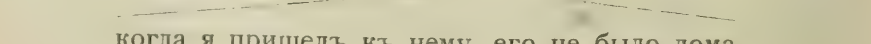
Я удивляюсь, что вы съ вашей супругой не чувствуете этого.

Кромѣ того, есть разница и въ удареніяхъ. Въ первой фразѣ 4 сильныхъ ударенія: „я удивляюсь, что вы, съ вашей добротой, не чувствуете этого“; во второй только 2: „я удивляюсь, что вы съ вашей супругой не чувствуете этого“. Такимъ образомъ, разница въ интонаціи и въ ритмѣ между обоими сочетаніями огромная, и мы въ правѣ спросить себя, не имѣемъ ли мы тутъ двухъ разныхъ формъ сочетаній (см. стрр. 76—77), другими словами, не имѣетъ ли эта разница грамматическаго значенія, не создаетъ ли она какого-либо оттѣнка, который въ другихъ случаяхъ выражается грамматическими способами? Для рѣшенія этого вопроса вслушаемся въ слѣдующее простое сочетаніе съ повѣствовательной интонаціей:

Связь повышеній и удареній всякаго сочетанія съ дробленіемъ его на отдѣльныя предложенія.

Когда я пришелъ къ нему, его не было дома.

Здѣсь мы тоже находимъ повышеніе вплоть до запятой и послѣдующее пониженіе по схемѣ:



когда я пришелъ къ нему, его не было дома.

Перевернувъ предложенія, находимъ то же:

его не было дома, когда я пришелъ къ нему.

Замѣнивъ подчинительный союзъ сочинительнымъ, находимъ то же:

я пришелъ къ нему, а его не было дома,

И въ обратномъ порядкѣ:

его не было дома, а я пришелъ къ нему.

Вставляя между этими двумя предложеніями третье, находимъ уже д в а повышенія голоса съ послѣдующимъ пониженіемъ:

когда я пришелъ къ нему, мнѣ сказали, что его нѣтъ дома.

Вставляя еще одно предложеніе, получаемъ еще одно повышеніе:

когда я пришелъ къ нему, мнѣ сказали, что онъ просилъ,

чтобъ я подождалъ.

Наконецъ, вставляя четвертое предложеніе не м е ж д у предпослѣднимъ и послѣднимъ, а в ъ с е р е д и н у послѣдняго, получаемъ еще на одно повышеніе больше:

когда я пришелъ къ нему, мнѣ сказали, что отца его,

котораго я только что видѣлъ въ окнѣ, нѣтъ дома.

Изъ всего этого можно сдѣлать слѣдующіе выводы: 1) всякое сочетаніе предложеній, соединенныхъ союзами, если только оно составляетъ одно сложное предложеніе (см. гл. XXXVIII) и если не имѣетъ вопросительнаго смысла (о вопросительной интонаціи см. гл. XXIX), заканчивается п о н и ж е н і е м ъ голоса:

2) пониженіе это охватываетъ послѣднее предложеніе*); 3) передъ пониженіемъ всегда столько повышеній, сколько предложеній и 4) если какое-нибудь предложеніе попадаетъ въ середину другого, то число повышеній увеличивается на 1, такъ какъ передъ этимъ вставнымъ предложеніемъ получается добавочное повышеніе. А изъ этихъ выводовъ можно сдѣлать окончательный и важнѣйшій для насъ выводъ, что повышенія голоса въ сложномъ предложеніи связаны съ грамматическимъ дробленіемъ его, именно съ границами предложеній и связаны по очень простому закону: сколько границъ, столько повышеній. Ударенія также связаны съ дробленіемъ на предложенія: въ каждомъ изъ разобранныхъ сочетаній было столько сильныхъ ударенній, сколько предложеній, а въ послѣднемъ было на одно ударенне больше изъ-за того, что передъ вставнымъ предложеніемъ появилось лишнее ударенне. Обращаясь теперь къ нашимъ первымъ примѣрамъ, изъ-за которыхъ мы предприняли это маленькое изслѣдованіе, мы видимъ, что въ сочетаніи:

Уподобленіе нѣкоторыхъ второстепенныхъ членовъ по произношенію отдѣльнымъ предложеніямъ. Обособленные второстепенные члены.

Я удивляюсь, что вы, съ вашей добротой, не чувствуете это

при двухъ предложеніяхъ и при одномъ пограничномъ пунктѣ имѣется четыре ударенія и три повышенія, т.-е два ударенія и два повышенія лишнихъ. Напротивъ, въ сочетаніи:

я удивляюсь, что вы съ вашей супругой не чувствуете этого

никакихъ лишнихъ повышеній и ударенній нѣтъ. Вдумываясь въ причину такой разницы, мы должны отмѣтить, что въ первомъ примѣрѣ лишнія повышенія и ударенія приходятся на словѣ „вы“ и на словѣ „добротой“, т.-е. въ тѣхъ пунктахъ, которые отдѣляютъ сочетаніе „съ вашей добротой“ отъ окружающихъ словъ. Ясно, что эти пункты играютъ здѣсь роль пограничныхъ пунктовъ, т.-е., что слова „съ вашей добротой“ произвели въ произношеніи всего сочетанія такія

*) При чрезмѣрномъ скопленіи предложеній оно можетъ, по чисто-физіологическимъ причинамъ, начаться и раньше. Вообще, интонація сложнаго предложенія на самомъ дѣлѣ гораздо сложнѣе, чѣмъ въ нашей схемѣ, и подлежитъ, конечно, дальнѣйшему изученію. Но мы увѣрены, что это послѣднее не поколеблетъ, а только осложнитъ наши выводы.

же точно перемѣны, какія произвела бы вставка цѣлаго предложенія. И дѣйствительно, подставляя на мѣсто этихъ словъ отдѣльныя предложенія:

удивляюсь, что вы, который такъ добры, не чувствуете этого

или:

удивляюсь, что вы, хотя вы такъ добры, не чувствуете этого

находимъ ту же интонацію и тотъ же ритмъ. Такимъ образомъ, здѣсь самое обыкновенное дополненіе („съ добротой") вмѣстѣ съ самымъ обыкновеннымъ опредѣленіемъ, съ нимъ согласующимся („вашей"), уподобилось, въ отношеніи интонаціи и ритма, цѣлому предложенію. Такъ какъ такое уподобленіе указываетъ на нѣкоторую обособленность въ мысли говорящаго даннаго члена отъ другихъ членовъ того же предложенія, то мы назовемъ такое дополненіе **обособленнымъ**. Подобныя же измѣненія интонаціи и ритма бываютъ и при опредѣленіи, напр.:

я удивляюсь, что вы, такой добрый, не чувствуете этого

и при обстоятельствѣ, напр.:

удивляюсь, что вы, будучи такъ добры, не чувствуете этого

соотвѣтственно чему мы и назовемъ такое опредѣленіе **обособленнымъ** опредѣленіемъ, а такое обстоятельство — **обособленнымъ** обстоятельствомъ.

Такимъ образомъ:

обособленнымъ второстепеннымъ членомъ называется второстепенный членъ, уподобившійся, вмѣстѣ съ другими зависящими отъ него второстепенными членами, въ отношеніи интонаціи и ритма, отдѣльному придаточному предложенію.

Кромѣ того, необходимо имѣть въ виду еще слѣдующія дополнительныя замѣчанія:

Отступленія отъ типичнаго произношенія подъ вліяніемъ особыхъ условій.

1) Если обособленный членъ не имѣетъ при себѣ зависящихъ отъ него членовъ (т.-е. если обособлено только одно

слово), то повышеній голоса не происходитъ, но зато выдерживаются по обѣимъ сторонамъ этого члена небольшія паузы, напр.:

Я не слишкомъ люблю это дерево — осину. (Тург.)

И на чужой скалѣ, за синими морями,
Забытый, онъ угасъ одинъ... (Лерм.)

Однажды, осенью, на возвратномъ пути съ отъѣзжаго поля, я простудился и занемогъ. (Тург., предполагаемъ чтеніе съ соблюденіемъ запятыхъ.)

Это былъ сортъ людей старомодныхъ и смѣшныхъ. Но былъ другой сортъ людей, настоящихъ, къ которому они всѣ принадлежали... (Л. Толст.)

„Онъ останется правъ, а меня, погибшую, еще хуже, еще ниже погубитъ...“ (Л. Толст.)

Она съ величіемъ, Онъ съ разумомъ въ очахъ
Взирали, кроткіе, во славѣ и въ лучахъ... (Пушк.)

Повидимому, ритмъ рѣчи требуетъ, чтобы на всякую обособленную группу членовъ тратилось опредѣленное и всегда одинаковое количество времени (приблизительно столько же, сколько тратится на отдѣльное, среднихъ размѣровъ, предложеніе). А такъ какъ здѣсь вся группа состоитъ изъ одного слова, то остатокъ времени долженъ заполниться паузами. Равнымъ образомъ и удареніе дѣлается на такомъ членѣ неизмѣримо большее, чѣмъ обычно, такъ какъ запасъ выдыхательной силы, идущій обычно на нѣсколько словъ, уходитъ здѣсь весь на одно слово.

2) Если обособленная группа попадаетъ въ начало предложенія, то удареніе и повышеніе, предшествующія имъ, по понятнымъ причинамъ отпадаютъ („придя домой, я встрѣтилъ“...).

3) Если обособленная группа попадаетъ въ конецъ предложенія, то повышеніе, которое приходится на самое обособленную группу, отпадаетъ, такъ какъ конецъ повѣствовательнаго предложенія обязательно долженъ быть занятъ пониженіемъ („я увидѣлъ человѣка, бывшаго у меня ранѣе“).

4) Если обособленная группа отдѣлена отъ начала предложенія только частичнымъ словомъ (б. ч. союзомъ), то предшествующія ей повышеніе и удареніе отпадаютъ, такъ какъ на частичномъ словѣ ни того, ни другого не дѣлается („согласитесь, что, не зная дороги, я не могъ попасть...“, „все такъ, но, съ вашей добротой, вы должны

понять...“). Запятая, принятая въ этихъ случаяхъ послѣ союза и составляющая камень преткновенія для школьниковъ, совершенно условна и живого произношенія не отражаетъ.

Въ послѣднихъ 3-хъ пунктахъ обособленныя группы опять таки совершенно параллельны отдѣльнымъ придаточнымъ предложеніямъ.

Познакомившись, такимъ образомъ, въ общихъ чертахъ съ явленіемъ обособленности второстепенныхъ членовъ, мы перейдемъ теперь къ детальному разсмотрѣнію тѣхъ условій, отъ которыхъ зависитъ процессъ обособленія *). При этомъ мы сначала разсмотримъ тѣ общія условія, отъ которыхъ зависитъ обособленіе всякаго второстепеннаго члена, а затѣмъ перейдемъ къ спеціальнымъ условіямъ, существующимъ для отдѣльныхъ разрядовъ этихъ членовъ (обособленнаго дополненія, обособленн. опредѣленія и обособл. обстоятельства):

Синтаксическія условія, способствующія обособленію второстепенныхъ членовъ.

Изъ общихъ условій обособленія мы намѣтимъ слѣдующія:

Общія условія. „Пояснительное“ обособленіе.

1) Взаимное отношеніе двухъ не связанныхъ синтаксическими узами членовъ, какъ опредѣляющаго къ опредѣляемому и частнаго къ общему, напр.:

Лѣсъ этотъ необходимо было продать; но теперь, до примиренія съ женой, не могло быть о томъ и рѣчи. (Л. Толстой)

Этотъ милый Свіяжскій, держащій при себѣ мысли только для общественнаго употребленія и очевидно имѣющій другія какія-то, тайныя для Левина, основы жизни. (Л. Толстой)

Однажды, осенью, на возвратномъ пути съ отъѣзжаго поля, я простудился и занемогъ. (Тург.)

Однажды, въ день воскресный, въ часъ обѣдни, Іоаннъ входилъ въ соборную церковь Успенія. (Ал. Толст.)

Окруженная всѣми выкупанными, съ мокрыми головами, дѣтьми, Дарья Александровна... уже подъѣзжала къ дому... (Л. Толст.)

И царственно спокойно раздавались эти голоса въ ихнемъ, чуждомъ для насъ, ночномъ мірѣ. (Л. Толст.)

... а надо было оставаться здѣсь, въ чужомъ, и столь противоположномъ ея настроенію, обществѣ. (Л. Толст.)

*) Нижеслѣдующее изложено спеціальнѣе, чѣмъ это умѣстно въ подготовительномъ курсѣ. Причина та, что въ такомъ освѣщеніи вопросъ, насколько намъ извѣстно, излагается впервые, а также и важность его въ учебномъ отношеніи. Читатель, не дорожащій подробностями, и не интересующійся преподаваніемъ русскаго языка, смѣло можетъ пропустить весь остатокъ этой не въ мѣру разросшейся главы.

Я взглянулъ на эту, теперь со всѣхъ сторонъ открытую, голову и невольно всплеснулъ руками отъ изумленія... (Тург., „Странная исторія“)

Левинъ пришелъ въ то, часто находившее на него, дѣтски веселое расположеніе духа... (Л. Толст.)

Въ первомъ изъ этихъ примѣровъ обособленное дополненіе: „до примиренія съ женой“ *) опредѣляетъ болѣе общее временное понятіе „теперь“, во второмъ обособленное опредѣленіе „тайныя для Левина“ опредѣляетъ болѣе общее: „другія какія-то“, въ третьемъ обособленное обстоятельство „осенью“ опредѣляетъ болѣе общее „однажды“ и т. д. Такъ какъ синтаксически эти члены относятся не другъ къ другу, а къ одному и тому же третьему члену („теперь“ и „до примиренія съ женой“ къ: „не могло быть и рѣчи“, „другія“ и „таіныя для Левина“ къ „основы“, „однажды“ и „осенью“ къ: „простудился“), то для установленія ихъ взаимной связи у языка нѣтъ другихъ средствъ кромѣ мелодическо-ритмическихъ (и нѣкоторыхъ союзовъ, какъ: „то-есть“, „именно“, „а именно“, см. гл. XLI). При этомъ связь эта, какъ бы ни была она логически ясна, можетъ и не сознаваться, и тогда обособленія не будетъ. Мы можемъ сказать: „однажды, осенью, онъ заболѣлъ“ (съ сильнымъ удареніемъ на „осенью“, какъ на обособленномъ членѣ и на „однажды“, какъ на предшествующемъ ему), а можемъ сказать и просто: „однажды осенью онъ заболѣлъ“; можемъ сказать: „теперь, до примиренія съ женой, объ этомъ не могло быть и рѣчи“ и: „теперь до примиренія съ женой объ этомъ не могло быть и рѣчи“ (сравн. по интонаціи: „теперь надолго объ этомъ не могло быть рѣчи“, „теперь до самыхъ каникулъ объ этомъ не могло быть рѣчи“); можемъ сказать: „въ чужомъ, и столь противоположномъ ея настроенію, обществѣ“ и: „въ чужомъ и столь противоположномъ ея настроенію обществѣ“ (какъ: „въ чужомъ и непріятномъ обществѣ“, „въ большомъ и веселомъ обществѣ“). И наоборотъ, тамъ, гдѣ мы желаемъ выразить такого рода связь, мы всегда при-

*) Такъ какъ всякій обособленный членъ обособляется всегда со всѣми зависящими отъ него членами (если только послѣдніе сами, въ свою очередь, не обособлены), то въ дальнѣйшемъ мы, для краткости, подъ тѣмъ или инымъ обособленнымъ членомъ будемъ понимать и всю обособленную группу, въ которой данный членъ играетъ синтаксически главную роль, такъ что вмѣсто: „обособленная группа съ дополненіемъ во главѣ“ будемъ условно говорить: „обособленное дополненіе“, вмѣсто: „обособленная группа съ опредѣленіемъ во главѣ“—„обособленное опредѣленіе“ и т. д.

бѣгаемъ къ этому „объяснительному“ произношенію: „да ты эту, деревянную, лопату возьми, а не ту, желѣзную!“, „да ты осторожно, потихоньку, дѣйствуй!“ и т. д. Это именно тѣ случаи, которые въ школьныхъ грамматикахъ разсматриваются, какъ особаго рода „приложенія“, при чемъ понятіе „приложенія“ теряетъ, понятно, всякія грамматическія очертанія.

Вліяніе порядка словъ.

2) Порядокъ словъ. Хотя русскій языкъ и принадлежитъ къ языкамъ съ такъ назыв. „свободнымъ“ порядкомъ словъ, однако для каждаго члена предложенія можно указать одно обычное, излюбленное мѣсто въ предложеніи и другое, менѣе обычное, при которомъ разстановка словъ кажется какъ бы намѣренно измѣненной. На этомъ основаніи различаютъ такъ назыв. „прямой“ порядокъ словъ и „обратный“. При „обратномъ“ порядкѣ, членъ, который кажется переставленнымъ, больше выдѣляется въ мысли и больше привлекаетъ къ себѣ вниманіе, чѣмъ при „прямомъ“. Такъ, для приглагольнаго дополненія прямымъ порядкомъ является постановка его послѣ глагола, а обратнымъ — передъ нимъ. Сочетанія: „я беру книгу“, „онъ говоритъ о пожарѣ“, „онъ заболѣлъ лихорадкой“ кажутся намъ болѣе обычными, чѣмъ сочетанія: „я книгу беру“, „онъ о пожарѣ говоритъ“, „онъ лихорадкой заболѣлъ“, и дополненія, при равныхъ условіяхъ интонаціи и ритма, во вторыхъ сочетаніяхъ больше выдѣляются въ мысли, чѣмъ въ первыхъ. То же можно сказать и объ обстоятельствахъ: „онъ выучилъ наизусть“, „онъ читаетъ вслухъ“, „онъ пошелъ шагомъ“ кажутся болѣе обычными, чѣмъ: „онъ наизусть выучилъ“, „онъ вслухъ читаетъ“, „онъ шагомъ пошелъ“. Для опредѣленія, наоборотъ: прямымъ порядкомъ является постановка его передъ опредѣляемымъ, а обратнымъ — послѣ него. Срвн.: „онъ — умный человѣкъ“ и „онъ человѣкъ умный“, „это не твое дѣло“ и „это дѣло не твое“ и т. д., а также такія сочетанія, какъ, „а у васъ, ваше превосходительство, голосъ сильный“ (Чех.), „въ животѣ трескотня такая, какъ будто бы цѣлый полкъ затрубилъ въ трубы“ (Гог.), „докторъ я плохой“ (Тург.), „мужъ тебѣ выпалъ недобрый на долю“ (Некр.), „городъ старый, городъ древній, ты вмѣстилъ въ свои концы...“ (Глинка), „кость бѣлая, кость черная, и поглядѣть такъ разныя...“ (Некр.), и т. д.; срвн. также перестановку въ сочетаніяхъ типа: „мужъ жену любитъ здоровую, а братъ сестру богатую“ (см. стр. 174). Вотъ этотъ-то обратный порядокъ

словъ, выдѣляющій переставленное слово, и является условіемъ, благопріятствующимъ обособленію, такъ какъ обособленіе есть тоже одинъ изъ способовъ перемѣщенія второстепеннаго члена въ центръ синтаксическаго сознанія. Такимъ образомъ, дополненіе и обстоятельство должны быть болѣе склонны къ обособленію, когда стоятъ передъ тѣмъ словомъ, отъ котораго зависятъ, а опредѣленіе, когда стоитъ послѣ этого слова. Что это такъ и есть, нетрудно убѣдиться, беря примѣры съ несомнѣнно обособленнымъ второстепеннымъ членомъ при обратномъ порядкѣ словъ или необособленномъ, но способномъ къ обособленію, при прямомъ, и измѣняя порядокъ словъ. Для дополненія сопоставимъ:

При разборѣ фуражекъ, Сильвіо, со всѣми прощаясь, взялъ меня за руку и остановилъ въ ту самую минуту... (Пушк.)

Сильвіо, со всѣми прощаясь взялъ меня за руку при разборѣ фуражекъ и остановилъ въ ту самую минуту...

Дубровскій, съ разстроеннымъ состояніемъ, принужденъ былъ выйти въ отставку... (Пушк.)

Дубровскій принужденъ былъ выйти въ отставку съ разстроеннымъ состояніемъ...

Чисто одѣтая молодайка, въ калошкахъ на босу ногу, согнувшись подтирала полъ... (Л. Толст.)

Чисто одѣтая молодайка согнувшись подтирала полъ въ калошкахъ на босу ногу...

Однажды подали ему пакетъ, съ котораго онъ, съ видомъ величайшаго нетерпѣнія, сорвалъ печать.

Однажды подали ему пакетъ, съ котораго онъ сорвалъ печать съ видомъ величайшаго нетерпѣнія (Пушк.)

Государыня, изъ уваженія къ заслугамъ и преклоннымъ лѣтамъ отца, рѣшилась помиловать преступнаго сына. (Пушк.)

Государыня рѣшилась помиловать преступнаго сына изъ уваженія къ заслугамъ и преклоннымъ лѣтамъ отца.

Для обстоятельствъ сопоставимъ примѣры съ дѣепричастіями, такъ какъ остальныя обстоятельства вообще очень рѣдко обособляются (см. далѣе):

Она послала человѣка и дѣвушку искать его и, ожидая, сидѣла.

Осердясь, била служанокъ...

Простившись, онъ ушелъ.

Она послала человѣка и дѣвушку искать его и сидѣла ожидая. (Л. Толст.)

Служанокъ била осердясь... (Пушк.)

Онъ ушелъ простившись.

Для опредѣленій сопоставимъ:

Былъ по какому-то дѣлу онъ въ Амстердамѣ, голландскомъ городѣ. (Жук.)

Стукъ ножей, рубившихъ котлеты и зелень въ кухнѣ, долеталъ даже до деревни. (Гонч.)

Разговоръ его, свободный и любезный, вскорѣ разсѣялъ мою одичалую застѣнчивость... (Пушк.)

Былъ по какому-то дѣлу онъ въ голландскомъ городѣ Амстердамѣ.

Стукъ рубившихъ котлеты и зелень въ кухнѣ ножей долеталъ даже до деревни.

Свободный и любезный разговоръ его вскорѣ разсѣялъ мою одичалую застѣнчивость...

Мы видимъ, что въ правыхъ примѣрахъ, съ прямымъ порядкомъ словъ, обособленіе или совсѣмъ невозможно, или во всякомъ случаѣ не необходимо; въ лѣвыхъ же, съ обратнымъ порядкомъ словъ, оно, наоборотъ, всегда возможно и во многихъ случаяхъ необходимо. При этомъ, чѣмъ дальше отодвигается второстепенный членъ отъ того мѣста, гдѣ онъ долженъ бы былъ при прямомъ порядкѣ стоять, тѣмъ больше у него шансовъ обособиться. Срвн.: „Дубровскій, съ разстроеннымъ состояніемъ, принужденъ былъ выйти въ отставку“ и: „съ разстроеннымъ состояніемъ, Дубровскій принужденъ былъ выйти въ отставку“. Въ первомъ случаѣ обособленіе очень вѣроятно, но не обязательно, во второмъ же — обязательно.

Вліяніе объема группы.

3) Объемъ обособляемой группы. Такъ какъ обособленіе связано съ физіологической стороной рѣчи (самостоятельное удареніе, т.-е. сильное выдыханіе), то уже по физіологическимъ условіямъ намъ тѣмъ пріятнѣе выдѣлить какую-либо группу въ самостоятельную ритмическую единицу и тѣмъ труднѣе слить ее съ другими группами, чѣмъ она обширнѣе, т.-е. чѣмъ больше въ ней членовъ. Къ тому же приво-

дитъ и психологическая сторона рѣчи. Чѣмъ больше группа, тѣмъ сложнѣе она синтаксически и тѣмъ труднѣе подчинять ее, какъ цѣлое, другимъ группамъ, не сосредоточивая на ней особаго вниманія, а проявленіемъ этого особаго вниманія и является обособленіе. Поэтому, при прочихъ равныхъ условіяхъ, 2 слова имѣютъ больше шансовъ на обособленіе, чѣмъ одно, 3 — больше, чѣмъ 2, и т. д. Чтобы убѣдиться въ этомъ, сопоставимъ:

Она послала человѣка... и сидѣла ожидая. (Л. Толст.)	Она послала человѣка... и сидѣла, ожидая отвѣта.
Въ коляску вмѣсто Ворона запрягли приказчикова Бураго.	Въ коляску, вмѣсто заминающагося Ворона, запрягли... приказчикова Бураго. (Л. Толст.)
Андрій иногда съ помощью хитрости умѣлъ увертываться отъ наказанія.	Андрій иногда, съ помощью изобрѣтательнаго ума своего, умѣлъ увертываться отъ наказанія. (Гог.)
Тронутый Дубровскій замолчалъ и предался своимъ размышленіямъ.	Тронутый преданностью стараго кучера, Дубровскій замолчалъ и предался своимъ размышленіямъ. (Пушк.)
Дарья Александровна въ кофточкѣ стояла среди разбросанныхъ по комнатѣ вещей...	Дарья Александровна, въ кофточкѣ и съ пришпиленными на затылкѣ косами уже рѣдкихъ, когда-то густыхъ и прекрасныхъ волосъ..., стояла среди разбросанныхъ по комнатѣ вещей... (Л. Толст.)

Въ лѣвыхъ примѣрахъ обособленіе если и возможно, то во всякомъ случаѣ, менѣе необходимо, чѣмъ въ правыхъ.

Вліяніе сосѣднихъ группъ. 4) Сосѣдство другихъ обособленныхъ группъ, частью навязывающихъ данной группѣ подражательную обособляющую интонацію, частью изолирующихъ ее отъ того члена предложенія, отъ котораго она зависитъ, и тѣмъ вызывающихъ обособленіе. Въ сочет., напр.:

Онъ заглянулъ и въ городской садъ, который состоялъ изъ тоненькихъ деревъ, дурно принявшихся, съ подпорками внизу, въ видѣ треугольниковъ... (Гонч.)

группа: „съ подпорками внизу“ обособлена только потому, что отдѣлена отъ слова „деревъ“, къ которому она относится, другой обособленной группой. Удаляя эту послѣднюю, находимъ, что обособленіе не необходимо: „...который состоялъ изъ тоненькихъ деревъ съ подпорками внизу...“ Точно такъ же въ сочет.:

На полу, въ крестьянскомъ оборванномъ платьѣ, сидѣла Марья Ивановна... (Пушк.)

дополненіе „на полу“ изолировано отъ своего глагола обособленной группой и только изъ-за этого произносится и само съ обособленной интонаціей (сравн. безъ обособленія: „на полу сидѣла Марья Ивановна“).

5) Намѣренное отдѣленіе группы отъ ближайшаго члена, къ которому она могла бы примкнуть, и отнесеніе къ болѣе удаленному. Въ сочет., напр.: „Отдѣлительное“ обособленіе.

„Что, не ждалъ?“ — сказалъ Степанъ Аркадьевичъ, вылѣзая изъ саней, съ комкомъ грязи на переносицѣ, на щекѣ и брови, но сіяющій весельемъ и здоровьемъ. (Л. Толст.)

группа: „съ комкомъ грязи на перен., н. щ. и бр.“ была отнесена авторомъ, если судить по пунктуаціи, не къ ближайшему: „вылѣзая изъ саней“, что само по себѣ было бы вполнѣ возможно („вылѣзая изъ саней съ комкомъ грязи на переносицѣ“) а къ болѣе удаленному: „Степанъ Аркадьевичъ“ („Степанъ Аркадьевичъ... съ комкомъ грязи... но сіяющій“). И чтобы выразить это особое соотношеніе членовъ, необходимо было оторвать эту группу отъ ближайшей, т.-е. обособить, изолировать путемъ особой интонаціи и ритма. Точно такъ же въ сочет.:

Могучій конь, въ степи чужой,
Плохого сбросивъ сѣдока,
На родину издалека
Найдетъ прямой и вѣрный путь... (Лерм.)

группа: „въ степи чужой“ намѣренно оторвана (если судить по пунктуаціи) отъ ближайшаго дѣепричастія („въ степи чужой плохого сбросивъ сѣдока“) и отнесена при помощи обособленія къ остальной части предложенія, въ частности, къ сказуемому „найдетъ“.

Переходимъ теперь къ отдѣльнымъ разрядамъ обособленныхъ членовъ:

Частныя условія. Обособленіе дополненія.

I. **Обособленное дополненіе**. Основнымъ условіемъ обособленія является здѣсь слабость синтаксической связи съ окружающими членами. Обособляются только примыкающія дополненія и притомъ почти исключительно посредственно-примыкающія (составныя). Не говоря уже о прямыхъ дополненіяхъ, но даже такія, какъ: „домъ отца“, „измѣна отечеству“, „онъ играетъ на скрипкѣ“, „онъ думаетъ о будущемъ“, никогда и ни при какихъ условіяхъ не могутъ обособиться. И даже такія чисто-примыкающія дополненія, какъ: „ребенкомъ онъ упрямъ былъ и рѣзовъ“, „лѣто цѣлое все пѣла“, „вчерашняго дня случилась за городомъ драка“ и т. д., обособляются только въ исключительныхъ случаяхъ, только подъ вліяніемъ сосѣднихъ обособленныхъ группъ или съ цѣлью отдѣленія отъ нихъ (напр.: „преображенскимъ офицеромъ, стоя на караулѣ въ Зимнемъ дворцѣ, князь Валеріанъ замѣтилъ...“). Вообще же тамъ, гдѣ есть хоть какая-нибудь синтаксическая связь, хоть какая-нибудь форма сочетанія дополненія съ глаголомъ или именемъ, обособленіе невозможно. Если слабѣйшее примыканіе и сильнѣйшее управленіе и связаны непрерывнымъ рядомъ переходныхъ фактовъ, то, во всякомъ случаѣ, обособленіе возможно только на одномъ изъ концовъ этого ряда именно въ области слабѣйшаго примыканія. Это, конечно, вполнѣ понятно, если разсматривать обособленіе, какъ крайнюю степень синтаксическаго отдѣленія внутри предложенія, слѣдующую за примыканіемъ. Далѣе необходимо отмѣтить важность вещественнаго значенія того имени, которое стоитъ подлѣ склоннаго къ обособленію дополненія. Такъ какъ такое дополненіе стоитъ часто между подлежащимъ и глаголомъ, то для него возникаетъ возможность примкнуть къ подлежащему, т.-е. изъ приглагольнаго перейти въ пріименное (какъ въ: „человѣкъ въ бѣлой шляпѣ пошелъ съ нами“). И тутъ, какъ и при всякомъ примыканіи, важно, подходятъ эти имена, по вещественнымъ значеніямъ другъ къ другу, или нѣтъ, могутъ они слиться, или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ обособленіе необязательно, во второмъ—обязательно. Въ предложеніи, напр.:

Ребенокъ этотъ со своимъ наивнымъ взглядомъ на жизнь былъ компасъ, который показывалъ имъ... (Л. Толст.)

дополненіе соединимо съ подлежащимъ и потому можетъ, при случаѣ, и не быть обособлено (въ текстѣ запятыхъ нѣтъ). А въ предложеніи:

> Шаги его, въ толстыхъ сапогахъ, все удаляясь, прозвучали по дорожкѣ. (Л. Толст.)

обособленіе неизбѣжно, такъ какъ дополненіе: „въ толстыхъ сапогахъ“ по смыслу никакъ не можетъ примкнуть къ подлежащему „шаги“. Впрочемъ, нужно замѣтить, что случаи въ родѣ послѣдняго, гдѣ обособленіе дополненія безусловно необходимо, крайне рѣдки. Въ отличіе отъ обособленныхъ опредѣленій и обстоятельствъ, гдѣ мы найдемъ довольно тѣсную связь между опредѣленнымъ строеніемъ сочетанія и обособляющей интонаціей, здѣсь, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, одинаково возможны обѣ интонаціи, и обособляющая и обычная. Въ такихъ предложеніяхъ, какъ: „мой сынъ по домашнимъ обстоятельствамъ не могъ явиться въ классъ“, „галлерея по случаю ремонта закрывается“, „онъ по своему обыкновенію опоздалъ“, „онъ со своей разсѣянностью натворитъ когда-нибудь бѣдъ“, „я при всемъ желаніи не могу признать...“, „этотъ человѣкъ во время нашего разговора хранилъ молчаніе“, „я не могу ради своихъ личныхъ дѣлъ пренебречь тѣмъ, что...“, „если онъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ и могъ рѣшиться...“ и т. д., обычно затрудняются, ставить запятыя, или нѣтъ, и обычно ищутъ какихъ-то „правилъ“, не подозрѣвая, что единственный возможный критерій здѣсь — произношеніе, и что нужно только прочитать сочетаніе вслухъ и выбрать ту интонацію, которую желаешь внушить читателю.

II. Обособленное опредѣленіе.

Обособленіе опредѣленія.

1. Опредѣленіе-прилагательное („сокращенное опредѣлительное придаточное предложеніе“ школьныхъ грамматикъ). Такъ какъ прилагательное въ собственномъ смыслѣ слова и причастіе обособляются при совершенно одинаковыхъ условіяхъ, то мы разсмотримъ обѣ эти категоріи совмѣстно. Здѣсь можно намѣтить цѣлый рядъ опредѣленныхъ спеціальныхъ зависимостей интонаціи отъ порядка словъ и общаго строенія сочетанія, а именно:

а) Опредѣленіе, стоящее послѣ своего опредѣляемаго и имѣющее при себѣ другіе второстепенные члены (хотя бы одинъ), всегда обособляется:

Онъ увидѣлъ рѣку, исчезавшую послѣ многихъ изгибовъ въ темнотѣ, крутые берега, отдѣлявшіеся отъ нея бѣлымъ туманомъ, и черныя тучи, облегавшія кругомъ горизонтъ. (Григор.)

Большая часть дворянъ бѣжала въ губерніи, еще безопасныя. (Пушк.)

„На тризнѣ, уже недалекой,
Не ты подъ сѣкирой ковыль обагришь..." (Пушк.)

в) Два или нѣсколько опредѣленій, хотя бы и одинокихъ, стоящихъ послѣ своего общаго опредѣляемаго, обязательно обособляются, если передъ этимъ опредѣляемымъ уже есть одно опредѣленіе-прилагательное:

Это было неуклюжее строеніе, просторное и пространное... (Тург.)

Сосѣдъ мой, молодой казакъ, стройный и красивый, налилъ мнѣ стаканъ простого вина... (Пушк.)

И разъ—мой взоръ, сухой и страстный,
Я удержать въ пыли не могъ... (Брюс.)

Если же передъ опредѣляемымъ нѣтъ прилагательнаго, то обособленіе не обязательно. Правда, и тутъ оно очень распространено:

Маша, блѣдная и трепещущая, подошла къ Ивану Кузьмичу. (Пушк.)

Большія деревья, лишенныя снизу вѣтвей, поднимались изъ воды, мутной и черной. (Ал. Толст.)

Константинъ Левинъ вздохнулъ, оглядывая въ это время комнату, мрачную и грязную. (Л. Толст.)

Сперва онъ хотѣлъ виномъ заглушить въ себѣ нестерпимую боль обиды, тоску досады, бѣшеной и безсильной... (Тург.)

И въ вратахъ подъ сводами, вѣчными, алмазными,
Упивались ангелы тайными соблазнами. (Брюс.)

но возможна и обычная интонація, т.-е. простая перестановка опредѣленій:

По дорогѣ зимней, скучной
Тройка борзая бѣжитъ... (Пушк.)

Елена хотѣла бы, чтобы и всѣ люди... поняли, что одна есть цѣль въ жизни,—красота, и устроили себѣ жизнь достойную и мудрую... (Ѳ. Солог.)

с) Опредѣленіе, могущее слиться съ глаголомъ въ вещественное сказуемостное сочетаніе (см. стр. 210), обособляется, когда его не хотятъ сливать съ глаголомъ:

Съ коня онъ слѣзаетъ, угрюмый... (Пушк.)

И вотъ дорогою прямой
Пустился, робкій и нѣмой... (Лерм.)

... и въ стѣнахъ
Хранительныхъ остался онъ,
Искусствомъ дружескимъ спасенъ. (Лерм.

Стоятъ, готовые для бѣга,
И тихо плещутъ паруса. (Язык.)

И къ нимъ я пришелъ, богатый,
Повѣдать чудную быль... (Вяч. Иван.)

Какъ исполинъ въ ночномъ туманѣ
Всталъ новый годъ, суровъ и слѣпъ... (Брюс.)

Сверкаютъ, разноцвѣтные, въ причудливомъ саду,
Въ которомъ, очарованный, и я теперь иду. (Брюс. „Фонарики“.)

Въ каждомъ изъ приведенныхъ примѣровъ (какъ и въ каждомъ изъ приведенныхъ на стр. 210 примѣровъ на вещественныя сказуемостныя сочетанія) возможны сами по себѣ, если не считаться со знаками препинанія, 2 чтенія: „слѣзаетъ угрюмый“ (какъ: „ходитъ сонный“, „лежитъ больной“ и т. д.) и: „слѣзаетъ, угрюмый“ (съ обособляющей интонаціей), „пустился робкій и нѣмой“ и: „пустился, робкій и нѣмой“, „остался спасенъ“ и: „остался, спасенъ“, и т. д. А такъ какъ здѣсь въ извѣстныхъ случаяхъ возможно и не сказуемостное, и не обособленное опредѣленіе, а простая перестановка (см. стр. 202), то въ такомъ, напр., сочетаніи, какъ: „богатырь лежитъ убитый“ возможны, въ результатѣ, три разныхъ чтенія, создающихъ 3 совершенно различныхъ формы сочетаній: 1) „богатырь+лежитъ убитый“, 2) „богатырь лежитъ+убитый“, съ перестановкой, но безъ обособленія и 3) „богатырь лежитъ, убитый“, съ перестановкой и съ обособленіемъ.

d) Опредѣленіе, относящееся къ подлежащему и стоящее въ началѣ предложенія (или послѣ обособленной группы) непосредственно передъ этимъ подлежащимъ, обособляется въ томъ случаѣ, если сознается въ связи не только со своимъ опредѣляемымъ, но и со всѣмъ остальнымъ содержаніемъ предложенія:

Мужественный, твердый, Александръ былъ неподвижнымъ столбомъ, на который оперлась уязвленная Россія. (Глинк.)

Тронутый преданностью стараго кучера, Дубровскій замолчалъ и предался своимъ размышленіямъ. (Пушк.)

Въ назначенный часъ, напудренный и выбритый, князь вышелъ въ столовую. (Л. Толст.)

Запущенный подъ облака,
Бумажный змѣй, примѣтя свысока
Въ долинѣ мотылька,
. . . . . кричитъ... (Крыл.)

Робкіе по виду, терпѣливые до послѣдней степени, олени, сильно свыкшіеся съ холодами полярной зимы, въ короткое лѣто... терпятъ муки, равняющіяся тремъ годамъ возможныхъ для нихъ страданій. (Максим.)

Сломанныя бурею и подмытыя весеннею водою, деревья мѣстами преграждаютъ ея теченіе... (Акс.)

Широкая, свободная, аллея вдаль влечетъ. (Брюс.)

Это обособленіе связано съ особымъ призношеніемъ и той части предложенія, которая слѣдуетъ за обособленной группой. Именно, въ ней подлежащее въ этихъ случаяхъ ритмически стушевывается, наименѣе ударяется, а наиболѣе ударяется тотъ членъ или тѣ члены, съ которыми преимущественно приводится въ связь обособленное опредѣленіе („мужественый, твердый, Александръ былъ столбомъ...“, „тронутый преданностью стараго кучера, Дубровскій замолчалъ...“ „широкая, свободная, аллея вдаль влечетъ...“ и т. д.)*). Такимъ образомъ, здѣсь путемъ особой интонаціи и 2-хъ взаимно-соотвѣтствующихъ удареній, выражается особое соотношеніе между членами, не связанными синтаксически. Это напоминаетъ разсмотрѣнное уже нами „пояснительное“ обособленіе (см. стр. 259). И какъ тамъ, такъ и здѣсь, если это особое, обозначаемое ритмомъ и интонаціей соотношеніе по тѣмъ или инымъ причинамъ не сознается, всѣ особенности произношенія отпадаютъ: обособляющая интонація исчезаетъ, подлежащее получаетъ свое нормальное удареніе, опредѣленіе со всѣми своими членами ритмически примыкаетъ къ подлежащему, и все сочетаніе произносится, какъ: „мужественный, твердый Александръ былъ столбомъ...“ „тронутый преданностью стараго кучера Дубровскій замолчалъ...“, „широкая, свободная аллея вдаль влечетъ“ и т. д. Срвн. также такія сочетанія, какъ:

Запряженныя въ сохи и бороны лошади были сытыя и крупныя. (Л. Толст.)

Это было то мѣсто Днѣпра, ...гдѣ брошенные въ середину его острова вытѣсняли его еще далѣе изъ береговъ. (Гог.)

*) Кое-гдѣ въ приведенныхъ примѣрахъ встрѣчается удареніе и на подлежащемъ (см. примѣры изъ Крылова и Максимова), но это только потому, что сейчасъ же за нимъ слѣдуетъ опять обособленная группа, требующая непремѣнно, какъ мы уже знаемъ, передъ собой ударенія и повышенія.

гдѣ такія же точно опредѣленія не обособлены, потому что не приведены въ связь ни съ чѣмъ, кромѣ своего опредѣляемаго.

Школьныя грамматики говорятъ здѣсь объ особомъ „обстоятельственномъ“ смыслѣ „сокращенныхъ опредѣлительныхъ придаточныхъ предложеній“, а нѣкоторыя изъ нихъ даже прямо видятъ здѣсь „сокращенныя обстоятельственныя придаточныя предложенія“. Выводится это, конечно, изъ вопросовъ: почему „Александръ былъ столбомъ, на который оперлась уязвленная Россія“?—„мужественный, храбрый“; почему „аллея вдаль влечетъ“? „широкая, свободная“ и т. д. Конечно, съ грамматической точки зрѣнія уподобленіе опредѣленія обстоятельству такъ же мало понятно, какъ съ математической уподобленіе сложенія вычитанію или квадрата кубу, а методъ вопросовъ можетъ вообще свести что-угодно къ чему-угодно (напр.: „его укусила бѣшеная собака“ — почему укусила? — „бѣшеная“, „въ полдень солнце жарило немилосердно“ — почему немилосердно? — „въ полдень“; почему жарило? — „солнце“, и т. д.). Но тѣмъ не менѣе въ квалификаціи этой есть доля правды, именно въ томъ, что опредѣленіе здѣсь относится не только къ своему опредѣляемому, но и ко всѣмъ другимъ членамъ предложенія, въ томъ числѣ, какъ и обстоятельство, къ сказуемому. Въ этомъ-то и соприкасается это опредѣленіе съ обстоятельствомъ (какъ, впрочемъ, и съ приглагольнымъ дополненіемъ). Напрасно только школьныя грамматики игнорируютъ тѣ средства языка, которыми выражается этотъ „обстоятельственный“ оттѣнокъ, и, вслѣдствіе этого игнорированія, смѣшиваютъ самый оттѣнокъ (какъ, впрочемъ, и всѣ другіе оттѣнки) съ вещественнымъ содержаніемъ рѣчи. Вѣдь самъ по себѣ этотъ оттѣнокъ, хотя онъ и не выражается особыми формами, а только ритмомъ и интонаціей, можетъ и долженъ изучаться, какъ все въ грамматикѣ, отдѣльно отъ вещественной стороны рѣчи. Какъ всякій оттѣнокъ, онъ даже тѣмъ ярче и рѣзче выдѣляется, чѣмъ больше онъ противорѣчитъ вещественной сторонѣ. Въ предложеніи, напр., „запряженныя въ сохи и бороны лошади были сытыя и крупныя“ мы можемъ искусственно, съ цѣлью изученія, внести обособленіе и сказать:

„запряженныя въ сохи и бороны, лошади были сытыя и крупныя“

Это будетъ значить, что лошади были сытыя и крупныя только, когда онѣ были запряжены въ сохи и бороны, въ другихъ же случаяхъ могли быть и тощи и малы. Смыслъ этотъ годился бы только для сказки (чудесное превращеніе), но грамматикѣ до этого нѣтъ дѣла. Она и тутъ, какъ и вездѣ, изучаетъ способы выраженія и указываетъ, что для каждаго такого сочетанія существуетъ два способа, 2 формы, существенно различныхъ, но отличающихся только ритмомъ и интонаціей.

e) Опредѣленіе, относящееся къ подлежащему и стоящее въ началѣ предложенія (или послѣ обособленнаго члена) передъ подлежащимъ, но не непосредственно передъ нимъ, обособляется всегда, независимо отъ того, приводится оно въ связь съ послѣдующимъ, или не приводится:

Дальше, вѣчно чуждый тѣни,
Моетъ желтый Нилъ
Раскаленныя ступени
Царственныхъ могилъ. (Лерм.)

Прямо передъ окнами — свѣтлый и упорный—
Каждому прохожему бросалъ лучи фонарь. (А. Блокъ)

И, пачкающій лапки играющихъ дѣтей,
Побрызгалъ дождь на шапки гуляющихъ людей... (Ѳ. Солог.)

На запяткахъ, покрытыя, словно ковромъ изъ солдатскаго сукна, густымъ слоемъ пыли, копошились какія-то живыя существа... (Тэффи)

И опять, нѣжный и ласковый, зазвенѣлъ Колинъ голосъ... (Ѳ. Солог.)

Изъ тѣхъ двухъ интонацій, которыя описаны въ предыдущемъ пунктѣ, вторая здѣсь невозможна, такъ какъ опредѣленіе, отдѣленное отъ подлежащаго, не можетъ ритмически примкнуть къ нему; поэтому остается одна первая, обособляющая, интонація. Но и она здѣсь нѣсколько измѣнена (если имѣть въ виду все предложеніе): второе удареніе приходится здѣсь на подлежащемъ („моетъ желтый Нилъ“, „бросалъ лучи фонарь“, „побрызгалъ дождь“), такъ что если обособляющая интонація и приводитъ здѣсь опредѣленіе съ чѣмъ-либо въ связь (чего не дѣлать она, кажется, не можетъ), то только съ его же собственнымъ опредѣляемымъ, съ которымъ оно и безъ того связано синтаксически.

f) Опредѣленіе, относящееся къ одному изъ 3-хъ личныхъ существительныхъ („я“, „ты“, „онъ“), и не сливающееся съ глаголомъ въ вещественное сказуемостное сочетаніе, всегда обособляется:

А онъ, мятежный, проситъ бури... (Лерм.)

. . . . . а онъ, синій, снова заснулъ. (Гог., о Днѣпрѣ)

„Какъ, бѣдной, мнѣ не горевать!“ (Крыл.)

Тебѣ, необорной, мы дѣтски послушны. (Брюс.)

Но, дерзкіе, здѣсь мы не смерть обрѣли! (Брюс.)

Она, покорная, ждала... (Брюс.)

Но дикій ужасъ преступленія,
Но искаженныя черты,—
И это все твои видѣнія,
И это — новый — страшный — ты? (Бальм.)

Всѣ спятъ. Все спитъ. И пусть. Я — вѣрный — тутъ. (Бальм.)
„Да я тебя, сумасшедшую, на чердакъ запру!“ (Тург.)

Если прилагательное одиноко, то обособленіе это не всегда сказывается тѣми рѣзкими чертами, которыя описаны у насъ на стрр. 253—258. Но во всякомъ случаѣ произношеніе здѣсь всегда чѣмъ-то отличается отъ обычнаго (срвн.: „какъ, бѣдной, мнѣ не горевать“ и: „какъ бѣдной кукушкѣ не горевать?“, „я—вѣрный—тутъ“ и „стражъ вѣрный тутъ“). Вполнѣ обычное произношеніе, сливающее опредѣленіе съ опредѣляемымъ въ одно ритмическое цѣлое, извѣстно намъ только въ одномъ случаѣ этого рода: въ „Подросткѣ“ Достоевскаго, въ эпизодѣ перепродажи альбома на аукціонѣ („Помилосердуйте, да вѣдь это — дрянной старый альбомъ, кому онъ нуженъ?..“—„Вы же покупаете“ — „Да вѣдь я по особому случаю... вѣдь этакій я только одинъ и есть!“). Но здѣсь обычное произношеніе тѣмъ и объясняется, что личное слово употреблено въ особомъ, обобщенномъ, т.-е. не специфически-личномъ смыслѣ.

g) Опредѣленіе, стоящее передъ опредѣляемымъ и не удовлетворяющее условіямъ пунктовъ: c, d, e и f никогда не обособляется:

Ему страшно было, что разстроится пріобрѣтенное имъ съ такимъ трудомъ спокойствіе. (Л. Толст.)

Поцѣловавъ его, наконецъ, въ покраснѣвшее отъ наклоненнаго положенія и сіяющее нѣжностью лицо, дѣвочка разняла руки и хотѣла бѣжать назадъ... (Л. Толст.)

Крикъ двигавшейся въ сторонѣ тучи дикихъ гусей отдавался, Богъ вѣсть, въ какомъ дальнемъ озерѣ. (Гог.)

Обособленное опредѣленіе-прилагательное въ стихотворномъ языкѣ отличается еще тѣмъ, что здѣсь для него допускается и даже предпочитается краткая форма прилагательнаго:

Какъ исполинъ въ ночномъ туманѣ
Всталъ новый годъ, суровъ и слѣпъ... (Брюс.)

Океанъ морской, обманутъ, обо льды стучится въ вихрѣ... (Брюс.

Святому таинству причастна,
И той причастностью горда,
Она по новому прекрасна... (Брюс.)

Такъ — сведены съ ума мгновеньемъ —
Мы отдавались вновь и вновь
Твоимъ превратностямъ, любовь! (А. Блокъ)

Зардѣли, красны, буры,
Клоки косматыхъ травъ, какъ пряди рыжей шкуры... (М. Волош.)

Утренніе звоны, длинны, монотонны,
Въ сумракѣ ненастья льются съ вышины... (Влад. Ленскій)

Надъ пыльною листвою,
Наряденъ, вымытъ, чистъ,
Коломенской верстою
Торчитъ семинаристъ. (Андр. Бѣлый)

чего у прозаиковъ въ настоящее время уже не встрѣчается. Здѣсь обособленный членъ отличается не только ритмомъ и интонаціей, а и формально, грамматически. Это — „грамматическое обособленное опредѣленіе".

Обособленіе приложенія.

2) Опредѣленіе-существительное (приложеніе). Оно обособляется гораздо чаще, чѣмъ опредѣленіе-прилагательное, что и понятно, если вспомнить, что оно и безъ того крайне слабо связано съ опредѣляемымъ (см. стр. 171). Немудрено, что оно всегда стремится къ 2-мъ крайностямъ: или слиться съ опредѣляемымъ („поэтъ-художникъ", „механикъ-самоучка" и т. д.), при чемъ недостатокъ грамматической связи замѣняется связью ритмической, или ужъ совсѣмъ оторваться отъ опредѣляемаго при помощи обособленія. Посрединѣ между тѣмъ и другимъ удерживаются, кажется, только такія сочетанія, какъ: „господинъ Ивановъ", „князь Курбскій", „грозный царь Иванъ Васильевичъ", „свѣтлѣйшій князь Тавриды Потемкинъ", „городъ Москва" и т. д., т.-е. сочетанія типа: „нарицательное имя съ зависящими отъ него опредѣленіями и дополненіями + собственное имя", хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ возможно и здѣсь обособленіе, если собственное имя сознается, какъ приложеніе къ нарицательному („отецъ мой, Андрей Петровичъ Гриневъ, въ молодости своей служилъ при графѣ Минихѣ..." Пушк., „дальнее поле было взято..., съ помощью умнаго плотника, Ѳедора Рѣзунова, шестью семьями мужиковъ..." Л. Толст.). Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ обязательно происходитъ, по нашимъ наблюденіямъ, или сліяніе (на письмѣ иногда не обозначаемое), или обособленіе, хотя бы и не было налицо тѣхъ условій, которыя перечислены въ предыдущемъ отдѣлѣ. Вотъ нѣсколько примѣровъ на обособленныя приложенія, въ общемъ гораздо болѣе частыя въ языкѣ, чѣмъ необособленныя:

Онъ не могъ теперь раскаиваться въ томъ, что онъ, тридцатичетырехлѣтній, красивый, влюбленный человѣкъ, не былъ влюбленъ въ жену, мать пяти живыхъ и пяти умершихъ дѣтей, бывшую только годомъ моложе его... Ему даже казалось, что она, истощенная, состарѣвшаяся, уже некрасивая женщина и ничѣмъ не замѣчательная, простая, только добрая мать семейства, по чувству справедливости должна быть снисходительна. (Л. Толст.)

Я не слишкомъ люблю это дерево — о с и н у. (Тург.)

Бѣленькая ручка боязливо высовываетъ на балконъ предметъ нѣжныхъ заботъ — ц в ѣ т ы. (Тург.)

Тамъ, у с т а р ѣ л ы й в о ж д ь, какъ ратникъ молодой,
Свинца веселый свистъ заслышавшій впервой,
Бросался ты въ огонь... (Пушк.)

И прежде чѣмъ понять разсудкомъ неразвитымъ,
Р е б е н о к ъ, могъ я что-нибудь... (Некр.)

Но, у з н и к ъ, ты схватилъ сѣкиру... (Брюс., „Одному изъ братьевъ“) *).

С ы н ъ с о л н ц а, я — поэтъ, с ы н ъ р а з у м а, я — царь. (Бальм.)

З л о в ѣ щ а я с т а р у х а,
Судьба глядитъ въ окно. (Бальм.)

Въ послѣднемъ примѣрѣ мы видимъ обособленіе при такихъ условіяхъ, при которыхъ прилагательное ни въ какомъ случаѣ не обособилось бы (условія пункта d, но б е з ъ приведенія въ связь съ остальнымъ содержаніемъ предложенія). И на этомъ примѣрѣ лучше всего видно, какъ трудно приложенію, не подходящему подъ типъ, указанный выше, удержаться посрединѣ между сліяніемъ и обособленіемъ: устраняя обособленіе, мы получаемъ: „зловѣщая старуха-судьба“, произнести же эти 3 слова, какъ: „свѣтлѣйшая княгиня Ольга“, повидимому, невозможно.

Изолированныя существительныя, не являющіяся обособленными приложеніями.

Въ школьныхъ грамматикахъ отмѣчаются еще особыя п е р е ч и с л я ю щ і я приложенія, какъ: „п о д п р у г и, п о д к о в ы, у з д ы, ч е п р а к и — все было пѣною покрыто, въ крови, растеряно, избито“ (Пушк.), „о т ъ д о м а, о т ъ д е р е в ь е в ъ, и о т ъ г о л у б я т н и, и о т ъ г а л л е р е и — отъ всего побѣжали длинныя тѣни“ (Гонч.), „межъ ними все рождало споры и къ размышленію влекло: п л е м е н ъ м и н у в ш и х ъ д о г о в о р ы, п л о д ы н а у к ъ, д о б р о и з л о...“ (Пушк.), „разсуждать они пустилися вдвоемъ о всякой всячинѣ: о и х ъ с о б а ч ь е й с л у ж б ѣ, о х у д ѣ, о д о б р ѣ и, наконецъ, о д р у ж б ѣ“ (Крыл.). Въ первомъ примѣрѣ школьныя грамматики признали бы слова: „подпруги“, „подковы“, „узды“, „чепраки“ приложеніями къ слову „все“, во второмъ слова: „отъ дома“, „отъ деревьевъ“, „отъ голубятни“, „отъ галлереи“ приложеніями къ словамъ „отъ всего“ и т. д. На самомъ дѣлѣ, хотя здѣсь и возможна въ извѣстныхъ случаяхъ обособляющая интонація, однако перечисляющія имена эти совсѣмъ не относятся мыслью къ подводящему имъ итогъ имени (скорѣе, наоборотъ, оно относится къ нимъ), а сознаются, какъ отдѣль-

*) „Узникъ“ здѣсь, по связи, не обращеніе къ узнику, а приложеніе (=будучи узникомъ). Примѣръ интересенъ тѣмъ, что позволяетъ сравнить интонацію обращенія съ интонаціей обособленнаго приложенія и убѣдиться въ ихъ разительномъ отличіи другъ отъ друга.

ныя подлежащія или дополненія. Если перечисленіе предшествуетъ итогу (первые 2 примѣра), то эти подлежащія и дополненія относятся, какъ обычно, къ ожидаемому сказуемому (какъ если бы было сказано: „подпруги, подковы, узды, чепраки были пѣною покрыты“, „отъ дома, отъ деревьевъ, отъ голубятни, отъ галлереи побѣжали длинныя тѣни“) и только вслѣдствіе неожиданной вставки подводящаго итогъ слова отрываются отъ сказуемаго. Если перечисленіе слѣдуетъ за итогомъ (вторые 2 примѣра), они связываются мыслью съ предшествующимъ сказуемымъ („племенъ минувшихъ договоры, плоды наукъ и т. д. вызывали споры“, „о собачьей службѣ, о худѣ, о добрѣ и т. д. разсуждали“). Въ обоихъ случаяхъ получаются неполныя предложенія съ заимствуемымъ у сосѣдняго предложенія сказуемымъ. Въ крайнемъ случаѣ, для школы, они могли бы сойти и за особыя „добавочныя подлежащія“ и „добавочныя дополненія“ того же предложенія. Но приложеніями, т.-е. опредѣленіями, ихъ никакъ нельзя счесть, потому что никакого согласованія ихъ со словомъ „все“ (или другимъ равнозначащимъ) здѣсь не сознается. Возможны даже разные падежи при этомъ „все“: они говорили обо всемъ: объ искусствѣ, о музыкѣ, насчетъ театра, про новую драму и т. д. Сюда же примыкаютъ и сочетанія съ такъ назыв. „именительнымъ самостоятельнымъ“, какъ: „...мысль, что честь его была замарана и не омыта по его собственной волѣ, эта мысль меня не покидала“... (Пушк.), „степной травы пучокъ сухой, онъ и сухой благоухаетъ“ (Майк.), „квартальный поручикъ, онъ высокаго роста, такъ пусть стоитъ для благоустройства на мосту“ (Гог.), „пророчество Вагнера о томъ, что отнынѣ всякая музыка, полагающая въ самой себѣ свою цѣль, обречена на безплодіе, это пророчество оказалось простымъ недоразумѣніемъ“ („Русск. Мысль“, 1913 г. VI, Эйгесъ), „и тотъ, кто принимаетъ на себя это водительство, онъ несомнѣнно беретъ на себя громадную отвѣтственность“ (тамъ же, Ждановъ). Говорить здѣсь о приложеніи никакъ нельзя, потому что въ тотъ моментъ, когда мы произносимъ такой именительный, мы еще не знаемъ, что дальше вставимъ „онъ“ или повторимъ то же слово еще разъ, а слѣдовательно не можемъ и относить нашего именительнаго къ этому послѣдующему слову. Это опять-таки неполныя предложенія.

Отличія обособленныхъ опредѣленій и приложеній отъ необособленныхъ.

Въ заключеніе слѣдуетъ указать еще на слѣдующія синтаксическія отличія обособленнаго опредѣленія (какой бы частью рѣчи ни выражалось оно) отъ необособленнаго:

1) Обособленное опредѣленіе можетъ относиться и къ отсутствующему опредѣляемому, если опредѣляемымъ является подлежащее и если это подлежащее заимствуется изъ предыдущаго или опускается, какъ личное слово:

Дитя сама, въ толпѣ дѣтей
Играть и прыгать не хотѣла... (Пушк.)

А вотъ изъ нашей братіи, чиновниковъ, есть такія свиньи: рѣшительно не пойдетъ, мужикъ, въ театръ... (Гог.)

Сверкаютъ, разноцвѣтные, въ причудливомъ саду... (Брюс.)

Но слышу я желанный звонъ и шумъ,
Ко мнѣ сквозь мглу подходятъ караваны.
Веселые, раскинулись на мигъ... (Бальм.).

Съ необособленнымъ опредѣленіемъ этого, конечно, не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ, такъ какъ оно ритмически всецѣло опирается на свое опредѣляемое.

2) Обособленное опредѣленіе можетъ сочетаться съ такими синтаксическими разрядами словъ, съ которыми простое опредѣленіе несоединимо. Такъ, при немъ могутъ быть неграмматическія нарѣчія-обстоятельства, какъ: „вчера", „здѣсь", „тогда", „затѣмъ", „зачѣмъ-то" и т. д. („вчера еще бодрый и веселый, сегодня онъ уже осунулся и раскисъ...", „почему-то весь истерзанный, оборванный, вбѣжалъ онъ къ намъ..." „мы говорили о зайцѣ-бѣлякѣ, зимой бѣломъ, а лѣтомъ сѣромъ", „здѣсь либералъ онъ тамъ является консерваторомъ", „я увидѣлъ Иванова вчера еще друга, а сегодня уже непримиримаго врага моего" и т. д.). Обычно они относятся только къ глаголу или глагольному слову и несоединимы съ прилагательнымъ, а тѣмъ менѣе съ существительнымъ. Единственнымъ средствомъ оторвать ихъ отъ глагола и отнести къ имени является обособленіе. Срвн.: „я видѣлъ травку вчера зеленую" (единственное сильное удареніе на „травку"), и: „я видѣлъ травку, вчера зеленую, а сегодня уже увядшую", или: „я видѣлъ зайцевъ здѣсь очень большихъ" и: „я видѣлъ зайцевъ, здѣсь очень большихъ и съ лучшимъ мѣхомъ чѣмъ у насъ" и т. д. Все это показываетъ, что обособленіе можетъ быть связано съ измѣненіемъ не однихъ только интонаціи и ритма, а и всей синтаксической структуры предложенія,— обстоятельство, лишній разъ указывающее на то что оттѣнки эти не могутъ не изучаться въ синтаксисѣ.

3) Обособленное опредѣленіе можетъ не только ритмически, но и грамматически отрываться отъ своего опредѣляемаго, теряя согласованіе съ нимъ, отчего, правда, оно уже перестаетъ быть опредѣленіемъ, а дѣлается отдѣльнымъ неполнымъ предложеніемъ:

Вѣчно холодныя, вѣчно свободныя,
Нѣтъ у васъ родины, нѣтъ вамъ изгнанія.
(Лерм.)

Нѣсколько раненыхъ офицеровъ сидѣло на лавкѣ, подобравъ костыли,— блѣдные, грустные. (Лерм.)

Въ мірахъ любви — невѣрныя кометы,—
Закрытъ намъ путь провѣренныхъ орбитъ. (М. Волош.)

...Гдѣ въ годы ласковаго дѣтства
Святыней чувствъ владѣлъ и я,—
Мной расточенное наслѣдство
На яркомъ пирѣ бытія! (Брюс.)

Такъ какъ по общему расположенію членовъ и по интонаціи и ритму группы эти вполнѣ соотвѣтствуютъ обособленнымъ опредѣленіямъ, то сочетанія эти аналогичны съ сочетаніями: „къ оленю золоты рога“, „на пароходѣ „Великая Княгиня Ольга“ и т. д. (см. стр. 177), и, признавъ тамъ „неграмматическое приложеніе“, мы должны были бы здѣсь признать „обособленное неграмматическое приложеніе“, или (въ сочетаніяхъ съ прилагательными) „обособленное неграмматическое опредѣленіе“.

Обособленіе обстоятельства.

III. Обособленное обстоятельство.

1) Грамматическое нарѣчіе. Такъ какъ грамм. нарѣчіе тѣснѣйшимъ образомъ связано со своимъ глаголомъ или прилагательнымъ („красиво пишетъ“, „замѣчательно интересный“) и такъ какъ оно крайне рѣдко способно подчинять себѣ другіе второстепенные члены, то обособленіе здѣсь возможно только въ исключительныхъ случаяхъ. Такими случаями являются:

а) сочетанія, гдѣ обособленіе вызывается общими причинами, перечисленными на стрр. 259—265, напр.:

Дальше, вѣчно чуждый тѣни,
Моетъ желтый Нилъ... (Лерм.)

Глаза его смотрѣли куда-то въ другое мѣсто, далеко, и тамъ онъ будто видѣлъ что-то особое, таинственное. (Гонч.)

b) сочетанія со сравнительной степенью нарѣчія, при чемъ нарѣчіе, какъ и въ сказуемостныхъ сочетаніяхъ, относится уже не къ признаку, а къ предмету, т.-е. замѣщаетъ прилагательное:

„Ужели это Манилла?“ говорилъ одинъ изъ нашихъ спутниковъ, помоложе, привыкшій съ именемъ Маниллы соединять что-то цвѣтущее... (Гонч., нарѣчіе относится къ „одинъ изъ спутниковъ“, т.-е. къ предмету, а не къ признаку)

... тамъ другая жизнь, другія картины, еще величавѣе, хотя и суровѣе тѣхъ, и еще необыкновеннѣе. (Гонч.)

Одинъ изъ присутствующихъ, постарше другихъ, съ испуганнымъ и сердитымъ лицомъ вдругъ продвинулся впередъ... (Л. Толст.)

2) Неграмматическое нарѣчіе не отличается по условіямъ обособленія отъ грамматическаго за исключеніемъ случаевъ подъ пунктомъ b, которые для него невозможны.

3) Дѣепричастіе („сокращенное обстоятельственное придаточное предложеніе" школьныхъ грамматикъ). Это наиболѣе часто обособляемый разрядъ обстоятельствъ, что объясняется способностью дѣепричастія, какъ глагольнаго слова, управлять дополненіями и подчинять себѣ обширныя синтаксическія группы. Здѣсь можно выставить слѣдующія соотношенія между произношеніемъ и общимъ строеніемъ сочетанія:

а) дѣепричастіе, имѣющее при себѣ другіе второстепенные члены (хотя бы одинъ), всегда обособляется:

Пѣсней душу веселя,
Бабы съ граблями рядами
Ходятъ, сѣно шевеля. (Майк.)

Иногда шумъ пѣсенъ и говоръ, вылетая изъ сакли, заглушали любопытный для насъ разговоръ. (Лерм.)

b) два дѣепричастія, стоящія рядомъ, хотя бы и одинокія, всегда обособляются:

Туманы, клубясь и извиваясь, сползали туда по морщинамъ сосѣднихъ скалъ... (Лерм.)

c) одинокое дѣепричастіе, стоящее тотчасъ послѣ своего глагола въ концѣ предложенія, почти никогда не обособляется. Сюда относятся такіе случаи, какъ: „онъ ѣлъ стоя", „писалъ сидя", „говорилъ заикаясь", „стоялъ вытянувшись", „ушелъ простившись" и т. д. См. также примѣры на стр. 180.

Одинокое дѣепричастіе, не удовлетворяющее условіямъ послѣдняго пункта, то обособляется, то нѣтъ. Съ одной стороны мы имѣемъ такія сочетанія, какъ:

... а я, таясь, готовлю міру
Ядъ, гдѣ огонь запечатлѣнъ. (Брюс.)

Однажды осенью матушка варила въ гостиной медовое варенье а я, облизываясь, смотрѣлъ на кипучія пѣнки. (Пушк.)

Савельичъ, дремля, качался на облучкѣ. (Пушк.)

гдѣ обособленіе очень вѣроятно, а съ другой такія, какъ:

...уши врозь, дугою ноги,
И какъ будто стоя спитъ. (Майк.)

„Впрочемъ", нахмурившись сказалъ Сергѣй Ивановичъ...

„Я не понимаю, къ чему тутъ философія", сказалъ Сергѣй Ивановичъ... „Вотъ къ чему!" горячась заговорилъ онъ. (Л. Толст.)

гдѣ обособленіе частью невозможно, частью мало вѣроятно. Знаки препинанія здѣсь, какъ и вездѣ, къ сожалѣнію, не всегда передаютъ живое произношеніе. Въ предложеніяхъ, напр.:

Изъ мертвой главы гробовая змѣя,
Шипя, между тѣмъ выползала. (Пушк.)

Межъ нивъ златыхъ и пажитей зеленыхъ
Оно, синѣя, стелется широко... (Пушк., „Вновь я посѣтилъ...")

найденныя нами въ текстѣ запятыя не мѣшаютъ считать здѣсь обособленіе мало вѣроятнымъ и противорѣчащимъ правильному чтенію.

Независимыя обстоятельства.

Такъ какъ дѣепричастіе есть застывшій падежъ древняго причастія (см. стр. 66), то первоначально, въ моментъ своего зарожденія, оно должно было сознаваться, какъ несогласованное причастіе, все равно какъ если бы кто-нибудь сейчасъ сказалъ: „я видѣлъ человѣка, сидящему на скамьѣ", „говорилось о человѣкѣ, побѣжавшій въ лѣсъ" и т. д. Такой именно характеръ носятъ древнѣйшіе случаи этого рода: „подобьни чловѣкомъ чающе господа" (вмѣсто: „чловѣкомъ чающемъ" = людямъ чающимъ), брашьно, еже ти идущи довълно будеть" (вмѣсто: „ти идущу" = тебѣ идущему), „видѣ смоковьницу имущи листие" (вм.: „смоковьницу имущу" = смоковницу имѣющую) и т. д. (примѣры взяты изъ „Лекцій по ист. русск. яз." А. И. Соболевскаго, стр. 222). Понятно, что эти несогласованныя причастія еще не были нашими дѣепричастіями, т.-е. обстоятельствами, а были неграмматическими опредѣленіями, т.-е. относились къ имени, а не къ глаголу („чловѣкомъ чающе", „смоковьницу имущи" и т. д.). Только впослѣдствіи, по мѣрѣ того, какъ падежныя формы здѣсь все болѣе и болѣе забывались, причастія эти стали отрываться отъ именъ и притягиваться, наравнѣ съ неграмматическими нарѣчіями, къ глаголамъ, т.-е. превращаться въ дѣепричастія. Процессъ этотъ въ настоящее время уже почти закончился, но все же только „почти". Остатками древняго пониманія этихъ формъ являются такія сочетанія, какъ:

Увидя то, на мысли волку вспало,
Что левъ, конечно, не силенъ... (Крыл.)

Она сама не знала, какая въ ней таилась сила, ну, а убѣдившись въ ея дѣйствіи на балѣ, какъ же ей было остановиться на ничтожномъ студентѣ... (Тург.)

Хоть я и не пророкъ, но, видя мотылька,
Что онъ вкругъ свѣчки вьется,
Пророчество всегда мнѣ удается... (Крыл.)

Не шевеля почти и поводовъ,
Конь слушался его лишь словъ. (Крыл.)

„Поздравляю васъ обручившись“, „поздравляю васъ причастившись“ (изъ „Лекцій“, стр 223).

и даже при отсутствующемъ имени:

Не учась (— человѣка не учащагося), въ попы не ставятъ. (Посл.)

И тѣ пташечки-касаточки
Пѣли грустно такъ и жалобно,
Что, ихъ слушая,
Кровь стынула. (Кольц.)

„Состраданіе вѣдь, на тебя глядя, беретъ“. (Дост.)

Срвн. также такія вводныя выраженія, какъ: „положа руку на сердце“, „откровенно говоря“, „собственно говоря“, „на ночь глядя“ и т. д. Послѣдніе обороты можно толковать двояко: можно предполагать здѣсь опущеніе косвеннаго падежа („у меня, ихъ слушая, кровь стынула“, „состраданіе меня, на тебя глядя, беретъ“),—и тогда они примыкаютъ къ предыдущимъ, а можно предполагать и опущеніе именительнаго падежа („ихъ я слушая, кровь стынула“, „на тебя я глядя, состраданіе беретъ“),—и тогда они восходятъ къ такимъ сочетаніямъ, какъ: „выскочивши же всѣ прочіе изъ ладьи, и сказалъ Олегъ“, „нашедши туча, и шелъ дождь всю ночь“, „по великой рѣкѣ ледъ идучи, христіаномъ силно много хоромъ подрало“ (см. стр. 84), „идучи мы къ дому, осмѣлился я...“ (Кантемиръ) и т. д., гдѣ существительное со своимъ дѣепричастіемъ образовывало особый „именительный самостоятельный“ (срвн. тотъ же оборотъ, но въ болѣе древнемъ видѣ, съ причастіемъ на стр. 84). Всѣ дѣепричастія этого рода мы могли бы назвать „собственно-обособленными“ или „независимыми“ обстоятельствами. Школьныя грамматики справедливо бракуютъ ихъ. Не говоря уже о томъ, что неумѣлое пользованіе этой формой сочетанія можетъ привести къ прямой нелѣпости (срвн. у Овсянико-Куликовскаго, „Синтаксисъ“, стр. 71, искусственный примѣръ: „войдя въ комнату, онъ сидѣлъ на диванѣ“), сочетанія эти вообще слишкомъ архаичны, слишкомъ противорѣчатъ центростремительному характеру современнаго предложенія (центръ—глаголъ), слишкомъ напоминаютъ центробѣжный характеръ древняго предложенія съ его нѣсколькими глагольными центрами (глаголъ, причастіе, дѣепричастіе). Только напрасно нѣкоторыя школьныя грамматики предполагаютъ здѣсь вліяніе французъ-

скаго языка: въ отдѣльныхъ случаяхъ, у отдѣльныхъ авторовъ это можетъ быть и такъ (напр., у Фонвизина), но въ общемъ явленіе это коренится въ древней и народной рѣчи, отражая на себѣ переходный моментъ въ развитіи дѣепричастія, когда оно уже оторвалось отъ имени и еще не притянулось достаточно крѣпко къ глаголу. Впрочемъ, каждый учитель знаетъ, что эти „галлицизмы“ являются у учениковъ въ изобиліи еще до знакомства съ соотвѣтствующими французскими оборотами.

Зависимость всякаго обособленія отъ логико-психологическихъ условій.

Заканчивая разсмотрѣніе обособленныхъ второстепенныхъ членовъ, мы должны сдѣлать одну важную оговорку ко всѣмъ тѣмъ случаямъ, гдѣ второстепенный членъ, по нашему опредѣленію, „всегда“ обособляется, т.-е. гдѣ языкъ знаетъ лишь одно произношеніе, а не два. Такъ какъ обособленный членъ всегда требуетъ предшествующаго ударенія (если только самъ не стоитъ въ началѣ предложенія), то въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ по логико-психологическимъ условіямъ этого ударенія не на чемъ сдѣлать, обособленіе неминуемо отпадаетъ, хотя бы и были налицо всѣ тѣ синтаксическія условія, которыя дѣлаютъ его обязательнымъ. Такъ, въ сочетт.:

> Лицо его имѣло выраженіе довольно пріятное, но плутовское. (Пушк.)
>
> ...ко мнѣ вошелъ молодой офицеръ... съ лицомъ смуглымъ и отмѣнно некрасивымъ... (Пушк.)

передъ нами опредѣленія, стоящія послѣ своего опредѣляемаго и подчиняющія себѣ другіе второстепенные члены, слѣдовательно обособленіе непремѣнно должно бы было произойти (см. выше, II, 1, пп. a и b). Но для этого надо было бы сдѣлать удареніе на предшествующихъ словахъ: въ первомъ примѣрѣ на словѣ „выраженіе“, во второмъ—на словѣ „лицомъ“. Такъ какъ ударенія эти по смыслу здѣсь невозможны (вышло бы, что лицо Пугачева „имѣло выраженіе“, что Швабринъ „вошелъ съ лицомъ“), то невозможно и обособленіе. Точно такъ же въ сочет.:

> ... Не изъ тѣхъ ли только онъ бездушныхъ,...
> Что гордятся ровностью пробора,
> Щегольски обутою ногой,
> Потерявъ сознаніе позора
> Жизни дикой, праздной и пустой? (Некр.)

3 опредѣленія, относящіяся къ одному и тому же опредѣляемому и стоящія послѣ него, должны были бы, конечно, обо-

собиться, если бы была хоть какая-нибудь возможность сдѣлать удареніе на словѣ „жизни“. Но такъ какъ это абсолютно невозможно (здѣсь, между прочимъ, и изъ-за размѣра), то невозможно и обособленіе. Или, напр., въ сочет.:

> Онъ имѣлъ еще два обыкновенія, составлявшія двѣ другія его характеристическія черты: спать не раздѣваясь, такъ, какъ есть, и носить всегда съ собой какой-то свой особенный воздухъ... (Гог.)

дѣепричастіе само по себѣ, по всѣмъ прочимъ условіямъ синтаксической обстановки (не въ концѣ предложенія, передъ обособленнымъ членомъ) могло бы обособиться. Но такъ какъ для этого надо было бы сдѣлать удареніе на словѣ „спать“, а это создало бы безсмыслицу (вышло бы, что у Петрушки было характерное обыкновеніе спать), то обособленіе невозможно. Это предшествующее удареніе можетъ производиться и не непосредственно передъ обособляемымъ членомъ, а на нѣкоторомъ разстояніи отъ него, напр.:

> ... но былъ другой сортъ людей, настоящихъ... (Л. Толст.)

но во всякомъ случаѣ среди предшествующихъ членовъ непремѣнно долженъ быть такой, съ которымъ можно было бы связать хотя бы логически, если не грамматически, обособляемый членъ. Только въ этомъ случаѣ возможенъ тотъ параллелизмъ ударенiй, который, повидимому, здѣсь существенъ. Этимъ, между прочимъ, объясняется, почему опредѣленіе-прилагательное, заключенное въ середину предложенія и стоящее передъ своимъ опредѣляемымъ, никогда не обособляется: единственное слово, съ которымъ оно въ такихъ случаяхъ грамматически и логически связано, есть его собственное опредѣляемое („крикъ двигавшейся въ сторонѣ тучи дикихъ гусей“), а оно стоитъ послѣ него и, слѣдовательно, возможность соотносительнаго предшествующаго ударенія исключена. Этимъ же, повидимому, объясняется и то, что одинокое дѣепричастіе, стоящее передъ глаголомъ, въ однихъ случаяхъ обособляется, а въ другихъ нѣтъ: въ первыхъ случаяхъ оно находитъ себѣ ритмическій противовѣсъ и логическую точку опоры въ подлежащемъ („а я, таясь, готовлю міру“... „Савельичъ, дремля, качался на облучкѣ“), а во вторыхъ нѣтъ („... и какъ будто стоя спитъ“, „впрочемъ,—нахмурившись сказалъ Сергѣй Ивановичъ...“).

Обособленное подлежащее.

Наше разсмотрѣніе явленія обособленности было бы неполнымъ, если бы мы не упомянули еще объ обособлен-

номъ подлежащемъ. Повидимому, подлежащее, распространенное значительной группой членовъ, такъ же способно въ извѣстныхъ случаяхъ обособляться, какъ и второстепенные члены. Въ этомъ можно убѣдиться, прислушавшись къ слѣдующимъ примѣрамъ:

Запряженныя въ сохи и бороны лошади были сытыя и крупныя.

...гдѣ брошенные въ середину его острова вытѣсняли его еще далѣе изъ береговъ.

Лежавшіе на землѣ мелкіе листья вдругъ пестрѣли и загорались червоннымъ золотомъ... (Тург.)

Умѣнье входить въ положеніе другихъ было одною изъ лучшихъ чертъ въ характерѣ царя. (Ключ.)

По чисто логическимъ причинамъ запятой здѣсь быть не можетъ. Но это не устраняетъ полнаго ритмическо-мелодическаго (и психологическаго) тождества этихъ сочетаній съ выше разсмотрѣнными. Это именно тѣ случаи, гдѣ у дѣтей, чуткихъ къ ритму и мелодіи рѣчи, является столь досаждающая взрослымъ запятая между подлежащимъ и сказуемымъ. Возможно, что есть и еще случаи, гдѣ обособленіе не отмѣчается и не можетъ отмѣчаться на письмѣ, и это приводитъ насъ къ вопросу о практическомъ значеніи всего вышеизложеннаго. Вѣдь вопросъ объ обособленныхъ членахъ имѣетъ не только теоретическое, но и учебно-практическое значеніе, такъ какъ обособленные члены принято выдѣлять запятыми. Школьная теорія „сокращенныхъ придаточныхъ предложеній“, помимо своей научной отсталости (см. прил.), неудобна и въ практическомъ отношеніи, такъ какъ поясняетъ одно неизвѣстное другимъ неизвѣстнымъ: еще ни одному школьному грамматисту не удалось (а большинству и не казалось нужнымъ) установить, какіе именно случаи считать за сокращенныя придаточныя предложенія, а какіе не считать. Такимъ образомъ, точныхъ правилъ о томъ, гдѣ ставить запятыя, школьнику, на почвѣ этой теоріи, дать нельзя. Нельзя ихъ дать, понятно, и на почвѣ нашей теоріи „обособленія“, такъ какъ единственнымъ критеріемъ мы выставили интонацію и ритмъ, а эти послѣдніе являются крайне измѣнчивымъ и подвижнымъ результатомъ одновременнаго вліянія цѣлой группы физіологическихъ, психологическихъ, логическихъ и грамматическихъ факторовъ, не могущихъ во всей ихъ сложности быть изученными въ средней школѣ. Но все же тутъ дается опредѣленный опорный пунктъ, опредѣленное руководящее

Обособленные члены и знаки препинанія.

начало, отсутствующее въ теоріи „сокращенныхъ придаточныхъ предложеній". Вотъ почему мы и практически считаемъ свою теорію болѣе примѣнимой. Тѣ же случаи обособленія, гдѣ запятыхъ не ставится (напр., при обособленномъ подлежащемъ), могли бы быть точно оговорены, и это опять-таки послужило бы на пользу практикѣ, а не во вредъ ей, такъ какъ освѣтило бы ученику тѣ подводные камни, на которыхъ онъ сейчасъ терпитъ крушеніе. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно то, что и сейчасъ ученикъ ставитъ эти запятыя не на основаніи теоріи „сокращенныхъ придаточныхъ предложеній", а по чутью, теорія же служитъ лишь для объясненія уже поставленныхъ запятыхъ. Перевести въ область сознательнаго наблюденія это чутье и отмежевать тѣ случаи, гдѣ оно примѣнимо къ пунктуаціи, отъ тѣхъ, гдѣ оно не примѣнимо, и могла бы наша теорія (см. также прил. III).

Отдѣлъ шестой.

Особые разряды предложеній.

XXVII.

Союзы внутри предложеній. Однородные члены. Слитныя предложенія.

Предложенія съ союзами.

Князь Игорь **и** Ольга на холмѣ сидятъ... (Пушк.)

Червонецъ былъ запачканъ **и** въ пыли. (Крыл.)

Люблю я пышное природы увяданье,
Въ багрецъ **и** въ золото одѣтые лѣса...
И мглой волнистою покрыты небеса,
И рѣдкій солнца лучъ, **и** первые морозы,
И отдаленныя сѣдой зимы угрозы. (Пушк.)

Онъ... съ жаромъ толковалъ что-то приказчику Якову Михайлову, который... очень быстро **и** въ разныхъ направленіяхъ шевелилъ пальцами. (Л. Толст.)

„**Ни** власть, **ни** жизнь меня не веселятъ...“ (Пушк.)

Не видно было **ни** камышей, **ни** плотины, **ни** береговъ. (Акс.)

Въ приведенныхъ предложеніяхъ мы находимъ особаго рода частичныя слова, которыхъ до сихъ поръ мы еще не разсматривали—с о ю з ы. Слова эти могутъ стоять и м е ж д у отдѣльными предложеніями („онъ пришелъ, **и** мы поѣхали“, „ракъ пятится назадъ, **а** щука тянетъ въ воду“), и в н у т р и предложеній (какъ во всѣхъ вышеприведенныхъ примѣрахъ). Покамѣстъ мы займемся только значеніемъ ихъ в н у т р и предложеній. Значеніе это лучше всего выводится изъ тѣхъ условій, отъ которыхъ зависитъ самая постановка союза внутри предложенія. Такихъ условій 2:

Соподчиненность соединенныхъ союзомъ членовъ.

1) Всѣ соединенные союзами члены должны быть с о п о д ч и н е н ы, а не в к л ю ч е н ы (см. стр. 187), т.-е. должны всѣ, относиться къ одному и тому же общему члену. Такъ, въ 1-мъ примѣрѣ члены „Игорь“ и „Ольга“ являются подлежащими и

слѣдовательно, оба одинаково относятся къ сказуемому „сидятъ“, во второмъ примѣрѣ члены „запачканъ“ и „въ пыли“ являются сказуемостными второстепенными членами и, слѣдовательно, оба одинаково относятся къ связкѣ „былъ“ и черезъ нее къ подлежащему, въ 3-мъ примѣрѣ дополненія: „лѣса“, „небеса“, „лучъ“, „морозы“, „угрозы“ всѣ одинаково зависятъ отъ одного и того же сказуемаго „люблю“, и т. д. Тамъ, гдѣ такое соподчиненіе невозможно, невозможенъ и союзъ: нельзя, напр., сказать: „я подошелъ къ дому **и** отца“, „сегодня хорошая **и** погода“ и т. д. И, наоборотъ, вводя въ предложеніе (тамъ, гдѣ это возможно) союзъ, мы тѣмъ самымъ вводимъ соподчиненіе. Сравнивая сочетанія: „боюсь его отца“ и: „боюсь его **и** отца“, „боюсь его **или** отца“, „боюсь не его, **а** отца“ и т. д., мы видимъ, что одни и тѣ же падежи существительныхъ при отсутствіи союза включены одинъ въ другой (боюсь кого? — отца, отца чьего? — его), а при союзѣ соподчинены глаголу (боюсь кого? — его, еще кого? — отца).

Однородность ихъ.

2) Эти соподчиненные члены должны объединяться мыслью, какъ однородные въ какомъ-либо отношеніи, какъ сходные въ чемъ-либо между собой. Сходство это можетъ быть грамматическое („Игорь и Ольга“, „въ багрецъ и въ золото“, „умный и серьезный“, „красиво и чисто“, „идя и смотря“, „итти и смотрѣть“ и т. д.) и неграмматическое, вещественное („запачканъ и въ пыли“, „быстро и въ разныхъ направленіяхъ“). На послѣднихъ случаяхъ ярче всего сказывается эта вторая сторона дѣла. Устраняя, напр., изъ второго примѣра союзъ („онъ быстро шевелилъ пальцами въ разныхъ направленіяхъ“) мы сохраняемъ соподчиненіе („быстро“ и „въ разныхъ направленіяхъ“ попрежнему зависятъ отъ „шевелилъ“), но устраняемъ сознаніе однородности: слова эти уже не сознаются какъ внутренно связанные и подходящіе другъ къ другу признаки его „шевеленья“, а только какъ отдѣльныя, не стоящія между собой въ связи черты картины. Наоборотъ, объединяя тѣ или иные соподчиненные члены, какъ въ чемъ-либо однородные, мы получаемъ возможность соединить ихъ союзами, какъ бы далеко они ни отстояли другъ отъ друга и грамматически, и логически. Возьмемъ, напр., предложеніе: „я уѣзжаю на каникулы къ роднымъ въ деревню“. Пока мы не объединимъ чѣмъ-нибудь эти 3 рѣзко различныя, хотя и соподчиненныя дополненія, союзы будутъ немыслимы. Но стоитъ

только намъ сопоставить ихъ, напр., какъ три счастливыя обстоятельства нашей жизни—и мы воскликнемъ: „я уѣзжаю на каникулы, и притомъ къ роднымъ, и притомъ въ деревню!". Союзы здѣсь какъ разъ и выразятъ синтаксически это подведеніе всѣхъ 3-хъ фактовъ подъ одну „счастливую" рубрику. Или мы можемъ сказать: „я уѣзжаю къ роднымъ **или** въ деревню", „не къ роднымъ, **а** въ деревню", и тутъ наши дополненія будутъ подведены уже подъ другую, „географическую" рубрику, какъ возможныя направленія поѣздки. Еще рѣзче это замѣтно на тѣхъ случаяхъ, когда союзъ соединяетъ опредѣленія-прилагательныя, согласованныя съ однимъ и тѣмъ же опредѣляемымъ-существительнымъ. Хотя такія опредѣленія, конечно, всегда соподчинены своему общему опредѣляемому, однако далеко не всегда ихъ можно соединить союзомъ: нельзя сказать: „мой **и** перочинный ножъ", „большой **и** каменный домъ", „лѣтнее, **но** разорванное платье" и т. д. И это именно потому, что для нашего 2-го условія, сознанія однородности, здѣсь нѣтъ мѣста, такъ какъ прилагательныя вещественно слишкомъ различны. Если же иногда и встрѣчаются такія сочетанія, то это показываетъ, что въ данной обстановкѣ, при данныхъ условіяхъ, нашлись пункты соприкосновенія между такими прилагательными. Сваха, напр., расхваливая приданое, можетъ сказать: „большой **и** каменный домъ", потому что для нея оба прилагательныхъ указываютъ на обильное приданое. Если кто-нибудь утверждалъ, что только зимніе его костюмы неисправны, а что лѣтніе цѣлехоньки, то ему можно будетъ сказать: „а вотъ на васъ лѣтнее, **но** разорванное платье", и здѣсь для говорящаго понятія о времени года и о цѣлости костюма будутъ приведены въ связь предыдущимъ разговоромъ. Точно такъ же и явно противоположныя по смыслу прилагательныя могутъ соединяться союзами („не бѣлый, **а** черный", „не большой, **а** маленькій"), потому что контрасты, какъ извѣстно, всегда въ какомъ-либо отношеніи однородны (бѣлое и черное обозначаютъ цвѣтъ, большое и и малое величину и т. д.).

Значеніе союзовъ внутри предложеній.

Итакъ, союзъ выполняетъ внутри предложенія двойную функцію: 1) онъ приводитъ въ связь два представленія между собой и 2) онъ приводитъ въ связь оба эти представленія съ однимъ и тѣмъ же третьимъ. И то и другое въ немъ нераздѣльно, это не двѣ функціи, а именно одна двойная. Если, напр., въ сочет.: „я ѣду къ роднымъ или въ деревню" дополненія могутъ объединиться въ мысли какъ два геогра-

фическихъ пункта, то только потому, что оба относятся къ такому глаголу, какъ „ѣду"; если столь разнородные признаки, какъ скорость и направленіе движенія, могли въ сочет.: „быстро и въ разныхъ направленіяхъ шевелилъ" сознаваться, какъ однородные, то это всецѣло зависитъ отъ глагола „шевелилъ", именно, отъ его вещественнаго значенія, заключающаго въ себѣ какъ разъ быструю перемѣну направленія движенія. Какъ коромысло вѣсовъ одновременно слагаетъ силы, приложенныя по краямъ его, и переноситъ ихъ въ точку опоры, такъ и союзъ одновременно объединяетъ 2 члена и соподчиняетъ ихъ одному и тому же третьему. И мы можемъ, въ концѣ концовъ, опредѣлить союзъ внутри предложенія, какъ **частичное слово, выражающее однородность двухъ членовъ по отношенію къ третьему**.

Слитныя предложенія.

Члены предложенія, соединенные союзами, такъ и называются **однородными** членами, а предложенія, имѣющія однородные члены—**слитными** предложеніями.

Особенности произношенія ихъ.

Слитныя предложенія отличаются отъ обычныхъ предложеній не только присутствіемъ союзовъ, но и ритмомъ и интонаціей. Сравнивая по произношенію два предложенія:

Червонецъ былъ запачканъ и въ пыли.

Червонецъ былъ запачканъ пылью.

замѣчаемъ, что въ слитномъ предложеніи мы дѣлаемъ 2 равныхъ по силѣ ударенія, и дѣлаемъ ихъ какъ разъ на однородныхъ членахъ (запачканъ и въ пыли). Въ неслитномъ же предложеніи такихъ двухъ равныхъ удареній нѣтъ, а имѣется, какъ во всякой фразѣ, только одно сильнѣйшее ударение (вѣроятнѣе всего на дополненіи: „червонецъ былъ запачканъ пылью"), вокругъ котораго и группируются въ ритмическомъ отношеніи ударенія остальныхъ словъ.

Точно такъ же, сравнивая:

Въ оврагѣ предполагались и разбойники, и волки, и разныя другія существа... (Гонч.)

Въ оврагѣ предполагались наводившіе на всю округу страхъ разбойники...

мы слышимъ въ слитномъ предложеніи 3 сильнѣйшихъ ударенія, соотвѣтственно числу однородныхъ членовъ, а въ неслитномъ, какъ всегда, лишь одно. И вообще, слитное предложеніе имѣетъ всегда столько главныхъ ударений,

сколько въ немъ однородныхъ членовъ. Это особенно ясно слышится въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ одно и то же предложеніе является то слитнымъ, то неслитнымъ, въ зависимости отъ вставки союза: „я ѣду къ роднымъ въ деревню“, но: „я ѣду къ роднымъ или въ деревню“, „онъ купилъ большой каменный домъ“, но: „онъ купилъ большой и каменный домъ“, „я боюсь его отца“, но: „я боюсь его и отца“ и т. д. Разница въ интонаціи между слитными и неслитными предложеніями не такъ велика, какъ въ ритмѣ, и мы не будемъ на ней подробно останавливаться. Замѣтимъ только, что въ общемъ однородные члены стремятся къ однотонной интонаціи и что вслѣдствіе этого заключительное пониженіе наступаетъ въ слитномъ предложеніи позже, чѣмъ въ обычномъ. Предоставляемъ читателю самому убѣдиться въ этомъ, прислушиваясь поперемѣнно къ какому-нибудь слитному предложенію и къ его неслитному варіанту.

Итакъ, слитныя предложенія имѣютъ опредѣленныя ритмическія и мелодическія особенности. Точно такія же особенности могутъ быть и у предложеній, не имѣющихъ внутри союзовъ, если въ нихъ есть такіе члены, которые сознаются, какъ однородные. Такъ, въ предложеніяхъ:

Не брошены слабый, вдова, сирота
Имущимъ во власть безъ покрова. (Жук.)

... Онъ удрученъ годами,
Войной, заботами, трудами... (Пушк.)

находимъ тотъ же ритмъ и ту же интонацію, что и въ слитныхъ предложеніяхъ. Разница въ ритмѣ между этими предложеніями и предыдущими сводится только къ паузамъ, которыя являются какъ разъ на мѣстахъ, гдѣ могли бы стоять союзы. Эти паузы здѣсь обязательны. Онѣ являются главнымъ средствомъ выраженія (на ряду съ усиленными удареніями), такъ что ихъ можно бы было назвать замѣстительницами союзовъ. Такъ, если мы скажемъ безъ союза: „червонецъ былъ запачканъ, въ пыли...“, то мы съ помощью паузы выразимъ здѣсь однородность членовъ, безъ паузы же получится другой смыслъ („запачканъ въ пыли“ т.-е. запачкался въ пыли). Точно такъ же въ сочетаніи: „не видно было камышей, плотины...“ пауза создаетъ однородность, безъ паузы же получилось бы: „камышей плотины“, т.-е. растущихъ на плотинѣ. Ясно, что паузы и другія ритмическо-мелодическія средства вполнѣ замѣняютъ

здѣсь союзы и что по внутреннему своему смыслу эти предложенія совершенно равносильны предыдущимъ. И ихъ тѣмъ труднѣе отдѣлить отъ предыдущихъ, что фактически въ языкѣ господствуютъ предложенія с м ѣ ш а н н а г о типа, т.-е. такія, гдѣ однородность однихъ членовъ выражена только ритмомъ и интонаціей, а другихъ (большей частью двухъ послѣднихъ) союзомъ („проказница-мартышка, оселъ, козелъ д а косолапый мишка...", „за шапку онъ оставить радъ коня, червонцы **и** булатъ" и т. д.). Поэтому удобнѣе всего в с ѣ такого рода предложенія объединить подъ общимъ именемъ „слитныхъ", формулируя окончательныя опредѣленія такъ:

Окончательное опредѣленіе слитныхъ предложеній.

Слитнымъ предложеніемъ называется предложеніе, заключающее въ своемъ составѣ однородные члены.

Однородными членами называются члены, которые соединены или могли бы быть безъ измѣненія грамматическаго смысла соединены союзомъ.

Союзы, въ нихъ употребляемые.

Въ заключеніе приведемъ краткій перечень союзовъ, встрѣчающихся въ слитныхъ предложеніяхъ, съ примѣрами:

И, одиночное или повторяемое (примѣры см. выше).

Ни—ни..., только повторяемое, является по значенію тѣмъ же союзомъ „и" + о т р и ц а н і е и употребляется только въ отрицательныхъ предложеніяхъ (примѣры см. выше).

Прим.—Одиночное „ни" въ слитномъ отрицательномъ предложеніи, какъ въ пушкинскомъ: „не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ, **ни** утреннихъ ея дозоровъ" встрѣчается теперь крайне рѣдко и должно, кажется, считаться устарѣлымъ.

Да, одиночное или повторяемое:

...Гдѣ носились лишь туманы
Д а цари-орлы. (Лерм.)

Собака, человѣкъ, д а кошка, д а соколъ
Другъ другу поклялись однажды въ дружбѣ вѣчной... (Крыл.)

Или, одиночное или повторяемое:

Гуляю по берегу озера и л и шумящей Роны... (Карамз.)

... и л и онъ, и л и она не продержатся до свадьбы на высотѣ идеала...
(Гонч.)

Ли — ли..., только повторяемое (собственно, вопросительная частица, пріобрѣтающая при повтореніи союзный оттѣнокъ):

... сейчасъ видно, на тысячи л и, на сотни л и мужикъ торгуетъ.
(Л. Толст.)

Ли — или (при чемъ каждая часть и обѣ вмѣстѣ могутъ повторяться):

Уѣздный чиновникъ пройди мимо — я уже и задумывался, куда онъ идетъ: на вечеръ л и къ какому-нибудь своему брату, и л и прямо къ себѣ домой... (Гог.)

То — то..., только повторяемое:

Долго ль мнѣ гулять на свѣтѣ
Т о въ коляскѣ, т о верхомъ,
Т о въ кибиткѣ, т о въ каретѣ,
Т о въ телѣгѣ, т о пѣшкомъ? (Пушк.)

Всѣ ваши тайны — т о нѣжный, т о грубый,
Властный, покорный—узнать я умѣлъ. (Брюс.)

Не то — не то..., только повторяемое:

Погода была скверная, вѣтеръ рѣзалъ лицо, и н е т о снѣгъ н е т о дождь, н е т о крупа изрѣдка принимались стегать Ильича по лицу... (Л. Толст.)

То ли — то ли..., только повторяемое:

Т о л и за недосугомъ, т о л и по нежеланію — онъ не исполнилъ моего порученія. (Изъ примм. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, „Синт." стр. 275.)

Либо — либо..., только повторяемое:

Подъ старость они дѣлаются л и б о мирными помѣщиками, л и б о пьяницами,—иногда тѣмъ и другимъ. (Лерм.)

Но:

... И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
остался безъ словъ, н о живой. (Лерм.)

Онъ повторилъ обвиненія свои слабымъ, н о смѣлымъ голосомъ. (Пушк.)

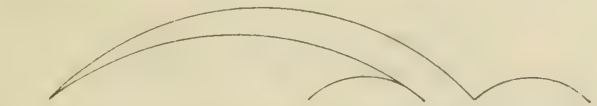
А:

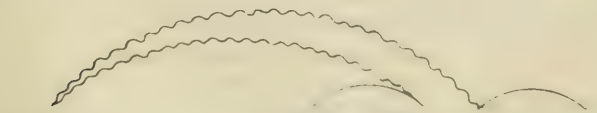
... и думаешь: когда же я буду большой, перестану учиться и всегда буду сидѣть не за діалогами, **а** съ тѣми, кого я люблю? (Л. Толст.)

Многіе изъ перечисленныхъ здѣсь союзовъ могутъ стоять не только м е ж д у однородными членами, но и передъ п е р в ы м ъ изъ нихъ („въ лѣсу ночной порой **и** дикій звѣрь, и лютый человѣкъ, и лѣшій бродитъ", „**ни** власть, ни жизнь меня не веселятъ"), при чемъ для нѣкоторыхъ союзовъ такая постановка о б я з а т е л ь н а. Потому-то эти союзы и не могутъ употребляться въ одиночку, а должны быть, по меньшей мѣрѣ, удвоены (одинъ разъ между однородными членами и одинъ разъ передъ первымъ изъ нихъ).

По значенію всѣ перечисленные союзы издавна дѣлятся на 3 основныя группы: союзы соединительные, раздѣлительные и противительные. Дѣленіе это правильно намѣчаетъ имѣющіеся здѣсь основные оттѣнки значеній. Союзы первой группы, соединительные **(и, ни—ни..., да)**,—образуютъ чисто отрицательную категорію. Въ нихъ нѣтъ никакого добавочнаго оттѣнка въ тѣхъ связяхъ, которыя союзъ устанавливаетъ между членами, что отражается и въ названіи ихъ, совершенно общемъ (вѣдь каждый союзъ „соединяетъ"). Въ союзахъ второй группы, раздѣлительныхъ **(или, ли—ли..., ли—или, то—то..., не то—не то..., то ли—то ли..., либо—либо...)** имѣется добавочный оттѣнокъ потенціальности, или взаимной обусловленности. Въ сочет.: „куплю столъ или стулъ" союзъ показываетъ, что данные 2 члена могли бы быть въ одинаковой связи съ соподчиняющимъ ихъ третьимъ, но что фактически въ каждый отдѣльный моментъ возможна лишь одна изъ этихъ связей, исключающая другую (если куплю столъ, то не куплю на этотъ разъ стула, и наоборотъ). Въ союзахъ третьей группы, противительныхъ **(но, а)** заключенъ добавочный оттѣнокъ противоположенія, при чемъ противоположеніе это можетъ относиться или къ той связи, которой данные однородные члены связаны съ соподчиняющимъ ихъ третьимъ членомъ („сидѣть не за діалогами, **а** съ тѣми, кого я люблю"), или къ той связи, которой они связаны между собой („онъ повторилъ обвиненія слабымъ, **но** смѣлымъ голосомъ"). Въ первомъ случаѣ, который необходимо предполагаетъ отрицаніе при одномъ изъ соединяемыхъ членовъ, противительность союза подчеркиваетъ, что связь данныхъ двухъ представленій съ соподчиняющимъ ихъ третьимъ для одного изъ нихъ отрицательна („сидѣть не за діалогами"), а для другого положительна („сидѣть съ тѣми, кого люблю"). Во второмъ случаѣ противительность союза подчеркиваетъ противоположность между самими соединяемыми представленіями („слабость" и „смѣлость"), указывая на то, что данныя представленія, въ данномъ случаѣ и при данныхъ условіяхъ объединяемыя, сами по себѣ разнородны. Все это можно графически иллюстрировать такъ:

Союзы соединительные, раздѣлительные и противительные.





куплю не столъ **а** стулъ

столъ малъ **а** тяжелъ

при чемъ извилистой линіей мы изобразили связь потенціальную, перечеркнутой линіей—связь отрицательную и пунктирной—связь индивидуально-случайную. Само собой разумѣется, что каждый отдѣльный союзъ, въ свою очередь, какъ и всякое частичное слово, имѣетъ свои спеціальные оттѣнки значенія, которыхъ мы здѣсь уже не будемъ касаться.

Согласованіе въ слитныхъ предложеніяхъ.

Такъ какъ въ слитныхъ предложеніяхъ встрѣчается нѣсколько подлежащихъ при одномъ сказуемомъ и нѣсколько опредѣляемыхъ при одномъ опредѣленіи, то здѣсь возможно согласованіе по смыслу (см. стр. 136), т.-е. постановка согласующагося слова во множественномъ числѣ при единственномъ числѣ тѣхъ словъ, съ которыми оно согласуется:

...И пращъ, и стрѣла, и лукавый кинжалъ
Щадятъ побѣдителя годы... (Пушк.)

Гибли молодость, сила, здоровье. (Никит.)

Неужели душѣ молодой
Ужъ знакомы нужда и неволя? (Некр.)

Но такое согласованіе не составляетъ въ русскомъ языкѣ правила, такъ какъ настолько же часто сказуемое согласуется съ ближайшимъ подлежащимъ:

На лицѣ у него попеременно выступалъ не то страхъ, не то досада. (Гонч.)

Въ лѣсу ночной порой
И дикій звѣрь, и лютый человѣкъ,
И лѣшій бродитъ... (Пушк.)

а опредѣленіе съ ближайшимъ опредѣляемымъ:

Вражду и плѣнъ старинный свой
Пусть волны финскія забудутъ... (Пушк.)

Не страшна мнѣ, добру молодцу,
Волга-матушка широкая,
Лѣса темные, дремучіе,
Вьюги зимнія, крещенскія. (Кольц.)

При разницѣ въ л и ц а х ъ между отдѣльными подлежащими школьныя грамматики велятъ ставить сказуемое въ п р е и м у щ е с т в е н н о м ъ лицѣ, т.-е. въ 1-мъ предпочтительно передъ 2-мъ и 3-мъ и во 2-мъ предпочтительно передъ 3-мъ, какъ въ слѣдующихъ примѣрахъ:

Но вѣдь ни вы, ни я—не офицеръ,
Изгнать враговъ не с ы щ е м ъ мѣръ. (Кольц.)

„...Туда, гдѣ синѣютъ морскіе края,
Туда, гдѣ г у л я е м ъ лишь в ѣ т е р ъ да я!“ (Пушк.)

Т ы и о н ъ п о й д е т е гулять.

Но сочетанія этого рода даже и въ книжномъ языкѣ очень рѣдки, въ нарѣчіи же разговорно-литературномъ они, кажется, совсѣмъ не употребляются. Обычно затрудненіе обходится при помощи другихъ формъ сочетаній: „мы съ тобой поѣдемъ“, „я съ тобой поѣду“, „да ты долженъ, старый хрычъ, вѣчно Бога молить..., что ты и с ъ б а р и н о м ъ - то своимъ не висите здѣсь вмѣстѣ съ моими ослушниками“ (Пушк., слова Пугачева) и т. д. При разницѣ въ р о д а х ъ между отдѣльными опредѣленіями грамматики даютъ правило о п р е и м у щ е с т в е н н о м ъ родѣ, по которому мужескій родъ преимущественъ передъ женскимъ и среднимъ, а женскій передъ среднимъ („дорогіе дядя и тетя“, „однѣ нужда да горе“). Но такъ какъ прилагательныя во множественномъ числѣ въ настоящее время въ живомъ, устномъ языкѣ не имѣютъ формы рода, даже и въ именительномъ падежѣ (правильный выговоръ: „дорогіи“, „одни“ для всѣхъ трехъ родовъ), то правило это имѣетъ только орѳографическое значеніе.

Еще нѣсколько замѣчаній о слитныхъ предложеніяхъ, справочно-педагогическаго характера.

Терминъ „с л и т н о е предложеніе“ взятъ нами только изъ-за его распространенности. Самъ по себѣ онъ устарѣлый, такъ какъ отражаетъ на себѣ прежній взглядъ на эти предложенія, какъ на происшедшія изъ „сліянія“ отдѣльныхъ предложеній („беру столъ“ + „беру стулъ“ = „беру столъ и стулъ“). На самомъ дѣлѣ это „сліяніе“ производится только на страницахъ школьныхъ учебниковъ, исторически же такого процесса до сихъ поръ ни въ одномъ языкѣ наблюдено не было. Въ частности, индо-европейскія слитныя предложенія восходятъ къ слитнымъ предложеніямъ индо-европейскаго пра-языка, которыя тамъ уже несомнѣнно существовали и о происхожденіи которыхъ мы ничего не знаемъ.

Терминъ „о д н о р о д н ы е члены“ намѣренно прикрѣпленъ нами къ союзамъ, такъ какъ объ исключительно-грамматической

однородности въ настоящее время здѣсь не можетъ быть и рѣчи: на каждомъ шагу дополненія соединяются союзами съ опредѣленіями („эта шкатулка его и моя“, „онъ былъ высокаго роста и худощавъ“), опредѣленія съ обстоятельствами („дайте мнѣ бумагу лучшую и пожестче“, „онъ былъ возбужденъ и навеселѣ“), обстоятельства съ дополненіями („ѣздитъ верхомъ и при шпагѣ“, „говоритъ тихо и съ вѣсомъ“), второстепенныя сказуемыя съ дополненіями („вышелъ пообѣдать и за покупками“). Къ тому же наше опредѣленіе „однородности“ удобно и въ практическомъ отношеніи, такъ какъ создаетъ очень простое правило пунктуаціи: „если нѣтъ союза, но можно его вставить, ставь запятую“, что, въ частности, при однородныхъ опредѣленіяхъ, индивидуализировало бы каждый отдѣльный случай, въ отличіе отъ извѣстнаго крайне искусственнаго правила о качественныхъ и относительныхъ прилагательныхъ.

Нѣсколько сказуемыхъ при одномъ подлежащемъ („птичка гласу Бога внемлетъ, встрепенется и поетъ“) мы не считаемъ слитнымъ предложеніемъ, такъ какъ, согласно всему, что до сихъ поръ было высказано о сказуемомъ и сказуемости, должны признать здѣсь столько отдѣльныхъ предложеній, сколько сказуемыхъ. Одно изъ нихъ, имѣющее подлежащее, будетъ полнымъ („птичка гласу Бога внемлетъ“), а остальныя — неполными, такъ какъ заимствуютъ подлежащее изъ перваго („встрепенется“, „поетъ“). Правда, практически, для пунктуаціи, это ведетъ къ созданію новаго правила объ отсутствіи въ извѣстныхъ случаяхъ какого бы то ни было знака препинанія между отдѣльными предложеніями. Но такъ какъ здѣсь существуетъ нѣсколько добавочныхъ правилъ для тѣхъ случаевъ, гдѣ запятая все-таки ставится (при союзѣ „или“, а въ извѣстныхъ случаяхъ и при „и“, см. Гротъ „Русск. Правопис.“ 12-е изд. стр. 105) и эти правила при нашемъ толкованіи отпадаютъ, то въ общемъ получается практическій выигрышъ, а не проигрышъ: на мѣстѣ нѣсколькихъ исключеній оказывается одно (которое должно быть, конечно, точно формулировано).

XXVIII.

Отрицательныя предложенія.

Отрицательныя мысли и предложенія.

Мы видѣли, что всякая мысль состоитъ въ раскрытіи соотношенія между двумя представленіями (психол. подлежащимъ и психол. сказуемымъ). Но среди мыслей, выражающихся словами, есть и такія, въ которыхъ это соотношеніе раскрывается, какъ отрицательное. Сущность такихъ мыслей сводится къ тому, что данныя два представленія **не** стоятъ

въ томъ или другомъ соотношеніи между собой. Если мы, напр., говоримъ и думаемъ: „мой братъ сегодня не пріѣхалъ“, то, очевидно, представленія о „моемъ братѣ“ и о его „сегодняшнемъ пріѣздѣ“ не соединились, а разъединились въ нашей мысли; мы открыли въ ней только, что представленія эти не относятся другъ къ другу какъ сказуемое къ подлежащему. Такія мысли можно назвать отрицательными мыслями, и для ихъ выраженія въ языкѣ существуютъ отрицательныя предложенія.

Отрицательные частицы и члены.

Грамматически отрицательныя предложенія замѣчательны тѣмъ, что въ нихъ есть особыя частичныя слова, такъ называемыя отрицательныя частицы, которыя, несмотря на свою неизмѣримо-важную логическую функцію, создающую цѣлую пропасть между до-языковымъ и языковымъ мышленіемъ, не имѣютъ въ предложеніи самостоятельнаго значенія. Въ русскомъ письменномъ языкѣ такихъ частицъ двѣ: **не** и **ни**, при чемъ послѣднее всегда равняется по значенію „не+и“. Кромѣ того онѣ входятъ въ составъ нѣкоторыхъ полныхъ словъ, какъ: **нѣтъ** (въ смыслѣ „не существуетъ“), **нельзя**, **никто**, **ничто**, **никакой**, **ничей**, **никуда**, **нигдѣ**, **некого**, **некому** и т. д. Эти слова по ихъ отрицательной роли въ предложеніи можно называть отрицательными членами предложенія, и ихъ во всякомъ случаѣ слѣдуетъ отличать отъ такихъ словъ, какъ: неправда, неурожай, неловко, непріятный и т. д., гдѣ отрицательная частица слилась съ основными словами уже въ нѣчто новое, положительное (вѣдь „неправда“ не есть только „не+правда“).

Нѣсколько отрицаній въ одномъ предложеніи.

Главная особенность нашихъ отрицательныхъ предложеній по сравненію съ романскими, германскими и др. индо-европейскими языками заключается въ томъ, что въ одномъ и томъ же предложеніи у насъ очень часто бываетъ нѣсколько отрицательныхъ частицъ и отрицательныхъ членовъ, напр.: „я нигдѣ, никогда не видалъ ни его, ни его брата“, „никто никогда не скажетъ...“, „онъ не произнесъ ни слова“ и т. д. Въ другихъ языкахъ повтореніе отрицанія, если и бываетъ, то чаще всего создаетъ положительный смыслъ, такъ же какъ и у насъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ повторяется частица „**не**“: „не могу не сознаться“ = долженъ сознаться, „не можетъ не попасть“ = попадетъ, „его некому не любить“ = всѣ любятъ, „я не Бога не принимаю... я міра Имъ созданнаго... не принимаю...“ (Дост.) = Бога могъ бы принять, и т. д. Въ тѣхъ же случаяхъ (какъ разъ наибо-

лѣе частыхъ), когда добавочнымъ отрицаніемъ является „**ни**“ или слова, имѣющія въ своемъ составѣ это „ни“ („никто“, „никогда“ и т. д.), повтореніе отрицанія можетъ создавать только усиленіе отрицательнаго смысла, а никакъ не ослабленіе его (срвн. слабое отрицаніе въ вопросѣ: „не говорилъ ли онъ когда-нибудь...?“ и рѣшительное въ отвѣтѣ: „онъ не говорилъ никогда...“, частичное отрицаніе въ: „онъ не говорилъ словечка“ и общее въ: „онъ не говорилъ ни словечка“). Объясняется это исключительно своеобразной природой этого нашего „ни“, которое никогда не является по значенію только отрицаніемъ, а всегда есть союзъ+отрицаніе, или усилительная частица (см. гл. XXXIII)+отрицаніе. Другой особенностью славянскихъ отрицательныхъ предложеній является родительный падежъ на мѣстѣ винительнаго („не вижу дерева“, „не люблю лжи“), что было уже разсмотрѣно при дополненіи, и тотъ же родительный на мѣстѣ именительнаго („не было денегъ“ „не проходило дня“), что будетъ разсмотрѣно при безличномъ предложеніи.

Родительный на мѣстѣ винительнаго и именительнаго.

Обще-отрицательныя и частно-отрицательныя предложенія.

Отъ отрицательныхъ предложеній въ вышеизложенномъ смыслѣ слѣдуетъ отличать тѣ предложенія, гдѣ отрицательная частица стоитъ не при сказуемомъ, а при другомъ какомъ-либо членѣ, напр.: „онъ читаетъ не вслухъ, а про себя“, „я интересуюсь не этой книгой, а той“, „онъ человѣкъ не старый“, „совсѣмъ не онъ это говорилъ“ и т. д. Такія предложенія не принято называть отрицательными (хотя нѣкоторая отрицательность въ нихъ, конечно, есть, такъ какъ есть отрицательныя частицы) главнымъ образомъ потому, что основное соотношеніе сказуемаго и подлежащаго здѣсь положительно. Если я говорю, что я интересуюсь „не этой книгой“, то ясно, что я все-таки какой-то книгой интересуюсь, если я говорю, что это сдѣлалъ „не онъ“, то я мыслю при этомъ, что это сдѣлалъ кто-то другой и т. д. Положительный смыслъ такихъ предложеній особенно ясно выступаетъ въ народной поэзіи, въ такъ называемыхъ отрицательныхъ сравненіяхъ:

Не сырой дубъ къ землѣ клонится,
Не зеленые листочки разстилаются —
Разстилается сынъ передъ батюшкомъ,
Онъ и проситъ себѣ благословеньица.

Здѣсь въ первыхъ двухъ предложеніяхъ слушателю, несмотря на отрицаніе, ясно рисуется, какъ что-то передъ чѣмъ-то разстилается, т.-е. мыслитъ онъ нѣчто положительное. Въ этомъ опять-таки сказывается господствующая

роль сказуемаго въ предложеніи. Такія предложенія, съ положительнымъ сказуемымъ, но съ отрицательной частицей при другомъ членѣ, можно было бы называть частно-отрицательными, а предложенія съ отрицательнымъ сказуемымъ обще-отрицательными предложеніями[1]).

Предложенія, не имѣющія ни отрицательныхъ частицъ, ни отрицательныхъ членовъ, называются обычно утвердительными.

Отрицательно-обобщительныя предложенія.

Особую разновидность отрицательныхъ предложеній составляютъ такія предложенія (всегда съ частицей „**ни**"), какъ: „сколько я ни говорилъ ему, онъ не послушался", „куда ни обернешься, вездѣ видишь горы", „гдѣ бы я ни очутился, вездѣ я сумѣю устроиться" и т. д. Они составляютъ особенность русскаго языка и замѣчательны тѣмъ, что по смыслу они, собственно, утвердительны. Вѣдь „сколько я ни говорилъ ему" показываетъ, что я говорилъ, и даже много, „гдѣ бы я ни очутился" показываетъ, что я предполагаю, что могъ бы во многихъ мѣстахъ очутиться и т. д. Отрицаніе забрело сюда, очевидно, изъ сосѣдняго отрицательнаго предложенія (срвн. сказанное о смѣшеніи утвердительныхъ оборотовъ съ отрицательными на стр. 87), и первоначальнымъ побужденіемъ къ этому могло служить желаніе выразить то противорѣчіе, которое всегда имѣется здѣсь между предложеніемъ съ „ни" и слѣдующимъ предложеніемъ (я много говорилъ, а онъ не послушался, другіе люди умѣютъ устраиваться въ отдѣльныхъ мѣстахъ, а я — всюду, куда попаду, и т. д.). Такимъ образомъ, первоначально отрицаніе, вѣроятно, относилось здѣсь не къ содержанію даннаго предложенія, а къ той связи, которой оно было связано съ послѣдующимъ. Въ настоящее время здѣсь, можетъ быть, и нѣту уже совсѣмъ отрицательнаго смысла, а только уступительно-обобщительный („хотя я все возможное говорилъ..." „хотя бы я вездѣ перебывалъ..."), такъ что „ни", можетъ-быть, является здѣсь чистымъ подчинительнымъ союзомъ (уступительнымъ). Въ зависимости отъ того, признавать здѣсь сейчасъ отрицательный оттѣнокъ, или не признавать, предложенія эти можно было бы выдѣлить въ группу отрицательно-обобщительныхъ или уступительно-обобщительныхъ.

---

[1]) Не смѣшивать съ такими же терминами въ логикѣ, имѣющими тамъ совсѣмъ другое значеніе.

XXIX.

Вопросительныя, восклицательныя и повелительныя предложенія.

Основные виды рѣчи по отношенію къ намѣреніямъ говорящаго.

Мы говоримъ всегда зачѣмъ-нибудь, съ какой-нибудь цѣлью. Если мы говоримъ только для того, чтобы сообщить свои мысли другому, то такую рѣчь можно назвать повѣствовательной рѣчью. Если мы говоримъ для того, чтобы, сообщая свои мысли, въ то же время выразить и чувства, овладѣвающія нами по поводу этихъ мыслей, наша рѣчь будетъ восклицательной. Наконецъ, если мы сообщаемыми мыслями желаемъ повліять на своего собѣсѣдника, подѣйствовать на его волю, побудить его поступить такъ или иначе, нашу рѣчь можно назвать побудительной рѣчью. Послѣдній случай разбивается на два: мы можемъ побуждать слушателя сообщить намъ то, чего мы не знаемъ, отвѣтить на нашъ вопросъ — рѣчь вопросительная, и можемъ побуждать его сдѣлать то именно, что мы ему приказываемъ или о чемъ просимъ — рѣчь повелительная.

Для выраженія вопроса, восклицанія и повелѣнія въ языкахъ существуютъ предложенія особаго рода: вопросительныя, восклицательныя и повелительныя.

Вопросительныя предложенія.

Вопросительныя предложенія отличаются отъ обычныхъ, уже разсмотрѣнныхъ нами, предложеній слѣдующими признаками:

1) Въ нихъ могутъ быть особыя частичныя слова, такъ наз. вопросительныя частицы, служащія только для внесенія въ предложеніе вопросительнаго смысла: **ли, развѣ, ужели, неужели.**

2) Въ нихъ могутъ быть особые вопросительные члены предложенія, являющіеся по значенію полными словами съ самостоятельнымъ смысломъ и въ то же время служащіе для выраженія вопроса. Таковы вопросительныя существительныя: **кто** и **что** (также несклоняемое **что за**, составляющее одно слово, несмотря на отдѣлимость частей: „а что онъ за человѣкъ?“, „что за человѣку помогалъ ты?“), вопросительныя прилагательныя: **какой, чей, который** и вопросительныя неграмматическія нарѣчія: **куда, какъ, гдѣ, откуда, когда, зачѣмъ, почему, сколько** и т. д.

3) Въ нихъ можетъ быть измѣненный порядокъ словъ, при которомъ то слово, къ которому преимущественно относится вопросъ, ставится въ началѣ („хотѣлъ ли ты этого?" „этого ли ты хотѣлъ?" „ты ли хотѣлъ этого?"

4) Въ нихъ всегда должна быть особая вопросительная интонація, состоящая въ томъ, что голосъ непрерывно и рѣзко повышается вплоть до того слова, къ которому преимущественно относится вопросъ, достигаетъ наибольшаго повышенія на этомъ словѣ и затѣмъ начинаетъ понижаться до конца фразы (восходяще-нисходящая интонація), напр.:

ты вчера былъ съ нимъ въ театрѣ?

или:

ты вчера былъ съ нимъ въ театрѣ?

или:

ты вчера былъ съ нимъ въ театрѣ?

Если же ударение падаетъ какъ разъ на послѣднее слово или на первое, то, понятно, получается уже просто восходящая интонація:

ты вчера былъ съ нимъ въ театрѣ?

или просто нисходящая:

ты вчера былъ съ нимъ въ театрѣ, или она?

при чемъ послѣдняя все-таки отличается отъ нисходящей повѣствовательной интонаціи, такъ какъ начинается такимъ высокимъ тономъ, какого не можетъ быть при повѣствованіи, почему и пониженіе сказывается здѣсь гораздо рѣзче, чѣмъ тамъ.

Восклицательныя предложенія:

Восклицательныя предложенія.

1) могутъ имѣть особыя слова-междометія (ахъ! эй! увы! и т. д.), о значеніи которыхъ будетъ сказано дальше;

2) могутъ имѣть особые восклицательные члены, являющіеся полными словами съ самостоятельнымъ значеніемъ и въ то же время вносящіе въ предложеніе восклицательный смыслъ: **кто, что, что за, какой, который, чей, куда**

(иногда и не въ пространственномъ смыслѣ: „куда на выдумки природа таровата!“ Крыл.), **какъ, куда какъ** („ни на волосъ любви! куда какъ хороши!“ Гриб.) **сколько, сколь** и т. д. (тѣ же, что и въ вопросительныхъ предложеніяхъ, съ нѣкоторыми варіантами);

3) должны имѣть особую восклицательную интонацію, чрезвычайно разнообразную, смотря по тому, какое именно чувство желаетъ выразить говорящій (срвн., напр.: „Какой свѣтильникъ разума угасъ!“ Некрас., „Га! какой ревъ и вой! Это земля завыла отъ страха...“ Тург., „Маменька, папенька сказалъ, чтобы вы... Ахъ, какой пассажъ!“, „Ахъ, Боже мой! Какія ты, Антоша, слова отпускаешь!“ Гог., „Какія низости!“ Софья у Гриб., „Смотри ты, какой пышный!“ Гог., гдѣ при одномъ и томъ же восклицательномъ словѣ „какой“ каждое восклицаніе имѣетъ свою особую интонацію).

Повелительныя предложенія.

Повелительныя предложенія:

1) могутъ имѣть особыя повелительныя частичныя слова, служащія для внесенія повелительнаго (или просительнаго) смысла въ предложеніе: **ка**, („поди ка сюда! возьми ка это!“), **ну ка** („ну ка, посторонись!“), **нутка** („вы, нынѣшніе, нутка!“ Гриб.), **пусть, пускай** („квартальный поручикъ, онъ высокаго роста, такъ пусть стоитъ для благоустройства на мосту!“ Гог., „пусть помнятъ всѣ, что рядъ столѣтій Россіи вѣдать суждено...“ Брюс.), **да** (устарѣвшее: „да умирится же съ тобой и побѣжденная стихія...“ Пушк.), **давай, давайте** („давай играть въ костяжки, — сказалъ ему Хорь“ Помял., „И отлично. Давайте поѣдемъ!“ Чех.) и т. д;

2) могутъ имѣть сказуемое въ повелительномъ наклоненіи (самый обычный случай);

3) должны имѣть особую побудительную интонацію, различающуюся смотря по тому, выражается ли приказаніе, просьба, совѣтъ, убѣжденіе, спокойное предложеніе и т. д. и т. д., но во всякомъ случаѣ рѣзко отличную отъ вопросительной и восклицательной интонаціи (срвн. восклицательную интонацію у Гоголя: „Боже, погасить искру огня, можетъ быть развившагося бы въ величіи и красотѣ...!“ и повелительную въ обращеніи къ слугамъ: „погасить огни! запереть двери!“).

Предложенія, не имѣющія ни одной изъ всѣхъ перечисленныхъ особенностей, называются повѣствовательными.

XXX.

Устраненіе подлежащаго. Безличныя предложенія.

Всѣ разсматривавшіяся до сихъ поръ предложенія строились по шаблону: „именит. падежъ существительнаго + согласуемый съ нимъ глаголъ". Правда, не во всѣхъ разбиравшихся предложеніяхъ шаблонъ этотъ былъ выдержанъ. Иногда отсутствовала *первая* его половина („люблю тебя, Петра творенье", „любитъ — не любитъ"), иногда *вторая* („бѣдность не порокъ", „Татьяна въ лѣсъ — медвѣдь за ней"). Но во всѣхъ такихъ случаяхъ, кромѣ, можетъ быть, только такихъ, какъ: „пожаръ!", „морозъ!" и т. д., мы по окружающимъ формамъ легко могли возсоздать недостающее. Въ случаѣ отсутствія подлежащаго мы видѣли въ сказуемомъ признаки *согласованія* съ этимъ отсутствующимъ подлежащимъ, въ случаѣ отсутствія связки видѣли сказуемостный членъ, вызывавшій представленіе объ этой связкѣ, въ случаѣ отсутствія полновѣснаго глагола видѣли приглагольное дополненіе, вызывавшее представленіе о глаголѣ. И мы подводили безъ колебаній всѣ такія сочетанія подъ тотъ же шаблонъ, подобно тому какъ, найдя въ полѣ скелетъ птицы безъ черепа, мы узнали бы въ немъ обычный птичій скелетъ и не предположили бы существованія особой породы безголовыхъ птицъ. Теперь мы переходимъ къ совсѣмъ иному синтаксическому шаблону, къ предложеніямъ, въ которыхъ *не можетъ* быть подлежащаго по самому ихъ строенію, подобно тому какъ не можетъ быть головы у безчерепного позвоночнаго — ланцетника. Это такъ наз. „безличныя" предложенія. Для того, чтобы понять, что это такое, необходимо знакомство съ понятіемъ *безличнаго глагола*, къ которому мы и переходимъ.

Безличные глаголы.

Въ каждомъ индо-европейскомъ языкѣ существуютъ глаголы, которыхъ нельзя подвести подъ обычное, установленное нами ранѣе, понятіе глагола. Именно, въ то время какъ глаголъ, согласно принятой нами классификаціи (см. стр. 33), есть прежде всего слово *спрягаемое*, т.-е. измѣняющееся по лицамъ и числамъ, а въ прошедшемъ времени по родамъ и числамъ, существуетъ цѣлый рядъ глаголовъ, которые *не спрягаются*. Таковы, напр., у насъ глаголы: „свѣтаетъ", „вечеретъ", „мороситъ", „смеркается", „тошнитъ", „нездоровится", „неможется", „спится", „дремлется", „хочется" и др.

У нихъ существуетъ только одна форма 3-го лица единственнаго числа, а въ прошедшемъ времени—средняго рода единственнаго числа („свѣтало", „смеркалось", „спалось" и т. д.). Формъ „свѣтаю", „свѣтаешь", „свѣталъ", „свѣтала" и т. д., „сплюсь", „спишься", и т. д. — не существуетъ. А такъ какъ всякая форма сознается лишь по ассоціаціи съ двумя рядами формъ (см. схему на стр. 4), здѣсь же одного ряда (вертикальнаго) недостаетъ, то, очевидно, и самая форма 3-го лица единств. ч. (а въ прошедшемъ времени средн. рода единств. ч.) должна сознаваться въ этихъ глаголахъ крайне смутно. Она можетъ просвѣчивать въ нихъ только по сравненію съ соотвѣтствующимъ горизонтальнымъ рядомъ, т.-е. съ такими формами, какъ: „работаетъ", „читаетъ", „пишетъ", „лѣнится", „веселится" и т. д. Но стоитъ только сопоставить „работаетъ" и „свѣтаетъ", „веселится" и „спится", чтобы убѣдиться, что глаголы эти сознаются совсѣмъ иначе. „Свѣтаетъ" и „спится" это не настоящее 3-е лицо единственнаго числа, а какое-то неясное, какъ бы потерявшее свой обычный третьеличный обликъ. Точно такъ же „свѣтало" и „спалось" не настоящій средній родъ единственнаго числа. Въ отношеніи другихъ формъ эти глаголы ничѣмъ не отличаются отъ всѣхъ прочихъ, т.-е. имѣютъ и времена („свѣтаетъ"—„свѣтало"—„будетъ свѣтать"), и наклоненія („свѣтаетъ" — „свѣтало бы" — „пусть свѣтаетъ"), и виды („разсвѣтало" — „разсвѣло"), и, отчасти, залоги („свѣтаетъ"—„смеркается"). Но всѣ эти формы послѣдовательно проводятся все по тому же ненастоящему 3-му лицу единств. ч. и ненастоящему среднему роду единств. ч. Вотъ такіе-то глаголы и выдѣляются въ особую категорію **безличныхъ**, а всѣ остальные глаголы получаютъ, по сравненію съ ними, названіе **личныхъ** глаголовъ.

Безличныя предложенія.

Теперь посмотримъ, какое значеніе получаетъ безличный глаголъ въ связной рѣчи, въ предложеніи. Такъ какъ онъ имѣетъ формы времени и наклоненія, создающія сказуемость, то онъ долженъ образовать въ предложеніи сказуемое. Но такъ какъ у него нѣтъ настоящихъ формъ согласованія сказуемаго съ подлежащимъ (лицо, число и, въ прошедшемъ времени, родъ), пріурочивающихъ выраженную временемъ и наклоненіемъ дѣятельность къ опредѣленному дѣятелю (см. стр. 128), то получается сказуемое совсѣмъ особаго рода: оно изображаетъ дѣятельность безъ дѣятеля или дѣятельность, оторванную отъ своего дѣятеля. Понятно, что оно не только не можетъ имѣть при себѣ никакого подлежа-

щаго, но не можетъ и намекать на какое-либо опредѣленное подлежащее, такъ какъ намекъ этотъ дѣлается при помощи формъ согласованія, а этихъ формъ у него нѣтъ. Очевидно, это будетъ особый „безподлежащный" типъ предложеній, въ которыхъ „безподлежащность"—не случайное явленіе, а составляетъ самую ихъ сущность. Съ внутренней стороны эти предложенія можно опредѣлить, какъ **предложенія, въ которыхъ подлежащее устранено не только изъ рѣчи, но и изъ мысли**. Съ внѣшней стороны, какъ синтаксическій шаблонъ, они опредѣлятся, какъ: **„несогласуемый ни съ чѣмъ глаголъ"** или, въ случаѣ распространенности: **„несогласуемый ни съ чѣмъ глаголъ + зависящіе отъ него второстепенные члены"**. Это совершенно особая форма сочетаній и особая форма мысли русскаго языка. Такъ какъ глаголы, образующіе эти предложенія, исконно назывались безличными, то и самыя предложенія называются безличными.

О терминахъ.

Термины: „безличный" глаголъ и „безличное" предложеніе очень не точны, такъ какъ полной безличности въ сказуемомъ вообще быть не можетъ. Лицо есть необходимая форма языковой (да и не только языковой) мысли, присущая ей по самой ея сущности: вѣдь безъ лица говорящаго не можетъ быть и рѣчи, лицо говорящее необходимо предполагаетъ лицо слушающее, а оба эти лица необходимо предполагаютъ внѣшній міръ, ихъ объемлющій, являющійся для нихъ 3-мъ лицомъ. 3 лица—это три основныя точки языкового сознанія, какъ 3 времени—три основныя точки внутренняго воспріятія. И какъ не можетъ быть „четвертаго", „пятаго" и т. д. лица, такъ не можетъ и совсѣмъ не быть лица въ мысли. Даже и съ неязыковой точки зрѣнія по крайней мѣрѣ два лица необходимы: „я" и „не я". „Безличность" въ собственномъ смыслѣ слова есть то же, что „внѣличность", т.-е. понятіе метафизическое (какъ внѣвременность и внѣпространственность). И дѣйствительно, вдумываясь въ значеніе безличныхъ глаголовъ, мы все-таки откроемъ въ нихъ слѣды 3-го лица. Какъ бы ни устранялся изъ мысли въ выраженіи „свѣтаетъ" дѣятель, производящій свѣтъ, онъ во всякомъ случаѣ не кажется скрытымъ во мнѣ или въ человѣкѣ, съ которымъ я говорю, а, напротивъ, можетъ и долженъ быть скрытымъ гдѣ-то внѣ насъ обоихъ. „Свѣтаетъ"—это неизвѣстно кто (и даже самый вопросъ „кто?" невозможенъ), но это во всякомъ случаѣ не я и не ты. Къ тому же приводитъ и чисто грамматическій анализъ этой формы: „свѣта**етъ**" во всякомъ случаѣ скорѣе можетъ ассоціироваться съ „работа**етъ**", „пиш**етъ**", „чита**етъ**", чѣмъ съ „работа**ю**", „работа**ешь**", „работа**емъ**" и т. д. Ясно, что поскольку лицо должно вообще мыслиться въ глаголѣ, оно мыслится здѣсь какъ третье. Но

мыслится-то оно съ минимальной ясностью. Интересно также сопоставить безличный глаголъ съ инфинитивомъ: „свѣтаетъ“ и „свѣтать“, „смеркается“ и „смеркаться“, „тошнитъ“ и „тошнить“, и т. д. По сравненію съ инфинитивомъ въ безличномъ глаголѣ сознается нѣчто въ родѣ лица. Инфинитивъ совершенно безличенъ или, лучше сказать, „внѣличенъ“, почему и не можетъ быть сказуемымъ, не можетъ выражать мысли человѣческой. Въ безличномъ же глаголѣ есть извѣстный минимумъ лица, извѣстный намекъ на лицо. Можно сказать, что при устраненіи какого бы то ни было лица изъ глагола неизбѣжно остается и должно остаться сознаніе, какое именно лицо устранено. Поэтому наиболѣе точнымъ названіемъ было бы: „глаголы съ устраненнымъ третьимъ лицомъ“ и „предложенія съ устраненнымъ третьимъ лицомъ“. Но стоитъ ли вводить эти длинные, неуклюжіе термины? Не лучше ли воспользоваться древнѣйшимъ и привычнѣйшимъ терминомъ, оговоривъ его условность? Что касается термина: „безсубъектныя предложенія“ (по-русски=„безподлежащныя“), вошедшаго въ послѣднее время въ употребленіе, то онъ намъ представляется не менѣе условнымъ, чѣмъ терминъ „безличное“, потому что: 1) подъ него подойдутъ и неполныя предложенія съ опущеннымъ подлежащимъ типа: „любитъ — —не любитъ“, 2) сама по себѣ полная „безподлежащность“ такъ же невозможна, какъ и полная „безличность“. Подлежащее и сказуемое соотносительны не только въ психологіи и логикѣ, но и въ грамматикѣ. Разъ „подлежащный“ типъ предложеній существуетъ въ языкѣ, то „безподлежащныя“ предложенія могутъ сознаваться только на фонѣ „подлежащныхъ“ и только сравнительно съ ними. Вѣдь въ области формъ не можетъ быть изолированныхъ категорій. Сознанію того, что какая-то форма устранена, неизбѣжно должно сопутствовать и смутное представленіе о томъ, какая это была бы форма. А если такъ, то и терминъ „безподлежащное предложеніе“ тоже долженъ бы быть развернутъ въ: „предложеніе съ устраненнымъ подлежащимъ“. Очевидно, въ одномъ словѣ сущности этихъ предложеній не выразишь, а въ такомъ случаѣ лучше всего оставить старинный условный терминъ.

Происхожденіе безличности.

Безличныя предложенія имѣются во всѣхъ индо-европейскихъ языкахъ и были, несомнѣнно, уже въ индо-европейскомъ пра-языкѣ. Поэтому о происхожденіи древнѣйшихъ изъ нихъ мы ничего не знаемъ. Характеризуя ихъ въ предыдущемъ, какъ предложенія „съ устраненнымъ подлежащимъ“, мы не хотѣли этимъ сказать, что подлежащее въ нихъ было когда-то устранено, а только, что оно сейчасъ сознается, какъ устраненное. Однако есть нѣкоторыя общія соображенія, заставляющія предположить, что опредѣленіе наше вѣрно и исторически, т. е. что безличныя предложенія возникли изъ личныхъ, а не наоборотъ. Прежде всего, доязыковая мысль, какъ мы видѣли, основана на ассоціаціи двухъ представленій и поэтому всегда двучленна. Было бы очень

странно, если бы въ языкѣ для нея сразу избрана была одночленная форма. Далѣе, чрезвычайно важны соображенія, выдвинутыя А. Потебней въ его трудѣ: „Изъ записокъ по русской грамматикѣ". Если мы вдумаемся въ такія безличныя предложенія, какъ: „его громомъ убило", „его молніей убило", „дождемъ помочило", „градомъ побило", „экъ его разобрало!", „чтобъ тебя язвило!", „куда его понесло?" и т. д., стоящія, повидимому, ближе къ намъ по времени возникновенія и потому ярче обнаруживающія для насъ свой синтаксическій смыслъ (о нихъ у насъ будетъ рѣчь дальше), то замѣтимъ, что подлежащее устраняется въ нихъ, какъ неизвѣстная причина того явленія, которое выражено въ глаголѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ ближайшая причина была даже налицо (напр., градъ, дождь), и тѣмъ не менѣе языкъ изобразилъ ее только какъ орудіе какой-то другой, отдаленной, причины (градомъ побило = посредствомъ града, а что побило — неизвѣстно). Создавъ эти предложенія на ряду съ личными: „градъ побилъ", „дождь помочилъ", человѣкъ выразилъ ими, что истинная причина явленія ему неизвѣстна. Вотъ это-то исканіе истинной причины явленія и признаніе ея неизвѣстной и лежитъ, повидимому, въ основѣ всѣхъ безличныхъ предложеній. А если такъ, то образованіе безличныхъ предложеній никакъ не можетъ быть отодвинуто въ начальную эпоху языка, такъ какъ они знаменуютъ собой первое зарожденіе критической мысли, первую попытку критически разобраться въ окружающемъ. На ряду съ безличными предложеніями, представляющими нерѣдко извѣстное неизвѣстнымъ, существуетъ въ языкѣ (и особенно древнемъ и народномъ) цѣлый рядъ выраженій, гдѣ, наоборотъ, неизвѣстное представлено, какъ извѣстное. Таковы выраженія: „громъ гремитъ", „тьма тьмитъ", „темень темнится", „туча тучится", „стукъ стучитъ", „чудо чудится" и т. д. Вотъ эти-то выраженія и слѣдуетъ приписать древнѣйшему періоду языка, такъ какъ они указываютъ на первоначальную, миѳическую причину явленія, на миѳическаго дѣятеля, производящаго его. Устраненіе этихъ-то подлежащихъ и создало, по мнѣнію А. Потебни, безличное предложеніе. Такимъ образомъ, предложеніе, напр., „свѣтаетъ" возникло изъ „свѣтъ свѣтаетъ", предложеніе „вечерѣетъ" изъ „вечеръ вечерѣетъ" и т. д. То, что для насъ сейчасъ эти предложенія кажутся пустой тавтологіей, ничего не доказываетъ, такъ какъ мы смотримъ на нихъ съ высоты нашего современнаго языкового сознанія, которомъ въ уже огромную роль сыграли и огромное мѣсто заняли безличныя предложенія. Кромѣ того, въ отдѣльныхъ случаяхъ мы и до сихъ поръ не замѣчаемъ этой тавтологіи, по крайней мѣрѣ, если не вдумываемся въ то, что говоримъ („громъ гремитъ", „вѣтеръ вѣетъ", „свѣтъ свѣтитъ"). Припомнимъ также сказанное о происхожденіи существительнаго (см. стр. 50). Разъ первоначально что угодно могло представляться,

какъ особое существо, видимое или невидимое, то, очевидно, такія сочетанія, какъ: „его досада **взяла**“, „стыдъ **взялъ**“, „страхъ **беретъ**“, „ужасъ **беретъ**“, „лихорадка **трясетъ**“, „нелегкая **понесла**“ и т. д., изображающія это невидимое существо чисто миѳологически, какъ „берущее“ человѣка, „трясущее“, „несущее“ и т. д., должны быть древнѣе, чѣмъ сочетанія: „ему досадно“, „стыдно“, „страшно“, „его трясетъ“, „его понесло“ и т. д., гдѣ невидимое существо уже устранено. Наконецъ, важно также и то, что многіе виды безличныхъ предложеній возникали изъ личныхъ уже въ позднѣйшую, доступную изслѣдованію эпоху (напр., наши „спится“, „дремлется“ и т. д., см. дальше). Такимъ образомъ, безличныя предложенія не есть остатки чего-то убывающаго въ языкѣ, а, наоборотъ, нѣчто все болѣе и болѣе растущее и развивающееся. Можно прямо сказать, что исторія новыхъ языковъ есть исторія вытѣсненія личнаго предложенія безличнымъ. И это стоитъ въ связи съ общимъ вытѣсненіемъ **имени глаголомъ**. Такъ, мы видѣли, что въ цѣломъ рядѣ случаевъ на мѣстѣ древняго причастія (т. е. глагольнаго имени) употребляется теперь уже глаголъ („ибо самъ онъ зналъ, что хотящій сдѣлать“, „такъ отступили они отъ того, что сказавшіе“ и т. д., см. стр. 84). Въ другомъ рядѣ случаевъ древнія сказуемостныя сочетанія со сказуемостными именами распались на самостоятельное сказуемое-глаголъ + зависящій отъ него второстепенный членъ („кончилъ строящій церковь“ = „кончилъ строить“, „сказывалась пришедшая изъ другого города“ = сказывалась пришедшей“ и т. д.). Припомнимъ также все болѣе и болѣе распространяющееся въ новѣйшей литературѣ опущеніе подлежащаго, превращающее порой цѣлыя страницы въ рядъ неполныхъ безподлежащныхъ предложеній. Сюда же, можетъ быть, относится и пристрастіе футуристовъ къ образованію новыхъ глаголовъ: „оэкранить“, „отрелить“, „орозить“, „олунить“, „онебесить“, „крылить“, „крылышковать“, „желудѣть“ и т. д. (см. „Русск. Мысль“ III, 1913, „Новыя теченія русской поэзіи“ Вал. Брюсова). Во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣятельность беретъ верхъ надъ дѣятелемъ. Интересно сопоставить съ этимъ развитіе энергетизма въ современныхъ физикѣ и химіи, отступленіе на второй планъ понятія матеріи по сравненію съ понятіями силы и энергіи—сопоставленіе, показывающее, что ходъ развитія научной и художественной мысли есть лишь частный случай хода развитія человѣческой мысли вообще, отражающагося прежде всего и шире всего въ развитіи языка.

Типы безличныхъ глаголовъ.

Безличные глаголы русскаго языка дѣлятся на двѣ неравныя и неодинаковыя по происхожденію группы: на глаголы типа: „свѣтаетъ“, „смеркается“ и т. д., очень немногочисленные и опредѣлившіеся, какъ особый типъ, еще въ индо-европейскомъ пра-языкѣ, и на глаголы типа: „спится“, „дремлется“,

очень многочисленные и сложившіеся окончательно въ особую безличную категорію уже въ самомъ русскомъ языкѣ. Въ настоящее время категорія эта уже всеобща, т. е. форму эту можно образовать отъ каждаго глагола (мнѣ читается, говорится, работается, лежится, чихается и т. д. и т. д., вплоть до любого, хотя бы и необычнаго, но всегда возможнаго новообразованія), за исключеніемъ глаголовъ возвратныхъ. Отъ возвратныхъ глаголовъ форма эта совсѣмъ не образуется: нельзя сказать: „мнѣ сегодня торопится", „мнѣ умывается", „мнѣ веселится", „мнѣ смѣется" и т. д. Причина та, что въ глаголахъ типа „спится" частица „ся" теперь уже совершенно не имѣетъ возвратнаго значенія, а создаетъ именно самую безличность, да еще, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, придаетъ особый оттѣнокъ легкости дѣйствія („мнѣ говорится"=мнѣ легко говорить). Такимъ образомъ, если для образованія отъ глагола „спитъ" безличной формы съ указаннымъ оттѣнкомъ надо прибавить спеціальное безличное „ся" („спится"), то для образованія такой же формы отъ глагола „торопится" надо было бы прибавить еще одно „ся", что невозможно. Вотъ почему и нельзя сказать въ указанномъ смыслѣ: „мнѣ торопится". По этой же причинѣ мы всѣ глаголы этого типа считаемъ безличными, хотя тѣ изъ нихъ, которые образованы отъ переходныхъ глаголовъ (читается, пишется, говорится, работается и т. д.) имѣютъ и другія лица („читаюсь", „читаешься", „читается" и т. д.): частица „ся" въ ихъ безличной формѣ означаетъ совсѣмъ не то, что въ личной (срвн.: „мнѣ сегодня читается" и „этотъ авторъ много читается"). Вотъ нѣсколько литературныхъ примѣровъ на безличные глаголы обоихъ типовъ:

a) „Ахъ, въ самомъ дѣлѣ разсвѣло!" (Гриб.)

Ужъ совсѣмъ завечерѣло, когда мы возвратились домой. (Тург.)

Уже совсѣмъ вызвѣздило, когда онъ вышелъ на крыльцо. (Тург.)

Уже давно смеркалось. (Пушк.)

Признаться, у меня на сердцѣ захолонуло... (Тург.)

b) ..И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко... (Лерм.)

„Туда, сюда—а дома не сидится..." (Пушк.)

Взгрустнулось какъ-то мнѣ въ степи однообразной. (Кольц.)

Мнѣ поется
У колодца... (Брюс.)

Ему не гулялось, не ходилось, не хотѣлось даже подняться вверхъ... (Гог.)

О, какъ глубоко и радостно вздохнулось Санину, какъ только онъ очутился у себя въ комнатѣ... (Тург.)

Личные глаголы въ смыслѣ безличныхъ. Безличность въ связи со спеціальнымъ значеніемъ глагола.

Кромѣ предложеній съ безличными глаголами, къ безличнымъ слѣдуетъ отнести и предложенія съ личными глаголами, употребленными въ смыслѣ безличныхъ. На первомъ мѣстѣ здѣсь слѣдуетъ поставить такіе глаголы, въ которыхъ безличная форма настолько уже оторвалась отъ личныхъ формъ, что, въ сущности, стала отдѣльнымъ безличнымъ глаголомъ. Таковъ, напр., глаголъ „ломитъ", когда онъ обозначаетъ боль. Хотя и есть глаголъ „ломлю"—„ломишь"—„ломитъ" и т. д., но ясно, что безличная форма „ломитъ" по значенію уже совершенно оторвалась отъ общей системы спряженія. Внѣшнимъ признакомъ этого разрыва служитъ то, что именительный падежъ тутъ уже невозможенъ: нельзя сказать „рука ломитъ", „а только „руку ломитъ". Такъ же далеко и значеніе глагола „рветъ" въ безличномъ употребленіи („его рветъ") отъ того же глагола въ личномъ смыслѣ („рветъ цвѣты"). Таковы же глаголы: „колетъ", „рѣжетъ", „дергаетъ", „зудитъ", „сосетъ", „жжетъ", „сводитъ", „тянетъ", „подмываетъ" и т. д., относящіеся къ внутреннимъ ощущеніямъ человѣка, „морозитъ", „подмораживаетъ", „темнѣетъ", „меркнетъ", „паритъ" и т. д., относящіеся къ явленіямъ природы, „слѣдуетъ", „стоитъ", „приходится", „приведется", „хватаетъ", „достаетъ", „будетъ" (въ смыслѣ „хватитъ" или „довольно") и т. д., относящіеся къ человѣческому быту. Все это, въ сущности, безличные глаголы, только по звукамъ совпадающіе съ соотвѣтствующими личными. Какъ и при безличныхъ глаголахъ, подлежащее при нихъ невозможно. Если мы поставимъ при нихъ хотя бы неопредѣленное подлежащее („что-то"), то и это подлежащее все-таки не будетъ подлежащимъ, а превратится въ обстоятельство: „у меня что-то глазъ рѣжетъ" не обозначаетъ, что у меня нѣчто рѣжетъ глазъ, а что у меня почему-то рѣжетъ глазъ. „Что-то" здѣсь — особое нарѣчіе (употребляющееся и въ личныхъ предложеніяхъ: „онъ что-то похудѣлъ", „у меня жена что-то заболѣла"). Далѣе слѣдуютъ такіе случаи, когда одинъ и тотъ же глаголъ, безъ рѣзкаго измѣненія своего вещественнаго значенія, можетъ быть употребленъ то лично, то безлично, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ на безличность ясно указываютъ другія формы того же предложенія. Сравнимъ, напр.:

Безличность въ связи съ конструкціей.

Голова трещитъ.	**Въ** головѣ трещитъ.
Ухо болитъ.	**Въ** ухѣ болитъ.
Сердце щемитъ.	**На** сердцѣ щемитъ.
Сѣно пахнетъ.	Сѣ**номъ** пахнетъ.
Дерево придавило.	Дерев**омъ** придавило.
Солнце выжгло.	Солнц**емъ** выжгло.
Вода затопила.	Вод**ой** затопило.
Рѣка унесла.	Рѣ**кой** унесло.
и т. д.	и т. д.

Во всѣхъ правыхъ предложеніяхъ подлежащее невозможно, потому что то, что могло бы быть имъ, выражено дополненіемъ, а подлежащее устранено изъ мысли, какъ неизвѣстное. Сюда же можно отнести и такіе случаи, гдѣ хотя и нѣтъ параллельной личной конструкціи, однако вещественный смыслъ фразы обусловливаетъ безличность: „въ ухѣ звенитъ", „въ головѣ шумитъ", „въ глазахъ мутится", „въ животѣ вертитъ" и т. д. Во всѣхъ такихъ случаяхъ глаголъ самъ по себѣ терпитъ подлежащее, но данное сочетаніе его не терпитъ. Наконецъ, третью ступень близости къ предложеніямъ съ безличнымъ глаголомъ могутъ составить тѣ случаи, гдѣ и данный глаголъ терпитъ при себѣ подлежащее, и данное сочетаніе терпитъ его, и гдѣ тѣмъ не менѣе подлежащаго нѣтъ, а глаголъ сознается, какъ безличный. Возьмемъ, напр., восклицаніе: „дуетъ!" или „здѣсь дуетъ!". Въ огромномъ большинствѣ случаевъ оно понимается, какъ безличное, хотя подлежащее здѣсь не только возможно, но и на каждомъ шагу употребляется („вѣтеръ дуетъ", „здѣсь вѣтеръ дуетъ"). При этомъ разницы въ вещественномъ значеніи между тѣмъ и другимъ „дуетъ" нѣтъ ни малѣйшей, и все дѣло сводится только къ одной безличности, которая поэтому и выступаетъ здѣсь особенно рельефно. Или возьмемъ такое сочетаніе у Тургенева:

Безличность только по ассоціаціи съ другими безличными предложеніями, какъ форма грамматической мысли.

> Вы раздвинете мокрый кустъ, — васъ такъ и обдастъ накопившимся теплымъ запахомъ ночи...

Кто обдастъ? Кустъ? Нѣтъ. Хотя здѣсь свободно можно было бы по смыслу заимствовать подлежащее изъ предыдущаго предложенія, хотя кустъ вполнѣ могъ бы „обдать" и разницы въ вещественномъ значеніи между тѣмъ и другимъ „обдастъ" не было бы ни малѣйшей, однако что-то говоритъ намъ, что не „кустъ обдастъ", а просто „обдастъ". Здѣсь особенно рельефно выступаетъ внутренняя сторона без-

личности, безличность, какъ форма грамматическаго мышленія, какъ способность ассоціировать всякое предложеніе съ особымъ безличнымъ типомъ предложеній.

Границы между безличными предложеніями и безподлежащными личными.

Но, съ другой стороны, именно въ этой категоріи случаевъ и бываетъ иногда труднѣе всего рѣшить, личное передъ нами предложеніе, или безличное, такъ какъ здѣсь безличныя предложенія вплотную подходятъ къ неполнымъ личнымъ (съ опущеннымъ подлежащимъ). Все дѣло тутъ, очевидно, только въ томъ, сознаются лицо и число даннаго глагола, какъ форма согласованія сказуемаго съ подлежащимъ, или нѣтъ, ибо безличное предложеніе есть прежде всего „несогласуемый ни съ чѣмъ глаголъ“, а личное — „именит. пад. существительнаго (могущій и опускаться) + согласуемый съ нимъ глаголъ“. Пояснимъ это на примѣрѣ. Представимъ себѣ разговоръ такого рода: „Что вѣтеръ сегодня дуетъ?“ — „Дуетъ“.—„Откуда дуетъ?“—„Съ сѣвера“. — А завтра будетъ дуть?“—„Думаю, что будетъ“. — „А можетъ не будетъ?“ и т. д. Возможно, что слово „вѣтеръ“ уже не повторится въ теченіе всего разговора, но, разъ появившись, оно оставило въ умѣ говорящихъ какой-то слѣдъ, и къ этому слѣду-то и прикрѣпляются всѣ послѣдующія сказуемыя. Совершенно не касаясь вопроса, въ чемъ именно состоитъ этотъ слѣдъ (вопроса, психологически очень сложнаго и во всякомъ случаѣ слишкомъ элементарно рѣшаемаго школьнымъ терминомъ „подразумѣвается“), мы должны признать, что, благодаря ему, сказуемое здѣсь является неизолированнымъ синтаксически, а соотносительнымъ съ чѣмъ-то, согласующимся съ чѣмъ-то, т.-е. личнымъ. Напротивъ, въ обычномъ „дуетъ!“ оно безлично, потому что здѣсь такого слѣда нѣтъ, и глаголъ ни съ чѣмъ не согласуется. Или представимъ себѣ, что мы напряженно прислушиваемся къ приходу опредѣленнаго, извѣстнаго намъ лица и, заслышавъ стукъ въ дверь, говоримъ: „стучитъ!“. Здѣсь ужъ навѣрное подлежащее, какъ слово, „подразумѣваться“ не будетъ, т.-е. у насъ въ умѣ не будетъ ни слова „онъ“, ни имени и отчества нашего знакомаго, а будетъ, скорѣе всего, реальный его образъ, фигура и лицо его. И тѣмъ не менѣе предложеніе будетъ опять личное, потому что сказуемое будетъ съ чѣмъ-то согласоваться. Если бы мы ждали не одного, а двухъ или нѣсколькихъ знакомыхъ, то мы бы воскликнули „стучатъ!“, въ прошедшемъ времени мы бы воскликнули „постучалъ!“ или „постучала!“, смотря по тому, ждали бы мужчину или

женщину и т. д. Очевидно, здѣсь опять-таки имѣлся въ сознаніи образъ, психологической природы котораго мы не будемъ касаться, но къ которому во всякомъ случаѣ могло относиться и относилось сказуемое, какъ къ подлежащему. Напротивъ, въ тургеневскомъ „стучитъ!“ въ „Запискахъ охотника“ такого образа у говорящихъ не было. Если бы они къ чему-нибудь относили свое „стучитъ!“, то они скорѣе бы говорили: „стучатъ!“, потому что съ самаго начала у Филоѳея, а потомъ и у обоихъ гвоздемъ сидѣла мысль о разбойникахъ. Но въ томъ-то и дѣло, что они хотѣли выразить своимъ восклицаніемъ только самый стукъ, самое явленіе стука, а причину оставить невысказанной, придавъ ей тѣмъ самымъ характеръ таинственности. Если въ нашемъ первомъ „стучитъ“ мы сознаемъ, что это кто-то стучитъ, то въ тургеневскомъ намъ кажется, что это „само“ стучитъ. Путемъ особой внутренней передвижки мы можемъ понимать это „стучитъ!“ то такъ, то этакъ, то лично, то безлично. Но не всегда такъ легко опредѣлить, какъ въ данныхъ примѣрахъ, имѣемъ мы безличное предложеніе, или неполное. Особенно затруднительны въ этомъ отношеніи сочетанія съ нѣкоторыми страдательно-возвратными глаголами, если безличность въ нихъ не связана съ тѣмъ оттѣнкомъ легкости дѣйствія, о которомъ мы говорили выше. Мы имѣемъ въ виду такіе глаголы, какъ: говорится (не въ смыслѣ „мнѣ говорится“, т.-е. я въ говорливомъ настроеніи), считается, дѣлается, случается, ведется, предполагается, думается, видится, представляется, кажется, оказывается, обнаруживается, снится, мерещится, чудится, нравится, чувствуется и т. д. Съ одной стороны, здѣсь возможны такія выраженія, какъ: „у насъ въ домѣ говорится по-французски“, гдѣ, какъ въ тургеневскомъ „стучитъ“, мысль сосредоточена на самомъ процессѣ говоренія и совершенно отвлечена отъ того, что говорится, т.-е. отъ производителя процесса *), „это ему такъ только представляется“, „это вамъ только кажется“ (въ смыслѣ этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ), гдѣ тоже все вниманіе сосредоточено на глаголѣ и гдѣ въ связи съ этимъ слово „это“ — не подлежащее, а особая пояснительная частица (какъ въ: „это почтальонъ при-

Шаткость ихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ.

*) Напоминаемъ читателю, что грамматическимъ дѣятелемъ при этомъ глаголѣ, какъ при страдательномъ, является не тотъ, кто говоритъ, а то, что говорится, говорящее же лицо, какъ обозначаемое творительнымъ падежомъ, является орудіемъ процесса: „рѣчь говорится мною“ = рѣчь говоритъ сама себя посредствомъ меня, срвн. выноску на стр.

шелъ", „это дверь скрипнула"). Съ другой стороны, вполнѣ обычны и такія сочетанія, какъ: „недаромъ говорится пословица...", „вспомните, что говорилось тогда объ этомъ дѣлѣ", „все это мнѣ представляется совсѣмъ иначе", „въ его словахъ мнѣ показалось что-то подозрительное" и т. д. Дѣло въ томъ, что глаголы эти по самому смыслу ихъ почти не приходится употреблять въ другихъ лицахъ, кромѣ 3-го („я говорюсь", „ты говоришься" — формы исключительныя), да и въ 3-мъ-то лицѣ подлежащее при нихъ бываетъ чаще всего въ среднемъ родѣ единств. числа, т.-е. неопредѣленное („это", „что-то", „все" и т. д.). Творительный дѣйствующаго предмета при нихъ тоже очень рѣдокъ (обороты въ родѣ: „это всѣми говорится", „мною считается...", „вами предполагается" и т. д. крайне тяжелы), а при нѣкоторыхъ изъ нихъ даже и невозможенъ (нельзя сказать: „мною думается", „мною видится"). Это еще болѣе отрываетъ ихъ отъ нормальнаго личнаго типа предложеній со страдательнымъ залогомъ („домъ строится плотникомъ"). Въ результатѣ у нихъ у всѣхъ и оказывается извѣстный наклонъ въ сторону безличности, и каждый отдѣльный глаголъ и отдѣльный случай употребленія его представляетъ изъ себя большую или меньшую степень этого наклона, отъ полной „личности" до полной безличности включительно. Разобраться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и въ отдѣльныхъ категоріяхъ случаевъ тутъ не такъ-то легко. Упомянемъ лишь объ одной категоріи, наиболѣе частой и наиболѣе спорной, когда то, что по смыслу могло бы быть подлежащимъ, выражено отдѣльнымъ придаточнымъ предложеніемъ: „недаромъ говорится, что дѣло мастера боится", „мнѣ нравится, что у васъ показываютъ проѣзжающимъ все въ городѣ" (Гог.), „и снится ей все, что въ пустынѣ далекой... прекрасная пальма растетъ" (Лерм.) и т. д. Намъ думается, что если смотрѣть на безличность, какъ на „устраненіе" изъ мысли подлежащаго, то безличными главныхъ предложеній здѣсь никакъ нельзя назвать. Вѣдь здѣсь подлежащее не только не устраняется, но напротивъ даже ищется мыслью: въ то время, какъ при „свѣтаетъ" невозможенъ вопросъ „что свѣтаетъ?", при „недаромъ говорится", напротивъ, необходимъ вопросъ: „что говорится?"; въ то время, какъ въ тургеневскомъ „стучитъ" или въ вышеприведенномъ: „у насъ говорится по-французски" все вниманіе сосредоточено на самомъ процессѣ стука или го-

воренія (почему и ускользаетъ изъ мысли производитель процесса), здѣсь вниманіе, напротивъ, всецѣло отвлечено отъ процесса говоренія въ сторону того, *что* говорится. Другими словами, глаголъ здѣсь мыслится не самъ по себѣ, не изолированно, а *соотносительно съ чѣмъ-то*, т.-е. *лично*, и предложенія эти приходится признать, очевидно, не безличными, а *неполными*, съ той лишь оговоркой, что неполнота эта особаго рода: подлежащее здѣсь не дано непосредственно въ обстановкѣ рѣчи и не перенесено мыслью изъ сосѣдняго предложенія, а *замѣщено самимъ сосѣднимъ предложеніемъ*. Случай этотъ ближе всего стоитъ къ такимъ, какъ: „далече грянуло *ура*“, „*авось* до добра не доведетъ“ и т. д. (см. гл. XXXV), гдѣ подлежащее замѣщено просто *безформеннымъ словомъ*. Роль такого *безформеннаго* замѣстителя подлежащаго и играетъ здѣсь цѣлое предложеніе, которое, взятое въ цѣломъ, какъ морфологическая единица, конечно, тоже безформенно. Разница только въ томъ, что въ случаяхъ, какъ: „далече грянуло ура“ имѣется всего *одно* предложеніе, а въ разсматриваемыхъ случаяхъ *два*, почему одно и должно оказаться неполнымъ. Впрочемъ, *вполнѣ* однообразнаго рѣшенія вопроса мы бы и здѣсь не рекомендовали, потому что и здѣсь все зависитъ отъ *степени безличности* глагола. Возможно, что въ отдѣльныхъ глаголахъ степень эта такъ высока (напр., въ такихъ, какъ: „кажется“, „думается“, „водится“, „полагается“), что они, несмотря на явное логическое соотношеніе со своимъ придаточнымъ предложеніемъ, синтаксически сознаются изолированно, т.-е. безлично. Общаго „правила“ здѣсь дать невозможно.

Теперь приведемъ нѣсколько литературныхъ примѣровъ на личные глаголы въ роли безличныхъ, располагая ихъ, сообразно съ предыдущимъ изложеніемъ, въ порядкѣ *убывающей* безличности:

Морозитъ; завтра Рождество.
Но *меркнетъ*, *меркнетъ* въ вышинѣ... (Грот.)

Еще нигдѣ не зарумянилась заря, но уже *забѣлѣлось* на востокѣ. (Тург.)

Сквозило, — дверь и окно стояли настежь. (Ѳ. Солог.)

...онъ говорилъ о ней шутя, какъ оно и *слѣдуетъ* свѣтскому человѣку. (Тург., „оно“ — особое безличное частичное слово, а не подлежащее)

„Онъ говоритъ, что въ дѣтствѣ мамка его ушибла, и съ тѣхъ поръ отъ него *отдаетъ* немного водкою“. (Гог.)

...на маленькіе и съеженные его глазки навертывалась слезинка, губы его подергивало. (Тург.)

Въ ушахъ у гостя затрещало,
И закружилась голова. (Крыл.)

Нѣтъ ни въ чемъ удачи:
То скосило градомъ,
То сняло пожаромъ. (Кольц.)

Домчало насъ къ пристани въ часъ предвечерній... (Брюс.)

Тихо свѣтитъ по всему міру: то мѣсяцъ показался изъ-за горы. (Гог.)

Вдругъ гдѣ-то въ отдаленіи раздался протяжный, звенящій, почти стенящій звукъ, одинъ изъ тѣхъ непонятныхъ ночныхъ звуковъ, которые возникаютъ иногда среди глубокой тишины... Прислушаешься,— и какъ будто нѣтъ ничего, а звенитъ. (Тург.)

„Я ихъ проигралъ, потому что такъ мнѣ вздумалось, а тебѣ совѣтую не умничать..." (Пушк.)

Но все тихо; это вѣрно показалось ему. (Гог., „это" — скорѣе частичн. слово, чѣмъ подлежащее)

Прежде Митѣ нравилось здѣсь, — онъ входилъ сюда съ уваженіемъ и робостью... (Ѳ. Солог.)

Въ заключеніе разсмотримъ нѣкоторыя спеціальныя безличныя конструкціи, которыя удобнѣе выдѣлить въ отдѣльные пункты:

Безличныя сказуемостныя сочетанія.

1) Безличное сказуемостное сочетаніе, состоящее изъ безличной связки (при глаголѣ „было — будетъ" въ настоящемъ времени отрицательной) и сказуемостнаго обстоятельства: „было весело", „стало тепло", „будетъ жаль", „будетъ некогда", „холодно!", „пора!" и т. д. Какъ добавочныя формы, не обязательныя, но характерныя для этихъ сочетаній, надо отмѣтить еще: 1) дательный падежъ дополненія: „мнѣ было весело", „вамъ пора" и т. д. и 2) второстепенное сказуемое: „весело кататься", „пора ѣхать" и т. д. Само обстоятельство можетъ выражаться то грамматическимъ, то неграмматическимъ нарѣчіемъ, и оба эти случая удобнѣе разсмотрѣть отдѣльно.

Сочетанія съ грамматическимъ нарѣчіемъ.

а) Сказуемостное обстоятельство — грамматическое нарѣчіе:

Лучи заката догорали,
И было такъ тепло, тепло. (К. Р.)

...но сгустившійся туманъ покрылъ все, и стало опять темно. (Гог.)

Было такъ свѣтло, на всемъ дворѣ лежали ясные и блѣдные отблески солнечныхъ лучей... (Ѳ. Солог.)

Такъ высоко, — а дѣвочка наклоняется, кричитъ и смѣется. (Ѳ. Солог.)

а также съ дательнымъ падежомъ:

Пусть притворство, что за дѣло!
Пусть обманъ, мнѣ хорошо! (Брюс.)

Мнѣ стыдно вашихъ поздравленій,
Мнѣ страшно вашихъ гордыхъ словъ! (Брюс.)

„Моей больной все хуже становилось, хуже, хуже...“ (Тург.)

...но совѣстно ли стало ей самой при людяхъ, или отъ чего-то другого стало горько..., только она поспѣшно... направилась выходить. (Дост.)

и съ инфинитивомъ:

Прежде, давно, въ лѣта моей юности... мнѣ было весело подъѣзжать въ первый разъ къ незнакомому мѣсту... (Гог.)

„Не жить, какъ ты, мнѣ стало больно...“ (Лерм.)

Хорошо мнѣ здѣсь лежать
На грядахъ, недавно взрытыхъ. (Брюс.)

„Жизнь у васъ впереди, и вамъ легче будетъ жить...“ (Тург.)

„Честолюбіе было возбуждено въ немъ сильно, а дѣятельности и поприща ему не было. Лучше бъ было и не возбуждать его!“ (Гог.)

При разборѣ обычныхъ сказуемостныхъ сочетаній мы видѣли, что грамматич. нарѣчіе въ положительной степени въ нихъ совершенно не употребляется; нельзя сказать: „онъ былъ молодо, весело“ (см. стр. 228). Здѣсь же, напротивъ, необходимо именно нарѣчіе, и оно неразрывно связано здѣсь съ безличнымъ смысломъ связки. Если мы въ сочет.: „было тепло“ попробуемъ понимать форму „тепло“, какъ средній родъ краткаго прилагательнаго (тепелъ, тепла, тепло), то тотчасъ же натолкнемся на вопросъ: „что было тепло?“, т.-е. переведемъ безличное предложеніе въ неполное личное. Или сравнимъ, напр.: „теченіе было холодно“ и „въ водѣ было холодно“, „его занятіе весело“ и „ему весело“, „его лицо грустно“ и „ему грустно“, „зданіе свѣтло“ и „въ зданіи свѣтло“ и т. д. Мы видимъ, что въ личныхъ оборотахъ вездѣ сознается прилагательное, а въ безличныхъ—нарѣчіе. Это и понятно, если принять во вниманіе, что въ сказуемостномъ прилагательномъ есть формы согласованія съ подлежащимъ, неизбѣжно указывающія на присутствующее или отсутствующее подлежащее, и что особой формы съ потерей согласованія наподобіе безличныхъ глаголовъ у прилагательныхъ нѣтъ. Поэтому они и не могутъ пониматься безлично.

Нарѣчіе же, какъ не имѣющее формъ согласованія, какъ разъ подходитъ къ безличности. По аналогіи съ положительной степенью и въ сравнительной степени различается нарѣчіе въ собственномъ смыслѣ и нарѣчіе, какъ замѣститель прилагательнаго. Въ сочетан.: „будетъ веселѣе“ мы сознаемъ настоящее нарѣчіе, если понимаемъ это предложеніе безлично (въ смыслѣ: кому-то будетъ веселѣе); если же мы представимъ себѣ это предложеніе, какъ недоговоренное личное (въ смыслѣ: кто-то будетъ веселѣе), нарѣчіе уже будетъ сознаваться, какъ замѣститель прилагательнаго.

Границы между ними и личными сочетаніями съ прилагательнымъ въ ср. р. ед. ч.

Итакъ, прилагательное при безличности невозможно. Это проводитъ опредѣленную грань между разсматриваемымъ типомъ безличности и такими неполными личными предложеніями, какъ: было извѣстно, было очевидно, ясно (не о погодѣ, конечно), достовѣрно, несомнѣнно, понятно, умѣстно, свойственно, прилично, полезно, здорово, подло, честно, дурно (не о дурнотѣ, конечно), умно, глупо и т. д. Въ сочет., напр., „было извѣстно“ слово „извѣстно“ никакъ не можетъ быть принято за нарѣчіе (тѣмъ болѣе, что такого нарѣчія какъ разъ и нѣтъ въ русскомъ языкѣ), и въ связи съ этимъ сочетаніе явно нуждается въ подлежащемъ (что было извѣстно? это было извѣстно, твое поведеніе было извѣстно). При этомъ, какъ и въ предложеніяхъ типа: „недаромъ говорится, что дѣло мастера боится“, на мѣстѣ подлежащаго чаще всего оказывается цѣлое придаточное предложеніе („извѣстно, что слоны въ диковинку у насъ“, „ясно, что изъ этого ничего не выйдетъ“), а иногда и инфинитивъ („обманывать — дурно“, „человѣку свойственно ошибаться“). И этотъ инфинитивъ надо отличать отъ того инфинитива, о которомъ говорилось выше. Сочетанія: „мнѣ было холодно ѣхать“ и „мнѣ было свойственно краснѣть“ при полномъ внѣшнемъ сходствѣ глубоко различны внутренно, и разницу эту мы считаемъ не только логической, но и синтаксической. Въ первомъ предложеніи форма средняго рода единств. ч. связки (было) имѣетъ значеніе не средняго рода и не единственнаго числа, а безличности, въ связи съ чѣмъ „холодно“ можетъ пониматься только, какъ нарѣчіе, а инфинитивъ—только, какъ второстепенное сказуемое (холодно что дѣлать). Во второмъ предложеніи форма средн. р. ед. ч. связки имѣетъ свое буквальное значеніе, т.-е. обозначаетъ согласованіе съ подлежащимъ средняго рода ед. ч., а форма имен. падежа ед. ч. ср. р. прилагательнаго (свойственно) еще болѣе подкрѣпляетъ это значе-

ніе, такъ что инфинитивъ оказывается какъ разъ на мѣстѣ этого предуказаннаго и глаголомъ, и прилагательнымъ подлежащаго. И если мы примемъ во вниманіе, что форма средн. рода ед. ч. всегда служитъ для согласованія глагола съ безформеннымъ подлежащимъ („далече грянуло ура“, „предполагалось, что онъ скоро пріѣдетъ“, „извѣстно было, что его нѣтъ дома“, см. гл. XXXV), то должны будемъ признать, что инфинитивъ здѣсь является не въ своей собственной роли второстепеннаго сказуемаго, а именно какъ такой безформенный замѣститель подлежащаго. Къ тому же ведутъ и всѣ остальные пункты различія между нашими примѣрами. Въ первомъ примѣрѣ инфинитивъ можетъ быть опущенъ, и предложеніе останется полнымъ („мнѣ было холодно“); во второмъ — опущеніе инфинитива ведетъ къ явной неполнотѣ („мнѣ было свойственно“). Въ первомъ примѣрѣ подлежащее невозможно (нельзя сказать: „что было холодно?“); во второмъ — необходимо („что было свойственно?“). Въ первомъ примѣрѣ дательный падежъ дополненія („мнѣ“) не связанъ ни со словомъ „было“, ни со словомъ „холодно“ въ отдѣльности, а только съ обоими словами вмѣстѣ („холодно было“), т.-е. съ самой безличной конструкціей, соотвѣтствуя дательному другихъ безличныхъ предложеній („мнѣ было холодно“, какъ: „мнѣ нездоровилось“, „мнѣ хотѣлось“ и т. д.); во второмъ примѣрѣ дательный падежъ зависитъ исключительно отъ прилагательнаго „свойственно“, управляющаго вообще, во всякомъ положеніи, дательнымъ падежомъ („доброта была ему свойственна“, „вы, со свойственной вамъ деликатностью...“ и т. д.), и, слѣдовательно, отнюдь не указываетъ на безличность. Въ первомъ примѣрѣ дательный связанъ, кромѣ того, еще и съ инфинитивомъ, какъ производитель того дѣйствія, которое указано въ инфинитивѣ („мнѣ было холодно ѣхать“ близко къ: „мнѣ приходилось ѣхать“, „мнѣ хотѣлось ѣхать“ и т. д., см. дальше рубрику 3-ю); во второмъ примѣрѣ дательный зависитъ опять-таки только отъ прилагательнаго, а отъ инфинитива такъ же отдѣленъ, какъ былъ бы отдѣленъ и отъ подлежащаго („мнѣ свойственно красить“, какъ: „мнѣ свойственна эта черта“). Коротко говоря, въ первомъ примѣрѣ все цѣльно и безлично, во второмъ — все распадается на двѣ части (подлежащее и сказуемое) и все лично.

Мы намѣренно сопоставили 2 наиболѣе различныхъ выраженія, чтобы выяснить объ возможныя здѣсь формы сочетанія

въ ихъ рѣзкомъ отличіи другъ отъ друга. Но не всякое сочетаніе настолько типично, и не во всякомъ такъ легко разобраться. Въ нашихъ примѣрахъ анализъ облегчался тѣмъ, что первое сочетаніе своимъ в е щ е с т в е н н ы м ъ значеніемъ обусловливало безличность („холодно", явленіе природы), а во второмъ былъ рѣдкій случай прилагательнаго, не имѣющаго соотвѣтственнаго дублета-нарѣчія („свойственно"). Въ тѣхъ же случаяхъ, когда вещественный смыслъ одинаково допускаетъ и личное, и безличное пониманіе, а форма на „о" тоже одинаково можетъ пониматься и какъ нарѣчіе, и какъ прилагательное, форма сочетанія неизбѣжно двоится. Тутъ все сводится къ а с с о ц і а ц і я м ъ даннаго предложенія съ той или другой формой сочетанія. Такія предложенія, какъ: „безчестно было такъ поступать со мной", „глупо было бы не воспользоваться случаемъ", „интересно было бы знать...", „полезно отмѣтить..." и т. д., а тѣмъ болѣе такія, какъ: „такъ поступать — безчестно", „не воспользоваться случаемъ было бы глупо", „гулять полезно" и т. д. (съ инфинитивомъ п е р е д ъ сказуемостн. сочетаніемъ), всегда колеблются между безличнымъ и личнымъ смысломъ, смотря по тому, ассоціируемъ мы ихъ въ моментъ произнесенія съ типомъ: „мнѣ холодно кататься", „мнѣ больно прикоснуться" и т. д., или съ типомъ: „твое поведеніе безчестно", „такой поступокъ былъ бы глупъ", „моціонъ полезенъ" и т. д. Опредѣленнаго „правила" здѣсь дать нельзя, такъ какъ каждое сочетаніе глубоко индивидуально, а можно указать только опредѣленную грамматическую пропорцію: чѣмъ ближе форма на „о" къ нарѣчію, тѣмъ безличнѣе связка и тѣмъ ближе инфинитивъ къ второстепенному сказуемому; чѣмъ ближе форма на „о" къ прилагательному, тѣмъ болѣе лична связка и тѣмъ ближе инфинитивъ къ безформенному замѣстителю подлежащаго.

Форма на „о" въ разговорно-литературномъ языкѣ.

Нужно, впрочемъ, добавить, что живой разговорный языкъ рѣшительно стремится къ пониманію формы на „о", какъ н а р ѣ ч і я, и, въ связи съ этимъ, къ безличности всѣхъ этихъ сочетаній. Въ сущности, живой языкъ тяготится той двойственностью значенія, которая создалась въ формѣ на „о", и выходитъ изъ затрудненія тѣмъ, что или избѣгаетъ совсѣмъ краткихъ прилагательныхъ въ среднемъ родѣ (такія сочетанія, какъ: „это зданіе хорошо", „это животное мало", „платье легко" и т. д. крайне рѣдки и явно книжны) или, тамъ, гдѣ ихъ избѣжать невозможно, смѣшиваетъ ихъ съ нарѣчіями. Въ такихъ сочетаніяхъ, какъ: „это хорошо", „это полезно", это мнѣ очень пріятно", „Но вѣдь что, главное, въ ней хорошо? —

Хорошо то, что она сейчасъ только... выпущена изъ какого-нибудь пансіона или института..“ (Гог.), „не хорошо, что у васъ больные такой крѣпкій табакъ курятъ...“ (Гог.), и т. д., мы, въ сущности, сознаемъ въ первый моментъ нарѣчіе, и только призвавъ на помощь школьныя грамматическія воспоминанія или другіе языки, соображаемъ, что здѣсь должно быть прилагательное. Возможно, что формы краткаго прилагательнаго средняго рода уже и нѣтъ въ разговорно-литературномъ языкѣ, и только невѣрно направленная грамматическая рефлексія мѣшаетъ намъ видѣть это. А если такъ, то въ разговорномъ, по крайней мѣрѣ, языкѣ всѣ эти предложенія безличны. Правда, на это можно возразить, что разъ форма эта и какъ нарѣчіе мирится въ извѣстныхъ случаяхъ съ подлежащимъ (это хорошо), то въ предложеніяхъ типа: „гулять полезно“ инфинитивъ можетъ быть замѣстителемъ подлежащаго, хотя бы „полезно“ и было нарѣчіемъ. Но дѣло въ томъ, что инфинитивъ вообще очень плохая замѣна для подлежащаго, онъ слишкомъ характеренъ и слишкомъ глаголенъ для этого, и эту роль можно признавать за нимъ только по нуждѣ, только тогда, когда окружающія формы непререкаемо указываютъ на личный характеръ предложенія и настоятельно требуютъ подлежащаго. А единственной такой формой, не допускающей безличнаго пониманія, и является въ этихъ сочетаніяхъ форма краткаго прилагательнаго въ среднемъ родѣ. Разъ этой формы въ разговорномъ языкѣ нѣтъ, то и замѣстительный инфинитивъ въ немъ въ такихъ сочетаніяхъ невозможенъ*). Во всякомъ случаѣ, для школы не было бы большой натяжкой и въ то же время очень упростило бы дѣло, если бы всѣ эти предложенія толковались, какъ безличныя, за исключеніемъ тѣхъ очень немногихъ случаевъ, гдѣ форма на „о“, какъ нарѣчіе совсѣмъ не употребляется („извѣстно“, „свойственно“) и гдѣ поэтому приходится признавать замѣстительный инфинитивъ или замѣстительное придаточное предложеніе.

Сочетанія съ неграмматическимъ нарѣчіемъ.

в) Сказуемостное обстоятельство — неграмматическое нарѣчіе. Всѣ эти предложенія уже безусловно безличны, такъ какъ о смѣшеніи нарѣчія съ прилагательнымъ здѣсь не можетъ быть рѣчи. Инфинитивъ служитъ здѣсь всегда второстепеннымъ сказуемымъ. Отмѣтимъ слѣдующіе употребляющіеся здѣсь виды неграмм. нарѣчій:

α) можно, должно, надобно и т. д., имѣющія то же окончаніе, что и грамматическія, но не имѣющія степеней сравненія:

Намъ должно жить! Лучомъ и свѣтлой пылью,
Волной и бездной должно опьянѣть... (Брюс.)

*) Для знающихъ по-латыни напомнимъ, что въ errare humanum est только одно это humanum, какъ разъ отсутствующее въ русскомъ языкѣ, обусловливаетъ замѣстительную роль инфинитива.

Есть такія мгновенья въ жизни, такія чувства... На нихъ можно только указать — и пройти мимо. (Тург.)

„Полно врать", прервалъ я строго... (Пушк.)

3) жаль, пора, время, льзя (устарѣлое), нельзя, охота, неволя, лѣнь, досада, смѣхъ, грѣхъ, досугъ, недосугъ и т. д.:

Мнѣ было жаль бѣднаго старика... (Пушк.)

„И охота было не слушаться!" (Пушк.)

Про нынѣшнихъ друзей льзя молвить не грѣша,
Что всѣ они не стоятъ ни гроша. (Крыл.)

„Но, баринъ, не пора ль за дѣло приниматься?" (Крыл.)

„И чувствую я, что не слѣдъ ей разговаривать, а запретить ей... не могу". (Тург.)

Нельзя намъ мига отдохнуть... (Брюс.)

„Теперь, правда, не за что, а кабы ты, баринъ, что-нибудь у меня перенялъ, не грѣхъ бы тогда было и еще прибавить..." (Фонвиз.)

Всего, что зналъ еще Евгеній,
Перечислять мнѣ недосугъ... (Пушк.)

Нарѣчія эти произошли изъ именительнаго падежа существительнаго (единственный случай происхожденія нарѣчій изъ этого падежа) и утратили свою существительность именно благодаря соединенію съ безличнымъ глаголомъ. Въ древне-русскомъ яз. подобное соединеніе встрѣчалось довольно часто: „стало на крестьянскій родъ великій гладъ", „пришло трусъ на землю", „ухватило его нѣкая сила", „пало туча велика снѣжная", „загорѣлось свѣча въ церкви" и т. д. (примѣры взяты у Потебни). Какъ исключеніе, такое соединеніе встрѣчается и теперь, напр., у Достоевскаго: „вотъ и вышло тогда первая моя штука...", у Пушкина: „и праздномыслить было мнѣ отрада". На второмъ примѣрѣ мы какъ разъ замѣчаемъ, какъ сосѣдство безличнаго глагола сказывается на существительномъ: оно начинаетъ походить на нарѣчіе; „было отрада" сбивается въ сознаніи на „было отрадно". Такимъ-то образомъ и произошли нарѣчія этого типа. Но въ отдѣльныхъ случаяхъ процессъ достигъ разныхъ стадій. Въ такихъ нарѣчіяхъ, какъ: „жаль", „льзя", „нельзя" (срвн. существительное „по-льза", гдѣ древнѣйшій корень тотъ же), только научный анализъ открываетъ бывшія существительныя. Въ такихъ, какъ „пора", сознается рѣзкая разница между „пора было запрягать" и „была та смутная пора, когда Россія молодая... мужала съ геніемъ Петра"; однако связь между

„пора"-существительнымъ и „пора"-нарѣчіемъ еще не окончательно порвалась и можетъ быть иной разъ подмѣчена. Наконецъ, въ такихъ словахъ, какъ: „лѣнь", „охота", „время", „смѣхъ", „досада" и т. д. процессъ только что начался, такъ что говорятъ и „охота было (безлично), и „охота была" (лично), и „смѣхъ было смотрѣть" и „смѣшно было смотрѣть" (избѣгая слова „смѣхъ", какъ нарѣчія). Очевидно, слова этого рода, какъ ни трудно ихъ отдѣлить здѣсь отъ предыдущихъ, еще далеко не нарѣчія.

Прим.— Вѣроятно, изъ этихъ предложеній нарѣчія эти попали въ такія сочетанія, какъ: „я страхъ люблю кататься верхомъ", „смерть люблю музыку", „онъ былъ очень хорошъ для живописца, не любящаго страхъ господъ прилизанныхъ и завитыхъ..." (Гог.) и т. д.

с) некогда, некуда, неоткуда, нечего, негдѣ, незачѣмъ и т. д.:

Стало-быть,— рѣшилъ Калитинъ, большой неохотникъ до сельской тишины,—въ деревню таскаться незачѣмъ. (Тург.)

Я зналъ, что съ Савельичемъ спорить было нечего. (Пушк.)

Но тесто некогда глядѣть, смотритъ ли кто въ окошко или нѣтъ. (Гог.)

Некуда спрятаться, всюду царитъ ненавистная стая! (Апухт.)

Нарѣчія эти произошли изъ обычныхъ нарѣчій: „когда", „гдѣ", „куда" и т. д. и отрицанія „нѣ", образовавшагося изъ „не + есть" (какъ въ „нѣтъ"), такъ что „не есть когда" давало „нѣ когда", „не есть куда" — „нѣ куда" и т. д. (традиціонная орѳографія не научна). Глаголъ здѣсь первоначально былъ не связочнымъ, а полновѣснымъ безличнымъ глаголомъ и предложеній было два, а не одно (срвн. утвердительные обороты: „есть, куда пойти", „было, когда сдѣлать", „будетъ, гдѣ ночевать" и разговорные отрицательные: „не было, гдѣ лечь", „не было, куда стать" и т. д.). И только сліяніе нарѣчія съ отрицаніемъ и образованіе этимъ путемъ новаго нарѣчія, примкнувшаго уже къ глаголу, а не къ инфинитиву: (срвн.: „не было, куда стать" и „некуда было стать"), превратило глаголъ въ связку. То же, впрочемъ, и въ предыдущей рубрикѣ: „охота была" и „охота было" одинаково сознавались, какъ „охота существовала", пока соединеніе именительнаго падежа съ безличнымъ глаголомъ вообще казалось возможнымъ. По мѣрѣ же того, какъ именительный падежъ переходилъ въ нарѣчіе, глаголъ превращался въ связку.

Причастныя безличныя сказуемостныя сочетанія.

2) Причастное безличное сказуемостное сочетаніе, т.-е. безличная связка „было—будетъ“ + +-страдательное краткое причастіе средняго рода ед. ч.:

Про батарею Тушина было забыто. (Л. Толст.)

Какъ мало прожито, какъ много пережито! (Надс.)

„Ахъ, Боже мой! я и позабылъ, что возлѣ того забора навалено на сорокъ телѣгъ всякаго сору“. (Гог.)

Инфинитивъ возможенъ и при этихъ сочетаніяхъ, напр.:

... Потоцкому поручено было съ пятью полками поймать непремѣнно Тараса. (Гог.)

Ермолаю было приказано доставлять... тетеревей и куропатокъ. (Тург.)

Для всего этого предположено было собраться у полицеймейстера... (Гог.)

Пусть знаютъ всѣ, что рядъ столѣтій
Россіи вѣдать суждено! (Брюс.)

И хотя о пониманіи формы на „о“, какъ нарѣчія, здѣсь уже не можетъ быть и рѣчи, однако и эти предложенія имѣютъ большой наклонъ къ безличности, и „замѣстительное“ толкованіе инфинитива и въ нихъ не необходимо. Дѣло въ томъ, что ассоціаціи этихъ оборотовъ съ личными крайне слабы, такъ какъ подлежащее первыхъ двухъ лицъ въ нихъ почти не употребляется (нельзя сказать: „я былъ приказанъ“, „ты была приказана“, рѣдко говорится: „я былъ порученъ“, „ты была поручена“, и т. д.), а въ 3-мъ лицѣ подлежащее бываетъ по преимуществу неопредѣленное, въ среднемъ родѣ („это мнѣ было приказано“, „это было поручено“ и т. д.). Въ результатѣ, причастіе слилось здѣсь со связкой тѣснѣе, чѣмъ въ обычныхъ причастныхъ сказуемостныхъ сочетаніяхъ, и получилась какъ бы составная безличная форма страдательнаго залога, параллельная глаголамъ: говорится, считается, предполагается, думается и т. д. („было говорено“ = „говорилось“, „было предположено“ = „предполагалось“ и т. д., см. стр. 208 и 314). И здѣсь развитіе въ сторону безличности пошло даже еще дальше. Такъ, здѣсь возможны страдательныя сочетанія и отъ непереходныхъ глаголовъ, въ качествѣ спеціальной безличной формы: было сижено, хожено, ѣзжено, плакано, спано и т. д.; въ исключительныхъ случаяхъ здѣсь возможенъ даже винительный падежъ того слова, которое по смыслу должно бы быть подлежащимъ („совѣтовъ тысячу надавано полезныхъ“ Крыл.), что уже совершенно отры-

ваетъ эти формы отъ личнаго страдательнаго залога. Но, конечно, въ отдѣльныхъ случаяхъ и здѣсь возможенъ еще личный смыслъ, особенно въ оборотахъ книжнаго характера съ послѣдующимъ придаточнымъ предложеніемъ, замѣщающимъ подлежащее: „было точно установлено, что...", „было доказано, что...", „было обнаружено, что..." и т. д.

Сочетанія безличнаго глагола съ инфинитивомъ.

3) Безличный (или личный со значеніемъ безличнаго) глаголъ—дательный падежъ дополненія (не всегда)—второстепенное сказуемое:

„Я подданнымъ рожденъ, и умереть
Мнѣ подданнымъ во мракѣ-бъ надлежало". (Пушк.)

Именно въ такой день случилось мнѣ быть на охотѣ. (Тург.)

„Стоитъ только ночью сѣсть на паперть на церковную, да на дорогу глядѣть". (Тург.)

„...вамъ не прійдется, какъ намъ, отыскивать свою дорогу, бороться, падать и вставать среди мрака... А мнѣ, послѣ сегодняшняго дня, послѣ этихъ ощущеній, остается отдать вамъ послѣдній поклонъ... и сказать...: „Здравствуй, одинокая старость! Догорай, безполезная жизнь!" (Тург.)

Онъ много написалъ на своемъ вѣку, и ему не удалось увидѣть ни одного своего произведенія изданнымъ. (Тург.)

Дательный дополненія, хотя и не обязателенъ, но существенъ для этихъ оборотовъ, такъ какъ связанъ съ самой безличностью ихъ, и его надо отличать отъ случайнаго дательнаго, могущаго быть при инфинитивѣ. Такъ, въ сочет.: „мнѣ остается отдать вамъ послѣдній поклонъ" первый дательный относится одинаково и къ глаголу, и къ инфинитиву, а вѣрнѣе къ сочетанію того и другого („остается отдать"), второй же — только къ инфинитиву „отдать". Первый возможенъ только въ безличныхъ оборотахъ и соотвѣтствуетъ дательному при безличныхъ глаголахъ („мнѣ снится", „мнѣ хочется"); второй вполнѣ возможенъ и въ личномъ предложеніи („хочу отдать вамъ"). Первый соотвѣтствуетъ подлежащему личнаго предложенія („мнѣ хочется" = „я хочу"); второй и тамъ, и тутъ является дополненіемъ. Поскольку каждый безличный оборотъ сознается въ связи съ соотвѣтствующимъ личнымъ, первый можно было бы называть, въ отличіе отъ второго, дательнымъ „дѣйствующаго предмета", понимая такой терминъ, конечно, такъ же условно, какъ и терминъ: „творительный дѣйствующаго предмета", примѣняемый къ сочетаніямъ со страдательнымъ залогомъ („домъ строится плотникомъ").

Сюда же принадлежатъ и сочетанія полновѣснаго безличнаго глагола „было — будетъ“ съ такимъ же дательнымъ и инфинитивомъ, а сверхъ того часто и со своеобразными дополненіями: некого, некому, некѣмъ, не о комъ, нечего (часто переходящее въ нарѣчіе - обстоятельство), нечему, нечѣмъ, не о чемъ, происшедшими, какъ и соотвѣтствующія нарѣчія, изъ: „не есть кого“, „не есть кому“ и т. д.:

Сожалѣть ему было о чемъ, стыдиться — нечего. (Тург.)

И точно не на что было жаловаться. (Тург.)

И скучно, и грустно, и некому руку подать... (Лерм.)

... въ деревнѣ тебѣ некого было благоговѣйно выслушивать, некому удивляться, некого любить... (Тург.)

„... Да долго ль будетъ
Мнѣ съ нимъ возиться?“ (Пушк.)

... сырую свѣжесть поздняго вечера смѣнила полуночная сухая теплынь, и еще долго было ей лежать мягкимъ пологомъ на заснувшихъ поляхъ... (Тург., и здѣсь, и въ предыдущ. примѣрѣ „долго“ не сказуемостное обстоятельство, а обычное, потому что „было — будетъ“ — не связка, а полновѣсное сказуемое со значеніемъ: „приходилось-придется“ или „предстояло-предстоитъ“).

„Кошелекъ повяжу для тебя, другъ мой! Софьюшкины денежки было бъ куда класть“. (Фонвиз.)

Нѣкоторые изъ относящихся къ этой рубрикѣ глаголовъ, если разсматривать ихъ сами по себѣ, внѣ данныхъ сочетаній, представляютъ интересный примѣръ переходнаго состоянія между „личностью“ и безличностью. Рѣзко отличаясь по значенію въ своемъ личномъ употребленіи отъ безличнаго („онъ предстоитъ предъ судомъ“ и „мнѣ предстоитъ ѣхать“) они тѣмъ не менѣе въ своемъ послѣднемъ значеніи могутъ употребляться и лично („мнѣ предстоитъ поѣздка“) и даже во множественномъ числѣ („мнѣ предстоятъ хлопоты“). Такъ какъ въ этомъ значеніи 1-е и 2-е лицо неупотребительны (не приходится говорить въ этомъ смыслѣ: „я предстою“, „ты предстоишь“), то получается особый разрядъ „одноличныхъ“ глаголовъ, употребляющихся въ 3-мъ лицѣ обоихъ чиселъ и допускающихъ при себѣ подлежащее (т.-е. не безличныхъ). Таковы же глаголы: „подобаетъ“, „полагается“, „удается“ („вамъ подобаетъ почетъ“ и „подобаютъ почести“, „полагается награда“ и „полагаются прогоны“ и т. д., формы же „подобаю“, „подобаешь“, „полагаюсь“, „полагаешься“ неупотребительны). Возможно, что „одноличность“ есть вообще переходное со-

стояніе глагола между „личностью“ и безличностью и что и нынѣшніе безличные глаголы были когда-то „одноличными“.

Такъ какъ во многихъ изъ этихъ сочетаній глаголъ, такимъ образомъ, самъ по себѣ терпитъ подлежащее („предстоитъ поѣхать“ и „предстоитъ поѣздка“, „удалось поѣхать“ и „удалась поѣздка“, „случилось поѣхать“ и „случилась поѣздка“), то можетъ возникнуть вопросъ, всѣ ли эти предложенія безличны и не слѣдуетъ ли и здѣсь прибѣгать иногда къ „замѣстительному“ инфинитиву? По нашему мнѣнію, нѣтъ. Инфинитивъ, какъ мы уже говорили, такъ мало приспособленъ для какого бы то ни было замѣстительства и такъ характеренъ самъ по себѣ въ своей функціи второстепеннаго сказуемаго, что замѣстителемъ подлежащаго его можно признавать только тамъ, гдѣ подлежащее необходимо, гдѣ безличный смыслъ невозможенъ (см. стр. 321). Здѣсь же, напротивъ, глаголъ всегда явно тяготѣетъ къ безличности, и инфинитивъ, самъ безличный, конечно, не устраняетъ, а поддерживаетъ въ немъ этотъ безличный оттѣнокъ. „Предстоитъ поѣхать“ отражается въ нашей мысли совсѣмъ не такъ, какъ: „предстоитъ поѣздка“, а какъ: „приходится поѣхать“, „стоитъ поѣхать“ и т. д., гдѣ глаголъ уже совсѣмъ безличенъ. Отношеніе этихъ оборотовъ къ соотвѣтствующимъ личнымъ напоминаетъ отношеніе оборота: „убило громомъ“ къ: „убилъ громъ“. Какъ тамъ предложеніе никакъ не можетъ быть личнымъ, потому что то, что единственно могло бы быть подлежащимъ, выражено дополненіемъ, такъ здѣсь предложеніе не можетъ быть личнымъ, потому что то, что могло бы быть подлежащимъ, выражено второстепеннымъ сказуемымъ.

Предложенія трехъ разсмотрѣнныхъ до сихъ поръ рубрикъ въ точности соотвѣтствуютъ составнымъ конструкціямъ личныхъ предложеній, разсмотрѣнныхъ въ главахъ XXIII, XXIV и XXV. Именно, предложенія 1-й и 2-й рубрикъ соотвѣтствуютъ сказуемостнымъ сочетаніямъ личныхъ предложеній (глл. XXIII и XXIV), а предложенія третьей рубрики — сочетаніямъ глагола съ инфинитивомъ въ личныхъ предложеніяхъ (гл. XXV). Въ общемъ получается полный параллелизмъ личнаго и безличнаго предложеній, какъ 2-хъ основныхъ типовъ нашего грамматическаго мышленія.

Безличность въ отрицательныхъ предложеніяхъ.

4) Отрицательныя предложенія съ личнымъ непереходнымъ глаголомъ въ роли безличнаго и съ дополненіемъ въ родительномъ падежѣ:

Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ. (погов.)

...нигдѣ не мерцалъ огонекъ; не слышалось никакого звука. (Тург.)

Ни облачка на небѣ не бродило. (Жуковск.)

Ожидаемой помощи не приходило. (Пушк.)

И не будетъ на свѣтѣ ни слезъ, ни вражды,
Ни безкрестныхъ могилъ, ни рабовъ,
Ни нужды, безпросвѣтной, мертвящей нужды,
Ни меча, ни позорныхъ столбовъ. (Надс.)

Предложенія эти безличны только при отрицаніи. По устраненіи отрицанія они переходятъ въ личныя: „не было гроша“ — былъ грошъ“, „не слышалось ни звука“ — „слышался звукъ“, „не будетъ слезъ и вражды“ — „будутъ слезы и вражда“ и т. д., при чемъ родительный дополненія дѣлается подлежащимъ. Такимъ образомъ, отсутствіе подлежащаго связано здѣсь именно съ этимъ родительнымъ, а самъ родительный съ отрицаніемъ, какъ въ оборотахъ: не вижу сестры, не читаю книги, не ѣмъ мяса и т. д. И какъ и тамъ, родительный этотъ самъ по себѣ не обязателенъ: можно сказать и: „онъ не былъ здѣсь“, и: „его не было здѣсь“, и: „грошъ не былъ у меня“, и: „гроша не было у меня“ (конечно, съ измѣненіемъ значенія, какъ и тамъ). Въ обоихъ случаяхъ двойственность выраженія — особенность славянскихъ языковъ. При переходныхъ глаголахъ такой безличный оборотъ невозможенъ и никогда не былъ возможенъ, потому что тогда получилось бы два родительныхъ: родительный на мѣстѣ подлежащаго и родительный на мѣстѣ прямого дополненія („братъ читалъ книгу“ — „брата не читало книги“), что не могло бы быть понятнымъ.

Безличность при количественныхъ обстоятельствахъ и дополненіяхъ.

5) Личный глаголъ въ роли безличнаго + количественное нарѣчіе-обстоятельство (или равнозначное дополненіе):

Въ послѣднія пять лѣтъ онъ много прочелъ и кое-что увидѣлъ, много мыслей перебродило въ его головѣ... (Тург.)

„... мы хлопотали о томъ, какъ бы уцѣлѣть — и сколько изъ насъ не уцѣлѣло!“ (Тург.)

Какъ въ каждой настоящей семьѣ, въ лысогорскомъ домѣ жило вмѣстѣ нѣсколько совершенно различныхъ міровъ... (Л. Толст.)

... Много слугъ и казны
Подъ замками лежитъ. (Кольц.)

Иль было ей восторговъ мало? (Брюс.)

Работы оставалось еще, по крайней мѣрѣ, на двѣ недѣли... (Гог.)

Внизу лѣстницы сидѣло по одному часовому... (Гог.)

Безличность при именительномъ количества.

На мѣстѣ нарѣчія можетъ быть и существительное съ количественнымъ значеніемъ, т.-е. или численное, или такое, какъ „тьма“, „пропасть“, „бездна“, „масса“ и т. д.

„Насъ было двое: братъ и я". (Пушк.)
Мнѣ было тогда двадцать одинъ годъ. (Л. Толст.)
Всѣхъ офицеровъ скакало семнадцать человѣкъ. (Л. Толст.)
Народу съѣхалось пропасть... (Тург.)
Публики сегодня пришло цѣлая бездна... (Дост.)

Но тутъ уже получается нѣчто среднее между личнымъ и безличнымъ предложеніемъ: глаголъ имѣетъ безличный смыслъ (ни съ чѣмъ не согласованъ), а при немъ есть подлежащее (имен. пад.). Очевидно, это предложенія типа: „пришло трусъ на землю" (см. стр. 322). удержавшіяся въ языкѣ только въ тѣхъ случаяхъ, когда подлежащее имѣетъ количественный смыслъ. Такія предложенія можно было бы назвать „безличными предложеніями съ именительнымъ количества". Они употребляются на ряду съ личными: „пять человѣкъ пришли" и „пять человѣкъ пришло" одинаково обычны.

На происхожденіе предложеній послѣдняго рода такъ же, какъ и старинныхъ предложеній, сюда относящихся („пришло трусъ на землю"), можно смотрѣть двояко. Можно видѣть въ нихъ (вмѣстѣ съ Потебней) переходный типъ отъ личнаго предложенія къ безличному, когда сказуемое уже сдѣлалось безличнымъ, а подлежащее еще не успѣло исчезнуть (что такія предложенія встрѣчаются и сейчасъ, не противорѣчитъ этому, такъ какъ „поверхность языка", по мѣткому выраженію Потебни, „пестрѣетъ оставшимися наружи образцами разнохарактерныхъ пластовъ"). А можно считать, что предложенія эти есть плодъ смѣшенія личнаго и безличнаго оборотовъ въ такую эпоху языка, когда оба оборота были уже вполнѣ развиты. Послѣднее представляется намъ болѣе вѣроятнымъ, главнымъ образомъ потому, что вѣдь такой переходный типъ могъ образоваться только въ русскомъ языкѣ, гдѣ прошедшее время измѣняется по родамъ; вѣдь въ настоящемъ и будущемъ времени („приходитъ трусъ на землю", „придетъ трусъ на землю") такой переходный типъ немыслимъ, потому что неразличимъ. А какъ же образовались безличныя предложенія въ другихъ языкахъ, гдѣ прошедшее время не измѣняется и не измѣнялось по родамъ? Да и вообще происхожденіе безличности приходится отнести къ пра-язычной порѣ, и слѣдовательно факты одного древне-русскаго языка (къ тому же не очень древніе) не могутъ имѣть рѣшающаго значенія.

XXXI.

Неопредѣленно-личныя предложенія.

Особыя безподлежащныя предложенія со сказуемымъ въ 3-мъ л. мн. ч.

Предложенія, о которыхъ будетъ здѣсь рѣчь, стоятъ какъ бы по серединѣ между личными и безличными предложеніями. Таковы, прежде всего, предложенія со сказуемымъ въ 3-мъ лицѣ множественнаго числа (а въ прошедшемъ времени просто множественнаго числа), какъ, напр.:

„Говорятъ, что три короля объявили войну царю нашему". (Гог.).

Ужъ сколько разъ твердили міру,
Что лесть гнусна, вредна... (Крыл.)

Однажды играли въ карты у конногвардейца Наумова. (Пушк.)

... его судили... осудили, лишили чиновъ, дворянства, сослали въ Сибирь. Потомъ простили... вернули. (Тург.)

Отличія ихъ отъ неполныхъ предложеній (неопредѣленность опущеннаго подлежащаго).

Во всѣхъ этихъ предложеніяхъ нѣтъ подлежащаго, и это отсутствіе подлежащаго имѣетъ въ нихъ совершенно особый смыслъ, отличающій ихъ и отъ неполныхъ предложеній съ опущеннымъ подлежащимъ, и отъ безличныхъ. Отъ неполныхъ предложеній они отличаются тѣмъ, что подлежащее здѣсь не можетъ быть взято ни изъ обстановки рѣчи, ни изъ предыдущей рѣчи, какъ это всегда бываетъ въ неполныхъ предложеніяхъ (см. стр. 89). Представимъ себѣ, что два человѣка увлеклись какимъ-нибудь разговоромъ передъ общей прогулкой и задерживаютъ остальныхъ. Если кто-нибудь спроситъ: „почему мы не идемъ?" всѣ посмотрятъ на разговаривающихъ и скажутъ: „да вотъ, все говорятъ!" Хотя здѣсь подлежащаго нѣтъ, и нельзя даже сказать, что оно „подразумѣвается", потому что произнесшіе эту фразу не держали, вѣроятно, въ умѣ ни именъ этихъ двухъ людей, ни словъ: „они", „эти люди", „эти двое" и т. д.; но представленіе, соотвѣтствующее подлежащему (психологическое подлежащее) здѣсь было, и очень ясное, потому что дано было въ обстановкѣ рѣчи. Точно такъ же въ „Бѣсахъ" Пушкина:

Что такъ жалобно поютъ?
Домового ли хоронятъ?
Вѣдьму ль замужъ выдаютъ?

мы прекрасно знаемъ изъ предыдущаго, кто поетъ, кто хоронитъ и кто выдаетъ замужъ, хотя самаго слова „бѣсы"

можетъ-быть и не держимъ въ умѣ при чтеніи этихъ строкъ. Въ обоихъ случаяхъ получаются предложенія личныя, но недосказанныя, неполныя. Теперь сопоставимъ съ ними предложенія нашего новаго типа: „въ парламентахъ много говорятъ“, „въ этой церкви хорошо поютъ“, „его завтра хоронятъ“ и т. д. Въ нихъ дѣйствующее лицо далеко не такъ ясно, какъ въ предыдущихъ, и эта неясность какъ разъ очень важна для нихъ. Мы могли бы перечислить, кто въ парламентахъ говоритъ (депутаты, министры, монархъ), кто въ церкви поетъ, кто хоронитъ, но такое перечисленіе совершенно исказило бы фразу. Въ то время, какъ въ прежнихъ предложеніяхъ добавленіе опущеннаго подлежащаго создало бы въ худшемъ случаѣ лишь стилистическую неловкость (потому что ввело бы лишнее слово), здѣсь оно бы стерло самый синтаксическій обликъ фразы, измѣнило бы строй ея. И это потому, что оно уничтожило бы тотъ оттѣнокъ непредѣленности, въ которомъ тутъ все дѣло. Другими словами, здѣсь подлежащее не случайно недосказано, какъ въ неполныхъ личныхъ предложеніяхъ, а намѣренно устранено изъ рѣчи, намѣренно представлено, какъ неизвѣстное, неопредѣленное. Этимъ-то предложенія эти и отграничиваются отъ неполныхъ предложеній и приближаются къ безличнымъ. Но, съ другой стороны, и отъ безличныхъ предложеній они тоже рѣзко отличаются. Въ то время какъ въ предложеніяхъ типа: „свѣтаетъ“ или „вечеретъ“ форма 3-го лица единственнаго числа теряетъ свое прямое значеніе, въ этихъ предложеніяхъ лицо и число глагола сохраняютъ все свое обычное значеніе: въ предложеніяхъ: „въ этой церкви хорошо поютъ“ или: „ужъ сколько разъ твердили міру“ третье лицо указываетъ, какъ и всегда, на то, что дѣйствуетъ не говорящій и не слушающій, а тотъ, о комъ говорятъ, а множественное число — что дѣйствуетъ не одинъ предметъ, а нѣсколько. Все, какъ въ самомъ обыкновенномъ глаголѣ. Примѣняясь къ школьной практикѣ, мы пояснили бы дѣло такъ: „свѣтаетъ“, „вечеретъ“ и т. д. не отвѣчаютъ на вопросъ „что дѣлаетъ?“, а „поютъ“ ясно отвѣчаетъ на вопросъ „что дѣлаютъ?“ А разъ мы сознаемъ, что здѣсь кто-то что-то дѣлаютъ, то, очевидно, сознаемъ дѣйствующее лицо, и, значитъ, предложенія наши никакъ не могутъ быть названы безличными. Такимъ образомъ, при сравненіи съ безличными предложеніями эти предложенія оказываются личны-

Отличія ихъ отъ безличныхъ предложеній.

ми, а при сравненіи съ обычными личными предложеніями выдѣляются неопредѣленностью подлежащаго. Вотъ почему ихъ и можно назвать **неопредѣленно-личными.**

Прим.—Терминъ этотъ, такимъ образомъ, отнюдь не слѣдуетъ понимать, какъ: „предложенія съ неопредѣленнымъ лицомъ", а только какъ: „предложенія неопредѣленныя по отношенію къ вещественному содержанію подлежащаго + личныя". Условность такого обозначенія неизбѣжно вытекаетъ изъ условности основныхъ терминовъ „личный" и „безличный", изъ которыхъ волей - неволей приходится исходить при образованіи новыхъ терминовъ.

Особыя безподлежащныя предложенія со сказуемымъ во 2-мъ л. ед. ч.

Далѣе сюда же относятся обычно (хотя и съ меньшимъ правомъ) предложенія со сказуемымъ во 2-мъ лицѣ единственнаго числа, каковы слѣдующія:

Тише ѣдешь, дальше будешь (посл.)

Любишь кататься, люби и саночки возить. (посл.)

... по мнѣ—ужъ лучше пей,
Да дѣло разумѣй. (Крыл.)

Много другихъ еще примѣровъ въ голову приходитъ,—да всего не перескажешь. (Тург.)

Глядишь и не знаешь, идетъ или не идетъ его величавая ширина... (Гог.)

Звонъ мгновенья—когда его любишь какъ я—изъ области надземныхъ звоновъ. (Бальм.)

Для пониманія этихъ предложеній надо прежде всего принять во вниманіе, что иногда въ нихъ бываетъ и подлежащее, т.-е. слово „ты", напр.:

„Вотъ, не доѣдемъ, да и только домой! Что ты прикажешь дѣлать?" (Гог., „Ревизоръ")

„Наскучило итти—берешь извозчика и сидишь себѣ, какъ баринъ, а не хочешь заплатить ему—изволь: у каждаго дома есть сквозныя ворота, и ты такъ шмыгнешь, что тебя никакой дьяволъ не сыщетъ". (тамъ же)

„... ѣздитъ на извозчикѣ, каждый день ты доставай въ кеятръ билетъ, а тамъ черезъ недѣлю, глядь—и посылаетъ на толкучій продавать новый фракъ" (тамъ же)

при чемъ общій характеръ фразы остается совершенно тотъ же. Въ такихъ случаяхъ мы имѣемъ не только личное, но, вдобавокъ, еще и полное предложеніе съ самымъ настоящимъ подлежащимъ. И тѣмъ не менѣе нѣкоторой неопредѣленности этого подлежащаго отрицать невозможно. Несомнѣнно, что „ты" здѣсь означаетъ не то, что обычно. Въ

чемъ же его особенность, и чѣмъ она объясняется? Дѣло въ томъ, что каждое слово вообще можетъ употребляться въ общемъ и въ частномъ значеніи. Говоря: „дайте мнѣ хлѣба!“ я могу имѣть въ виду какой-угодно хлѣбъ (если я, напр., такъ голоденъ или такъ неразборчивъ, что сортъ для меня безразличенъ), и тогда это слово будетъ мной употреблено въ общемъ значеніи, а могу имѣть въ виду тотъ хлѣбъ, на который сейчасъ смотрю или о которомъ собесѣдникъ уже знаетъ—и тогда это слово будетъ имѣть частный смыслъ. Человѣкъ, входящій впервые въ ворота какого-нибудь дома и желающій „видѣть дворника“, употребляетъ слово это совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляетъ хозяинъ, когда велитъ позвать себѣ дворника. Первый представляетъ себѣ дворника вообще, а второй только своего дворника, Ивана, Петра или Сидора со всѣми его индивидуальными особенностями. Слово „поетъ“ имѣетъ два разныхъ смысла въ сочетаніяхъ: „соловей поетъ лучше всѣхъ птицъ“ и „этотъ соловей поетъ здѣсь по утрамъ“. Въ первомъ случаѣ мы представляемъ себѣ пѣніе вообще, а во второмъ—индивидуальное пѣніе даннаго соловья въ данное время въ данномъ мѣстѣ. Или сравнимъ еще слово „завтра“ въ обычномъ употребленіи (для меня, напр., сейчасъ это 5-е іюня 1913 г.) и въ стишкѣ: „завтра, завтра, не сегодня, такъ лѣнивцы говорятъ“, гдѣ оно обозначаетъ всякое „завтра“. Хотя каждое слово вообще можетъ употребляться въ обоихъ смыслахъ, однако есть слова, которыя употребляются преимущественно въ общемъ смыслѣ (бытіе, субстанція, наука, искусство, религія, нравственность и т. д.) и есть слова, употребляющіяся преимущественно въ частномъ смыслѣ (вчера, завтра, рядомъ, напротивъ, наискось, насквозь и т. д.). Личныя слова, по понятнымъ причинамъ, принадлежатъ какъ разъ ко второму разряду. Вѣдь „я“ всегда обозначаетъ того, кто говоритъ, а говорить можетъ только данный, индивидуальный человѣкъ, а не человѣкъ вообще, „ты“ всегда обозначаетъ того, кому говорятъ, „мой“ всегда указываетъ на индивидуальное „я“, „твой“ на индивидуальное „ты“ и т. д. Крайне рѣдко мы говоримъ о нашемъ „я“ вообще, о временахъ, когда не будетъ ни „моего“, ни „твоего“, и т. д. Вотъ этотъ-то крайне рѣдкій общій смыслъ и приданъ слову „ты“ въ предложеніяхъ разсматриваемаго типа. Какъ въ предложеніи: „человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ“ подъ „человѣкомъ“ разумѣется не какой-нибудь

Частное и общее значеніе слова.

Частное и общее значеніе личныхъ словъ.

Обобщеніе лица рѣчи, какъ сущность этого рода предложеній.

опредѣленный человѣкъ, а всякій человѣкъ, человѣкъ вообще, такъ въ словахъ Осипа: „ты такъ шмыгнешь, что тебя никакой дьяволъ не сыщетъ“ подъ словомъ „ты“ разумѣется не тотъ „ты“, который слушаетъ Осипа (да его, кстати, никто и не слушаетъ), а всякій „ты“, „ты“ вообще. Разница только въ томъ, что къ слову „человѣкъ“ такое обобщеніе вполнѣ подходитъ, а къ слову „ты“ оно мало подходитъ. Мы видимъ, такимъ образомъ, что неопредѣленность подлежащаго въ этихъ предложеніяхъ объясняется совсѣмъ не такъ, какъ въ предложеніяхъ предыдущаго типа. Тамъ подлежащее опускалось, а здѣсь ему только придается особый обобщающій оттѣнокъ, отнимающій у него индивидуально-личный характеръ. Понятно отсюда, что предложенія эти еще менѣе примыкаютъ къ безличнымъ, чѣмъ предыдущія: вѣдь они, по существу, ничѣмъ не отличаются отъ такихъ вполнѣ личныхъ предложеній, какъ: „человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ“, „соловей поетъ лучше всѣхъ птицъ“ и т. д. И если ихъ все же полезно выдѣлить въ особую категорію, то только потому, что изъ всѣхъ нашихъ личныхъ словъ именно „ты“ спеціализировалось въ этой обобщительной роли, такъ что можно сказать, что предложенія эти представляютъ собой излюбленную форму личнаго обобщенія въ русскомъ языкѣ, и это составляетъ важную его синтаксическую особенность. Что и другія лица способны къ этому, ясно изъ такихъ случаевъ, какъ: „ѣду-ѣду—слѣду нѣту, рѣжу-рѣжу—крови нѣту“ (лодка и весло), „я мыслю—слѣдовательно существую“, гдѣ обобщено 1-е лицо единственнаго числа, „мѣтилъ въ ворону, а попалъ въ корову“, „либо панъ, либо пропалъ“, „пьянъ да уменъ—два угодья въ немъ“, гдѣ обобщено 3-е лицо единств. ч., „охотно мы даримъ, что намъ не надобно самимъ“ (Крыл.), „тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ“, гдѣ обобщено 1-е лицо множ. ч., „ищите, и дастся вамъ“, „не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ“, гдѣ обобщено 2-е лицо множ. ч. (предполагаемъ эти фразы, какъ сентенціи, а не въ ихъ евангельской обстановкѣ, гдѣ онѣ относятся къ окружающимъ), „по платью встрѣчаютъ, по уму провожаютъ“, „отъ кого чаютъ, того и величаютъ“, гдѣ обобщено 3-е л. мн. ч. (типъ, внѣшне совпадающій и потому трудно отдѣлимый отъ предыдущаго типа). Но типичнымъ въ этомъ отношеніи является для русскаго языка все-таки второе лицо единственнаго числа.

Что касается опущенія самаго слова „ты“ въ такихъ пред-

ложеніяхъ, то о немъ отдѣльно говорить не приходится, такъ какъ личныя слова 1-го и 2-го лица вообще могутъ опускаться, когда въ нихъ нѣтъ прямой надобности (см. стр. 132) и опущеніе это съ безличностью ничего общаго не имѣетъ.

Примѣч.—Предложенія двухъ послѣднихъ типовъ соединены нами въ одномъ отдѣлѣ только по традиціи и чтобы не множить рубрикъ и терминовъ. Въ сущности, типы эти, какъ видитъ читатель, совершенно разнородны, и предложенія второго типа слѣдовало бы выдѣлить въ особый отдѣлъ „обобщенно-личныхъ“ предложеній.

Тѣ и другія предложенія, какъ формы мысли.

Оба разсмотрѣнныхъ типа предложеній представляютъ изъ себя несомнѣнно двѣ особыхъ формы сочетаній русскаго языка и, соотвѣтственно съ этимъ, двѣ особыхъ формы мышленія русскаго человѣка. Что это дѣйствительно такъ, ясно особенно изъ такихъ случаевъ, гдѣ эти формы вступаютъ въ конфликтъ съ самымъ содержаніемъ мысли и гдѣ благодаря этому форма выступаетъ особенно отчетливо. А такіе случаи у насъ на каждомъ шагу, такъ какъ предложенія эти, наравнѣ съ подлинными безличными предложеніями, все больше и больше развиваются въ языкѣ за счетъ обычныхъ личныхъ предложеній. Такъ, хотя въ предложеніяхъ типа: „говорятъ“ подлежащее опускается, какъ неизвѣстное, однако подобнымъ же образомъ на каждомъ шагу опускается и вполнѣ извѣстное говорящему подлежащее: „тебѣ говорятъ, что нельзя, а ты все свое!“ сказанное тѣмъ самымъ лицомъ, которое говоритъ, что нельзя, „васъ просятъ подождать“, передаваемое прислугой, „звонокъ испорченъ, просятъ стучать“, вывѣшенное на двери, „ищутъ дѣльнаго приказчика“ въ газетномъ объявленіи, „Вамъ желаютъ добра и предупреждаютъ Васъ...“ въ анонимномъ письмѣ и т. д. Въ предложеніяхъ второго, обобщительнаго типа въ форму обобщенія облекаются нерѣдко чисто личные факты, носящіе глубоко интимный характеръ, какъ, напр., у Л. Толстого:

> Послѣ молитвы завернешься, бывало, въ одѣяльце... Вспомнишь ... о Карлѣ Ивановичѣ и его горькой участи... и такъ жалко станетъ, такъ полюбишь его, что слезы потекутъ изъ глазъ и думаешь: „дай Богъ ему счастья... я всѣмъ готовъ для него пожертвовать“. Потомъ любимую фарфоровую игрушку—зайчика или собачку—уткнешь въ уголъ пуховой подушки и любуешься, какъ хорошо, тепло и уютно ей тамъ лежать. Еще помолишься о томъ, чтобы Богъ далъ счастья всѣмъ... повернешься на другой бокъ... и уснешь тихо, спокойно, еще съ мокрымъ отъ слезъ лицомъ.

или у Лермонтова:

> Въ себя ли заглянешь? — тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда:
> И радость, и муки, и все тамъ ничтожно...

Въ этихъ случаяхъ обобщительная форма сочетанія получаетъ глубокое жизненное и литературное значеніе. Она является тѣмъ мостомъ, который соединяетъ личное съ общимъ, субъективное съ объективнымъ. И чѣмъ интимнѣе какое-либо переживаніе, чѣмъ труднѣе говорящему выставить его на показъ передъ всѣми, тѣмъ охотнѣе онъ облекаетъ его въ форму обобщенія, переносящую это переживаніе на всѣхъ, въ томъ числѣ и на слушателя, который въ силу этого болѣе захватывается повѣствованіемъ, чѣмъ при чистоличной формѣ. Такова же роль и обычнаго авторскаго „мы", употребляемаго не только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ авторъ дѣйствительно можетъ мысленно слиться съ читателемъ и гдѣ обобщеніе умѣстно, но и въ чисто автобіографическихъ сообщеніяхъ. И тутъ личное прячется подъ выработанныя въ языкѣ обобщительныя формы.

XXXII.

Неполныя предложенія.

Неполныя предложенія.

Хотя неполныя предложенія и не входятъ въ кругъ нашего изученія, какъ отдѣлъ слишкомъ спеціальный, однако представляется желательнымъ зарегистрировать, по крайней мѣрѣ, тѣ виды неполныхъ предложеній русскаго языка, которые были такъ или иначе затронуты предыдущимъ изложеніемъ или будутъ затронуты послѣдующимъ. При этомъ тѣхъ случаевъ, гдѣ опущеніе восполняется только обстановкой рѣчи, мы не будемъ касаться, какъ слишкомъ индивидуальныхъ, а сосредоточимся на тѣхъ случаяхъ, гдѣ опущеніе уясняется изъ контекста. Здѣсь мы отмѣтимъ слѣдующіе разряды предложеній:

Предложенія безъ подлежащаго.

1) Предложенія безъ подлежащаго со сказуемымъ въ 1-мъ или во 2-мъ лицѣ и съ опущеннымъ „я", „ты", „мы" или „вы" (примѣры см. на стр. 132).

2) Предложенія безъ подлежащаго, заимствуемаго изъ сосѣднихъ предложеній:

> Могучій Олегъ головою поникъ
> И думаетъ... (Пушк.)

Вотъ мой Онѣгинъ на свободѣ;
Остриженъ по послѣдней модѣ;
Какъ Dandy лондонскій, одѣтъ;
И, наконецъ, увидѣлъ свѣтъ. (Пушк.)

Я вытащилъ изъ чемодана два походные стаканчика, налилъ и поставилъ одинъ передъ нимъ. (Лерм.)

Характера онъ былъ больше молчаливаго, чѣмъ разговорчиваго; имѣлъ даже благородное побужденіе къ просвѣщенію, т.-е. чтенію книгъ, содержаніемъ которыхъ не затруднялся... (Гог.)

Она не помнила, какъ выѣхала изъ Казани... (Акс.)

А вора онъ затѣмъ не устерегъ,
Что хлѣбы печь сбирался. (Крыл.)

Любила музыку она
Не потому, что въ модѣ. (Некр.)

Вотъ въ такія-то минуты Пака и оставался одинъ. Былъ такой тихій и послушный, что совсѣмъ не опасались оставлять его одного: никуда же не уйдетъ, и уже навѣрное ничего не должнаго не сдѣлаетъ. Сядетъ и займется чѣмъ-нибудь. (Ѳ. Солог.)

„Изобью!“ сказала она сквозь зубы. Принялась колотить. Безсильно барахтался въ ея могучихъ рукахъ. (Ѳ. Солог.)

Саранинъ, крохотный, какъ пылинка, поднялся въ воздухѣ. Закружился. Смѣшался съ тучей пляшущихъ въ солнечныхъ лучахъ пылинокъ. Исчезъ. (Ѳ. Солог.)

Глядишь и не знаешь, идетъ или не идетъ его величавая ширина... (Гог.)

... Нигдѣ не темнѣетъ, не густѣетъ гроза... (Тург.)

Условія заимствованія подлежащаго изъ контекста.

Какъ видно изъ примѣровъ, такое заимствованіе подлежащаго можетъ происходить и не изъ ближайшаго предложенія, а изъ болѣе или менѣе отдаленнаго, при чемъ подлежащее можетъ переноситься мыслью изъ предложенія въ предложеніе (и при томъ минуя нѣкоторыя предложенія) на огромное разстояніе. Далѣе, членъ, заимствуемый, какъ подлежащее, можетъ и не быть подлежащимъ въ томъ предложеніи изъ котораго онъ заимствуется („любила музыку она не потому, что въ модѣ“). Наконецъ, изъ двухъ послѣднихъ примѣровъ видно, что заимствованіе можетъ происходить не только изъ предыдущихъ предложеній, но и изъ послѣдующихъ. Это объясняется тѣмъ, что извѣстный комплексъ предложеній можетъ быть предварительно весь цѣликомъ охваченъ мыслью, и членъ, общій имъ всѣмъ и смутно рисующійся уже при первыхъ предложеніяхъ, можетъ окончательно выкристаллизоваться въ словесную форму лишь впослѣдствіи. Всѣ эти

условія заимствованія одинаково относятся и къ тѣмъ заимствованіямъ, о которыхъ будетъ рѣчь ниже.

3) Предложенія безъ подлежащаго, замѣщеннаго цѣлымъ сосѣднимъ предложеніемъ или группой ихъ:

„... снилось мнѣ, что отецъ мой есть тотъ самый уродъ, котораго мы видѣли у есаула“. (Гог.)

Извѣстно, что, переѣзжая быстрыя рѣчки, не должно смотрѣть на воду, ибо тотчасъ голова закружится. (Лерм.)

„Вамъ, мужчинамъ... всегда ясно, кого вы любите...“ (Л. Толст.)

„Когда бывало, чтобы кто-нибудь что-нибудь продалъ, и ему бы не сказали сейчасъ же послѣ продажи: „это гораздо дороже стоитъ“? (Л. Толст.)

Что я было принялъ за рощу, оказалось темнымъ и круглымъ бугромъ... (Тург.)

См. также примѣры на стр. 314 и 318. Сюда же можно отнести и такія предложенія, какъ: „по одежкѣ протягивай ножки“ было его любимой пословицей“, „талантъ, талантъ!“ звучало у него въ ушахъ“ (Гонч.) и т. д., гдѣ на мѣстѣ подлежащаго оказывается уже совершенно отдѣльное предложеніе, даже не соединенное съ даннымъ предложеніемъ союзомъ, но тѣмъ яснѣе выполняющее функцію подлежащаго.

Предложенія безъ сказуемаго.

4) Предложенія безъ сказуемаго (или связки), заимствуемаго изъ сосѣднихъ предложеній:

Мужъ жену любитъ здоровую, а братъ сестру богатую. (Посл.)

Закуривъ трубки, мы усѣлись — я у окна, онъ у затопленной печи... (Лерм.)

„Тебѣ все — бурей, мнѣ все кажется зефиромъ“. (Крыл.)

Какъ змѣй на сброшенную кожу,
Смотрю на то, чѣмъ прежде былъ. (Брюс.)

Словно какъ мать надъ сыновней могилой,
Стонетъ куликъ надъ равниной унылой. (Некр.)

5) Предложенія безъ сказуемаго, намѣчаемаго приглагольнымъ дополненіемъ или обстоятельствомъ того же предложенія:

Татьяна въ лѣсъ; медвѣдь за нею... (Пушк.)

„... всѣмъ судомъ заворотили... къ графскому эконому, да три дня и три ночи безъ просыпу — въ карты“. (Гог.)

„... съ полупьяна, небритые и заспанные, какъ были, на телѣги, да къ нѣмцу...“ (Гог.)

Прочь свары, зависть, злость! (Крыл.)
Съ чужого коня среди грязи долой. (Посл.)

См. также примѣры на стр. 224.

6) Предложенія безъ сказуемаго, намѣчаемаго приглагольнымъ второстепеннымъ сказуемымъ того же предложенія:

Татьяна ахъ, а онъ — ревѣть. (Пушк.)

„Это все дрянь, чѣмъ набиваютъ головы ваши: и академіи, и всѣ тѣ книжки...— я плевать на все это!“ (Гог.)

„... смотритъ: баба идетъ. Она вглядываться, вглядываться,— ахъ, ты, Господи! — сама идетъ по дорогѣ, сама Ульяна“. (Тург.)

„Взяли, связали, да въ городъ, да полтора года и просидѣлъ нѣмецъ въ тюрьмѣ... Жена — хлопотать!..“ (Гог.)

(Лиса говоритъ дрозду): „если не накормишь, — я дѣтей твоихъ поѣмъ. Дроздъ горевать, дроздъ тосковать, какъ лисицу ему накормить... „Напои меня“. Дроздъ горевать, дроздъ тосковать, какъ лису напоить... „Вытащи меня изъ ямы...“ Дроздъ горевать, дроздъ тосковать, какъ лисицу вынимать... (примѣръ Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, „Синт.“ стр. 91, изъ русск. сказокъ Афанасьева).

Срвн. также обиходные: „а, ты драться!“, „ты ругаться!“ и вопросительные съ оттѣнкомъ изумленія или негодованія: „я — ревновать? вотъ идея!“, „я — передъ нимъ унижаться? ни за что!“ Предложенія эти отличаются отъ предыдущихъ только особой неуловимостью опущеннаго глагола и выразительностью самаго опущенія. Если мы вмѣсто: „на телѣги, да къ нѣмцу“ скажемъ: „сѣли на телѣги, да поѣхали къ нѣмцу“, оборотъ не столько исказится, сколько излишне дополнится. Если же мы вмѣсто: „дроздъ горевать“ скажемъ: „дроздъ сталъ горевать“ или вмѣсто: „да я плевать на это!“ скажемъ: „да я готовъ плевать на это“, то получится полное искаженіе оборота. Объясняется это все той же отвлеченностью инфинитива по сравненію съ дополненіемъ, о которой мы уже говорили (см. стр. 248). Такъ какъ инфинитивъ, въ отличіе отъ дополненія, не связанъ своимъ вещественнымъ значеніемъ съ глаголомъ, то и намекать на тотъ или иной глаголъ своимъ содержаніемъ онъ не можетъ. И намекъ здѣсь идетъ не изъ инфинитива самого по себѣ и не изъ обстановки рѣчи (какъ это возможно при дополненіи), а изъ интонаціи и ритма предложенія. Въ такихъ предложеніяхъ, какъ: „жена — хлопотать“, „дроздъ горевать“ мы имѣемъ особую тягучую интонацію, на распѣвъ, выражающую

длительность процесса, въ такихъ, какъ: „я плевать на это!“ особый короткій и рѣзкій ритмъ, выражающій рѣшимость и т. д. Понятно, что этого рода средства не могутъ съ такой опредѣленностью намекать на то или иное слово, какъ приглагольное дополненіе. Понятно также и то, что, вставляя глаголъ, мы легко можемъ превратить это специфическое произношеніе въ обычное („жена стала хлопотать“), что и стираетъ съ оборота всѣ его краски и искажаетъ его. Но что глаголъ здѣсь дѣйствительно опущенъ, а не замѣщенъ инфинитивомъ, ясно именно изъ того, что отсутствіе глагола должно быть восполнено специфической интонаціей, чего при замѣщеніи вообще не наблюдается (сравн.: „далече грянуло ура“ съ самой обычной интонаціей). Къ тому же и инфинитивъ здѣсь сознается именно, какъ приглагольный, а не какъ пріименный: сочетанія эти могутъ ассоціироваться только съ такими, какъ: „жена пустилась хлопотать“, „чтобъ я сталъ унижаться передъ нимъ?“, „да я плевать хочу на все это!“ и т. д., а никакъ не съ такими, какъ: „у него была привычка опаздывать“, „свойство краснѣть“ и т. д.

Предложенія безъ приглагольнаго управляемаго дополненія.

7) Предложенія безъ приглагольнаго управляемаго дополненія, заимствуемаго изъ сосѣднихъ предложеній:

„Вы, отроки - други, возьмите коня!
Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ;
Въ мой лугъ подъ уздцы отведите;
Купайте, кормите отборнымъ зерномъ,
Водой ключевою поите“. (Пушк.)

И всѣ подняли кубки. Не поднялъ лишь одинъ,
Одинъ не поднялъ кубка, Михайло князь Репнинъ. (А. Толст.)

Предложенія эти мы считаемъ неполными, потому что переходный глаголъ въ нихъ сознается именно, какъ переходный (т.-е. не такъ, какъ въ: „онъ много говорилъ сегодня“, „что говоритъ, и говоритъ, какъ пишетъ!“), а въ то же время дополненія при немъ нѣтъ. Такимъ образомъ, опредѣленная форма сочетанія (глагола съ его дополненіемъ) здѣсь не закончена.

8) Предложенія безъ приглагольнаго управляемаго дополненія, замѣщеннаго цѣлымъ сосѣднимъ предложеніемъ или группой ихъ:

Осматривая укрѣпленіе и цитадель... я не понималъ, какимъ образомъ мы могли овладѣть Карсомъ. (Пушк.)

Я хочу, чтобъ мнѣ открылись первобытные лѣса,
Чтобы заревомъ надъ Перу засвѣтились небеса. (Бальм.)

Дорого-любо, кормилица-нива,
Видѣть, какъ ты колосишься красиво! (Некр.)

Вотъ онъ попадьѣ признается:
Такъ и такъ, что дѣлать остается? (Пушк.)

„Сторона мнѣ знакомая", отвѣчалъ дорожный... (Пушк.)

Предложеній этихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ такими, какъ: „я знаю только то, что ничего не знаю", „боюсь, сударь, я одного смертельно, чтобъ множество не накопилось ихъ" (Гриб.), гдѣ дополненіе при глаголѣ имѣется, и предложеніе, съ логической стороны не законченное, съ грамматической вполнѣ закончено.

Предложенія безъ нѣсколькихъ членовъ.

9) Предложенія безъ нѣсколькихъ членовъ, заимствуемыхъ изъ сосѣдняго предложенія:

... влетѣвшій вѣтеръ около васъ замираетъ. Птицы засыпаютъ — не всѣ вдругъ — по породамъ... (Тург.)

Въ такіе дни краски всѣ смягчены; свѣтлы, но не ярки; на всемъ лежитъ печать какой-то трогательной кротости. (Тург.)

Но конецъ наступилъ. Самый обыкновенный. Какого и слѣдовало ждать. (Ѳ. Солог.)

Потомъ стали ворчать. Выговаривать. (Ѳ. Солог.)

„О, я, какъ братъ,
Обняться съ бурей былъ бы радъ!" (Лерм.)

...слезы градомъ полились изъ погасавшихъ очей, какъ у безсильнаго дитяти. (Гог.)

Характера онъ былъ больше молчаливаго, чѣмъ разговорчиваго... (Гог.)

Люблю я родину, но странною любовью... (Лерм.)

„Не знаю для кого, но васъ я воскресилъ". (Гриб.)

Инфинитивныя неполныя предложенія.

10) Предложенія безъ подлежащаго и сказуемаго, но съ второстепеннымъ сказуемымъ, составляющимъ синтаксическій центръ предложенія, и съ характернымъ (хотя и не обязательнымъ) дательнымъ дѣйствующаго предмета при немъ. Предложенія эти очень распространены въ русскомъ языкѣ и чрезвычайно разнообразны по тѣмъ оттѣнкамъ въ значеніи инфинитива, которые создаются здѣсь отсутствіемъ глагола. Мы попытаемся сгруппировать эти оттѣнки слѣдующимъ образомъ:

а) Предложенія съ оттѣнкомъ объективной необходимости дѣйствія (— безличнымъ: „предстоитъ", „суждено", „придется" и т. д.):

„Кому назначено-съ, не миновать судьбы!" (Гриб.)

„Вѣсть важная! и если до народа
Она дойдетъ, то быть грозѣ великой!" (Пушк.)

„Недотерпѣть — пропасть,
Перетерпѣть — пропасть!..“ (Некр.)

„Прощайте же! Какъ двумъ концамъ сего палаша не соединиться въ одно и не составить одной сабли, такъ и намъ, товарищи, больше не видаться на этомъ свѣтѣ!“ (Гог.)

Какъ ни тепло чужое море,
Какъ ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль! (Некр.)

Поскольку предстоящее зависитъ отъ человѣческихъ усилій, къ этому оттѣнку можетъ примѣшиваться оттѣнокъ легкости или трудности дѣйствія, особенно въ отрицательныхъ предложеніяхъ:

Не нагнать тебѣ бѣшеной тройки! (Некр.)

„... врядъ царю Борису
Сдержать вѣнецъ на умной головѣ“. (Пушк.)

„И собакъ тоже развели... Ни пройти, ни проѣхать!“ (Чех.)

„Вамъ хорошо, а я сына въ университетѣ содержи, малыхъ въ гимназіи воспитывай, такъ мнѣ першероновъ не купить“. (Л. Толст.)

Чудилось въ немъ нѣчто отвратительное... какъ бы налетъ какой-то, паутина или слизь, которая противна и которую никакъ не стряхнуть. (Ѳ. Солог.)

в) Предложенія съ оттѣнкомъ субъективной необходимости дѣйствія (= безличнымъ: „должно“, „подобаетъ“, „полагается“ и т. д.), часто въ большей или меньшей степени повелительныя:

„Не упрямься, душенька. Теперь-то себя и показать“. (Фонвиз.)

„Про эти дѣла тесть не ее, а меня спрашивать! Не жена, а мужъ отвѣчаетъ“. (Гог.)

„Кому жъ, какъ не отцу, смотрѣть за своею дочкой!“ (Гог.)

„Да, господа“, заговорилъ князь, обращаясь ко всему собранію... „вы знаете, сегодня въ театрѣ Вержембицкую вызывать“. (Тург.)

„Да разметать наскоро старый заборъ, что возлѣ сапожника, и поставить соломенную вѣху...“ (Гог.)

„Принять его, позвать, просить, сказать, что дома,
Что очень радъ“. (Гриб.)

„Молчать!
Ужасный вѣкъ! Не знаешь, что начать!“ (Гриб.)

с) Предложенія съ оттѣнкомъ желаемости дѣйствія:

Одну минуту, еще одну минуту видѣть ее, проститься, пожать ей руку... (Лерм.)

Я къ травѣ припадаю.
Быть твоимъ навсегда... (М. Вол.)

Толпа: потоки глазъ и лицъ...
Припасть къ землѣ... Склониться ницъ... (М. Вол.)

Быть черною землей. Раскрывъ покорно грудь,
Ослѣпнуть въ пламени сверкающаго ока... (М. Вол., всѣ 3 строфы стихотворенія изъ такихъ инфинитивовъ)

Быть первымъ, вольно одинокимъ!
И видѣть, что близка мечта,
И слышать отзвукомъ далекимъ
Удары ногъ и щелкъ хлыста! (Брюс., „На скачкахъ")

d) Восклицательныя предложенія со всевозможными оттѣнками чувства, столь же разнообразными, какъ и въ обычныхъ восклицательныхъ предложеніяхъ:

Боже! Погасить искру огня, можетъ-быть развившагося бы въ величіи и красотѣ, можетъ-быть исторгнувшаго бы также слезу умиленія и благодарности! (Гог.)

„Шутить, и вѣкъ шутить! Какъ васъ на это станетъ?..." (Гриб.)

„Наплевать на ваши отчеты, и никакому чорту я не обязанъ проводилъ его Шатовъ... (Дост.)

„Проклятые, вы, вы сгубили насъ!
Не выдержать и трехъ минутъ отпора!" (Пушк.)

„Мнѣ очень мило, что Митрофанушка впередъ шагать не любитъ Съ его умомъ, да залетѣть далеко, да и Боже избави!" (Фонвиз.)

Что жъ? Умереть, такъ умереть! потеря для міра небольшая... (Лерм.)

„А! каблуками бить, да еще браниться!" (Л. Толст.)

e) Восклицательно-вопросительныя предложенія съ оттѣнками колебанія, нерѣшительности, растерянности:

Какъ имъ пѣть, какъ говорить про лихія дѣла? Панъ ихъ Данило призадумался... (Гог.)

„Куда дѣваться отъ княженъ!" (Гриб.)

„Хоть убей, слѣда не видно;
Сбились мы. Что дѣлать намъ!" (Пушк.)

Любить... но кого же? на время—не стоитъ труда... (Лерм.)

„...взяла да ухватомъ всѣ горшки перебила въ печи: „кому теперь ѣсть". говоритъ, „наступило свѣтопреставленіе". (Тург.)

Если оттѣнокъ колебанія очень слабъ, то вопросительно-восклицательной интонаціи можетъ и не быть, а только специфическая „нерѣшительная" интонація. Таковы повседневныя: „пойти, соснуть что ли..." „пойти, посмотрѣть, что онъ дѣлаетъ..." и т. д.

f) Вопросительныя предложенія безъ какого-либо ясно выраженнаго специфическаго оттѣнка въ инфинитивѣ:

„Что молъ вамъ, ребяткамъ, домой таскаться; завтра работы много, такъ вы, ребятки, домой не ходите". (Тург.)

„Чудное дѣло! Чего ему быть невеселымъ?.." (Тург.)

Отчего ему упасть?—сказалъ Ѳедя:— онъ остережется. (Тург.)

„Это тесть!"— проговорилъ панъ Данило:—„зачѣмъ и куда ему итти въ эту пору?" (Гог.)

„Я, вѣдь, до зимы не доживу... Къ чему понапрасну людей безпокоить?" (Тург.)

„Что къ роднымъ писать? Помочь—они мнѣ не помогутъ..." (Тург.)

Хотя зачатки того или другого изъ выше перечисленныхъ оттѣнковъ можно было бы уловить и здѣсь, однако несомнѣнно что инфинитивъ здѣсь менѣе характеренъ, менѣе выразителенъ, чѣмъ въ предыдущихъ примѣрахъ. И это стоитъ въ связи съ вопросительностью этихъ предложеній, такъ какъ центръ тяжести переходитъ въ нихъ на вопросительный членъ, что и обезцвѣчиваетъ инфинитивъ.

Прим. Предложенія рубрикъ e и f соотносительны съ полными безличными предложеніями, типа: „что было дѣлать", „какъ имъ было пѣть, какъ было говорить про лихія дѣла?", „зачѣмъ вамъ, ребяткамъ, было домой таскаться?" и т. д. (см. стр. 326). Если мы тѣмъ не менѣе не рѣшились признать здѣсь отрицательную глагольность и причислили эти предложенія къ неполнымъ, то только потому, что будущее время глагола здѣсь невозможно: нельзя или, вѣрнѣе, нелитературно сказать: „что будетъ дѣлать?", „какъ имъ будетъ пѣть?" и т. д.

Каждый изъ перечисленныхъ здѣсь оттѣнковъ можетъ еще комбинироваться со всѣми оттѣнками сослагательнаго наклоненія, такъ какъ въ каждомъ такомъ предложеніи возможна частица „бы", какъ остатокъ сослагательной формы бывшаго здѣсь когда-то глагола:

Быть бы нашимъ странникамъ подъ родною крышею,
Кабы знать могли они, что творилось съ Гришею. (Некр.)

„Не креститься бы тебѣ", говоритъ, „человѣче, жить бы тебѣ со мной на веселіи до конца дней". (Тург.)

„Поразмысли ты путемъ,
Не раскаяться бъ потомъ". (Пушк.)

„Намъ бы, братцы, такъ полетать..." (Горьк.)

„Если бы мелочь, послать бы на рынокъ и купить хоть сайку". (Гог.)

„Да зачѣмъ же бы мнѣ валяться? Не видалъ я развѣ кровати что ли?" (Гог.)

Кромѣ того, такъ какъ каждое такое предложеніе можетъ быть и придаточнымъ, т.-е. попасть въ подчиненное по отношенію къ другому предложенію положеніе, то на него могутъ наслаиваться и всѣ оттѣнки подчиненности (причина, цѣль, условіе и т. д., см. гл. XLI):

Дѣло состояло только въ томъ, чтобы перемѣнить... коегдѣ глаголы изъ перваго лица въ третье... (Гог.)

„Я слышалъ, что хотятъ ляхи строить какую-то крѣпость, чтобы перерѣзать намъ дорогу къ запорожцамъ". (Гог.)

...внизу стоятъ казаки и думаютъ, какъ бы влѣзть имъ... (Гог.)

Видъ кабинета, если осмотрѣть тамъ все повнимательнѣе, поражалъ... запущенностью и небрежностью. (Гонч.)

„Недотерпѣть — пропасть,
Перетерпѣть — пропасть!" (Некр.)

Что жъ? Умереть, такъ умереть!.. (Лерм.)

„Не креститься бы тебѣ", говоритъ, „человѣче, жить бы тебѣ со мной на веселіи до конца дней". (Тург.)

Неполнота ихъ.

Во всѣхъ предложеніяхъ этого отдѣла (кромѣ, можетъ быть, рубрики d), въ настоящее время никакого реальнаго опущенія уже не сознается, такъ какъ опущенное здѣсь когда-то безличное сказуемое „есть" (см. стр. 90) теперь уже невозможно въ нихъ, подлежащее же и никогда не было возможно вслѣдствіе безличности. Такимъ образомъ, мысль, со стороны обще-психологическаго ея содержанія, выражается сейчасъ въ каждомъ такомъ предложеніи полностью. Итѣмъ не менѣе, мы причисляемъ эти предложенія къ неполнымъ, такъ какъ видимъ здѣсь рѣзкій грамматическій дефектъ, сознаваемый и по сію пору. Инфинитивъ здѣсь не играетъ роли сказуемаго, какъ это часто принимается, а обнаруживаетъ всѣ признаки приглагольнаго инфинитива, т.-е. относится къ недостающему глаголу. Въ этомъ отношеніи предложенія эти совершенно параллельны съ предложеніями отдѣла 6-го, съ той лишь разницей, что тѣ произошли изъ личныхъ, а эти изъ безличныхъ предложеній. Какъ тамъ, такъ и тутъ и по сію пору невозможна обычная повѣствовательная интонація, свойственная типу: „нужда скачетъ", „травка зеленѣетъ" и т. д., и это является лучшимъ показателемъ того, что инфинитивныя сочетанія до сихъ поръ не приравнены въ языкѣ къ глагольнымъ. Да такого приравненія и никогда, вѣроятно, не будетъ, такъ какъ инфинитивъ по самому существу своему не способенъ на него: онъ слиш-

комъ не грамматиченъ, слишкомъ лишенъ синтаксическихъ формъ, чтобы быть сказуемымъ, и въ то же время слишкомъ характеренъ своимъ спеціальнымъ инфинитивнымъ значеніемъ, чтобы быть неграмматическимъ замѣстителемъ сказуемаго (см. гл. XXXV). Поэтому онъ и остается здѣсь, несмотря на полную потерю сказуемаго, все тѣмъ же инфинитивомъ, тѣмъ же „второстепеннымъ сказуемымъ", необходимые же для предложенія элементы сказуемости (главнымъ образомъ, оттѣнки формъ наклоненія: необходимость, возможность и т. д.) создаются ритмомъ и интонаціей.

Отдѣлъ седьмой.

Дополненія къ ученію о предложеніи.

XXXIII.

Служебные члены предложенія.

Частичныя слова, какъ члены предложенія.

Изучая въ предыдущемъ отдѣлѣ разные виды предложеній, мы знакомились все съ новыми и новыми разрядами частичныхъ словъ (союзы, отрицательныя, вопросительныя, повелительныя частицы). Является вопросъ, какова роль всѣхъ этихъ словъ въ предложеніи и въ какомъ отношеніи они стоятъ къ изученнымъ нами ранѣе основнымъ членамъ предложенія? Въ общемъ, мы должны признать, что слова эти, такъ же, какъ и тѣ частичныя слова, которыя мы изучили еще раньше (предлоги, глаголы-связки), такъ же органически связаны съ остальными словами предложенія, какъ и любой членъ предложенія. Они примыкаютъ всегда къ опредѣленному слову въ предложеніи, вліяютъ на формальный составъ его, на порядокъ словъ, на ритмъ и интонацію, вносятъ важныя измѣненія въ значеніе отдѣльныхъ словъ или всего предложенія, словомъ выполняютъ опредѣленную функцію въ предложеніи, играютъ опредѣленную роль въ немъ, и съ этой точки зрѣнія тоже являются членами предложенія. Но между ними и разсмотрѣнными ранѣе членами лежитъ рѣзкая грань. Тѣ члены выражались полными словами и имѣли каждый свое отдѣльное самостоятельное значеніе въ предложеніи. Эти члены—частичныя слова, имѣющія значеніе только при полныхъ словахъ и играющія только служебную роль при нихъ. Вотъ почему мы и будемъ называть ихъ **служебными** членами предложенія, въ отличіе отъ разсмотрѣнныхъ раньше полныхъ или знаменательныхъ членовъ.

Служебные и знаменательные члены.

Почти всѣ разряды этихъ служебныхъ членовъ намъ уже знакомы, и намъ остается только подвести имъ итогъ:

Предлоги. 1) Предлоги, или связки дополненій, образуютъ вмѣстѣ съ косвенными падежами существительныхъ составныя дополненія и обозначаютъ различныя отношенія между предметомъ, выраженнымъ въ дополненіи, и предметомъ или признакомъ, выраженными въ томъ словѣ, отъ котораго зависитъ дополненіе.

Къ сказанному на стр. 146 о происхожденіи предлоговъ надо только добавить, что такъ какъ они происходятъ ближайшимъ образомъ изъ неграмматическихъ нарѣчій (на стр. 146 говорилось о „потерявшемъ всѣ падежи существительномъ“, потому что понятіе неграмм. нарѣчія еще не было тогда выяснено) и такъ какъ процессъ этотъ продолжается и по сію пору, то многія наши нарѣчія употребляются то самостоятельно, то съ косвеннымъ падежомъ существительнаго наподобіе предлоговъ („ядро лежитъ внутри“ и „ядро лежитъ внутри орѣха“, „я приду послѣ“ и „я приду послѣ обѣда“, и т. д.). Это—нарѣчія, только что вступившія на путь превращенія въ предлоги. Ихъ обыкновенно называютъ предложными нарѣчіями. Въ предложеніи они являются то связками дополненій, то обстоятельствами, смотря по тому, управляютъ дополненіемъ или нѣтъ.

Союзы. 2) Союзы выражаютъ отношенія между однородными членами слитныхъ предложеній или между цѣлыми предложеніями, соотвѣтственно чему и бываютъ въ предложеніи или связками однородныхъ членовъ, или связками предложеній. Одни изъ союзовъ могутъ употребляться и въ той, и въ другой роли (таковы всѣ, перечисленные на стр. 291 и 292), а другіе только во второй, какъ связки предложеній („потому что“, „чтобы“, „какъ“ и т. д., вообще всѣ такъ назыв. „подчинительные“ союзы).

Какъ и всѣ частичныя слова, союзы происходятъ изъ полныхъ словъ и обыкновенно изъ всевозможнѣйшихъ грамматическихъ разрядовъ (срвн. „хотя“ отъ глагола „хочу“, „если“ изъ „есть ли“, „будто“ изъ „будь то“, „потому что“ изъ по+тому+что“, „чтобы“ изъ „что+бы“ и т. д.). Процессъ этотъ продолжается и по сію пору, почему посреди союзовъ есть слова, могущія быть то союзами, то знаменательными членами: „онъ едва успѣлъ усѣсться“ и: „едва онъ успѣлъ усѣсться, карета тронулась“, „онъ только что вошелъ“ и: „только что онъ вошелъ, на него набросились“ и т. д. Впрочемъ, нужно замѣтить, что о происхожденіи важнѣйшихъ и отвлеченнѣйшихъ союзовъ, какъ: „и“, „но“, „а“, мы ничего не знаемъ, почему они и называются иногда „первообразными“.

3) Глаголы-связки образуютъ вмѣстѣ со сказуемостными второстепенными членами соотвѣтствующія сказуемостныя сочетанія и обозначаютъ отношеніе глагольности между признакомъ или предметомъ, выраженнымъ въ сказуемостномъ членѣ, и предметомъ, выраженнымъ въ подлежащемъ. Глаголы-связки.

О происхожденіи глаголовъ-связокъ см. стр. 213.

Предлоги, союзы и глаголы-связки объединяются иногда въ одинъ разрядъ соединительныхъ служебныхъ словъ, такъ какъ служатъ для соединенія отдѣльныхъ членовъ предложенія и предложеній между собой.

4) Усилительные служебные члены, еще не разсматривавшіеся нами. Сравнивая предложенія: Усилительные служебные члены.

Даже ты не говорилъ сегодня съ нимъ.
Ты даже не говорилъ сегодня съ нимъ.
Ты не говорилъ даже сегодня съ нимъ.
Ты не говорилъ сегодня даже съ нимъ.

замѣчаемъ, что слово „даже“ помѣщается всегда какъ разъ передъ тѣмъ членомъ, на который падаетъ сильнѣйшее удареніе фразы, и какъ бы помогаетъ выдѣлить этотъ членъ, усилить его значеніе по сравненію съ другими членами предложенія. Такое же значеніе имѣетъ частица **то**, ставящаяся позади того слова, которое надо усилить („онъ-то это сдѣлаетъ“, „это-то онъ сдѣлаетъ“), а также частицы: **же, да** (не смѣшивать съ союзомъ „да“, съ повелительной частицей „да“ и съ утвердительной частицей „да“, о которой см. слѣд. гл.), **и** (напр., „онъ **и** словечка не сказалъ“, не смѣшив. съ союзомъ „и“), **ни** (= не + усилит. частица „и“, напр., „онъ **ни** словечка не сказалъ“, не смѣшив. съ союзомъ „ни—ни“), **это** (напр., „это вчера онъ приходилъ, а не сегодня“ не смѣшив. съ прилагательнымъ „этотъ — эта — это“), **такъ и** (только при глаголахъ, напр.: „онъ такъ и надрывается!“, „такъ и чешетъ, такъ и чешетъ!“, не смѣшив. съ 2-мя словами: „такъ + и“, напр.: „онъ такъ и сдѣлалъ, какъ велѣли“), **вѣдь, вотъ** и т. д. Нерѣдко одинъ какой-нибудь знаменательный членъ предложенія окруженъ нѣсколькими такими словами („**да** съ нимъ-**то** ты не говорилъ“, „**да вѣдь** съ нимъ-**то** ты не говорилъ“, „**да вѣдь и** съ нимъ-**то**...“, „**да вѣдь вотъ и** съ нимъ-**то**...“, „**да вѣдь вотъ даже и** съ нимъ-**то**...“). Иногда они усиливаютъ не то слово, которое окружаютъ, а болѣе отдаленное, въ зависимости отъ ударенія и отъ грамматическихъ условій. Мы, напр., можемъ

сказать: „да вѣдь ты же этого не знаешь“, и здѣсь усилительныя слова тяготѣютъ къ сказуемому, отстоящему отъ нихъ дальше, чѣмъ подлежащее „ты“. Объясняется это тѣмъ, что подлежащее при второмъ лицѣ глагола носитъ чисто-формальный характеръ (см. стр. 134), а сказуемое легче всѣхъ остальныхъ членовъ способно притянуть къ себѣ сильнѣйшее удареніе фразы. Усилительныя же слова всегда относятся къ сильнѣйшему по ударенію члену предложенія. Впрочемъ, эта способность удаляться отъ усиливаемаго члена не у всѣхъ этихъ словъ одинакова. Слово „то“, напр., обычно усиливаетъ только то слово, за которымъ непосредственно слѣдуетъ („ты-то этого не знаешь“).

Усилительные члены происходятъ какъ изъ знаменательныхъ членовъ („вѣдь“ отъ „вѣдать“, „то“ отъ „тотъ — та — — то“, „это“ отъ „этотъ — эта — это“), такъ и изъ другихъ служебныхъ членовъ, именно изъ союзовъ („и“, „да“, „же“, „даже“ изъ „да+же“). Процессъ образованія усилительныхъ словъ тоже непрерывенъ въ языкѣ, и этимъ объясняются многія переходныя явленія. Такъ, усилительныя слова, образовавшіяся изъ союзовъ, соединяютъ нерѣдко въ себѣ и усилительное, и союзное значеніе („и ты, Брутъ!“, „онъ и вчера здѣсь лежалъ, и сегодня лежитъ“, „я бы тебя спросилъ, да вѣдь ты этого не знаешь“). Усилительныя слова, образовавшіяся изъ нарѣчій, сохраняютъ нерѣдко слѣды самостоятельнаго значенія и образуютъ что-то среднее между усилительной частицей и обстоятельствомъ. Таковы, напр., **уже** (срвн.: „тамъ онъ сталъ уже уставать“, „уже тамъ онъ сталъ уставать“, „уже онъ сталъ тамъ уставать, каково же было другимъ!“) и **еще**, ясно сохранившія временное значеніе, **только** („только онъ этого не дѣлаетъ“, „онъ только этого не дѣлаетъ“, „онъ только не дѣлаетъ этого, но одобряетъ“), сохраняющее прежнее количественное значеніе и т. д. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, конечно, усилительная функція едва начала развиваться, и слово является по преимуществу обстоятельствомъ („слишкомъ“, „едва“, „очень“, „донельзя“ и т. д.).

Усилительное второстепенное сказуемое.

Любопытно еще отмѣтить своеобразную форму усиленія сказуемаго въ русскомъ языкѣ при помощи спеціальнаго усилительнаго инфинитива: „знать не знаю, вѣдать не вѣдаю“, „болтать-то онъ болтаетъ, а дѣла дѣлать не дѣлаетъ“ и т. д. Каково бы ни было происхожденіе этихъ оборотовъ (по всей вѣроятности изъ условныхъ или, вообще, зависимыхъ инфинитивовъ типа: „умереть, такъ умереть!“, „помочь—они мнѣ не помогутъ...“ и т. д.), несомнѣнно, что въ настоящее время сочетанія: „онъ-то это сдѣлаетъ“, „это-то онъ сдѣлаетъ“ и „сдѣлать-то онъ это сдѣлаетъ“, являются параллельными, такъ что инфинитивъ

служитъ, главнымъ образомъ, для усиленія глагола. Это стоитъ въ связи съ тѣмъ, что, приставленная непосредственно къ глаголу, частица „то" (какъ разъ наиболѣе употребительная и наиболѣе „усилительная") усиливаетъ не глаголъ, а приглагольное слово (срвн.: „сдѣлаетъ-то онъ это плохо", „возьметъ-то онъ два рубля"); съ другой стороны, постановка глагола на первомъ мѣстѣ предложенія тоже не усиливаетъ, а, напротивъ, ослабляетъ его (срвн.: „жилъ-былъ царь", „пошелъ я къ себѣ домой..."). Такимъ образомъ, единственнымъ способомъ рѣзко выдѣлить и выдвинуть на первое мѣсто глаголъ является именно этотъ описательный способъ. Но при этомъ инфинитивъ не низводится до роли исключительно-служебнаго члена, а сознается все же полновѣснымъ представителемъ усиливаемаго имъ глагола. Въ результатѣ получается какъ бы еще одинъ знаменательный членъ предложенія — усилительный членъ. Сюда же можно было бы отнести и нѣкоторыя неграмматическія нарѣчія, какъ: „ревмя реветъ", „ходуномъ ходитъ", и т. д. Но можно, конечно, ограничиться и прежними рубриками, видя здѣсь только особое „усилительное" второстепенное сказуемое и „усилительное" обстоятельство.

Отрицательные, вопросительные и повелительные служебные члены.

5) Отрицательные служебные члены употребляются въ отрицательныхъ предложеніяхъ (см. стр. 296).

6) Вопросительные служебные члены употребляются въ вопросительныхъ предложеніяхъ (см. стр. 300).

7) Повелительные служебные члены употребляются въ повелительныхъ предложеніяхъ (см. стр. 302).

XXXIV.

Слова и сочетанія, стоящія внѣ предложенія.

Слова, какъ знаки чувства а не мысли.

Мы знаемъ уже, что предложеніе есть выраженіе нашей мысли. Понятно, что и каждое слово въ предложеніи должно выражать что-либо въ нашей мысли, какую-либо часть нашей мысли, либо самостоятельную (знаменательные члены предложенія), либо несамостоятельную (служебные члены предложенія). Но въ языкѣ есть и такіе звуки и сочетанія звуковъ, которые совсѣмъ не выражаютъ мыслей, а выражаютъ только чувства. Понятно, что они не могутъ составить никакой части предложенія, ни самостоятельной, ни несамостоятельной, а сопровождаютъ нашу рѣчь, какъ что-то побочное. Ихъ въ этомъ отношеніи можно сравнить съ измѣненіями интонаціи и ритма, съ жестами, съ мимикой, которые

тоже выражаютъ преимущественно чувства (хотя первыя могутъ имѣть, какъ мы видѣли, и синтаксическое значеніе). Такія слова врываются, иногда, и въ самую середину предложенія, но и тамъ они, понятно, остаются чѣмъ-то чуждымъ предложенію, постороннимъ ему, какъ пуля, попавшая въ организмъ.

Существуетъ два разряда такихъ словъ:

Междометія. 1) Междометія, напр.: „ахъ", „ой", „эй", „увы" и т. д. Отличительная особенность ихъ заключается въ томъ, что они могутъ произноситься и невольно, т.-е. безъ желанія сообщить что-либо слушателю, и въ этомъ случаѣ они, понятно, не относятся къ языку, потому что языкъ есть только намѣренное выраженіе мыслей и чувствъ. Въ другихъ случаяхъ они произносятся намѣренно (напр., въ восклицательныхъ предложеніяхъ), и тогда являются элементами рѣчи.

Слова-воззванія. 2) Обращенія, или слова-воззванія, есть слова, которыя мы произносимъ только для того, чтобы обратить вниманіе слушателя на всю нашу остальную рѣчь (Иванъ, принеси стаканъ воды!", „Петръ, поди сюда!"). Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, для этой цѣли употребляются названія тѣхъ самыхъ лицъ или предметовъ, къ которымъ обращаются съ рѣчью. Понятно отсюда, что въ смыслѣ воззваній могутъ употребляться только существительныя. Въ русскомъ языкѣ для этого употребляется именительный падежъ существительнаго, произносимый съ особой, чрезвычайно характерной „звательной" интонаціей, благодаря которой онъ и теряетъ значеніе именительнаго падежа и вообще всякое смысловое значеніе. При этомъ онъ можетъ подчинять себѣ при помощи формъ согласованія и управленія цѣлый рядъ другихъ словъ, напр.:

Померкни, солнце Австерлица!
Пылай, великая Москва! (Пушк.)

Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный!
И я судьбу благословилъ,
Когда мой дворъ уединенный,
Твой колокольчикъ огласилъ. (Пушк.)

О, вождь несчастливый! суровъ былъ жребій твой... (Пушк.)

такъ что получаются особыя звательныя сочетанія, не являющіяся ни полными, ни неполными предложеніями (потому что они не могутъ, благодаря своей звательной функціи, составить часть какого-либо предложенія), а только „сочетаніями", группами словъ, стоящими внѣ данной мысли

Въ нѣкоторыхъ языкахъ обращеніе выражается особой звательной формой (напр., въ малороссійскомъ: „сынку", „батьку", „братику", „мамо", „сестро", „ненько", „голубко"), невѣрно называемой звательнымъ „падежомъ".

Близость ихъ къ приложеніямъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ книжной рѣчи, вслѣдствіе недостаточности и недостаточной гибкости нашихъ знаковъ препинанія, трудно отдѣлить обращеніе отъ приложенія. Такъ, въ сочетт. типа: „люблю тебя, Петра творенье, люблю твой строгій, стройный видъ..." (Пушк.), „привѣтствую тебя, пустынный уголокъ, пріютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенья, гдѣ льется дней моихъ невидимый потокъ..." (Пушк.), „люблю тебя, законченность сонета, съ надменною твоею красотой..." (Бальм.) и т. д. выдѣленныя существительныя можно принимать то за винительные падежи, какъ приложенія къ слову „тебя", то за именительные, какъ обращенія. Знаки препинанія тутъ ничего не говорятъ, потому что восклицательный знакъ есть у насъ въ то же время и знакъ отдѣлительный, такъ что въ срединѣ сложнаго предложенія его поставить неудобно, запятая же можетъ толковаться и такъ и этакъ. Но, понятно, въ устной рѣчи то и другое пониманіе различаются по интонаціи, хотя надо сознаться, что разница въ отдѣльныхъ случаяхъ можетъ быть довольно тонка (предоставляемъ читателю понаблюдать надъ собой въ этомъ отношеніи). Такимъ образомъ, разборъ здѣсь всецѣло зависитъ отъ чтенья, а чтенье отъ вкуса. Впрочемъ, насколько намъ приходилось наблюдать, „звательное" пониманіе здѣсь рѣшительно преобладаетъ. Гораздо труднѣе разобраться въ такихъ случаяхъ, какъ: „а вы, надменные потомки извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ, пятою рабскою поправшіе обломки игрою счастія обиженныхъ родовъ! Вы, жадною толпой стоящіе у трона, свободы, генія и славы палачи! Таитесь вы подъ сѣнію закона..." (Лерм.), „а ты, Соколъ, ты, рабъ, змѣя, за дерзкій, хитрый свой намекъ получишь гибельный урокъ!" (Лерм.), „но вы, мучители палатъ, легкоязычные витіи; вы, черни бѣдственный набатъ, клеветники, враги Россіи! Что взяли вы?.." (Пушк.) и т. д. Здѣсь интонація обращенія, вначалѣ очень ясная, по мѣрѣ удаленія отъ личнаго слова („ты" или „вы") и разростанія оборота, постепенно переходитъ въ интонацію приложенія, потому что звательная интонація, по самому существу дѣла, приспособлена только для краткихъ сочетаній, и выдержать ее на большомъ протяженіи невозможно. Чѣмъ дальше отстоитъ такой именительный отъ личнаго слова, тѣмъ дальше онъ отъ обращенія и тѣмъ ближе къ приложенію. Въ школѣ и тутъ, понятно, неизбѣжно искусственное однообразіе разбора, т.-е. признаніе всѣхъ такихъ именительныхъ обращеніями или приложеніями. Кромѣ того, можетъ возникнуть вопросъ о томъ, какъ понимать здѣсь само личное слово: какъ оторванное отъ послѣдующаго подлежащее (т.-е. то,

что мы назвали на стр. 276 современнымъ „именительнымъ самостоятельнымъ"), или опять-таки, какъ о б р а щ е н і е? Что личныя слова вообще могутъ быть обращеніями, ясно изъ такихъ случаевъ, какъ: „эй ты! поди сюда!", „о ты, чьей памятью кровавой..." (Пушк.) и т. д. Но въ разсматриваемыхъ случаяхъ связь личнаго слова съ послѣдующимъ сказуемымъ такъ тѣсна, что вѣрнѣе, кажется, признать здѣсь подлежащее, несмотря на восклицательный знакъ и на повтореніе того же подлежащаго въ дальнѣйшемъ (неполное предложеніе въ видѣ „именительнаго самостоятельнаго"). Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить и такія сочетанія, какъ: „угрюмый с т о р о ж ъ музъ, г о н и т е л ь давній мой, сегодня разсуждать задумалъ я съ тобой" (Пушк.). Они интересны тѣмъ, что несмотря на о т с у т с т в і е с о г л а с о в а н і я именительнаго съ личнымъ словомъ („сторожъ", „гонитель" и „т о б о й"), тоже допускаютъ двоякое пониманіе и, соотвѣтственно, двоякое произношеніе. Примѣняя къ нимъ обособляющую интонацію съ рѣзкимъ повышеніемъ голоса, мы получаемъ сочетаніе типа: „в ѣ ч н о - х о л о д н ы я, в ѣ ч н о - с в о б о д н ы я, нѣтъ у васъ родины, нѣтъ вамъ изгнанія", т.-е. сочетанія съ „неграмматическимъ обособленнымъ опредѣленіемъ" (см. стр. 278). Примѣняя же звательную интонацію, получаемъ обращеніе. Конечно, второе пониманіе и произношеніе гораздо вѣроятнѣе и обычнѣе перваго. Но двойственность, совершенно не переданная на письмѣ, все же остается.

Вводныя слова и сочетанія.

Кромѣ междометій и воззваній есть и еще слова и группы словъ, стоящія внѣ данной мысли. Это такъ назыв. в в о д н ы я слова и сочетанія словъ. Ихъ можно разбить на три разряда:

1) Слова и сочетанія, показывающія, какъ говорящій относится къ той или иной мысли, вѣритъ онъ въ нее или нѣтъ, доволенъ онъ ей или нѣтъ, хочетъ онъ осуществленія ея или нѣтъ и т. д.: конечно, вѣроятно, навѣрное, очевидно, положимъ, предположимъ, допустимъ, кажется, помнится, думается, разумѣется, само собой, само собой разумѣется, повидимому, чай, знать, да (напр., „да, онъ пришелъ", не смѣшивать съ союзомъ, усилительнымъ словомъ и повелительнымъ словомъ), нѣтъ (напр., „нѣтъ, онъ не пришелъ", не смѣшивать съ полнымъ словомъ „нѣтъ" = не существуетъ, напр.: „у насъ н ѣ т ъ перьевъ"), можетъ-быть, должно-быть, пожалуй, чего добраго, по всей вѣроятности, къ сожалѣнію, къ счастью, благо, къ несчастью, слава Богу, ей Богу, право, ради Бога, пожалуйста, Богъ знаетъ, шутъ знаетъ, чортъ возьми, признаюсь, признаться, знаете, понимаете, видите, видите ли, и т. д.

2) Слова и сочетанія, показывающія, что говорящій считаетъ высказанную мысль не своей, а чужой: молъ, де,

дескать, будто бы, будто (употребляющееся и какъ союзъ, см. гл. XLI), говорятъ, слышно, по словамъ такого-то, по мнѣнію, по разсказамъ, по свидѣтельству такого-то и т. д.

3) Слова и сочетанія, выражающія отношеніе данной мысли къ предыдущей или послѣдующей рѣчи и стоящія на рубежѣ между вводными словами и союзами: итакъ, значитъ, слѣдовательно, дѣйствительно, подлинно, точно, кстати, правда, впрочемъ, напротивъ, наоборотъ, мало того, помимо того, словомъ, однимъ словомъ, коротко говоря, собственно говоря, такъ сказать, вообще, въ общемъ, въ частности, главное, наконецъ, въ концѣ концовъ и т. д.

Происхожденіе ихъ.

Вводныя слова и сочетанія потому не являются частями данной мысли, что когда-то составляли часть *другой* мысли. Дѣло въ томъ, что вводныя слова и сочетанія образуются изъ такъ наз. *вводныхъ предложеній*, т.-е. предложеній, вставленныхъ въ середину другихъ предложеній, но не соединенныхъ съ ними грамматически. Такія предложенія употребительны и въ настоящее время, напр.:

...въ красивомъ лицѣ ея чуть брезжилъ тотъ огонекъ, который, *Кити чувствовала*, когда-то освѣщалъ ее всю. (Л. Толст.)

...она была въ туалетѣ, который, *она знала*, шелъ къ ней... (Л. Толст.)

„Я всякому, *ты знаешь*, радъ“. (Гриб.)

Вечоръ, *ты помнишь*, вьюга злилась... (Пушк.)

Буранъ, *мнѣ казалось*, еще свирѣпствовалъ. (Пушк.)

Нетрудно видѣть, что путемъ *недоговариванія* такихъ предложеній и получаются вводныя выраженія (напр.: „я всякому, *знаешь*, радъ“, „буранъ, *казалось*, свирѣпствовалъ“). При этомъ, чѣмъ короче такое выраженіе и чѣмъ чаще оно употребляется, тѣмъ больше оно теряетъ свое первоначальное значеніе (срвн., напр., „видите ли“, когда нечего видѣть, „однимъ словомъ“, когда употребляется очень много словъ, „слава Богу“, „ради Бога“, „Богъ знаетъ“, „чортъ возьми“ въ устахъ человѣка невѣрующаго и т. д.). Если это первоначальное значеніе совершенно исчезнетъ (часто въ связи съ соотвѣтствующимъ звуковымъ усѣченіемъ), то получится *частичное* слово, и такихъ словъ не мало между вводными словами (конечно, да, нѣтъ, чай, знать, молъ, де, дескать и т. д.). Эти частичныя слова отличаются отъ разсмотрѣнныхъ ранѣе только тѣмъ, что, соотвѣтственно своему происхожденію, не вступаютъ въ связь ни съ однимъ изъ членовъ дан-

наго предложенія и потому не являются членами его, хотя бы даже служебными.

Изолированныя вводныя слова.

Вводныя частичныя слова могутъ употребляться и въ качествѣ отвѣта: „ты былъ тамъ?"—„да", „видѣлъ его?"—„нѣтъ", „пойдешь еще разъ?"—„конечно", и т. д. Такъ же употребляются на каждомъ шагу и даже не въ отвѣтахъ, а въ качествѣ междометій разные виды божбы, ругательствъ, извиненій и т. д. Невѣрно было бы считать такія одиночныя слова и сочетанія предложеніями, хотя бы и неполными. Когда мы на вопросъ: „пріѣхалъ ли онъ?" отвѣчаемъ „да", мы отнюдь не мыслимъ при этомъ „да, онъ пріѣхалъ", какъ толкуется нерѣдко въ школѣ, а только одно „да". Другими словами, у насъ нѣтъ при этомъ никакой мысли, а слѣдовательно и никакого предложенія: мы высказываемъ только утвержденіе, т.-е. утвердительное отношеніе наше къ высказанной ранѣе мысли. Подобнымъ же образомъ могутъ употребляться и вопросительныя частичныя слова (напр. одиночныя: „развѣ?", „неужели?") и повелительныя („пусть!", „пускай!"), потому что и они выражаютъ отношеніе говорящаго къ той или иной (своей или чужой) мысли.

Общее значеніе синтаксическихъ формъ.

Познакомившись со всѣми синтаксическими разрядами частичныхъ словъ и со всѣми синтаксическими формами, полезно будетъ подвести имъ итогъ и опредѣлить ихъ общее значеніе, до сихъ поръ лишь слегка намѣченное. Синтаксическія формы и синтаксическія частичныя слова обозначаютъ различныя **отношенія**:

1) отдѣльныхъ представленій, образующихъ наши языковыя мысли, другъ къ другу (падежъ существительнаго, падежъ, число и родъ прилагательнаго, лицо, число и родъ глагола, связки дополненій, глаголы-связки, связки однородныхъ членовъ, усилительныя, отрицательныя частичныя слова);

2) отдѣльныхъ мыслей другъ къ другу (связки предложеній);

3) самого мыслящаго лица къ его мысли (время и наклоненіе глагола, вопросительныя, повелительныя и вводныя частичныя слова).

Сравнительную роль различныхъ грамматическихъ элементовъ въ нашемъ языковомъ мышленіи можно, согласно съ этимъ, опредѣлить такъ:

корни доставляютъ матеріалъ для языковой мысли;

словообразовательныя формальныя части и частичныя слова, ихъ замѣняющія, перерабатываютъ этотъ матеріалъ, оттѣняя и утончая его;

синтаксическія формальныя части и частичныя слова, ихъ замѣняющія, приводятъ въ связь этотъ матеріалъ согласно законамъ самой мысли, создавая живое языковое цѣлое—рѣчь человѣческую. Если сравнить рѣчь нашу съ цвѣтнымъ окномъ готическаго собора, то корнямъ будутъ соотвѣтствовать отдѣльныя цвѣтныя стеклышки, словообразова-

тельнымъ элементамъ — тѣ штрихи, которые наносились отъ руки для передачи нѣкоторыхъ деталей, слишкомъ тонкихъ для того, чтобы передавать ихъ цѣлыми стеклами (напр. чертъ лица), а синтаксическимъ элементамъ—тѣ толстыя свинцовыя спайки, которыя скрѣпляли всѣ стекла въ одну прозрачную картину. Впрочемъ, относительно корней не мѣшаетъ сдѣлать одну существенную оговорку. Существуютъ въ каждомъ языкѣ нѣсколько корней (не больше десятка, двухъ), значеніе которыхъ, по существу, не вещественно, а грамматично, потому что они не обозначаютъ ничего, даннаго для мысли въ опытѣ (внѣшнемъ или внутреннемъ), а обозначаютъ только то или иное отношеніе самого мыслящаго къ тому, о чемъ онъ мыслитъ (срвн. синтаксич. формы пункта 3-го). Это такъ наз. „мѣстоименные" корни. Возьмемъ, напр., корни словъ: „меня", „мнѣ", „мною", „мой". Что они обозначаютъ? Если отвлечься отъ того, что „меня", „мнѣ" и „мною" — предметы, а „мой" — признакъ, что создается не корнями, а формальными частями, то для корней остается только одно: указаніе на то, что мыслящій мыслитъ о самомъ себѣ, что онъ отождествляетъ предметъ своей мысли съ самимъ собой, считаетъ, что то, о чемъ онъ думаетъ и онъ самъ — одно. Больше ничего рѣшительно эти слова не выражаютъ. Точно такъ же корни словъ: „ты", „тебя", „твой" обозначаютъ только, что мыслящій противопоставляетъ то, о чемъ думаетъ, самому себѣ, корни словъ „онъ", „она", „его", „ему" и т. д. обозначаютъ, что онъ противопоставляетъ то, о чемъ думаетъ, и себѣ самому, и тому, что онъ уже ранѣе противопоставлялъ въ словѣ „ты", корни словъ: „тотъ", „этотъ", „этакій", „такой", „таковъ" обозначаютъ, что онъ отождествляетъ то, о чемъ онъ сейчасъ думаетъ, съ тѣмъ, о чемъ думалъ раньше, корни словъ: „себя", „себѣ", „свой", „свойственный", „усваивать" обозначаютъ, что онъ отождествляетъ то, о чемъ онъ сейчасъ думаетъ, съ тѣмъ, что онъ раньше представлялъ себѣ, какъ „я", „ты" или „онъ", корни словъ: „иной", „другой", „особый", „особенный", „особенность" обозначаютъ, что онъ отдѣляетъ данный предметъ мысли отъ предыдущихъ, корни словъ: „кого", „кому", „чего", „чему", „какой", „который", „чей" обозначаютъ, что онъ не видитъ никакого отношенія между даннымъ предметомъ мысли и предыдущими, и т. д. Такое же значеніе имѣютъ и нѣкоторыя безформенныя слова, происшедшія изъ форменныхъ съ такого рода корнями. Слово „тамъ", напр., не называетъ само по себѣ никакого опредѣленнаго мѣста, а обозначаетъ только, что говорящій отождествляетъ то мѣсто, о которомъ онъ сейчасъ думаетъ, съ тѣмъ, о которомъ думалъ раньше. Другими словами, слово это соотвѣтствуетъ по значенію корнямъ словъ: „тотъ", „этотъ", „такой" и т. д. Таковы же слова: „туда," „оттуда", „тогда", „потому", „поэтому", „затѣмъ", „оттого", „такъ" и т. д. Корнямъ словъ: „какой", „кому" и т. д. соотвѣтствуютъ безформенныя слова: „куда", „гдѣ", „когда", „какъ", „зачѣмъ",

Слова-мѣстоименія и слова-названія.

„отчего", „почему" и т. д. Такія слова съ мѣстоименными корнями или съ соотвѣтствующимъ значеніемъ всего слова (въ случаѣ безформенности) выдѣляются обычно въ тѣсную группу мѣстоименныхъ словъ, или словъ-мѣстоименій, а вся остальная масса словъ языка противополагается имъ подъ именемъ словъ-названій. Различіе это, собственно, выходитъ за предѣлы нашей задачи, такъ какъ относится не къ грамматикѣ, а къ семасіологіи, ученію о вещественныхъ значеніяхъ словъ. Но мы все же сочли умѣстнымъ бѣгло упомянуть о немъ, потому что: 1) читатель уже знаетъ о „мѣстоименіяхъ" изъ школьной грамматики и можетъ смѣшать ихъ съ грамматическими разрядами словъ, что нежелательно (изъ предыдущихъ примѣровъ ясно, что мѣстоименныя слова, какъ и слова-названія, могутъ принадлежать ко всевозможнымъ грамматическимъ разрядамъ, быть всевозможными „частями рѣчи"), 2) различеніе это имѣетъ извѣстное отношеніе къ одному изъ общихъ вопросовъ грамматики, именно къ вопросу о происхожденіи формъ въ языкахъ. Мы уже знаемъ, что происхожденіе это представляютъ себѣ такъ, что отдѣльные корни потеряли свое вещественное значеніе, сдѣлались частичными корнями и прильнули къ другимъ, полнымъ корнямъ на правахъ формальныхъ частей (см. стр. 26). Нетрудно видѣть, что мѣстоименные корни, какъ „грамматичные" по самой природѣ своей, имѣли неизмѣримо больше шансовъ на такое превращеніе, чѣмъ всѣ другіе. Слѣдовательно, происхожденіе формъ можно искать въ мѣстоименныхъ корняхъ. Весьма вѣроятно, что эти именно корни и стали первыми формальными частями человѣческой рѣчи, гдѣ бы и когда бы это ни происходило. Въ частности, можно указать на то, что важнѣйшія формальныя части индо-европейскихъ языковъ, глагольныя флексіи, произошли, повидимому, изъ мѣстоименныхъ корней (срвн. древнѣйшій корень словъ: „меня" и „мой"—„**м**"—и флексію глаголовъ „ѣ**мъ**" и „да**мъ**", а также славянскихъ: „е**смь**", „вѣ**мь**" и „има**мь**", древнѣйшій корень словъ: „тотъ", „такой", „тамъ", „туда" и т. д. — „**т**" — и флексію 3-го лица: читае**тъ**, ѣ**стъ**, сидит**ъ**). Такимъ образомъ, вопросъ о происхожденіи формъ углубляется въ вопросъ о происхожденіи мѣстоименныхъ корней, на который мы, впрочемъ, пока еще ничего не можемъ отвѣтить. Отмѣтимъ только, что мѣстоименныя слова вообще могутъ возникать въ любую эпоху языка изъ словъ-названій, равно какъ и наоборотъ переходить въ слова-названія. Слово „извѣстный", напр., въ такихъ выраженіяхъ, какъ: „при извѣстныхъ условіяхъ", съ „извѣстными обязательствами", при чемъ эти условія и обязательства какъ разъ именно неизвѣстны въ моментъ рѣчи ни говорящему, ни слушающему, есть несомнѣнно мѣстоименное слово (= нѣкоторый), образовавшееся совсѣмъ недавно изъ слова-названія*). Таковы же слова: „данный", „опре-

*) Указаніе Д. Н. Ушакова.

дѣленный" („въ каждомъ данномъ случаѣ", „въ опредѣленныхъ условіяхъ"). Съ другой стороны, такія слова, какъ: „таковскій", „потакать", „стакнуться", были когда-то, судя по ихъ этимологіи, мѣстоименіями, теперь же имѣютъ опредѣленное реальное значеніе („таковскій"=неважный, плохой, „потакать"=баловать, „стакнуться"=согласиться). Вообще мѣстоименныя слова не образуютъ такой рѣзко-отграниченной семасіологической категоріи, какъ это представляется въ школѣ. На каждомъ шагу встрѣчаются переходы между словами-мѣстоименіями и словами-названіями. Природа языка и здѣсь, какъ и въ области формъ, „не дѣлаетъ скачковъ".

XXXV.

Замѣстительныя слова и сочетанія въ предложеніи.

Въ предыдущемъ не разъ указывалось уже на то, что и при отсутствіи подлежащаго предложеніе можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ сознаваться, какъ личное и полное, вслѣдствіе того, что подлежащее замѣщается какимъ-либо неподходящимъ для этой роли элементомъ, будь то безформенное слово, или слово съ иными, неумѣстными для подлежащаго, формами, или, наконецъ, объединенная въ сознаніи группа словъ. Основнымъ примѣромъ намъ служило всегда при этомъ предложеніе: „далече грянуло ура", гдѣ безформенное слово „ура" явно играетъ роль подлежащаго. Въ этой главѣ намъ предстоитъ углубиться въ это явленіе, вникнувъ въ причины его, обобщивъ его (ибо такое же замѣстительство возможно и для всѣхъ другихъ членовъ предложенія) и установивъ важнѣйшія категоріи относящихся сюда случаевъ.

Условія замѣщенія подлежащаго безформеннымъ словомъ.

Итакъ, почему въ сочетаніи: „далече грянуло ура" совершенно безформенное слово оказывается въ роли именительнаго падежа существительнаго? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, попробуемъ измѣнить форму глагола, стоящаго при этомъ „ура". Что было бы, если бы было сказано: „далече грянулъ ура", „грянула ура", „грянули ура"? Мы видимъ, что во всѣхъ этихъ случаяхъ „ура" перестаетъ быть подлежащимъ и дѣлается прямымъ дополненіемъ („полкъ грянулъ ура"). Только при „грянуло" оно можетъ быть подлежащимъ. Ясно, что функція его, какъ подлежащаго зависитъ не отъ него самого, а отъ этого „грянуло". Именно, заключающаяся въ этомъ „грянуло" форма средняго рода единственнаго числа сознается, какъ форма согласованія сказуемаго

съ подлежащимъ и требуетъ себѣ соотвѣтствующаго подлежащаго. А такъ какъ ни сосѣднія предложенія, ни обстановка рѣчи не намекаютъ съ достаточной ясностью на какое-либо существительное средняго р. ед. ч., то роль эта и навязывается слову „ура", которое своей безформенностью какъ разъ не противорѣчитъ идеѣ средняго рода единственнаго числа, тоже, по существу, безформенной, неопредѣленной. Есть и еще одна форма глагола, при которой „ура" можетъ быть подлежащимъ. Это — 3-е лицо ед. ч.: „далече грянетъ ура". При всѣхъ другихъ формахъ будущаго времени это опять-таки невозможно („гряну ура", „грянешь ура" и т. д.), потому что 1-е и 2-е лицо глагола не мирятся вообще ни съ какими подлежащими, кромѣ личныхъ, а множественное число тоже плохо ладитъ съ безформенностью. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ формъ глагола „гряну" только двѣ мирятся съ безформеннымъ подлежащимъ. Но и при нихъ оно никоимъ образомъ не можетъ соперничать съ форменнымъ: будь у насъ: „войско грянуло ура" или: „полкъ грянетъ ура" мы ни на мгновенье не восприняли бы „ура", какъ подлежащее. Подводя итогъ, мы можемъ сказать, что безформенное подлежащее возможно только при 2-хъ условіяхъ: 1) если форменнаго подлежащаго нѣтъ и заимствовать его неоткуда, и 2) если глаголъ имѣетъ подходящія формы согласованія. Подобнымъ же образомъ опредѣленіе-прилагательное, не имѣя при себѣ форменнаго опредѣляемаго, можетъ своими формами согласованія навязывать эту роль сосѣднему безформенному слову, напр.:

Я отдаюсь міровому. Мнѣ страшно. Мнѣ сладко... Прощай мое Вчера. Скорѣй къ неизвѣстному Завтра! (Бальм.)

Любовался, какъ мечтою,
Этой нѣжной красотою,
Этой легкою фатою,
Этимъ свѣтлымъ „Наконецъ!" (Бальм.)

Такъ вотъ въ ушахъ и долбитъ и стучитъ это:
Ти-та-та... та-та-та... та-та-та... ти-та-та.... (М. Вол.)

„Ахъ, если бы вы видѣли мой тюрлюрлю атласный!" (Гриб.)

Замѣщеніе дополненія.

Здѣсь, значитъ, безформенныя слова являются уже въ роли не только подлежащихъ, но и дополненій. При отсутствіи прилагательнаго та же роль можетъ обусловливаться и однимъ управленіемъ глагола: „полкъ грянулъ ура", „я любовался какаду", и т. д. Такъ какъ управленіе зависитъ отъ ассоціаціи даннаго глагола съ тѣмъ или инымъ падежомъ существи-

тельнаго, то здѣсь синтаксическая роль безформеннаго слова обусловливается уже не сосѣдними формами, а только формами тѣхъ предложеній, съ которыми ассоціируется данное предложеніе. Въ предложеніи: „полкъ грянулъ ура“ безформенное слово сознается, какъ винительный падежъ существительнаго по ассоціаціи съ: „полкъ грянулъ пѣсню“, „оркестръ грянулъ туш“ и т. д. Но во всякомъ случаѣ и тутъ функція безформеннаго слова всецѣло диктуется другими формами языка, и, обобщая всѣ 3 случая, мы можемъ вывести, что безформеннымъ словамъ, какъ членамъ предложенія, приписываются только тѣ формы, которыхъ требуютъ **другія** формы того же сочетанія или однородныхъ сочетаній. Какъ луна, они свѣтятъ отраженнымъ грамматическимъ свѣтомъ.

Общія условія всякаго замѣщенія.

На мѣстѣ безформеннаго слова можетъ быть и форменное, но съ не функціонирующими формами: „одно „прости“ сказали вы“, „авось“ да „живетъ“ до добра не доводятъ“ и т. д. Здѣсь глагольныя формы выдѣленныхъ словъ, такъ сказать, парализованы синтаксической обстановкой, почему слова эти и могутъ наравнѣ съ безформенными отражать на себѣ требованія окружающихъ словъ. Равнымъ образомъ и цѣлое предложеніе и даже группа предложеній могутъ быть объединены въ сознаніи, какъ своего рода безформенный элементъ, и функціонировать, согласно требованіямъ другого предложенія, то какъ подлежащее, то какъ дополненіе (примѣры см. на стрр. 338 и 340). При этомъ возможны 2 случая: 1) формы согласованія и управленія одного предложенія относятся не только къ содержанію, но и къ словесной формѣ другого — это тѣ случаи, которые извѣстны въ школьной грамматикѣ подъ именемъ „вносныхъ предложеній“ („талантъ, талантъ!“ звучало у него въ ушахъ“, „сторона мнѣ знакомая“, отвѣчалъ дорожный“), и 2) формы согласованія и управленія одного предложенія относятся только къ содержанію другого — это тѣ случаи, которые заносятся школьной грамматикой въ рубрики „придаточныхъ подлежащихъ“ и „придаточныхъ дополнительныхъ“ предложеній („извѣстно, что...“, „прочиталъ, что...“). Въ обоихъ случаяхъ школьная грамматика отмѣчаетъ особымъ терминомъ не тѣ предложенія, въ которыхъ подлежащаго или дополненія не хватаетъ и которыя единственно могутъ представлять какой-нибудь интересъ для грамматиста, а замѣщающія предложенія, грамматически вполнѣ нормальныя.

Другіе замѣстители.

Замѣщеніе подлежащаго инфинитивомъ.

Для подлежащаго возможно еще и замѣщеніе инфинитивомъ, которое мы принимаемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда сказуемое (или связка) явно лично, а въ то же время ни контекстъ, ни формы согласованія самого сказуемаго не позволяютъ его отнести ни къ чему другому, кромѣ стоящаго тутъ же инфинитива. Таковы, напр., всѣ слѣдующія сочетанія:

Возбуждать любопытство — сильно льстило его самолюбіе. (изъ примѣровъ С. Бородина, „Пособіе“ стр. 64)

Проводить цѣлые часы въ его обществѣ, быть съ нимъ наединѣ, слушать его разсказы — стало для меня истиннымъ наслажденіемъ. (Тург.)

Быть судьею, наблюдателемъ и пророкомъ вѣковъ и народовъ казалось мнѣ высшей степенью, доступной для писателя. (Пушк.)

Первымъ дѣломъ дѣдушки было въ тотъ годъ построить мельницу. (Акс.)

Нетрудно видѣть, что и ритмически эти сочетанія отличаются отъ обычныхъ инфинитивныхъ сочетаній. Такія сочетанія, какъ: „я хочу читать“, „у него было свойство краснѣть“ и т. д. вполнѣ нормальны въ ритмическомъ отношеніи, такъ какъ имѣютъ одно сильнѣйшее удареніе (б. ч. на инфинитивѣ). Разсматриваемыя же сочетанія имѣютъ ихъ два, одно на инфинитивѣ, а другое на глаголѣ или приглагольномъ словѣ. Это показываетъ, что инфинитивъ здѣсь не примыкаетъ къ предложенію въ качествѣ второстепеннаго сказуемаго, а составляетъ какъ бы самъ отдѣльное предложеніе, конечно неполное (см. гл. XXXII п. 10, инфинитивныя предложенія безъ подлежащаго и сказуемаго); и вотъ это-то неполное предложеніе и замѣщаетъ подлежащее для сосѣдняго, нуждающагося въ немъ предложенія. Еще рѣзче это соотношеніе 2-хъ неполныхъ предложеній какъ подлежащаго и сказуемаго сказывается въ случаяхъ безглагольности, какъ:

Выгонять передъ вечеромъ и пригонять на утренней зарѣ табунъ — большой праздникъ для крестьянскихъ мальчиковъ. (Тург.)

„Долгъ нашъ защищать крѣпость до послѣдняго нашего издыханія“. (Пушк.)

Первое мое удовольствіе — подчинять моей волѣ все, что меня окружаетъ. (Лерм.)

Быть для кого-нибудь причиною страданій и радостей, не имѣя на то никакого положительнаго права — не самая ли это сладкая пища нашей гордости? (Лерм., „это“ — скорѣе частичное слово съ выдѣлительно-союзнымъ значеніемъ, чѣмъ подлежащее)

„Прожить по-барски — это дворянское дѣло, это только дворяне умѣютъ". (Л. Толст.)

Въ зависимости отъ порядка предложеній, мы можемъ приписывать здѣсь инфинитивному предложенію то роль подлежашаго (когда оно стоитъ на первомъ мѣстѣ), то роль сказуемостнаго члена (когда оно стоитъ на второмъ). Возможно даже такое же соотношеніе двухъ инфинитивныхъ предложеній, напр.:

Жизнь прожить — не поле перейти. (Посл.)

„Недотерпѣть — пропасть..." (Некр.)

хотя въ послѣднемъ случаѣ можно видѣть и подчиненіе одного инфинитива другому (если недотерпѣть—пропасть).

Инфинитивъ при „называю" и „значу".

Не мѣшаетъ упомянуть также и о такихъ сочетаніяхъ, какъ: „и это у васъ называется работать!", „но вѣдь объяснить еще не значитъ оправдать", или:

...сперва прожужжитъ стихъ тихо, вполголоса, какъ бы бормоча... Это онъ называлъ читать начерно... (Тург.)

...онъ мнѣ разъ говорилъ, что скорѣе сдѣлаетъ одолженіе врагу, чѣмъ другу, потому что это значило бы продавать свою благотворительность... (Лерм.)

„...ревновать значитъ унижать и себя, и ее"... (Л. Толст.)

Выдѣленные инфинитивы примыкаютъ здѣсь къ глаголу даже не какъ подлежащія, а, скорѣе, какъ дополненія, хотя и эта роль въ нихъ крайне затемнена. При глаголѣ „значу", напр., настоящее дополненіе теперь уже совсѣмъ не употребляется (кромѣ существительнаго „что"—„что это значитъ?"), а употребляется именно только замѣстительное предложеніе, или инфинитивное, или съ союзомъ „что" („это значитъ, что онъ не пріѣдетъ, что гулять не удастся" и т. д.). Такимъ образомъ, связь инфинитива съ дополненіемъ здѣсь не прямая, а косвенная, черезъ посредство предложеній съ союзомъ „что", которыя во многихъ другихъ случаяхъ замѣщаютъ дополненіе. Въ общемъ, сочетанія эти такъ рѣдки (только при глаголахъ: „называю" „называюсь", „значу", „обозначаю") и такъ трудны для анализа, что изъ школьнаго разбора могли бы быть, понятно, совсѣмъ исключены. Но для насъ они очень интересны, такъ какъ на нихъ особенно ясно видно, что 1) инфинитивъ можетъ образовать отдѣльное предложеніе и въ то же время сливаться въ произношеніи съ сосѣднимъ предложеніемъ, не отдѣляясь отъ него ни повышеніемъ, ни паузой, ни какими-либо другими раздѣлительными средствами, и 2) что такой инфинитивъ, слегка напоминающій дополненіе, рѣзко отличается отъ обычнаго приглагольнаго инфинитива въ: „хочу писать", „пойду гулять" и т. д., что еще разъ удостовѣряетъ, что этотъ обычный инфинитивъ не только

не дополненіе въ настоящее время, но и ничего не имѣетъ общаго съ дополненіемъ.

Итоги объ инфинитивѣ.

Для удобства читателя-учителя подведемъ здѣсь итогъ всѣмъ толкованіямъ, которымъ подвергался въ разныхъ мѣстахъ книги инфинитивъ — эта труднѣйшая для синтаксическаго анализа форма. Въ зависимости отъ синтаксической обстановки мы различаемъ:

1) инфинитивъ, примыкающій, какъ второстепенное сказуемое, къ сказуемому-глаголу и образующій съ нимъ болѣе или менѣе слитное сочетаніе („хочу пойти", „надѣюсь увидѣть" и т. д.);

2) инфинитивъ, примыкающій, какъ второстепенное сказуемое, къ любому другому члену предложенія („свойство краснѣть", „способный убить" и т. д.);

3) инфинитивъ, какъ приглагольное второстепенное сказуемое въ неполныхъ предложеніяхъ, лишенныхъ сказуемаго („дроздъ горевать");

4) инфинитивъ, какъ приглагольное второстепенное сказуемое въ неполныхъ предложеніяхъ, лишенныхъ и подлежащаго, и сказуемаго („не нагнать тебѣ бѣшеной тройки!");

5) усилительный инфинитивъ („знать не знаю, вѣдать не вѣдаю");

6) инфинитивъ, замѣщающій въ предложеніи сказуемостный второстепенный членъ, на что указываютъ формы согласованія глагола („Грушницкаго страсть была — декламировать");

7) инфинитивъ, замѣщающій въ предложеніи подлежащее, на что указываютъ формы согласованія глагола или сказуемостнаго опредѣленія („страстью его было декламировать", „человѣку свойственно ошибаться");

8) инфинитивъ, замѣщающій дополненіе при глаголахъ: называю,— сь, значу, означаю („это значитъ продавать свою благотворительность");

9) инфинитивное неполное предложеніе, замѣщающее для сосѣдняго предложенія подлежащее или сказуемостный второстепенный членъ, при чемъ замѣщеніе это выражается не формами согласованія глагола, который какъ разъ отсутствуетъ, а именно самой недостачей подлежащаго или сказуемостнаго второстеп. члена въ сосѣднемъ предложеніи („долгъ нашъ защищать крѣпость до послѣдняго нашего издыханія").

Въ сущности, въ пунктахъ 6-мъ, 7-мъ и 8-мъ тоже слѣдовало бы говорить не объ инфинитивѣ, а объ инфинитивномъ неполномъ предложеніи, и не только по ритмическимъ соображеніямъ (см. выше), но и потому, что только этимъ путемъ и можно уяснить себѣ роль инфинитива въ такихъ сочетаніяхъ. Вѣдь инфинитивъ нельзя разсматривать ни какъ безформенное слово, ни какъ слово съ нефункціонирующими формами, такъ какъ форма инфинитива, въ ея отличіи отъ отглагольнаго существительнаго, здѣсь несомнѣнно сознается. Поэтому между глаголомъ и инфинитивомъ самимъ по себѣ

здѣсь нѣтъ никакой связи, а есть только связь между глаголомъ и содержаніемъ инфинитива, какъ отдѣльнаго предложенія. Это особенно ясно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ инфинитивъ распространенъ другими зависящими отъ него членами: въ сочетт., какъ: „его страстью было декламировать „Коринну", „упорствовать въ своихъ заблужденіяхъ свойственно глупцу" и т. д. мы не ощущаемъ никакой особой связи между сказуемымъ или сказуемостнымъ членомъ и изолированнымъ инфинитивомъ, а только между ними и всей инфинитивной группой („декламировать „Коринну", „упорствовать въ своихъ заблужденіяхъ"). Если же мы, тѣмъ не менѣе, отдѣлили въ этомъ отношеніи 6-й, 7-й и 8-й пункты отъ 9-го, то только по практическимъ соображеніямъ, ради которыхъ сдѣлана и вся сводка. Въ пунктѣ 9-мъ знакъ препинанія между обоими предложеніями всегда возможенъ (тире): въ пунктахъ же 6-мъ, 7-мъ и 8-мъ онъ часто по ритмическимъ условіямъ недопустимъ. Такимъ образомъ, разбирать инфинитивы 6-го, 7-го и 8-го пунктовъ, какъ отдѣльныя предложенія, значило бы умножать правила о знакахъ препинанія еще однимъ довольно трудно формулируемымъ исключеніемъ. Къ тому же ритмическая цѣльность здѣсь бываетъ такъ велика, что получается дѣйствительно нѣкоторая разница между этими пунктами и послѣднимъ. И, думается, не будетъ большой бѣды, если эта разница, для облегченія школьника, будетъ слегка преувеличена.

Замѣщеніе глагола.

Во всѣхъ до сихъ поръ встрѣчавшихся примѣрахъ мы видѣли замѣщеніе имени (подлежащее, дополненіе, сказуемостное имя). Но есть въ языкѣ и случаи замѣщенія глагола. Сюда относится обычное употребленіе безформенныхъ словъ „есть" и „нѣтъ" (въ смыслѣ „не существуетъ"):

„Нѣтъ, ты счастливый человѣкъ. Все, что ты любишь, у тебя есть. Лошадей любишь — есть, собаки — есть, охота — есть, хозяйство — есть". (Л. Толст.)

„Зачѣмъ вамъ быть на кого-нибудь похожей? Вы хороши, какъ вы есть"... (Л. Толст.)

„Отчизна есть то, чего ищетъ душа наша"... (Гог.)

Я,—годъ назадъ,—сказалъ: „я буду!"
Годъ отсверкалъ, и вотъ—я есть! (Игорь Сѣвер.)

... А юноши нѣтъ, и не будетъ ужъ вѣчно. (Жук.)

... Нѣтъ у васъ родины, нѣтъ вамъ изгнанія. (Лерм.)

Сюда же можно отнести и употребленіе междометія „ну" въ неполныхъ предложеніяхъ типа: „дроздъ горевать":

Лягушка ну топорщиться, пыхтѣть и надуваться... (Крыл.)

И новые друзья ну обниматься,
Ну цѣловаться... (Крыл.)

и употребленіе такъ называемыхъ „отглагольныхъ междометій“, какъ: „бацъ, хвать, толкъ, стукъ, хлопъ, цапъ, царапъ, верть, порхъ, скокъ, прыгъ, трахъ и т. д.:

... тихохонько медвѣдя т о л к ъ ногой... (Крыл.)
Х в а т ь друга камнемъ въ лобъ... (Крыл.)

хотя послѣдній случай еще можетъ возбуждать споры: категорія эта такъ обширна и такъ располагаетъ къ образованію случайныхъ новообразованій, что возникаетъ вопросъ: не есть ли это особая отрицательная ф о р м а, въ качествѣ ли особаго „мгновеннаго“ в и д а глагольнаго или даже особой части рѣчи? Во всякомъ случаѣ понятіе „междометія“ здѣсь, въ сущности, мало примѣнимо, такъ какъ, при всей ихъ эмоціональной окраскѣ, слова эти все-таки имѣютъ опредѣленное л о г и ч е с к о е с о д е р ж а н і е, отсутствующее въ междометіяхъ. Синтаксически же они тоже крайне рѣдко стоятъ внѣ предложенія, а употребляются почти всегда именно, какъ замѣстители сказуемаго.

Замѣщеніе прилагательнаго.

Замѣщеніе о п р е д ѣ л е н і я - п р и л а г а т е л ь н а г о уже знакомо намъ въ видѣ замѣщенія прилагательнаго грамматическимъ нарѣчіемъ („онъ былъ д о б р ѣ е“, „одинъ изъ нихъ, п о м о л о ж е, отвѣчалъ...“). Оно возможно и при обычномъ, несказуемостномъ и необособленномъ опредѣленіи, напр.:

... Подъ н е б о м ъ я р ч е твоего
Искалъ я примиренья съ горемъ... (Некр.)

Не придумать имъ к а з н и м у ч и т е л ь н ѣ й
Той, которую въ сердцѣ ношу. (Некр.)

И сердце жгучихъ ласкъ вкусило,
И умъ р ѣ ч е й м у д р ѣ е книгъ. (Брюс.)

при чемъ изрѣдка встрѣчаются въ этой роли и н е г р а м м а т и ч е с к і я н а р ѣ ч і я:

... изъ о к н а н а п р о т и в ъ высунулась баба... (Тэффи)

... что не были способны сдѣлать вѣка совмѣстной ж и з н и б о к ъ о - б о к ъ... („Рѣчь“, 1913 г. № 104, „На берегахъ Босфора“)

Замѣщеніе нарѣчія.

Наконецъ, замѣщеніе н а р ѣ ч і я - о б с т о я т е л ь с т в а происходитъ ч а щ е в с ѣ х ъ д р у г и х ъ замѣщеній, потому что, въ сущности, в с ѣ н е г р а м м а т и ч е с к і я н а р ѣ ч і я, поскольку мы ихъ сближаемъ съ грамматическими, являются б е з ф о р м е н н ы м и з а м ѣ с т и т е л я м и грамматическихъ. И именно вслѣдствіе многочисленности этого рода случаевъ ихъ и выдѣлили въ особую рубрику „обстоятельствъ“, подведя подъ нее и самое замѣщаемую форму — нарѣчіе.

Не мѣшаетъ, для полноты картины, упомянуть еще о замѣстительныхъ сочетаніяхъ, являющихся не отдѣльными предложеніями (полными или неполными), а особаго рода словами. Дѣло въ томъ, что въ языкѣ существуютъ сочетанія словъ, имѣющія цѣльное, неразложимое значеніе, т.-е. соотвѣтствующія по значенію отдѣльнымъ словамъ. Таковы, напр., сочетанія: желѣзная дорога, великій постъ, спустя рукава, сломя голову, благимъ матомъ, попасть въ тупикъ, бить баклуши, не въ своей тарелкѣ, сквозь пальцы и т. д. Если мы попробуемъ понимать эти сочетанія не какъ слова, а какъ группы словъ, то получимъ совсѣмъ другой смыслъ: „желѣзная дорога“ будетъ обозначать дорогу, построенную изъ желѣза, „спустя рукава“ — спусканіе рукавовъ и т. д. Ясно, что въ своемъ обычномъ значеніи это слова, хотя и состоятъ сами изъ отдѣльныхъ словъ и даже отдѣльныхъ формъ. Такія слова можно назвать слитными словами. Понятно, что въ предложеніи слитное слово, какъ и всякое слово, будетъ всегда только однимъ какимъ-нибудь членомъ. „Желѣзная дорога“ можетъ быть, напр., подлежащимъ, „желѣзную дорогу“ — дополненіемъ, „попалъ въ тупикъ“ — сказуемымъ и т. д. Нерѣдко и эти слова являются въ предложеніи чѣмъ-то совершенно безформеннымъ, заимствующимъ свою форму отъ другихъ словъ. Это бываетъ тогда, когда ни одна изъ составляющихъ слитное слово формъ не должна пониматься въ своемъ собственномъ значеніи. Такъ, въ словѣ „спустя рукава“, нѣтъ, съ синтаксической точки зрѣнія, ни дѣепричастія, ни винительнаго падежа существительнаго, въ словѣ „сквозь пальцы“ нѣтъ ни предлога, ни винительнаго падежа существительнаго (такъ какъ иначе получится буквальный смыслъ); оба эти слитныя слова совершенно безформенны, а роль ихъ въ предложеніи та же, что и разсматривавшихся ранѣе безформенныхъ словъ: они замѣщаютъ тотъ или иной членъ предложенія („работать спустя рукава“ — обстоятельство, „работа спустя рукава“ — опредѣленіе, и т. д.).

Слитныя слова, какъ замѣстители.

Въ школьныхъ грамматикахъ замѣстительныя слова называются всегда по имени тѣхъ членовъ, которые они замѣщаютъ; такъ, слово „ура“ въ нашемъ основномъ примѣрѣ называется прямо „подлежащимъ“, слово „есть“ — „сказуемымъ“ или „связкой“ и т. п. Само собой разумѣется, что обосновывая синтаксисъ на морфологіи, научная грамматика не можетъ поступать такимъ образомъ. Это было бы такой же грубой ошибкой, какъ если бы зоологъ говорилъ о легкихъ у животнаго, не имѣющаго совсѣмъ органовъ дыханія и дышащаго всей поверхностью тѣла, причемъ называлъ бы самую эту поверхность легкими. Наиболѣе точнымъ обозначеніемъ было бы здѣсь: „безформенный (или иноформенный) замѣститель подлежащаго“, „безформенный замѣститель сказуемаго“ и т. д. Но для школы это, понятно, слишкомъ длинно, и, разъ условившись понимать подъ терминомъ „грамматическій“ только то, что выражается формами отдѣльныхъ словъ (что, соб-

О терминахъ.

ственно, не совсѣмъ точно, такъ какъ то, что выражается формами сочетаній словъ тоже входитъ въ область грамматики), можно было бы признавать здѣсь просто „неграмматическое подлежащее“ „неграмматическое сказуемое“ „неграмматическое дополненіе“ и т. д. Намъ представляется, что эти термины были бы наиболѣе легки и категоричны. И вообще, послѣдовательное различеніе въ школѣ „грамматическаго“ и „неграмматическаго“ въ языкѣ, хотя бы и въ условномъ пониманіи этихъ терминовъ (вмѣсто: „морфологическаго“ и „неморфологическаго“) намъ представляется наиболѣе практичнымъ и полезнымъ въ смыслѣ выясненія дѣтямъ самаго существа грамматики.

XXXVI.

Особенности въ употребленіи счетныхъ существительныхъ.

Существительныя, обозначающія въ своей вещественной части число, можно раздѣлить въ грамматическомъ отношеніи на 2 разряда. Одни изъ нихъ, какъ: „пара“, „двойка“, „тройка“, „четверка“, „пятерка“, „пятокъ“, „десятокъ“, „десятка“, „дюжина“, „сотня“, „тысяча“, „милліонъ“ и т. д. ничѣмъ не отличаются грамматически отъ всѣхъ прочихъ существительныхъ. Другія, именно тѣ, которыя употребляются для счета отъ 2-хъ до 1000*), имѣютъ въ русскомъ языкѣ важныя особенности въ склоненіи и въ синтаксическомъ употребленіи. Послѣднія мы и должны здѣсь слегка намѣтить.

Управленіе при счетныхъ существительныхъ.

Главная особенность ихъ состоитъ въ томъ, что они то управляютъ тѣмъ словомъ, которое обозначаетъ исчисляемый предметъ, то согласуются съ нимъ, въ зависимости отъ того падежа, въ которомъ стоятъ. Такъ, въ сочетаніяхъ:

Десять возовъ сѣна проданы.
Я продалъ десять возовъ сѣна.

слово „десять“ управляетъ словомъ „возовъ“, такъ какъ требуетъ отъ него опредѣленнаго падежа (десять чего? возовъ), само стоя въ другомъ падежѣ. Соотвѣтственно этому, слово „возовъ“ является въ обоихъ случаяхъ дополненіемъ, зависящимъ отъ слова „десять“, а само „десять“ въ одномъ случаѣ — подле-

*) Первый членъ нашего счета, „одинъ“, — прилагательное, а не существительное.

жащимъ („десять проданы"), а въ другомъ — прямымъ дополненіемъ („десять продалъ"). И такъ бываетъ всегда, когда счетное слово стоитъ въ именительномъ или сходномъ съ нимъ винительномъ падежахъ. Если же это слово стоитъ въ дательномъ падежѣ:

Согласованіе при счетныхъ существительныхъ.

Къ десяти возамъ прибавили еще столько же.

или въ творительномъ:

Десятью возами всего этого не вывезешь.

или въ предложномъ:

На десяти возахъ умѣстилась вся мебель.

то получается совсѣмъ другое построеніе: оба слова, и счетное, и несчетное, стоятъ уже здѣсь въ одномъ падежѣ, и на мѣстѣ управленія оказывается согласованіе. Рѣшить, какое именно слово съ какимъ согласуется, здѣсь довольно трудно, такъ какъ существительность слова „десять" даетъ себя сильно знать. Оба имени кажутся совершенно самостоятельными по отношенію другъ къ другу. Когда мы говоримъ: „десятью возами этого не вывезешь", то намъ не кажется, что „десятью" должно быть сказано потому, что сказано „возами"; мы приводимъ это „десятью" въ связь съ глаголомъ (не вывезешь чѣмъ?—десятью). Еще менѣе мы могли бы сказать, что слово „возами" зависитъ отъ „десятью"; мы и его связываемъ съ глаголомъ (не вывезешь чѣмъ?—возами). Получается какъ бы два параллельныхъ дополненія—явленіе, встрѣчавшееся уже намъ при разсмотрѣніи приложенія (см. стр. 172). Проще всего, конечно, счетное имя считать приложеніемъ къ предметному и разсматривать „возами", какъ дополненіе, а „десятью", какъ приложеніе къ нему.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда счетное существительное стоитъ въ родительномъ падежѣ:

Промежуточный случай.

Десяти возовъ недоставало.

невозможно отличить управленіе отъ согласованія, такъ какъ управленіе даетъ здѣсь такое же совпаденіе падежей („десяти" требуетъ родительнаго и само стоитъ въ родительномъ), какъ и согласованіе. Оборотъ этотъ сознается, очевидно, то такъ, то этакъ, въ зависимости отъ того, съ какимъ типомъ сочетаній ассоціируется. У каждаго отдѣльнаго лица и въ каждый отдѣльный моментъ ассоціаціи эти могутъ быть различны, и общей мѣрки здѣсь быть не можетъ.

Прим.—Въ школьной практикѣ необходимо, конечно, искусственно ввести эту общую мѣрку. Проще всего признать здѣсь согласованіе, по образцу другихъ косвенныхъ падежей, и въ этомъ случаѣ получится простое школьное правило: „счетныя существительныя, стоя въ именительномъ или сходномъ съ нимъ винительномъ падежѣ, образуютъ въ предложеніи подлежащее или дополненіе, а стоя во всѣхъ другихъ падежахъ—приложеніе".

Род. единств. при „два" „три" и „четыре".

Существительныя „два", „три" и „четыре" въ свою очередь рѣзко отличаются отъ всѣхъ другихъ счетныхъ существительныхъ тѣмъ, что управляютъ родительнымъ падежомъ единственнаго числа (два стола, три стола, четыре стола), тогда какъ при всѣхъ остальныхъ счетныхъ словахъ употребляется, согласно смыслу, множественное число (пять столовъ, сто столовъ, тысяча столовъ и т. д.). Единственное число при такихъ словахъ, какъ „два", „три" и „четыре", гдѣ ясно указана множественность, представляется, на первый взглядъ, очень страннымъ и является характернымъ примѣромъ того, насколько грамматическое мышленіе можетъ расходиться съ логическимъ. Страннымъ представляется оно даже и въ грамматическомъ отношеніи, такъ какъ управленіе вѣдь никогда не простирается на число управляемаго существительнаго, а только на падежъ его. Число у существительнаго, какъ мы уже знаемъ,—форма несинтаксическая. Въ данномъ же случаѣ (и это единственный случай этого рода) она оказывается синтаксической, такъ какъ не имѣетъ никакого самостоятельнаго значенія, а употребляется исключительно по требованію словъ „два", „три" и „четыре". Объясняется этотъ необыкновенный оборотъ только исторически: въ старину это „стола" было не родительнымъ падежомъ единственнаго числа, а именительнымъ двойственнаго, который, хотя и сходенъ былъ съ родительнымъ единственнаго въ словахъ на ъ мужескаго рода, но въ другихъ словахъ рѣзко отличался отъ него (отъ слова „рука", напр., именит. двойств. былъ „руцѣ", а родит. ед. „рукы", отъ слова „нога" имен. двойств.—„нозѣ", а род. ед.—„ногы", отъ слова „село" имен. двойств.—„селѣ", а род. ед.—„села"). Форма эта употреблялась, конечно, какъ и всѣ другіе падежи двойственнаго числа, только при словѣ „два" и при названіяхъ парныхъ предметовъ (какъ уши, ноздри, сапоги и т. д.), при словахъ же „три" и „четыре" употреблялся именительный падежъ множественнаго числа (говорили: „два коня", но „три кони", „четыре кони", „два стола",

но „три столи" „четыре столи"). Когда двойственное число изъ языка исчезло, это „стола" было осмыслено, какъ родительный единственнаго, и по образцу „два стола" стали говорить „двѣ руки", „двѣ ноги", „два села" и т. д. И оборотъ этотъ, несмотря на свою странность, настолько утвердился въ языкѣ, что перенесся даже и на „три" и на „четыре", такъ что стали говорить „три стола" и „четыре стола". Такъ и создалось это странное единственное число, которое нѣкоторые ученые не хотятъ даже признавать за единственное, а называютъ „ограниченнымъ" числомъ (Р. Ѳ. Брандтъ), потому что оно обозначаетъ не одинъ предметъ, какъ единственное, не два, какъ двойственное и не безграничное множество, какъ множественное, а ограниченное количество въ предѣлахъ отъ 2-хъ до 4-хъ.

Другія ихъ особенности.

Есть и еще особенности у словъ „два", „три" и „четыре", правда болѣе мелкія, но которыя не мѣшаетъ все же отмѣтить:

1) Въ винительномъ падежѣ они бываютъ сходны то съ именительнымъ, то съ родительнымъ падежомъ, въ зависимости отъ того, относятся они къ слову, обозначающему одушевленный предметъ, или неодушевленный („я видѣлъ два стола", но „двухъ братьевъ", „три книги", но „трехъ овецъ", „четыре тетради", но „четырехъ сестеръ"). Исключенія, если и бываютъ, то только при именахъ животныхъ („видѣлъ двѣ овцы", „купилъ двѣ коровы"), которыя вообще въ языкѣ не такъ послѣдовательно заносятся въ категорію одушевленности, какъ имена лицъ; при именахъ же лицъ исключенія невозможны (нельзя сказать: „я видѣлъ два брата, двѣ дѣвушки" и т. д.). Напротивъ, у всѣхъ остальныхъ счетныхъ словъ винительный всегда сходенъ съ именительнымъ, даже и при именахъ одушевленныхъ предметовъ („я видѣлъ пять человѣкъ, сто человѣкъ, тысячу человѣкъ"). Объясняется это тѣмъ, что „два", „три" и „четыре" когда-то (еще въ праславянскомъ языкѣ) были прилагательными, такъ что должны были согласоваться въ падежѣ со своимъ предметнымъ существительнымъ, всѣ же остальныя счетныя слова были всегда существительными. Прилагательность слова „два" и до сихъ поръ сказывается въ томъ, что оно измѣняется по родамъ („два" и „двѣ"), такъ что оно и теперь отчасти сбивается на прилагательное.

2) Если въ сочетаніяхъ типа: „два стола" есть прилагательное, то для словъ „два", „три" и „четыре" возможны двѣ формы сочетанія: „два большіе стола" и „два боль-

шихъ стола" („я вытащилъ изъ чемодана два походные стаканчика", „два-три надгробныхъ памятника стояли на краю дороги" Лерм.); для всѣхъ же остальныхъ счетныхъ словъ возможна только одна изъ этихъ формъ („пять большихъ столовъ", „шесть большихъ столовъ" и т. д.). Объясняется это опять-таки тѣмъ, что „два", „три" и „четыре" — бывшія прилагательныя именительнаго падежа множественнаго („два" — двойственнаго) числа. Понятно, что и второе прилагательное должно было стоять въ томъ же падежѣ и числѣ, такъ что „три красивые кони" (впослѣдствіи „коня") является исконной формой сочетаній для этихъ словъ. Напротивъ, для всѣхъ остальныхъ счетныхъ словъ исконной формой здѣсь былъ род. пад. мн. ч. (пять красивыхъ коней), такъ какъ прилагательное должно было согласоваться со своимъ существительнымъ, стоявшимъ всегда при этихъ словахъ въ род. пад. мн. ч. (см. выше). Впослѣдствіи эта послѣдняя форма сочетаній, какъ очень употребительная, была перенесена и на „два", „три" и „четыре", такъ что по образцу „пять красивыхъ коней" стали говорить „три красивыхъ коня". А такъ какъ эта форма все же не вытѣснила и старой формы (три красивые коня), то у этихъ словъ и оказались возможны двѣ различныя конструкціи. При этомъ вслѣдъ за внѣшней разницей явилась, какъ это часто бываетъ въ языкѣ, и внутренняя: въ сочетаніи: „три красивые коня" прилагательное, какъ ни въ чемъ несогласуемое со своимъ существительнымъ, больше выдѣляется въ сознаніи, чѣмъ въ сочетаніи „три красивыхъ коня", гдѣ есть согласованіе хотя бы въ падежѣ (въ числѣ нѣтъ). Напротивъ, счетное слово больше выдѣляется во второмъ сочетаніи, чѣмъ въ первомъ, потому что здѣсь оно управляетъ 2-мя родительными, а тамъ однимъ. Въ результатѣ, въ „три красивые коня" преобладаетъ качественный оттѣнокъ, а въ „три красивыхъ коня" — количественный.

Существительныя „оба" и „полтора" сочетаются по образцу: „два", „три" и „четыре", а существительныя: „двое", „трое", „четверо", „пятеро" и т. д.—по образцу остальныхъ счетныхъ существительныхъ.

XXXVII.

Члены предложенія и члены мысли.

Несоотвѣтствіе членовъ предложенія членамъ мысли въ нѣкоторыхъ случаяхъ.

Заканчивая изученіе предложенія и его частей, мы должны оглянуться назадъ и еще разъ остановиться на основныхъ элементахъ мысли — психологическомъ подлежащемъ и психологическомъ сказуемомъ. Въ предыдущемъ мы исходили изъ такихъ случаевъ, гдѣ члены мысли и члены предложенія соотвѣтствовали другъ другу: психологическое подлежащее выражалось грамматическимъ подлежащимъ (однимъ или съ зависящими отъ него второстепенными членами), психологическое сказуемое — грамматическимъ сказуемымъ (тоже однимъ или съ его второстепенными членами). Теперь мы должны обратить вниманіе и на тѣ случаи, гдѣ нѣтъ такого соотвѣтствія.

Возьмемъ самый простой житейскій случай. Человѣкъ уронилъ что-нибудь въ присутствіи другого. Уронившій нагибается, осматриваетъ вещь и сообщаетъ: „треснуло!“, „лопнуло!“, „побилось!“, „помялось!“ и т. д. Первымъ представленіемъ (психол. подлежащимъ) у обоихъ было, конечно, представленіе о падающей вещи, вторымъ (психол. сказуемымъ) — представленіе о результатахъ паденія. Первое не выразилось совсѣмъ словами (такъ какъ оба видѣли падающій предметъ), второе выразилось глаголомъ „треснуло“, „лопнуло“ и т. д., т.-е. грамматическимъ сказуемымъ. Въ этомъ случаѣ, значитъ, члены предложенія прямо соотвѣтствуютъ членамъ мысли (если не считать того, что подлежащее было опущено). Теперь представимъ себѣ, что присутствующій не замѣтилъ, *что* упало. Тогда уронившій прежде всего сообщитъ: „это часы упали!“ или прямо: „это часы!“, „это кружка!“, „это статуэтка!“ и т. д. Здѣсь уже соотношеніе будетъ другое. Первымъ представленіемъ у слушателя (а значитъ и у говорящаго, потому что онъ въ моментъ рѣчи переживаетъ психологію слушателя) будетъ представленіе о *паденіи* чего-то (чего — онъ еще не знаетъ); вторымъ — представленіе о томъ, *что* упало: о часахъ, о кружкѣ, о статуэткѣ и т. д. Первое выразится грамматическимъ сказуемымъ „упали“ (или не выразится совсѣмъ, такъ какъ психол. подлежащее вообще рѣдко выражается словами), а второе — грамматическимъ подлежащимъ: „часы“, „кружка“, „статуэтка“ и т. д., которое будетъ произнесено съ

особеннымъ удареніемъ и къ которому можетъ, хотя это и не обязательно, примкнуть еще усилительная частица „это" („это часы упали!"). Здѣсь, значитъ, члены мысли выражены навыворотъ: психол. подлежащее выражено грамматическимъ сказуемымъ, а психол. сказуемое — грамматическимъ подлежащимъ. Наконецъ, возможенъ еще и третій случай. Оба человѣка видѣли, что упало, оба заинтересованы результатомъ паденія, но уронившій выразилъ этотъ результатъ не словомъ, а цѣлымъ предложеніемъ: „пружина лопнула!", „стекло разбилось!", „головка отлетѣла!" и т. д. Въ этомъ случаѣ оба слова вмѣстѣ, т.-е. и подлежащее, и сказуемое, выразятъ одно психологическое сказуемое, а психологическое подлежащее опять останется не выраженнымъ. Или возьмемъ еще такой случай. Въ домѣ ждутъ важнаго гостя. Послѣ долгихъ ожиданій раздается звонокъ и является... почтальонъ. Всѣ разочарованнымъ голосомъ говорятъ: „это почтальонъ пришелъ!" Ясно, что представленіе о чьемъ-то приходѣ явилось у всѣхъ раньше, чѣмъ о почтальонѣ. Оно и было психологич. подлежащимъ и выразилось сказуемымъ „пришелъ". Психологическимъ же сказуемымъ было новое представленіе о почтальонѣ, и оно выразилось подлежащимъ — „почтальонъ". Если же тревога была совсѣмъ ложная, то психологическое сказуемое могло выразиться цѣлымъ предложеніемъ, объясняющимъ ее: „это мальчишки шалятъ!", „звонокъ чинится!" и т. д.

На тѣхъ же примѣрахъ мы можемъ убѣдиться, что и любой второстепенный членъ можетъ выразить психологическое сказуемое, при чемъ психологическое подлежащее выразится всѣми остальными словами (или не выразится вовсе). Такъ, если свидѣтель паденія не будетъ знать, что́ упало, уронившій можетъ сказать: „часы уронилъ!", „пуговку потерялъ!", „кошелекъ выронилъ!" и т. д., и во всѣхъ этихъ случаяхъ психол. сказуемое выразится дополненіемъ. Если свидѣтель имѣетъ основаніе бояться за свои вещи, то уронившій скажетъ: „это мои часы, не безпокойся!", и психол. сказуемое выразится опредѣленіемъ. Если часы уже и раньше падали и были приняты мѣры, чтобы предотвратить паденіе, то уронившій раздраженно воскликнетъ: „опять упали!" или прямо: „опять!", „попрежнему!" и т. д., и въ этомъ случаѣ психол. сказуемое выразится обстоятельствомъ. Наконецъ, если упалъ пустячный предметъ, то уронившій спроситъ себя: „поднимать ли?", и психол. сказуемое выразится второстепеннымъ сказуемымъ.

Удареніе фразы, какъ показатель психологическаго сказуемаго. Все неударенное — психол. подлежащее.

И въ болѣе спокойной рѣчи любой членъ предложенія можетъ привлечь къ себѣ главное удареніе фразы и выразить психологическое сказуемое. Правда, если вырвать фразу изъ связи и произносить ее медленно, раздѣльно и совершенно спокойно, то члены предложенія представятся совпадающими съ членами мысли. Такъ, въ предложеніи, напр.: „мой братъ прочиталъ эту книгу“ исходнымъ представленіемъ будетъ сознаваться представленіе о „моемъ братѣ“, а представленіемъ, приведеннымъ съ нимъ въ связь, — представленіе о „прочтеніи этой книги“. Соотвѣтственно съ этимъ и въ удареніяхъ фразы, въ общемъ почти одинаковыхъ, выдѣлятся едва замѣтно слова „братъ“ и „прочиталъ“, и изъ нихъ опять-таки больше выдѣлится „прочиталъ“. Словомъ, психологія и грамматика фразы будутъ совпадать. Но вѣдь ясно, что это случай школьный, искусственный, что такъ мы никогда не говоримъ. На практикѣ мы скажемъ такую фразу болѣе или менѣе оживленно и сдѣлаемъ, въ зависимости отъ предыдущихъ переживаній, на какомъ-нибудь словѣ сильное удареніе. И это слово и выразитъ психологическое сказуемое, а всѣ остальныя — психол. подлежащее. Такъ, если книга была дана съ тѣмъ, чтобы „мой братъ“, прочитавши, возвратилъ ее, и теперь интересуются тѣмъ, можно ли ее получить назадъ, то, очевидно, представленія о „моемъ братѣ“ и объ „этой книгѣ“ уже есть въ умѣ говорящихъ, и вся работа мысли заключается въ томъ, чтобы соединить эти представленія съ представленіемъ о прочтеніи книги (прочиталъ, или не прочиталъ?) Тогда мы скажемъ: „мой братъ **прочиталъ** эту книгу“, и выдѣленное слово выразитъ психол. сказуемое, а всѣ остальныя — психол. подлежащее. Если же собесѣдникъ уже зналъ, что книга прочитана кѣмъ-нибудь изъ моихъ домашнихъ и интересовался только, кѣмъ именно, то представленіе о комъ-то „моемъ, прочитавшемъ эту книгу“ будетъ его психол. подлежащимъ, и съ нимъ онъ свяжетъ представленіе о „братѣ“ — психол. сказуемое („мой **братъ** прочиталъ эту книгу“). Если передъ тѣмъ спорили о томъ, какую именно книгу прочиталъ мой братъ, то у спорящихъ предварительно сложится въ умѣ представленіе о „моемъ братѣ, прочитавшемъ книгу“ и они будутъ связывать его съ представленіемъ объ „этой“ или о „другой“ книгѣ („мой братъ прочиталъ **эту** книгу“, „нѣтъ **другую**“). Если будутъ спорить о томъ, чей братъ прочиталъ эту книгу, то психол. сказуемое выразится словомъ „мой“ („**мой** братъ прочиталъ

эту книгу, а не твой") и т. д. Само собой разумѣется, что и любая группа словъ можетъ выразить психол. сказуемое. Такъ, слушателю можетъ быть совершенно неизвѣстно, кто прочиталъ эту книгу, я ли, домашніе ли мои или посторонній кто, и тогда психол. сказуемое выразится словами „мой братъ"; если съ моимъ братомъ рѣдко случается такой казусъ, какъ прочтеніе книги, то могутъ выдѣлиться слова „прочиталъ книгу" и т. д. Вообще, все, что есть новаго въ данномъ предложеніи, выразитъ всегда психол. сказуемое его, а все, что извѣстно или можетъ быть угадано заранѣе — психол. подлежащее.

Ударѐніе можетъ прійтись на любомъ членѣ.

Что фактически въ нашей рѣчи психол. сказуемое можетъ выражаться любымъ членомъ предложенія и сравнительно рѣдко выражается грамматическимъ сказуемымъ, въ этомъ не трудно убѣдиться, читая вслухъ любой отрывокъ изъ любого автора и прислушиваясь къ такъ наз. „логическимъ" (въ сущности, психологическимъ) удареніямъ. Вотъ, напр., начало „Бѣжина луга", приведенное съ выдѣленіемъ словъ, несущихъ на себѣ логическое ударѐніе *):

> Былъ прекрасный іюльскій день, одинъ изъ тѣхъ дней, которые случаются только тогда, когда погода установилась надолго. Съ самаго ранняго утра небо ясно; утренняя заря не пылаетъ пожаромъ: она разливается кроткимъ румянцемъ. Солнце — не огнистое, не раскаленное, какъ во время знойной засухи, не тускло-багровое, какъ передъ бурей, но свѣтлое и привѣтно-лучезарное, мирно всплываетъ подъ узкой и длинной тучкой, свѣжо просіяетъ и погрузится въ лиловый ея туманъ. Верхній, тонкій край растянутаго облачка засверкаетъ змѣйками; блескъ ихъ подобенъ блеску кованаго серебра... Но вотъ опять хлынули играющіе лучи — и весело, и величаво, словно взлетая, поднимается могучее свѣтило.

Мы видимъ, что ударѐніе можетъ падать на любой членъ предложенія и что на сказуемое оно падаетъ довольно рѣдко. И не только отдѣльные члены предложенія, но и самое дробленіе рѣчи на предложенія не соотвѣтствуетъ психологіи ея. Удареній въ нашемъ отрывкѣ несравненно больше, чѣмъ предложеній, и это потому, что, напр., всѣ обособленные второстепенные члены имѣютъ каждый свое ударѐніе, въ слитныхъ предложеніяхъ всегда столько удареній, сколько однородныхъ членовъ и т. д. Да и въ самомъ обычномъ предложеніи можетъ быть всегда нѣсколько самостоя-

*) Въ сомнительныхъ случаяхъ мы выдѣляемъ нѣсколько словъ, соперничающихъ по ударенію.

тельныхъ удареній (напр.: „эту-то книгу и прочиталъ мой братъ", „вотъ такъ-то онъ и попалъ въ предсѣдатели", „куда мнѣ было обратиться? кого было умолять о помощи?"). Напротивъ, отдѣльныя предложенія могутъ не имѣть совсѣмъ самостоятельнаго ударенія, если не заключаютъ ничего новаго для мысли (напр.: „мой братъ прочиталъ книгу, о которой ты говоришь"). Такимъ образомъ, мыслей, какъ отдѣльныхъ психологическихъ моментовъ, въ любомъ отрывкѣ всегда можетъ быть и больше, и меньше, чѣмъ предложеній. Далѣе, общій характеръ предложенія тоже съ грамматической точки зрѣнія всегда можетъ быть одинъ, а съ психологической — другой. Такъ, мы уже видѣли, что предложенія, грамматически полныя, могутъ психологически выражать только одно психол. сказуемое („пружина лопнула!", „стекло разбилось!", „головка отлетѣла!"). И, наоборотъ, предложенія, грамматически неполныя, не имѣющія даже ни подлежащаго, ни сказуемаго, съ психологической точки зрѣнія могутъ быть полными, т.-е. выражать всю мысль цѣликомъ, безъ всякихъ недомолвокъ („не нагнать тебѣ бѣшеной тройки!"). Безличныя предложенія, абсолютно не мирящіяся грамматически съ подлежащимъ, психологически могутъ имѣть и почти всегда имѣютъ подлежащее („свѣтаетъ!", сказанное утромъ при взглядѣ въ окно, при чемъ непосредственное впечатлѣніе свѣта въ окнѣ является психол. подлежащимъ, а само слово „свѣтаетъ" — психол. сказуемымъ, „дуетъ!", сказанное послѣ того, какъ почувствовался сквознякъ и т. д.). Частно-отрицательное предложеніе можетъ быть съ психологической точки зрѣнія обще-отрицательнымъ („мой братъ прочиталъ **не эту** книгу"). Главное предложеніе можетъ быть психологически второстепеннымъ и даже не заключать въ себѣ совсѣмъ отдѣльной мысли, а придаточное — психологически-главнымъ. И если еще принять во вниманіе, что во всѣхъ нашихъ примѣрахъ мы могли указывать только на наиболѣе объективныя психологическія данныя и не могли касаться тѣхъ субъективныхъ переживаній, которыя могутъ скрываться за каждой фразой, то станетъ ясно, что психологическая подпочва фразы и ея грамматическая поверхность — величины совершенно разнородныя.

Другія противорѣчія между психологіей и грамматикой.

Читателю, вѣроятно, начинаетъ казаться, что почва, на которой онъ до сихъ поръ стоялъ, уходитъ изъ-подъ его ногъ. Какъ? Истолковать основныя синтаксическія категоріи на почвѣ ихъ психологическаго значенія, а затѣмъ заявить,

что къ $^{9}/_{10}$-мъ случаевъ такое истолкованіе не подходитъ? Не значитъ ли это, что основные примѣры подобраны искусственно, что все зданіе построено на пескѣ, вся книга на фикціи? И какой же внутренній смыслъ имѣютъ тогда всѣ эти „подлежащія", „сказуемыя", „дополненія" и т. д.? Не есть ли это, въ такомъ случаѣ, пустыя „формы", мертвые звуковые факты, механически намъ свойственные, но съ нашимъ мышленіемъ ничего общаго не имѣющіе? Постараемся разсѣять всѣ эти вполнѣ законныя недоумѣнія, хотя и предупреждаемъ, что здѣсь мы подходимъ къ труднѣйшему изъ общихъ вопросовъ синтаксиса.

Причина противорѣчій: любой синтаксическій шаблонъ можетъ накладываться на любое психическое содержаніе.

Мы уже видѣли, что всѣ мы говоримъ по опредѣленнымъ шаблонамъ, употребляемъ опредѣленныя, формы сочетаній, усвоенныя нами съ дѣтства вмѣстѣ со словами и звуками даннаго языка и унаслѣдованныя нашимъ поколѣніемъ отъ предшествующихъ поколѣній. Эти шаблоны (изъ которыхъ наиболѣе общіе нами уже изучены) предносятся нашему сознанію всегда, о чемъ бы мы ни говорили и что бы мы ни слушали. Это нашъ синтаксическій багажъ, взятый нами съ дѣтства въ нашъ жизненный путь, подобно звуковому багажу, словарному багажу, семасіологическому багажу (значеніямъ словъ), образующимъ вмѣстѣ то, что называется русскимъ языкомъ. Вотъ эти то шаблоны мы и достаемъ изъ багажа и надѣваемъ на нашу мысль, какъ своего рода языковую одежду, всякій разъ, какъ намъ надо что-нибудь сказать. При этомъ мы, конечно, не можемъ быть особенно разборчивы въ такомъ, не терпящемъ отлагательства дѣлѣ, какъ языкъ. Любую мысль мы можемъ облечь въ любую одежду, случайно подвернувшуюся, такъ сказать, подъ руку. Чѣмъ распространеннѣе данный шаблонъ въ нашемъ языкѣ, чѣмъ онъ привычнѣе намъ, тѣмъ больше шансовъ, что именно онъ подвернется подъ руку. Во всякомъ случаѣ какой-нибудь шаблонъ да нуженъ. Выдумывать особую чисто-индивидуальную синтаксическую оболочку для нашей мысли, соотвѣтствующую нашему индивидуальному переживанію, мы не можемъ, какъ не можемъ выдумывать своихъ звуковъ, своихъ словъ, своихъ значеній, потому что все это значило бы выдумывать свой языкъ, на которомъ ни съ кѣмъ нельзя было бы объясняться. Вѣрнѣе, мы все это можемъ дѣлать и дѣлаемъ, но лишь постольку, поскольку мы способствуемъ измѣненію языка, т. е. въ пропорціи неизмѣримо малой по сравненію съ нашимъ подчиненіемъ данному

состоянію языка. Какъ весь языкъ, такъ и его синтаксическая сторона, есть прежде всего сфера о б ще-п р и н я т а г о. Пояснимъ все это на примѣрѣ. У человѣка, видѣвшаго, что что-то упало и потомъ только разглядѣвшаго упавшій предметъ, психологическимъ подлежащимъ обязательно будутъ всѣ представленія, связанныя съ паденіемъ и среди нихъ на первомъ планѣ само **паденіе**, а психологическимъ сказуемымъ — упавшій п р е д м е т ъ. Если бы онъ захотѣлъ выразить точно свой индивидуальный ходъ представленій, то онъ бы сказалъ: „паденіе часовничаетъ", или „упавшее часовничаетъ", или (съ помощью сказуемостнаго сочетанія) „паденіе есть часы", „упавшее есть часы". Мы видимъ, что и въ этомъ случаѣ онъ не могъ бы выйти за предѣлы все тѣхъ же синтаксическихъ шаблоновъ, какъ не можетъ выйти за предѣлы своихъ пяти внѣшнихъ чувствъ. Но только всѣ эти шаблоны оказались бы, вдобавокъ, еще и мало понятными и мало пригодными къ данному случаю. Ясно, что проще всего ему схватиться за первый попавшійся, наиболѣе употребительный шаблонъ („имен. пад. существительнаго + согласуемый съ нимъ глаголъ") и п е р е в е р н у т ь его, т.-е. сказать: „часы упали". Точно такъ же онъ можетъ взять и любой обломокъ изъ другого, не менѣе привычнаго шаблона—распространеннаго предложенія—и сказать: „часы уронилъ", „часы надо поднять", „опять съ часами скандалъ!" и т. д. Какой именно шаблонъ вынется изъ его синтаксическаго запаса, ему довольно безразлично, потому что своимъ индивидуальнымъ ходомъ представленій онъ н и в ъ к а к о м ъ с л у ч а ѣ н е ж е р т в у е т ъ: онъ его выражаетъ у д а р е н і е м ъ („ч а с ы упали", „ч а с ы уронилъ", „надо ч а с ы поднять" и т. д.). Ударе́ніе на отдѣльныхъ словахъ всегда было однимъ изъ синтаксическихъ средствъ языка. Оно предшествовало, вѣроятно, какъ наиболѣе простое, всѣмъ остальнымъ средствамъ и существовало еще задолго до созданія грамматическихъ формъ, на самой ранней стадіи развитія человѣческаго языка. Не исчезло оно и п о с л ѣ созданія формъ и стало комбинироваться съ чисто грамматическими средствами языка. Оно и является сейчасъ главнымъ посредникомъ между индивидуальной, до-языковой мыслью и ея обще-принятымъ языковымъ выраженіемъ. Кромѣ того, есть и другіе способы передать индивидуальный ходъ представленій: спеціальный п о р я д о к ъ с л о в ъ, соотвѣтствующій порядку представленій („упали часы", „уронилъ часы", „надо поднять часы"), усилительныя частицы при психологи-

ческомъ сказуемомъ (это часы упали), жесты, сопровождающіе психологическое сказуемое (въ данномъ случаѣ указательный жестъ) и т. д. Всего этого съ избыткомъ достаточно, чтобы сообщить необходимый индивидуальный характеръ фразѣ, не искажая ея общеобязательной языковой формы.

Итакъ, благодаря ударенію и нѣкоторымъ другимъ вспомогательнымъ средствамъ, мы можемъ всегда наложить готовыя формы сочетаній русскаго языка на любое психическое содержаніе. Ясно, что вывести значеніе этихъ формъ изъ того содержанія, на которое онѣ сейчасъ накладываются, нѣтъ ни малѣйшей возможности. Напротивъ, если мы возьмемъ тотъ періодъ языка, когда онѣ еще не были готовыми, когда онѣ еще только создавались и имѣли, слѣдовательно, въ устахъ говорящихъ индивидуальное значеніе, тогда, очевидно, онѣ должны были употребляться въ своемъ истинномъ, первоначальномъ смыслѣ, оформливать именно то психическое содержаніе, ради котораго онѣ были созданы. Именно этотъ-то гипотетическій періодъ языка и имѣютъ всегда въ виду, когда говорятъ о психологическомъ и логическомъ значеніи подлежащаго и сказуемаго или о различеніи главныхъ и второстепенныхъ членовъ. Несомнѣнно, что въ томъ языкѣ и въ ту эпоху, когда создавался глаголъ, онъ выражалъ психологическое сказуемое и соотношеніе его съ психол. подлежащимъ. Несомнѣнно, что именит. пад. существительнаго есть исконная форма для выраженія психол. подлежащаго. Несомнѣнно, что второстепенные члены въ моментъ ихъ зарожденія обозначали несамостоятельные, добавочные элементы мысли, входившіе въ составъ сложнаго психологическаго сказуемаго или психологическаго подлежащаго. Раскрывая психологическое значеніе какого-бы то ни было синтаксическаго шаблона, мы, очевидно, должны восходить ко временамъ, когда онъ не былъ еще шаблономъ, потому что, какъ шаблонъ, онъ ничего не можетъ значить. Это мы и дѣлали на всемъ протяженіи книги. При этомъ, изъ педагогическихъ соображеній, мы должны были, конечно, на первыхъ порахъ, подбирать такіе примѣры, гдѣ эти шаблоны имѣютъ свое исконное значеніе, гдѣ они прикрываютъ собой первоначальное свое психическое содержаніе; и другого пути въ изложеніи синтаксиса, думается, не можетъ быть.

Исконное содержаніе ихъ подсознательно.

Остается разрѣшить второе недоумѣніе. Какое же значеніе имѣютъ сейчасъ всѣ эти формы и сочетанія формъ, разъ

онѣ превратились въ шаблоны, въ пустыя „формы“ съ какимъ угодно содержаніемъ и слѣдовательно какъ будто бы безъ всякаго содержанія? Отвѣтъ весьма простъ, и на него уже не разъ намекалось въ предыдущемъ: онѣ сохранили свое исконное значеніе, но перешли, какъ все привычное, изъ области сознательнаго въ область подсознательнаго. На самомъ дѣлѣ это не только шаблоны; у нихъ есть свое содержаніе, только подсознательное и потому еле замѣтное при свѣтѣ того сознательнаго содержанія, которое въ нихъ сейчасъ вкладывается. Что это такъ, ясно уже изъ того, что путемъ самонаблюденія, путемъ сосредоточенія на нихъ нашего исключительнаго вниманія, т.-е., другими словами, путемъ перевода ихъ изъ подсознательной области въ центръ сознанія, намъ удается раскрыть это содержаніе. Вѣдь въ этомъ и состоитъ работа грамматиста, и она была бы невозможна, если бы первоначальный смыслъ формъ былъ окончательно утраченъ. Далѣе, присмотримся къ слѣдующему явленію: не всякій членъ предложенія одинаково легко выдѣлить съ помощью ударенія. Намъ гораздо легче, напр., сказать: „мой братъ прочиталъ эту книгу“, чѣмъ: „мой братъ прочиталъ эту книгу“. Во второмъ случаѣ удареніе должно быть черезчуръ рѣзко, да и то, въ сущности, получается довольно необычная фраза, и на практикѣ мы, скорѣе всего, сказали бы: „да вѣдь вотъ эту книгу прочиталъ мой братъ!“ Значитъ, для того, чтобы выразить наше психологическое сказуемое словомъ „эту“, намъ нуженъ цѣлый арсеналъ усилительныхъ частицъ, нужно особое словорасположеніе, нужно чрезвычайно энергичное удареніе; напротивъ, чтобы выразить его словомъ „прочиталъ“, достаточно легкаго ударенія на выдѣляемомъ словѣ. Почему это? Потому, что въ одномъ случаѣ наши психологическія и грамматическія ощущенія противорѣчатъ другъ другу, а въ другомъ поддерживаютъ другъ друга. Значитъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ имѣютъ значеніе оба фактора, и психологическій, и грамматическій, только послѣдній, какъ подсознательный, остается въ тѣни. И вообще, отношеніе членовъ предложенія къ психологическимъ элементамъ мысли далеко не такъ безразлично, какъ это могло бы показаться изъ предыдущаго. Въ каждомъ языкѣ въ каждую эпоху существуютъ опредѣленныя соотношенія между тѣми и другими; только эти соотношенія очень сложны, съ трудомъ поддаются изученію (потому что приходится судить по

ударенiямъ, а ударенiя могутъ зависѣть еще и отъ другихъ, чисто ритмическихъ причинъ) и, къ сожалѣнiю, еще мало изучены. Можемъ указать, для примѣра, на слѣдующiя соотношенiя въ русскомъ языкѣ:

Соотношенiя между членами предложенiя и членами мысли.

Подлежащее всегда бываетъ психологическимъ сказуемымъ въ началѣ повѣствованiя (если только разсказъ не ведется въ первомъ лицѣ), когда слушателю какъ разъ важно только, о комъ или о чемъ будетъ разсказываться: „какъ нынѣ сбирается вѣщiй Олегъ", „прибѣжали въ избу дѣти", „бѣлѣетъ парусъ одинокiй", „у лукоморья дубъ зеленый", „у Казбека съ Шатъ-горою былъ великiй споръ", „во время оно жилъ да былъ въ Москвѣ бояринъ Михаилъ", „нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одномъ изъ помѣстiй своихъ, жилъ старинный русскiй баринъ, Кирила Петровичъ Троекуровъ" и т. д., сравн. также традицiонное начало сказокъ": „жили-были старикъ со старухой", „жилъ-былъ царь" и т. д. Напротивъ, въ серединѣ рѣчи это бываетъ сравнительно рѣдко, только при переходѣ къ другому предмету: „изъ темнаго лѣса, навстрѣчу ему, идетъ вдохновенный кудесникъ", „въ свою деревню на ту пору помѣщикъ новый прискакалъ" и т. д.

Сказуемое сравнительно рѣдко бываетъ само по себѣ психол. сказуемымъ, потому что логически беретъ перевѣсъ всегда дополненiе, стоящее при сказуемомъ: дали пощечину, дали награду, получилъ удовольствiе, получилъ выговоръ, получилъ чахотку, заложилъ пальто, заложилъ лошадей, заложилъ книгу, заложилъ за галстухъ, заложило уши, люблю природу, люблю мороженое, взялъ отпускъ, взялъ взятку, взялъ призъ и т. д. Можно сказать, что приглагольное дополненiе всегда является логическимъ сказуемымъ предложенiя, какъ глаголъ—грамматическимъ сказуемымъ. Психологически же, вѣроятно, чаще всего дополненiе со своимъ глаголомъ образуетъ сложный образъ, который и составляетъ психологическое сказуемое.

Приглагольное дополненiе, согласно предыдущему, чаще всѣхъ другихъ членовъ бываетъ психол. сказуемымъ.

Прiименное дополненiе можетъ быть психол. сказуемымъ только, если стоитъ въ родительномъ падежѣ („не стая воронова слеталась на груды тлѣющихъ костей... удалыхъ шайка собиралась!"), при чемъ и въ этомъ случаѣ

оно не одно служитъ психол. сказуемымъ, а сливается съ управляющимъ именемъ въ одинъ цѣльный образъ („стая вороновъ", „удалыхъ шайка"); въ остальныхъ же падежахъ оно не можетъ совсѣмъ быть психол. сказуемымъ, потому что, притягивая къ себѣ удареніе, превращается въ приглагольное (срвн.: „человѣкъ въ бѣлой шляпѣ остался съ нами" и „человѣкъ въ бѣлой шляпѣ остался съ нами"). Въ этомъ сказывается привычка наша ударять на всемъ приглагольномъ и соотвѣтственно этому все ударенное сознавать, какъ приглагольное.

Опредѣленіе, если оно не сказуемостное и не обособленное, крайне рѣдко бываетъ психологическимъ сказуемымъ потому что обычнымъ средствомъ выдѣленія его служитъ именно обособленіе или сказуемостность.

Второстепенное сказуемое почти всегда бываетъ психол. сказуемымъ.

Сказуемостные члены почти всегда бываютъ психол. сказуемыми, такъ какъ въ этомъ и состоитъ внутренняя сторона сказуемостности.

Обособленные члены почти всегда бываютъ психол. сказуемыми, такъ какъ въ этомъ и состоитъ внутренняя сторона обособленности.

Однородные члены почти всегда бываютъ психол. сказуемыми, такъ какъ отношеніе между ними психологически то же, что и между отдѣльными предложеніями.

Синтаксическія измѣненія въ связи съ психологіей фразы.

Кромѣ того, съ той или иной психологической функціей того или иного члена связанъ опредѣленный порядокъ словъ въ предложеніи. Какъ общее правило, можно принять, что выраженіе психол. сказуемаго не сказуемымъ, а какимъ-либо другимъ членомъ предложенія создаетъ обратный порядокъ словъ. Такъ, подлежащее нормально стоитъ передъ сказуемымъ, а въ роли психол. сказуемаго—послѣ него (соотвѣтственно порядку представленій). Дополненіе, наоборотъ, нормально стоитъ послѣ сказуемаго, а въ роли психол. сказуемаго (если оно одно, безъ помощи глагола, выполняетъ эту роль),—передъ нимъ. Опредѣленіе нормально стоитъ передъ опредѣляемымъ, а въ роли психол. сказуемаго послѣ него (примѣры см. въ главѣ XXVI). Объ особомъ порядкѣ словъ при сказуемостныхъ и обособленныхъ членахъ уже было въ свое время сказано. Далѣе, мы уже видѣли, что съ ролью психол. сказуемаго можетъ быть связано для всякаго члена и употребленіе особыхъ частичныхъ словъ при немъ

(усилительныя слова). Наконецъ, психологическая основа предложенія можетъ отражаться и непосредственно на его грамматическомъ строѣ, въ узкомъ смыслѣ этого слова. Такъ, отсутствіе согласованія въ предложеніяхъ типа: „и праздномыслить было мнѣ отрада" могло возникать только на почвѣ двухъ психол. сказуемыхъ въ одномъ предложеніи (срвн. психологію примѣровъ: „вотъ и вышло тогда первая моя штука", „публики сегодня пришло цѣлая бездна"). Психологическое единство такихъ сочетаній, какъ „два стола", „пять столовъ", „сорокъ столовъ" способствовало въ нашихъ былинахъ такому согласованію, какъ: „проѣздили они цѣло три года", „Я ждала Добрыню цѣло шесть годовъ, я прожду Добрыню друго шесть годовъ", „давалъ друго сорокъ тысячей" и т. д. Все это показываетъ, что между психологической подпочвой фразы и ея грамматической поверхностью, хотя и нѣтъ никакого сходства, но есть цѣлый рядъ связующихъ нитей въ настоящемъ и сложныхъ взаимодѣйствій въ прошломъ, какъ между вулканическими силами и ландшафтомъ страны. Въ заключеніе мы можемъ такъ формулировать отношеніе грамматики къ психологіи:

Взаимоотношенія грамматики и психологіи.

1) всякій грамматическій фактъ есть тѣмъ самымъ фактъ внутренній, психологическій;

2) среди психологическихъ фактовъ, лежащихъ въ основѣ синтаксической стороны рѣчи, надо различать факты общепсихологическіе, относящіеся къ до-языковой мысли и факты грамматико-психологическіе (или психо-грамматическіе), создающіе языковую мысль, или предложеніе;

3) первые находятся въ моментъ рѣчи въ свѣтлой точкѣ сознанія, вторые въ подсознательной области;

4) первые составляютъ предметъ психологіи и интересуютъ грамматиста только постольку, поскольку вліяютъ на грамматическій строй фразы; вторые составляютъ предметъ грамматики, въ частности синтаксиса.

Подлежащее и сказуемое въ школѣ.

Основная трудность въ объясненіи ребенку понятій подлежащаго и сказуемаго заключается именно въ недоступности для него всего того, что изложено въ этой главѣ. Какъ ни условны, какъ ни расплывчаты раскритикованныя Потебней обычныя „логическія" опредѣленія подлежащаго и сказуемаго (подлежащаго, какъ того, „о чемъ говорится въ предложеніи", а сказуемаго, какъ того, „что говорится о подлежащемъ"),

они все-таки выражаютъ, по правдѣ говоря, самую суть дѣла, въ томъ смыслѣ, что перебрасываютъ необходимый мостъ между грамматикой съ одной стороны и психологіей и логикой съ другой. Съ этихъ опредѣленій (только переведенныхъ въ область психологіи) никогда не сдвинется синтаксисъ, поскольку грамматическія подлежащее и сказуемое никогда не смогутъ быть совсѣмъ оторваны отъ психологическихъ и логическихъ. Бѣда только въ томъ, что всѣ подобныя опредѣленія годны для эпохи образованія этихъ формъ въ языкѣ, а не для той эпохи, когда ихъ учитъ ребенокъ въ школѣ. Не спасаетъ и раздѣленіе всѣхъ словъ языка на „высказывающія" и „обозначающія" (проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскій. „Грамматика русскаго языка, руководство для средней школы и самообразованія"), при чемъ сказуемыя всегда „высказываютъ", а остальныя слова „обозначаютъ"; не спасаетъ потому, что въ рѣчи самого ребенка, которую онъ непосредственно въ себѣ наблюдаетъ, всякое слово можетъ „высказывать", разъ на немъ удареніе и оно составляетъ психологическое сказуемое. Прежде приходилось увѣрять ребенка, что въ выраженіи „не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ" говорится не о завтрашнемъ днѣ и не о заботахъ о немъ, а о „васъ", потому что „вы" есть пропущенное подлежащее, т.-е. „то, о чемъ говорится въ предложеніи" (Потебня, „Изъ записокъ по русск. гр.", т. 1 стр. 88); теперь приходится убѣждать его, что въ его восклицаніи: „дождь идетъ!" важенъ не дождь, а то, что онъ „идетъ", потому что „дождь" только обозначаетъ, а „идетъ" высказываетъ, что въ выраженіи: „дали тумака" важно не то, чего дали, а важно, что „дали", что въ выраженіи: „я сегодня на елкѣ" важны не „я", не „елка" и не „сегодня", а что-то отсутствующее, и т. д. Все это не можетъ не казаться ребенку условнымъ, и обычно грамматика и усваивается, какъ рядъ условностей. Говорить ему о противорѣчіи между грамматической и логико-психологической стороной мысли, какъ подсознательной и сознательной, конечно, нельзя, и, вѣроятно, никогда нельзя будетъ, какъ бы ни усовершенствовались педагоги въ популяризаціи знаній. **А только это одно и могло бы объяснить дѣло.** Не лучше ли въ такомъ случаѣ совсѣмъ не объяснять ему, что такое подлежащее и сказуемое, а просто на практикѣ пріучить его находить ихъ (разъ ужъ это для чего-то нужно), отложивши объясненіе до старшихъ классовъ? Тѣмъ болѣе, что при этомъ неизбѣжно выдвинется на первый планъ уже внѣшняя сторона грамматики, самыя формы, которыя будутъ ему вѣрнымъ компасомъ въ его грамматическихъ изысканіяхъ и которыя сами по себѣ никогда не представляются ребенку условными и всегда, въ сущности, охотно воспринимаются имъ.

Отдѣлъ восьмой.

Сочетаніе предложеній.

XXXVIII.

Понятіе о сложномъ предложеніи.

Сліяніе отдѣльныхъ предложеній въ сложное предложеніе.

До сихъ поръ мы говорили о сочетаніяхъ словъ и о томъ, какъ эти сочетанія образуютъ предложенія. Но предложенія тоже могутъ вступать въ связь между собой и образовывать другія, болѣе крупныя синтаксическія группы. Поэтому синтаксисъ и дѣлится всегда на два основныхъ отдѣла: отдѣлъ о сочетаніяхъ словъ и о сочетаніяхъ предложеній. Та синтаксическая единица, которая получается отъ соединенія предложеній, называется обычно сложнымъ предложеніемъ.

О терминѣ: „сложное предложеніе“.

Прим. Терминъ этотъ, какъ и большинство терминовъ, явно несостоятеленъ, такъ какъ называетъ нѣсколько предложеній однимъ предложеніемъ. Поэтому нѣкоторыми предложенъ былъ другой терминъ: „синтаксическое цѣлое“. Но и этотъ терминъ не безъ грѣха: онъ гораздо шире, чѣмъ то, что имъ должно обозначаться. Вѣдь и отдѣльное предложеніе есть „синтаксическое цѣлое“ и даже гораздо болѣе „цѣлое“, чѣмъ сложное предложеніе. Кромѣ того, само сложное предложеніе нерѣдко состоитъ изъ отдѣльныхъ группъ предложеній, внутри которыхъ больше единства, чѣмъ снаружи, такъ что каждая такая группа тоже могла бы быть названа „синтаксическимъ цѣлымъ“. Прикрѣпляя же терминъ „синтаксическое цѣлое“ къ одному только сложному предложенію, мы тѣмъ самымъ лишаемся очень цѣннаго общаго термина, необходимаго при сравненіи различныхъ синтаксическихъ цѣлыхъ между собой. Очевидно, здѣсь нужно создать терминъ для „крупнѣйшаго синтаксическаго цѣлаго“, а эти 3 слова не такъ легко сжать въ одинъ короткій и ясный терминъ. Употреблявшійся здѣсь когда-то терминъ „періодъ“ такъ сросся теперь въ нашемъ представленіи съ особымъ видомъ

сложныхъ предложеній, отличающимся особой распространенностью, ритмичностью и музыкальностью, что примѣненіе его ко всякому сложному предложенію тоже породило бы путаницу. Въ концѣ концовъ, мы и предпочли пока что остаться при старомъ терминѣ, у котораго есть во всякомъ случаѣ одно неоцѣненное достоинство — привычка наша къ нему.

Союзы и союзныя слова.

Соединеніе предложеній происходитъ при помощи уже извѣстнаго намъ разряда служебныхъ словъ — союзовъ. Кромѣ союзовъ оно можетъ выражаться еще и нѣкоторыми полными словами, которыя берутъ на себя роль союзовъ. Такъ, напр., въ сочет.:

> Врядъ ли гдѣ можно было найти человѣка, который такъ жилъ бы въ своей должности. (Гог.)

во второмъ предложеніи слово „который", образуя подлежащее къ сказуемому „жилъ бы" и потому являясь полнымъ членомъ предложенія, въ то же время есть единственный связующій элементъ между обоими предложеніями. Такія слова мы будемъ называть союзными словами.

Ритмъ и интонація сложнаго предложенія.

Но не въ однихъ союзахъ и союзныхъ словахъ дѣло при образованіи сложнаго предложенія. Сложное предложеніе имѣетъ также свою интонацію и свой ритмъ (см. стрр. 255 и 256), играющіе здѣсь еще большую роль, чѣмъ въ обычномъ отдѣльномъ предложеніи. Мы уже видѣли на примѣрѣ слитныхъ предложеній, какое значеніе могутъ получать эти побочные синтаксическіе признаки. Тамъ намъ пришлось причислить къ слитнымъ предложеніямъ и такія, которыя не имѣли совсѣмъ союзовъ, но имѣли ту же интонацію и тотъ же ритмъ, что и предложенія съ союзами. То же намъ придется сдѣлать и здѣсь по отношенію къ сложному предложенію. Тамъ мы видѣли, что пауза на мѣстѣ союза можетъ создавать тѣ же синтаксическіе оттѣнки, что и союзъ: въ предложеніи: „червонецъ былъ запачканъ, въ пыли..." пауза подчиняла оба члена одному и тому же третьему и тѣмъ дѣлала ихъ однородными, а все предложеніе слитнымъ, тогда какъ то же предложеніе безъ паузы („червонецъ былъ запачканъ въ пыли") было неслитнымъ. Такія же паузы встрѣчаются и между отдѣльными предложеніями, и онѣ такъ же создаютъ въ этихъ случаяхъ сложное предложеніе, какъ въ тѣхъ случаяхъ слитное. Такъ, въ сочетаніи:

> Въ тѣхъ комнатахъ мебель закрыта была чехлами, шторы спущены. (Гонч.)

пауза между двумя предложеніями (обозначенная на письмѣ запятой) легко могла бы быть замѣнена союзомъ („въ тѣхъ комнатахъ мебель закрыта была чехлами, **и** шторы спущены"), и все сочетаніе по интонаціи и ритму нисколько не измѣнилось бы. Такія сочетанія предложеній, не имѣющія внутри союзовъ, но могущія ихъ имѣть, мы тоже будемъ считать сложными предложеніями, и ихъ тѣмъ труднѣе отдѣлить отъ настоящихъ сложныхъ предложеній, что здѣсь (опять-таки, какъ и въ слитныхъ предложеніяхъ) господствуютъ сочетанія смѣшаннаго типа. Союзъ и здѣсь соединяетъ часто два послѣднихъ предложенія, тогда какъ всѣ предыдущія соединяются паузами:

> Сильный вѣтеръ внезапно загудѣлъ въ вышинѣ, деревья забушевали, крупныя капли дождя рѣзко застучали, зашлепали по листьямъ, сверкнула молнія, **и** гроза разразилась. (Тург.)
>
> ... вотъ, уже золотыя полосы протянулись по небу, въ оврагахъ клубятся пары; жаворонки звонко поютъ, предразсвѣтный вѣтеръ подулъ, — **и** тихо всплываетъ багровое солнце. (Тург.)
>
> Вы въ тѣни, вы дышите пахучей сыростью, вамъ хорошо, **а** противъ васъ кусты раскаляются... (Тург.)
>
> Въ столицахъ шумъ, гремятъ витіи,
> Кипитъ словесная война,
> **А** здѣсь, во глубинѣ Россіи,
> Здѣсь вѣковая тишина... (Некр.)

Кромѣ этихъ паузъ, находящихся внутри сложныхъ предложеній и замѣняющихъ союзы, существуютъ въ языкѣ еще и другого рода паузы, находящіяся между цѣлыми сложными предложеніями. Такія паузы уже никакъ не могутъ быть замѣнены союзами, и служатъ онѣ не для соединенія, а для разъединенія предложеній. Тамъ, гдѣ есть такая пауза, мы обязательно сознаемъ какой-то раздѣлъ, какую-то границу, отдѣляющую одну группу предложеній отъ другой. На письмѣ эти паузы обозначаются обычно точкой или точкой съ запятой, тогда какъ паузы перваго рода — запятой (изрѣдка и точкой съ запятой). Послѣ такой паузы сейчасъ же можетъ быть и союзъ, но онъ уже не имѣетъ той соединительной силы, какъ внутри сложнаго предложенія: разъединительная сила паузы побѣждаетъ соединительную силу союза. Возьмемъ, напр., слѣдующій отрывокъ:

> Маленькая горенка съ маленькими окнами, не отворявшимися ни въ зиму, ни въ лѣто; отецъ — больной человѣкъ, въ длинномъ сюртукѣ на мерлушкахъ и въ вязаныхъ хлопанцахъ, надѣтыхъ на босую ногу, безпрестанно вздыхавшій, ходя по комнатѣ, и плевавшій въ сто-

явшую въ углу песочницу; вѣчное сидѣніе на лавкѣ съ пером въ рукахъ, чернилами на пальцахъ и даже на губахъ; вѣчная пропись передъ глазами: „Не лги, послушествуй старшимъ и носи добродѣтель въ сердцѣ"; вѣчный шаркъ и шлепанье по комнатѣ хлопанцевъ, знакомый, но всегда суровый голосъ: „опять задурилъ!" отзывавшійся въ то время, когда ребенокъ, наскучa однообразіемъ труда, придѣливалъ къ буквѣ какую-нибудь кавыку или хвостъ; и вѣчно знакомое, всегда непріятное чувство, когда, вслѣдъ за сими словами, краюшка его уха скручивалась очень больно ногтями длинныхъ протянувшихся сзади пальцевъ: вотъ бѣдная картина первоначальнаго дѣтства, о которомъ едва сохранилъ онъ блѣдную память. || Но въ жизни все мѣняется быстро и живо; || и въ одинъ день, съ первымъ весеннимъ солнцемъ и разлившимися потоками, отецъ, взявши сына, выѣхалъ съ нимъ на телѣжкѣ, которую потащила мухортая пѣгая лошаденка, извѣстная у лошадиныхъ барышниковъ подъ именемъ сороки... (Гог.)

Вслушавшись внимательно въ чтеніе этого отрывка, нетрудно замѣтить, что весь онъ ритмически разбивается на 3 далеко не равныя по объему, но въ чемъ-то равносильныя между собой части. Первая часть идетъ съ самаго начала до первой точки; вторая занимаетъ только одно предложеніе: „но въ жизни все мѣняется быстро и живо"; третья идетъ отъ этого мѣста до конца. Дѣленіе это въ данномъ случаѣ совпадаетъ съ логическимъ дѣленіемъ (картина ранняго дѣтства Чичикова, общая мысль о перемѣнахъ въ жизни, перемѣна въ жизни Чичикова). Но намъ важна сейчасъ не логическая сторона, а ритмическая и связанная съ ней синтаксическая. Мы видимъ, что въ данномъ отрывкѣ есть такія паузы, которыя дробятъ весь отрывокъ на 3 крупнѣйшія части, и что дробленію этому не препятствуютъ стоящіе тутъ же союзы (при первой паузѣ „но", при второй — „и"). Такимъ образомъ, паузы эти оказываются синтаксически сильнѣе союзовъ. Вотъ такія-то паузы и дѣлятъ рѣчь на отдѣльныя сложныя предложенія.

Помимо синтаксическихъ причинъ паузы могутъ возникать въ рѣчи и по другимъ поводамъ. Могутъ быть чисто случайныя паузы (напр., если закрыть человѣку ротъ), физіологическія (напр., чтобы забрать воздуху въ легкія), психологическія (напр., при смущеніи, при волненіи), логическія (напр., въ лекціи, гдѣ лекторъ при помощи паузъ обычно выдѣляетъ болѣе трудныя слова и болѣе важные выводы). Паузы, о которыхъ мы говорили выше, надо отграничить отъ всѣхъ этихъ паузъ, потому что тѣ связаны съ синтаксическимъ строемъ рѣчи, а эти нѣтъ. Поэтому мы и назовемъ изученныя нами паузы синтаксическими паузами. При этомъ паузы, производи-

мыя внутри сложнаго предложенія, мы условимся называть соединительными или союзными синтаксическими паузами (потому что они замѣняютъ союзы), а паузы, производимыя между цѣлыми сложными предложеніями — раздѣлительными синтаксическими паузами.

Соединительныя и раздѣлительныя синтаксическія паузы неразрывно связаны каждая со своей спеціальной интонаціей. Именно, соединительной паузѣ предшествуетъ всегда повышеніе голоса или совершенно ровный тонъ его *); раздѣлительной же паузѣ всегда предшествуетъ пониженіе голоса. Обращаясь къ нашему примѣру (см. выше), мы видимъ, что въ обоихъ раздѣлительныхъ пунктахъ происходитъ пониженіе голоса, въ первомъ очень сильное, во второмъ сравнительно слабое. Ни повышеніе, ни однотонность здѣсь немыслимы. Правда, на второй паузѣ, при мало-вдумчивомъ чтеніи и подъ вліяніемъ слишкомъ уже неравнаго объема частей можетъ возникнуть повышеніе. Но это и будетъ признакомъ того, что чтецъ синтаксически слилъ 2-ю и 3-ю часть въ одно, что онъ обратилъ раздѣлительную паузу въ соединительную и что для него во всемъ отрывкѣ два сложныхъ предложенія, а не три. Ясно, что интонація здѣсь еще важнѣе ритма. Такъ какъ паузы есть и внутри, и внѣ сложныхъ предложеній (соединительныя и раздѣлительныя), такъ какъ различать тѣ и другія точно по длительности было бы очень затруднительно и для говорящаго и для слушающаго, такъ какъ, наконецъ, при быстромъ темпѣ рѣчи паузы могутъ совсѣмъ исчезать или дѣлаться еле уловимыми, то гораздо болѣе выразительнымъ и потому гораздо болѣе обычнымъ средствомъ синтаксическаго дробленія рѣчи является интонація. И здѣсь на первомъ мѣстѣ стоитъ пониженіе голоса передъ раздѣлительной паузой. Можно прямо сказать, что въ каждомъ отрывкѣ сознается столько сложныхъ предложеній, сколько разъ въ немъ голосъ понижается, независимо отъ фактическаго количества паузъ и отъ ихъ длительности.

Такимъ образомъ, въ понятіе синтаксической паузы надо включить и связанную съ данной паузой интонацію, кото-

---

*) При перечисленіи, когда пауза замѣняетъ союзъ „и“. Возможность этой интонаціи упущена нами изъ виду на стрр. 255 и 256, но сдѣланныхъ тамъ выводовъ это не колеблетъ, такъ какъ параллелизмъ интонаціи обособленныхъ группъ и придаточныхъ предложеній остается въ силѣ.

рая всегда сопровождаетъ и часто замѣняетъ паузу. Только съ такой оговоркой будетъ правильно то опредѣленіе сложнаго предложенія, къ которому мы ведемъ читателя и которое формулируемъ такъ:

Опредѣленіе сложнаго предложенія.

Сложное предложеніе есть сочетаніе предложеній, соединенныхъ союзами, союзными словами или союзными синтаксическими паузами и не разъединенныхъ раздѣлительными синтаксическими паузами.

Въ одномъ только случаѣ раздѣлительная пауза не связана съ пониженіемъ голоса — въ вопросительныхъ предложеніяхъ, когда ударяемый членъ ихъ (психол. сказуемое) стоитъ въ концѣ и когда они поэтому неизбѣжно должны оканчиваться повышеніемъ („Развѣ это тотъ самый человѣкъ, котораго я видѣлъ съ тобой вчера? || Тогда, пожалуйста, познакомь меня!"). Но это повышеніе отнюдь не похоже на обычное повышеніе внутри сложнаго предложенія: во-первыхъ, оно очень рѣзко (какъ и всегда въ вопросительныхъ предложеніяхъ), а во-вторыхъ, при немъ должна быть, вслѣдствіе наступающей тотчасъ же рѣзкой перемѣны тона, настоящая, фактическая пауза, и притомъ довольно длительная, какъ читатель можетъ убѣдиться изъ чтенія нашего примѣра. Съ другой стороны, есть и одно обратное исключеніе, когда пониженіе голоса не дробитъ отрывка на сложныя предложенія. Это — пониженіе въ тѣхъ случаяхъ, когда на письмѣ употребляется двоеточіе („всѣхъ мальчиковъ было пять: Ѳедя, Павлуша, Илюша, Костя и Ваня", „онъ пробовалъ всѣ средства: приказывалъ, грозилъ, унижался, клянчилъ..."). Но и тутъ есть очень ясныя внѣшнія отличія такого пониженія отъ пониженія раздѣлительнаго: оно опять-таки очень рѣзко, происходитъ внезапно, а не постепенно, какъ при раздѣлит. паузѣ, и сопровождается рѣзкимъ ударѣніемъ на понижаемомъ словѣ. Оба случая можно охарактеризовать, какъ случаи неспокойной перемѣны тона, тогда какъ къ повышеніямъ внутри сложнаго предложенія и къ пониженіямъ на границахъ отдѣльныхъ сложныхъ предложеній наиболѣе подошло бы наименованіе спокойныхъ повышеній и пониженій. По внесеніи такой дополнительной характеристики, оба исключенія становятся, очевидно, мнимыми.

XXXIX.

Понятіе о сочиненіи и подчиненіи предложеній.

Сочинительные и подчинительные союзы и союзныя слова.

Союзы, съ которыми мы познакомились при разсмотрѣніи слитныхъ предложеній, соединяли тамъ параллельные члены, одинаково зависѣвшіе отъ одного и того же третьяго

члена, одинаково несшіе на себѣ главныя ударенія фразы, съ одинаковой интонаціей произносившіеся и вообще сознававшіеся, какъ совершенно равноправные элементы предложенія. Такое же значеніе имѣютъ эти союзы и при соединеніи предложеній: они соединяютъ всегда равноправныя предложенія и называются сочинительными, а самое соединеніе предложеній съ ихъ помощью — сочиненіемъ предложеній. Союзы же, не употребляющіеся въ слитныхъ предложеніяхъ, имѣютъ ту особенность, что дѣлаютъ соединяемыя ими предложенія неравноправными, подчиняютъ одно предложеніе другому, и потому называются подчинительными, а самое соединеніе предложеній союзами этого рода — подчиненіемъ предложеній. Подчиненіе это состоитъ въ томъ, что одно изъ соединяемыхъ предложеній, благодаря спеціальному значенію каждаго даннаго союза, выдѣляется въ грамматическомъ сознаніи, какъ нѣчто болѣе важное, выдвигается, такъ сказать, на первый планъ синтаксической картины, а другое сознается, какъ менѣе важное, оттѣсняется на второй планъ этой картины. Пояснимъ это на отдѣльныхъ союзахъ. Союзъ „потому что", напр., обозначаетъ причинную связь между мыслями, а заинтересоваться причиной какого-нибудь явленія мы можемъ только заинтересовавшись предварительно самимъ явленіемъ, т.-е. только когда наблюдаемое уже заняло центральное мѣсто въ нашемъ сознаніи. Значитъ, здѣсь, по самому существу дѣла, въ данный опредѣленный моментъ рѣчи равенства между мыслями быть не можетъ; одна должна непремѣнно преобладать надъ другой. Союзъ „хотя" указываетъ на противорѣчіе между двумя мыслями, но въ то же время намекаетъ на то, что одна мысль уже начала уступать другой, что одинъ доводъ представляется менѣе важнымъ, чѣмъ другой. Кто говоритъ „хотя", тотъ, въ сущности, уже на что-то рѣшился или, по крайней мѣрѣ, готовится къ какому-то рѣшенію, несмотря на всевозможныя „хотя". Союзъ „какъ" указываетъ на сравненіе, а сравниваемъ мы для того, чтобы ярче, нагляднѣе изобразить то, что интересуетъ насъ само по себѣ, что дано уже въ мысли заранѣе, какъ главное. Союзное слово „который" показываетъ, что какой-то предметъ уже занялъ центръ нашего вниманія и требуетъ только болѣе подробнаго описанія или обозначенія. Такимъ образомъ, всѣ такого рода союзы и союзныя слова по самому своему значенію неизбѣжно даютъ перевѣсъ одной изъ приводимыхъ въ связь мыслей надъ другой. На-

противъ, союзы, употребляющіеся въ слитныхъ предложеніяхъ, всегда создаютъ идеальное равновѣсіе между мыслями. Союзъ „и", напр., совершенно безразличенъ по отношенію къ тому, какія мысли онъ соединяетъ, это только соединительный пунктъ, только точка, дѣлящая линію пополамъ. Союзъ „но" противополагаетъ двѣ мысли другъ другу, какъ двѣ равныя массы, которыя другъ друга ни на пядь не сдвигаютъ и ни къ какому среднему выводу притти не позволяютъ (срвн. „хотя"). Союзъ „или" выражаетъ одинаковую возможность двухъ мыслей, не придавая ни одной изъ нихъ болѣе вѣроятія, чѣмъ другой. И равновѣсіе это создается не спеціальнымъ значеніемъ того или иного союза, а только тѣмъ, что здѣсь нѣтъ тѣхъ оттѣнковъ, которые есть въ подчинительныхъ союзахъ. Союзъ „но", напр., обозначаетъ только противоположеніе, безъ того оттѣнка уступки одной противополагаемой мысли другой, который мы видѣли въ „хотя" — и въ результатѣ получается равенство противополагаемыхъ величинъ. Союзъ „или" не дѣлаетъ никакихъ указаній на бо́льшую или меньшую вѣроятность той или другой изъ соединяемыхъ мыслей — и онѣ кажутся намъ одинаково вѣроятными. Другими словами, въ сочинительныхъ союзахъ равенство соединяемыхъ величинъ создается только тѣмъ, что нѣтъ никакихъ указаній на неравенство ихъ. Сочинительный союзъ это только союзъ, только связка предложеній и ничего больше. Подчинительный же есть связка предложеній, осложненная оттѣнкомъ неравенства, или подчиненія одного связываемаго предложенія другому. Поэтому положительное опредѣленіе можно дать только подчиненію предложеній, сочиненіе же опредѣлится отрицательно:

Опредѣленіе подчиненія и сочиненія предложеній.

Подчиненіемъ предложеній называется соединеніе ихъ при помощи такихъ союзовъ и союзныхъ словъ, которые создаютъ въ грамматическомъ сознаніи преобладаніе одного изъ соединяемыхъ предложеній надъ другимъ.

Сочиненіемъ предложеній называется соединеніе ихъ при помощи такихъ союзовъ и союзныхъ словъ, которые не имѣютъ этой особенности.

Первичность сочиненія по сравненію съ подчиненіемъ.

Какъ все простое древнѣе сложнаго, такъ и сочиненіе древнѣе подчиненія. Это видно уже изъ того, что подчинительные союзы почти всѣ довольно ясно обнаруживаютъ свое происхожденіе, а сочинительные принадлежатъ къ такъ назыв. „первообразнымъ" (см. стр. 348). Сказывается это также и на преобладаніи сочиненія надъ подчиненіемъ въ древней и на-

родной рѣчи. При переводѣ съ древнихъ языковъ на современные все время приходится замѣнять сочиненіе подчиненіемъ (срвн. древне-русскія сочетт.: „Володимиръ умерлъ есть, **а** воротися, брате...“=современному: „Владимиръ умеръ, **такъ** воротись, братъ“, „аще можете, поклонитеся до земли, али вы ся начьнеть не мочи, **а** трижды, а того не забывайте“ = „сколько можете, кладите поклоны, а если уже разболѣетесь, то **хоть** трижды, а не забывайте этого“, „възлелѣй... мою ладу ко мнѣ, **а** быхъ не сълала къ нему слезъ на море рано“ = „ принеси, лелѣя,... моего милаго ко мнѣ, **чтобы** не слала къ нему слезъ на море рано“ и т. д.). Процессъ вытѣсненія сочиненія подчиненіемъ есть опять-таки одинъ изъ частныхъ случаевъ общаго процесса развитія синтаксической перспективы, о которой мы говорили на стр. 223. Только здѣсь перспективное соотношеніе создается не между отдѣльными словами, а между цѣлыми предложеніями.

Подчиненіе и сочиненіе при безсоюзіи.

При отсутствіи союза внутри сложнаго предложенія, т.-е. при соединительной паузѣ, различать сочиненіе и подчиненіе можно было бы развѣ только по интонаціи и ритму, характернымъ для той или другой категоріи союзовъ и повторяющимся и въ безсоюзныхъ сочетаніяхъ. Но они еще мало изучены. По нашимъ наблюденіямъ:

1) подчинительные союзы сопровождаются повышеніемъ голоса на границѣ соединяемыхъ предложеній;

2) сочинительные противительные союзы сопровождаются такимъ же повышеніемъ голоса, но инымъ распредѣленіемъ удареній и иной силой ихъ (срвн. по удареніямъ: „когда ему говорятъ, онъ не слушаетъ“ и: „ему говорятъ, а онъ не слушаетъ“);

3) сочинительные соединительные союзы сопровождаются однотонной интонаціей;

4) сочинительные раздѣлительные союзы сопровождаются то повышеніемъ, то однотонностью, въ зависимости отъ того, выдѣляется въ сознаніи на первый планъ несовмѣстимость одновременнаго осуществленія соединяемыхъ мыслей („либо панъ, либо пропалъ“), или одинаковая возможность ихъ осуществленія („а потомъ мы съ тобой погуляемъ или поиграемъ во что-нибудь“).

Такимъ образомъ, въ такихъ сочетаніяхъ, какъ: „назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ“, „пьянъ да уменъ, два угодья въ немъ“, мы можемъ въ повышеніи голоса видѣть признаки подчиненія, въ такихъ, какъ: „одинъ съ сошкой, семеро съ ложкой“ можемъ въ параллелизмѣ удареній видѣть признаки противоположенія, въ такихъ, какъ: „ужъ онъ смотрѣлъ-смотрѣлъ, искалъ-искалъ...“—по однотонности заключать о соединительномъ сочиненіи, и т. д. Въ школѣ, понятно, всѣмъ этимъ тонкостямъ не мѣсто (тѣмъ болѣе, что для знаковъ препинанія онѣ не нужны), и тамъ слѣдуетъ просто выдѣлить безсоюзное соединеніе въ отрицательную категорію, т.-е. различать: сочиненіе, подчиненіе и безсоюзное

соединеніе, или, короче, безсоюзіе. Едва ли это даже не будетъ и научнѣе, такъ какъ безсоюзіе, если даже и различать при немъ оттѣнки подчиненія и сочиненія, слѣдуетъ во всякомъ случаѣ отдѣлить отъ настоящаго союзнаго сочиненія и подчиненія. Безсоюзное соединеніе предложеній есть явленіе первичное, до-грамматическое, соотвѣтствующее первичному неграмматическому соединенію словъ въ предложеніи, когда соотношеніе сказуемаго и подлежащаго выражается только порядкомъ словъ, ритмомъ и интонаціей (см. стр. 214). Какъ сочиненіе древнѣе подчиненія, такъ безсоюзіе древнѣе, въ свою очередь, сочиненія, и при переводѣ съ древнихъ языковъ на новые часто приходится вставлять союзы, такъ же какъ и при литературной обработкѣ народной и разговорно-литературной рѣчи (срвн. дословно записанныя нами разговорныя сочетанія: „дайте-ка мнѣ матерію я тутъ оставилъ", „почему ты уходишь не закрываешь электричество?", „а на полѣ какъ хорошо мы были!", „я потомъ ихъ пойду выброшу", „всякіе есть, есть и тихо кричатъ, есть и здорово кричатъ", „если тутъ будетъ такая же жара, какъ мы тогда съ Олей здѣсь сидѣли..." и т. д.). Такимъ образомъ, если ужъ говорить о сочиненіи и подчиненіи при безсоюзіи, то во всякомъ случаѣ только о „неграмматическомъ сочиненіи" и „неграмматическомъ подчиненіи". Нужно, кромѣ того, еще замѣтить, что интонація и ритмъ могутъ и противорѣчить союзу, какъ противорѣчатъ они на каждомъ шагу значеніямъ отдѣльныхъ формъ внутри предложенія (см. гл. XXXVII). Въ такихъ сочетаніяхъ, какъ: „онъ пѣлъ, **и** отъ каждаго звука его голоса вѣяло чѣмъ-то роднымъ и необозримо широкимъ..." (Тург.), „онъ повторитъ эти слова на смертномъ ложѣ—**и** ничего не дрогнетъ даже и тогда въ его каменномъ сердцѣ..." (Тург.), „всѣ твари мои дѣти, — промолвила она (природа), — и я одинаково о нихъ забочусь — **и** одинаково ихъ истребляю" (Тург.), „не знаю скуки съ зѣвотою, **и** благодарю Бога" (кн. Вяз.), „шагнулъ — **и** царство покорилъ" (Держ.) и т. д., интонація выражаетъ подчиненіе или противоположеніе, а союзъ — простое соединительное сочиненіе (это именно тѣ случаи, гдѣ ставятъ запятую или тире даже и при общемъ подлежащемъ). Причина та, что, какъ и въ отдѣльномъ предложеніи, интонація и ритмъ отражаютъ здѣсь исключительно психологическую подпочву фразы и комбинируются, какъ средство выраженія, съ грамматическими средствами. Разберемъ, для примѣра, наше первое сочетаніе, изъ „Пѣвцовъ" Тургенева. Такъ какъ о пѣніи Якова говорилось передъ этимъ на протяженіи цѣлой страницы, такъ какъ даже самое выраженіе: „онъ пѣлъ" повторялось въ предыдущемъ неоднократно, то психологическое содержаніе этого предложенія не могло заключать въ себѣ ничего новаго и важнаго для говорящаго и должно было ощущаться неизмѣримо блѣднѣе содержанія послѣдующихъ предложеній, высказываемыхъ впервые (впеча-

Первичность безсоюзія.

Противорѣчія между союзомъ и ритмическо-мелодическими признаками.

тлѣніе отъ пѣнія). Этотъ психологическій перевѣсъ одной мысли надъ другой и выразился въ подчинительной интонаціи. Но въ то же время основной оттѣнокъ соотношенія этихъ мыслей состоялъ въ параллелизмѣ пѣнія и эффекта, имъ производимаго, въ непрерывной связи того и другого. Авторъ хотѣлъ сказать, что просторъ, навѣваемый пѣніемъ, какъ бы изливался на слушателей вмѣстѣ со звуками голоса пѣвца. Это и выразилъ онъ соединительнымъ союзомъ „и". Вмѣстѣ получилось нѣчто болѣе сложное и, кстати сказать, болѣе совершенное. Если бы грамматика и психологія совпадали, т.-е. если бы было сказано: „пока онъ пѣлъ" или что-нибудь подобное, фраза была бы неизмѣримо бѣднѣе. Подобнымъ же образомъ въ слѣдующихъ 2-хъ примѣрахъ интонація указываетъ на противоположеніе, а союзъ на одновременность, въ 4-мъ примѣрѣ интонація подчеркиваетъ причинную связь мыслей, а союзъ ихъ параллелизмъ, и т. д.

Сочиненіе и подчиненіе послѣ раздѣл. паузы.

Мы уже видѣли, что передъ союзомъ можетъ быть раздѣлительная синтаксическая пауза (см. стр. 389), и въ этомъ случаѣ союзъ не спаиваетъ данныхъ двухъ предложеній въ одно сложное. Но сочиненіе и подчиненіе можно различать и здѣсь, такъ какъ послѣ раздѣлительной паузы возможны оба рода союзовъ. Получается только менѣе тѣсное сочиненіе и менѣе тѣсное подчиненіе. Примѣромъ на сочиненіе послѣ раздѣлительной паузы можетъ служить все тотъ же отрывокъ изъ „Мертвыхъ Душъ", на которомъ мы познакомились съ самими раздѣлительными паузами. Примѣромъ на подчиненіе послѣ паузы могутъ служить сочетанія съ союзомъ „ибо" (см. гл. XLI, В, 2, а).

Включеніе и соподчиненіе предложеній.

Если подчиненіе создаетъ сложное предложеніе, то въ этомъ сложномъ предложеніи зависимость отдѣльныхъ предложеній другъ отъ друга можетъ быть такъ же сложна и многостепенна, какъ и зависимость членовъ предложенія другъ отъ друга. Поэтому и здѣсь также различаютъ включеніе предложеній, напр.:

> „... теперь такъ привыкла, что и съ мѣста не тронусь, какъ придутъ намъ сказать, что злодѣи около крѣпости рыщутъ." (Пушк.)

и соподчиненіе ихъ, напр.:

> Какъ только мы напились чаю, я сталъ просить отца, чтобы онъ показалъ мнѣ уженіе. (Акс.)

Въ первомъ примѣрѣ всѣ подчиненныя предложенія послѣдовательно зависятъ другъ отъ друга (насколько привыкла?—„что и съ мѣста не тронусь"; когда не тронусь?—„какъ придутъ намъ сказать"; что сказать?—„что злодѣи около крѣ-

пости рыщутъ"). Во второмъ примѣрѣ 1-е и 3-е предложенія одинаково зависятъ отъ средняго (когда сталъ просить?—„какъ только мы напились чаю"; о чемъ сталъ просить?—„чтобы онъ показалъ мнѣ уженіе").

Соподчиненіе предложеній нерѣдко соединяется съ сочиненіемъ соподчиненныхъ предложеній („знаю, что онъ занятъ **и** что онъ не хочетъ выходить", „если ты свободенъ **и** если чувствуешь расположеніе, приходи на прогулку"). Но это можетъ быть только въ томъ случаѣ, если соподчиненныя предложенія находятся рядомъ и если они подчинены съ помощью однихъ и тѣхъ же или, по крайней мѣрѣ, близкихъ по значенію союзовъ. Если еще и можно сказать: „я зашелъ къ тебѣ, потому что нужно поговорить объ одномъ дѣлѣ **и** чтобы потомъ погулять съ тобой", то ужъ никакъ нельзя сказать: „я зашелъ, потому что нужно поговорить **и** когда получилъ твое письмо". И это потому, что союзы „потому что" и „чтобы" гораздо ближе по значенію другъ къ другу, чѣмъ „потому что" и „когда". Явленіе это вполнѣ гармонируетъ съ ролью сочинительныхъ союзовъ въ слитныхъ предложеніяхъ. Очевидно, и тамъ и тутъ они могутъ соединять только однородные элементы.

При соподчиненіи предложеній нерѣдко одно изъ соподчиненныхъ предложеній лишается своего союза, если онъ легко можетъ сознаваться изъ сосѣдняго предложенія:

Коль въ домѣ станутъ воровать,
А нѣтъ прилики вору,
То берегись клепать
Или наказывать всѣхъ сплошь и безъ разбору... (Крыл.)

А левъ-старикъ поздненько спохватился,
Что львенокъ пустякамъ учился
И не добро онъ говоритъ... (Крыл.)

Въ первомъ примѣрѣ опущенъ союзъ „коль" („коль въ домѣ станутъ воровать, а коль нѣтъ прилики вору..."), во второмъ—союзъ „что" („... что львенокъ пустякамъ учился и что не добро онъ говоритъ"). Но такъ же часто встрѣчается и повтореніе союза:

... всѣ рѣшили, что, видно, такова была судьба Марьи Гавриловны, что суженаго конемъ не объѣдешь, что бѣдность не порокъ, что жить не съ богатствомъ, а съ человѣкомъ, и тому подобное. (Пушк.)

Онъ... легъ на спину, прислушиваясь къ тому, какъ благотворно дѣйствуетъ лѣкарство и какъ оно уничтожаетъ боль. (Л. Толст.)

Соподчиненіе и включеніе предложеній могутъ, конечно, встрѣчаться въ одномъ и томъ же сложномъ предложеніи и переплетаться между собой всевозможными способами, какъ и соподчиненіе и включеніе отдѣльныхъ членовъ внутри отдѣльнаго предложенія.

Внѣшнія отличія подчиненныхъ предложеній отъ подчиняющихъ.

При всякомъ подчиненіи имѣется, какъ уже сказано, одно подчиняющее и одно подчиненное предложеніе. Въ сложномъ предложеніи подчиненнымъ всегда сознается то предложеніе, при которомъ стоитъ союзъ. Такъ, въ сочет.: „если онъ пріѣдетъ, я уйду", подчиненнымъ сознается первое предложеніе, а въ сочет.: „онъ пріѣдетъ, если я уйду"—второе; въ сочет.: „онъ говорилъ, что я знаю..." подчиненнымъ будетъ: „что я знаю", а въ сочет.: „я знаю, что онъ говорилъ" подчиненнымъ будетъ: „что онъ говорилъ". Изъ послѣдняго примѣра видно, что подчиненному предложенію (и это второй его важный признакъ) болѣе свойственно стоять послѣ подчиняющаго. Сочетаніе: „извѣстно, что Цезарь былъ убитъ" болѣе обычно, чѣмъ: „что Цезарь былъ убитъ,—извѣстно". Впрочемъ, при нѣкоторыхъ союзахъ (если, когда, хотя, какъ) одинаково употребительна и та, и другая разстановка.

Главное и придаточныя предложенія. Независимыя предложенія.

Если подчиненіе создаетъ сложное предложеніе, то всѣ подчиненныя предложенія называются въ немъ придаточными, а то, которое ничему не подчинено, — главнымъ. Среди придаточныхъ различаютъ придаточныя первой степени, т.-е. подчиненныя главному, придаточныя второй степени, т.-е. подчиненныя придаточнымъ первой степени и т. д. Предложенія сочиненныя или подчиненныя такъ, что не образуютъ сложнаго предложенія (т.-е. послѣ раздѣлительной паузы), называются, какъ и предложенія совсѣмъ ничѣмъ не соединенныя, независимыми или самостоятельными по отношенію другъ къ другу.

При различеніи подчиняющаго отъ подчиненнаго надо, понятно, какъ и при всякомъ грамматическомъ различеніи, отвлекаться отъ вещественныхъ значеній словъ и отъ обще-психологическихъ условій фразы. Всякій союзъ можетъ быть употребленъ случайно и очутиться въ совершенно неподходящей къ его исконному, основному значенію обстановкѣ. Вѣдь союзы—формальныя слова, а въ языкѣ любая форма можетъ облечь собой любое обще-психическое содержаніе. Противорѣчія между грамматикой съ одной стороны и логикой и психологіей съ другой—и тутъ на каждомъ шагу. Въ сочет.: „это членъ клуба, потому что у него значокъ" причина вы-

ражена, какъ слѣдствіе, а слѣдствіе, какъ причина (на самомъ дѣлѣ у него значокъ, потому что онъ членъ клуба). Въ сочетт.: „выходитъ, что зубы на полку надо положить", „оказалось, что телеграмма не поспѣла и его разстрѣляли" подчиненныя предложенія психологически неизмѣримо важнѣе подчиняющихъ. И тѣмъ не менѣе грамматически они—придаточныя, а грамматически-главными являются ничего не значащія слова: „выходитъ", „оказалось".

XL.

Сочиненіе предложеній.

A. Сочиненіе въ сложномъ предложеніи.

Сочиненіе въ сложномъ предложеніи.

Всѣ употребляющіеся здѣсь союзы уже приведены были въ отдѣлѣ о слитномъ предложеніи. Поэтому здѣсь мы ограничимся только нѣсколькими литературными примѣрами:

Земля освѣжилась, **и** буря промчалась... (Пушк.)

„**Ни** солнца мнѣ не виденъ свѣтъ,
Ни для корней моихъ простора нѣтъ." (Крыл.)

Я тамъ чуть не умеръ съ голода, **да** еще вдобавокъ меня хотѣли утопить. (Лерм.)

„А я терпѣть шутокъ отъ вашихъ холоповъ не намѣренъ, **да и** отъ васъ ихъ не стерплю"... (Пушк.)

Жаль братца, **да** летѣть охота велика. (Крыл.)

„**Или** не зналъ, **или** забылъ,
Какъ ненавидѣлъ и любилъ?" (Лерм.)

„**То** холодно, **то** очень жарко,
То солнце спрячется, **то** свѣтитъ слишкомъ ярко"... (Крыл.)

„Языкъ мой нѣмѣетъ, и взоръ мой угасъ,
Но слово мое все едино..." (А. Толст.)

„Не много словъ доходитъ до меня,
А прочее погибло невозвратно." (Пушк.)

На островѣ томъ есть могила,
А въ ней императоръ зарытъ. (Лерм.)

„Волхвы не боятся могучихъ владыкъ,
А княжескій даръ имъ не нуженъ". (Пушк.)

Значеніе сочинительныхъ союзовъ въ сложномъ предложеніи.

Основная функція союзовъ и основные оттѣнки въ значеніяхъ („соединеніе", „раздѣленіе", „противленіе") здѣсь тѣ же, что и въ слитномъ предложеніи. На первый взглядъ можетъ показаться, что роль союза здѣсь проще, потому что онъ только соединяетъ здѣсь извѣстные элементы рѣчи (предложенія), тогда какъ тамъ онъ, соединяя, подчинялъ ихъ одному и тому же третьему. Но не надо забывать, что предложеніе есть

продуктъ соединенія подлежащаго и сказуемаго. Такимъ образомъ, союзъ и здѣсь соединяетъ два „соединенія", создаетъ параллельность двухъ синтаксическихъ связей. Такъ, соединительный союзъ показываетъ, что подлежащее одного предложенія такъ же соединимо со своимъ сказуемымъ, какъ подлежащее другого предложенія съ его сказуемымъ; раздѣлительный союзъ показываетъ, что подлежащее одного предложенія такъ же могло бы соединиться со своимъ сказуемымъ, какъ подлежащее другого съ его сказуемымъ, но что фактически, въ каждый отдѣльный моментъ, возможна лишь одна изъ этихъ связей; наконецъ, противительный союзъ показываетъ, что обѣ пары представленій одинаково соединимы несмотря на противорѣчіе между однимъ соединеніемъ и другимъ. Что касается спеціальныхъ оттѣнковъ отдѣльныхъ союзовъ, то здѣсь имѣется уже иногда значительная разница между употребленіемъ союза въ слитномъ предложеніи и въ сложномъ. Но, понятно, опустивъ эти оттѣнки тамъ, мы должны были опустить ихъ и здѣсь (хотя отчасти и имѣли ихъ въ виду при подборѣ примѣровъ).

Сочиненіе послѣ раздѣл. паузы.

В. Сочиненіе послѣ раздѣлительной паузы.

Здѣсь слѣдуетъ различать 2 случая:

Тѣ же союзы послѣ паузы.

1) Всѣ сочинительные союзы сложнаго предложенія могутъ употребляться и послѣ раздѣл. паузы, напр.:

Какъ дымные очерки тучъ на аломъ разливѣ заката, плывутъ и плывутъ предо мной далекія тѣни былого... И вспомнилъ я дѣтство мое,—мое одинокое дѣтство... (Надс.)

Никто не сумѣлъ бы передать содержаніе сначала торжественной и подъ конецъ простодушно-стариковской рѣчи фельдмаршала; но сердечный смыслъ этой рѣчи не только былъ понятъ, но то самое, то самое чувство величественнаго торжества... выраженнаго этимъ... добродушнымъ ругательствомъ—это самое чувство лежало въ душѣ каждаго солдата... (Л. Толстой, срвн. оба „но")

„Проклятый сонъ!.. А все передъ лампадой
Старикъ сидитъ и пишетъ..." (Пушк.)

„Чему ты усмѣхаешься?... Или ты не вѣришь, что я великій государь?" (Пушк.)

Другія сочинительныя слова послѣ паузы.

2) Есть въ языкѣ немало словъ, пріобрѣтшихъ союзный оттѣнокъ сравнительно недавно и сбивающихся еще то на обстоятельство, то на вводное слово. Обладая еще малой, такъ сказать, союзной силой, они не могутъ сливать соединяемыхъ предложеній въ нѣчто цѣлое и потому употребляются преимущественно послѣ паузы, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ могутъ создавать и сложныя предложенія. Таковы: тоже, также, однако, однакоже, тѣмъ не менѣе, между тѣмъ, при этомъ, притомъ, притомъ же, при

всемъ томъ, со всѣмъ тѣмъ, за всѣмъ тѣмъ, къ тому же, вмѣстѣ съ тѣмъ, все-таки, все же, все, а то, не то, за то, и то, и такъ, иначе, развѣ и т. д.

Тоже:

Николаю тоже очень нравилась игра дядюшки. (Л. Толст.) *)

Любилъ я тоже, что въ лицѣ ея вовсе не было ничего такого грустнаго или ущемленнаго... (Дост.)

Также:

Любилъ онъ также тѣшить вѣчный свой досугъ чуркомъ, бабками, свайкой и городками... (Гр. Солог.)

Однако:

Самъ хозяинъ однако смотрѣлъ на убранство своего кабинета такъ холодно и разсѣянно, какъ-будто спрашивалъ глазами: „кто сюда натащилъ и наставилъ это?“ (Гонч.)

Однакоже:

„Повѣрить трудно! Однакожъ, какъ ни чудно,
А все чуденъ и мостъ, по коемъ мы пойдемъ...“ (Крыл.)

Тѣмъ не менѣе:

Тѣмъ не менѣе, старый князь очень ими интересовался и особенно любилъ одного изъ этихъ князей... (Дост.)

Между тѣмъ:

Между тѣмъ чай былъ выпитъ; давно запряженные кони продрогли на снѣгу... (Лерм.)

При этомъ:

При этомъ замѣчу, что Макаръ Ивановичъ былъ настолько остроуменъ... (Дост.)

Притомъ:

Онъ тоже былъ очень смиренъ; но его любили. Притомъ его — какъ человѣка, прикосновеннаго къ знаменитой литературной плеядѣ,... окружалъ въ нашихъ глазахъ ореолъ. (Тург.)

Притомъ же:

„... Надо правду сказать, я самъ чувствовалъ сильнѣйшее къ ней расположеніе. Притомъ же и все семейство мнѣ нравилось“. (Тург.)

*) Ради сбереженія мѣста мы часто не приводимъ того, что стоитъ передъ паузой. Но это и не нужно, такъ какъ по принятой въ книгѣ системѣ отсутствіе многоточія передъ примѣромъ удостовѣряетъ, что онъ взятъ послѣ раздѣл. паузы.

При всемъ томъ:

При всемъ томъ онъ однакожъ не могъ скрыть своей радости... (Гог.)

Со всѣмъ тѣмъ:

Со всѣмъ тѣмъ, что-то не истинное, что-то мертвенное чувствовалось въ ней даже въ минуты ея кажущагося торжества... (Тург.)

Къ тому же:

Къ тому же, его въ этихъ случаяхъ выручалъ замѣчательный инстинктъ, которымъ онъ былъ одаренъ... (Тург.)

Все-таки:

„Я хотѣлъ было поставить крестъ, да, знаете, неловко: все-таки она была не христіанка". (Лерм.)

Все же:

„Разумѣется, если хотите, оно пріятно; только все же потому, что сердце бьется сильнѣе..." (Лерм.)

Все:

Онъ все забывалъ, что чуть тронешь этотъ деликатный предметъ, такъ и не оберешься хлопотъ. (Гонч.)

А то:

„Ну-съ, признаюсь, вы меня теперь нѣсколько ободрили", усмѣхнулся Міусовъ... „А то я думалъ, что все это серьезно..." (Дост.)

Если бы еще этотъ трудъ и терпѣніе тратились на что-нибудь важное или нужное, а то они тратится на такіе пустяки... (Гонч.)

А то велишь заложить бѣговыя дрожки и поѣдешь въ лѣсъ на рябчиковъ. (Тург., здѣсь въ смыслѣ „или")

Не то:

„Отдай кольцо и ступай... Не то я съ тобой сдѣлаю, чего ты не ожидаешь." (Пушк.)

„Да смотри ты, ты не входи, братъ, въ кладовую; не то я тебя, знаешь?..." (Гог.)

Зато:

„Ну, а что изъ того, что вы берете взятки борзыми щенками? Зато вы въ Бога не вѣруете..." (Гог.)

И то:

„Плохо!—подумалъ Вронскій, поднимая верхъ коляски.—И то грязно было, а теперь совсѣмъ болото будетъ." (Л. Толст.)

„Что тамъ за домы:
Въ одинъ двоимъ за нужду влѣзть,
И то ни стать, ни сѣсть!" (Крыл.)

И такъ (не смѣшив. съ заключительнымъ „итакъ" и съ „и + такъ"):

Ужъ и такъ мои дни были днями потерь... (Никит.)

... при тогдашнихъ оффиціальныхъ, житейскихъ, цензурныхъ условіяхъ иначе дѣйствовать было слишкомъ затруднительно; уже и такъ онъ едва могъ устоять противъ бури угрозъ и доносовъ... (Тург.)

Иначе:

Это тоже удобство—одолѣть листъ „Times" или „Herald": иначе онъ (англичанинъ) будетъ глухъ и нѣмъ цѣлый день. (Гонч.)

Развѣ:

Василій Никитичъ, вѣроятно, до сихъ поръ юродствуетъ; желѣзное здоровье подобныхъ людей по истинѣ изумительно. Развѣ падучая его сломила. (Тург.)

Всѣ эти слова могутъ играть и вспомогательную союзную роль, присоединяясь къ союзамъ перваго рода (**а** все-таки, **и** тѣмъ не менѣе, **а** между тѣмъ, **но** зато, **и** зато и т. д.), и въ этихъ случаяхъ, они, конечно, часто находятся въ сложномъ предложеніи.

XLI.

Подчиненіе предложеній *).

А. Подчиненіе въ сложномъ предложеніи.

Подчиненіе въ сложномъ предложеніи.

1. Подчиненіе посредствомъ союзовъ.

Всѣ подчинительные союзы сложнаго предложенія можно разбить по значенію на слѣдующіе 9 разрядовъ:

а) Союзы причинные: **такъ какъ, какъ** (устарѣвшее въ этомъ смыслѣ), **потому что, затѣмъ что** (старѣющее), **оттого что, вслѣдствіе того что, въ силу того что** и т. д.

Причинные союзы.

*) Эта послѣдняя глава книги тоже изложена спеціальнѣе, чѣмъ другія, и, можетъ-быть, даже спеціальнѣе, чѣмъ слѣдовало бы при современной степени разработки этого отдѣла въ наукѣ. Но въ школьной грамматикѣ (а соотвѣтственно и въ министерскихъ программахъ) отдѣлъ этотъ занимаетъ половину всего курса синтаксиса, при чемъ весь онъ заполненъ весьма сомнительной въ научномъ отношеніи классификаціей придаточныхъ предложеній по ихъ соотношенію съ отдѣльными членами предложенія. Намъ не хотѣлось оставлять пустого мѣста тамъ, гдѣ школьныя грамматики „знаютъ" такъ много и гдѣ учитель долженъ по программѣ столь же многое сообщить ученикамъ. Пусть же читатель смотритъ на эту главу, какъ на пробный набросокъ того, что могло бы при случаѣ замѣнить соотвѣтствующій отдѣлъ школьной грамматики.

Такъ какъ:

А такъ какъ мужичокъ не любитъ тощій спать,
То ужинать себѣ спросили гости наши. (Крыл.)

Какъ:

И какъ уголокъ ихъ былъ почти не проѣзжій, то и неоткуда было почерпать извѣстія о томъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. (Гонч.)

Потому что:

„А я терпѣть шутокъ отъ вашихъ холоповъ не намѣренъ,... потому что я не шутъ, а старинный дворянинъ.“ (Пушк.)

Зачѣмъ что:

И снова я съ людьми,—затѣмъ, что я поэтъ,
Затѣмъ, что молніи сверкали. (Брюс., запятую, по крайней мѣрѣ во второмъ стихѣ, считаемъ чисто-орѳографической)

Союзы „потому что“, „затѣмъ что“, „оттого что“, „вслѣдствіе того что“ и т. д. образовались изъ сліянія полнаго члена главнаго предложенія („потому“, „затѣмъ“ „оттого“, „вслѣдствіе того“ и т. д.) съ союзомъ „что“ придаточнаго предложенія. Это сліяніе не во всѣхъ этихъ союзахъ зашло одинаково далеко, и ни въ одномъ изъ нихъ еще не закончилось (срвн. „такъ какъ“, гдѣ сліяніе вполнѣ закончено, потому что „сдѣлалъ такъ, какъ велѣли“ уже не можетъ имѣть причиннаго смысла). Поэтому составныя части этихъ союзовъ встрѣчаются еще и въ разрозненномъ (т.-е. первоначальномъ) видѣ, напр.:

„Разумѣется, если хотите, оно пріятно; только все же потому, что сердце бьется сильнѣе...“ (Лерм.)

... А вора онъ затѣмъ не устерегъ,
Что хлѣбы печь сбирался. (Крыл.)

Это происходило оттого, что каждый день выбрасывалось изъ войска все то, что начинало унывать или слабѣть. (Л. Толст.)

Если при этомъ обѣ составныя части находятся рядомъ, то все дѣло только въ томъ, въ какомъ пунктѣ приходится максимумъ высоты голоса и максимумъ ударенія (т.-е. выдыхательной силы), что и опредѣляетъ мѣсто ритмическаго раздѣла, т. е. слабѣйшаго въ выдыхательномъ отношеніи момента, обозначаемаго на письмѣ запятой (срвн.: „я не пришелъ, потому что былъ боленъ“ и: „я не пришелъ потому, что былъ боленъ“). Настоящей паузы здѣсь, какъ и вообще въ сложномъ предложеніи при наличности союза, почти никогда не бываетъ. Рѣже всего разби-

вается подобнымъ образомъ союзъ „потому что", какъ наиболѣе цѣльный въ этой группѣ; „оттого что" встрѣчается, кажется, одинаково часто и въ цѣломъ и въ разрозненномъ видѣ, а „вслѣдствіе того что", „въ силу того что" и т. д. почти всегда разрознены, такъ какъ это еще только зарождающіеся союзы.

Союзы цѣли.

b) Союзы цѣли: **чтобы** (также: для того чтобы, съ тѣмъ чтобы, затѣмъ чтобы, почти всегда, впрочемъ, разрозненные) и устарѣвшее **дабы**.

Чтобы:

Лежитъ на немъ камень тяжелый,
Чтобъ встать онъ изъ гроба не могъ. (Лерм.)

„Я пригласилъ васъ, господа, съ тѣмъ, чтобы сообщить вамъ пренепріятное извѣстіе..." (Гог.)

Но не всегда это значеніе цѣли такъ полно и ярко выражено въ этомъ союзѣ, какъ въ приведенныхъ примѣрахъ. Дѣло въ томъ, что союзъ „чтобы" образовался изъ союза „что" и частицы „бы", которая раньше примыкала къ глаголу (въ инфинитивныхъ предложеніяхъ опущенному) и образовывала съ нимъ составную форму сослагательнаго наклоненія. Такимъ образомъ, „чтобъ встать онъ изъ гроба не могъ" восходитъ схематически къ: „что встать онъ изъ гроба не могъ бы", „чтобы сообщить вамъ пренепріятное извѣстіе" къ: „что сообщить бы вамъ пренепріятное извѣстіе". Такъ какъ союзъ „что" самъ по себѣ — изъяснительный (см. дальше рубрику d) и къ сослагательному наклоненію никакого отношенія не имѣетъ, то здѣсь произошло не только внѣшнее но и внутреннее сліяніе двухъ оттѣнковъ: оттѣнка союза „что" и оттѣнка сослагательнаго наклоненія. Тамъ, гдѣ это сліяніе проявляется полностью, т.-е. гдѣ и союзъ „что", и сослагательное наклоненіе по условіямъ контекста неумѣстны, тамъ мы и имѣемъ настоящій союзъ цѣли. Тамъ же, гдѣ это сліяніе еще не закончилось, просвѣчиваетъ несмотря на внѣшнюю цѣльность, бывшій союзъ „что" и бывшее сослагательное наклоненіе. А такъ какъ сослагательное наклоненіе получаетъ въ связи различные оттѣнки значенія (см. стрр. 124 и 125), то мы и имѣемъ здѣсь на мѣстѣ цѣли то „изъясненіе + желаніе":

„Дай только, Боже, чтобы сошло съ рукъ поскорѣе!" (Гог.)

то „изъясненіе + увѣщаніе":

„Скажите, господа, сдѣлайте милость, чтобы Петръ Ивановичъ не мѣшалъ!" (Гог.)

то „изъясненіе + долженствованіе“:

Дѣло состояло только въ томъ, чтобы перемѣнить... кое-гдѣ глаголы изъ перваго лица въ третье. (Гог.)

то „изъясненіе + возможность“:

... ни одной попойки... не обходилось безъ того, чтобы его долговязая фигура не вертѣлась между гостями. (Тург.)

Впрочемъ, въ послѣднемъ случаѣ союзъ „что“ настолько преобладаетъ надъ сослагательнымъ наклоненіемъ, что здѣсь мы видимъ особое изъяснительное „чтобы“ (см. рубр. d). Напротивъ, всѣ остальные оттѣнки могли бы болѣе или менѣе примкнуть къ значенію цѣли и не нуждаются въ отдѣльныхъ рубрикахъ. Тѣмъ же происхожденіемъ союза объясняется и то, что онъ сочетается съ прошедшимъ временемъ („чтобы пошелъ“, „чтобы сдѣлалъ“), тогда какъ по его значенію къ нему пристало бы скорѣе будущее время (вѣдь цѣль — впереди). Это прошедшее никогда не было здѣсь прошедшимъ, а было составной частью сослагательнаго наклоненія.

Дабы:

Я вышелъ на берегъ, дабы дождаться луны. (Жук.)

По окончаніи трудовъ Петръ вынулъ карманную книжку, дабы справиться, все ли исполнено. (Пушк.)

Союзы слѣдствія.

c) Союзы слѣдствія: **такъ что** (также: до того что, настолько что, почти всегда, впрочемъ, разрозненные).

Такъ что:

Одинъ подбородокъ только выступалъ очень далеко впередъ такъ что онъ долженъ былъ всякій разъ закрывать его платкомъ, чтобы не заплевать. (Гог.)

... онъ куда-то поѣхалъ и въ дорогѣ помѣшался, такъ что произошло нѣчто въ родѣ скандала... (Дост.)

и въ разрозненномъ видѣ:

„У каждаго дома есть сквозныя ворота, и ты такъ шмыгнешь, что тебя никакой дьяволъ не сыщетъ“. (Гог.).

Комбинацію цѣли и слѣдствія представляетъ союзное сочетаніе такъ чтобы, большей частью еще разрозненное:

„Не угощай... никого, а веди себя лучше такъ, чтобы тебя угощали“. (Гог.)

d) Союзы изъяснительные: **что, чтобы, будто, будто бы.** Изъяснительные союзы.

Что:

Мысль, что Марья Ивановна не успѣетъ выѣхать, ужаснула меня. (Пушк.)

Надобно замѣтить, что учитель былъ большой любитель тишины и хорошаго поведенія. (Гог.)

Союзъ этотъ въ настоящее время есть употребительнѣйшій подчинительный союзъ русскаго языка и особенно его разговорно-литературнаго нарѣчія, гдѣ онъ потерялъ, въ сущности, всякое спеціальное значеніе и обозначаетъ только подчиненность одного предложенія другому, подобно тому какъ союзъ „и" въ области сочиненія обозначаетъ только сочиненность (срвн.: „а что онъ не пріѣхалъ во-время, такъ это потому, что за нимъ не прислали", „а что у тебя денегъ нѣтъ, такъ вольно жъ тебѣ мотать", гдѣ „что" указываетъ только на то, что данная мысль уже извѣстна говорящимъ).

Чтобы:

Никто не могъ сказать, чтобы когда-нибудь видѣлъ его на какомъ-нибудь вечерѣ. (Гог.)

„Нѣтъ, мнѣ не снилось, чтобы отецъ убилъ мать мою..." (Гог.)

Союзъ этотъ въ такомъ значеніи возможенъ только послѣ отрицательнаго (по формѣ или по смыслу) подчиняющаго предложенія, потому что при отсутствіи отрицанія онъ можетъ имѣть только тѣ значенія, которыя указаны въ рубр. а. Такъ, въ сочет.: „онъ говорилъ, чтобы это было такъ" союзъ можетъ имѣть значеніе или желанія, или увѣщанія, или цѣли, но ни въ какомъ случаѣ не изъясненія, какъ при отрицаніи („онъ не говорилъ, чтобы это было такъ", въ смыслѣ „не утверждалъ этого"), гдѣ поэтому и получается однимъ возможнымъ значеніемъ болѣе.

Сюда же относятся и союзныя сочетанія: „безъ того чтобы", „не безъ того чтобы", „вмѣсто того чтобы" (большей частью, впрочемъ, разрозненныя):

... ни одной попойки не обходилось безъ того, чтобы его долговязая фигура не вертѣлась тутъ же между гостями... (Тург.)

Зеркала вмѣсто того, чтобы отражать предметы, могли бы служить скорѣе скрижалями для записыванія на нихъ по пыли какихъ-нибудь замѣтокъ. (Гонч.)

Будто:

Разсуждали о томъ, что мусульманское повѣрье, будто судьба человѣка написана на небесахъ, находитъ и между нами многихъ поклонниковъ. (Лерм.)

Союзъ этотъ вводитъ мысль, которую говорящій не признаетъ своей, тогда какъ въ союзѣ „что“ мысль говорящаго и мысль того лица, чьи слова передаются, не разграничены.

Будто бы:

„... сказала злодѣямъ, будто бы я ея племянница“. (Пушк.)

Значеніе этого союза опредѣляется происхожденіемъ его изъ „будто+бы“, такъ что въ немъ заключается уже не простое указаніе на то, что мысль не принадлежитъ говорящему (значеніе союза „будто“), но и прямое сомнѣніе въ осуществимости мысли (значеніе частицы „бы“). Оба послѣдніе союза могутъ употребляться и какъ вводныя слова, и въ этой своей роли они даже совмѣстимы съ союзомъ „что“ („онъ говоритъ, что ему, будто бы, не давали тамъ ѣсть“). Кромѣ того, они могутъ употребляться и какъ сравнительные союзы (см. рубр. h).

Прямая и косвенная рѣчь.

Изъяснительные союзы являются въ русскомъ языкѣ главнымъ и почти единственнымъ грамматическимъ средствомъ для выраженія такъ наз. „косвенной рѣчи“. Такъ называется въ синтаксисѣ чья-либо рѣчь, переданная не слово въ слово, а только по содержанію. Въ отличіе отъ нея рѣчь, переданная слово въ слово, называется прямой рѣчью. Такимъ образомъ, въ сочетаніи:

Онъ сказалъ мнѣ: „Я очень извиняюсь, я совершенно васъ не ждалъ, и потому у меня тутъ все не въ порядкѣ; но завтра я надѣюсь, во всякомъ случаѣ, васъ угостить, какъ слѣдуетъ“.

мы имѣемъ прямую рѣчь, а въ сочетаніи:

Онъ сказалъ мнѣ, что онъ очень извиняется, что онъ совершенно не ждалъ меня и потому у него тутъ все не въ порядкѣ, но что завтра онъ надѣется, во всякомъ случаѣ, меня угостить, какъ слѣдуетъ.

имѣемъ ту же самую рѣчь уже въ косвенной передачѣ. Уже изъ этого примѣра видно, что средствомъ косвенной передачи рѣчи является у насъ только постановка передъ каждымъ главнымъ предложеніемъ прямой рѣчи союза „что“ (или другихъ изъяснительныхъ союзовъ) да соотвѣтствующая мѣна личныхъ словъ и лицъ глаголовъ. Во многихъ другихъ языкахъ косвенная рѣчь синтаксически рѣзко отличается отъ прямой (спеціальное

употребленіе временъ, наклоненій, союзовъ, личныхъ словъ), такъ что въ нихъ существуетъ спеціальный и очень сложный шаблонъ косвенной передачи рѣчи, и въ синтаксисѣ такихъ языковъ изученіе этого шаблона занимаетъ очень важное мѣсто. Соотвѣтственно этому косвенная передача рѣчи, какъ всякій законченный синтаксическій шаблонъ, очень употребительна въ тѣхъ языкахъ. У римскихъ писателей, напр., огромныя рѣчи ораторовъ, полководцевъ, дипломатовъ передаются очень часто не прямо, а косвенно. Въ нашемъ же языкѣ даже тѣ единственные признаки косвенной рѣчи, о которыхъ мы только что сказали, очень часто не выдерживаются, такъ что косвенная рѣчь смѣшивается съ прямой. Осипъ, напр., говоритъ въ „Ревизорѣ“:

„Трактирщикъ сказалъ, **что не дамъ вамъ** ѣсть пока не заплатите за старое“.

Здѣсь союзъ „что“ составляетъ признакъ косвенной рѣчи, а формы глагола и личное слово взяты изъ прямой (въ косвенной было бы: „что не дастъ намъ ѣсть, пока не заплатимъ за старое“). Такое смѣшеніе встрѣчается не только у простолюдиновъ. По нашимъ наблюденіямъ, внесеніе союза „что“ въ прямую рѣчь послѣ глаголовъ „говорю“ и „скажу“ составляетъ правило для нашего разговорно-литературнаго языка. Встрѣчается оно и въ собственно-литературной рѣчи, хотя, правда, преимущественно въ низшихъ областяхъ ея— въ газетномъ языкѣ („статсъ-секретарь Коковцовъ заявляетъ, что какъ ни относиться къ русскому правительству и его дѣятелямъ, но грабежомъ **мы** не занима**емся**“, „Русск. Вѣд.“ 1911 г. № 284). Объясняется это именно тѣмъ, что у насъ не выработаны формы косвенной рѣчи. Стоитъ только попробовать передать мало-мальски распространенную прямую рѣчь косвенно (оселъ, уставясь въ землю лбомъ, говоритъ, что изрядно, что сказать не ложно, его безъ скуки слушать можно, но что жаль, что онъ незнакомъ съ ихъ пѣтухомъ, что онъ еще бы больше навострился, когда бы у него немного поучился), чтобы убѣдиться, что косвенная передача рѣчи русскому языку не свойственна. Вотъ почему мы и соскакиваемъ постоянно съ косвенной рѣчи на привычную намъ прямую.

Вліяніе временъ прямой рѣчи на времена косвенной.

На смѣшеніи прямой рѣчи съ косвенной основана и та своеобразная послѣдовательность временъ, о которой мы говорили на стр. 128. Именно, въ косвенной рѣчи употребля-

ются всегда тѣ же времена, что и въ соотвѣтствующей прямой, хотя бы они къ ней и не подходили. Такъ, въ основномъ нашемъ примѣрѣ (см. выше) мы имѣли: „онъ сказалъ, что онъ очень извиняется...“, хотя фактъ извиненія уже совершился. Настоящее время здѣсь идетъ изъ прямой рѣчи, гдѣ оно, конечно, необходимо (онъ сказалъ: „я очень извиняюсь...“). Если бы мы поставили въ косвенной рѣчи прошедшее („онъ сказалъ, что онъ очень извинялся“), то по необходимому для насъ отождествленію косвенной и прямой рѣчи это значило бы: „онъ сказалъ: „я очень извинялся“, т.-е. указывало бы на прошлое извиненіе, предшествовавшее данному разговору. Это и создаетъ описанное на стр. 128 соотношеніе временъ. При этомъ оно распространилось и на всѣ смежные съ косвенной рѣчью случаи, т.-е. на передачу чьихъ либо мыслей, чувствъ, расчетовъ, ожиданій, опасеній и т. д., словомъ, всего, что связано у человѣка съ рѣчью (срвн.: „онъ видѣлъ, что дѣло затягивается“, „онъ былъ огорченъ, что братъ не пріѣзжаетъ“).

Вводныя слова косвенной рѣчи.

Кромѣ указанныхъ средствъ косвенной передачи рѣчи существуютъ еще у насъ спеціальныя вводныя слова: „говорятъ“, „молъ“, „де“, „дескать“. Но первое слово примѣнимо только тогда, когда не хотятъ или не могутъ назвать говорящаго, а остальныя употребляются и въ прямой рѣчи, что опять-таки указываетъ на смѣшеніе обоихъ типовъ. Вотъ примѣры на употребленіе этихъ словъ въ косвенной рѣчи:

Она замѣтила, что мы оба де слишкомъ молоды. (Пушк.)

А потому изъ предосторожности..., сказалъ онъ, что недурно бы совершить купчую поскорѣе, потому что, де, въ человѣкѣ не увѣренъ... (Гог.)

А вотъ въ прямой:

„Теперь всѣ сосѣди скажутъ:
„Котъ Васька плутъ, котъ Васька воръ,
И Ваську де не только что въ поварню,
Пускать не надо и на дворъ...“ (Крыл.)

„Вы-де съ бариномъ, говоритъ, мошенники, и баринъ твой—плутъ. Мы-де, говоритъ, этакихъ шаромыжниковъ и подлецовъ видали“. (Гог.)

„... говоритъ: что, молъ, вамъ, ребятки, домой таскаться...“ (Тург.)

Все это показываетъ, что разграниченіе прямой и косвенной рѣчи находится у насъ на самой ранней стадіи развитія.

О теоретическомъ и практическомъ отношеніи къ языку.

Прим. Изъ всего этого, конечно, не слѣдуетъ, что нужно смѣшивать прямую рѣчь съ косвенной или покровительствовать такому смѣшенію. Мы, напротивъ, считали бы очень полезнымъ, напр., въ школѣ упражнять учениковъ въ перело-

женіи прямой рѣчи на косвенную и обратно. Вѣдь, ко всякому факту языка можно относиться двояко: 1) съ точки зрѣнія его естественности, т.-е. большей или меньшей распространенности въ томъ или иномъ районѣ въ томъ или иномъ классѣ общества въ ту или иную эпоху, генетической связи съ фактами предыдущей эпохи, соотвѣтствія съ другими фактами той же эпохи, соотвѣтствія съ параллельными фактами другихъ языковъ, родственныхъ и не родственныхъ, соотвѣтствія съ данными физіологіи и психологіи и т. д. и т. д.—это отношеніе языковѣда или вообще человѣка, интересующагося языкомъ, какъ предметомъ наблюденія и изученія, и 2) съ точки зрѣнія цѣлесообразности, соотвѣтствія даннаго факта общимъ задачамъ языка и въ частности той спеціальной задачѣ, которую данный фактъ призванъ осуществить въ языкѣ—это отношеніе человѣка, какъ члена данной языковой общины, участвующаго въ наблюдаемомъ и изучаемомъ процессѣ, заинтересованнаго въ немъ практически (конечно, не въ узкомъ смыслѣ этого слова) и желающаго направить этотъ процессъ въ ту или иную сторону. Съ этой второй точки зрѣнія, каждый фактъ языка, какъ бы онъ ни былъ естественъ, объяснимъ, древенъ, распространенъ и т. д., можетъ подвергаться самой разносторонней критикѣ: отвлеченно-логической, психологической, эстетической и т. д. и т. д. Большой публикѣ, вообще говоря, извѣстно только второго рода отношеніе къ языку—критическое (хотя и то только въ видѣ обереганія грамматическаго status quo, притомъ даже не дѣйствительнаго status quo языка, а того, который описанъ въ школьныхъ грамматикахъ). Поэтому всѣ наши усилія сводились до сихъ поръ къ ознакомленію читателя съ отношеніемъ перваго рода, отношеніемъ научнымъ. Но съ тѣмъ большей охотой мы пользуемся случаемъ признать, что кромѣ научнаго возможно и практическое отношеніе къ языку, и что оно не менѣе законно, чѣмъ научное. Культурный человѣкъ не можетъ быть только наблюдателемъ своей рѣчи. Онъ хочетъ и долженъ быть отчасти и творцомъ ея. Особенно это относится къ людямъ, призваннымъ такъ или иначе вліять на развитіе языка — писателямъ, педагогамъ, актерамъ. Тутъ именно выступаетъ необходимость оцѣнки каждаго факта, критическаго отношенія къ нему. А эта оцѣнка должна, конечно, опираться на научное знакомство съ языкомъ. Такимъ образомъ, научное и практическое отношеніе къ языку не только не противорѣчатъ другъ другу, но, напротивъ, могутъ и должны сочетаться въ одномъ и томъ же человѣкѣ, какъ можетъ сочетаться въ ученомъ юристѣ изученіе эволюціи права съ участіемъ въ практическомъ законодательствѣ. И какъ юристъ-законодатель пробиваетъ путь отъ „сущаго“ къ „должному“, считаясь, съ одной стороны, съ этимъ „сущимъ“, какъ со стихіей, неизмѣримо большей его самого, а съ другой стороны,

гребя все-таки изо всѣхъ силъ въ сторону „должнаго“ согласно своимъ философскимъ и религіознымъ идеаламъ, такъ и законодатель языка, писатель, педагогъ, актеръ (а до нѣкоторой степени и всякій членъ данной языковой общины, такъ какъ здѣсь всякій законодательствуетъ своимъ живымъ примѣромъ) долженъ, съ одной стороны, учитывать неизбѣжную ничтожность своей творческой роли въ такомъ коллективно-стихійномъ дѣлѣ, какъ языкъ, а съ другой стороны, долженъ выполнять эту роль сознательно и, по возможности, индивидуально. Дѣтскій революціонизмъ, вырывающій человѣка изъ его языковой среды и оставляющій его наединѣ съ его собственнымъ, никому непонятнымъ языкомъ, и мертвый консерватизмъ, отрицающій все, что выходитъ за предѣлы Кирпичникова и Гилярова, суть одинаково плоды невѣжества въ данной области. Въ частности, возвращаясь къ косвенной рѣчи, нельзя не признать, что различеніе прямой и косвенной рѣчи утончаетъ способы передачи однимъ лицомъ рѣчи другого и имѣетъ огромное культурно-общественное значеніе. И разъ въ русскомъ языкѣ есть хотя бы жалкіе зачатки этого различенія, ихъ отнюдь не слѣдуетъ глушить, а, напротивъ, развивать и совершенствовать. Вотъ, кстати, и примѣръ сочетанія научной и практической точки зрѣнія, ведущей къ опредѣленному практическому выводу.

Пояснительные союзы.

е) Союзы пояснительные: **то-есть, не то что, не то чтобы, именно, какъ-то.**

То-есть:

Я начинаю, то-есть, я хотѣлъ бы начать мои записки съ девятнадцатаго сентября прошлаго года, то-есть ровно съ того дня... (Дост.)

„Если бы дѣйствительно наступилъ судъ церкви..., то-есть если бы все общество обратилось лишь въ церковь, то... самыя преступленія уменьшились бы въ невѣроятную долю“. (Дост.)

Не то что:

Она не то что управляла, но по сосѣдству надзирала за имѣніемъ Версилова... (Дост.)

Ночь настала безлунная, не то что темная, а почти черная. (Дост.)

Не то чтобы:

„Не то чтобъ новизны вводили—никогда...“ (Гриб.)

Не то чтобъ очень пьянъ,
Но веселъ безконечно. (Курочк.)

Онъ не то чтобы былъ начетчикъ или грамотей..., не то чтобы былъ въ родѣ, такъ сказать, дворового резонера, онъ просто былъ характера упрямаго... (Дост.)

Именно:

Потомъ, въ продолженіе нѣкотораго времени пустился въ другія спекуляціи, именно вотъ какія... (Гог.)

Какъ-то:

Всѣ породы деревъ смолистыхъ, какъ-то: сосна, ель, пихта, и проч., называются краснымъ лѣсомъ. (Акс.)

Условные союзы.

f) Союзы условные: **если, если бы, добро бы, кабы, ежели, коли, ли, когда** (рѣдко въ этомъ смыслѣ), **разъ, коль скоро.**

Если:

Видъ кабинета, если осмотрѣть тамъ все повнимательнѣе, поражалъ... запущенностью и небрежностью (Гонч.)

„Челюсти заболятъ, если съѣшь одинъ такой кусокъ!“ (Гог.)

Если бы:

... если бы Чичиковъ встрѣтилъ его такъ принаряженнаго гдѣ-нибудь у церковныхъ дверей, то далъ бы ему мѣдный грошъ... (Гог.)

„... И о правительствѣ иной разъ такъ толкуютъ,
Что если бъ кто подслушалъ ихъ—бѣда!“ (Гриб.)

Добро бы (съ уступительнымъ оттѣнкомъ):

Добро бы я былъ еще его другомъ: коварная нескромность истиннаго друга понятна каждому... (Лерм.)

Кабы:

Быть бы нашимъ странникамъ подъ родною крышею,
Кабы знать могли они, что случилось съ Гришею. (Некр.)

Ежели, ежели бы:

„... А ежели устану,
Валяюсь по коврамъ и мягкому дивану“. (Крыл.)

Впрочемъ, ежели Ильичъ думалъ, что онъ совершенно похожъ на богатаго дворника, то онъ заблуждался. (Л. Толст., у котораго „ежели“ вообще чаще, чѣмъ „если“).

Да,—началъ онъ—ежели бы я слышалъ хоть разъ съ тѣхъ поръ, какъ я въ этомъ аду, хоть одно слово участія, совѣта, дружбы... (Л. Толст.)

Коли (коль), коли бы:

„Коль до когтей у нихъ дойдетъ,
То вѣрно льву не быть живому...“ (Крыл.)

Коль любить, такъ безъ разсудку,
Коль грозить, такъ не на шутку,
Коли спорить, такъ ужъ смѣло... (А. Толст.)

Ли (собственно, вопросительная частица, пріобрѣтающая при полной потерѣ вопросительнаго смысла союзное значеніе, частью подчинительное, частью, при повтореніи и тѣсномъ сосѣдствѣ, соподчинительное):

Придутъ ли коровы съ поля, старикъ первый позаботится, чтобы ихъ напоили; увидитъ ли изъ окна, что дворняжка преслѣдуетъ курицу, тотчасъ приметъ строгія мѣры... (Гонч.)

Когда, когда бы:

„Когда свѣтлѣйшій волкъ позволитъ,
Осмѣлюсь я донесть, что ниже по ручью
Шаговъ я на сто пью...“ (Крыл.)

„Когда бы я не снялъ съ тебя узды,
Управилъ бы навѣрно я тобою...“ (Крыл.)

Союзы „если бы“, „когда бы“ и т. д. произошли, конечно, изъ сліянія тѣхъ словъ, на которыя указываетъ ихъ орѳографія („если+бы“, „когда+бы“). И сліяніе это въ нихъ еще не настолько закончилось, какъ въ союзѣ „чтобы“. Изрѣдка встрѣчаются составныя части этихъ союзовъ и въ разрозненномъ видѣ:

„И если курганъ твой высокій
Сравнялся бы съ полемъ пустымъ.
То слава, разнесшись далеко,
Была бы курганомъ твоимъ“. (А. Толст.)

Если поклоненіе Патти было бы извѣстно только въ кругу лицъ, близкихъ къ нему, то бѣда была бы невелика. („Русск. Мысль“, 1913, V, В. С. Сѣрова)

Разъ:

Разъ вы согласились, такъ уже нельзя вамъ отказываться. (изъ словаря Даля, 3-е изд.)

Коль скоро (устарѣвшее, съ временны́мъ оттѣнкомъ):

Коль скоро это доказано,—нечего и сомнѣваться... (изъ примѣровъ Д. Н. Овсянико-Куликовскаго)

Уступительные союзы.

g) Союзы уступительные: **хотя, несмотря на то что** (большей частью раздвоенное), **даромъ что, пусть, пускай.**

Хотя (хоть):

... мальчикъ, хотя и смотрѣлъ на всѣхъ свысока, вздернувъ носикъ, но товарищемъ былъ хорошимъ... (Дост.)

„Да отсюда хоть три года скачи, ни до какого государства не доѣдешь.“ (Гог.)

Несмотря на то что:

...и зналъ тоже и то, что, несмотря на то, что онъ хотѣлъ жениться, несмотря на то, что по всѣмъ даннымъ эта весьма привлекательная дѣвушка должна была быть прекрасной женой, онъ такъ же мало могъ жениться на ней,... какъ улетѣть на небо. (Л. Тост., возможно и даже болѣе удобно чтеніе безъ раздваивающей союзъ запятой, хотя для автора, кажется, характерна запятая.)

Даромъ что:

Онъ весь былъ ясно виденъ, даромъ что ѣхалъ въ тѣни. (Тург.)

„Начальство имѣетъ тонкіе виды: даромъ, что далеко, а оно себѣ мотаетъ на усъ". (Гог.)

Пусть и пускай:

„Ужъ пусть бы строиться, да какъ садить въ тѣ лѣта,
Когда ужъ смотришь вонъ изъ свѣта!" (Крыл.)

Пускай мечтатели осмѣяны давно,
Пускай въ нихъ многое дѣйствительно смѣшно;
Но все же я скажу, что мнѣ въ часы разлуки
Отраднѣе всего, среди душевной муки,
Воспоминать о ней... (Некр.)

Какъ видно изъ примѣровъ уступительное подчиненіе соединяется очень часто съ сочиненіемъ, а именно съ противительными союзами „а" или „но" или съ соединительно-противительнымъ „да" въ главномъ предложеніи.

Сравнительные союзы.

h) Союзы сравнительные: **какъ, какъ бы, будто, будто бы, какъ будто, какъ будто бы, словно, словно какъ, подобно тому какъ** (б. ч. раздвоенное), **точно, что, чѣмъ, нежели**.

Какъ, какъ бы:

Имъ не забыть своихъ дѣтей,...
Какъ не поднять плакучей ивѣ
Своихъ поникнувшихъ вѣтвей... (Некр.)

... прежде всего бросился въ глаза большой палецъ, ...съ какимъ-то изуродованнымъ ногтемъ, толстымъ и крѣпкимъ, какъ у черепахи черепъ. (Гог.)

Мнѣ сперва казалось это оригинальнымъ, какъ бы выходившимъ изъ обыденныхъ казенныхъ условій... (Дост.)

Будто, будто бы:

Но не прошло и минуты, какъ эта радость... такъ же мгновенно и прошла, будто ея вовсе не бывало... (Гог.)

Какъ будто, какъ будто бы:

Она слыла чудачкой... и при самыхъ скудныхъ средствахъ держалась такъ, какъ будто за ней водились тысячи. (Тург.)

Сторожа не только не вставали съ мѣстъ..., но даже не глядѣли на него, какъ будто бы черезъ пріемную пролетѣла простая муха. (Гог.)

Словно:

...отъ каждаго звука его голоса вѣяло чѣмъ-то роднымъ и необозримо широкимъ, словно знакомая степь раскрывалась передъ вами, уходя въ безконечную даль. (Тург.)

Словно какъ:

Словно какъ мать надъ сыновней могилой,
Стонетъ куликъ надъ равниной унылой. (Некр.)

Подобно тому какъ:

...и вся разлилась въ жалостныхъ рѣчахъ, выговаривая ихъ тихимъ, тихимъ голосомъ, подобно тому, какъ вѣтеръ пробѣжитъ вдругъ по густой чащѣ... (Гог., цѣльное чтеніе союза не только возможно, но и музыкальнѣе раздвоенія.)

Точно:

Меня тотчасъ охватила непріятная, неподвижная сырость, точно я вошелъ въ погребъ... (Тург.)

Что:

„Дѣвица плачетъ, что роса падаетъ". (Пушк.)
„Все ворожитъ, что красная невѣста." (Пушк.)

Чѣмъ:

„Чѣмъ на мостъ намъ итти, поищемъ лучше броду". (Крыл.)

Анна Ѳедоровна... ужъ, конечно, перенесла съ нимъ несравненно больше страданій, чѣмъ выжила радостей... (Дост.)

Нежели:

...молодой человѣкъ получалъ изъ дома болѣе, нежели долженъ былъ ожидать. (Пушк.)

Послѣдніе два союза отличаются отъ всѣхъ предыдущихъ тѣмъ, что употребляются только при сравнительной степени нарѣчія въ главномъ предложеніи („чѣмъ на мостъ итти, поищемъ лучше...", „получалъ болѣе, нежели...") и выражаютъ, соотвѣтственно съ этимъ, количественное сравненіе, тогда какъ всѣ остальные выражаютъ качественное.

Временны́е союзы.

i) Союзы временны́е: **когда**, **какъ**, **какъ только**, **межъ тѣмъ какъ**, **тогда какъ**, **съ тѣхъ поръ какъ**, **послѣ того какъ** (большей частью раздвоенные), **пока**, **покуда**, **покамѣстъ**, **едва**,

едва только, чуть, чуть только, лишь, лишь только, только что, только, прежде чѣмъ, прежде нежели (иногда раздвоенные).

Когда:

Когда набралось денегъ до пяти рублей, онъ мѣшочекъ зашилъ и сталъ копить въ другой. (Гог.)

Былъ невыносимо жаркій іюльскій день, когда я, медленно передвигая ноги, вмѣстѣ съ своей собакой поднимался вдоль Колотовскаго оврага... (Тург.)

Во второмъ примѣрѣ логически главный фактъ разсказа выраженъ придаточнымъ предложеніемъ, а побочный (погода)—главнымъ. Это характерно для союза „когда“ въ томъ случаѣ, если придаточное при немъ слѣдуетъ за главнымъ (срвн. первый примѣръ, съ обратнымъ порядкомъ предложеній и безъ этой особенности). Для слѣдующаго союза такой порядокъ предложеній и такое соотношеніе ихъ составляетъ уже правило.

Какъ:

Крестьянинъ ахнуть не успѣлъ,
Какъ на него медвѣдь насѣлъ. (Крыл.)

Усталыми шагами приближался я къ жилищу Николая Иваныча,... какъ вдругъ на порогѣ кабачка показался мужчина высокаго роста... (Тург.)

Какъ только:

...накупивши на рынкѣ съѣстного, садился въ классѣ возлѣ тѣхъ, которые были побогаче, и какъ только замѣчалъ, что товарища начинало тошнить... высовывалъ ему изъ-подъ скамьи уголъ пряника или булки... (Гог.)

Межъ тѣмъ какъ:

Межъ тѣмъ какъ съ бережку лисица рядитъ, судитъ,
Кумъ рыбку удитъ. (Крыл.)

Я сытъ, межъ тѣмъ какъ у иного
Нѣтъ хлѣба и ломтя въ сумѣ... (Тютч.)

...встрѣтивши Гапку, началъ бранить, зачѣмъ она шатается безъ дѣла, между тѣмъ какъ она тащила крупу въ кухню. (Гог.)

Тогда какъ:

Легчайшій вѣтерокъ ужасенъ для тебя,
Тогда какъ я высокъ, осанистъ... (Дмитр.)

Оный дворянинъ... назвалъ меня публично „гусакомъ“, тогда какъ извѣстно..., что симъ гнуснымъ животнымъ я никогда отнюдь не именовался. (Гог.)

Въ союзѣ этомъ, такъ же какъ иногда и въ предыдущемъ, рѣзко сказывается особый противительный оттѣнокъ, часто заслоняющій совершенно исконное временно́е значеніе этихъ союзовъ.

Пока:

Коля... предложилъ, что онъ ночью... ляжетъ между рельсами ничкомъ и пролежитъ недвижимо, пока поѣздъ пронесется надъ нимъ на всѣхъ парахъ. (Дост.)

Покуда:

Покуда онъ переодѣлся, прошелъ еще часъ. (Лерм.)

Покуда маменьки считали козыри, дочки,... разговаривали о послѣднемъ балѣ... (Лерм.)

Покамѣстъ:

„Покамѣстъ говорилъ объ ассиріянахъ и вавилонянахъ, еще ничего, а какъ добрался до Александра Македонскаго...“ (Гог.)

Едва:

Едва яркое солнце вышло изъ-за горы и стало освѣщать долину,... волнистыя облака тумана разсѣялись, и сдѣлалось жарко. (Л. Толст.)

Едва только:

Едва только онъ, задумавшись серьезно, поразился убѣжденіемъ, что безсмертіе и Богъ существуютъ, то сейчасъ же естественно сказалъ себѣ... (Дост.)

Чуть:

„Чуть утро освѣтило пушки
И лѣса синія верхушки,
Французы тутъ какъ тутъ“. (Лерм.)

„Вздрогнемъ, чуть скрипнетъ столикъ, дверь...“ (Гриб.)

Лишь:

Лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ,
Корабль одинокій несется... (Лерм.)

Лишь только:

„Лишь только ночь своимъ покровомъ
Верхи Кавказа осѣнитъ,
Лишь только міръ, волшебнымъ словомъ
Завороженный, замолчитъ...
Къ тебѣ я стану прилетать“... (Лерм.)

Только что:

Только что я вошелъ въ опушку, вальдшнепъ со стукомъ поднялся изъ куста... (Тург.)

— Ну что, мой другъ, снесли оливковую вѣтвь?—спросила графиня Лидія Ивановна, только что вошла въ комнату. (А. Толст.)

Только:

„И только небо засвѣтилось,
Все шумно вдругъ зашевелилось..." (Лерм.)

...и потомъ, раздѣвшись, только успѣлъ положить голову на подушку, заснулъ крѣпкимъ сномъ. (Л. Толст.)

Прежде чѣмъ:

Но прежде чѣмъ я приступлю къ описанію самаго состязанія, считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о каждомъ изъ дѣйствующихъ лицъ моего разсказа. (Тург.)

Прежде нежели:

Но прежде нежели въ сѣдло садиться,
Онъ долгомъ счелъ къ коню съ сей рѣчью обратиться. (Крыл.).

Всѣ временные союзы произошли изъ нарѣчій и до сихъ поръ сохранили въ значительной мѣрѣ свой самостоятельный характеръ, такъ что являются скорѣе союзными словами, чѣмъ союзами. Многіе изъ нихъ и сейчасъ употребляются, какъ нарѣчія, и нерѣдко только подчинительная интонація дѣлаетъ ихъ союзами (срвн. примѣры на стр. 348). Самый „союзный" изъ нихъ—„какъ" и всѣ сложные съ нимъ. Поэтому при столкновеніи двухъ такихъ союзовъ („едва вышелъ я изъ табора, какъ увидѣлъ голубей..." Пушк., „едва только ушелъ назадъ городъ, какъ уже пошли писать... чушь и дичь по обѣимъ сторонамъ дороги..." Гог.) придаточнымъ предложеніемъ сознается то, гдѣ союзъ „какъ", а главнымъ то, гдѣ союзное нарѣчіе.

Союзы въ главномъ предложеніи.

При нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ въ этой главѣ союзовъ можетъ быть еще добавочный союзъ въ главномъ предложеніи, соотносительный съ союзомъ придаточнаго предложенія, такъ что получаются особые двойные союзы, состоящіе изъ подчинительной и подчиняющей части. Таковы: **если—то, если—такъ** (и всѣ условные союзы по тому же образцу), **когда—то, такъ какъ—то, какъ** (причинное)—**то** и т. д., напр.:

Коль любить, такъ безъ разсудку... (А. Толст.)

А такъ какъ мужичокъ не любитъ тощій спать,
То ужинать себѣ спросили гости наши... (Крыл.)

Но ни при одномъ изъ указанныхъ союзовъ такая добавочная часть не обязательна, и употребленіе этихъ „то" и „такъ" связано съ большими стилистическими тонкостями: въ однихъ случаяхъ они умѣстны, въ другихъ неумѣстны.

Подчинительные союзы при обособленныхъ членахъ.

При многихъ подчинительныхъ союзахъ придаточное предложеніе можетъ отличаться особенной краткостью, вслѣдствіе того, что почти все содержаніе главнаго предложенія переносится мыслью въ придаточное. При союзахъ сравнительныхъ, напр., на мѣстѣ придаточнаго предложенія оказывается чаще всего одинъ членъ („онъ исполнилъ эту арію, какъ артистъ“, „тамъ сыро, какъ въ погребѣ“, „онъ говорилъ, точно въ бреду“, „словно во снѣ“ и т. д.). То же и при пояснительныхъ союзахъ (см. примѣры въ рубр. е), а иногда и при условныхъ, уступительныхъ и другихъ („если завтра, такъ поѣду, а сегодня не могу“, „хоть съ ошибками, а сдѣлаю“). Такой одинокій членъ съ подчинительнымъ союзомъ мы уже на стр. 341 признали отдѣльнымъ неполнымъ предложеніемъ. Но есть случаи, когда такой членъ, несмотря на подчинительный союзъ, сознается не какъ отдѣльное предложеніе, а какъ членъ того же предложенія. Эти случаи нужно отличать отъ предыдущихъ. Возьмемъ сочетаніе: „онъ, какъ братъ, любитъ меня“. Оно можетъ имѣть два смысла: 1) онъ любитъ меня по-братски, какъ любитъ или долженъ любить вообще братъ, и 2) онъ любитъ меня въ качествѣ брата, по долгу брата, потому, что онъ братъ. Въ первомъ случаѣ слово „братъ“ соотносительно со словомъ „любитъ“, какъ подлежащее со сказуемымъ („любитъ, какъ любитъ братъ“) и слѣдовательно есть отдѣльное неполное предложеніе, состоящее изъ одного только подлежащаго и заимствующее для себя сказуемое изъ сосѣдняго предложенія. Во второмъ случаѣ слово „братъ“ изолируется синтаксически отъ сказуемаго и относится мыслью къ слову „онъ“, какъ его поясненіе, соотвѣтственно чему именительный падежъ сознается въ немъ уже не какъ подлежащее, а въ соотношеніи съ именительнымъ падежомъ слова „онъ“, какъ форма согласованія. Другими словами, слово это сбивается при такомъ пониманіи на обособленное приложеніе къ слову „онъ“. То же и при всѣхъ другихъ падежахъ: „помогаю ему, какъ брату“ можетъ означать и братскую помощь, и братнину помощь, „люблю, какъ брата“ — и братскую любовь, и братнину любовь и т. д. Такъ какъ оба пониманія возможны при однихъ и тѣхъ же вещественныхъ значеніяхъ словъ и при одной и той же обстановкѣ рѣчи (потому что мы и про настоящаго брата можемъ утверждать, что онъ любитъ истинно по-братски), то, очевидно, разница тутъ не только вещественная, но и синтаксическая, т.-е. мы имѣемъ здѣсь 2 различныхъ формы сочетанія. Внѣшняя разница выражается, какъ и всегда въ такихъ случаяхъ въ ритмѣ и интонаціи (предоставляемъ читателю самостоятельно убѣдиться въ этомъ), а отчасти и въ порядкѣ словъ, такъ какъ одни способы разстановки располагаютъ больше къ первому пониманію (напр.: „онъ любитъ меня, какъ братъ“), а другіе—ко второму (напр.: „какъ братъ, онъ любитъ меня“). Срвн. также, съ одной стороны: „какъ человѣкъ разумной середины, онъ многаго въ

сей жизни не желалъ...“ (Некр.), „Россія, какъ держава независимая, величественно возвысила главу свою“ (Кармз.), „онъ, по службѣ врагъ Алексѣя Александровича, какъ свѣтскій и умный человѣкъ, постарался быть съ нею, женой своего врага, особенно любезнымъ“ (Л. Толст.) — а съ другой: „но онъ взревѣлъ, какъ мощный левъ долинъ...“ (Брюс.), „онъ чистъ, какъ дѣва, какъ Сократъ!“ (Майк.), „о, я, какъ братъ, обняться съ бурей былъ бы радъ!“ (Лерм.) и т. д. Тѣ же 2 формы сочетанія возможны и при опредѣленіи-прилагательномъ: „онъ можетъ распоряжаться этой книгой, какъ своей“ и: „этой книгой, какъ своей, онъ можетъ распоряжаться“, и даже изрѣдка при несогласующемся членѣ: „тамъ было сыро, какъ въ погребѣ“ и: „какъ въ погребѣ, тамъ было сыро“ (въ смыслѣ: какъ оно и должно было быть въ погребѣ). Такимъ образомъ, мы можемъ различать здѣсь на ряду съ неполными придаточными предложеніями особую категорію обособленныхъ второстепенныхъ членовъ съ подчинительными союзами. Категорія эта различима съ большей или меньшей ясностью, смотря по случаю, при всѣхъ сравнительныхъ и пояснительныхъ союзахъ. Объясняется она постояннымъ стремленіемъ нашимъ переносить слова и группы словъ изъ однихъ сочетаній въ другія, о чемъ говорилось уже въ началѣ книги (см. стр. 85). Въ данномъ случаѣ формальные элементы сложнаго предложенія—подчинительные союзы—переносятся въ простое предложеніе, гдѣ они, понятно, наслаиваются на такіе члены, которые наиболѣе близки къ отдѣльнымъ предложеніямъ—на обособленные члены. Подобнымъ же образомъ тѣ же элементы могутъ переноситься и въ слитное предложеніе („я выбралъ ближайшій, хоть и небольшой, но крѣпкій сукъ...,“ „мы говорили о первомъ, если и не удобномъ, то, по крайней мѣрѣ, возможномъ случаѣ“), гдѣ мы должны опять-таки признать переходную категорію однородныхъ членовъ съ подчинительными союзами. Наконецъ, между слитными и неслитными предложеніями тоже существуетъ переходная форма въ видѣ предложеній съ союзомъ „или“ типа: „грамматика, или наука о формахъ языковой мысли, учитъ насъ...“. Хотя мы и не можемъ принять положенія школьной грамматики, что „или“ здѣсь равняется „то-есть“ (ибо основное значеніе выбора, свойственное союзу „или“, остается и здѣсь, съ той только разницей, что выборъ дѣлается между словесными представленіями, а не между реальными), однако и слитнымъ предложеніемъ такое предложеніе тоже счесть нельзя, такъ какъ члены, соединенные союзомъ, здѣсь не равноправны, а подчинены одинъ другому (съ помощью пояснительной интонаціи, см. стр. 259). Очевидно и здѣсь мы имѣемъ „обособленный членъ съ союзомъ“, только уже не подчинительнымъ, а сочинительнымъ.

Подчинительные союзы въ слитныхъ предложеніяхъ.

„Или“ съ подчинительной интонаціей.

Школьное толкованіе союза „или“, какъ пояснительнаго, наводитъ насъ на общій вопросъ о разныхъ значеніяхъ од-

Разныя значенія одного и того же союза.

ного и того же союза. Въ предыдущей классификаціи нѣкоторые союзы попали одновременно въ нѣсколько рубрикъ (срвн. „что" изъяснительное и „что" сравнительное, „какъ" причинное, „какъ" временно́е и „какъ" сравнительное, и т. д.). Значитъ ли это, что это совершенно разные союзы, только внѣшне совпадающіе (какъ совпадаютъ „коньки" для катанія съ „конь-ками" - лошадками, „бабка" - бабушка съ „бабкой" - костью и т. д.)? Намъ думается, что такой рѣзкой разницы здѣсь быть не можетъ, потому что между отдѣльными значеніями всякаго союза всегда существуетъ безчисленное количество переходовъ, показывающихъ, что это именно разныя значенія одного и того же слова. Возьмемъ, напр., такія рѣзко различныя значенія, какъ сравнительное и временно́е въ союзѣ „какъ" („онъ работаетъ, какъ волъ" и „не успѣлъ я оглянуться, какъ онъ убѣжалъ"). Существуютъ сочетанія, гдѣ оба эти значенія сливаются. Таковы, напр., полу-восклицательныя предложенія типа: „вдругъ, какъ схватитъ онъ меня, да какъ швырнетъ—свѣту Божьяго не взвидѣлъ!" Здѣсь союзъ (или союзное слово, смотря по тому, имѣется на немъ самостоятельное удареніе, или нѣтъ) выражаетъ одновременно и характеръ дѣйствія, и временно́е отношеніе его къ другому дѣйствію. Съ другой стороны, сравнивая: „онъ не успѣлъ вынести вещи, когда начался пожаръ" и: „онъ не успѣлъ вынести вещи, какъ начался пожаръ", видимъ огромную разницу между обоими союзами, на которой мы не можемъ здѣсь останавливаться, но которая при разъясненіи свелась бы, въ конечномъ счетѣ, къ тому, что „когда" по происхожденію и исконному значенію есть временно́е союзное слово, а „какъ"—сравнительное или образное. Все это показываетъ, что на различія въ значеніяхъ здѣсь слѣдуетъ смотрѣть, какъ на различія въ значеніяхъ одного и того же падежа, вообще одной и той же формы. Каждый союзъ, какъ и каждый предлогъ, какъ и каждое частичное слово вообще, есть извѣстная формальная (съ синтаксической точки зрѣнія) единица, объединяющая въ своихъ звукахъ ту или иную группу значеній. Соотвѣтственно, и разсмотрѣніе союзовъ научнѣе было бы вести не по категоріямъ, какъ это сдѣлано выше, а по отдѣльнымъ союзамъ, при чемъ каждый союзъ изучался бы во всѣхъ своихъ многочисленныхъ, нечувствительно переходящихъ другъ въ друга оттѣнкахъ значенія. Но, понятно, для популярно-краткаго очерка такое изложеніе было бы непригодно.

Относительное подчиненіе.

2. Подчиненіе, посредствомъ союзныхъ словъ (относительное).

Мы уже знаемъ, что въ языкѣ существуютъ особыя вопросительныя предложенія, характеризующіяся спеціальной вопросительной интонаціей. Эта интонація, подробно опи-

санная на стр. 301, встрѣчается въ тѣхъ же предложеніяхъ и въ измѣненномъ видѣ, съ чертами обыкновенной, не вопросительной, и притомъ подчинительной интонаціи. Такъ, вслушиваясь въ сочетаніе:

Что именно находилось въ кучѣ—рѣшить было трудно. (Гог.)

мы замѣчаемъ, что интонація вопросительнаго предложенія сильно измѣнена. Настоящая вопросительная интонація свелась бы здѣсь къ рѣзкому пониженію съ самаго начала фразы, такъ какъ психол. сказуемое вопроса стоитъ какъ разъ въ самомъ началѣ („что именно"), такъ что мы имѣли бы:

Что именно находилось въ кучѣ?

или, по крайней мѣрѣ:

Что именно находилось въ кучѣ?

Въ разсматриваемомъ же сочетаніи интонація того же предложенія, въ общемъ такъ же характерно высокая, держится на одномъ и томъ же уровнѣ до самаго конца:

Что именно находилось въ кучѣ — рѣшить было трудно

или даже слегка повышается послѣ слова „что":

Что именно находилось въ кучѣ — рѣшить было трудно

Точно такъ же въ сочетаніи:

Да разспроси хорошенько, что за пріѣзжій, каковъ онъ, слышишь? (Гог.).

пониженія въ выдѣленныхъ вопросительныхъ предложеніяхъ хотя и происходятъ, какъ всегда, но они менѣе рѣзки, чѣмъ обычно, потому что первоначальная высота не такъ велика: она въ точности соотвѣтствуетъ высотѣ предыдущаго, не вопросительнаго предложенія. Нетрудно видѣть, что всѣ эти перемѣны вызваны синтаксической обстановкой,

именно сосѣдними предложеніями. Все дѣло въ томъ, что вопросы эти мы задаемъ здѣсь не сами по себѣ, а въ связи съ сосѣдними предложеніями. Такъ, говоря: „что именно находилось въ кучѣ“, мы уже съ перваго слова знаемъ, что дальше будетъ: „рѣшить было трудно“, т.-е. что вопроса не стоитъ и задавать; говоря: „что за пріѣзжій, каковъ онъ“, мы знаемъ, что это не вопросы Анны Андреевны Авдотьѣ и даже не вопросы, которые ей поручается задавать, въ ихъ буквальной формѣ, а только содержаніе того порученія, которое ей дается словами: „да разспроси хорошенько“. Такимъ образомъ, вопросительный смыслъ здѣсь отступаетъ на второй планъ передъ той зависимостью, въ которой оказывается вопросительное предложеніе отъ сосѣдняго, не вопросительнаго. Вотъ эта-то зависимость, эта потеря самостоятельной силы вопроса, это отнесеніе сущности вопроса къ чему-то другому и выражается тѣмъ, что вопросительная интонація какъ бы поддѣлывается подъ подчинительную, комбинируется въ той или иной мѣрѣ съ подчинительной, и въ то же время приводится въ согласіе съ интонаціей подчиняющаго предложенія. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характеренъ второй примѣръ, въ концѣ котораго имѣется и настоящій, самостоятельный вопросъ: „слышишь?“ Если произносить всѣ 3 вопроса не спѣша, съ паузами (чтобы дать время голосу мѣнять интонаціи) и достаточно выразительно, то третій вопросъ непремѣнно выдѣлится своей высотой, а первые 2 будутъ оба низки и совершенно однотонны, какъ между собой, такъ и съ предыдущимъ, подчиняющимъ ихъ, предложеніемъ. Въ этомъ и скажется разница между зависимыми вопросами и независимыми. Такъ какъ вопросительные члены теряютъ здѣсь въ большей или меньшей степени свое вопросительное значеніе вслѣдствіе того, что вопросъ относится къ другому предложенію, то всѣ они, въ такой ихъ функціи, издавна назывались относительными. Поэтому и самое подчиненіе такихъ предложеній принято называть относительнымъ. При этомъ степень этой „относительности“, поразительно точно выражаемая степенью измѣненія вопросительной интонаціи, можетъ быть, даже въ одномъ и томъ же сочетаніи, самая разнообразная. Переходовъ здѣсь столько же, сколько точекъ на линіи. На одномъ концѣ этой линіи стоитъ чисто-вопросительная интонація, а на другомъ — чисто-подчинительная. Примѣрами послѣдняго рода могутъ служить такія интонаціи, какъ:

Смерть люблю узнать, что есть новаго на свѣтѣ (Гог.)

или:

Не знаю для кого, но васъ я воскресилъ (Гриб.)

Но особенно сильной степени достигаетъ эта „относительность" въ тѣхъ случаяхъ, когда относительный членъ, помимо тѣхъ связей, которыя онъ имѣетъ въ своемъ собственномъ предложеніи, вступаетъ еще въ особую связь (грамматическую или логическую) съ однимъ какимъ-нибудь членомъ подчиняющаго предложенія, напр.:

И такимъ образомъ Коля прочелъ кое-что, чего бы ему нельзя еще было давать въ его возрастѣ. (Дост.)

Это, просто, были крестьянскіе ребятишки изъ сосѣдней деревни, которые стерегли табунъ. (Тург.)

Теперь то время мнѣ
Является всегда какимъ-то утромъ длиннымъ,
Особымъ уголкомъ въ безвѣстной сторонѣ,
Гдѣ вѣчная заря надъ головой струится,
Гдѣ въ полѣ по росѣ мой слѣдъ еще хранится...
(Майк.)

Гдѣ былъ, тамъ нѣту. За чѣмъ пойдешь, то и найдешь. Какъ аукнется, такъ и откликнется.

Во всѣхъ этихъ сочетаніяхъ между подчиненнымъ и подчиняющимъ предложеніемъ имѣется двойная связь: 1) связь всего подчиненнаго предложенія со всѣмъ подчиняющимъ, какъ въ нашихъ первыхъ примѣрахъ, и 2) связь относительнаго члена подчиненнаго предложенія съ какимъ-нибудь однимъ членомъ подчиняющаго. Соотвѣтственно съ этимъ укрѣпленіемъ связи и интонація становится уже рѣзко и безусловно подчинительной, такъ что вопросительныхъ элементовъ въ ней уже ни при какихъ условіяхъ быть не можетъ. Поэтому мы и назовемъ подчиненіе этого рода собственно-относительнымъ подчиненіемъ, а подчиненіе перваго рода, сохраняющее связь съ вопросительностью, вопросительно-относительнымъ, или (болѣе употребительный терминъ) косвенно-вопросительнымъ. Итакъ:

Опредѣленія.

Относительнымъ подчиненіемъ предложеній называется такое подчиненіе ихъ, при которомъ предложенія, имѣющія въ своемъ составѣ вопросительные члены, теряютъ, въ связи

съ извѣстными измѣненіями ритма и интонаціи, въ большей или меньшей степени свое вопросительное значеніе и подчиняются въ той же степени другому предложенію.

Косвенно-вопросительнымъ подчиненіемъ называется такое относительное подчиненіе, при которомъ вопросительное значеніе подчиненнаго предложенія въ большей или меньшей степени сохраняется.

Собственно-относительнымъ подчиненіемъ называется такое относительное подчиненіе, при которомъ вопросительное значеніе подчиненнаго предложенія совершенно утрачивается.

Относительныя слова, какъ союзы.

Нѣкоторыя относительныя слова способны итти еще далѣе по пути подчиненія и превращаться въ простые союзы („что", „чѣмъ", „какъ", „когда"). Отличительнымъ признакомъ ихъ въ этомъ случаѣ является уже полная безударность, напр.: „я знаю, что онъ читалъ это" (сравн. съ союзнымъ словомъ: „знаю, что онъ читалъ"), „онъ поетъ лучше, чѣмъ играетъ" (сравн.: „чѣмъ ушибся, тѣмъ и лѣчись"), „онъ работаетъ, какъ волъ" (срвн.: „какъ аукнется, такъ и откликнется"). Только одно „когда", вслѣдствіе своей двухсложности, не всегда въ этихъ случаяхъ безударно, но и въ немъ есть все-таки нѣкоторая ритмическая разница между союзомъ и союзнымъ словомъ (срвн. сильное удареніе на косвенно-вопросительномъ „когда": „...надъ каждой кроватью надписать... всякую болѣзнь: когда кто заболѣлъ, котораго дня и числа...", среднее на собственно-относительномъ: „впрочемъ, чаще бывали такіе понедѣльники, когда Илюша не слышитъ голоса Васьки..." и ниже средняго на союзѣ: „когда въ дѣлахъ, — я отъ веселій прячусь; когда дурачиться, — дурачусь...").

Относительное сочиненіе.

Иногда потеря вопросительности происходитъ въ двухъ или нѣсколькихъ сосѣднихъ вопросительныхъ предложеніяхъ вслѣдствіе взаимнаго отнесенія ихъ другъ къ другу, напр.:

> Гдѣ на батареѣ сидитъ куча матросовъ; гдѣ посреди площади... лежитъ разбитая пушка; гдѣ пѣхотный солдатикъ, съ ружьемъ переходящій черезъ батареи... (Л. Толст.)

> Кто киверъ чистилъ весь избитый,
> Кто штыкъ, точилъ, ворча сердито... (Лерм.)

> Всѣ они спали въ картинныхъ положеніяхъ: кто подмостивъ себѣ подъ голову куль, кто шапку, кто употребивши, просто, бокъ своего товарища. (Гог.)

Въ этихъ случаяхъ мы въ правѣ говорить объ относительномъ сочиненіи.

Разсмотримъ теперь тотъ и другой видъ относительнаго подчиненія порознь:

Косвенно-вопросительное подчиненіе.

а) Косвенно-вопросительное подчиненіе. Такъ какъ относительныя слова здѣсь, въ сущности, не являются связующими элементами, а связываютъ только интонація и ритмъ, то разсмотрѣніе этого рода случаевъ свелось бы къ детальному анализу интонаціи и ритма, что мы считаемъ слишкомъ спеціальнымъ. Поэтому къ сказанному на стр. 423 добавимъ только, что такимъ же точно способомъ подчиняются и тѣ вопросительныя предложенія, въ которыхъ вопросъ выраженъ вопросительной частицей „ли“: „не знаю, придетъ ли онъ“, „интересно, знаетъ ли онъ“ и т. д.

Собственно-относительное подчиненіе.

b) Собственно-относительное подчиненіе. Относительныя слова здѣсь являются уже союзными словами въ полномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ относятся и къ подчиненному, и къ подчиняющему предложенію, чѣмъ и спаиваютъ то и другое. Слова эти мы можемъ разбить на 2 разряда:

Имена.

α) Относительныя имена: **кто, что, какой** (также устарѣвшія каковой и кой), **который, чей.**

Кто:

Въ комъ есть и совѣсть, и законъ,
Тотъ не украдетъ, не обманетъ... (Крыл.)

„Гусакъ“ же, какъ извѣстно всѣмъ, кто сколько-нибудь свѣдущъ въ наукахъ, не можетъ быть записанъ въ метрической книгѣ... (Гог.)

„... Но кто не лжетъ,
Ступай по немъ, пожалуй, хоть въ каретѣ“. (Крыл.)

Соотносительное слово подчиняющаго предложенія („тотъ“, „всякій“, „кто-нибудь“, „всѣ“, „многіе“ и т. д.) можетъ и опускаться, какъ показываетъ послѣдній примѣръ.

Что:

И вотъ, что грезилось, все было... (Брюс.)

Невѣжи судятъ точно такъ:
Въ чемъ толку не поймутъ, то все у нихъ пустякъ... (Крыл.)

Чѣмъ истины выше, тѣмъ нужно быть осторожнѣе съ ними. (Гог.)

... И жемчугу того лишь дожидался,
Что выброситъ къ нему волной... (Крыл.)

То мечты, что встрѣтятся
Съ тѣми, кѣмъ отмѣтятся... (Бальм.)

„Да разметать наскоро старый заборъ, что возлѣ сапожника.“ (Гог.)

Ты, что камень на падшаго брата
Поднимаешь, сойди съ высоты! (Никит.)

Главное, эти пятнадцатилѣтніе... даже не хотѣли считать его товарищемъ, какъ „маленькаго“, что было уже нестерпимо обидно. (Дост.)

„Нечего дѣлать, прочитайте, Тарасъ Тихоновичъ",—сказалъ судья... съ видомъ неудовольствія, при чемъ носъ его невольно понюхалъ верхнюю губу, что обыкновенно онъ дѣлалъ прежде только отъ большого удовольствія. (Гог.)

Какъ видно изъ примѣровъ, употребленіе этого союзнаго слова троякое: 1) Оно можетъ относиться къ прилагательному средняго рода подчиняющаго предложенія („то", „все", „иное", „многое" и т. д.), стоящему налицо или опущенному (первые 3 примѣра), 2) оно можетъ относиться къ любому имени подчиняющаго предложенія, какъ бы замѣняя слово „который", и въ этомъ случаѣ употребленіе его ограничивается именительно-винительнымъ падежомъ (слѣдующіе 4 примѣра), и 3) оно можетъ относиться ко всему подчиняющему предложенію, какъ цѣлому (послѣдніе 2 примѣра). Подчиненіе при этомъ все же будетъ собственно-относительное, а не косвенно-вопросительное, такъ какъ относительный членъ и тутъ вступаетъ въ двоякую связь, и съ подчиненнымъ, и съ подчиняющимъ предложеніемъ. Нѣсколько измѣненное значеніе съ временны́мъ оттѣнкомъ и въ то же время съ нѣкоторой потерей самостоятельности, приближающей его къ союзу, имѣетъ это слово въ такихъ сочетаніяхъ, какъ:

Что мигъ—свободнѣй дышитъ грудь!
Что шагъ—торжественнѣе путь... (Майк.)
Что вилы въ бокъ—то сѣна клокъ... (Полеж.)

А переходъ къ сравнительному союзу (см. стр. 416) составляютъ такіе случаи, какъ:

Въ самомъ домѣ все немножко на бокъ, немножко расшаталось—а ничего! Стоитъ крѣпко и держитъ тепло: печи, что твои слоны... (Тург.)
А только кинь имъ кость, такъ что твои собаки! (Крыл.)

Какой:

„Мы сами вотъ теперь подходимъ къ чуду,
Какого ты нигдѣ, конечно, не встрѣчалъ"... (Крыл.)

... рукава и верхнія полы... походили на юфть, какая идетъ на сапоги... (Гог.)

Который:

Это, просто, были крестьянскіе ребятишки изъ сосѣдней деревни, которые стерегли табунъ. (Тург.)

... возлѣ рѣки, которая въ этомъ мѣстѣ стояла неподвижнымъ, темнымъ зеркаломъ, ...горѣли и дымились другъ подлѣ дружки два огонька. (Тург.)

При словахъ „какой“ и „который“ относительное подчиненіе достигаетъ наибольшей прочности, потому что прилагательныя эти связаны съ соотвѣтствующимъ членомъ подчиняющаго предложенія не только логически, но и грамматически, именно при помощи формъ согласованія въ числѣ и родѣ („къ чуду — какого...“, „ребятишки — которые“, „рѣки — которая“); и если называть все выраженное формами отдѣльныхъ словъ „грамматическимъ“, а выраженное однѣми формами сочетаній — „неграмматическимъ“, то мы можемъ говорить здѣсь о „грамматическомъ относительномъ подчиненіи“ и противополагать ему всѣ остальные случаи, какъ „неграмматическіе“. Въ подчиненномъ предложеніи оба прилагательныя являются, конечно, замѣстителями тѣхъ существительныхъ подчиняющаго предложенія, къ которымъ относятся, и потому приравниваются къ существительнымъ, т.-е. служатъ подлежащими или дополненіями. Такъ же употреблялось устарѣвшее уже теперь кой (сохраняется въ разговорномъ: „на кой чортъ“), напр.:

Грамматическое относительное подчиненіе.

Всегдашнія занятія Троекурова состояли въ разъѣздахъ..., въ продолжительныхъ пирахъ и въ проказахъ, ... жертвою коихъ бывалъ обыкновенно какой-нибудь новый знакомецъ... (Пушк.)

На свѣтѣ много мы такихъ людей найдемъ,
Которымъ все, кромѣ себя, постыло,
И кои думаютъ: лишь мнѣ бы ладно было... (Крыл.)

Чей:

О ты, чьей памятью кровавой
Міръ долго, долго будетъ полнъ... (Пушк.)
„Я тотъ, чей взоръ надежду губитъ...“ (Лерм.)

Прилагательное это, въ отличіе отъ „какой“ и „который“ связано съ соотвѣтствующимъ членомъ подчиняющаго предложенія только логически, потому что грамматическое его опредѣляемое находится тутъ же, въ подчиненномъ предложеніи („чьей памятью“, „чей взоръ“), гдѣ само „чей“ является поэтому обычнымъ опредѣленіемъ. Такъ же употреблялось и „каковой“, сохранившееся теперь только въ юридическомъ языкѣ, напр.:

... Безъ какового соглашенія оная свинья никоимъ бы образомъ не могла быть допущенною къ утащенію бумаги... (Гог.)

5) Относительныя неграмм. нарѣчія: **гдѣ, куда, откуда, когда, зачѣмъ, почему, отчего, какъ, сколько, насколько, поскольку** и т. д. Такъ какъ значеніе и употребленіе всѣхъ этихъ

Нарѣчія.

словъ и въ вопросительныхъ, и въ относительныхъ предложеніяхъ въ общемъ одинаковое, то мы не будемъ ихъ здѣсь подробно разсматривать и ограничимся только нѣсколькими примѣрами:

Иль въ городѣ, г д ѣ стѣны давятъ,
Въ часы безумныхъ баррикадъ...
Я слиться съ жизнью буду радъ? (Брюс.)

„У васъ тамъ въ передней, к у д а обыкновенно являются просители, сторожа завели домашнихъ гусей...“ (Гог.)

Чтобъ въ день, к о г д а мы сбросимъ цѣпи
Съ покорныхъ рукъ, съ усталыхъ ногъ,
Мечтамъ открылись бы всѣ степи... (Брюс.)

... правда была въ томъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ лишился чувствъ, к а к ъ и признался потомъ самъ... (Дост.)

С к о л ь к о онъ помнилъ себя, всегда его ухо ласкалъ шумъ моря... (Гаринъ)

Нѣкоторыя изъ этихъ нарѣчій тоже могутъ относиться не къ отдѣльному члену подчиняющаго предложенія, а ко всему предложенію, какъ цѣлому. Таковы всѣ сложныя съ „что“ („его не было дома, п о ч е м у я и оставилъ записку“, „ему надо было устроить кое-что въ городѣ, з а ч ѣ м ъ онъ и выѣхалъ туда спѣшно“), а также „какъ“ и „когда“. Послѣдніе сливаются при этомъ, конечно, съ соотвѣтствующими союзами.

Происхожденіе разныхъ видовъ относительности.

Приведенная здѣсь классификація относительнаго подчиненія соотвѣтствуетъ и с т о р и ч е с к о й сторонѣ дѣла, такъ какъ собственно-относительное подчиненіе возникло изъ косвенно-вопросительнаго (путемъ ослабленія вопроса и увеличенія „относительности“), а грамматическое собственно-относительное изъ неграмматическаго. Послѣднее произошло вслѣдствіе того, что существительное, опредѣляемое словами „какой“ и „который“, перебралось въ подчиняющее предложеніе, такъ что вмѣсто: „который человѣкъ тутъ жилъ, онъ выѣхалъ“, стали говорить: „человѣкъ, который тутъ жилъ, выѣхалъ“ (сравн. народныя выраженія этого рода, а также конструкцію словъ „чей“ и „каковой“).

Параллелизмъ придаточныхъ предложеній и членовъ предложенія.

Въ школьныхъ грамматикахъ подчиненіе въ сложномъ предложеніи излагается всегда въ формѣ к л а с с и ф и к а ц і и п р и д а т о ч н ы х ъ п р е д л о ж е н і й, при чемъ эта классификація проводится не по союзамъ и союзнымъ словамъ (что свелось бы къ классификаціи самихъ союзовъ и союзныхъ словъ, какъ у насъ), а по тому, к а к о й ч л е н ъ г л а в н а г о п р е д л о ж е н і я с т о я л ъ б ы н а м ѣ с т ѣ п р и д а т о ч н а г о, если бы все придаточное удалось замѣнить однимъ словомъ. Такое сравненіе придаточныхъ предложеній съ членами отдѣльнаго предложенія встрѣчается еще иногда и въ научныхъ трудахъ (см. напр. Wondrak, Vergleichende Slavische Grammatik, B. III)

и тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что оно есть только наслѣдіе недобраго стараго времени, когда надъ синтаксисомъ тяготѣла десница логики. Въ самомъ дѣлѣ, существуетъ ли грамматическій параллелизмъ придаточныхъ предложеній и членовъ отдѣльнаго предложенія? Несомнѣнно да, но только въ 2-хъ пунктахъ: 1) въ видѣ параллелизма группировки отдѣльныхъ членовъ внутри предложенія и отдѣльныхъ предложеній внутри сложнаго предложенія, параллелизма, лишь слегка намѣченнаго, по условіямъ мѣста, предыдущимъ изложеніемъ (сравн. соподчиненіе и включеніе и тамъ, и тутъ, безсоюзіе въ слитномъ и въ сложномъ предложеніи, соединеніе сочинительными союзами однородныхъ членовъ и однородныхъ по союзу придаточныхъ предложеній и т. д.); 2) въ видѣ способности глагола подчиняющаго предложенія относить свои формы согласованія и свое управленіе къ содержанію подчиненнаго предложенія, что создаетъ особыя категоріи неполныхъ предложеній (см. стрр. 338 и 340-341). Никакого другого параллелизма между членами предложенія и отдѣльными предложеніями въ языкѣ нѣтъ. Если на основаніи нашего 2-го пункта и можно было бы говорить о „придаточныхъ-подлежащихъ“ и „придаточныхъ-дополненіяхъ“ или „дополнительныхъ“ (что, впрочемъ, тоже не всегда возможно, такъ какъ часто цѣлая группа предложеній замѣняетъ своимъ содержаніемъ подлежащее или дополненіе для даннаго неполнаго предложенія, срвн. примѣры на стр. 338), то о придаточныхъ „опредѣлительныхъ“ и „обстоятельственныхъ“ уже никакъ нельзя говорить въ этомъ смыслѣ, потому что отсутствіе опредѣленія или обстоятельства не дѣлаетъ предложенія грамматически-неполнымъ. Съ другой стороны, значенія подчинительныхъ союзовъ и союзныхъ словъ, взятыхъ въ общемъ и въ цѣломъ, такъ расходятся со значеніями формъ второстепенныхъ членовъ, что ни къ какому параллелизму тѣхъ и другихъ, хотя бы только въ интересахъ систематизаціи, притти невозможно. Правда, нѣкоторые союзы и нѣкоторыя значенія падежей и предлоговъ соотвѣтствуютъ другъ другу (срвн. временны́е союзы и временны́я значенія въ родительномъ, творительномъ и предложномъ, сравнительные союзы и творительный уподобленія, союзы цѣли и дательный падежъ или предлогъ „для“, союзы причинные и предлоги „изъ-за“, „по“). Но какимъ союзамъ соотвѣтствуютъ основныя значенія винительнаго, родительнаго и творительнаго падежей? Или какимъ падежамъ соотвѣтствуютъ изъяснительные, пояснительные, слѣдственные, условные, уступительные союзы? Ясно, что, какъ внѣшне сочетаніе словъ и сочетаніе предложеній осуществляются совершенно различными средствами (первое преимущественно формами словъ, а второе частичными словами), такъ и внутренне это двѣ совершенно различныя области, приводимыя къ совпаденію только все тѣмъ же универсальнымъ методомъ вопросовъ, который, какъ мы уже знаемъ, приравниваетъ что-угодно къ чему-угодно.

Подчиненіе послѣ раздѣл. паузы.

В. Подчиненіе послѣ раздѣлительной паузы.

Здѣсь также можно различать 2 случая:

При тѣхъ же союзахъ.

1) Сюда относятся тѣ случаи, когда предложенія съ разсмотрѣнными уже подчинительными союзами отдѣлены отъ подчиняющихъ предложеній раздѣлительной паузой, что, хотя и рѣже, чѣмъ при сочиненіи, но все же бываетъ:

> Итакъ, представленіе наше о свободѣ и необходимости постепенно уменьшается и увеличивается, смотря по большей или меньшей связи съ внѣшнимъ міромъ, по большему или меньшему отдаленію времени и большей или меньшей зависимости отъ причинъ, въ которыхъ мы разсматриваемъ явленіе жизни человѣка.
>
> Такъ что, если мы разсматриваемъ такое положеніе человѣка, въ которомъ связь съ внѣшнимъ міромъ наиболѣе извѣстна, періодъ времени сужденія отъ времени совершенія поступка наибольшій и причины поступка наидоступнѣйшія, то мы получаемъ представленіе о наибольшей необходимости и наименьшей свободѣ. (Л. Толст.)
>
> ...словомъ, всѣ деньги совершенно должны были разойтись, и если бы даже директоръ былъ такъ милостивъ, что вмѣсто сорока рублей наградныхъ опредѣлилъ бы сорокъ пять или пятьдесятъ, то все-таки останется какой-нибудь самый вздоръ, который въ шинельномъ капиталѣ будетъ капля въ морѣ. Хотя, конечно, онъ зналъ, что за Петровичемъ водилась блажь заломить вдругъ чортъ знаетъ непомѣрную цѣну... (Гог.)
>
> Левъ бѣдный въ горѣ толь великомъ,
> Сжавъ сердце, терпитъ все и ждетъ кончины злой,
> Лишь изъявляя ропотъ свой
> Глухимъ и томнымъ рыкомъ.
> Какъ видитъ, что оселъ туда жъ, натужа грудь,
> Сбирается его лягнуть... (Крыл.)

Какъ видно изъ примѣровъ, раздѣлительная пауза обусловлена въ такихъ случаяхъ слишкомъ большой распространенностью обѣихъ частей, подчиняющей и подчиненной.

Другого рода раздѣлительныя паузы передъ подчинительными союзами встрѣчаются въ живой рѣчи. Тутъ онѣ на каждомъ шагу, даже при самыхъ краткихъ предложеніяхъ („Зачѣмъ ты здѣсь?“ | „Чтобы получить жалованье.“ | „Сегодня ты ничего не получишь!.. | Потому что у меня нѣту, понимаешь, нѣту!.. | Такъ что можешь уходить! | Хотя, впрочемъ, постой!..“ и т. д.) но, конечно, это не столько синтаксическія паузы, сколько психологическія. Здѣсь мы въ правѣ говорить о неполномъ сложномъ предложеніи, т.-е, о придаточномъ, которому не хватаетъ главнаго или, что рѣже, о главномъ, которому не хватаетъ придаточнаго. Сюда же мы относимъ и литературные случаи въ родѣ слѣдующаго:

А добродѣтельный человѣкъ все-таки не взятъ въ герои. И можно даже сказать, почему не взятъ. Потому что пора, наконецъ, дать отдыхъ бѣдному добродѣтельному человѣку; потому что праздно вращается на устахъ слово: „добродѣтельный человѣкъ"; потому что обратили въ лошадь добродѣтельнаго человѣка и нѣтъ писателя, который бы не ѣздилъ на немъ..." (Гог.)

Здѣсь мы имѣемъ типичное неполное сложное предложеніе. Представленіе о главномъ предложеніи („добродѣтельный человѣкъ не взятъ въ герои") настолько уже возбуждено въ умѣ читателя, что повторять его незачѣмъ. И оно опускается, какъ опускается отдѣльный членъ предложенія, извѣстный изъ предыдущаго. Далѣе, такъ какъ на слова „чтобы" и „если бы" мы смотримъ, какъ на вполнѣ сложившіеся подчинительные союзы, а не какъ на особыя составныя формы сослагательнаго наклоненія (срвн. у Д. Н. Овсянико-Куликовскаго, „Синт." стр. 122), то сюда же мы относимъ и всѣ повелительныя и восклицательныя предложенія съ союзомъ „чтобы" („чтобъ ты у меня не смѣлъ туда ходить!", „чтобы такъ изолгался человѣкъ!", „чтобъ у меня руки и ноги отсохли, если это не такъ!", срвн. также соотвѣтственныя ругательства) и восклицательныя предложенія съ союзомъ „если бы" („ахъ, если бы мнѣ выиграть двѣсти тысячъ!"). Въ обоихъ случаяхъ главное предложеніе дается обстановкой рѣчи, но конечно, только по своему психическому содержанію, оставаясь настолько же внѣ языкового выраженія своего, какъ и отдѣльные члены, когда они даются обстановкой рѣчи. Наконецъ, сюда же нужно отнести и вступительныя предложенія съ союзомъ „какъ" („какъ нынѣ сбирается вѣщій Олегъ...", „какъ пойду я по бульвару, посмотрю на эту пару..." Брюс.), представляющія данныя событія какъ бы въ связи съ предшествующими переживаніями.

При другихъ союзахъ

2) Сюда относятся нѣкоторые союзы и очень многія союзныя слова, имѣющія подчинительное значеніе, но употребляющіеся только (или преимущественно) послѣ раздѣлительной паузы.

а) Союзы: **ибо, такъ**.

Ибо:

Вотъ если вы не согласитесь съ этимъ послѣднимъ тезисомъ..., то я, пожалуй, и ободрюсь духомъ насчетъ значенія героя моего Алексѣя Ѳедоровича. Ибо не только чудакъ „не всегда" частность и обособленіе, а, напротивъ, бываетъ такъ... (Дост.)

Дамамъ онъ не понравится, это можно сказать рѣшительно, ибо дамы требуютъ, чтобъ герой былъ рѣшительное совершенство... (Гог.)

Такъ:

„Вотъ глупая баба! Такъ она и ружье туда же повѣсила?" (Гог.)

„Такъ не хотите, Иванъ Никифоровичъ, мѣнять ружьеца?" (Гог.)
Такъ высылайте жъ намъ, витіи, своихъ озлобленныхъ сыновъ! (Пушк.)

и союзныхъ словахъ.

б) Союзныя слова. Сюда относятся такія обстоятельства, какъ: **потому, поэтому, оттого, вслѣдствіе того, затѣмъ, для того, несмотря на то, такъ, тогда, послѣ того, затѣмъ** и т. д., и такія вводныя слова и сочетанія, какъ: **итакъ, значитъ, слѣдовательно, словомъ, однимъ словомъ** и т. д.

Но какъ ни прискорбно то и другое, а все однакожъ нужно возвратиться къ герою. Итакъ, отдавши нужныя приказанія еще съ вечера... (Гог.)

„Поэтому я лгу!
Негодный! слыхана ль такая дерзость въ свѣтѣ!" (Крыл.)

Подобно тому и поступокъ Аделаиды Ивановны Міусовой былъ безъ сомнѣнія отголоскомъ чужихъ вѣяній... (Дост.)

Всѣ эти союзныя слова мы отнесли къ подчинительнымъ потому, что они выражаютъ тѣ же отношенія, что и подчинительные союзы (слѣдствіе, причину, цѣль и т. д.). Но надо указать, что отношеніе подчиненнаго и подчиняющаго предложеній здѣсь обратное: то предложеніе, въ которомъ союзное слово, подчиняетъ, а не подчиняется, потому что слова эти въ сложныхъ предложеніяхъ стоятъ въ главномъ предложеніи, а не въ придаточномъ (срвн. „потому", „оттого", „затѣмъ", „послѣ того" въ раздвоенныхъ сочетаніяхъ: „потому, что", „затѣмъ, чтобы", „послѣ того, какъ" и т. д.). Впрочемъ, союзная сила всѣхъ этихъ словъ еще такъ мала, что на такія предложенія можно смотрѣть и какъ на изолированныя, признавая связь ихъ съ предыдущими только логической, а не синтаксической.

Алфавитный указатель.

А.

Агглютинирующіе языки 81—82.
Аналитическіе языки 77—78.
Ассоціаціи прочныя 100.
Ассоціаціи языковыя 100—106.
Ассоціація представленій **98—99**, 106, 107.
Ассоціація представленій по смежности 100.
Ассоціація представленій по сходству 100.

Б.

Безглагольныя предложенія **232—245**, 338, 340, 341—346.
Безличная связка 316,324.
Безличные глаголы **303—304**, 308—309.
Безличный глаголъ съ инфинитивомъ 325—327.
Безличныя предложенія 303—329.
Безличныя предложенія отрицательныя 327—328.
Безличныя предложенія съ именительн. колич. 329.
Безличныя предложенія съ количественн. нар. 328—329.
Безличныя сказуемостныя сочетанія 316—323
Безличныя сказ. сочет. причастныя 324 325.
Безсоюзіе въ слитномъ предложеніи 290—291.
Безсоюзіе въ сложномъ предложеніи 387—388, 394—395.
Безформенныя слова **3**, 23, 33, 73, 357—361.
Будущее время 76, 121—122.

В.

Вводныя слова и сочетанія 354—356.
Вводныя частичныя слова 355—356.
Вводныя предложенія 355.
Вносныя предложенія 361.
Вещественная связка 212.
„ часть слова 3.
Вещественное значеніе слова 2.
Вещественныя сказуемостныя сочетанія **210—213**, 268—269.
Видъ 10, 31, 33, 34, 76.
Винительный падежъ 45, 86, **147**, 153, **159—160, 161—163**.
Включеніе второстепенн. членовъ 187.
„ предложеній 396—397.
Возвратно-страдательный залогъ **119** 120 (вын.), 208, 313.
Возвратный залогъ 40 (вын.), 76, **161**.
Воззваніе—см. обращеніе.
Вопросительная интонація 301.
Вопросительно-относительное подчиненіе предложеній 425.
Вопросительные члены 300.
Вопросительныя предложенія 300—301.
„ частичныя слова **300**, 351.
Восклицательные члены 301.
Восклицательныя предложенія 301—302.

Воспріятіе 97.
Временные союзы 416—419.
Время дѣепричастія 34.
Время глагола 31, 33, 53—54, **121—122**, 127 129.
Время причастія 34, 62—63.
Второстепенное сказуемое **183—186**, 252, 325, 346.

Г.

Главное предложеніе 398.
Глаголъ 33, **38—45**, 51—53.
Глаголы безличные—см. безличн. глаг.
Глаголы личные 304.
Глаголы непереходные **157**, 161.
Глаголы непосредственно-переходные 158.
Глаголы непроизводные 154.
Глаголы переходные 157—158.
Глаголы посредственно-переходные 158—161.
Глаголы производные 154.
Глаголы собственно-переходные 159—160.
Глагольныя слова 36.
„ предложенія 213—214.
Глаголы-связки **195—196**, 199—200, 213—214, 246—249, 349.
Грамматика 72.
Грамматическіе разряды словъ 32—33.
Грамматическое значеніе слова — см. формальн. знач. и форм. часть.
Грамматическое нарѣчіе 179, 317—321.
Грамматическое относительное подчиненіе предложеній 428—429, 430.
Грамматическое подлежащее—см. подл.
Грамматическое предложеніе 240—241.
Грамматическое сказуемое—см. сказуемое.
Грамматическое сказуемостное опредѣленіе 204—208.
Грамматическое сказуемостное сочетаніе 204—208.

Д.

Дательный падежъ 153, 163—164, 167—168, 325.
Двойное сказуемое 253.
„ управленіе 159.
Двойные падежи 174—176.
Двоякое управленіе 159.
Дополненіе **141—144**, 181—183, 188—190.
Дополненіе косвенное 160.
Дополненіе обособленное 266—267.
Дополненіе приглагольное **154—157**, 245, 382.
Дополненіе примыкающее 150—153.
Дополненіе принарѣчное 169.
Дополненіе пріименное 154—155, **163—168**, 382—383.
Дополненіе простое 144.
Дополненіе прямое 160.
Дополненіе сказуемостное 217—227.
Дополненіе согласующееся 175—176.
Дополненіе составное 144—147.
Дополненіе управляемое **150—153**, 156—157, 166.
Дѣепричастіе 34, **65—67**, 180, 280—282.
Дѣйствительныя причастія 209.

Ж.

Желательное наклоненіе 124.

З.

Зависимость въ отдѣльн. предложеніи 131—132, 148, 170—**186—187**.
Заимствованіе формальныхъ частей 24.
Залогъ 31, 33—34, 161.
Замѣна временъ и наклоненій 129.
Замѣстительныя слова и сочетанія 359—368.
Замѣщеніе взаимное прилагат. и существ. 57—61.
Звательная интонація 352—354.
„ форма 353.
Звательныя сочетанія 352.
Звуковыя измѣненія языка 13—17.
Знаменательные члены предложенія 347.
Значеніе слова 17—18, 72.
„ „ общее и частное 333.

И.

Измѣнчивость языка 13—29, 83—94.
Изъявительное наклоненіе **123**, 126.
Изъяснительные союзы 407—408.

Именительный падежъ 15, **120**, 242—244.
Именительный сказуемостный 221—226.
Имя **34**, 308.
Интонація, какъ синтаксич. признакъ **76—77**, 149, 204, 253—285, 289—290, 301—302, 339—340, 346, 387, 391, 394.
Инфинитивная связка 246—249.
Инфинитивныя неполныя предложенія 341—346.
Инфинитивъ **34**, **67—69**, 183—186, 246—252, **364—365**.
Инфинитивъ замѣстительный 318—321, 362—363.
Инфинитивъ сказуемостный 246, 362—363.
Исключительно-множественныя существительныя 23.

К.

Корень **7**, 27—28.
Корневые языки 78—81.
Косвенная рѣчь 408—412.
Косвенно-вопросительныя предлож. 427.
Косвенные падежи 141—142.
Косвенныя наклоненія 124.
Краткая форма прилагательнаго 204—207.

Л.

Лексикологія 72.
Лицо (въ глаголѣ) 31, 33, **129—130**, 132—134, 305.
Личные глаголы—см. глаг. личн.
Личныя существительныя и прилагательныя 134—135, 333.

М.

Междометіе 352.
Междометіе отглагольное 68, **366**.
Морфологія 71.
Мѣстный падежъ 75.
Мѣстоименные корни и слова 357—359.
Мысль **106—108**, 377.
Мышленіе до-языковое 107—108, 118, 373—377.
Мышленіе языковое 118—119, 192—193.
Мышленіе сверхъязыковое 117—119.

Н.

Названія-слова 358.
Наклоненіе 33, 54, **123—129**.
Нарѣчіе 34, 35—36, **64—65**.
Настоящее время 121—122.
„ „ расширенное 122.
Невозвратный залогъ 161.
Неграмматическое нарѣчіе **178—180**, 181—182, 321—322.
Неграмматическое обособленное опредѣленіе 278.
Неграмматическое обособленное приложеніе 177.
Неграмматическое относительное подчиненіе предлож. 429.
Неграмматическое подчиненіе предлож. 395.
Неграмматическое предложеніе 240—241, 242—244.
Неграмматическое приложеніе 177.
Неграмматическое сочиненіе предлож. 395.
Неграмматическіе члены предложенія 367—368.
Неграмматическія сказуемостныя сочетанія 206, 238—240.
Недостаточныя слова 22.
Независимыя предложенія 398.
Неопредѣленное наклоненіе 127.
Неопредѣленно - личныя предложенія 330—336.
Неполное сложное предложеніе 433.
Неполныя предложенія **112—113**, **114**, 312—315, 336—346.
Нераспространенное предложеніе 115.
Несинтаксическія формы **29—32**, 38, 127, 356—357.
Новообразованія (въ словарѣ) 23—24.
Новыя формальныя части 24—28.
Новыя формы сочетаній 83—94.

О.

Обобщенно-личныя предложенія 335.
Обособленные второстеп. члены 253—266.

Обособленные второстеп. члены съ подчинит. союзами 420—421.
Обособленные второстеп. члены съ сочинит. союзами 421.
Обращеніе 352—354.
Обстоятельство **178—183**, 350.
„ въ тѣсн. смыслѣ слова 178.
Обстоятельство независимое 280—282.
„ обособленное 278—280.
„ сказуемостное **227**—229.
„ усилительное 351.
Обще-отрицательныя предложенія 299.
Однородные члены **287—291**, 295 296, 376, 383.
Однородные члены съ подчинит. союзами 421.
Одушевленность, какъ синтаксич. категорія 163.
Опредѣленіе 169—177.
Опредѣленіе обособленное **267—274**, 276—278.
Опредѣленіе - существительное — см. прилож.
Опредѣленіе сказуемостное 200—214.
Опредѣляемое 170.
Опущеніе словъ 89—90.
Основа производная **7**, 19, 20, 27.
Основа непроизводная **7**, 19, 20, 27.
Основосложеніе **8**, 24.
Относительное подчиненіе предлож. 422—430.
Относительное сочиненіе предлож. 426.
Относительныя слова 424,
Отрицательная связка **236—238**, 241, 316.
Отрицательная формальная часть **5—6**, 9, 11.
Отрицательное сказуемое 245.
Отрицательно-обобщительныя предложенія 299.
Отрицательные члены 297.
Отрицательныя предложенія 296—299.
Отрицательныя частичныя слова 297.

П.

Падежъ прилагательнаго 30—31, 34.
Падежъ существительнаго 29—30, 90 92, 169.
Паузы 258, 290, 388—391.
Паузы соединительныя (союзныя) 387, 390.
Паузы раздѣлительныя 388—391.
„ синтаксическія 389.
Переносный смыслъ термина „форма“ 3—4, 71.
Періодъ 386—387.
Повелительное наклоненіе 124, 125, 126, 129.
Повелительныя предложенія 302.
„ частичныя слова 302.
Повѣствовательныя предложенія 302.
Подлежащее 115, 116, **119—120**, 217, 306, 336—338, 385.
Подлежащее обособленное 283—284.
Подлежащее психологическое **108—109**, 111—113, 115, 373—376.
Подражательныя звуковыя измѣненія 16—17.
Подчиненіе предложеній 392—394.
Подчиненное предложеніе 398—399.
Подчиняющее предложеніе 398—399.
Подчинительные союзы и союзн. слова 392—394, 403—430.
Полная форма прилагательнаго 25—26, 205—207.
Полное предложеніе **113—114**, 234, 235, 377.
Полныя слова 73—74, 347.
Порядокъ словъ 73, **76**, 152, **261—263**, 379, 383.
Послѣдовательность временъ **128**, 409—410.
Пояснительная интонація 259—261.
Пояснительные союзы 412—413.
Превосходная степень 34, 76, 228.
Предлогъ 74—75, **144—147**, 227, 348.
Предложеніе **111—114**, 377, 386.
Предложное нарѣчіе 348.
Предложный падежъ 146, 147, 164.
Представленіе 94—97.
„ простое 98.
„ сложное 98.
Придаточное предложеніе 398.
Прилагательное имя 34, **45—48**, 51—61, 63—64.
Приложеніе **170—173**, 176—177, 353.
„ обособленное **274—276**, 278.

BINDING SECT. JUN 10 1970

PG
2361
P37

Peshkovskii, Aleksandr Matveevich
Russkii sintaksis

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 16 20 12 12 022 9